

U $\frac{215}{200}$

КАМА И УРАЛЪ

Вас. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО

КАМА И УРАЛЪ

(ОЧЕРКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1890

Я былъ на Уралѣ въ 1875 году. Послѣ того, какъ слышно тамъ измѣнилось не многое. Провели желѣзную дорогу, строившуюся при мнѣ, но она не улучшила быта рабочихъ и положенія заводовъ. Напротивъ все, что приходилось читать объ этомъ краѣ за послѣднія десять лѣтъ, являлось для меня знакомымъ. Это тѣ же впечатлѣнія, тѣ же печальныя картины народной мощи, скованной невозможными экономическими условіями, исторически развившимися въ подземномъ царствѣ рудниковъ и копей. Русская литература съ тѣхъ поръ обогатилась прекрасными сочиненіями объ Уралѣ г. Мамина (Д. Сибиряка) и др. Смѣю думать, что и мои записки, въ свое время благо-склонно принятая критикою и читателями, — не устарѣли. Онѣ печатались въ Дѣлѣ, Историческомъ Вѣстникѣ, Русской Рѣчи и Русскихъ Вѣдомостяхъ — и теперь впервые являются собранными вмѣстѣ.

Авторъ.

I.

Лоцманъ Терентій.

Жарко такъ, что капитанская собака давно растянута у рубки лапами кверху и языкъ высунула. Чуть глядитъ и то какъ-то въ полглаза! Палуба пуста. Народъ точно смело. Кто подъ тентомъ корчится на узенькихъ скамейкахъ, заваленныхъ узлами, заставленныхъ сундуками, пестрыми ветлужскими ларчиками, какимъ-то кульемъ. Кто сползъ въ трюмъ и отводитъ душу въ прохладѣ, не смущаясь сосѣдствомъ бочекъ съ нефтью и какихъ-то затѣйливыхъ посудинъ съ ворванью, кто къ матросамъ въ каюту забрался. Только двое татаръ подставляютъ солнцу свои, расшитыя золотомъ, тюбетейки, да красно-уфимскій мулла засидѣлся на кормѣ, точно наблюдая: какіе узоры бѣлой пѣны разводять на водѣ колеса быстро бѣгущаго парохода. Татаръ, видимо, проняло. Потъ такъ и льетъ, лица раскраснѣлись, глава жмурятся. Рубаха на груди растегнулась, ноги босы. Затылки, должно быть, подъ солнцемъ накалились, какъ мѣдныя кострюли на очагѣ.

Вообще парить такъ, что даже матросы словно замерли. Едва ноги передвигаютъ, на что ужъ народъ привычный.

— Жара, точно въ Якутскѣ, замѣчаетъ капитанъ.

Это высокій парень съ громадными лапищами и горломъ, кажется, только для того и созданнымъ, чтобы до смерти оглушать остальное человѣчество. Другой такой экземпляръ развѣ между архіерейскими протодьяконами найдешь. Грудь — колесомъ, глава выкатились, точно треснуть хотятъ, борода и волосы, должно быть, гребенки не вѣдали и не вѣдаютъ. Лицо — изъ самага прочнаго выростка.

— Экъ вы хватили, — въ Якутскѣ! лѣнливо замѣчаетъ кто-то.

— А вы думали Сѣверъ, Сибирь? Да тамъ лѣтомъ такое тепло, что народъ по ночамъ сѣно косить. Я тамъ двѣнадцать лѣтъ пробылъ, — мнѣ-ли не знать?

На рубкѣхъ подъ тентомъ попрохладнѣе; къ тому-же наверху: отъ движенія парохода вѣтромъ обвѣваетъ. А все-таки жарко.

— Чортъ этихъ дамъ носить сюда! негодуешь капитанъ.

— А что?

— Разоблачился-бы по простотѣ души, да и только. Въ одномъ бѣльѣ — разчудесное дѣло. Вы думаете легко съ утра выстоять?

Я полагаю, что и дама, бывшая наверху, рада-бы разоблачиться. Раскисла вся, беспомощно переводитъ глаза съ одного на другого, даже пальцы врозь разставила — авось попрохладнѣй будетъ. По образу и подобію толстыхъ коровъ фараоновыхъ сложена. Изъ плеча — окорокъ выкроишь, шея — точно у здороваго ребенка, вся складками, щеки — будто флюсомъ раздуло.

— Вы-бы, сударыня, внизъ сошли? убѣждаетъ ее капитанъ. — Въ каютѣ теперь чудесно.

— Душно тамъ... моченьки моей нѣтъ... Опять-же и офицеръ.

— Какой офицеръ?

— Да Богъ его знаетъ, откуда такой безстрашный появился. Пугаетъ. Только у него и разговору, что о скоропостижной кончинѣ. И то я ему графинъ водки выпила.

Такъ ее и оставили въ покоѣ.

На небѣ ни одинаго облачка. Серебряныя искры чаекъ тонуть въ яркой синевѣ. Волга стелется такою-же синью, по которой звѣздятся и рѣжутъ глава солнечные блики. Устаешь смотрѣть. Соломенные кровли деревушекъ на правомъ берегу — точно золотыя стоятъ. Церкви такъ и вырѣзаются на верхушкахъ холмовъ. Зеленыя облака яблочныхъ садовъ къ самой водѣ сползли и смотрятъ въ ея прозрачную поверхность.

На перерѣзъ бѣжитъ пароходишко, — облѣзлый, ошмарканый.

— Тоже парходомъ зовется. Поросенокъ!

— А что?

— Ни кожи, ни рожи... А капитаномъ тамъ клоунъ служить. Того и гляди — утопить.

— Кто-же опредѣлилъ такого?

— У нихъ въ обществѣ все такъ. Наборщики есть... Богомазь суздальскій, отставной трубачъ... А этотъ прежде въ циркѣ Морозова состоялъ — не понравилось, пошелъ на пароходъ капитаномъ. Тоже командуетъ! Начальство увеселяетъ. Съ рубки внизъ турманомъ порхнеть и налету перекувырнется. А то голову между ногами просунеть и ходить такъ по палубѣ. Ремесло свое забыть не

хочеть — все хлѣбъ на случай. Кто дѣло знаетъ — прочь отъ нихъ бѣжитъ. Эдакаго командира навяжутъ!

— А у васъ такого нѣтъ? вступается дама.

— Клоуна-то? Господь храниль.

— Жаль... Я-бы посмотрѣла. Все пассажирамъ удовольствіе. У насъ мировой посредникъ одинъ — шпаги глотаетъ — первый гость! Всѣ его за это уважаютъ, а и чловѣкъ-то пьяница!

Волга передъ Камой не особенно широка. Устье близко. То и дѣло на насъ надвигаются караваны съ желѣзомъ изъ Лаишева, куда оно сплавляется на ярмарку съ верховьевъ Камы. Изъ Лаишева спускаютъ желѣзо по теченію на баркахъ, которыя у устья ждуть кабестанныхъ пароходовъ, доставляющихъ вверхъ по Волгѣ зги грузы на Макарьевскую...

Вонъ одно такое громадное чудовище, съ двумя забѣжками, ползетъ прямо на насъ. Черное все, точно изъ трубы сейчасъ, грязное. Два маленькихъ пароходика-забѣжки, точно собаченки, снуютъ передъ нимъ. То одинъ завезетъ канатъ впередъ съ якоремъ. Сбросить его — другой конецъ каната на кабестанѣ. Паровая машина, что неистова пытитъ тамъ, наматываетъ его на валъ или воротъ — надвинется, такимъ образомъ, кабестанъ на якорь; другая собаченка-забѣжка уже вытянула впередъ второй канатъ съ якоремъ... Такимъ образомъ, медленно ползетъ впередъ это черное чудовище, влача за собою десять, либо двѣнадцать пузатыхъ барокъ съ какими-то пестрыми пѣтушками на коротенькихъ штокахъ. На палубахъ барокъ сѣрый людъ толпится кучками.

— Нѣтъ бѣднѣй этого народа.

— Почему?

— А вотъ до ярмарки дойдетъ — домой пѣшкомъ, хри-

стовымъ именемъ питаюсь, вернется и, въ концѣ-концовъ, еще хозяину долженъ останется. Зимой опять хлѣбъ понадобится: коли хозяинъ не дастъ — помирай... Кабала! Самое это рукомесло подлое!

Чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ безобразныя массы кабестановъ чаще и чаще попадаютъ на встрѣчу. А у самага берега — баржи съ солью привалили и стоятъ, — парходовъ ждутъ.

— Соль-пермячка! Поди любимовская?

— Кокоревъ нонѣ тамъ орудуеть; всѣ заводы подь свою руку съ Губонинымъ они забрали!

— Ничего, на ярманку все свалять.

Рубка мало по малу пустѣла.

Убралась внизъ дама, напуганная офицеромъ, убрался и капитанъ, благо фарватеръ здѣсь извѣстный.

— А это про народъ они правду говорятъ!

Оглядываюсь. Оказывается, безсловесный, до сихъ поръ, лоцманъ заговориль.

— А что?

— Да голѣ этихъ судовщиковъ, поди, и татарскаго байгуша (нищій) не найдешь. Точно, что мрутъ.

— Что же, другою дѣла нѣтъ у нихъ?

— Какъ не бывать — есть. Сторона у нихъ заводская привольная... Да они по Чусовой живутъ!

— Такъ что-жь изъ этого.

— У нихъ такъ: кто на какой рѣкѣ осѣлъ, у того и промыселъ такой. На Чусовой — все судовщики, ну, эти и питаются отъ барки! Которые изъ нихъ настоящіе хозяева, кондовые, тѣ сами строятъ, а эти въ бурлакахъ бѣгають.

— Хлѣба цѣльнаго не видять, замѣтилъ лоцманскій ученикъ, стоявшій по другую сторону рулеваго колеса.

Я только теперь обратилъ вниманіе на нашего жожака.

Такъ-себѣ, небольшого роста, невзрачный мужиченко... Лицо сѣрое и самъ сѣрый весь... подслѣповатымъ кажется даже. Только потомъ замѣчаешь, какъ неотступно и зорко высматриваетъ онъ впередъ. На близкое разстояніе и не глядитъ — это привычка у него. Заговорите съ нимъ со стороны, онъ повернетъ къ вамъ лицо, а самъ все-таки черезъ вашу голову или мимо вдаль смотреть, куда-то въ синь, въ воздухъ. И все глаза прищурены... Большею частью молчитъ, но если и разболтается — слово само собою, а глаза и руки свое дѣло дѣлають.

— На свѣтѣ нужи много! — А рука повертываетъ колесо и брови хмурятся; видимо, измѣненіе фарватера замѣтиль.

— Не избыть ее! — Колесо въ противоположную сторону. — Кому это въ диковину, а нашему брату, рабочему человѣку, сплошь таково-то живется.

И опять прищурился прямо въ ослѣпительно-сверкающую солнечнымъ блескомъ излучину. Трудно даже уловить цвѣтъ его глазъ, хоть и блестятъ они сквозь полусомкнутыя рѣсницы.

Ночью или днемъ — онъ одинаковъ. Волга каждый годъ мѣняетъ свой фарватеръ, Кама еще капризнѣе; а лоцманъ идетъ увѣренно, почти не ошибаясь, — тутъ нужна чуткость дикаря американскихъ пустынь. Гдѣ сегодня пароходъ прошелъ свободно, въ слѣдующій рейсъ — песчаный переваль подъ водой, обмелѣтъ любое судно. Лоцманъ все замѣчаетъ, по цвѣту воды, по зыби на ней, по желтоватымъ пятнамъ. Все ему сообразить надо: какіе вѣтра за это время дули, куда воду несли, сколько воды было и какъ она падаетъ. Началась мель — слѣди за ней каждый разъ: на сколько она наростетъ, въ какія сто-

роны забрасывает свои песчаные языки, а если косой прямо въ русло вы́хала — какъ далеко остріе этой косы легло и въ какомъ направленіи. Новое теченіе себѣ рѣка прорываетъ — никому это невѣдомо, а лоцмана не обманеть. Дно — онъ точно ладонь свою видитъ, всѣ выпуклины, гребни, морщинки на немъ ясны ему до того, что, умѣй онъ взять въ руки карандашъ, начертить бы вамъ безошибочно. Нынче вонъ подъ берегомъ словно быстрѣе рѣка бѣжитъ — онъ уже высматриваетъ это теченіе, опредѣляетъ его предѣлы, силу... Значить къ серединѣ мель будетъ, если вода сюда такъ яро ударила. Между двумя желтоватыми пятнами на водѣ голубая лента, извилистая; слѣди за ней, это — фарватеръ. А то и вся вода синя однообразно, да подъ самымъ носомъ парохода морщинки на водѣ чего-то трепещутся. Опасность — тутъ мелко, нужно мѣнять ходъ. Знай, каковъ колоритъ въ туманные и солнечные дни! Да днемъ-то ему еще съ полагоря. А вотъ ночь придетъ, да еще безлунная, беззвѣздная... Зорко онъ оглядываетъ берега.

— Они инстинктомъ берутъ! серьезно сообщалъ мнѣ старикъ, лѣтъ сорокъ плавающій по Волгѣ. — Удивительно какъ чутье развито у нихъ. Бывали такія ночи на Камѣ: вверху и внизу чернеть хоть глазъ выколи. А мели вездѣ новыя, потому засуха, вода быстро падаетъ; самъ знаешь, что поперегъ рѣки перекаты. Что-жь бы вы думали — ничего не задѣнетъ, цѣль пройдетъ.

— Терентій! ты, должно быть, чорту душу продалъ! попробовалъ было пошутить пассажиръ одинъ съ нашимъ лоцманомъ.

— Экъ у тебя, точно почтовый колоколець, языкъ невѣсть что мелеть!.. Развѣ можно лоцману про чорта поминать, а какъ онъ меня сомуцать начнетъ? Васъ же

напорю на перекасть. Уйди ты, Христа ради. А то за капитаномъ пошлю, чтобъ онъ тебя внизъ уволокъ. Нашего дѣла не знаешь. Тутъ не во-время глазомъ мигнулъ — и пропало судно. Мелево несурзное!.. обидѣлся онъ.

— Ты думаешь, мы такъ, на-уру, полземъ? уже потомъ, успокоившись, объяснялъ онъ. — Сами глядимъ да примѣчаемъ, да постоянно у Господа Бога про себя откровения просимъ, чтобы Онѣ, всемогущій, ангела своего послалъ — народъ да хозяйскую посудину эту въ цѣлости соблюсти. Это, братъ, дѣло святое. На этотъ промыселъ идти нужно съ молитвой, а ты про чорта бухнулъ!

Прибавьте, какую память нужно имѣть лоцману, чтобы за зиму не забыть двухъ или трехсотъ опасныхъ мѣстъ, да не только самыя мѣста, но и очертанія ихъ, и береговья выпуклины, всякое угодые, по которому можно сообразить о дальности или близости опаснаго пункта. Въ большинствѣ случаевъ (по крайней мѣрѣ камскіе лоцманы) лоцманъ не грамотенъ, записывать ему некогда, да и не можетъ; все само должно уложиться въ головѣ. Какое напряженіе вниманія!

— Тутъ ничего нельзя забыть. Вонъ этотъ рубчикъ, взмахнулъ онъ головой на полосу лѣса по одному изъ береговыхъ склоновъ, — пропустилъ — и на перекасть напоролся. А въ верстѣ отсюда дерево есть, грозой его попортило, тамъ тоже мель, махонькая самая. А вонъ тамъ большой камень у воды — тоже примѣта наша.

Чуть только что-нибудь сомнительное, лоцманы приостанавливаетъ ходъ. Пароходъ начинаетъ идти тише и тише, пока впереди матросы шестомъ мѣряютъ воду. Но вотъ дно все глубже и глубже, опасность прошла.

— Скорый ходъ! командуетъ капитанъ сквозь трубу, проведенную въ машину.

И лоцманъ опять впивается въ даль, высматривая тамъ новыя опасности.

— Наша жизнь самая скучная, самая неприглядная. Намъ лѣтомъ даже водки выпить нельзя.

— Такъ и не пьете?

— Такъ и не пьемъ. Потому — въ ней бѣсъ. Зимой за то отводимъ душу. Мы больше изъ Работокъ. Такое село на Волгѣ есть, слыхалъ-ли?

— Какъ-же, былъ тамъ.

— Лѣтомъ?

— Да.

— Это что! Ты къ намъ зимой приѣзжай, тогда весело. Лѣтомъ однѣ бабы у насъ, да малыя дѣти. Кто въ судовщикахъ, кто въ лоцманахъ, кто на пароходахъ матросомъ. Всѣ врозь. А зимой съ деньгами ворочаются, зимой пиры въ Работкахъ. Баба — и та пьяная ходитъ.

— Неужели у васъ бабы пьютъ?

— А для ча ей не пить? Дѣвка — и та веселѣй съ вина, а баба должна съ мужемъ въ согласіи жить. Мужъ пьетъ — и она пей. А лѣтомъ намъ не разгуляться. Одно слово, женатъ, а по пяти мѣсяцевъ бабу свою не видишь.

— За то другіе теперь около нея! пошутить кто-то.

Лоцманъ только умѣхнулся.

— Нѣшто она не человѣкъ? пояснилъ онъ немного погодя; — ей тоже требуется. Главное дѣло — зимой, чтобы хвостомъ не виляла. А лѣтомъ — сколько хошь; мы за это не въ обидѣ, тоже люди вѣдь.

— А какъ дѣтей нанесетъ?

— Еще и того лучше, все работники въ домъ. Дѣти по матери вѣдь. Давай Богъ поболѣ такихъ батрачковъ. Выкормить у насъ есть чѣмъ, хватить, а выростетъ —

насъ кормить станеть. На это мы добры. У насъ бабѣ лѣтомъ слободно. Въ Работкахъ бабу за ехидство бьютъ, ну а за это — николи.

— А безъ битья нельзя?

— Обычай такой держится. И то хорошіе хозяева не бьютъ. А которые бѣдные, тѣмъ одна утѣха.

Терентій съ собою постоянно таскаетъ сына.

— Къ своему ремеслу приучаю.

Я присматривался къ этому приучиванью — и не разъ изумлялся. Дѣло въ томъ, что отецъ ничего не объясняетъ мальчику. Тотъ только по-собачьи въ глаза смотритъ Терентію, да когда лоцманъ повернетъ колесо, мальчуганъ слѣдитъ, на что въ данную минуту обращено вниманіе отца. Берега примѣчаетъ, запоминаетъ ихъ очертанія, съ рѣкою роднится.

— Само ему въ голову вложится. Разовъ сотню пройдетъ — и готовъ лоцманъ.

Оно такъ и выходитъ, — само вкладывается.

Лоцманъ превосходно знаетъ все, что находится у самага берега. Деревушка ли высыпала къ водѣ, хуторъ ли чей, заводъ или просто лѣсная усадьба. Онъ и назоветъ вамъ ихъ, и оцѣнитъ, и расскажетъ. Но чуть подальше отъ берега, хотя оно и на виду, — его не спрашивайте, навѣрное не знаетъ. Такъ напримѣръ, мерещутся у «край-воды» двѣ избенки, — соломенные кровли, лодка на песчаную понизь вытащена, даже дворовъ нѣтъ.

— Вонъ онъ Мальчухинскій поселокъ стоитъ! Рыбкой народъ промышляетъ, стерлядей ловятъ... Бѣдно живутъ.

— А это что, спустя нѣсколько минутъ, указываю я на сверкающее главами многочисленныхъ церквей своихъ большое село, верстахъ въ шести отъ берега.

— Это?.. А и впрямь село! — Точно онъ въ первый разъ увидѣлъ его. — Этого не знаю.

Какъ копируетъ своего отца мальчонке; даже смотрѣтъ учится также, какъ тотъ. Щурится, черезъ головы глядитъ, все вдаль наровить разсмотрѣтъ. И важность напускаетъ на себя до смѣшнаго. Не улыбнется, а о шалостяхъ, разумѣется, и не подумаетъ.

— Ишь какой лоцманокъ у меня! хвастается отецъ.

А тому это даже и не лестно. Серьезнѣйшимъ образомъ слѣдитъ онъ за ходомъ судна. Развѣ только замѣтитъ порой:

— Анюткинъ воложокъ правѣй нонѣ сталъ.

Всматривается отецъ.

— И то правѣй... Ишь сколько земли навалило.

— Допрежь вонъ у того дерева шоль.

— Вѣрно... А теперь у дерева песокъ... Льдомъ другой берегъ прорѣзало, туда и пошло... Мягче.

И опять молчаніе. Главное, никакихъ указаній. Примѣръ отца передъ глазами. Всматривайся и самъ соображай, почему онъ дѣлаетъ то или другое. Въ шестнадцать лѣтъ этого мальчугу уже на рѣчное судно парусное поставятъ въ помощники лоцману, а года черезъ три изъ него заправскій лоцманъ выйдетъ. Нѣкоторые, наиболѣе осторожные лоцманы изъ молодыхъ, первый рейсъ по Камѣ или Волгѣ каждый годъ «шестомъ проходятъ», т. е. пароходъ на каждомъ шагу мѣряетъ воду и подвигается медленно. Но и эти всѣ измѣренія запомнить такъ, чтобы уже не прибѣгать къ шестамъ — дѣло трудное и для насъ невозможное.

— Эка Волга пустынная теперь какая, что значить ярмарка далека, ни одного судна не видать! замѣчаю какъ-то я.

— Какъ не видать! Вонъ Колчинскій пароходъ бѣжитъ, да три баржи за нимъ, а позади и еще — Самолетскій по-
пыхиваетъ.

Всматриваюсь и прихожу къ убѣжденію, что Терентій просто-на-просто мистифируетъ. Волга чиста, ни клубка дыму на ней, ни черточки какого-нибудь судна.

— Ничего нѣтъ! увѣренно подтверждаю я... Еще бы не подтверждать, когда прозрачно синій горизонтъ такъ ясенъ.

— Да, вонъ... Чего вы, гляньте!

Спустя минутъ пять, дѣйствительно вдали замерещилось что-то, точно запятая, приближающаяся къ намъ хвостомъ вверхъ. Это и оказывается Колчинскимъ пароходомъ со струей чернаго дыма, выбрасываемой имъ. А потомъ Самолетскій пароходъ показывается въ видѣ второй запятой на прозрачномъ небосклонѣ. Подбѣжалъ ближе Колчинскій пароходъ; дѣйствительно три баржи за нимъ тянутся, повѣивая въ воздухѣ красными флагами и стройно рисуясь на синевѣ Волги. Только разведешь руками. Не только чело-
вѣкъ различилъ вдали пароходъ, но и разобралъ его примѣты, сказалъ, кому онъ принадлежитъ. Зоркость необы-
чайная и для меня во всякомъ случаѣ непонятная.

— Ему и бинокля не надо? сообщаетъ капитанъ.

Лодка ли у берега, корга ли чуть-чуть колышущаяся въ непроглядной дали на волнахъ — все замѣчалъ Терентій. Мальчикъ точно также вырабатывалъ дальновзоркость, всма-
триваясь постоянно въ отдаленные изгибы береговъ.

II.

Бичь лѣсовъ.

— Эге... въ Юнгѣ-то видно угостился... Ишь тебя шагаетъ какъ.

— Не замай... Ты капитанъ — твое дѣло на рубкѣ сидѣть, а я къ тебѣ въ каюту пойду, доспать надо... Сколько день все доспать не могу.

— То-то тебя Юнга ушибла.

— Что такое Юнга? спрашиваю я.

— Вторая Москва у нихъ. На устьѣ Ветлуги село большое; тамъ пристань лѣсная. Тамъ рабочаго люда этого скопляется — что комара на болотѣ. Туда же и бабы съѣзжаются версть за сто. Рабочіе здѣсь расчетъ получаютъ, гуляютъ на радости, если хозяева ихъ не обидѣли, а обидѣли хозяева — съ горя пьютъ; ну и бабы около нихъ кормятся. Юнга — это рай для бурлаковъ и прикащиковъ. Ну, вотъ тебѣ ключъ, ступай ко мнѣ — отсыпайся! обратился онъ къ новому пассажиру.

Это было нѣчто вродѣ кабестаннаго парохода — въ образѣ человѣческомъ. Атлетъ. Плечи — косая сажень, брюхо

на вынось, голова громадная, борода — гущины необычайной и по поясъ; руки покрыты сплошь бородавками и мозолями. На немъ армякъ, сапоги, отъ которыхъ дегтемъ несеть за версту, рубаха на груди разстегнута, за то голая шея повязана красною орденскою лентой и на лентѣ золотая медаль красуется. Судя по цвѣту ленты, минотавръ этотъ съ нею никогда не расстаётся. Даже закрутилась вся, какъ веревка.

— Хорошъ экземпляръ? обратился ко мнѣ капитанъ. — Сермяга вѣдь, а милліонами ворочаетъ. Медалью величается, а чистой рубахи въ рабочую пору не надѣнетъ!..

— Кто же это такой?

— Истребитель лѣсовъ.

— Лѣсопромышленникъ?

— Называйте его, какъ хотите, а онъ на своемъ вѣку мало-мало тысячь двѣсти десятинъ лѣсу перевелъ, да недавно у башкиръ вотъ еще тысячь пятьдесятъ на срубъ купилъ. Всю жизнь свою только и дѣлаетъ, что рубить. А вѣдь простымъ дровосѣкомъ былъ; у знаменитаго богача купца Бакаева въ работникахъ жилъ. Только пять лѣтъ тому назадъ азбукѣ выучился, а писать и по сю пору не умѣетъ. «Мнѣ, говорить, цифра нужна, — а на грамоту мнѣ плевать. Ты меня въ цифрѣ не обмани». По Камѣ не мало такихъ притоновъ, которые этотъ бичъ обезлѣсилъ. Онъ одинъ натворилъ здѣсь зла больше цѣлаго поколѣнія другихъ лѣсопромышленниковъ.

— Какъ же онъ разбогатѣлъ? Отъ дровосѣка, получающаго тридцать копѣекъ въ день на своихъ харчахъ, до милліонера путь очень великъ.

— Тутъ какая-то исторія была. Одни говорятъ, что, выкарчивая дерево съ корнемъ, кладъ нашелъ. Вѣдь вся здѣшняя сторона кладами богата. Понизовые разбойники,

вольница Закамская, то и дѣло добычу въ землю зарывали. Оно и немудрено найти кому-нибудь случаемъ. А другіе про него говорятъ, будто онъ просто раскольника-купца, пробиравагося въ скитъ лѣсными тропами, подстерегъ да и убилъ. Только онъ сразу началъ и шибко. То и дѣло, что дачу за дачей покупаетъ, да валить лѣсъ. Даже у него ненависть какая-то къ лѣсу пошла. Вы потолкуйте-ка съ нимъ. Вонъ онъ назадъ идетъ.

Чудище дѣйствительно подымалось на рубку. Лѣстница подъ нимъ скрипѣла и стонала, точно живая.

— Парить у тебя въ каютѣ еще пуще!.. Тутъ на легкомъ воздухѣ лягу на скамѣчку.

— А какъ дама выйдетъ?

— Я съ нея воли не снимаю и она съ меня тоже. Ляжь она — рази я что скажу?

— Я вотъ пассажиру про тебя рассказываль.

— Что ты сказать можешь, какой у тебя разумъ? Меня понять мудрено братъ.

— Ишь ты медаль вывѣсилъ, да и величаешься.

— Медаль?.. Ты думаешь, я для бахвальства?.. Эхъ, ты!.. Я, самъ, баринку, расскажу про это. По нашему лѣсному дѣлу хорошаго платья носить нельзя, потому я и съ топоромъ, я и въ болотѣ по колѣно. Сплю, гдѣ Богъ положить! Купцомъ не одѣнешься. А серягу надѣлъ — всякій норовитъ тебя ткнуть куда ни попало, особливо начальство. У насъ сторона дикая, глухая, ну, и начальство у насъ не какъ у прочихъ, а старое, дикое. Такого, поди, на Волгѣ не найдешь?.. Ну, а повѣсилъ я медаль — знаютъ, кто я таковъ. И полѣсовщикъ всякую мнѣ льготу предоставит, ну, и отъ другихъ мнѣ обиды нѣтъ, все же я какъ будто чиновникъ выхожу. Все же — языцы разумѣйте!

— Неужели вы сами работаете?

— Самъ — вездѣ. Рабочихъ тоже держу, одному со всѣмъ не справиться, и самъ съ ними работаю. У насъ дѣло веселое, хорошее, любое! Свалилъ дерево — обтешил его, обтесалъ — сволоки на сплавъ, до рѣки добрался — вяжи плоты въ водѣ. И все-то тебѣ свѣтло кругомъ, да радостно. Самъ знаешь — лѣсъ валишь, добро дѣлаешь.

— Это какъ-же! изумился я.

— А рази не добро. Что лѣсъ? царство нечисти всякой, сказано — трущоба, дебрь! Кто въ лѣсу живетъ? звѣрь дикій, человѣку непотребный, злое племя живетъ. Дьяволъ въ лѣсу крещеную душу смущаетъ пуще, чѣмъ въ полѣ. А сколько зла въ ней, въ чащѣ зеленой творится. — И лѣсо-промышленникъ даже нахмурился. — Смертное убойство, грабежъ, воровство всякое. Притоны тамъ злодѣю уготованы, бѣгляки ходятъ, ножи точатъ. По трущобамъ, да чернолѣсьямъ всякій разбой таятся. Что его жалѣтъ лѣса-то!.. То ли дѣло нивка, она божья. Гладко тебѣ, чисто, куда не взглянулъ — все точно на ладонькѣ. Нивка — она откровенная, она тебѣ всю округу оказываетъ. Степь то же — тамъ никто не притаится. Всякаго издали видишь, какой онъ человѣкъ. Лицомъ къ лицу не подойдетъ къ тебѣ незнамо, нежданно. Да и красота, какъ понизь ровная тебѣ разстелится; богатство, коли Богъ хлѣба послалъ. А лѣсъ! слыхаль присловье наше: лѣсъ темнѣй — бѣсъ сильнѣй. Вотъ оно, что умные-то люди говорятъ.

— А сколько зла отъ лѣсоистребленія вашего.

И я пустился было ему доказывать это.

— Вонъ оно! Умнѣй Бога хотятъ нонѣ быть. Богъ за грѣхи наши посылаетъ намъ голодъ да холодъ, чтобы мы опомнились, да къ нему Милосердому прибѣгли, а ты лѣсъ. Лѣсъ на потребу человѣку данъ, что-жь его не рубить. И дѣло, тебѣ говорю, веселое. Иной разъ на всю округу

одинъ стоишь — рубишь. Вдаришь ты разъ, точно съ тобой весь лѣсъ заговорить, каждое дерево тебѣ отзовется, чувствуетъ оно, что на добро ты его валишь. Храмъ божій изъ него воздвигнуть, либо жилье какое, а то на согрѣву челоуѣческой немощи!.. А то Бога перемудрить хотять. Нѣтъ, братъ, Его умнѣй не будешь. Что Онъ деетъ, то и будетъ. Древлѣ, вонъ, сказывали по лѣсамъ идоловъ ставили, что лѣсъ, что капище — все одно значить. Что-жь жалѣть его по-твоему?..

— Онъ и зиму и лѣто въ лѣсу, рассказывали мнѣ про него потомъ, — жену и дѣтей бросилъ совсѣмъ. Раза два въ годъ наѣзжаетъ. Съ недѣлку проживетъ и опять на промыслъ. Семья у него крестьянскаго обихода держится. Такая же изба, только что развѣ побольше, хлѣбопашество, жена сама косить, дѣти тоже къ мужицкому дѣлу привыкають. Вся округа у него въ кулакѣ зажата. Всѣ-то ему должны, процентъ платять, работаютъ на него даромъ. Онъ даже сыновей своихъ въ школу не посылаетъ.

— Какъ такъ?

— Не нужно, говорить. «Я и безъ грамоты деньги нажилъ, а вы съ грамотой только проживете ихъ». Теперь жена тайкомъ стала сынишку къ дьячку посылать, что же бы вы думали, узналъ — такъ отгаскалъ ее за волосы, да еще при всемъ честномъ народѣ; съ тѣхъ поръ она полно о грамотѣ думать. А дочку свою въ институтъ свезъ.

Отъ удивленія я переходилъ къ удивленію.

— Въ годъ за нее тысячи по полторы платить. Пусть говоритъ, всѣмъ наукамъ обучена будетъ, и по-французскому. А потомъ я ее въ деревню возьму, пушай-де образованная да передъ мужикомъ-дуракомъ поклоняется. Мнѣ, что, говоритъ, надъ вами величаться, вы народъ темный, а я надъ ней надъ барышней величаться начну — это лестно!...

— Вонъ казенный снарядъ идетъ! указали мнѣ на барки съ флагами.

— Какой казенный?

— А изъ пермскихъ заводовъ бомбы, гранаты. Ихъ съ Чусовой такъ безъ перегрузки и волокутъ до Нижняго.

— Близка наша Кама-матушка, кормилица богоданная!

Берега точно принижались. Лѣвый берегъ Волги совсѣмъ къ водѣ припаль. Весь песчаными понизьями на солнцѣ золотится. Бѣлая полоса пѣны, точно серебряная кайма у золотого поля. Кое-гдѣ — облако роши далекой. И направо сплошь зеленѣеть нагорье. Если не лѣсъ, на который новый пассажиръ алчно заглядывается, такъ сады внизъ сползають. А парить еще круче. Жара даже татаръ загнала въ каюты.

III.

Старатеьница.

Село Богородское!..

Золотыя шапки соломенныхъ кровель — по всей горѣ; улицы прямыя, точно стремглавъ внизъ сбѣгають. Большая церковь посреди села. Кругомъ (должно быть, день базарный) черныя точки лошадей и телѣгъ; много такихъ черныхъ точекъ. Народъ внизу на берегу кишмя - кишить. Какой-то бѣлый пароходъ американскаго типа присталь туда. Точно вилла на водѣ съ галереями и балконами кругомъ. Десятки мелкихъ лодченокъ чертятъ по Волгѣ. Еще два-три поворота колесъ, и серебряная полоса великой сѣверной рѣки передъ нами — откроется во всей красѣ своего спокойнаго приволья.

Синѣя уходятъ назадъ каменные обрывы праваго берега. Волга ширится вдругъ. Нѣсколько островковъ на-лѣво, усѣянныхъ чайками-мартышками, точно искры вспыхивають тамъ. Каму не видать за длиннымъ песчанымъ мысомъ. Только мачты судовъ двигаются за нимъ, точно эти суда по землѣ ползуть къ Волгѣ. Тамъ и вдали за понизью все

течете Камы мачтами этими означено. А плотовъ, плотовъ лѣсныхъ — видимо-невидимо. Изъ Камы еще новые и новые ползуть, тихо, лѣнливо, скользя по серебряной глади. И всѣ они съ рогожными навѣсами, подъ которыми также тихо и лѣнливо дѣлаютъ свое дѣло ободранные, неприглядные плотовщики. Вонъ одинъ такой плотъ ползеть себѣ, а на немъ единственный плотовщикъ, да и тотъ подъ навѣсомъ лапотъ плететь. На другомъ, подъ такой же рогожей на шестахъ, раскинулся, подославъ подъ себя армякъ, рабочий — въ чемъ мать родила. Бронзовые мускулы смуглаго тѣла такъ и обрисовываются. Рядомъ большой рыжій песъ валяется; съ какого-то плота дымокъ поднимается, — кашу варятъ бурлаки. А тамъ подальше цѣлая семья — двухлѣтній ребенокъ безопасно бѣгаетъ, не боясь на каждомъ шагу свалиться въ воду. Мать дремлетъ себѣ подъ лучами жгучаго солнца. А ребенку, видимо, весело и привольно; — онъ смѣло скользитъ своими тонкими ножками по брусьямъ, рискуя ежеминутно нырнуть въ воду... Вонъ баржи съ солью. Пусто тамъ; весь народъ на берегъ ушелъ и развалился на пескѣ, подставляя солнцопеку и безъ того обожженные лица.

Очень красива сбѣгающая внизъ по рѣкѣ изогнувшаяся линия плотовъ. На каждомъ Вятскомъ великанѣ-бревнѣ играетъ солнце; есть что-то праздничное, свѣжее во всемъ этомъ. Такъ и кажется, что до тебя доносится смолистый запахъ лѣса. Воды Камы, когда вступаешь въ нее, полнѣе верхнихъ водъ Волги. Медленно и спокойно струится она, точно убаюкивая суда, среди своихъ зеленыхъ понизей. Оглянешься назадъ, синими сливающимися тонами уже выступаютъ обрывы волжскаго берега, а дальше переходятъ въ лиловую кайму, на которой темными пятнами разбросаны села. Богородское сбилось въ одну кучу и чѣмъ дальше

уходили мы, тѣмъ все тѣснѣе и тѣснѣе сдвигаетъ оно ма-рево своихъ избъ. Синіе и лиловые тоны ложатся все гуще и гуще — пока вся эта украйна не охватываетъ горизонта позади однообразною полосой.

Отличительный характеръ пейзажа — спокойствіе, ничѣмъ невозмутимое. Берегъ пока низменъ. Мы идемъ по главному камскому устью. Направо и налѣво рукава; то они блеснутъ на солнцѣ яркой излучиной, то снова спрячутся, и только мачты да караваны мелкихъ судовъ видны на нихъ. По зеленой понизи теплются отраженными солнечными лучами крохотные, чуть замѣтные, но свѣтловодные заливы, гдѣ остались еще слѣды половодья. Озерки, точно клочки голубаго неба, разбросаны по луговинамъ. Попадетъ такое озерко на песчаную понизь — точно пятно лазоревой эмали на золотѣ.

Вѣтромъ потянуло, холодкомъ, среди недвижнаго доселе пекла повѣяло. Такъ и дрогнули всѣ отъ радости.

Сѣверомъ пахнуло!.. Дышется легко. Сразу крѣпче себя чувствуешь. Даже гдѣ-то пѣсня вспыхнула.

И дѣйствительно, отсюда уже тянутся широкіе пути въ тьму и холодъ — на полуночь. Опять Сѣверъ — и привѣтствуешь его въ лицѣ этой великой рѣки, этой становой жилы, разносящей жизнь въ глухія бездорожья его величавыхъ пустынь. И рвешься туда, въ еще непосѣщенные захолустья. И чудится тамъ что-то сердцу милое, точно голосъ друга кличетъ оттуда.

И названія встрѣчныхъ пароходовъ говорятъ о новомъ краѣ.

— Вонъ, смотрите, «Тагиль» — буксируетъ внизъ баржи съ солью. Ихъ всегда легко узнать. Глубоко баржа въ водѣ сидитъ — значитъ солью нагружена.

— А вонъ «Сибирякъ» — пароходъ на-встрѣчу намъ.

Мелькнули мимо еще баржи съ вагонами, которые буксируются въ Пермь, для горнозаводской дороги. Мы скоро ихъ оставили далеко за собою. Нѣсколько рыболовныхъ лодченокъ точно набѣжали на насъ спереди и только-что поровнялись — опять моментально скрылись уже позади насъ. Только и помню въ одной изъ нихъ силуэтъ ловца, показывавшаго намъ громаднаго осетра. «Авось-де останутся и купятъ».

На правомъ берегу татарскія деревни пошли — Табаево, Епанчино...

— Что тутъ дѣлають татары?

— Хлѣбъ сѣютъ. У нихъ чудесныя земли. А вонъ дальше, русскія села наши, Мансуровское, да Мысовое, мало хлѣбомъ занимаются. Славный промыселъ у нихъ — поднимать затопленныя барки. Тутъ и другія деревни этимъ живутъ. Тонуть больше барки съ желѣзомъ.

— Да неужели этимъ однимъ существовать можно?

— Отчего-же? Деньги хорошія берутъ. Другіе подъ Самару уходятъ рыбу ловить, покупають въ Вяткѣ деревянную посуду и сгоняють ее внизъ по Камѣ въ Волгу, больше, впрочемъ, кадки да ведра. Изъ Бѣлой и Вятки — Камой прогоняють внизъ ободья, доски, лопаты, скупаемые купцами отъ сплавщиковъ на пристаняхъ. Народъ у насъ промысловый, зажиточный.

— А недоимка? вмѣшивается сумрачный крестьянинъ.

— Какая недоимка?

— Богатство-то гдѣ же, коли на каждой семьѣ неплатежъ?

Капитанъ было задумался.

— По селу дѣйствительно мірофды есть; тѣ богато живутъ, они и пользуются. Ты говоришь, мы барки подымаемъ, посуду плавимъ внизъ, ободьемъ торгуемъ. Да развѣ

мы? Мы тутъ — работники. Наше дѣло наемное. Всѣмъ орудуютъ двое да трое, которые намъ хлѣбъ задаютъ зимой, да деньги на подать въ волостное вносятъ. Мы бы рады хлѣбомъ заняться, да какъ это сдѣлаешь, коли мирофды насъ долгами во какъ окрутили! Лѣто придетъ — въ поле бы, анъ нѣтъ, ступай на сплавъ. Весну — сѣять нужно, — ступай выдывать барки. Мы бы отъ этихъ хваленыхъ промысловъ твоихъ безъ памяти ушли. Татарамъ куда лучше, они хлѣбъ себѣ растятъ, и кабалы не знаютъ.

Пароходъ тащилъ нѣсколько пестрыхъ барокъ. Коньки были особенно щеголеваты, красные пѣтушки — на маленькихъ мачтахъ, даже яркія звѣзды изъ затѣйливо расположенныхъ лучинокъ.

— Это бакалею да мануфактурный товаръ вверхъ везутъ, а сверху мы эти баржи солью или желѣзомъ нагружаемъ. Барки, которыя желѣзо либо соль внизъ доставятъ — уже нейдутъ въ дѣло, ихъ разбираютъ.

Стало по-прохладнѣй и народъ выползъ на палубу. Одна кучка особенно обращаетъ на себя вниманіе. Посреди баба рослая, румяная. Отъ хохоту груди такъ ходуномъ и ходятъ. Въ выговорѣ слышно что-то незнакомое, пѣвучее. Задираютъ ее со всѣхъ сторонъ, а ей все ни почемъ. Развѣ кто ужъ слишкомъ задѣнетъ, такъ затылокъ у него затрещитъ подъ широкой лапищей этой камской красавицы. Точно дерево ломаетъ! Мужиченко къ ней подвернулся, тоже видно не потрафилъ.

— Ты что щенишься тутъ? зѣваетъ она на него.

— Полегше, полегше! и ошарашенный кавалеръ къ общей потѣхѣ вылетаетъ вонъ изъ круга.

— Знай нашихъ бабъ заводскихъ! слышится ему вслѣдъ хохотъ развеселой толпы.

— Ай да Марья! при этомъ, разумѣется, слышутся

весьма непочтительныя выраженія, отъ которыхъ даже краснофимскую даму коробить.

А у Марьи смѣхомъ лицо такъ и прыщеть. Схватилась было она съ рослымъ парнемъ, да бросила — не по силѣ ей. Бездѣльная жизнь на пароходѣ, видимо, не по душѣ, рада бы хотя подраться съ кѣмъ; мускулы — любому мужику не уступать; женскаго — только одежда одна. Горланить пуще всѣхъ; да и отъ крѣпкихъ словечекъ не прочь. Еще съ особеннымъ апломбомъ ихъ отхватываетъ «на-ко, дескать, выкуси! что взять?»

— Ай тебѣ не стыдно? изумляется какая-то мѣщанка, вся въ черномъ, съ утинымъ носомъ и узенькими безкровными губами.

— Намъ некогда стыдиться. Наше дѣло *мужское*, работницкое.

— У нихъ всѣ такія! объясняетъ толпа.

— По заводамъ иначе нельзя — за мужиковъ стоять.

— А ты все-таки сократи себя, потому ты — бабочка, а не мужчинка, настаивала на своемъ мѣщанка. — Ты вонъ какія словечки-то пуцаешь, а это нехорошо, всему женскъ-полу на посрамленіе. Тебя и слушать-то зазорно.

«Бабочка» только глазами повела на нее и сплюнула въ сторону тоже съ своего рода заводскимъ шикомъ.

— Такихъ и замужъ-то не берутъ, еще недовольнѣе ворчить обиженная этимъ жестомъ черница.

— У меня мужьевъ сколько хошь. Чего, чего, а этого добра не искать стать: въ волю его, хошь пять, хошь шесть, а то и всѣ десять набираются. И тебѣ уступлю за дешево — бери только. Всѣ здѣсь — во! показала она внушительно кулакъ.

«Утиный носъ» озлобленно плюетъ и укладывается на подушку.

— Такъ-то лучше! напутствуетъ ее старательница.

— У насъ здѣсь бабы не ваши, наша баба совѣстливая.

— То-то вы ее и бьете, за эту за самую совѣстливость. А ты поди къ нашей старательницѣ сунься. Она тебя проводить.

— Что и говорить, развѣ вы къ настоящимъ кавалерамъ привыкли; вамъ бы съ вашгеромъ *) только возиться.

— Насъ вашгертъ кормить. Намъ безъ вашгера, что вамъ безъ сохи.

— Смѣлы ужь очень!

— Намъ бояться нельзя. Мы въ одиночку по лѣсамъ золото моему. Кругомъ развѣ только волка дождешься. А и человѣка встрѣтишь — недобрый тотъ человѣкъ, нужно отъ него отбиваться, постоять за себя. По нашимъ лѣсамъ бѣгунокъ ходить, бродяжка изъ Сибири идетъ, бабы они поди годъ не видали, какъ повстрѣчалъ — сейчасъ лезеть. Силы нѣтъ у тебя — обидить.

— Ну, поди, съ этой обиды у васъ не кручинятся.

— Какъ не кручиниться, ежели силой? Съ согласія, — бери сколько хошь. А самъ безъ спросу не лезь. А то иногда свои старатели встрѣнутъ. Коли золота что намыла, да съ собой захватила, отнимутъ; еще и наругаются всячески. Тутъ ужь не упротивишься, молчишь, за обидой не гонишься; скорѣй бы ослобонили только. А все привольнѣй нашей жизни нѣтъ.

Зорко присматривался я къ старательницѣ.

Какое сходство съ Кольскими женщинами, промышляющими въ океанѣ! Та же сила, та же смекалка, та же отвага и та же кажущаяся распушенность. Горнозаводскіе

*) Вашгертъ, деревянный приборъ для промывки золота.

типы пока были мнѣ въ диковинку, поэтому я и не могъ пропустить мимо одинъ изъ лучшихъ въ этомъ родѣ, тѣмъ болѣе, что старательница попалась не изъ заурядныхъ.

Прежде всего, что такое старатели?

Уральскіе крестьяне часто уходятъ въ даль и глушь, углубляются въ пустынные лѣса искать тамъ золота. Съ ними вашгеръ. Нашли розсыпь и давай промывать его въ одиночку или семьями. Золото, которое добыто такимъ образомъ, сдается владѣльцу участка по довольно высокой цѣнѣ. Вотъ эти-то вольные, не по найму рабочіе и называются старателями, а работа ихъ старательской.

— Иные и дичають совсѣмъ!

— Съ чего?

— А какъ мѣсяцевъ пять проведутъ въ лѣсу, назадъ вернутся — точно ихъ ушибли чѣмъ. Слова не добыешься.

— Ну, по этой старательницѣ незамѣтно.

— Да и тѣ потомъ оправляются. Съ перва-на-перво запьютъ — и пройдетъ.

— Поди, выгодное дѣло ваше? обратился я къ горно-заводской «бабочкѣ».

— Какъ не выгодно! Одинъ день сытъ, а два голодень.

— А при удачѣ?

— И при удачѣ помрешь безъ хлѣба. Наше дѣло такое — въ лѣса зайдешь, ищешь-ищешь золота, все, что съ собой, проѣшь и ворочайся домой, корой сосновой, да ягодой лѣсной питаешься. А подастъ тебѣ Господь, попадешь ты на розсыпь — еще и того хуже, домой идти жаль, не бросить же ее желанную, а ѣсть нечего. Ну и работаешь! чернику ѣшь, голубику, всякую травку узнаешь. Силки на птицъ ставишь, коли попадетъ что — сыта... Тутъ хошь фунтъ золота нарой, а голодна будешь. И не веселое же

дѣло наше! Ни надъ тобою кровли, ни тебѣ защиты; тутъ же въ ямкѣ у розсыпи и спишь. Дождь пойдетъ — только жмешься. Медвѣдь мимо бредетъ и дыханіе у тебя захватитъ, потому чѣмъ ты отъ него отобьешься? Силы и у мужиковъ не хватить. Теперь я стала только съ ружьемъ ходить на это дѣло, ну и ободряешь себя.

— Да развѣ ты стрѣлять мастерица?

— Во! Да я сколько дичи себѣ настрѣляю! Съ ружьемъ вольготно!

— Ты, вонъ, говоришь, удача! Иной разъ удачу эту самую проклянешь. Безъ нея ушелъ бы, а тутъ жадность въ тебѣ. Первое время какъ на работу уйдешь, пѣсни поешь, сама съ собой говоришь еще, а потомъ дико станеть, точно это кто другой около тебя разговариваетъ. А если погромче, нечисть всякая начнетъ тебя дразнить, пѣсни твои перехватывать. Ночью и того хуже. Случается и на работѣ натомиться, а не заснешь никакъ. Со всѣхъ-то сторонъ тебя охаживаютъ они. Гдѣ захохочетъ, гдѣ такъ окликнетъ, гдѣ это ребенокъ заплачетъ, а то точно кого ножомъ рѣжутъ. Прижмешься къ землѣ сырой, уши зажмешь да и взмолишься: Господи! вызволи ты меня, сохрани! Такъ и маешься до самаго утра. Такое время бываетъ, когда имъ дано, полная воля имъ мутить души христіанскія. Звѣря да нечисти всякой боишься, а человѣка еще и того хуже. Коли онъ сильнѣй тебя, нахрапомъ норовитъ золото отнять, а слабѣй — хитростью, да лукавствомъ дѣйствуетъ, словно отъ вора лютаго бѣжишь отъ него прочь. Ты вотъ про себя подумаешь: вретъ-де баба, а я тебѣ какъ передъ истиннымъ Богомъ: разъ это медвѣдь на меня въ лѣсу напалъ. Ну, и повалилась я, не дышу. Давай онъ меня катать по землѣ то одной лапой, то другой; каталь, каталь да и бросилъ. Ушелъ за деревья.

Вскочила я, да бѣжать. Слышу что-то за мной топъ, топъ! Глянь, а это опять онъ самый. Я опять плашмя. Ну, ду-маю, конецъ мнѣ. Всѣ старые грѣхи припомнила. Нѣтъ, обошелся, покаталъ, пошутить и прочь пошелъ. Я и ни съ мѣста, лежу. Къ вечеру опять пришелъ, понюхалъ, поурчалъ, рядомъ легъ. Самъ лежитъ, а лапой нѣтъ-нѣтъ да и толкнетъ. Обмерла я совсѣмъ. Скорѣй бы ужь смерть! Да, слава Господу, олень подвернулся, шархнулъ онъ въ чашу и звѣръ за намъ, такъ и ослобонилъ меня. Вотъ она какая жизнь наша! А сколько такихъ, продолжала она, — что и совсѣмъ пропадаютъ въ лѣсахъ нашихъ. Имъ вѣдь, дебрямъ этимъ, конца-краю нѣтъ, и онѣ отъ заводовъ подалѣе, потому заводы добре лѣсъ ѣдятъ. Изъ нашего села мужикъ одинъ на старательскую работу пошелъ. Мѣсяцъ, ска-зываетъ бродилъ, вдругъ въ одномъ чернолѣсьи наткнулся на вашгеръ. Лежитъ вашгеръ, вокругъ розсыпь, видимое дѣло, кто-то работалъ; давай искать, въ кустахъ человѣкъ лежитъ, затылкомъ кверху. Пугнулъ онъ его, громко окликнулъ: — не шевелится; ближе подошелъ — смрадъ. Съ голоду, вишь, померъ, руки оглоданы. А около него мѣшочекъ золота, такъ фунта два поди насбиралъ парень. Такъ стали потомъ ладиться, кто да кто, и ничего не узнали: кто и откуда.

— За то какъ золота много намоешь, да домой вернешься — благодать.

— Благодать, да не съ того хвоста.

— Да вѣдь на другомъ дѣлѣ столько не заработаешь?

— Да за то возьми ты хоть желѣзный заводъ, ну все же ты полтину въ день получишь, коли мастеръ? А тутъ вотъ хоть: я въ послѣдній разъ три мѣсяца въ лѣсу прожила, на шесть цѣлковыхъ золота намыла; ну значитъ совсѣмъ съ голоду помирать пришлось, да изба выручила.

— Это же какъ?

— А залипшая у меня изба была. Ну, продала я ее на заводъ, на срубъ. У нихъ на заводѣ лѣсу недохватъ, каждому полѣну радъ, такъ я съ братами повалила избу, да на дрова ее сплошь и извела. Полтораста цѣлковыхъ съ завода выручила. А и удача — перво-на-перво тебя въ конторѣ заводской управляющій господскій обсчитаетъ, а второе — нашему старателю супротивъ другаго рабочаго впятеро пропить надо, а то и разума не вернемъ, всѣ одичавши будемъ. Только послѣ перепоею и очувствуемся.

— Что же ты на другую работу не пойдешь, коли плохо?

— А тянетъ. Кто разъ на наше старательское дѣло пошелъ, тотъ человекъ пропащій, мѣсяць и другой въ селѣ поживетъ — скучать, да тосковать по лѣсѣ станетъ. Такъ его точно кто тащитъ туда, все бросаетъ, отъ всего отступается, а въ дебрь опять уйдетъ. И тамъ въ трещи этой лѣсной жутко, а все его манитъ туда. Никакъ намъ безъ лѣса не прожить. Хоть ты што. Когда господскіе были, случалось управляющіе запрещали ходить на старательскую работу. Не слушаются; въ бѣга пойдутъ. Изъ-подъ затворовъ скрозь рѣшотки умкнутъ. Приволье ли, а то, можетъ быть, и лѣсъ заколдовалъ насъ, морокомъ обогонелъ, а только на міру не ладится старателю.

Табаево — село татарское все ближе и ближе. Деревянная мечеть, точно домъ. Деревянный минаретъ весь на виду. Тесомъ крытыя кровли и стѣны избъ. Зажиточно, чисто живутъ.

— Отчего русскія деревни хуже?

— А незадача. Татары здѣшніе господами осѣли. Табаевцы дома на подушкахъ сидятъ. Вареве всякое у нихъ — дай Богъ чиновнику. Хлѣбъ у нихъ черный, чудесный.

Въ Епалчиной много грязнѣе, тамъ и соломенные кровли на амбарахъ и службахъ.

Около Табаева веселая рощица; точно изумрудное пятно на желтой понизи берега.

— Глупой народъ! злится лѣсопромышленникъ.

— Почему?

— А что толку имъ отъ рощи, чего они ее берегутъ. Я имъ пять тыщей давалъ. Вѣдь это — дубъ все! Какое дерево-то, только свали!

Минаретъ точь въ точь голубятня, только гораздо больше и съ острымъ шпирцемъ наверху. Очень красивъ онъ на солнцѣ.

— Это изъ здѣшняго лѣса строено?

— Нѣтъ. Они изъ казны и у меня лѣсъ берутъ, а своего не трогаютъ. Жадность у нихъ большая.

Татары видимо умнѣе и распорядительнѣе насъ, какъ это ни обидно нашему національному самолюбію. Сосѣдніе русскіе крестьяне сплошь вырубилъ свои лѣса, а татары каждую маленькую рощицу сберегли.

Послѣ гористыхъ береговъ Волги низменные, спокойныя окраины Камы производятъ впечатлѣніе чего-то добраго, давно знакомаго, милаго сердцу. Пахнеть цвѣтами. Далеко-далеко смутно мерещится кайма казенныхъ лѣсовъ, точно тамъ края облаковъ прорѣзались и синѣютъ на небо-склонѣ. То и дѣло встрѣчаются бѣлыны съ ободьемъ и мочалами — видимо послѣдніе дебри лѣсныя изводятся. Все гуще и гуще обноситъ ароматъ.

— Откуда это?

— А на противоположномъ берегу табаевцы пчельники держутъ. И хорошіе пчельники. Первые мастера на это татары. Медъ въ Лаишевѣ да Богородское шлютъ, деньги огребаютъ. Только липовыхъ медовъ нѣтъ здѣсь.

— Ну, а народъ каковъ?

— Народъ хороший, честный. Слово вѣрно держать. Не пьющи. Къ русскимъ точно братья, какъ родного въ своемъ домѣ примутъ, только въ мечеть къ нимъ не ходи — этого не любятъ. Особливо къ прїѣзжему крестьянину ласковы. Чиновника не любятъ. Ну, а нашъ братъ попадетъ къ нимъ — первый гость. «Яичекъ не хочешь ли, молока, меду», всѣмъ радъ тебя угостить. Душевный народъ, что и говорить! Не токмо тебѣ, лошади твоей угодить радъ. Одно у нихъ — чай не нашъ, кирпичный, хоть и изъ самоваровъ пьютъ его. Коли ты у него не поѣшь — обидишь его, и потомъ онъ къ себѣ не приметъ. Ты, говоритъ, гордый, поди ищи у другихъ ночлега. А коли ты его у себя угостилъ разъ — вѣчный другъ онъ тебѣ. У нихъ хорошо и работникамъ нашимъ. Что сами ѣдятъ, какъ сами живутъ, такъ и батраку; точно сына держать. Только что вѣра у нихъ своя, а то всѣхъ народовъ сердечнѣй. Денегъ нужно — русскій не дастъ, а татаринъ дастъ. Отдашь ему въ срокъ и еще приходи. А не отдашь, либо обсчиталъ его — гнушается онъ тебя, что пса. На слово даютъ. Только не оmani.

На первой же пристани цѣлая толпа этихъ татаръ сѣла на пароходъ.

Чѣмъ дальше по Камѣ, тѣмъ прохладнѣе; легче дышется. Солнечный блескъ не такъ ослѣпительнъ, дали — прозрачнѣе. Глазъ замѣчаетъ и линію какихъ-то горъ за каймою синихъ облаковъ и чуть мерцающее въ сѣрой дымкѣ озеро направо.

А нагорный берегъ Волги еще не пропалъ. Только онъ весь чернымъ кажется, точно тамъ позади залегла грозовая туча.

И все спокойнѣе, все привольнѣе — берега этой когда-то лѣсной рѣки.

IV.

Вѣчный лѣсовикъ.

На невысокое крутоярье, видимо, богатое село высыпало. Все изъ хорошаго, кондоваго лѣсу строено, тесь — богатѣйшій. На самомъ припекѣ — мечеть деревянная. Къ этому берегу пропасть подчалковъ черныхъ привалило, каждый съ поль-бѣляны будетъ. Грудами навалено на нихъ мочала, кулей, рогожъ, ободьевъ; далеко идемъ — а смолистымъ запахомъ свѣжаго луба такъ и обноситъ. Промыселъ самый чистый, здоровый! По рѣкѣ Бѣлой, да по верховьямъ Камы съ весны заготавлиются эти грузы. Цѣлыя села сплошь изводятъ лѣса на деревянную подѣлку всякую. Одрѣ артели лѣсныхъ великановъ обдирають, другія въ это время бѣляны сколачивають. Видимо, еще много остается досужаго времени, потому что на судахъ штоки съ узорчатыми пестрыми звѣздами понаставлены, вездѣ рѣзные пѣтушки да коньки. Мало разлапистое судно сколотить. На дальнемъ сѣверѣ, на Двинѣ, тѣмъ бы и довольствовался промышленникъ, да судорабочій, а тутъ и требованія вкуса являются. Вездѣ украшенія, рѣзной

работы нѣтъ — какая нибудь птица сирень на носу красуется, либо звѣрь изображенъ охрой, да такой звѣрь, что любой зоологъ не опредѣлитъ.

Берегъ въ одномъ мѣстѣ прорвался, въ ложбинѣ зеленая даль померещилась, все поля хлѣбородныя. Пропасть высѣваютъ тутъ зерна татары. Рѣдкій изъ нихъ на сплавъ при караванѣ пойдетъ. Далекъ отъ своего мѣста никто уходить не хочетъ. Русскій сплошь подальше норовитъ умкнуть отъ сладкаго житья, со слѣпа въ лѣса ударится, либо съ верховья Камы въ Астраханскую Украину кинется. Что ему мило у себя? Голодовка да нужда лютая. А татаринъ обстроился прочно, поле у него чудесное, дома — благодать; его и не сгонишь на отхожій промыселъ. Еще на перегрузку желѣза въ Лаишевѣ, по сосѣдству, онъ, пожалуй, не прочь: внизъ до Богородскаго дойдетъ охотно тоже, а дальше — ни за какія деньги! Поди по немногимъ татарскимъ деревнямъ, созови народъ на работу: кто на сплавъ покрутится? — навѣрно нашъ. Русскіе между татарскими селами тоже гнѣздами осѣли, отсюда и гонитъ ихъ безкормица на великую нашу рѣку Волгу. Все ищутъ, гдѣ-бы имъ горе свое избыть, куда-бы руки свои неустанныя запродать... И вѣдь пьянства здѣсь, собственно говоря, мало. Запой есть — а пьянства нѣтъ. Возьмите сѣвернаго норвежскаго крестьянина: онъ вамъ изо дня въ день пьетъ, а въ мѣсяцъ рома своего выпьетъ больше, чѣмъ камскій крестьянинъ за цѣлый годъ. Но первый и ѣсть хорошо при этомъ, пьянъ не бываетъ, а русскаго на-веселѣ здѣсь не встрѣтишь: либо онъ сумрачно трезвъ, либо онъ мертвецки пьянъ. Я повторяю: постояннаго пьянства нѣтъ, а запой ушибаетъ ихъ!..

Наконецъ и лѣса показались. Выступами, зелеными облаками въ рѣку входятъ они свѣжіе, чистые, хорошіе. Въ сѣрый день теперь они красивы, что-же подъ яр-

камень солнцемъ, когда они въ изумрудномъ блескѣ своемъ стоятъ надъ этою изумрудною рѣкою! Кама тутъ очень извилиста, но на самыхъ узинахъ и лукоморьяхъ теченія почти незамѣтно. Точно остеклѣла вода. Бездѣ протоки, рукава или воложки, какъ называютъ ихъ здѣсь. Мы сокращали путь часто на 16, 18, 20 верстъ, проходя ими и оставляя главное кондовое русло въ сторонѣ. Очень красивы на бархатистой зелени луговъ голубые и серебряные щиты озеръ — слѣды еще недавняго разлива. Еще красивѣе проточины воды отъ одного щита къ другому; самыми прихотливыми зигзагами вьются они по равнинѣ или черточками блестятъ тамъ, гдѣ нѣжная зелень только что опушившихся раинъ заслоняетъ эти промоины отъ взгляда.

— Вонъ коренная Кама пошла, указываютъ мнѣ направо. — А это мы по новому воложку полземъ. На Камѣ ходить легче съ пароходами и судами, чѣмъ на Волгѣ, особенно отъ Сарапула вверхъ.

Несмотря на кажущееся спокойствіе Камы, она очень быстра, хотя глазу и незамѣтно. Воложки то и дѣло загибаются, эти загибы здѣсь поворотистыми зовутся. На берегу у самыхъ поворотовъ шалаши рыбацкіе поставлены, видимо, на такихъ излучинахъ рыба бойчѣ ловится. По берегу бурлаки тянутъ бечевою грузныя суда и многострадальныя, вытѣсненныя съ Волги, тутъ по безлюдному простору между Елабугой, Чистополемъ да Лаишевымъ поютъ они свою пѣсню, «подобную стону», да проклинаютъ пароходы, которые и этотъ жалкій кусокъ хлѣба отнимаютъ у нихъ. Бурлачества здѣсь скоро совсѣмъ не будетъ, ноне порадуетъ этому голодный прикамскій людъ. Страдная работа, да все-же кормилица. А куда-же потомъ уйдутъ цѣлыя села, промышлявшія бурлачествомъ? Какъ

и желѣзная дорога, такъ и пароходъ, для торговли и промышленности, т. е. для большаго капитала — благо, а народу отъ этого не легче, пока до иного времени!

— Опостыли намъ промыслы наши! жалуются прикамскіе Микулы Селяниновичи.

— А что?

— Да пароходы насъ ушибли!.. Цѣнь не стало. Теперь и на хлѣбъ не собьешься. Купцу вольготно, чиновнику еще и того лучше, а намъ жутко отъ нихъ. Прежде сколько наживы по рѣкѣ было, теперь все къ міроѣдамъ отошло. Чѣмъ больше пароходовъ этихъ, тѣмъ и нужды крестьянской больше!..

— Экъ матушку нашу оголили!

Оглядываюсь. На палубѣ рядомъ со мною старикъ-крестьянинъ. Длинные сѣдые брови почти глаза закрываютъ. Какая-то пожелтѣвшая борода. Вѣтеръ треплетъ во всѣ стороны рѣдкіе клочья волосъ на головѣ. Стоитъ, понурясь — видимо, дряхлость одолѣла... Даже и дышать хрипло, точно грудь съ натугою выдавливаютъ воздухъ.

— Несосвѣтимое царство лѣсное было тутъ... Точно окіанъ-море, шумѣло, зеленое...

— Это по Камѣ-то?..

— По ней, по родимой. По бережку стѣной стояла пустынь дремучая... Давно это было...

— А какъ давно?

— Я и сосчитать не могу. Много мнѣ годовъ-то, а мы все по лѣсамъ, все по лѣсамъ... лѣса рубили и — я уходилъ... Родился около Манасеиной деревни, а теперь верстъ за тыщу живу; какъ лѣсное царство отходило отсюда такъ и я съ нимъ. За опушкой — не житье. Мы исконные, по всему нашему роду, коренные охотники. Да, хорошо тутъ было тогда! Кама не то, что нонѣ: ни одной

мели — яро, грудью вздувалась, такая-ли глыбь омутистая была. Въ ино мѣсто и солнцу хода не было скрозь зеленую темь лѣсную. По узинамъ посередь лѣта холодокъ стоялъ; и что тутъ птицы, что тутъ звѣря по чернолѣсью таилось. Отошло времячко... Пришли магоги проклятые съ топорами и давай изводитъ красу богоданную. Спервоначалу по берегу валили — стонъ по Камѣ пошелъ, а потомъ и въ самую дрѣму прошли — ишь оголили какъ! Коли роща какая осталась — такъ на диковину.

— А вонъ еще лѣса стоять...

— Какіе это лѣса — поросли, молодятникъ! Это-ли лѣса! тутъ вѣками выросло каждое дерево, что старорусскій кондовый богатырь, тучки подпирало, корни отъ себя и по землѣ и подъ землей толще нонѣшняго дерева выметывало! Какой это лѣсъ! Чуть вѣтромъ повѣяло и разшумѣлся онъ. Это-ли лѣсъ! Во оны времена, бывало, по опушкѣ съ ногъ вихремъ валить, а въ глыбъ лѣсную уйдешь, точно замерло все тамъ — листь не шелохнется. Тишь такая! Вазвѣ подъ звѣремъ гдѣ старая падань шуршитъ. Были лѣса! Снизу вверхъ глянешь — неба невидно; точно ты подъ кровлей зеленой, разѣ гдѣ солнышко пробьется, да жаркимъ золотомъ густолистье оболъетъ; словно въ церкви, идешь ты, точно Богъ надъ тобой невидимо — и радостно и страшно, потому окрестъ тебя таинство!

— А около деревень какъ было?

— Села наши по чернолѣсьямъ таились. Народъ тутъ по старой вѣрѣ ютился. Онъ себя эфтимъ лѣсомъ, что тучей черной оболакивалъ, оттого и старый кондовый обычай здѣсь въ сохранности держался. Мы по зарубкамъ отъ села къ селу ходили, дорогъ этихъ не было. Коли кто нашихъ зарубокъ не знаетъ — пропадомъ-пропадетъ. Лѣсное

царство изморомъ его донимало. День идетъ, два идетъ, три идетъ, а то и цѣлыя седмицы — голосу человѣчьяго не слышно, просвѣта сквозь лѣса не видно, прогалинь нѣтъ, какъ нѣтъ. Все стволы сѣрые внизу, да зеленая туча вверху; ну, бывало, изморится, ляжетъ на сыру землю и помираетъ. Сколько такихъ встрѣчалъ я!

— Съ голоду, поди, умирали?

— Наше лѣсное царство изморомъ брало, а голодомъ не мутило, потому вездѣ грибъ, ягоды этой до страсти. Пить захочешь — ручьевъ подъ корнями не мало. Иного не видишь, только слышишь, какъ онъ булькаетъ. Ищешь, ищешь, гдѣ — едва сквозь моховину до него доврешься. Посередь лѣса какія озера стояли — рыбныя, да богатыя.

— Гдѣ-же теперь эти озера?

— Лѣсъ убили, и лѣсное богатство ушло. Озера не сами по себѣ. Каждому Богомъ указано ручьями питаться. Деревя не стало — ручья высохли, ручьевъ не стало и озера въ земь ушли, только пади еще гдѣ съ топью болотной стоять. Тутъ что! Проточныя озера были, стерлядь въ нихъ водилась, налимъ — рѣчная рыба и та гацивала по озерамъ, судакъ былъ, лещъ, язи. Бѣлорыбицу и ту лавливали, — случалось, по два пуда; осетеръ — на что ужъ царь-рыба — въ тоню попадалъ. Теперь и Кама-то такой рыбой оскудѣла, а по озерамъ ея каша-кашей стояло!

— Тутъ съ нами ѣдетъ одинъ лѣсной промышленникъ: похваляется онъ, что на своемъ вѣку нѣсколько сотенъ тысячъ лѣсу свалилъ.

— Бога у нихъ нѣтъ, племя иродово! Ему нажива, а народу раззоръ одинъ. Нѣшто понимаетъ онъ, злодѣй, что лѣсъ, что храмъ — все едино. Господь невидимо пред-

стоитъ тебѣ. Чаща лѣсная злодѣевъ праведниками дѣлала. Молчишь въ ней годами и все-то тайное передъ тобою, словно въявь и вольное, и невольное всякой прегрѣшеніе! Ну и казнишься ты, и каешься. Святые отцы по лѣсу спасались, подвижники и стратиги наши отъ никоніанскихъ гонителей въ зеленое царство сюда уходили и тихую пристань обрѣтали, мати-пустыню ласковую. Селами да поселками жили мы тутъ и не было у насъ ни татей ни убивцевъ! Безъ закона жили, а по правдѣ! Властей у насъ не было, остроговъ да темницъ мы не знали, не вѣдали, какое-такое злодѣйство на свѣтѣ водится. Вотъ оно какое царство лѣсное, потому нельзя тебѣ страсти своей подражать въ немъ, давить тебя оно; только ты дурное задумалъ — загудеть надъ тобою и смиряешься, Бога увѣдаешь! Чуешь, что зреть онъ тебя отсюда! И житіе у насъ было безъ богатства, но и не скудное. Народъ работу любилъ, потому по лѣсу этому на себя работалъ. Деньги здѣсь, что листва опалая: ничего ты съ ними подѣлать не могъ, ну и поэтому по самому мироѣдства и въ заводѣ не было. Всякій на себя страдовалъ, да на семью свою. Въ пустынномъ житіи этомъ душеспасеніе было, что въ кельѣ монастырской. Старымъ истовымъ обычаемъ жили, въ покорности да послушаніи!

Въ одинъ день два такіе типа! Равнинная, полевая Русь въ лицѣ истребителя лѣсовъ и Русь лѣсная, былинная, Русь заугольниковъ въ этомъ дряхломъ старикѣ. Толстое брюхо, сила, мироѣдство, скопидомство, съ одной стороны — ветхость, слабость, съ другой. Одинъ типъ настоящей минуты, съ его любовью къ наживѣ, ненавистью къ темному лѣсу, промышленной сметкой и ежовыми рукавицами; другой — послѣдній могиқанъ, вымирающій отшельникъ, съ его любовью къ тихому и мирному житію

посреди зеленаго царства, съ его равнодушіемъ къ наживѣ. Въ одномъ жадность безпредѣльная, жадность доведенная до того, что, принимая отъ своего подручнаго деньги за лѣсъ и пересчитывая засаленныя бумажки, онъ дрожаль надъ ними, при мнѣ напустился на прикащика, зачѣмъ въ тридцати тысячахъ пятнадцати копѣекъ, которыя тотъ проѣлъ на хлѣбъ, не хватило; въ другомъ — непониманіе силы денегъ, даже ненависть къ этой «печати антихристовой». Одинъ, встрѣчая преграды, ломаетъ ихъ, и идетъ на-проломъ впередъ; другой отъ нихъ бѣжитъ, въ глушь прячется и стушевывается. Одинъ считаетъ лѣсъ царствомъ зла и неправды, притономъ злодѣевъ, обителью грѣха; для другаго дремучая трущоба — храмъ Божій, царство труда и правды! Бѣльшихъ контрастовъ въ одинъ день, на одномъ и томъ-же маленькомъ камскомъ пароходѣ встрѣтить было-бы трудно.

— Неужели между вами злыхъ вовсе не было? спрашиваю у старика.

— А чего намъ не доставало? Наши лѣсные поселки отъ злыхъ-то и хоронились, мы сами отъ нихъ спасались... Приходили и къ намъ люди невѣдомые... Только не злые, а ожесточенные. Живали съ нами; въ первый годъ лѣсъ и у нихъ душу мягчилъ. Кто къ намъ бѣжалъ? Съ желѣзнаго завода рабочій отъ недобрыхъ управителей уходилъ, съ соляныхъ варницъ Усольскихъ, отъ кнотовъ хозяйскихъ, странный человѣкъ спасался, изъ городовъ грѣшникъ бѣжалъ.

— Какой грѣшникъ?

— А несчастный! Съ голодовки преступить заповѣдь божью — его въ темницу, а изъ темницы онъ къ намъ.

— И такихъ принимали?

— «Придите ко мнѣ всѣ обремененные», — сказано,

какъ-же не принять-то. Чѣмъ онъ не человѣкъ? душа слабая, совратилась; да вѣдь въ городу она совратилась, гдѣ бѣсъ силенъ, гдѣ искушеніе кругомъ, соблазнъ, а у насъ соблазну нѣтъ; дикимъ звѣремъ спервоначалу бывало глядѣть стороной; а какъ увидѣть, что мы посельники лѣсные съ открытымъ сердцемъ къ нему, ну и самъ за работу пріймается. Изъ забѣглыхъ воровъ у насъ цѣлыя семьи стояли; что-жь-бы ты думалъ, — честнѣе да добрѣе народа не было... Вотъ оно какво!

— Что оно какво?

— А лѣсное царство наше... Гонимые шли къ намъ, ну и обрѣтали покой, сердце у нихъ и приростало къ житію нашему. Не спрашивали мы откуда? Самъ скжетъ — хорошо, нѣтъ — молчи. Что чужую душу выматывать! Мирно жили... И все наше мирное житіе и мати-пустыня богоданная отъ топора пропали. Приходили люди наживные, смотрѣли лѣса наши да съ опушекъ начинали валить ихъ. Какая деревня прежде совѣмъ въ дремѣ стояла, глянь — на опушку вышла, а черезъ годъ и совѣмъ поля кругомъ, лѣсное царство дальше уходило. Ну, которые остались, по-новому жить начали. По рѣкѣ суда пошли, на суда покрутились, стали люди наживные артели нанимать лѣсъ рубить, царству своему измѣнили, въ артели пошли. А которые вѣрные были, вмѣстѣ съ лѣсомъ уходили. Врубаются люди наживные въ лѣсъ, а вѣрные прочь еще дальше отходятъ... Удались отъ зла и сотворишь благо!.. Такъ и я. Знаешь-ли, сколько я себѣ избѣ ставилъ?

— Ну?

— Не много, не мало — дванадесять. Уйду отъ топоровъ ихнихъ, поставлю себѣ свѣтелку въ лѣсу — черезъ годъ топоры опять звенять по лѣсу. Дальше уйду, новую

себѣ келію строю — году не избыть, опять наживные люди... Такъ я до пропасти избѣ этихъ за собой оставилъ... Вмѣстѣ съ лѣсомъ вверхъ по Камѣ шель, а подѣ старость всю Каму-матушку нашу безъ красы ея богоданной, безъ лѣсу увидѣлъ... Привелось еще дальше уходить... Вѣдаешь-ли Косьву-рѣку пустынную?

— Нѣтъ.

— Въ Каму бѣжитъ гремучая да свѣтловодная. По ней я въ самый верхъ на Ураль-камень поднялся. До Павды дошелъ, тамъ въ лѣсу и изживаю... Послѣднюю тяготу свою ношу!.. Только и Косьва-рѣка уборъ свой дѣвичій терять начала.

— Тоже лѣсопромышленники пришли?

— И туда люди наживные врубилась... Только до Павды нашей не дойти имъ скоро... Какъ жилъ, такъ и помру въ лѣсномъ царствѣ, а дѣтямъ моимъ, пожалуй, и лѣсу по всей землѣ русской не увидѣтъ!.. Все изведутъ... все сгинетъ. Горе тогда будетъ лютое!.. Не избыть горя этого. Оскудѣютъ рѣки, моря иссохнутъ, какъ болота въ засуху, земля хлѣба не дастъ, трава прахомъ разсыплется... Пойдутъ зимы безъ снѣгу, лѣто безъ дождя... И восплачутся люди наживные по нашему царству зеленому, по лѣснымъ пустынямъ, порубленнымъ да пожженнымъ!.. Что ихъ капиталы тогда?.. Тучка господняя за деньги не придетъ... Деньги въ землю не посѣешь... Древле Моисей изъ скалы воду источилъ жезломъ, а нынѣ, за безуміе наше да слѣпоту, и чудеса престали... Чудесъ не будетъ... Не увидить чуда земля бесплодная!.. Такъ девяносто лѣтъ пройдетъ и много за то время народу сгинетъ.

— А старики наши знаютъ... Девяносто лѣтъ Господь Саррѣ плода не давалъ — и земля плода не дастъ также...

А черезъ девяносто лѣтъ — новые лѣса выростуть... За шумятъ дубравы, только человѣка въ нихъ не будетъ, доколѣ изъ сибирскихъ лѣсовъ наши-же поселники не придуть, да въ зеленой чащѣ деревень своихъ не поставятъ... И сбудется сіе по слову старцевъ, имъ-же честь и поклоненіе!..

Въ голосѣ старика угроза слышалась; даже глаза изъ подъ нависшихъ на нихъ бровей раскрылись. Передавая предсказанія старцевъ своихъ, онъ злобно погрозилъ голому берегу, песчаными буграми вдвигавшемуся въ рѣку. Лѣтъ двадцать тому назадъ, вмѣсто этихъ песковъ, здѣсь на сочныхъ холмахъ стояли лѣсные великаны... Старикъ точно видѣлъ ихъ въ эту минуту и грозилъ воспоминанію, рисовавшему толпу наживныхъ людей съ топорами, валившихъ лѣсъ и карнавшихъ стволы его для сплава внизъ по Камѣ въ широкую Волгу...

Какъ нарочно, плоты намъ на встрѣчу...

— Вотъ они... богатыри-то наши лѣсные! Эта съ Бѣлой рѣки... Каждое бревно въ зеленомъ уборѣ стояло, въ листьяхъ пташка гнѣздо вила, въ самой гущѣ веселая бѣлка прыгала, а внизу у корня поди и вода бѣжала!.. И старикъ съ отвращеніемъ отвернулся отъ плота.

На свинцовомъ фонѣ неба, покрытаго, вопреки предсказаніямъ старика, тучами, точно вырѣзывалась бѣлая церковь села Мансурова. Изъ воложка мы выходили въ коренную Каму. На-право низился опушенный молодятникомъ берегъ, на-лѣво — зеленые луга вплоть до чернаго обруба, на которомъ тоже черными силуэтами деревня Мысы выдѣлялась. Какъ хороши были бѣлыя чайки на темномъ полотнѣ туманнаго неба... Глазь невольно слѣдилъ за ихъ граціознымъ полетомъ...

А новыя тучи, гряда за грядой, выползають. Кама все ширится. Тутъ она, пожалуй, и Волгѣ не уступитъ... Сърый просторъ ея подернулся рябью... На палубу точно крупа просыпалась — дождемъ прыснуло...

Пора въ каюту!

V.

Въ виду Лаишева.

— Ишь сила въ ней какая! замѣчаетъ старикъ, глядя на рѣку, съ палубы медленно подвигающагося впередъ парохода.

— А что?

— Да какже... Струи не видать совсѣмъ... Точно возеро Кама наша стоитъ, не шелохнется, а поди-ко ты супротивъ воды поработай... Какой ни будь паровикъ, а умается.

Напрасно капитанъ покрикиваетъ въ камеру машиниста сквозь слуховую трубу: «полный ходъ!» — онъ только себя тѣшитъ. «Пермякъ» знай пыхтитъ да кое-какъ переваливается. Колеса изо всѣхъ силъ работаютъ, взмываютъ воду, цѣлыя облака пѣны выбрасываютъ назадъ по слѣду, а толку мало. И какъ однообразны берега стали! Пологіе, пустынные. За «Мысами» ни одной деревушки нѣтъ, словно всѣ онѣ попрятались отъ воды подальше. Зеленъ жалкая, развѣ еще березовая рощица къ самой Камѣ выбѣжить, такъ на ней привѣтно останавливается взглядъ, утомлен-

ный безжизненными окрестностями. Песчаные языки недавно образовавшихся мелей далеко вдвигаются въ рѣку. По водѣ желтыя пятна легли, видимо и здѣсь, спустя два три дня, не будетъ хода судамъ.

Ширина Камы тутъ не уступитъ Волгѣ, только этотъ просторъ довольно-таки пріѣлся. Поневолѣ бродишь по палубѣ, въ каждое лицо вглядываешься, не скажетъ ли оно тебѣ чего либо новаго.

— Вонъ мужички наши, показываетъ мнѣ лѣсопромышленникъ толпу сѣраго, понураго крестьянства и прежде поражавшую меня какою-то особенною молчаливостью и безнадежностью даже.

Во всю дорогу они ни пѣсни не запѣвали, ни шумной бесѣды у нихъ не было. Сидятъ себѣ, перекинутся словомъ и опять замрутъ. Развѣ только кто нибудь хлѣба пожуетъ, да воды напьется. Бѣдность, видимо, самая горемычная, даже на квасъ денегъ нѣтъ. Бабы между ними еще сиротливѣе, еще горемычнѣе, и головы поднять не могутъ. Орава ребятишекъ свернулася тутъ-же, съ насиженнаго мѣста и отойти не смѣетъ. И какихъ только тутъ лохмотьевъ нѣтъ!

— Какъ, ваши рабочіе, что ли? спрашиваю.

— Нѣтъ. Вы переспросите-ка ихъ. Они, поди, больше вашего постранствовали.

— По святымъ мѣстамъ?

— Зачѣмъ. У насъ этого баловства нѣтъ, а ежели и идутъ, такъ въ Соловки больше. Эти на Кавказѣ были. Переселенцы... Да солоно, вишь, тамъ, такъ они назадъ, въ свои мѣста пробираются.

— Земли-то ихнія поди въ третьихъ рукахъ?

— Ну, у нихъ и избъ нѣтъ. По заводамъ разберутъ. Сыты будутъ. А и проголодуютъ — сами виноваты!

Спустя немного, удалось мнѣ завязать разговоръ съ однимъ изъ этихъ странниковъ, который по смысленнѣе казался. Сначала онъ какъ-то все ежился, да нѣкаль, точно отвязаться отъ меня хотѣль, а потомъ разошелся.

— Точно-что... ходили мы туда... мѣстовъ искать.

— Какихъ мѣстовъ?

— На заводахъ, вишь, жутко было. Прежде у насъ мѣдное дѣло шло, ну всему заводу — заработокъ, кормились; а годовъ пять назадъ хозяева мѣдное дѣло бросили, золотомъ занялись. Имъ золото-то выгоднѣе мыть, потому меньше рабочихъ требуется. Рудникъ-то нашъ и запустовалъ. Которые на малую плату пошли, тѣхъ на золотой промыселъ поставили, а кто заупрямился и совѣмъ безъ работишки остался. Таково-ли жутко пришлось, таково-ли голодно — пухнуть стали. Еще у кого залишня изба, либо сарай какой былъ — на дрова порубили, да заводскому управленію сдали, лѣсу, вишь, у насъ мало; этимъ покормыхались за лѣто. Кто на Тагиль пошелъ — безъ работы не остался. Потому въ Тагилѣ тогда хозяева книжку эту самую вводили, такъ свои вишь крестьяне отъ этой книжки — прочь, заводъ нашихъ и взяли. А нашимъ все равно бѣдовать приходилось, наши на книжку-то согласъ и дали.

— Какую книжку?

— А запись на себя. Опять на крѣпостное положеніе *). Остальные, которые въ Тагиль не ушли, на желѣзные заводы было сунулись, а тамъ и своихъ животовъ не избыть, тоже пить-ѣсть хотять. Думали, думали, глядѣли, соймы собирали, къ посреднику ходили. «А гдѣ я вамъ работу возьму?» говорить, — «у Бога и безъ васъ народу много».

*) Народъ, такимъ образомъ, объяснялъ рабочія книжки, которыя тагильское заводоуправленіе хотѣло вести между бывшими демидовскими крестьянами.

Посредники въ Пермской губерніи «по назначенію», а не выборные, и потому мѣстныя нужды имъ были или совершенно чужды, или они смотрѣли на нихъ сквозь пальцы; волостное правленіе, видя въ крестьянахъ будущихъ неплательщиковъ, тоже гнало ихъ съ мѣста...

— Ищите работы! А гдѣ ее найдешь, про всякаго работа не припасена, у насъ, братъ, работа за великое счастье...

Наконецъ, надумались: продали послѣднюю скотину, какая была; избы сплошь на дрова порубили, дрова въ заводу по хорошей цѣнѣ поставили; земли сбывли тоже и отправились на Кавказъ «мѣстовъ искать».

— На черкесское положеніе... Потому тамъ, сказывали, мѣста есть!.. Мы и пошли.

Волость съ радостью уволила нѣсколько семей, даже пособіе какое-то имъ выдали.

— Ну, и чтожь, нашли мѣста?

— Точно что тамъ есть мѣста... На легкую фрухту лучше не надо... И для жита тоже чудесно. У нихъ жито свое, самъ-пятнадцать родить... Только всѣ эти мѣста давнымъ давно генераламъ розданы. А которые слободны — тамъ армянинъ сидить, подъ свою руку ихъ взять. Набѣдовались мы!..

— Не дали развѣ вамъ земли?

— Какъ не дали... Начальство съ полнымъ удовольствіемъ. Бери! Только мѣста неспособныя.

— Хлѣба не росло?

— Хлѣбъ росъ, для-че ему не расти... И онъ махнулъ рукой, точно нежелая поминать дальше.

— Вишь ты, хрипло вмѣшался сумрачный мужикъ, все время вслушивавшійся въ нашъ разговоръ... — Мѣста

дали... и чудесныя мѣста, лучше не надо, а отъ нихъ уйдешь сломя голову, въ бѣга, отъ мѣстовъ-то этихъ.

— Прижимка была?

— Никакой прижимки. Только распредѣленіе было... Отведутъ тебѣ плѣшку на одной горѣ, а тамъ на другой кусокъ тебѣ отмежуютъ, версты за три еще землю дадутъ. Всего-то и много, да долженъ ты разорваться. На одномъ мѣстѣ и десятины нѣтъ... Однимъ мѣстомъ не прокормишься! Теперь ты посѣялъ жито — поѣзжай на другую гору тамъ сѣй... Да еще и за третью ухватись, а на четвертой избу ставь... Это еще, что! — тутъ хоть земля. А то были и такіе, которымъ камень достался... Сѣй ты на немъ, царапай по камению... А кои и посѣялись — весной все съ горы смыло, ничего не осталось... Точно птицъ насъ по верхамъ посадили... внизу-то, вишь, все занято и безъ насъ... Побились мы; хуже нашего пермскаго завода вышло; голоднѣе, да и народъ дикій; оно хоть и добрый народъ, а дикій... Сколько перемерло нашихъ тамъ — страсть! Кои съ непривычки на фрухту накнулись. Пожрешь ты ее — тебя и ущемило и готовъ ты... Оно по нашей жизни и переждать бы можно, пробиться какъ ни будь — да дѣтки вишь то же, жаль ихъ голыхъ да нужныхъ. Куда они безъ насъ... Бабу тоже, какъ оставишь?... Пошли мы по армянамъ работу искать; народъ чудесный, душевный народъ и работишка у него есть, только намъ она несподручная: по садамъ все; потому армянинъ садами живетъ... Ему виноградъ требуется, потому онъ виномъ торгуетъ. Не можемъ мы этого... Терпѣли, терпѣли — не мало не много пять годовъ на черкескомъ положеніи были, по верхамъ сидѣли...

Наконецъ, у народа силы не стало, видить что ничего не добьется. Перепробовали все — дороги никуда нѣтъ.

Есть хорошія земли внизу, да пустуютъ. А которыя и раздавались въ аренду, такъ не было орошенія устроено, да за нихъ еще половину хлѣба, снятаго съ полей, отдай. Поэтому подъ нивы ихъ невыгодно сбывать, подъ сады куда добычливѣе. Наконецъ, пермяки не выдержали.

— Ушли мы отъ мѣстовъ этихъ. Помиловало начальство — отпустило. Которые тамъ остались. А мы ушли.

— Куда-жь вы теперь?

— А назадъ! Понурился переселенецъ, зачѣмъ-то тыкая пальцемъ въ грязную палубу парохода.

И всѣ еще сумрачнѣе стали. Дома-то вѣдь не лучше. Заводы народомъ переполнены, рабочимъ дѣваться некуда. На старомъ мѣстѣ, пожалуй, и не примутъ, землями другіе пользуются, прежнія избы давно въ видѣ дровъ сожжены въ кричныхъ печахъ, новыя ставить не изъ чего, потому, лѣсу нѣтъ. Куда они дѣнутся, что съ ними будетъ? Мнѣ кажется, что и сами они боялись загадывать объ этомъ.

Такъ до конца, точно темное пятно, оставалась на палубѣ эта сѣрая кучка голаго, обиженнаго люда. Больно было смотрѣть въ ту сторону.

На лѣво что-то замерещилось — только еще далеко, смутно.

— Вотъ онъ, желѣзный городъ, указываютъ мнѣ.

— Лаишевъ?

— Онъ самый.

Мы пробирались мимо, какъ разъ во время бывающей здѣсь ярмарки. Съ Чусовой, съ Уфы и съ Бѣлой, не говоря уже о Камѣ, приходило сюда болѣе пятисотъ барокъ съ желѣзомъ. Все оно въ «сортахъ». Издѣльнаго нѣтъ совсѣмъ. Здѣсь продается его только въ розницу болѣе полутора милліоновъ пудовъ, крупныя же партіи отсюда сво-

зятся или въ Нижній на ярмарку, или въ другія мѣстности. Въ Лаишевѣ къ этому времени съѣзжаются отовсюду. Сюда и торговцы съ Дона являются, и кавказскіе армяне и астраханцы. Саратовъ, Самара, Симбирскъ имѣютъ здѣсь своихъ приказчиковъ. Даже бессарабскіе царяне показались въ Лаишевѣ недавно.

— Не разживешься! только послѣднее время здѣсь доживаемъ, замѣчаетъ заводчикъ.

— Торговля бойкая, отчего бы не разжиться?

— Да вѣдь мы продаемъ не на деньги, а въ кредитъ. Всякая сдѣлка года на полтора, на годъ. У здѣшняго покупателя денегъ нѣтъ; онъ на векселѣ весь держится. Прежде, бывало, сто, двѣсти, триста тысячъ чистоганомъ получаешь, а теперь у него при себѣ всего пять тысяченокъ да и тѣ норовить въ Нижнемъ по Кунавину растрясти на арфистокъ.

Торговля на ярмаркѣ вся въ рукахъ четырехъ купцовъ. Рыбинскій — Журавлевъ, нижегородскій — Рукавишниковъ, Пастуховъ изъ Ярославля, да пермскій — Любимовъ скупаютъ все желѣзо по заводамъ и распродаютъ его. Четверо монополистовъ въ этомъ году доставили въ Лаишевъ 5.381,161 пудъ, продали на самой ярмаркѣ 1.162,000 пудовъ, а все остальное желѣзо отправили въ Нижній. Пока заводы сами не найдутъ дороги къ Лаишеву и къ Нижнему, до тѣхъ поръ главная доля барыша съ желѣзнаго дѣла будетъ уходить на долю перечисленныхъ нами посредниковъ. Странно то, что даже такіе крупные заводы, каковы: алапаевскіе Яковлевыхъ, невьянскіе, каштымскіе, сысертскіе, производящіе каждый болѣе 500,000 пудовъ желѣза, не догадаются организовать прямыхъ сношеній съ ближайшими рынками. По расчету специалистовъ, доход-

ность заводовъ возрасла бы при этомъ условіи на одну треть, а заработная плата на одну пятую.

Лаишевъ весь прячется за выступомъ берега. Видно только нѣсколько кровель, да колокольни. Деревянный городъ стоитъ на песчаной понижи, точно притаился отъ грозы или нападенія. За то рѣка передъ нимъ полна оживленія и своеобразной прелести. Вся она заставлена барками, поднимающими каждая отъ 10 до 14,000 пудовъ желѣза. Надъ барками вьются тысячи флаговъ, такъ-что даже здѣсь, на пароходѣ слышенъ ихъ шелестъ по вѣтру. Между неуклюжими силуэтами этихъ рѣчныхъ посудинъ — трубы буксирныхъ пароходовъ выбрасываютъ вверхъ клубы чернаго дыма. Цѣлый городъ шумитъ, движется, суетится на водѣ. На баркахъ толпы рабочихъ, то же сѣрое крестьянство на берегъ выползло.

— Съ этими рабочими бѣда! жалуется скуластый, круглолицый пермякъ.

— Дороже стали, что-ли?

— Куда-жь имъ дорожиться!.. Народъ бѣдный, голодный народъ. Нѣтъ, на-счетъ цѣны способно. А только со-вѣсть нынче обмякла совсѣмъ. Поѣдешь по селамъ, за-контрактуешь тысячи двѣ, а на мѣсто ко времени чело-вѣкъ пятьсотъ придетъ. Въ этомъ году на сысертскій за-водъ изъ тысячи семисотъ чело-вѣкъ къ условленному сроку полторы тысячи не явилось, пришли, когда караванъ весь былъ уже на готовѣ.

— Все-таки пришли, значить.

— Сто чело-вѣкъ обмануло только. А вѣдь тоже деньги платимъ, не щепу. Хошь и малыя, а гдѣ ты ихъ возъ-мешь, ежели нѣтъ у тебя. Подать платить надо — все у насъ, откуда и помощь, какъ не отъ завода.

— Что говорить — благодѣтели! А дорого-ль вы имъ платите?

— Кунгурскіе за всю путину восемь рублей съ половиной на человѣка берутъ. Эти самые дорогіе; они отъ Чусовскихъ пристаней до Перми ведутъ барки; коли благополучно — въ пять, въ шесть дней поспѣютъ. Ежели сплавъ затянется, то имъ по положенію тридцать копѣекъ въ сутки идетъ. Вятскіе рабочіе берутъ по четырнадцати рублей семьдесятъ-пять копѣекъ на брата, за то они гонятъ барки съ пристаней вплоть до Лаишева самого. Назадъ въ Вятку они уже на пароходахъ поднимаются.

Въ сущности, рабочему не остается ничего. Только что онъ прокормится за хозяйскій счетъ.

— Голыми прійдутъ, голыми и уйдутъ! Работа не легкая — и выпить надо. Другой и денегъ своихъ не увидитъ, потому ихъ за подать, въ волостное вноситъ приказчикъ. Бываетъ и то, что рабочій на возвратномъ пути еще и платье свое проѣстъ.

Гораздо выгоднѣе для міроѣдовъ другой промыселъ: постройка коломенокъ (барокъ), доставляющихъ желѣзо. Дѣломъ этимъ занимаются исключительно крестьяне на Чусовой. Пошлина за лѣсъ на каждую барку обходится въ пятьдесятъ-шесть рублей, снасть стоитъ сто-пятьдесятъ рублей, строятъ барку кабальные, тѣ, что бьются у міроѣда изъ-за хлѣба, слѣдовательно, платитъ имъ дорого не приходится, а самая плохенькая коломенка пятью стами рублей оплачивается отъ завода. Случается, что, достроивъ барку, рабочій только муки на семью получить, а прежній долгъ міроѣду останется въ той-же цифрѣ. Варку въ Лаишевѣ или на дрова рубятъ, или-же, если она хороша, опять на сплавъ пускаютъ. Въ первомъ случаѣ, она оплачивается

ста рублями, а во-второмъ, отъ трехсотъ до четырехсотъ доходить.

Обманутые хозяевам судорабочіе на баркахъ, въ свою очередь, умѣютъ отплатить за себя.

— Первое дѣло, объясняли мнѣ, коли хозяева больно прижимисты, деньги мы цѣлой артелью пропьемъ, а потомъ на первой пристани и припасъ, какой отъ него идетъ, тоже въ кабакъ спустимъ. Припасу нѣтъ — и караванъ стой. Безъ хлѣба людей не пустишь; а дѣло споро, ходко; каждый день у него изъ кармана сотню другую вынетъ. Шлютъ приказчиковъ. «Чего стоите? — Хлѣба нѣтъ. «Куда же вы хозяйскій харчъ дѣли?» — А съѣдено. Ну, опять дасть хлѣба, только уже на нашъ счетъ. Мы платимся за него, а все же и ему бѣда: позже караванъ придетъ. Такъ за путину на пудъ желѣза только бы по одиннадцати копѣекъ привелось, а какъ мы дойдемъ хозяина изморомъ и всѣ шестнадцать накинута!..

— Да вѣдь съ вами условія же заключаются?

— Да чтожъ, что условія! Кабы все, что на бумагѣ прописано сполнять — ложись да помирай лучше... Насъ нужа гонить, мы тебѣ запись на себя дадимъ хоть въ петлю лѣзть, — такъ веревку по записи этой и надѣвать на себя. Хозяева насъ тоже такъ ли чудесно обманываютъ. Лучше не надо. Случаи бывали! Придемъ въ Лаишевъ, желѣзо продали, приказчикъ нивѣсть куда уѣдетъ — и разсчета никакого! Поплачемся, заплачемся, — да именемъ Христовымъ и кормимся по дорогѣ домой... Ищи тамъ по записи этой.

Это положительно двѣ воюющія стороны. Рабочіе должны для сплава каравана явиться ранѣе, такъ къ пятому апрѣлю, а приходятъ они, просрочивъ дней десять, одиннадцать.

Послѣ перваго мая условныя за путину деньги счи-

таются отработанными и судовщикамъ уже идетъ поденщина по 30 коп. въ первые пять дней. Если хозяинъ ихъ хочетъ оставить съ пятаго по десятое марта, они получаютъ уже въ день по 40 коп., съ 10-го по 15-е по 50 коп. Затѣмъ, ихъ уже нельзя приневоливать и они могутъ уйти, куда угодно. Но условіе одно — а дѣло другое. Послѣ 1-го мая полевая работа ждуть, и крестьяне, долго не думая, бросаютъ посередь рѣки мало-выгодный караванъ и возвращаются домой. Другіе, пользуясь случаемъ, требуютъ болѣе высокой платы или уходятъ цѣлыми артелями, оставляя суда безо всего. Большею частію причиною всевозможной безурядицы являются сами хозяева.

— У меня разъ такимъ образомъ пять тысячъ человекъ ушло. Суда обмельтъ могли. Что дѣлать было? Вслѣдъ за мной караванъ другаго купца плылъ, я кинулся туда, перепоилъ его рабочихъ, сталъ подбивать ихъ ко мнѣ уйти. Ну, Господь помогъ, удалось ихъ переманить, а тотъ купецъ такъ и обанкрутился, потому его суда обсохли!

Не всегда это и съ рукъ сходить. Часто хозяева сцѣплятся между собою въ рукопашную, а работники, составивъ кругъ во время этого единоборства, любятъ, какъ летать клочья хозяйскихъ бородъ, какъ трещать скулы ихъ степенствъ и только науськиваютъ и ободряютъ слабѣйшихъ.

— Чего обмякъ, вороти его въ нутро самое. Ну кося... Вали! Ишь онъ пузо отстротилъ.

— Не давай ему отдоху, на-отмашь!.. За воротъ, рви ему рубаху, да за дыхало!..

— Да вѣдь они до смерти добьютъ, черти!

— А намъ что за горе! Не малые ребята, сами знаютъ.

Въ Лаптевъ производится перегрузка и перемѣръ желѣза. Вся ярмарка — въ кабинетъ «партионныхъ» скупщи-

ковъ и на берегу. Самый городъ остается молчаливымъ и неподвижнымъ; развѣ только закутитъ какой нибудь изъ коммерческихъ тузовъ и для разнообразія вздумаетъ поить извозчичьихъ лошадей — шампанскимъ.

— Эко дерево, негодуютъ рабочіе. — Ты бы деньги намъ отдалъ.

— Пейте въ мою голову! приглашаетъ ихъ тотъ.

— Тьфу, анафема! злится шаршавый вятчанинъ, и, дѣйствительно, молчаливо, хмуро, сумрачно напивается за хозяйскій счетъ.

VI.

Опять лѣса.

За Лаптевымъ видимо хлѣбородная полоса пошла. Земля хорошо обработана. На зеленой понизи деревня Мурзиха показала — кучи навоза кругомъ, кровли соломенные — издали хлѣвами пахнеть. — Тутъ около узится Кама, такъ что верстъ на десять выше этого убогаго поселка предложена постройка моста для сибирской желѣзной дороги.

— Скоряе бы строили...

— А что?

— А оголѣли мы. Все же народушку работа... сказываютъ по чугункѣ деньги дешевы.

— А у васъ какъ поденщина?

— Да тутъ между Мурзихой да Рыбной слободой поди и поденщины нѣтъ; потому работниковъ никому не надоть. Всякая семья сама собой облаживается. Годы бывають, когда за двугривенный въ день на страду мужика берешь — и то доволенъ.

Въ сумеркахъ мглистаго вечера едва намѣтилось Рыбное. Оно по косогору сползаетъ къ рѣкѣ. У самой воды

домишки, два-три огонька мигаютъ. Село богатое, а послѣ волжскихъ — куда неприглядное. Рыбное слободой зовется. Торгуеть эта слобода желѣзомъ, вдосталь рыбу ловить. Здѣшніе стерляди и осетры по всей Камѣ славятся. Пароходъ пристаеъ сюда.

— Кому рыбки?.. Рыба живая... У насъ стерляди...

— Осетры княжь!..

— Во, гляди какой! И дюжій загорѣлый какъ подошва рыболовъ къ самому носу моему вскидываетъ полуторапудоваго осетра.

— Не надо мнѣ.

— Чего не надо — ты пойми, рыба холостякъ. Всѣмъ пароходомъ ѣшь ее — конца не будетъ. Чѣмъ не взяла? И рубашкой хороша и жиревая... Чего ты!.. И всего-то съ тебя девять рублей за красавца сойдеъ...

Другой корзину стерлядей подъ ноги подбрасываетъ. Рыба бьется въ ней, томительно зѣвая; только и слышится шуршанье да шорохъ изъ этихъ своеобразныхъ садковъ. «Ишь ты варево почуяла, въ уху проситея!» острять кругомъ.

Видимъ, опять кондовая, коренная Русь пошла. Новгородскій сказъ, сѣверо-русскій типъ. Ничего инородческаго, говорятъ на распѣвъ, растягиваютъ гласныя. Голоса громкіе, смѣхъ задорный. И тутъ-же у кладбища часовенка на татарскій ладъ строена... Въ одномъ прикамскомъ чисто-русскомъ селѣ у часовни, точно у мечети здѣдшей, выступъ на переднемъ фасадѣ фонарикомъ, а въ другой минаретъ. Только руками разведешъ. Внутри иконопись. Геена огненная пышетъ изъ разверзстой пасти змія погибельнаго, а въ этой геенѣ, между прочими, сидитъ себѣ солдатикъ съ ружьемъ и, не смотря на пламя, окружающее его, преспокойно курить трубку. Земной рай тоже

носить на себѣ замѣтные слѣды оригинальнаго творчества. Подъ кущами райскихъ садовъ сидятъ за столомъ старцы. На столѣ — посудыны съ виномъ и жареныя поросята. Ангелы въ воздухѣ трубятъ въ длинныя рожки, а въ травѣ ползетъ змѣя, у которой во рту вмѣсто жала какой-то необыкновенный цвѣтокъ.

— Кто это у васъ рисоваль? спрашиваю я рыбака, только-что сбывшаго мнѣ за цѣлковый аршинную стерлядь.

— Это у насъ свой! Солдатъ... Изъ нашего села родомъ, по всей округѣ пишетъ.

— И образа?

— И на образа лучше его мастера не найдешь. Только безъ водки не можетъ; смѣлости, говоритъ, той нѣтъ. У него такая правила: обопьется, а потомъ давай писать, съ перепоею-то у него разума больше. Это, братъ, какъ кому Господь опредѣлитъ. Другой съ водки только спать гораздъ, а его, мастера нашего, съ этого самаго поила, поди какъ осѣняетъ.

Около Рыбной слободы, на грязномъ полѣ, словно насыпаны грязныя избы. Скучно, неприглядно. У берега нѣсколько недостроенныхъ бѣлянь. Такъ и обноситъ смолистымъ запахомъ сосновыхъ досокъ. Кое-гдѣ серебристыя пятна тальника, а за нимъ опять выступаютъ на глинистыхъ горбахъ убогія починки.

— Вся эта округа Уральскимъ монастырькомъ зовется.

— Гдѣ же монастырь?

— Да тутъ нѣтъ, никогда и не бывало монастыря. Такъ народъ прозваль — и пошло...

Совсѣмъ безжизненная, унылая мѣстность, а между тѣмъ тоже богатый рыбный ловъ въ сѣти и на самоловныя уды.

— Намъ съ этими ловами толку мало, потому всѣ они по чужимъ рукамъ разошлись.

Общественныхъ тоней нѣтъ, рѣка уже въ частномъ владѣннн. Рыбачуть по найму, да и не стоитъ: меньше гривенника въ день приведется получить, лучше идти бѣляны строить, коли на такое дѣло сподрученъ. Здѣшняя бѣляна по Камѣ, да и по Бѣлой рѣкѣ славится, а строителямъ тутошнымъ передъ другими великая честь! Уральскій монастырекъ на бѣляну первый мастеръ.

— Погодите-ка, баржи совсѣмъ перебьютъ дорогу нашимъ бѣлянкамъ. Не далеко съ бѣянами уйдешь...

— Куда баржѣ! На бѣяну экую ли гору взвалить — все вынесетъ.

— Станутъ и баржи большія дѣлать... Пока еще не весь лѣсъ перевели, да башкирскія дебри цѣлы, такъ бѣляны вамъ сподручно ставить, а вотъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ по рѣкѣ Бѣлой да по Уфѣ послѣднее дерево свалятъ, тогда что?

— Ну, Господь дастъ... Не вовсе ужь обездолить... Тоже вѣдь молимся ему...

— Вы бы лучше лѣса берегли... У насъ вонъ на невьянскомъ заводѣ даже желѣзное дѣло бросили, обращается ко мнѣ приказчикъ. — Счастье, что золото нашли, а то бы тысячь десять народу хоть по міру иди...

— Что-жь такъ?

— Лѣсъ весь сожгли. Верстъ на сто поди лѣсу нѣтъ... Молодяникъ есть, кондоваго лѣса и во всей дачѣ не найдешь. Даже пни, которые были, повывернули и сожгли въ заводскихъ печахъ. У насъ о лѣсоводствѣ вѣдь и понятія не имѣютъ. На милость божію надѣются, а чтобы по рациональнѣй тратить это богатство и думушки нѣтъ... пускалъ пыль въ глаза иностранными словами заводскій артельщикъ.

— Лѣсъ, лѣсъ! Только у васъ и горя, что лѣсъ! Много

вы въ емъ понимаете... озлился толстый какъ боровъ лѣсо-промышленникъ, во всей своей неприкосновенности, съ ра-стегнутымъ воротомъ и медалью на шеѣ.

— Однако, по лѣвому уфимскому берегу ни одной лѣ-сины не осталось.

— За то по правому, вятскому, только за Елабугу — зайдешь, сплошь лѣса пойдутъ. И какіе лѣса-то! Изъ одного дерева пять сажень дровъ нарубишь!

— То-то вы и рубите!.. Мачтовые деревья да на дрова.

— Это гдѣ же? спрашиваю.

— А въ дачахъ Елабужскаго уѣзда...

— Помолчи-ка... вступается лѣсопромышленникъ. — Не мели, чего не знаешь; языкъ-то тебѣ дешево стоитъ, да вѣдь никто тебя за него не тянетъ... Чего ты тутъ на-звонилъ? Нетто я себѣ врагъ — мачтовое дерево на дрова изводить! Мачтовое дерево — на порубку тогда я пушу, коли оно переспѣлое. Четырнадцать вершковъ есть въ комлѣ — на мачту чудесно, а только на вершокъ перепу-стишь его, оно ужъ и переспѣло, пили его, либо руби. Коли дряблый комель, какая же мачта тебѣ изъ лѣсины будетъ?.. Не выкроишь ее... Ты бы про елабужскіе лѣса лучше помалкивалъ... У помѣщиковъ покупаемъ дачу — сплошь валимъ, у казны — тоже, а въ Елабужскомъ уѣздѣ съ тѣмъ и отдають на вырубку, чтобы деревья семянные оставлять.

— Что же вы платите за десятину?

— Коли средній лѣсъ семьдесятъ, много-много сто рублей отвалимъ. Да еще кое-кому соску въ ротъ дашь — пососи-де... Всякому пить-ѣсть надо; мы за этимъ не стоимъ.

Потомъ я самъ встрѣчалъ эти елабужскіе лѣса. Изъ-подъ топора дача выходитъ разрѣженной. Сиротливо, далеко одно отъ другаго стоятъ сѣмянные деревья; между ними пни

торчатъ, молодая поросль робко выбирается изъ-подъ нихъ; солнце, которому еще недавно и доступа не было въ темную чашу, щедро обливаетъ зноемъ и свѣтомъ сырыя промежи, высушивая ихъ... За то отъ «господскихъ» лѣсовъ не остается, дѣйствительно, ничего — не только сѣмянныхъ деревьевъ, но и пней нѣтъ. А такіе лѣса все чѣмъ дальше, тѣмъ усерднѣе продаются культурными баричами, прожигающими жизнь въ столицахъ или за-границей, неимѣющими понятія о томъ, какія сокровища сбываютъ они за безцѣнокъ промышленникамъ. Большую часть этихъ угодій скупаютъ купцы, но и крестьянство выступило недавно конкурентомъ по лѣсоистребленію.

— Вотъ у Техтерева, у помѣщика, зимой крестьянинъ нашъ полтораستا десятинь облаговѣстилъ, а нынче уже по Ижу-рѣкѣ сплавилъ полторы тысячи сажень дровъ. Дровами-то онъ весь свой расходъ покрылъ, а чаша-то еще только по краямъ тронута. Господь дастъ — въ два лѣта всю свалить и немалый капиталъ наживетъ... Богъ, братъ, знаетъ, кому помочь.

Лѣсъ особенно усердно рубится по притокамъ Камы, лишаемой, такимъ образомъ, питательныхъ вѣтвей, потому что вода въ небольшихъ рѣченкахъ только и держалась, благодаря обступившей ихъ со всѣхъ сторонъ чащѣ. На низменныхъ мѣстахъ, гдѣ произведена порубка, образуются луга, на высокихъ — пашни.

— Тоже и насъ безъ толку ругаютъ, живописалъ лѣсопромышленникъ. — Знаешь ли, какой на пашнѣ лѣсъ подымается, дай ему только волю. У насъ есть такія мѣста. Прежде тамъ пахали, а теперъ, черезъ шестьдесятъ лѣтъ, строевой лѣсъ поднялся. Что ни лѣсина — то и капиталъ! каждому мѣсту свое дерево: послѣ ржи соснякъ подымается, послѣ яровыхъ либо гречи — березнякъ запушится.

Я мальчонкой несмышленочкомъ съ покойнымъ тятенькой ѣздилъ — все онъ мнѣ рассказывалъ: «вотъ здѣсь мы бывало пахали, а теперь хоть избы строй изъ лѣсу». На пахатной землѣ важный лѣсъ ростеть. Возьми-ко дрова съ него — слой въ каждомъ полѣнѣ толстый, середка камень. А съ лѣсу, что на простой землѣ выросъ, какая радость? слой въ немъ тонокъ, что бумага, сердцевина — рыхлятина самая... Плюнешь на него и прочь пойдешь, потому по нашему промыслу это яманъ дѣло выходить.

— Что же это нонѣ лѣса на пахатной землѣ не растутъ?

— Нонѣ... А тебѣ бы въ годъ надо, либо въ два? Тутъ десятками лѣтъ молодятникъ подымается... Ему надо окрѣпу дать. Пусть выстоитъ, налетъ да закаменѣетъ комлемъ.

— Дашь ты ему окрѣпу! Нѣтъ, ты схватилъ вонъ подрядъ да живымъ манеромъ и свалилъ молодятникъ. Вѣрь ему, обратился ко мнѣ оппонентъ лѣсопромышленника, — ему что! Онъ на все зарится. Тутъ у одного помѣщика такая ли дуброва стояла — дѣдовская, рощена да выхолена не по нынѣшнему. Что-жь бы ты думалъ: онъ къ этому помѣщику въ Питеръ послалъ, да съ управляющимъ снюхался. Весь, де, вашъ лѣсъ паломъ сгубило. Божеское наказаніе! Одни, де, обгорѣлые пни остались. Тотъ продалъ ему, не глядя, пни-то эти за безцѣномъ, а онъ, поди, десять тысячъ плотовъ кондоваго бревна изъ этихъ пней выгналъ. Вонъ тотъ тебѣ про башкирскіе лѣса говорилъ, что они стоятъ еще. А какъ стоять, знаешь ли! Всѣ ужъ запроданы. Бирскій купецъ такой есть — Уткинъ прозывается — онъ у башкирскихъ старшинъ пятьдесятъ тысячъ десятинъ крѣпколѣсья купилъ по пятнадцатинному за десятину. Какъ передъ Богомъ, говорю.

— У какихъ это старшинъ?

— А башкиры ихъ ханами зовутъ. Такъ у хановъ. Да въ вѣчное владѣніе купилъ лѣса, съ землею, по сплавной рѣкѣ, по Бѣлой.

— Да что-жь они цѣнъ на лѣса не знаютъ?

— Башкиры-то? Башкиры народъ смиренный, робкій. Будемъ прямо говорить — глупый народъ. Онъ всего послушаетъ. А Уткинъ имъ такую канитель развелъ, что ты бы и даромъ радъ лѣсъ отдать. Онъ имъ что ввернулъ: у кого, говоритъ, земли много, съ того и солдатъ много возьмутъ! Далъ онъ имъ пустыки самые и сейчасъ же заложилъ Савостьянову всю эту округу за шестьдесятъ тысячъ рублей, а потомъ въ саратовскомъ банкѣ за него сто двадцать тысячъ рублей взялъ. Вотъ оно у насъ какъ дѣла-то дѣлаются. Чудесно! Только крестъ съ себя сними и капиталъ ухватишь. Такъ за своихъ хановъ пять сель башкирскихъ лѣса и потеряли.

— По ихней дурости съ нихъ и рвутъ.

— Потомъ опомнились, да ужъ поздно. Ничего не подѣлаешь.

— Къ адвокатамъ бы обратились!

— Есть у насъ это племя, какъ ему не быть; только знаешь, какъ мы называемъ его, адвоката-то? зміемъ ползущимъ! Тутъ, братъ, простому человѣку заступы нѣтъ. Всякій норовитъ сорвать съ него, что можно.

Темная ночь кругомъ. Внизу плещется Кама, а воды не видать совсѣмъ. Пароходъ у самага берега пробирался. Вонъ массы какія-то. Не то горбины глинистыхъ холмовъ, не то избы.

— Что это?

— Село. Рыбачутъ тутъ. Этимъ только и живутъ. Ловы здѣсь больше ночные. Такъ до Елабуги вплоть поидеть.

— Гдѣ же они ловятъ?

— А на огонь, гляньте-ко туда.

За деревней по берегу мелькало много огоньковъ. Когда пароходъ подбѣжалъ къ нимъ, оказалось, что на песчаной отмели на шестахъ рогожные шалаши устроены. Передъ ними костры горятъ, выхватывая изъ окружающей тьмы толпы рыболововъ. Тутъ и бабѣ было. Пѣсни слышались, только странно какъ-то — взвизгнетъ пѣсня и замретъ. Точно отъ боли кричать. На палтухахъ въ два ряда снасти развѣшены. Картина полна оживленія, по крайней мѣрѣ, здѣсь, среди мертвыхъ береговъ.

Потомъ мы приглядѣлись къ этому. Толпы рыболововъ поминутно встрѣчались и направо, и налево. Замелькаютъ огоньки, подойдемъ ближе — костры оказываются и та же шумная толпа около. У берега разбитыя барки съ желѣзомъ. Обмельзли видимо. Иная барка вверхъ кокорами, точно палое и оглоданное волками животное, подставляющее вамъ только свои голыя ребра. Не глядя на ночь, вокругъ такихъ барокъ возятся и ершатъ лодки, словно воронье, не удастся ли и еще поклевать чего. Вонъ огонекъ посередь рѣки. Тамъ барка обмельзла тоже. Кругомъ кипитъ работа, разгружаютъ желѣзо.

А вверху и внизу тьма.

Тише идетъ пароходъ. Сырая мгла со всѣхъ сторонъ расплзается, даже дышать трудно.

VII.

За Елабугой.

Охваченная зелеными понижами утромъ Елабуга такъ и вырѣзалась на голубомъ фонѣ безоблачнаго неба бѣлыми силуэтами своихъ церквей! Точно вся она вытянулась въ одну линію. Берегъ здѣсь очень похожъ на волжскій. Такъ же гористъ и красивъ. Около какія-то развалины: толстая, каменная кладка образуетъ что-то въ родѣ арки съ деревянными связями. Сложено все изъ громадныхъ каменьевъ. Пахнеть татарщиной, совсѣмъ не русскаго типа стройка.

— Что это?

— А «Чортово городище».

— Рассказываютъ про него что?

— Народъ разное толкуетъ. Мѣсто слѣпое, чего тутъ!

— Чортъ, вишь, у попа дочь сваталъ; попъ ему и задалъ задачу: выстрой мнѣ за ночь церкву. Собралъ чортъ своихъ чертенятъ и давай работать; только-было кончили — пѣтухъ и запой, стройка вся и рассыпалась, каменьемъ о берегъ легла. Это тебѣ одно, а вотъ и другое: стояла тутъ крѣпость, жили въ ней люди разбойные, только и

они своего закона держались. Заплатилъ ты имъ деньги — честь-честью проводятъ тебя по рѣкѣ, вѣдь тутъ быстрина, лукоморья здѣсь. Ну, а не заплатилъ — наведутъ барку на такое мѣсто, что ее и опружить. Тутъ грузъ какой — ограбятъ; купца, либо приказчика въ воду, осетрамъ на кормы, а рабочій народъ — на берегъ и на всѣ четыре стороны вольной-волей. Честь-честью...

Въ Елабугѣ на пароходъ привалила цѣлая толпа судорабочихъ. Здѣсь они оставили барки и должны были возвратиться по домамъ. Что за измученные люди! Синіе подтеки на лицахъ, осунувшіяся жилистыя шеи, бороды клочками разбросало во всѣ стороны, дышуть съ натугой, видимо усталъ одолѣла, да и безкормица, не глядя на хозяйскій харчъ, обнедужила ихъ. Пѣшкомъ бы назадъ пошли — новое горе, торопиться надо: полевая работа не ждетъ, а тутъ еще и приказчики хозяйскіе расчетъ держали. Къ намъ по сходимъ шли они, понурясь, съ натугой, переступая съ ноги-на-ногу, хотя точно также они могутъ десятки верстъ обломать въ одинъ день.

— Экъ навалило! поморщился капитанъ.

— Вамъ же лучше: пассажировъ больше.

— Какіе это пассажиры! посмотрите-ка какая сейчасъ торговля пойдетъ.

И дѣйствительно, судорабочіе навалились на помощника капитана. За весь конецъ до Перми слѣдовало взять по рублю, но пароходы для бурлаковъ дѣлаютъ исключеніе и пускаютъ ихъ гораздо дешевле.

— Возьми по двугривенному! убѣждали судорабочіе.

Помощникъ упирался на сорока копѣйкахъ.

— Колчинскіе пароходы дешевле берутъ.

— Вы и ждите колчинскихъ!..

— Нечемъ намъ платить-то... Достатки наши вѣдомы.

— А это уж ваше дѣло.

Обѣ стороны изморомъ донимали одна другую, пока не состоялось соглашеніе везти за тридцать копѣекъ съ человѣка, съ тѣмъ, чтобы пассажиры эти работали по нагрузкѣ дровъ на пароходъ.

— Смотрите же, чтобы спора не было... Работать какъ слѣдуетъ...

— Мы привычны. Будь спокоенъ...

Какъ заняли мѣста, такъ и легли въ повалку, плотно одинъ къ другому. Толпа большая, а примостилась такъ, что мѣста самую малость заняла. Кошело подъ голову и, спустя минуту, вся эта натуженная толпа спала уже, и спала вплоть до Пьянаго бора. Спала подъ солнцемъ, обжигавшимъ лица и открытыя груди. Иной и повертывался даже къ солнцу. Потъ такъ и прошибаетъ, лбы мокрые, волоса космами пристали, тутъ же и отъ трубы пароходной жаромъ прихватываетъ, а бурлаки и шевельнутся рѣдко.

Около Елабуги хлѣбопашное село Питки. И большое вѣдь, и богатое, а постройки — точно гнилье какое по берегу разсыпано. И вездѣ такъ. Промысловый починокъ — избы на славу изъ кореннаго лѣсу, улицы чисты, народъ крѣпкій — богатство, а только на хлѣбопашца наткнешься, будь хоть египетскіе урожаи, все равно: жалкія избы сбиты въ кучи, навозомъ пахнеть, соложенные кровли подгнили, точно лишаями покрыло ихъ, у воды черныя торчатъ, какія-то развалившіяся постройки въ самую рѣку вдвинулись.

На верху татары спокойно совершали свои утреннія молитвы. Въ это время матросы старались и не ходить близко, чтобы не мѣшать имъ. Совсѣмъ не то, что мнѣ привелось видѣть на пароходахъ русскаго общества по Черному морю, гдѣ цѣлая ватага пассажировъ и служа-

щихъ безцеремонно острословила надъ молящимися горцами. Населеніе здѣсь чрезвычайно терпимо. Религія не вызываетъ розни. Народъ гораздо развитѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ. Вообще, такъ по всему горнозаводскому Уралу и по Камѣ. Тутъ наткнетесь на такіе типы нравственно-красивыхъ, умныхъ крестьянъ, что только руками разведешь, да, вспомнивъ наши порядки, невольно воскликнешь: «откуда намъ сіе!» Татары, когда мы дошли до «Чортова городища», обратились лицомъ къ нему.

— Они почитаютъ это мѣсто... По ихнему тутъ святой татарскій жилъ.

Еще, слѣдовательно, третье толкованіе. Вообще, начиная отъ Елабуги и выше, что ни мѣсто — то былина. Преданія за преданіями и въ нихъ уже слышится имя Ермака. Вотъ, напримѣръ, деревня Подмонастырьѳ. Оказывается, что на горѣ когда-то обитель стояла. Кама здѣсь шалить. Теченіе ея загромождено крупными камнями, кстати же, она излучину дѣлаетъ, такъ-что кипѣнь здѣсь и для парохода не совсѣмъ безопасная, не говоря уже о баркахъ, которыя разбивались тутъ десятками, если не приставали нѣсколько выше къ берегу и не молились въ монастырѣ. Народъ толковалъ, что въ самой излучинѣ чортъ сидитъ, которому дана была власть разбивать барки, непристававшія къ монастырю.

— Только Ермакъ этого чорта и ограничилъ. Онъ съ одного инока крестъ взялъ и бросился въ самую излучину къ чорту. Схватились они тамъ — поднялись. Кама выше берега, вскипѣла вся. Надѣлъ Ермакъ Тимофѣевичъ крестъ на чорта и сгинулъ онъ съ той поры совсѣмъ!.. Оттого и монастыря не стало, потому приставать къ берегу не требовалось, монахи обѣднѣли и разошлись кто куда.

Тутъ къ намъ на пароходъ пьянаго купца принесло.

Скуластый, узкоглазый, штаны въ голенища. На самой пристани онъ съѣздилъ по уху своего приказчика, причемъ тотъ какъ-то особенно ловко на отлетъ размахнулся фуражкой и приложился къ хозяйской рукѣ. На пароходѣ купецъ по первому разу шумъ поднялъ. Присталъ къ одному юному офицеру...

— Кабы за деньги да генераломъ можно было быть, такъ я давно бы въ апалетахъ щеголялъ... Дѣло не мудрое... Только еройственный голосъ имѣй. А ты хотя и офицеръ, а рыла отъ меня не вороти, ты поглянь-ко, что у меня за голенищемъ складено...

— Полегче, купецъ, полегче, сталъ унимать капитанъ.

— Это ты кому — мнѣ?

— Вамъ-съ.

— Мнѣ, ахъ ты подлець! Иди-ко въ трубу съ машинистомъ разговаривай. Да не суйся, коли твою ничтожность не замѣчаютъ. Ты какъ думаешь, ты разозли меня, такъ вѣдь я что. Возьму я у него у Ефимыча этотъ пароходъ, да и прогоню тебя въ три шеи, только и всего. Капиталовъ намъ славу Богу хватить.

И капитанъ уходитъ прочь, видимо теряясь передъ неотразимой логикой купецкаго могущества.

А по теченію то и дѣло встрѣчаются разбитыя коломенки. Вонь указываютъ мѣсто, гдѣ одиннадцать коломенокъ съ желѣзомъ и казенными ядрами утонуло. Только вода надъ ними немного вскипаетъ, а то бы и не замѣтить ихъ вовсе. Оказывается, что была непогода, раскочило ихъ вѣтромъ, разметало бортовую обшивку и образовались течи. А тамъ — прямо на дно. Гдѣ по берегу балаганъ стоитъ, тамъ супротивъ непременно на днѣ барка застряла, а такихъ балагановъ много. Въ одну только бурю,

продолжавшуюся два дни, отъ 4 до 6 мая, между Елабугой и Лаптевымъ шестьдесятъ два судна разбило.

— Это еще что! Противу лѣтошняго въ Камѣ вода больше держитъ. Мы паузились лѣтось здѣсь на аршинѣ и двухъ вершкахъ, а теперь на двухъ аршинахъ!..

— И ничего ты-то мнѣ сдѣлать не можешь! слышится негодующій голосъ пьянаго купца. — Ты глянь-ко, что у меня за голенищемъ складено, да тогда со мной и разговаривай!

VIII.

Челны и Пьяный-Боръ. — Крестьянскій врагъ. — удѣль. — Прикамскія пустыни. — Рѣка Икъ и иковцы. — Преданіе о Ермакѣ.

Пароходъ лѣниво ползеть по Камѣ. Жаркій лѣтній день томить до того, что даже лоцманъ у рулеваго колеса жмурится на солнце и зѣваетъ. На палубѣ старикъ-мѣщанинъ изъ Елабуги, въ большомъ зеленомъ картузѣ, съ громаднымъ козыремъ въ видѣ навѣса, рассказываетъ уже десятую сказку про Ермака Тимофеевича. Я словно сквозь сонъ слышу:

— И повелѣлъ Ермакъ Тимофеевичъ оное татарскую царевну поставить предъ свои ясныя очи... Сейчасъ атаманъ, Иванъ Гвоздь, въ бранные доспѣхи снаряжался, бралъ мечъ свой булатный, что всей-ли татарвѣ карнаухой грозѣнъ былъ...

Старикъ, словно во снѣ, черезъ силу доканчиваетъ свою сказку. Не говоритъ, а будто каплетъ. Я тоже сквозь сонъ его слушаю. Сморило совсѣмъ. А рѣка медленно струится по сторонамъ; еще медрениѣ смѣняются по берегамъ щедро облитыя солнечнымъ свѣтомъ жидковатыя рощи, кое-какъ

поднявшіяся на мѣстѣ вѣковыхъ порубленныхъ боровъ, какъ хилое и золотушное поколѣніе дѣтей, смѣнившее когда-то сильныхъ, рослыхъ и здоровыхъ отцовъ. Наконецъ, сквозь тяжелый полдневный сонъ слышу я свистокъ... Колеса шибче заработали, пароходъ стало встряхивать...

— Сейчасъ богатая пристань будетъ. Челны!.. Вы какъ кажется любопытствуете?

Смотрю, тотъ же старикъ съ зеленымъ картузомъ будить меня.

— Тутъ страсть, что хлѣба сплавляютъ... Ишь — сколь барокъ понасажано...

Дѣйствительно, берега сплошь унизаны свѣжими барками. Далеко пахнетъ сосною. Подъ солнцемъ даже ихъ въ потъ ударило — янтарная смола проступаетъ сквозь барочную обшивку; на баркахъ никого: точно сонное царство какое-то. На самомъ берегу правильные ряды хлѣбныхъ сараевъ. Изъ-за нихъ едва-едва мерещутся кровли и ярко горятъ на солнцѣ золоченыя главы церквей.

— Сюда со всей округи купецъ идетъ — хлѣбъ закупать. Есть такіе, что по триста тысячъ кулей сплавляютъ, вотъ какъ! Тутюшній купецъ, будемъ такъ говорить, левиофанъ-рыба, промежду другихъ. У него за голенищей столь складено много, столь много... Только одного въ нихъ нѣтъ — по человѣчеству не понимаютъ.

— Какъ это?

— Придутъ крестьяне, которые должны ему — онъ зимою задатки задаетъ, чтобы по малой цѣнѣ хлѣбъ взять. У мужика, звѣстно, зимой нужна лютая... Ну а къ лѣту бываетъ, цѣны въ гору вѣдуть... За рупь порядился, а цѣна три! Сойдутся мужики къ ему, къ левиофану-то, и давай молить его... А онъ сидитъ у окошечка, чай пьетъ,

и точно никого передъ имъ... Молчить, да въздыхаетъ. Видалъ я разъ, какъ мужики наши по этому самому случаю плакали. Стоять сердешные, сѣдые которые, и, что ребята, ревмя ревутъ: помилуй Степанъ Ефимычъ. А Степанъ Ефимычъ стакашекъ за стакашкомъ холостить себѣ знай и ухомъ не ведеть. Вотъ они какіе. Нонѣ на жиды все ваять; я тебѣ скажу одно: съ жидомъ куда вольготнѣе, чѣмъ съ нашимъ православнымъ купцомъ...

Отсюда всѣ грузы идутъ къ Рыбинску. Какъ мужики-хлѣбопашцы, точно также и бурлаки вовсе не имѣютъ повода радоваться своимъ нищенскимъ заработкамъ. На баркахъ поставленные купцами прикащики дерутъ такія цѣны за харчи, что вятскіе и пермскіе судоходы денегъ никогда не увидятъ; поэтому, случается, перейметъ ихъ гдѣ нибудь другой левіафанъ, они и бросаютъ хозяйскія суда посередь рѣки, на произволь судьбы, пока хозяинъ, въ свою очередь, не перехватитъ съ слѣдующаго каравана.

— Мы, родимый, тутотка грабежомъ живемъ, поясняли мнѣ въ Челнахъ.

— У насъ, будемъ такъ говорить, безъ грабежа нельзя, потому насъ и въ хвостъ, и въ голову. Оглядишься, ну и самъ давай за тоѣ-жь рукомесло...

На отмеломъ побережѣ сложены «уточками», какъ выражаются здѣсь, т. е. углами вверхъ, полѣшко къ полѣшку, выловленные изъ рѣки дрова: сушатся на солнцѣ. Часто плоты съ ними разбиваются — мѣстные рыболовы и пользуются. Какъ хозяина не найдется — себѣ на пользу. «Эта рыбка у насъ въ лѣсахъ растеть, смѣются они. — Эта рыбка у насъ въ чести, ни потрошить ея, ни солить, хоша годъ пролежитъ тебѣ не попортится!.. Ну и покупатель на нее ласковый, согласный».

Около Челновъ большой затонъ, гдѣ зимуетъ множество

судовъ и камскіе пароходы съ баржами. Въ этотъ затонъ заходитъ крупная рыба, а разъ случилось даже и чудо, созданное вѣрно кѣмъ-либо изъ мѣстныхъ остряковъ.

— Какъ бы ты думаль, рассказываль мнѣ тотъ же, наклонный къ баснословію старикъ въ зеленомъ картузѣ, — бѣлугу разъ въ Челнахъ поймали... Совсѣмъ князь-рыба; билась, билась, наконецъ-таки одолѣли, вытащили. Потрошить давай, взрѣзали утробу, а въ утробѣ-то, Господи милосливый, человекъ, и совсѣмъ какъ есть цѣлый... Проглонула она его, какъ былъ въ красной рубахѣ, да плисовыхъ шароварахъ, такъ въ нихъ и остался. И сапоги цѣлые!

— Рантовые? заинтересовался рыбакъ около.

— А ужъ этого, другъ ты мой, не знаю.

Челны совсѣмъ городкомъ смотрять. Постройки на широкою ногу; дома деревянные и каменные въ два этажа построены; улицы прямыя, широкія. Сараи тоже чудесные — просторные; видимо выводили, не жалѣя камня и дерева. Самые лучшіе амбары и лабазы у удѣла. Удѣль ихъ отдаетъ въ наймы подъ хлѣбъ, самъ же имъ вовсе не торгуетъ. Камень для домовъ и сараевъ вырабатывается изъ мѣстныхъ плитныхъ ломокъ тоже удѣломъ.

— Этотъ удѣль шибко насъ опружилъ! Куда не сунемся — вездѣ онъ. Камень — его, лѣсъ его, земля его, только вода наша, да и то пароходы, которые распугали рыбу-то. Рыбка Божья — она шуму не любитъ, тихихъ пристанищъ ищетъ. Гдѣ люди хитры, тамъ и рыбка по нимъ тоже хитрая стала. Ты вотъ про удѣль поспрошай-ко въ Пьяномъ-Бору, тамъ тебѣ скажутъ. Истинно объѣлъ онъ и опилъ насъ. Ничего нѣтъ у крестьянъ: все ему на потребу пошло. Брюхо у его несытое, сколько туда не вали — все еще мѣсто будетъ. А что удѣль упустилъ, то

купецъ сожретъ. Тутъ, надесь, какое дѣло было. Комаровъ, промышленникъ такой у насъ, въ удѣльныхъ лѣсахъ порубилъ дрова, съ согласу чиновника, а время было пьяное, народъ съ праздника еще не очухался. Комаровъ выставилъ вина — мужички къ ему, что мухи налипли. Онъ и подговорилъ ихъ принять на себя эти дрова-то; тѣ по простотѣ-то и прими. Теперь съ крестьянъ взыскиваютъ пять тысячъ. Избы которыя, скотъ продаютъ, а имъ-то, мужичкамъ, ѣсть нечего, пить нечего.

Пьяный-Боръ обдержался весь. Ничего нѣтъ. Скотину выгнать некуда: все кругомъ удѣльное. Выйдетъ коровенка травы пощипать — пятьдесятъ, шестьдесятъ копѣекъ штрафу, да заморятъ еще хозяина по мытарствамъ разнымъ. Видя, что пяти тысячъ съ пьяно-борскихъ крестьянъ никакъ не взыскать, хоть и остальные клѣти продай, удѣльный чиновникъ придумалъ такую штуку. Съ двухъ сторожей слѣдуетъ штрафу тысячу шестьсотъ рублей. У нихъ ничего, ни кола, ни двора, и взысканіе потому со всѣмъ безнадежно.

— Вотъ, братцы-мужички, возьмите на себя за нихъ за двухъ поруку, тогда я вамъ на годъ эти пять тысячъ отсрочу.

Такимъ образомъ оказывается, что за годъ на 5,000 р. удѣлу угодно получить 1,600 р. %. Это даже и жидамъ-закладчикамъ казалось бы зазорно. И подобныхъ фактовъ не одинъ. Приведенный только наудачу выхваченъ изъ цѣлой массы другихъ, такихъ же.

— У насъ удѣлъ обралъ всю землю, осталась одна гористая, овраги. На нашихъ овражкахъ — ни лѣсники. Прежде своя земля была, купленная... Луга были — луговъ нѣтъ.

— Куда-жь дѣлась?

— А слышь ее удѣль защищаль отъ башкирцевъ, ну и перевелъ на себя.

— Да какже это?

Какъ ни объясняль мужикъ — видимо человекъ темный, чувствуетъ обиду, знаетъ, что ограбленъ, а какъ, на основаніи какихъ статей — ему неизвѣстно. Впродолженіи одного лѣта на коровахъ удѣль собираеть до шестисотъ рублей штрафовъ. Ему это даже выгондѣе, чѣмъ отдавать луга въ кортому. Бьютъ со всѣхъ сторонъ. Везъ татаринъ черезъ удѣльный лѣсъ дрова, вырубленныя законно, съ согласія владѣльца, въ дальнемъ татарскомъ лѣсу. Удѣльный сторожь захватилъ его: у насъ де порубилъ. Давай стрѣлять — ранилъ татарина. Дѣло объяснилось въ пользу послѣдняго; что же вы думаете — явился этотъ стрѣлокъ на скамьѣ подсудимыхъ? Ничуть не бывало, его только перевели сторожемъ въ другой участокъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Вообще всюду по Камѣ, гдѣ удѣль, крестьяне бѣдствуютъ страшно. Въ бывшихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьяне живутъ теперь хорошо, оправились, въ удѣльныхъ — дѣваться некуда отъ прижимки. Когда хотѣли открыть здѣсь ссудную кассу — крестьяне воспротивились. Всѣ стали объяснять: ваша же выгода, къ кулакамъ за деньгами не пойдете...

— Такъ-то такъ, а только и ее удѣль опишетъ.

До того здѣсь все напугано удѣломъ. Жадничаетъ онъ, дѣйствительно, сверхъ мѣры. Протекаетъ черезъ Пьяный Боръ рѣчка Пешорка, извилистая и живописная. Удѣль забралъ по ней нѣсколько площадокъ побойчѣе и застроилъ кабачками. Хотѣли было крестьяне свой общественный кабакъ открыть — нельзя: удѣльные есть. Площадь около пьяно-борской церкви большая, тутъ и базары

воскресные, и ярмарки праздничныя. Мѣсто ходкое; удѣль нацѣливался, нацѣливался, да и оттягалъ ее.

— Изъ-подъ самыхъ глазъ! хлопають себя руками пьяно-борцы.

Несчастливыхъ не сосеть только лѣнивыхъ. Сколько паразитовъ налипло на нихъ — не счесть. Въ Елабужскомъ уѣздѣ, въ Пьяно-Борской, Чекалдинской, Лаушкинской волостяхъ кулаки зимою задають за хлѣбъ по 20 к. за пудъ. Лѣтомъ цѣна случалась до семи гривенъ, а то и до рубля доходила, ниже сорока копѣекъ не падала — все равно. Попы здѣшніе тоже своего не теряють. Одинъ изъ нихъ, чекалдинскій, чтобы больше свадебъ было, выпустилъ слухъ о намѣреніи правительства брать въ солдаты дѣвокъ. Темный народъ струсиль и давай окручивать дочерей за кого попало. Браковъ было бездна. Онъ же сталъ молебны служить въ долгъ крестьянамъ. Года два продолжалъ эту операцію и когда за крестьянами насчиталъ нѣсколько тысячъ — къ мировому посреднику. Черезъ этого Соломона праведнаго и взысканія произвелъ съ надлежащими процентами, продавъ крестьянское имущество съ публичнаго торга.

— Ужь такая забираха былъ! вспоминають чекалдинцы своего жаднаго пастыря.

— Теперь удѣль до нашихъ лововъ добирается!

А около Пьянаго-Бора ловы, дѣйствительно, могутъ быть чудесныя. Противъ самаго села въ озерахъ попадаются сомы пудовъ до пяти. Повыше, противъ ключей, есть островокъ. Пошли туда черемисы дрова рубить. Слышуть, какой-то шумъ около. Точно что-то громадное бьется въ водѣ. Побѣжали — и дѣйствительно чудище какое-то обсохло на мелко-рѣчьѣ, ворочается, мутину вокругъ такую подымаетъ, что и не разобрать. Черемисы

думали чортъ и струсили. Бѣгомъ домой. Пришли рускіе — оказалась въ ложбинѣ колоссальная бѣлуга, пудовъ въ пятьдесятъ.

— Отчего имя такое дали — Пьяный Боръ?

— А по всей нашей округѣ — пьяная земляника растетъ *).

Дѣйствительно, отъ мѣстной земляники чувствуется легкое опьяненіе, кружится голова, клонить ко сну.

Лѣса отсюда опять пошли. По обѣимъ сторонамъ Камы — дрема безпросвѣтная. Сама рѣка среди нихъ кажется необыкновенно пустынною. Изъ круглыхъ зеленыхъ облаковъ молодой и веселой липы стройно выскакиваютъ верхушки елей и правильныя красивыя пихты, такъ напоминающія южныя кипарисы. Ими горы покрыты точно острыми шпильями. Удивительна эффектны онѣ въ золотистомъ блескѣ лѣтняго солнца, рѣзко выдѣляясь темными силуэтами изъ зеленого царства кудрявыхъ лѣсовъ, лѣниво спящихъ въ зноѣ и свѣтѣ по скатамъ и крутогорьямъ. Кама суживается здѣсь, но вода струится еще тише и медленнѣе, точно и она поддалась поэтической дремѣ обступившихъ ее зеленыхъ вершинъ. Все это мѣсто красивое, сочное, лѣсистое, называется Тихими-Горами. Солнечный свѣтъ, кажется, постоянно зыблется на этихъ горахъ, тихихъ потому, что здѣсь ни сильнаго вѣтра, ни штормовъ не слышали. Караваны барокъ отдыхаютъ среди этого задумчиваго приволья. Штормы начнутся опять, въ Пьяномъ-Борѣ, гдѣ горы отходятъ назадъ, открывая лѣниво текущую рѣку на жертву сѣверовосточному вѣтру.

— Тутъ чаща такая — не пройти. Липнякъ, орѣшникъ,

*) Пьяный Боръ, о которомъ рассказываю я, въ Вятской; есть еще Пьяный Боръ въ — Уфимской губерніи.

мелкій дубокъ переплелись. Солнцу скрозь не пробиться; тамъ въ сырыхъ низинахъ грибу раздоле, высоко подымается. Черви кишатъ, змѣи даже водятся. По Камѣ змѣи здоровые. Иная въ руку. Есть по чернолѣсью поселки, народъ совсѣмъ темный живетъ. Точно и до него солнце пробиться не можетъ. Шибко пьютъ у насъ. Вина сколько хочешь. Въ одномъ Сарапулѣ четыре, да въ его уѣздѣ съ Елабужскимъ, вмѣстѣ шестнадцать большихъ винокурень. Большія деньги обираютъ. Наши крестьяне сами было хотѣли обществомъ держать заводъ, все бы доходу больше было — писаря помѣшали. Вопче, милый ты мой, одно тебѣ скажу — по всей нашей округѣ писарь самая первая язва. Вонъ, вишь, Сослоуши — татарская деревня.

— Вижу. И я сталъ всматриваться въ чистенькія избы, словно дождемъ обмытыя на некрутомъ берегу.

— Тамъ народъ живетъ хорошо. Главная причина — питейнаго дома къ себѣ не пускаютъ. Хотѣли было силой, писарь верховодилъ, мирового улещаль, чтобы кабакъ къ нимъ, татарамъ, посадить безпремѣнно; ну, бунтъ вышелъ. Сказываютъ, двухъ мухаметовъ въ Сибирь сослали, а кабака все-жь у нихъ и посель нѣтъ.

Село Тихія-Горы Ушаковымъ живетъ. Ушаковъ поставилъ здѣсь химическіе заводы для обработки купороса и купороснаго масла. Сѣрный колчеданъ для этого добывается въ дали, въ Гороблагодатскомъ округѣ, по рѣкѣ Салдѣ, и сплавляется въ Каму по Чусовой. Количество такого сплава въ иной годъ доходитъ до 860,000 пудовъ. Самые заводы на видъ крайне не казисты, а между тѣмъ, дѣло въ нихъ дѣлается большое, миллионное. Самое село Тихія-Горы видно еще издали. Рѣка тамъ дѣлаетъ излучину и надъ нею, гдѣ берега совсѣмъ сходятся, точно въ воздухѣ виситъ оно съ своею стройною бѣлою церковью.

Народу живется здѣсь плохо. Въ самое лучшее время больше пятнадцати рублей въ мѣсяцъ семья не зарабатываетъ; кругомъ мѣста людныя и цѣны на заводѣ постоянно сбиваются пришлымъ голоднымъ людомъ. За Тихими-Горами Кама ширится. Берега точно засыпаны селами. У самой воды — русскіе, подалее отойдя, среди луговъ, мерещутся татарскія и башкирскія. Деревянные мечети подъ косыми лучами солнца точно загораются.

— Башкирамъ бѣда теперь! Солдатъ нужно натурой ставить. Давно это было, у татаръ и у башкиръ разная солдатчина оказывалась. Башкиры за мѣсто ее лошманили *). Лиственницу изъ Перми, изъ-за Урала сплавляли сюда. Теперь подъ сѣрую шапку должны. И солдаты же изъ ихнихъ выходятъ! Поросенокъ уронить... Жидкій народъ, еще нашихъ тошнѣй.

По всѣмъ здѣшнимъ мѣстамъ чудесныя охоты: охоты по всему берегу. Сынъ пароходо-владѣльца Сироткина, повыше Балахны, въ восьми верстахъ, не разъ бивалъ лосей. Медвѣдей, по здѣшнему чернолѣсью тоже сколько хочешь. У вотяковъ даже есть очень остроумный способъ заставлять медвѣдей самихъ избивать себя. На ульяхъ устраиваютъ родъ качелей — самобитка. Сверху виситъ тяжелая чурка. Она мѣшаетъ медвѣдю добратся до лакомаго меда. Онъ ее лапою — она раскачается и по мордѣ мишку. Тотъ ее опять лапою — она его снова въ лобъ. Медвѣдь чѣмъ больше злится, тѣмъ сильнѣе бьетъ, и тѣмъ сильнѣе дуется его чурка. Наконецъ, царь вотяцкихъ лѣсовъ окончательно стервенѣетъ, теряетъ всякое соображеніе и ведетъ съ чуркою смертельный бой. Въ результатъ — ничѣмъ непопорченный мѣхъ и спасенный отъ лохматаго лакомки улей.

*) Лошманъ — доставка лѣсу сплавомъ. Слово удержалось до сихъ поръ.

Есть счастливыя мѣста, гдѣ вотяки такимъ способъ добываютъ по нѣскольку звѣрей въ лѣто.

— Дерево — дерево, а такого звѣря перевозить можно! изумился старикъ-елабужедь, вмѣстѣ со мною слушавшій разсказъ о злосчастныхъ медвѣдяхъ прикамскихъ лѣсовъ.

Невдалекѣ отъ устья рѣки Икъ — Кама стала совсѣмъ красавицей. Гряды береговыхъ горъ одна за другою вступаютъ въ рѣку крутыми откосами, то сѣрыя и песчанья, то зеленяя отъ покрывшаго ихъ лѣса. Позади за ними смутно рисуются другія, еще далѣе мерещутся едва-едва, словно туманъ лежащій на водѣ — третьи. Кое-гдѣ на самыхъ горбахъ стоятъ церкви. Часто далекій выступъ маревои чудится, а изъ этого марева ярко сверкаетъ золотистая искорка. Подплываемъ ближе, искорка разгорается въ золотой куполъ, куполъ вырастаетъ въ цѣлую церковь. Тутъ народъ живетъ богато. Иковцы своею предприимчивостью славятся на округу. Они торгуютъ лѣсомъ, заготовляя его въ казенныхъ дачахъ, сѣютъ много хлѣба, умѣютъ избѣгать кулаковъ-скупщиковъ. Большинство богатыхъ елабужскихъ купцовъ изъ приустынскихъ икскихъ крестьянъ вышли. Все это народъ пошире остальныхъ. Умѣютъ наживать, умѣютъ и тратить. Такъ, на примѣръ, Стахѣевъ пожертвовалъ 200,000 р. на устройство реального училища, выстроилъ десять церквей на Аюонѣ и еще болѣе воздвигъ храмовъ по Вятской губерніи. Иковецъ встрѣтится на всякомъ базарѣ, даже на Волгѣ. Иковцы заѣзжаютъ съ товарами и въ отдаленную Сибирь. Имъ вообще не сидится на мѣстѣ. Домѣ, и жены ихъ тутъ, а сами хозяева — ищи вчерашняго вѣтра. Разъ въ годъ явятся, сходятъ въ церковь, попарятся въ банѣ, отдохнутъ дня два-три и опять, смотришь, ужъ снимаются съ якоря.

Бродяга-иковецъ даже мало прилежить къ своему селу. Архангельскій крестьянинъ, уходящій на долгіе отхожіе промыслы, весь свой заработокъ убиваетъ на то, чтобы дома вывести избу попросторнѣе, да повыше, яруса въ два съ мезонинонъ, украсить ее зеркалами, нѣмецкою мебелью, картинами почуднѣе. Иковцу все равно. Какъ отецъ и дѣдъ его жили, такъ и новое поколѣніе живетъ. Лучше хоронить деньги, и онъ бережетъ ихъ пуще глаза. Поэтому въ икскихъ селахъ хорошихъ построекъ вовсе нѣтъ. Бабѣ и такъ хорошо, а мужу все равно — рѣдко домой попадаетъ. Когда нашъ пароходъ, пыхтя и выбрасывая тяжелые клубы черного дыма, проходилъ мимо — иковскія бабы и дѣвки съ гребня поспѣшно сбѣгали внизъ къ пристани. Вѣтеръ во всѣ стороны разбрасывалъ яркія полотнища ихъ пестрыхъ сарафановъ, на солнцѣ кумачъ горѣлъ какъ поल्या, веселая пѣсня не совсѣмъ скромнаго содержанія неслась къ намъ на встрѣчу.

— Ну и бабы! съ видимымъ удовольствіемъ вздыхаетъ сосѣдъ.

— Здѣсь баба дорогая! Двухъ мужиковъ ограбить можетъ. Силы въ ей сколько хошь. Съ здѣшной бабой безъ ласки нельзя — обидить.

— Нѣтъ бабы лучше, какъ на Икѣ... Ходовья! Съ баркой управиться могутъ; глубже ея плугомъ земли не взроешь... Ты какъ думалъ? Иковская баба есть, Матрена, съ ружьемъ на медвѣдя ходитъ; этакого ипостаснаго звѣря бьетъ!.. Вотъ онѣ какія тутъ!

Жаль было, что пароходъ уходилъ такъ быстро. Казалось весьма интереснымъ взглянуть въ бытъ этой своеобразной бабей республики; но времени не хватало: цѣлью поѣздки былъ Уралъ. Камѣ поневолѣ приходилось отдавать очень мало. За Икомъ поднимались по берегу-глиня-

ныя горы. Я не сходилъ съ палубы, любясь эффектами яркой зелени дубняка на красномъ и коричневомъ фонѣ растрескавшейся и разщелившейся глины... Совсѣмъ не видать иной почвы. Кажется, что корни уходятъ прямо въ глину. Невольно воображеніе рисуетъ другія картины далекой страны, гдѣ горячее южное солнце спалило землю и цѣпкіе корни рѣдкой поросли глубоко пробираются въ нѣдра пустыни, жадно высасывая оттуда скудную влагу. Материнская грудь кормилицы-земли изчахла тамъ подъ знойными лобзаніями безоблачнаго неба... Здѣсь оно, слава Богу, не такъ горячо. Вотъ дождевая тучка стороной идетъ, обливая жаждущіе влаги луга обильнымъ дождемъ. Опять Кама съузилась, вновь начинаются сочныя, зеленныя, красивыя мѣста. Вотъ устье рѣки Ижа, противъ такого же устья Ика. На верховьяхъ Ижа — знаменитые заводы, верстъ за 200 отсюда. Мы плывемъ мимо татарскихъ, башкирскихъ и русскихъ деревень. И странное дѣло, оказывается, что русскіе здѣсь были очень церемонными завоевателями и колонизаторами. Они заняли подъ свои поселки худшія мѣста. На лучшихъ сидятъ башкиры, на среднихъ — татары, на самыхъ неспособныхъ — русскіе построились. Чуть лужайка поярче — татарское или башкирское сельбище; русь гнѣздится на глинистыхъ горахъ. Разумѣется, устья — мѣста подходящія для сплава, у насъ. Сюда татаринъ и не ходитъ, совсѣмъ не его дѣло, не умѣетъ онъ пользоваться этимъ. По Ижу, напримѣръ, весною ходятъ барки, бѣляны, лѣтомъ плоты бѣгутъ, но ни на тѣхъ, ни на другихъ, ни на третьихъ нѣтъ чужой молвы, нѣтъ бусурманскато облика. Скуластая и узкоглазая татарва только съ берега любитъ на кипучую дѣятельность христіанъ и не завидуетъ ей, хорошо зная, что русскій бурлакъ не свое гонитъ, а хозяйское, не на своемъ

плыветь, а на хозяйскомъ. Не завидуетъ татаринъ потому, что онъ лучше ѣсть и лучше живетъ, чѣмъ наши вятчане и пермяки. Тутъ и купцы татарскіе есть. И нужно сказать правду: они къ своимъ гораздо лучше относятся, чѣмъ русскіе къ нашимъ. Всѣ эти Бикмаевы, Юнусовы, Тевтелевы вовсе не пользуются дурною славою, а послѣдній даже избранъ муфтіемъ въ Уфѣ. Въ противоположность Ижу — Икъ рѣка совсѣмъ пустынна. Предпріимчивые иковцы работаютъ на чужой водѣ; по Ику, не смотря на его доступность маленькимъ пароходамъ, не гонятъ даже сплавныхъ судовъ весною. Изрѣдка только изъ притока Ика, Мензелинки, выползетъ жалкая лодченка, пощупаетъ неводомъ воду и спѣшитъ назадъ. Бѣлицкіе едва могли поставить на Икѣ мельницу: такъ сильно течение, такъ глубоко, что запруды здѣсь трудны и зачастую ихъ сносить прочь.

— Омутистая рѣка наша... Сколь въ ей нечисти! говорятъ иковцы. — Сказываютъ, есть такія мѣста, которыя Ермакомъ заклѣты. Туда онъ свои клады хоронилъ. И понѣ пойдеть кто туда купаться, его нечисть эта самая за ноги на дно тянетъ. Не осилишь — Господа забудешь помянуть, и не видать тебѣ свѣта божьяго! Тутъ-то надъ Икомъ, ежели по ночамъ прислушаться, въ водѣ разный языкъ слышенъ, словно бы изъ одного оута въ другой перекликаются... Страхъ возьметъ!..

— Откуда же въ Икъ попалъ Ермакъ?

— Тимофеевичъ-то! Слава Богу! Ему ежели не попасть, такъ кому же. Онъ здѣсь отъ царскихъ приставовъ долго хоронился. Но только и ему поперегъ горла подошло... Устье-то воевода какъ-то занялъ и давай вверхъ на него тучей надвигаться. Въ берега не уйдешь, ишь крутоярье какое!.. Ничего тутъ не подѣлаешь!.. Думалъ сначала

Ермакъ бой принять, да силы у него не хватило... Выплыль онъ съ лодкой своей посередь рѣки и взялъ съ собой только одну любимую царевну татарскую Алмазь.

— Какъ?

— Алмазь царевна прозывалась. Выплыль это онъ и крикнулъ: ахъ ты гой еси, рѣка Икъ могучая, кланяюсь я тебѣ всѣмъ добромъ моимъ: серебромъ, золотомъ, каменіемъ самоцвѣтнымъ, товаромъ дорогимъ... И побросалъ въ рѣку всю казну свою. Замутилась рѣка, приняла Ермаково добро... Тогда онъ взялъ мечъ свой булатный, напослѣдокъ царевну Алмазь поцѣловалъ въ уста сахарны, да какъ полоснетъ — такъ на смерть прямо... Взялъ онъ это ее, голубушку, и въ воду!.. Бултыхъ!.. Опосля онъ давай молить рѣку Икъ, чтобы вызволила его изъ лихой бѣды, спасла отъ конца неминучаго. Ну рѣка Икъ богатыря послухала... Не успѣлъ онъ еще въ свое становье вернуться, какъ поднялась непогода, взбушевалъ Икъ и потопилъ царскія суда съ приставами и московскою дружиною! Съ таё самое поры Икъ и помутнѣла... Омутами ее всю затянуло, потому что она въ этихъ омутахъ казну Ермакову хранить.

Меня поразило сходство этого преданія съ волжскою легендой о томъ, какъ Стенька Разинъ подарилъ Волгѣ-матушкѣ персидскую царевну. Когда я записывалъ это между моими сосѣдями споръ поднялся.

— А знаешь ли ты кому Икъ рѣка свои клады отдастъ?

— Кому?.. Никому не отдастъ... Что ей отдавать...

— Анъ отдастъ!

— Анъ нѣтъ!.. Скажи, если знаешь?

— Старцу отдастъ, который по старой вѣрѣ живетъ... Святой старецъ такой объявится. Когда перестануть старую вѣру гнать и по всей Москвѣ будетъ нашимъ вольно

молиться и въ сѣби била звонить, тогда придетъ сюда старецъ благочестиваго житія и станетъ здѣсь большой скитъ на Икъ-рѣкѣ ставить... Построить келіи, амбары всякіе, пристани, а на храмъ Божій казны у него не хватитъ. Ну онъ тогда возьметъ лодку, выѣдетъ посередь рѣки, какъ Ермакъ, и взмолится Ику, чтобы тотъ ему свою казну схищенную отдалъ. Рѣка и отдастъ казну. И стануть въ мѣстѣ этомъ, и день, и ночь, панафидки по Ермаку служить и по татарской царицѣ Алмазъ, убиенной Тимофеичемъ, молиться... И воздвигнется тутъ храмъ, и будетъ емя всякая слава и честь и великолѣпіе!..

— Скоро это?..

— Скоро, скоро!.. Будетъ у насъ царь такой, который нѣмца изгонитъ и свою старорусскую, исконную, кондовую вѣру вспоманетъ... Иргизскихъ старцевъ на Москву созовутъ, тогда стануть они вкушѣ и въ любви съ митрополитами стадо свое пасти!..

IX.

Прикамская пустыня. — Устье Бѣлой. — Опять Ермакъ. — Каракулино. — Одинъ изъ Кулибиныхъ.

Удивительно пустынные мѣста пошли по Камѣ. Воображеніе невольно переноситъ въ тѣ времена, когда удалыя шайки понизовой и иной вольницы хозяйничали здѣсь и на Волгѣ, ратуя грабежемъ и разбоемъ противъ московской воеводчины и приказной регламентаціи. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ не видать берега подъ сплошными юрвями гусей, лебедей, утокъ и всякой дичи, обрѣвшею здѣсь себѣ нерушимыя убѣжища.

— Вы не охотникъ! отчаявался одинъ изъ пассажировъ, когда пароходъ нашъ плылъ мимо этой пустыни.

— Нѣтъ.

— Я и говорю! Что вы понять можете! Знаете, вотъ за то, чтобы пристать сюда, да пострѣлять маленько, чего бы я не далъ... Сюртукъ бы съ себя долой! Я прежде, знаете, помѣщикомъ былъ, на псовъ разорился. И не скорблю. Живъ Богъ, жива душа моя! Потому это не то, что Ижеесишенскіе да Синепуповы — наши наслѣдники по имѣніямъ. Тѣ благородства не понимаютъ, тѣ вотъ на

псовъ не разорятся. Имъ какой песъ нуженъ? Имъ — для лаю; потому ежели у него такого пса нѣтъ, такъ онъ самъ всю ночь округъ дома будетъ бѣгать и лаять. А у меня песъ былъ особый. Мой песъ иной — умнѣй человѣка былъ; только онъ говорить не говорилъ, а понимать все могъ. Я для охоты что дѣлалъ? — свои же пашни топталъ, вотъ какъ! Разъ у сосѣда, князя Максutowa, пса замѣтилъ. Галилей — песъ! Какое Галилей! всякаго астронома загнать могъ! Я бы посмотрѣлъ, какъ у меня Галилей сдѣлалъ бы стойку надъ селезнемъ, какъ бы онъ у меня въ болото за утку поплылъ. Зефиромъ звали. Красота!.. Какъ посмотрѣлъ я на него въ первый разъ, думаю — мой будетъ. Знаете, дышу этакъ, точно въ горницѣ воздуху мало, такъ бы, кажется, сцарапалъ его и домой! Ну а Максutowъ, не будь дуракъ, уперся. Я ему денегъ — смѣется. Лужокъ у меня былъ, нацѣливался онъ на него, говорю: «хочешь лужокъ на пса?» «Нѣтъ, братъ, говорить, моему псу цѣны нѣтъ!» Что дѣлать? Я было туда-сюда, не поддается. Послалъ я Тимошку — доѣзжачій у меня былъ, эдакая, скажу вамъ, шельма. «Скради! говорю. — Можешь?» — «Отчего нельзя! Скрасть все можно!» И какъ бы вы думали, скралъ!.. да на полдорогѣ Максutowъ его нагналъ, вернулъ, отдралъ у себя на конюшнѣ, какъ сидорову козу. И меня пообѣщался. Черезъ мѣсяцъ на выборахъ помирились. Сталь я опять приставать — не отдаетъ, подлець! А я его и во снѣ, пса этого, вижу; съ лица даже спалъ. Вотъ какъ! Только зажмурую глаза, такъ мнѣ этотъ песъ и представляется. Наконецъ, князь будто смягчился. Говоритъ: «Хочешь мѣнка?» — «Идетъ!» — «Да ты сначала узнай на кого. Отдай мнѣ Лизу, а я тебѣ пса». Сначала я ополоумѣлъ; думаю, что мнѣ по мордѣ его бить, либо за шутку принять? А Лиза, знаете, была у меня въ метрескахъ.

Крѣпостная. Красоты такой, у вашихъ, у городскихъ, не найти никакъ. Талія — вотъ, а бедра въ два обхвата! Сама идетъ — коса за нею ползетъ. Плечи — припаль бы ты къ нимъ и духъ вонъ. Вотъ она была какая! Нынче такихъ нѣтъ, ахъ, нѣтъ!..

И бывшій помѣщикъ задумался.

— Только я, знаете, вернулся домой и совѣмъ охладѣлъ къ ней. Все, знаете, песь передо мною, Зефиръ. Какъ вспомню, какая у него, у подлеца, морда умная, такъ и почнетъ меня мутить. Что-жъ бы вы думали, чуть я не помѣшался. И вотъ такое у насъ благородство было, ничего для дворянской потѣхи не жалѣли. Черезъ недѣли двѣ ѣду къ Максудову. «Чортъ съ тобою, говорю, бери Лизу, давай Зефира!» Такъ и обмѣнялъ на пса. А теперъ я самъ въ псахъ!

— Это что же значить?

— А то же, что я самъ теперъ въ Зефирахъ состою при первой гильдіи купцѣ Сивопуповѣ. Куда онъ меня пошлетъ, я туда и бѣгу. Лѣсъ купить — лѣсъ куплю, артель обсчитать — артель обсчитаю, обмануть кого — обману. И какъ еще стойку дѣлаю. Лапу вверхъ и голову назадъ, къ нему, къ купцу первой гильдіи. Цкни, дескать, — жду, готовъ!.. Скоты мы стали, вотъ что! горько закончилъ онъ. — Пьете?

— Нѣтъ.

— Какой же изъ васъ толкъ? Водки не пьете и на дичь не любите. А намъ безъ этого нельзя... потому одно отличіе отъ пса, отъ Зефирки-то, что онъ водки не можетъ, а мы съ удовольствіемъ. А во всемъ прочемъ ему, Зефиру, преферансъ.

— Что же песь у васъ до сихъ поръ?

— Ау! Былъ, да сплылъ. Тоска меня по Лизѣ взяла.

Куда ни сунусь, вездѣ она передо мною. До того шибко загрузилъ, что песъ этотъ мнѣ противенъ сталъ. Думаю: изъ-за тебя, подлеца. Пересталъ я его на глаза себѣ пу-скать— все забыть не могу. Наконецъ, думаю, что-жь я за мелкопомѣстный, ужли-жь распорядиться не съумѣю, съ псомъ не справлюсь? Привелъ я его на рѣку, навязалъ ему большущій камень на шею, поцѣловалъ въ морду, да съ моста въ воду и ухнулъ. Только его и видѣлъ, Зе-фира-то!

Я помолчалъ.

— А знаете, псы-то вѣдь плачутъ.

— Ну?

— Какъ я ему камень вязалъ, такъ онъ смотритъ мнѣ въ глаза жалобно-жалобно, а у самого, у пса-то, слезы такъ и каплютъ, такъ и каплютъ. И лапою меня по ногѣ скребетъ... Эхъ, подлецы мы, вотъ что! Теперь мнѣ Сиво-пуповъ тоже надѣнетъ камень на шею и толкнетъ въ воду. Одно и то же... на Зефиркиномъ положеніи.

По высокому берегу Камы красныя осыпи глины. Въ нихъ черныя зѣвы пещеръ, точно чудовищныя норы какія-то.

— Тутъ прежде разбойные люди жили, поясняетъ лоц-манъ Терентій. — Шибко гуляли по всей округѣ. Погуляютъ, погуляютъ, пошлютъ за ними полтыщи войсковъ, разбойные люди въ нору — и сидятъ, хилятся. А потомъ опять вы-ползутъ и давай шабаршить.

Особенно красиво устье рѣки Бѣлой. Еще издали вы слышите крики чаекъ и видите, какъ бѣлыми тучами но-сятся надъ рѣкою ихъ безчисленныя стаи. Противуполож-ный берегъ гребнемъ поднялся, по гребню лѣсъ насупился и думаетъ свою старую, вѣчную думу. Ширь, просторъ — направо. Подъ солнцемъ лѣсныя понизи горятъ изумруд-нымъ блескомъ. Прорвали ихъ протоки и рукава, отражая

въ тихихъ водахъ голубое небо, уходя за недвижные боры и опять далеко-далеко сверкая огнистыми зигзагами и тонкими, какъ остріе ножа, щелинками. Вонь Бѣлая раскинулась широко и привольно. Заставили ее баржи и плоты, и медленно струить она между ними свои свѣтлыя, поэтическія воды. Налѣво — коренной, каменный берегъ круто загибается лукою. Надъ нею, по самой серединѣ, полувоздушная, отдѣляется отъ голубаго воздуха бѣлая церковь. Около — громадная черная пещера. Тутъ нѣкогда, по мѣстному повѣрью, жилъ змѣй, отъ котораго не было проѣзда и прохода. Плылъ разъ по Камѣ священникъ съ святыми дарами; змѣй по водѣ къ нему на встрѣчу. Возмолился старикъ: «Ужли-жь ты, Господи, дашь пречистое тѣло своего Сына, Христа Иисуса, на поруганіе чудищу сатанину?» Поднялъ чашу и въ то же мгновеніе съ неба ударила молонья, поразившая змѣя на смерть. Слѣды змѣя показываютъ въ трещинахъ и разщелинахъ глинистаго берега. Это онъ ползалъ тутъ; теперь по нимъ бѣгутъ горные протоки, гремятъ они въ высокихъ оврагахъ и, наконецъ, взмыливаясь бѣлою пѣною, врываются въ спокойныя воды Камы. По другимъ преданіямъ, въ пещерѣ этой жилъ Ермакъ и она ископана его руками. Защитники послѣдней легенды указываютъ на правильную четырехугольную форму пещеры. Ермакъ, видите ли, выбралъ этотъ берегъ потому, что здѣсь никто не могъ миновать его. Съ Бѣлой ли кто ползетъ, по Камѣ ли плыветъ, все одно «скрозь руки» не пройдетъ. На всякомъ пути переймутъ его сторожевые казаки. Пещерѣ этой конца нѣтъ, по словамъ мѣстныхъ жителей. Комната слѣдуетъ тамъ за комнатою, а въ самыхъ дальнихъ, на которыя зарокъ положенъ, спрятаны клады. Дѣйствительно, самое разбойничье гнѣздо здѣсь. Только однѣ чайки пересѣкаютъ воздухъ мимо его отвер-

стія, да сова, бѣгущая отъ Божьяго свѣта, спасается туда съ разсвѣтомъ, вплоть до вечерней зари. Вонъ и деревня Чекалдинская съ знаменитымъ попомъ, взыскавшимъ съ крестьянъ свадебныя и молебныя деньги черезъ мирового посредника; вонъ и Колесниково. Обѣ съ церквами. Дома этихъ деревень точно разбѣжались. Одни схоронились на дно овраговъ, другіе въ лощины спрятались и стоятъ тамъ точно насторожѣ — вотъ-вотъ выскочутъ на встрѣчу; третьи на самый припекъ вползли и горятъ всеми своими стеклами на солнцѣ, точно внутри пожаръ и ярко зардѣвшіеся уголья видны сквозь окна уцѣлѣвшихъ чудомъ стѣнъ. Между домами зеленыя облака всякой поросли. За излучиною — узина. Берегъ еще больше изорванъ щелями, трещинами, оврагами. Вонъ барка ползетъ на встрѣчу, вся загруженная плетенками для тарантасовъ. Люди на ней мошками кажутся. На носу одинъ бурлакъ раздѣлся совсѣмъ, голый блеститъ на солнцѣ. Рубашкою своею интелесуется, во все ея закоулки заглядываетъ, а порты тутъ же висятъ на тычкѣ — сушатся.

— Это нашъ торговый флагъ, указываетъ капитанъ.

— Лучшаго, значить, не стоите! вмѣшивается пассажиръ.

— Отчего не стоимъ?

— Потому вся вамъ цѣна и съ потрохами вашими грошъ, да и то въ базарный день ежели.

— За что это такая немилость?

— А за то... какіе здѣсь капитаны? Про васъ не говорю, вы иная статья, а другіе... Естигнѣва знаете?

— Ну?

— То-то... гдѣ онъ капитанскому дѣлу научился? Жан-дармомъ былъ, проворовался — въ капитаны пошелъ. Те-

перь въ рупоръ дѣйствуетъ. А нѣшто онъ понимаетъ что? Шиляпова тоже встрѣчали?

— Встрѣчалъ.

— У губернатора поваромъ былъ и вдругъ такой духъ почувствовалъ, чтобы въ капитаны. Масленниковъ...

— Ну о Масленниковѣ бы помолчали!

— Почему?

— Добрѣйшая душа.

— Это что жена-то его бьетъ при пассажирахъ, а онъ ее въ ручку сейчасъ — чмокъ? Гдѣ онъ это пароходному дѣлу научился? Городовымъ былъ, послѣ волостнымъ писаремъ. Тоже капитанъ! Немудрено, что вы топите пароходы, каждый годъ топите. Кто въ Нижнемъ главноуправляющій на «Самолетѣ»? Колѣнкинъ. А кто такой Колѣнкинъ? Тотъ, что на Онежскомъ озерѣ пароходъ «Царицу» утопилъ. И какъ только хозяева терпятъ? Я бы этихъ хозяевъ...

— Чего такого? вмѣшался сидѣвшій около элѣфантъ. Голенища бутылками, сюртукъ до пятъ, рожа крутая, заплывшая. Потъ проступилъ, а онъ знай себѣ жмурится на солнце.

— Хозяевъ, говорю, слѣдовало бы... замялся ораторъ.

— Ты расскажи, что слѣдовало бы!.. Я самъ хозяинъ, у меня тоже четыре парохода бѣгають. Чтò слѣдовало бы? Кончай!

— Я кончу, не бойсь!

— Кончай, кончай! Послушаемъ, какая тебѣ цѣна.

— За хвостъ бы слѣдовало...

— За хвостъ?

— За хвостъ... за хвостъ и на солнце...

— Да, вотъ ты какъ... Ишь какая въ тебѣ смѣлость, таперича, свирѣпствуетъ! Ты вотъ какъ!.. А я тебѣ вотъ

что скажу. Поставлю я тебѣ козла своего шкипаремъ, и то ты поѣдешь. Съ козломъ поѣдешь. И въ лучшемъ видѣ... Потому ты чѣмъ торгуешь?

— Мы... мы бѣляны строимъ.

— Чудесно! А я пошлю своего прикащика перемануть твою артель и переману. Сговорю нашихъ купцовъ, чтобы у тебя бѣлянъ отнюдь — и остался ты безъ хлѣба.

— Я, Степанъ Ефимычъ... опѣшилъ тотъ и снялъ шапку долой.

— Нѣтъ, ты постой! Какія твои слова были, ты помни ихъ! Что ты можешь противъ хозяевъ?.. За хвостъ! Нѣтъ, мы еще поглядимъ, какой у тебя хвостъ. Ты его закорючишь.

— Я всегда готовъ, помилуйте! Можно сказать, даже всею душою... А вы не взирайте... потому мы люди маленькіе.

— А горло-то противъ хозяевъ дерешь? Вотъ ты теперь передо мною безъ шапки, а противъ кого ты пошелъ?

— Помилуйте! Отчего же-съ промежду публикой и не поговорить.

— Старше тебя сидятъ — молчатъ. Ты у Семіонова поди кредитуешься?

— Степанъ Ефимычъ, какъ передъ Истиннымъ... за-лебезилъ ораторъ.

— Ты мнѣ отвѣтъ держи! Ты у Семіонова кредитуешься?

— Я передъ вами, то есть, какъ свѣча горю.

— Нѣтъ, какія твои слова были? Кредитуешься?

— Точно что... для ради расчета съ рабочими при-бѣгаемъ...

— Ну такъ теперь отложи попеченіе. Я ему скажу, сколь ты непочтителенъ. Я своякъ ему.

— Не погубите!.. совсѣмъ сморился бѣднякъ. Даже въ потъ его ударило.

— А, не погубите! Хорошо! Сейчасъ мы тебѣ какъ-бы экзаментъ. Съ козломъ поѣдешь?

— Я, Степанъ Ефимычъ...

— Отвѣтствуй кратко! Ежели я шкипаремъ козла своего посажу, поѣдешь?

— То есть... вотъ... ежели... заторопился тотъ.

— Кратко! Поѣдешь?

— Поѣду.

— Съ козломъ поѣдешь?

— Съ козломъ-съ... совсѣмъ упаль духомъ несчастный.

— И ежели козель тебя по шеѣ, можешь ты что противъ козла моего?

— Нѣтъ, не могу.

— И жалиться не можешь? томилъ его хозяинъ.

— Не смѣю-съ.

— И шапку передъ козломъ снимешь?

— Сойму-съ.

— Ну, будетъ. Доволенъ я тобою. Не дури впередъ! Хозяинъ, братъ, Богомъ поставленъ. Ты его не моги!.. Кабы по настоящему, знаешь, какъ бы тебя слѣдовало? Ну, да ужъ такъ и быть! Доволенъ... Не помню я на тебѣ зла. Коли понадобится въ городу — приходи! Я тобою доволенъ...

Вдали показались мельницы. Главы четырехъ церквей загорѣлись на солнцѣ. Нѣсколько пристаней врѣзались въ Каму; около нихъ кишмя-кишитъ рабочій людъ. Суда привалили и грузятся, другія подтянулись и ждутъ своей очереди. На берегу громадные штабели кулей съ хлѣбомъ. Это село Каракулино, одно изъ самыхъ богатыхъ на Камѣ.

— Здѣшніе мужики инаго купца подъ себя зажать могутъ.

— Да, каракулинскихъ капиталовъ не счесть.

Вообще отъ устья Бѣлой въ каждомъ логу село. Берега населены густо. Трудовая суета далеко отъ насъ. Тутъ, гдѣ плывемъ мы, все вѣтъ покоемъ и тишиною. Жаль сойти съ палубы, такъ красивы дали, такъ оригинальны картины этихъ сель; эти бѣяны, плывущія мимо лѣниво и медлительно; эти плоты, какъ будто застывшіе посреди Камы; эти раскинувшіеся на плотяхъ и мирно спящіе рабочіе. Вонъ на лодкѣ черезъ Каму плыветъ попъ.

— Это каракулинскій попъ. Эхъ, не житье — масляница! вздохнулъ елабужецъ.

— Чему вы это позавидовали?

— Да попу каракулинскому отлично. Народъ шибко пьетъ тамъ.

— Ну? удивился я. — Что же общаго?

— Какъ что? Гдѣ народъ пьетъ, тамъ и попу чудесно. По тридцати, по шестидесяти тысячъ прикапливаютъ.

Сталь я добиваться — и не могъ. Уперся на своемъ. У пьяницъ-де попу воля. Твори, что хочешь, ничему запрету нѣтъ.

Село Каракулино по обѣ стороны залило камскіе берега своими кровлями. Соломенныхъ крышъ нѣтъ вовсе. Изъ общей массы избъ то и дѣло выступаютъ каменные дома и двух-этажные деверянные. За лѣто отсюда сплавляютъ внизъ по Камѣ хлѣбъ; зимою въ селѣ большіе базары, на которые чуть ли не на весь прикамскій край доставляется изъ Астрахани сухая рыба. На эти же зимніе торжки сюда везутъ рогожу, кули, лѣсныя издѣлія. На нѣсколько милліоновъ продаютъ и покупаютъ каракулинцы, крѣпко, не то что иковцы, сидящіе на своихъ мѣстахъ. Каракулинецъ въ отхожій промыселъ идетъ неохотно, у него и дома дѣла пропасть, всего не покончишь. Нѣсколько

версть преслѣдовали нашъ пароходъ сельскія постройки, такъ далеко раскинулось это городище. Черезъ Каму, съ одного берега на другой, переплывали сотни ботничковъ, т. е. лодченокъ, выдолбленныхъ изъ одного дерева, преимущественно изъ осины. Концы ботничка загнуты кверху, такъ что и носъ, и корма совершенно одинаковы. Руля нѣтъ, правятъ весломъ. Въ ботничекъ помѣщается пять человѣкъ и самый челнокъ этотъ на ходу очень быстръ. Въ немъ же и рыбу ловятъ.

— Я думаю, опрокидывается, когда вѣтеръ?

— Отчего не опрокинуть. Будь спокоенъ, опруживаешь.

— И люди тонуть?

— Зачѣмъ? Нашего, камскаго, нарочно не утопишь. Зачѣмъ ему тонуть? Онъ перевернулъ ботничекъ и опять въ него залѣзъ. Ему тонуть нельзя. У насъ дѣти которыя и тѣ что рыба въ водѣ; баба тебѣ версты двѣ проплыть можетъ. У насъ, ежели и брюхатая, топи ее — не утонетъ.

За Каракулинымъ по Камѣ пошли липняки. Село Сайгатка мелькнуло. Тутъ пчеловодствомъ мужики живутъ. Липы много — и пчелы роятся. Липы нѣтъ — и пчелы нѣтъ. Отсюда медъ везутъ въ Сарапуль. По рѣкѣ опять дичь пошла. Птица видимо непуганная. Выводокъ утятъ за матерью у самага носа парохода проплылъ. Раскидало его было волною, бѣгущею отъ колеса, да опять собрался и потянулся къ пустынному берегу, поближе къ Усть-рѣкѣ (Вяткѣ). Тамъ лѣсистыя горы стѣсняють даль, берегъ дѣлаеть излучины, запирая рѣку, точно озеро. На гребнѣ одной горы Галево, внизу хлѣбная пристань. Надъ избами покачиваются тонкія стрѣлы елей. Такихъ сель, что вскочили на самый припекъ на гребнѣ, по Камѣ мало.

Въ этомъ вся разница съ Волгою; тамъ любятъ селиться на стрехѣ, камскіе прячутся въ лога. Камское село иной разъ и незамѣтно издали. Совсѣмъ безлюдье кажется, только по струйкамъ дыма изъ овраговъ или лоцинъ и заключаешь, что затаился тамъ отъ всего міра-починокъ, точно онъ стыдится выбѣжать вверхъ и подставить золотому солнцу свои соломенные, тоже подъ его лучами червоннымъ золотомъ горящія кровли. Иной разъ чудится, что церковь одиноко торчитъ на горѣ, и только подъѣхавъ ближе, видишь, что тутъ есть кому молиться, потому что по логамъ, да низинамъ насыпана не одна сотня кровель. Все это придаетъ нѣчто пустынное камскому пейзажу. Пустынное и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно поэтическое выраженіе. Чудится, что ты двигаешься впередъ, въ дѣвственный край, куда рѣдко забиралась нога человека, гдѣ его топоръ не валилъ на земь лѣсныхъ великановъ и только пѣніе птицы слышала ихъ задумчивая зеленая дрема.

На палубѣ стало тихо. Жара согнала всѣхъ въ каюты или подъ навѣсы.

— Вы изъ Питера? подобрался ко мнѣ какой-то смиренный, даже слишкомъ смиренный пассажиръ. Снялъ шапку, да и покрыться не хочетъ. — Слышалъ, вы изъ столицы изволите любопытствовать нашъ край.

— Пожалуйста, надѣньте шапку, а то вѣдь и я свою снять долженъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же. А только, осмѣлюсь доложить, сторона у насъ дикая.

— Почему же?

— Потому тутъ старина, что стѣна каменная, не прошибешь ее ничѣмъ. Напротивъ, захочешь новаго — всѣмъ ты ворогъ станешь. Точно ты не имъ же въ пользу, а во

вредъ. Вычитаешь, что полезное, скажешь: такъ слѣдуетъ вотъ — оскорбять.

— Да? отвѣтилъ я, чтобы сказать хоть чтонибудь.

— Оскорбять, и жестоко оскорбять-сь. Потому ежели нѣтъ у тебя капитала и выходишь ты ничтожный человекъ, и долженъ на всѣ ихнія глупости молчать. Я вотъ, напимѣръ, очень книгу люблю.

— Какую?

— Всякую книгу, потому всякая книга уму служить. А меня за это самое со всѣхъ мѣстъ-сь согнали. Былъ прикащикомъ — изъ прикащиковъ, десятникомъ — изъ десятниковъ. Такъ теперь и болтаюсь. При купцѣ одномъ, какъ прежде при короляхъ шуты были, такъ и онъ меня вродѣ какъ-бы шута держитъ. Но только, — хитро улыбнулся онъ, — я тоже на него свой видъ имѣю.

— Въ чемъ же ваши обязанности состоятъ?

— А вотъ-сь... Иванъ Трофимычъ очень отяжелѣли. Брюхомъ одержимы стали, ну и ходить чтобы много не могутъ. Сидѣть должны больше. Ноги не носятъ. А сидѣть имъ скучно. Такъ я для этой самой скуки-сь. Развлекать долженъ. Рассказывать, что-ли. Приставлять, какъ въ театрахъ. Пробовалъ я имъ рассказывать изъ умныхъ книгъ — согнать пообщались. По ихнимъ каменнымъ мозгамъ имъ это умное нѣсколько и обидно даже. А до сказокъ они очень падки-сь. Сказки любятъ и притомъ самыя невѣжественныя. Ну я ихъ вкусомъ подражаю. Нельзя-сь, ихъ хлѣбъ ѣмъ-сь.

— И какъ въ театрѣ представляете?

— Какъ же-сь! Они очень-сь «Графиню Клару д'Обервиль» полюбили-сь. Сколько я ее разовъ представлялъ имъ, что меня тошнить съ нея-сь. Ну, а нечего дѣлать, опять долженъ, потому «по требованію публики-сь». Тоже и «Гам-

лета» ломаль. Только они его не поняли-сь. Тѣнь имъ очень понравилась.

— Какая?

— А отца... которая въ первомъ актѣ-сь. Ну и подь поломъ тоже. Вообще страшное они очень любятъ. Пробоваль я имъ Кольцова читать. «Не скули!» говоритъ. Я и бросиль.

— Какіе же вы на него виды имѣете?

— Да машину одну для мельницъ изобрѣль. Чтобы безъ вѣтру и безъ воды.

— Паромъ?

— И безъ пару. Какъ часы, двадцати-четыре-часовой заводъ-сь. Ну такъ на модель думаю съ нихъ денегъ исходатайствовать. Потомъ я судно такое изобрѣль, вродѣ какъ бы лосопеть-сь, но только на водѣ.

— Это велосипедъ?

— Точно-сь.

— Давно извѣстно!

— У меня особый составъ-сь. Вотъ чертежикъ со мною. Полюбопытствуйте!

И онъ съ жаромъ принялся мнѣ рассказывать содержаніе «водянаго лосопета». Выходило очень находчиво и умно.

— Отчего вы не пошлете кому нибудь въ Питеръ?

— Посылалъ. Только ничего не вышло. Даже и отвѣтомъ не удостоили. Министръ одинъ проѣзжалъ. Я ему рассказываль. Только онъ не поняль. Выслушали-сь меня, его высокосіятельство, похлопали по плечу, «молодчина!» говорятъ, вынули три рубля и пожертвовали. Точно я денегъ просиль. Эти три рубля я снесъ въ храмъ Божій. Потому если-бы не взяль, ихъ высокосіятельство обидѣлись бы... Вообще иной разъ тяжко. Инаго названія, какъ

комедьянтъ, нѣтъ. Разъ, повѣрите-ли, Иванъ Трофимовичъ съ собачкою заставили драться. Я и дрался-съ.

— Отчего же вы не поѣдете въ другое мѣсто.

— Узы-съ! грустно понурился онъ.

— Какія?

— Семейныя узы-съ. Жена, баба глупая и капризная. Дѣтишки. Сихъ малыхъ и несмысленныхъ жаль. Ихъ не бросишь, отъ нихъ не уйдешь. За нихъ душа болитъ. Ужели-жъ я безъ нихъ пошелъ бы къ купцу въ шуты. А только по неволѣ-съ. Старшій мальчикъ у меня востренькій, въ школу бѣгаетъ. Дочка есть маленькая и та точно воробушекъ, ротъ раскроетъ и пищить. И ей кусокъ подай. А кусковъ мало. Ахъ, мало-съ кусковъ. И сколь тяжелы эти куски и сказать невозможно! Вы знаете, какое тутъ разъ дѣло было! Меня вѣдь по политической прикосновенности забрали было.

— Вотъ! удивился я. — Да по какому же дѣлу?

— Да по тому самому дѣлу господина Орсини... который Наполеона бомбой убить хотѣлъ въ Парижѣ.

— Да вы-то тутъ причемъ.

— Исправникъ у насъ столь умны были. Я въ это самое время такую пушку задумалъ, чтобы она какъ можно больше непріятеля погубить могла-съ. Извѣстно глупъ былъ, не сообразилъ еще, что человѣку умъ данъ на пользу, а не на пагубу ближнему своему. Сталъ я это опыты дѣлать, за городомъ. Вдругъ, разъ, будочникъ за мною. — «Пойдемъ, братъ». — «Куда?» — «Въ полицію». — «Зачѣмъ?» — «За хорошія дѣла... Тамъ братъ, тебѣ покажутъ». Пошли мы. Исправникъ сидитъ красный весь. Какъ увидѣлъ меня, затрясся. «Связать», кричитъ. Связали. Подошелъ, ткнулъ онъ меня это въ скулу. — «Ты, говоритъ, давно съ Орсини знакомъ?» — «Съ какимъ?»

А я, признаться, только тутъ отъ него и узналъ объ господинѣ Орсини этомъ. — «Ладно, прикидывайся... Какую ты бомбу изобрѣтаешь за городомъ? Отъ людей прятаться, рракалія... Розогъ!» Тутъ слѣдователь молодой пришелъ. Дай ему Богъ здоровья, вступился. Сталъ онъ исправника стыдить. Отпустили меня. Такъ послѣ этого повѣрите ли, у насъ въ городу отъ меня, какъ отъ чумнаго, народъ бѣгалъ. «Ну тебя, говорятъ, — съ тобою тутъ еще влетишь». Такъ я годъ въ этой политикѣ состоялъ-съ. И теперь еще, когда кто разсердится на меня, «ты — говорить — политикъ, тебя въ Сибирь за твои дѣла слѣдуетъ». А какія такія мои дѣла-съ? Какія мои дѣла? Я нынѣ все на пользу ближнему моему.

— Я и стихи пишу. Только нестоящіе, началъ онъ немного погода. Которые кому на памятникъ, всегда ко мнѣ. Пробовалъ я ихъ въ ломоносовскомъ родѣ — не понимаютъ. Больше чувствительное любятъ-съ. Ежели птичку пустишь, это относительно младенца-съ. Цвѣтокъ сорванный — это дѣвицѣ соответствуетъ, и другіе такіе же.

А парходъ уже приплывалъ къ Усть-рѣкѣ.

Х.

Казенный заводъ въ приданое. — Заказы въ Германіи. — Воткинскій миллионеръ. — Истребители лѣсовъ. — Арестантскіе пароходы.

— У насъ чудныя дѣла творятся! Слыхали ли вы о казенныхъ оружейныхъ заводахъ?

— Да.

— И о нашихъ?

— Случалось.

— А вы знаете ли, что одинъ изъ нихъ былъ данъ артиллерійскому полковнику въ приданое за дочью такого сановника, что до него въ Питерѣ у васъ и рукой не достать. Подъ видомъ аренды сдали ему, а другимъ — Сестрорѣцкому и Тульскому въ обязанность вмѣнили брать ружейные стволы отсюда. На Златоустовскомъ и другихъ частныхъ заводахъ лучше стволы дѣлаются, но оттуда отнюдь не смѣй. Въ концѣ концовъ вышло около 30 процентовъ браку, да сверхъ того, казенный заводъ, не успѣвая исполнять заказы, сталъ покупать себѣ готовые стволы въ Германіи у Бергера по 3 р., а въ казну ихъ ставилъ по 4 р. И стволы-то были не перваго и даже не втораго

сорта. Златоустовскіе уменьшили свое производство, другіе частные тоже. Начиная войну — мы въ зависимости у нѣмцевъ. Да и вмѣсто русскаго, оказывается, мы поощряемъ нѣмецкое производство. А между тѣмъ, знаете ли, какіе громадныя лѣса драгоцѣннаго орѣшника на Кавказѣ даромъ отданы арендатору этого казеннаго завода.

— Съ чего же это?

— А какъ бы для выдѣлки ложъ. Нынче тутъ у насъ много было прусскихъ офицеровъ генеральнаго штаба.

— Что имъ дѣлать?

— А они подъ видомъ ученой цѣли, больше же слѣдятъ за вооруженіемъ.

Заводъ, о которомъ шла рѣчь, мы еще вчера оставили позади; теперь пароходъ нашъ шибко бѣжалъ къ Камско-Воткинскому, расположенному на Усть-рѣкѣ или Воткѣ. О самомъ заводѣ я расскажу потомъ, когда буду говорить о другихъ пермскихъ заводахъ. Кама тутъ суживается. Лѣсная понишь налѣво, лѣсныя горы направо. Издали еще видны массы пристаней; громада амбаровъ, нагроможденныхъ на берегу, говорятъ о крупныхъ хлѣбныхъ операціяхъ, производимыхъ этимъ селомъ. Амбары устроены не только на берегу, они и на баржахъ, стоящихъ на мертвыхъ якоряхъ. Пейзажъ кругомъ совсѣмъ сибирскій. Пихты темныя на дальнихъ глиняныхъ скатахъ. По самому пониью камскаго побережья просторно вытянулись ряды избъ. На правомъ берегу крутыя, кажущіяся недоступными горы, покрытыя тѣми же темными пихтами. Не доходя до завода, берегъ заваленъ грудями огнеупорной глины, сплавленной въ Усть-рѣку, для производства бѣлаго кирпича, по Сылвѣ, Чусовой и Камѣ, на баркахъ — изъ Красноуфимскаго уѣзда тоже. Кирпичъ этотъ необходимъ для заводскихъ печей. На мѣстѣ, на примѣръ, въ Красноуфимскѣ,

пудъ такой глины стоитъ 3 к. Здѣсь уже заводу онъ обходится въ 15 к. Добывать тамъ эту глину приходится на глубинѣ отъ 5 до 15 аршинъ отъ поверхности земли. Какъ сюда, такъ и въ Гальяны для Ижевскаго сплавляютъ ее по 100,000 пудовъ. Работа для добыванія этой глины страшно тяжела, тяжелѣе другихъ земляныхъ работъ, а между тѣмъ, за цѣлый день упорнаго труда, крестьянинъ на ней не получитъ болѣе тридцати копѣекъ. Тѣмъ не менѣе положеніе мѣстныхъ жителей до того плохо, а кое-гдѣ и безнадежно, что и эту цѣну иногда сбиваютъ до 20 к. Рядомъ съ горами огнеупорной глины, — пирамиды каменнаго угля, доставленнаго сюда съ Луньевскихъ копей и изъ-подъ Екатеринбурга. Вокругъ возятся какіе-то полунагіе рабочіе. Тѣло почернѣло. Совсѣмъ кажутся неграми.

— Да они и есть негры, поясняютъ мнѣ.

— Почему?

— Забиты. Озвѣрѣли. Совсѣмъ по писанію выходитъ «глаголивый звѣрь». Нищета, прижимка со всѣхъ сторонъ, поневолѣ образъ и подобіе Божіе теряютъ. Не ихъ винить въ этомъ. Иной и совсѣмъ нагишомъ выскочитъ изъ кабака. А эти хоть срамныя мѣста позакрыли, и то хорошо. Есть такія семьи, что цѣлые мѣсяцы только хлѣбъ и видятъ. Квасу нѣтъ, приварка тоже. Горячей пищи и по праздникамъ не полагается. Во что они обратятся, при такой постоянной упорной работѣ.

— Ужасно!

— Не то еще увидите. Вы вѣдь на Уралъ пробираетесь. Здѣсь вамъ остановиться некогда?

— Да.

— Не жалѣйте, тамъ еще чудеснѣе нашего. Такія дѣла узнаете!

— Какія же?

— Сами увидите. Какъ ни разсказывай, блѣдно будетъ. Говорю вамъ, есть совсѣмъ озвѣрѣлый народъ.

Въ Воткѣ очень много капиталистовъ; одинъ изъ такихъ, мѣстный миліонеръ, ѣхалъ съ нами. По внѣшности ничѣмъ отъ бурлака не отличишь. Развѣ чуть-чуть почище одѣтъ, да и то самую малость. Первый разъ я его увидѣлъ за обѣдомъ. Бѣтъ какъ акула, оставляя образчики всего съѣденнаго на бородѣ и, повидимому, мало стѣсняясь этимъ. Отпаль наконецъ отъ варева, осмотрѣлъ всѣхъ насъ яснымъ младенческимъ взглядомъ и откровенно икнулъ на весь столъ.

— Слава Богу... Господь напиталь — никто не видалъ.

И еще разъ икнулъ громогласно.

— Душа съ Богомъ-то какъ у меня... разговариваетъ.

— На это другая пословица есть.

— Какая?

— Свинья за угломъ поминаетъ.

— Малый, а малый? позваль онъ лакея, прислуживавшаго ему. — Скажи ты мнѣ, братецъ, гдѣ тутъ у васъ... Послѣ обѣда — самое любезное дѣло.

Дамы, бывшія около, чуть въ обморокъ не попадали.

Потомъ онъ на палубѣ самъ подошелъ ко мнѣ.

— Гавернанку везу... Дѣти у меня, такъ чтобы всѣмъ наукамъ, какія есть, обучала... Изъ Казани — гавернанка-то. Верситетская. Большой экзаментъ держала... На мертвыхъ языкахъ такъ-ли здорово лущить... Вонъ она, бѣлая такая, ишь въ книжку читаетъ. Гавернанка, а гавернанка!

Дѣвушка вспыхнула и отложила книгу въ сторону.

— А ты не стыдись... Если бы я тебѣ слово такое загнулъ, ну тогда, по своей дѣвичьей обязанности, должна ты стыдиться... Ты вотъ что скажи мнѣ: въ Бога вѣришь? Въ Бога — истиннаго?

— Отстаньте вы отъ меня, Ермиль Ивановъ; вѣдь ужъ все у насъ переговорено кажется.

— А ты не гардабачь... Я тебя спрашиваю, своихъ дѣтокъ жалѣючи. Богъ тебя знаетъ, какая ты. Разныя есть. Коли хочешь меня успокоить на семь самомъ мѣстѣ, прочти мнѣ «Вѣрую» и чтобы единымъ духомъ. По крайности я твое усердіе увижу.

— Я экзамень сдала въ свое время.

— Ишь, сколь тебѣ покориться несносно... Кто тебя знаетъ — въ душу къ тебѣ не слазишь. А коли ты въ Бога не вѣруешь, такъ Богъ тебя накажетъ. У насъ, обернулся онъ ко мнѣ, двѣ такихъ вертихвостки были. Ингилистки, ни въ Бога, ни въ чорта! Совѣмъ безстрашныя. Ну только одна замужъ вышла и спокаялась, хорошей хозяйкой стала. А другая такъ въ нигилизмъ и померла.

— Что вы ее обижаете, вступился я. — Дѣвушка скромная.

— Какъ обижаю, помилуйте. Мои деньги плачены... Я только касательно Бога любопытствую. Она и на фортепьяно можетъ, и насчетъ пѣнія первый сортъ. А ты не фурчи, обратился онъ къ гувернанткѣ. — Буду я видѣть твое смиреніе, за купца, такого же какъ самъ, замужъ выдамъ.

— Ну я бы за васъ не пошла, расхоталась дѣвушка.

— Н-ну?

— Вѣрно.

— Чего-жъ тебѣ требуется? Ты, дура, пойми! У меня за голенищемъ столько складено, что я пять такихъ, какъ ты, держать при себѣ могу.

Дѣвушка заплакала и ушла.

— Ничего, обтерпится, привыкнетъ. По нашему обиходу вѣжливостевъ этихъ наблюдать невозможно. Щуп-

ленькая она только, вотъ что! По нашимъ мѣстамъ нужно здоровой быть.

— Онъ еще добрый, рассказывала потомъ дѣвушка, — не пристаешь. Брату въ гимназіи помогъ, и такъ, не въ счетъ жалованья. Матери тоже. А вы бы другихъ посмотрѣли. Я въ Перми годъ жила, такъ не знала, какъ отъ такого же купца вырваться. Пристаешь ко мнѣ; хотѣла уйти — попробуй, говорить, я на тебя объявку, будто обокрала меня. Слава Богу, жена къ нему пріѣхала; по святымъ мѣстамъ она странствовала. Ну тотъ поневолѣ оставилъ меня.

— А ты на меня не сердись! гладилъ ее немного спустя заскорузой лапой по головѣ боткинской миллионеръ. — Я не со зла, а тебя же жалѣючи, по сиротству твоему. А ежели что и обидное покажется, такъ по невѣжеству нашему простить должна.

На Камскомъ заводѣ въ пудлинговыхъ печахъ выдѣлывается броня изъ руды, доставляемой сюда горою Богодатью. На берегу, присланная изъ Мотовилихинскаго завода, стоитъ, разинувъ пасть, крупновская пушка, девятидюймовка. Изъ нея пробуютъ крѣпость брони, приготовленной здѣсь. Не выдержавшая испытанія идетъ обратно въ печь. Какъ этотъ, такъ и Воткинскій заводъ, ведущій съ первымъ общую отчетность, не входили въ программу того, что меня интересовало на Уралѣ, поэтому я и не останавливался. Мимоходомъ успѣлъ замѣтить только зажиточность крестьянъ, живущихъ заводомъ, но не работающихъ на него; послѣдніе, т. е. работники, — нищія, какъ почти на всѣхъ казенныхъ учрежденіяхъ этого рода. Частныя предпріятія даютъ гораздо высшій заработокъ.

Кама расширяется плесомъ. Вода точно стоитъ въ ней, не шелохнется. Слѣдъ парохода далеко бѣжитъ позади. Мы

плывемъ словно по недвижному, отражающему голубое небо, озеру. Удивительно эффектно позади завода голая вершина горъ. Каждая изъ нихъ была вправлена снизу въ рамку темнаго пихтоваго лѣса, выросшаго въ лощинахъ и ложбинахъ. Изрѣдка рядъ пихтъ взбѣжить навѣрхъ, рисуясь своими стрѣлками на красномъ фонѣ глиняной горы или на лазури безоблачнаго неба. За Камскимъ заводомъ показалась уже сибирская лиственница, пока на лѣвомъ, низменномъ берегу. Она могуче принялась здѣсь и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше раскидываетъ свои пушистыя вершины издали, будто зеленяя облака, приникшія къ этому красивому берегу. Впереди — лѣса за лѣсами. Ближайшіе окутываютъ рѣку своими зелеными, подалеже подернуты синью, а совѣмъ на сѣверъ, на заднемъ планѣ — сѣроватые, смутные, едва мерещущіеся разсѣянному взгляду. Вблизи, за этими туманными очерками лѣса, видны едва-едва краснѣющіе на горизонтѣ тонкіе силуэты глиняныхъ горъ. На берегу, съ которымъ бокъ-о-бокъ почти идетъ нашъ пароходъ, — рыболовъ. Передъ нимъ на станкѣ три лѣсины съ удами. Старикъ сидитъ себѣ неподвижно, только жмурится на солнце. Задремалъ что ли? Пароходъ погналъ прямо на него волну — не слышалъ рыболовъ. Волна его чуть съ головой не покрыла, едва ноги унесъ онъ прочь... А вотъ другой... И также дремлетъ на отмели, также солнце обливаетъ его зноемъ и свѣтомъ, и точно также бѣжитъ на него вспученная волна отъ колесъ парохода. Съ берега вѣтеръ дышетъ на насъ запахомъ душмянки и шиповника. Густо дышетъ. Кое-гдѣ, поближе къ землѣ, такъ обновить, что голова начинаетъ кружиться. Любуемся всею этою прелестью сѣверной красавицы Камы и совершенно отпускаемъ изъ виду романъ, совершающійся у насъ на палубѣ. Она — англичанка, въ соку, здоровая, молодая.

Онъ — русскій нѣмецъ. Супруги — новобрачные. Нейтральный языкъ у обоихъ французскій. И тотъ, и другой одинаково скверно говорятъ на немъ. Видимо, пламенно желаютъ остаться наединѣ. До неприличія доходятъ. Она садится къ нему на колѣни. Отдѣльной каюты у нихъ нѣтъ. Все въ лѣсъ стремятся. Остановится пароходъ на четверть часа — новожоны въ лѣсъ. Разъ не разслушали свистка, по второму уже стремглавъ побѣжали. Пассажиры хохочутъ надъ ними.

— Ишь, ишь, споткнулся! Ахъ и безстыжіе же!

— Него имъ стыдиться!

— Какъ чего!

— Они по нашему не понимаютъ, значить имъ и стыдиться нечего.

— Такъ-ли? А я бы ихъ заперъ по разнымъ каютамъ — сиди!

— То есть сколько этого самаго безобразія на свѣтѣ! запротестовалъ хозяинъ.

— Точно что много! поспѣшилъ съ нимъ согласиться обличитель капитановъ и шкиперовъ.

— А ты у меня поговори еще!

— Я, помилуйте, Степанъ Ефимычъ, я подтверждаю. Что безобразія, значить, много. Я въ согласѣ.

— Плевать мнѣ на твой согласъ.

— Это точно-съ.

— Чего еще?

— Это точно-съ, говорю.

— Не пристало тебѣ говорить-то. Какъ тебѣ говорить, когда мы тутъ. Ищи свою компанію и говори.

— Вотъ видите, сколь въ нихъ невѣжество свирѣпствуетъ, вмѣшался шопотомъ вчерашній Кулибинъ. — Слышали вы? Ахъ трудно состоять при нихъ. Трудно-съ! То

есть, ежели бы не дѣтки — плюнулъ бы и отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ.

— Ироды! злился про себя протестантъ. — Ужь слишкомъ силы забрали много.

— А тебя, Степанъ Ефимовъ, давно по шеѣ били? ни съ того ни сего вмѣшался бывшій помѣщикъ, состоявшій при такомъ же пермскомъ купцѣ Зефиркой, на «песемъ положеніи», по его собственному толкованію.

— А! блародному, дворянину!

— Ты зубы не скаль. А то вѣдь и пересчитать ихъ могу.

— Помѣщику! голоштанному! И купецъ все вѣжливѣе и вѣжливѣе на отлетъ снималъ фуражку.

— Голоштаннѣй, а честнѣй тебя. Ты вѣдь подлець, Степка! Племянниковъ ограбилъ, народъ по міру пустилъ.

— Пустобрюхому! Хочешь рубль на выпивку? Отъ щедротъ!

— А хочешь въ ухо? Уймись, Степка, смотри вѣдь на-ткнешься, искренно злился бывшій помѣщикъ.

— Прокурать ты, Ивашка, и за что только тебя Сивопуповъ держитъ.

— А ужъ это не твоего ума дѣло. Я бывало такихъ, какъ ты съ Сивопуповымъ, на конюшнѣ дралъ.

Показалась Ножовка, пароходная пристань. Въ трехъ верстахъ отсюда деревня и Пермькинскій Рождественскій заводъ, гдѣ добывается до трехсотъ пудовъ никкеля, и желѣзо въ выдѣлкѣ. Работа тутъ смѣнная. Деньги есть — выдѣлывается желѣзо. Деньги выйдутъ и работа приостанавливается, печи тухнутъ. У Пермькина хорошія роци и лѣсныя дачи. Станетъ заводское дѣло — мужики въ лѣсъ. Рубятъ его и свозятъ къ пристанямъ. Этимъ и живутъ, за исключеніемъ хлѣбопашества, на которое дается заво-

дами льготное время. Рожь начинаетъ цвѣсти. Надъ ней чуть колышатся пихты. Кой-гдѣ горы да вершины обработаны, по крутымъ скатамъ. Издали даже трудно представить, какъ по такимъ откосамъ плугъ взрѣзывалъ землю, какъ на нихъ могли удержаться хлѣбопашецъ съ конемъ. Мѣста становятся все красивѣе, чѣмъ далѣе мы подвигаемся къ сѣверу. Дали заставлены лѣсными горами, однѣ изъ-за другихъ. Желтоватая зелень полей и луговъ подъ солнцемъ — палевыми пятнами мерещится между горами. Вездѣ по берегу порубка идетъ страшная. Дрова, дрова и дрова. Падаеть подъ топоромъ лѣсное царство. Въ лоскъ ложится. Широко, по слѣду за нимъ, идетъ пустошь бесплодная, потому что тамъ, гдѣ лѣсу нѣтъ, и зима суровѣе, и весна позднѣе, и осень раньше, хлѣбъ рождается хуже, а то и вовсе не подымется спѣлымъ колосомъ въ изсякшей живыми соками землѣ.

— Что чума, что лѣсопромышленникъ, все одно выходитъ.

— А какъ бы ты безъ дровъ прожилъ?

— Да ужъ очень неумѣренно. Вы поглядите, какая тутъ глушь несосвѣтлая. Года черезъ два пріѣзжайте, все голо будетъ. Шесть лѣтъ тому назадъ я уѣхалъ изъ своей деревни. Она вся тогда въ темныхъ борахъ хорошилась. Лѣсное царство стояло кругомъ нерушимое, тихое. Только верхушки бывало шумять; слушаешь ихъ, слушаешь и на душѣ чисто дѣлается, совѣсть знаешь. У лѣсныхъ людей, пустынныхъ самыхъ, всегда совѣсть есть. Вернулся я въ этомъ году, Господи Боже мой, на восемьдесятъ верстъ кругомъ ни лѣсинки нѣтъ, голо! Окладновъ прошелъ съ своими артелями, что пожаръ. Деревня на припекѣ вся. Кабаки понастроены, избы чуть не въ повалку, бѣдность, нужда, пьянство, воровство. Бабы да дѣвки раз-

вратничаютъ, почище еще чѣмъ на заводахъ. Хлѣба прежде самъ-пятнадцать, а теперь самъ-три, четыре. Міроѣды завелись. Рѣка наша, Тулчанка, когда-то по ней бѣляны ходили, воды много было, теперь и челноку не проплыть. Лѣсу не стало и вода изсякла. Зимы бывали у насъ тихія — теперь вѣтру просторъ, пурга, мятель. Такъ Окладновъ всю нашу округу съѣлъ. Купилъ лѣса и свалилъ ихъ. У нихъ какая-то злоба къ лѣсамъ. Какъ увидить, сичасъ за топоръ и давай валить. Что ему до народа. Народъ пускай дохнетъ — ему и горя мало! Это все, что вы видите, тоже скоро подъ топорами ляжетъ. Нѣтъ такого лѣсу, чтобы на него промышленники не нацѣливались.

— А казенные?

— И казенные валяютъ. Потому въ казенномъ лѣсу чиновникъ. Ему недорого, наша сторона ему чужая. Главное дѣло нахапать — и домой. Развѣ ему жалъ.

— Да вѣдь подъ судъ?

— Не подѣлится — подъ судъ, а подѣлится — свободно, еще кавалерію на тебя повѣсятъ. Тутъ какъ дѣло было. На пять верстъ порубили лѣсъ промышленники — и обошлось. Паломъ, говорить, прошло. А съ этого топорнаго палу вся округа обнищала. Приѣзжайте-ка черезъ десять лѣтъ, ни одной лѣсинки по этому берегу не будетъ.

— А пока еще стоитъ тутъ совсѣмъ дремучая темень. Сосновые боры направо и налево. Пароходъ остановился. Ухо ловить свистъ хитраго кулика, отводящаго жаднаго ястреба отъ гнѣзда. Вонъ на берегъ потянуло дымкомъ изъ лѣсу.

— Что это?

— Да охота на вальдшнепа. Тутъ его на дымокъ ловятъ. Вальдшнепы на дымокъ летятъ, любятъ. Надъ дымкомъ они взадъ да впередъ все чирикають станутъ... Или

черезъ дымъ. Дымокъ рѣдко вверхъ бѣжить: въ сторону его тянетъ. А за деревьями охотники хоронятся. Какъ вальдшнепы зашмыгають — ихъ изъ дробовокъ и кладуть. Птица глупая, эту тягу страсть здѣсь какъ любятъ.

— Была у меня собака Зефиръ, опять слышится въ сторонѣ, — умнѣй человѣка. Вонъ Степанъ Ефимычъ въ первую гильдію вылезъ, а все глупѣ моего Зефира. Такъ вотъ я этого пса по всѣмъ лѣсамъ за собой таскалъ, пока не надоѣлъ! Какъ она дичь подымала. Ну-ка, Степанъ, подыми ты такъ дичь. Носъ-то у тебя собачій положимъ, на добычу чуткій, а гдѣ тебѣ дичь поднять. Пиль, Степка!

— Одно слово, нестоющій человѣкъ, начиналъ уже злиться Степанъ Ефимычъ.

— Теперѣчи сколько одинъ этотъ Степанъ Ефимычъ лѣсу у насъ по Камѣ перегубилъ. На его душѣ большой грѣхъ. Потому лѣсъ рубить сверхъ мѣры — грѣхъ. Землѣ самимъ Богомъ уборъ данъ, что звѣрю шерсть. А ее, Божью землю, ироды эти, ради жадности своей, обнажаютъ. Земля оголится, мерзнетъ и вопіетъ ко Господу. Тутъ у одного помѣщика холеные боры были. Цѣны имъ нельзя было прибрать. Дерево къ дереву. Вѣками рощенное. Померъ, сынъ прикатилъ. Какое у него понятіе: ему въ Питерѣ надобно жить, на нашу глухую сторону онъ и плюнуть не захочетъ. Ну вотъ позвалъ этого Степана Ефимыча, тотъ за самую малую цѣну взялъ, а черезъ годъ на мѣстѣ прежнихъ боровъ пустырь. Пять лѣтъ прошло, на пустырь этомъ ужъ и травы нѣтъ! Эти міроѣды всю нашу Россію скоро въ пустырь да болота обернуть, потому имъ не жаль. Они Бога продадутъ ради прибытка.

На первой же остановкѣ среди прикамскаго приволья мнѣ пришлось натолкнуться на нѣчто весьма неприглядное. Смотрю, впереди какія-то совсѣмъ необычныя баржи.

Грузныя, съ черными трюмами. Гомонъ несется изъ этихъ именно трюмовъ, пѣсня оттуда слышится, но больная, надорванная, точно недужное сердце бьется въ ней, чахоточная грудь поетъ ее.

— Что это? спрашиваю у необычайнаго бурбона, только что испытывавшаго на моихъ глазахъ крѣпость солдатскихъ челюстей.

— А вамъ на какой предметъ?

— Такъ, любопытствую.

— Арестантскій пароходъ. Узнали — и пожалуйте прочь, близко подходить нельзя.

— Такъ убирайтесь вы сами съ пристани прочь, если вамъ не нравится.

Бурбонъ заворочалъ было бѣлками глазъ, выпучилъ ихъ на меня, щеки надуль, смѣшно стало.

— Послушайте, я бы вамъ совѣтовалъ поменьше пыжиться — лопнуть можете! Что хорошаго?

Мраченъ и ужасенъ былъ въ полной мѣрѣ этотъ арестантскій пароходъ. Мраченъ и ужасенъ именно здѣсь, среди этой зеленой пустыни, среди этого простора. Камскія струи слегка облизывали его черные борты; около поскрипывала пристань. Вверху, палуба была завалена всякимъ товаромъ и багажемъ. Тутъ же, сложивъ ружья въ козлы, дремали этапные солдатики; внизу — въ герметически закупоренныхъ черныхъ трюмахъ набиты арестанты, Узкія щели вмѣсто оконъ едва ли давали доступъ свѣту во тьму этихъ трюмовъ; скорѣе можно было предположить, что они пропускали ихъ мракъ наружу. Очевидно, что и воздухъ едва ли могъ свѣжиться въ этихъ пловучихъ погребяхъ, остроумно устроенныхъ Колчинымъ, взявшимъ на себя перевозку по р. Камѣ ссылаемыхъ въ Сибирь. Видѣнный мною пароходъ носилъ негромкое имя «Сарапу-

лецъ». Есть, впрочемъ, нѣсколько каютъ для арестантовъ и вверху съ толстыми желѣзными рѣшетками, сквозь которыя страдальчески смотрѣли на меня печальныя личики дѣтей и женщинъ. Воображаю, какъ всѣхъ этихъ малютокъ тянуло въ лѣса, на зеленыя лужайки, на эти кипящія суетою неустаннаго труда пристани. Съ какою жадностью должны слѣдить они за судьбою болѣе счастливыхъ ребятъ, сбѣжавшихъ съ нашего парохода и затѣявшихъ на мягкой муравѣ берега жмурки. Какъ завидны этимъ зарѣшоточнымъ дѣтишкамъ счастливые крики и задорный смѣхъ свободныхъ малютокъ. Съ какимъ грустнымъ вниманіемъ они глядятъ теперь на верхушки пихтъ, облитыя солнечнымъ свѣтомъ, на красныя обрывы и осыпи береговъ, на бѣлыя песчанья отмели.

— Отчего снизу не переведутъ вверху арестантовъ? спрашиваю у конвойнаго.

— Нельзя, а мы бы ради... Начальство не приказало. Безпремѣнно, чтобы внизу держать ихъ велѣно.

— А наверху каюты для дѣтей, да для женщинъ только?

— Никакъ нѣтъ-съ; по настоящему внизъ слѣдуетъ сажать, если вверху мѣста нѣтъ.

Оказалось, отступленіе отъ правилъ сдѣлано потому, что для конвойныхъ и для самого этапнаго бурбона гораздо легче запереть арестантовъ въ трюмы, а самимъ спать себѣ наверху. А тамъ внизу — хоть бейся лбомъ другъ о друга. Я себѣ представляю, что въ этой тьмѣ должны испытывать несчастные, какія у нихъ грезы и ожиданія. Еще издали отъ этой арестантской баржи вѣяло на насъ какою-то гнилью, испареніями сотенъ зараженныхъ тѣлъ, смраднымъ дыханіемъ скученныхъ и сбитыхъ на небольшомъ сравнительно пространствѣ людей. Около

Осы я встрѣтилъ другой такой же пароходъ и на немъ въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, такъ же запертые въ трюмъ пересылались уже не преступники, а возвращавшіеся на родину. Такъ ихъ везутъ до Казани.

На баржѣ работаютъ солдатики... Они перегружаютъ ее, подпаливаютъ.

— Да развѣ частные грузы допускаются на такихъ пароходахъ?

— Это все отъ соглашенія съ начальникомъ этапа зависить. Какъ они прикажутъ. Безъ нихъ, разумѣется, нельзя.

При видѣ черныхъ трюмовъ колчинскихъ этапныхъ пароходовъ мнѣ пришло въ голову одно изъ стихотвореній Лонгфелло о неграхъ, сбитыхъ въ такой же душный трюмъ на португальскомъ суднѣ. То хотя идетъ озираясь, какъ воръ крадется; а это плыветъ себѣ спокойно по волнамъ Камы, будто такъ и слѣдуетъ, будто иныхъ условій и существовать не должно.

Когда нашъ пароходъ тронулся, я сошелъ въ каюту. Въ первомъ классѣ солидный преферансъ, во второмъ — свирѣпствовала стучолка. Только и было слышно:

— Пась! Надоѣло ремизы ставить, пась!

— А я подъ васъ.

— Стучу.

— Не простучись... Одинъ такой стукнулъ... себя по затылку.

— Давако-сь въ темную... А вы, сударыня, въ карты не заглядывайте, дамѣ это куда нехорошо.

— У нихъ, у этихъ дамовъ, глазокъ во всѣ стороны запущень...

— Да, глазокъ... А вотъ я ихъ за глазокъ по королю тузою морскою!..

— Ну, ужь вы право... Король бланкъ у меня. Теперь я ремизъ должна.

— Ничего-съ, поставите; по крайней мѣричи свой глазокъ-съ побережете впредь.

— Куплю, только чтобы чиновниковъ, да козырныхъ.

— Чиновниковъ купить можно... Чиновникъ деньгу любить... Деньги ему за первый сортъ.

На палубѣ у насъ отъ жары всѣхъ сморило. Даже псы языки высунули. Одинъ тяжело дышетъ.

— Что Балетка! кричить ему сверху матросъ.

Но Балетка ротъ совсѣмъ разинулъ, словно взобравшійся на полокъ и очумѣвшій купецъ, когда остервенѣвшій банщикъ изъ усердія поддаетъ шайку за шайкой въ раскаленную каменку, а та выбрасываетъ назадъ клубы зеленого пара, раскаляя атмосферу до температуры, въ которой моментально сварились бы не столь толстокожіе смертные. Подъ скамьями всюду, гдѣ есть клочекъ тѣни, сбились бабы. Издали они совсѣмъ узлами кажутся. Иной разъ всматриваешься, всматриваешься въ кучу такихъ узловъ и только когда зашевелиятся они, да выглянуть на свѣтъ Божій мокрѣя лица — тогда и сообразишь, что это бабы, одна за подоль, другой отъ жары прячутся. Смотришь — сюда же заползетъ и какой нибудь Донъ-Жуанъ въ сибиркѣ, послѣ чего сейчасъ же начинаются невинныя игры, сопровождающіяся визгомъ и несовсѣмъ церемонною бранью прекраснаго пола.

Вонъ налѣво громадное село раскинулось, только верстахъ въ семи отъ берега. Три церкви... Сады пошли отъ него.

— Какое село это? спрашиваю я у лоцмана Терентія

— А намъ не къ чему.

— Да какъ же не знаете, этакое большущее.

— Намъ неинтересно... Вонъ, вишь, Мальчухинскій поселокъ. Всего двѣ избы только, намъ онъ нужень, потому по немъ мы фарватеръ считаемъ. Его мы потому и знаемъ. А богатый поселокъ въ сторонѣ ничего мнѣ не скажетъ.

Совсѣмъ не любопытенъ нашъ Терентій. У него своего дѣла полонъ ротъ... Просто же, изъ любознательности, свѣдѣнія собирать ему некогда. Еще пожалуй спутается, да на перекасть напорется, либо коргу какую нибудь со дна своротить, да за одно и пароходъ оцарапаетъ. Зорко всматривается онъ въ берегъ.

— Поповъ бугоръ! замѣтилъ онъ на темной полосѣ берега какую-то незначительную горбину. — Пониже тутъ мель будетъ, соображаетъ онъ, — а другая ей на встрѣчу съ противоположнаго берега. Обѣ поперекъ рѣки, фарватеръ зигзагомъ между ними. Тутъ гляди въ оба... Ночью еще труднѣй. Вода какъ чернила, осенью и весной. Тогда ужъ чутьемъ, либо на память берутъ теченіе. Какъ вода падала — сосчитаетъ, какая мель сильнѣй растетъ — въ умѣ прикинетъ, и повертываетъ рулевое колесо. Послушно направляется пароходъ, чуть не задѣвая колесами и бортами края песчаныхъ наваловъ. Есть и такіе лоцмана, что ночью по звѣздамъ рассчитываютъ. Тутъ все указаніе, ничѣмъ лоцману нельзя пренебрегать. Какъ трава растетъ, и ту замѣчай. Зимой тоже нужно вспоминать, чтобы не забыть, какую онъ Каму оставилъ осенью, а весной въ первый разъ въ половодье замѣчай, какъ хочешь, что за зиму рѣка сдѣлала. Мелочные признаки, пустяки, а онъ на нихъ во всѣ глаза... Они въ связи съ остальнымъ, они не даромъ здѣсь.

XI.

Судьба грамотнаго рабочаго. — Земскіе дѣятели. — Сѣверная ночь. —
Какъ турку невѣрную купецъ окрестиль.

— Трудно у насъ простому человѣку образоваться, ахъ какъ трудно! соглашается вполнѣ съ пермскимъ Кулибинымъ кричный рабочій, весь точно обожженный у печи, за которою онъ простоялъ десять лѣтъ. — Вы знаете, какъ я грамотѣ научился?

— Въ школѣ?

— Какое... Тутъ же у кричной печи. Потомъ меня повысили, стало болѣе досугу, за книжки я взялся. И такой въ себѣ духъ почувствовалъ, чтобы самому рискнуть нашу рабочую жизнь описать. По ночамъ сидѣлъ мѣсяца два, работая... Думаю — пошлю... Тутъ у насъ одинъ поднадзорный былъ. Чудесный человѣкъ, работалъ. Мало говорилъ съ кѣмъ, а только ежели помочь, всякому готовъ. Я къ нему. Посылай, говоритъ. Есть такая редакція въ Питерѣ, гдѣ примутъ. Послалъ я. Вдругъ черезъ три дня зоветъ меня заводскій управляющій.

— Это, говорить, твое?..

Смотрю, тетрадка моя у него на столѣ. Развернута... Краснымъ карандашомъ на поляхъ опросительные знаки сдѣланы.

— Моя, говорю, — я по почтѣ послалъ... Какъ это къ вашему высокоблагородію попало?

— А это ужъ не твое дѣло. Такъ ты, любезный, кляузы у меня заводить...

— Какіе-съ... Помилуйте... Окромѣ правды...

— Какъ ты описываешь... Деру я васъ... Мало еще деру... Не такъ слѣдуетъ... Ишь еще какой писатель выискался... Вонъ, подлецъ, изъ моего завода! Чтобы твоего духу не пахло!.. Я еще тебя по этапу вышлю, за бунты!..

— А у меня семья-съ... Такъ, повѣрите ли, послѣ того года два не могъ себѣ дѣла найти. Куда ни сунусь — нѣтъ, братъ, намъ такихъ не надо, мы и безъ писателей обойдемся! А одного нашего заводскаго живьемъ съѣли. Тотъ въ газету отписалъ, какъ нашъ горный начальникъ на заводѣ наживается. Что же бы вы думали — вдругъ пропадаетъ струментъ на заводѣ. Обыскиваютъ — у него, что въ газету писалъ, и находятъ. А тотъ ни духомъ, ни тѣломъ... Въ тюрьмѣ-съ сгноили... Семья по міру. Дочь теперь въ Перми въ веселомъ домѣ, а мать спилась съ кругу... Вотъ сколь намъ легко!.. Теперь, правда, другіе порядки пошли, а только всѣ управляющіе такими рабочими, которые неграмотные, больше дорожатъ!.. Это имъ способнѣе... — Тутъ грамотному, коли у него совѣсти нѣтъ, одна дорога — въ волостные писаря. — По всему Прикамскому краю у насъ волостнымъ писарямъ не житье, а мазляница. Только ужъ одно — нужно совѣмъ правду спрятать. Волостному писарю и дорога за то. Возьмите вы хоть нашу управу: предсѣдатель Китаевъ изъ волостныхъ

писарей; да и въ другихъ — Скачковъ, Начаткинъ тоже писарями были; даже въ губернской управѣ хотя бы члень Васильевъ — тоже изъ волостныхъ. И какія дѣла тутъ бывали съ нашими писарями. Они земскими деньгами и волостными прежде какъ своими распоряжались. Случалось, мировой его оштрафуетъ за скандалъ и пьянство — писарь выплачиваетъ штрафъ изъ общественныхъ денегъ. При повѣркѣ у одного такого не оказалось тысячи съ чѣмъ-то рублей, пополнили впередъ въ счетъ жалованья. Уѣздное земское собраніе отдаетъ его подъ судъ, а губернское не соглашается. Выбираютъ бывшаго секретаря консисторіи, выгнаннаго по третьему пункту, рассмотрѣть дѣло, тотъ тоже находитъ расхитителя общественныхъ денегъ правымъ. Почему бы вы думали?

— Уликъ не было?

— Какже, всѣ улики налицо. А потому, что уѣздное земское собраніе не дало ему инструкціи, какъ хранить деньги. А тутъ одна инструкція... На Моисеевыхъ скрижаляхъ еще начертана была — не укради. У насъ, батюшка, тутъ такія дѣла, только копните... Губернія далекая — до Бога высоко, до Царя далеко...

— У насъ все дѣлается для рекламы, вмѣшался докторъ, — земское шарлатанство развито ужасно. Брантмейстерскую школу открыли отъ земства — зачѣмъ? что тутъ машины какія особенныя? Ветеринарную школу устроили. Толку отъ нея здѣсь никакого. На всю женскую гимназію тратимъ 3,000 руб., а въ ветеринарной школѣ каждый ученикъ обходится въ 370 р.

— Я не могу понять одного, какимъ образомъ волостные писаря захватили здѣсь такое преобладающее значеніе. Вѣдь есть же капиталисты, интеллигенція.

— Наша интеллигенція разъ, два, да и обчелся. А

капиталисты вотъ какковы: одинъ обобралъ Всеволожскихъ, другой былъ ихъ же крѣпостнымъ и обокралъ ихъ, третій поднялся извозомъ, жилъ вмѣстѣ съ козлами и поросятами, запарилъ купца въ банѣ, да на томъ и выросъ. Четвертый три раза богатѣлъ картами и три же раза опять проигрывался; наконецъ, нажился арестантскими полушубками, которые въ первый же годъ распозлились. К. явился къ намъ въ Екатеринбургъ ссыльнымъ полячкомъ, штановъ не было, теперь миллионеръ. Х. сталъ крезомъ, благодаря тайной контрабандѣ золота. П—ая опаиваетъ всю Сибирь водкой. У Д—ва только въ одной Перми 18 кабаковъ. Каждый день служитъ молебны. А разъ его совѣсть зазрѣла, за неправильныя стяжанія на томъ свѣтѣ кару почувялъ, такъ чтобы умилостивить Бога, придумалъ даровую раздачу вина, четверо мужиковъ и сгорѣло... Вотъ вамъ наши земскія силы... Съ другой стороны посмотрите на нашихъ судей. Слыхано ли гдѣ нибудь подобное тому, что у насъ разъигралось на-дняхъ: мировые судьи вкупѣ и въ любѣ съ товарищемъ прокурора соборне избили публично лакея въ клубномъ саду... Скандаль на всю Пермь былъ...

Разказы о пермскомъ земствѣ одинъ характернѣе другаго. Вотъ одинъ на удачу.

Существовала здѣсь когда-то земская конюшня. Изъ общаго земскаго по имперіи сбора отчислялось на ея содержание 25,000 р. Въ ней воспитывались жеребцы-производители всѣхъ породъ. Въ извѣстное время ихъ привозили въ разные пункты губерніи, куда крестьяне къ этому сроку доставляли кобыль. Случка стоила хозяевамъ отъ двухъ до трехъ рублей, и мѣстное населеніе благословляло судьбу, приобрѣтая такимъ образомъ отличныхъ рабочихъ и возовыхъ коней. Къ назначенному изъ Перми сроку въ городахъ и большихъ селахъ открывались вы-

ставки жеребятъ, добытыхъ такимъ образомъ, и хозяевамъ, съумѣвшимъ лучше выхолить ихъ, выдавались преміи, аттестаты... Земскія конюшни ко времени введенія земства дали 40,000 р. экономіи. Первые земскіе дѣятели сообразили, что недурно получить эту сумму въ свое распоряженіе, и черезъ нѣсколько лѣтъ добились передачи конюшенъ въ ихъ вѣдѣніе. Результатъ — черезъ два, три года конюшня закрылась, и теперь крестьяне за случку своихъ кобылъ съ прежними, воспитанными ими жеребцами платятъ по 15 рублей. Недавно была выставка. Доставили на нее и эти послѣдніе экземпляры когда-то общаго для губерніи скота.

— Что мы надѣлали! закачали головами земскіе дѣятели, любуясь ими.

— Снявши голову по волосамъ не плачутъ! отвѣтили имъ.

Вмѣсто земской конюшни управа устроила ветеринарную клинику, куда никто своихъ коней не посылаетъ.

Двѣ кунгурскія волости были доведены до того, что стали отказываться отъ земства. Жалобы на пермское земство и на Смышляева главнымъ образомъ слышутся повсюду *). Одна дорога между Пермью и Екатеринбургомъ чего стоила. Это тотъ знаменитый сибирскій трактъ, по которому люди предпочитали ходить пѣшкомъ. О немъ будетъ разсказано потомъ.

— Дали бы намъ исправить дорогу, жалуются крестьяне, — мы бы ее за половину сдѣлали и ремонту не потребовалось бы.

— Что-жь вы не предложили?

*) Авторъ былъ въ Пермской губерніи въ 1876 году.

— Какъ не предлагать — предлагали. Къ своему гласному являлись.

— Что же онъ?

— Въ шею вытолкалъ...

Это все равно, если бы прикащикъ гналъ по шеѣ хозяина.

— У насъ грамотному человѣку, если не хочешь руку волостнаго писаря держать, одна дорога — въ кабакъ. Ну и спиваемся, и какъ еще спиваемся, цѣлыми семьями. Въ нашемъ заводѣ рабочій есть. Онъ и въ гимназіи былъ... Теперь горькую пьеть, хуже всѣхъ опустился... Жаль взглянуть на него — больно! До чего человѣка пришибли!

Пароходъ все бѣжитъ къ сѣверу. Берегъ становится круче и грандіознѣе. Вдали уже рисуются настоящія горы, точно синія тучи, поднявшіяся къ ночи на горизонтѣ. Западъ гаснетъ. Въ золотистомъ блескѣ зари еще рѣзче выдѣляются готическія остроконечныя пихты. Онѣ кажутся темнѣе при этомъ освѣщеніи. Кое-гдѣ на вершинахъ глиняныхъ холмовъ, точно костры вспыхнули, зыблется прощальное сіяніе отгорающаго дня. Краски сгущаются, розовое становится пурпурнымъ, желтое тоже начинаетъ рдѣть багрянцемъ. Но скоро прохладный вечеръ сливается въ одно мглистое марево и силуэты далекихъ горъ, и очерки лѣсовъ, заслонившихъ отъ насъ луговой просторъ Закамья, т. е. Вятской губерніи. Скоро и ближайшіе холмы слились съ лощинами, только берега Камы еще видны. Сумерки густятся и густятся, пока гаснетъ западъ, пока густыя краски его въ свою очередь не расплылись въ однообразныхъ тонахъ безоблачнаго вечера. А тамъ и сумракъ посвѣтлѣлъ. И опять стали выступать отовсюду вершины холмовъ, очерки сосновыхъ боровъ, синія тѣни лощинъ, только безъ дневнаго освѣщенія, когда каждая травка свѣ-

тится, когда на каждой вершинѣ точно вспыхиваетъ невѣдомый алтарь.

Здравствуй сѣверная красавица, бѣлая ночь! Ты, задумчивая и молчаливая подруга яркаго и веселаго дня; ты, грустно опустившая свои сѣрыя очи, порою повитая туманомъ, порою чистая и дѣвственная, сердобольная сидѣлка глубоко, цѣлые вѣка спящаго полярнаго края. Со всѣхъ сторонъ слышенъ запахъ смолистаго лѣса. Сосна по водѣ дышетъ намъ на встрѣчу. Вездѣ просторъ, воздуха волю, совсѣмъ не то, что на далекомъ, недавно оставленномъ, югѣ, гдѣ душно, гдѣ въ каждомъ атомѣ, кажется, дрожить и курится цвѣточная пылинка, гдѣ кровь бьетъ въ голову, и нервы ходуномъ ходятъ отъ раздражающаго аромата розъ и жасминовъ. Вонъ, по водѣ, легкой туманъ. Точно занавѣсило берегъ. Точно ревнивая вода не хочетъ показать намъ, не хочетъ обнаружить, что творить она съ этимъ берегомъ за мгlistымъ покровомъ тихой ночи. Деревья ушли во мглу, будто закутались до разсвѣта. Деревушки въ лощинахъ тоже ушли въ сѣрое марево. Рѣдкіе огоньки оттуда, точно заспаные глаза, хотятъ разглядѣть насъ въ сумеркахъ и не осиливаютъ дремы, гаснутъ, смежаютъ вѣки...

— Эхъ, бѣда! злится лоцманъ Терентій.

— Чего бѣда? Такая чудесная ночь. Я съ палубы не сойду до утра.

— Вамъ ништо. А тутъ, пожалуй, на мель сядешь. Нѣтъ хуже какъ мзга эта пойдетъ. Теперь въ оба... Носомъ нюхай... Глазомъ не увидишь — на память надо...

Постройки, которыя еще можно разглядѣть, совсѣмъ не то, что пониже. Соломенные кровли пропали. Видимо ставились избы, когда лѣсу было вдоволь, когда бревна доставались дешево, а то и совсѣмъ даромъ. Все строено

на широкую ногу. Дома не то, что въ Архангельской губерніи, не въ два этажа выведены; за то прикамскіе въ ширь раздались, точно локтями расперлись во всѣ стороны; на заборы пошла доска, ворота изъ кондоваго лѣса. И все здѣсь кажется шире, да просторнѣе. Кама, чѣмъ ближе къ Перми, тѣмъ берегъ отъ берега дальше уходитъ. Липа давно пропала, березняку вдоволь. Изрѣдка въ высотѣ мелькнетъ чайка надъ неподвижною водою, точно прорѣжетъ торжественное молчаніе ночи своимъ рѣзкимъ крикомъ, и опять ея не слышно и не видно. На одной изъ пристаней крестьянинъ на пароходъ сѣлъ. Близко къ свистку попалъ.

— Впервые я, батюшка... боязно! пугливо озирался онъ во всѣ стороны.

— Откуда ты?

— Вячкій. Отродясь не видалъ... Господи!.. Сказываютъ она духомъ...

— Что она?

— Машина-то! Духомъ ее пуцаютъ.

Въ это время свистокъ громко свистнулъ. Едва успѣлъ матросъ захватить мужика за шиворотъ. Со страху онъ за бортъ было кинулся. «Господи милостивый», повторяетъ и крестится. Пользуясь случаемъ, когда матросъ отвернулся, онъ и трубу перекрестилъ. Свистнуло еще разъ — мужикъ опять къ борту. А какъ запыхтѣлъ пароходъ, да двинулся впередъ — крестьянинъ совсѣмъ ополоумѣлъ. Подвели его къ машинѣ.

— Батюшки... Руки у яво желѣзныя.

— У кого, у него?

— Вишь ты, какъ онъ перебираетъ. Самъ бѣжитъ, насъ за собою тащитъ. Это онъ колеса-то руками ворокаетъ... Страсти Господни...

Въ Нытвѣ высаживаться сталъ.

— Куда ты, вѣдь тебѣ до Перми?

— Точно, что въ Перми, у меня сынокъ-отъ.

— Такъ чего же ты сходишь, вѣдь сколько верстъ еще...

— Ужь дозвольте... Я пѣшкомъ... Очень боязно, пѣшечкомъ дойду, а то можетъ ботничекъ какой будетъ.

— А на ботничкѣ не страшно?

— На ботничкѣ чудесно. А тутъ тебѣ въ уши свистеть...

Такъ и отправился пѣшкомъ.

— Въ Глазовскомъ уѣздѣ у нихъ народъ дикій. Эти, которые больше охотою да хлѣбомъ живутъ. Первый разъ они страсть пароходовъ пугаются...

— А вы турку нашу видѣли? обратился ко мнѣ матросъ.

Какую?

— Настоящую, какъ есть, невѣрную турку, т. е. теперь окрестили его, а прежде онъ въ невѣрныхъ былъ.

Оказывается, тутъ же на пароходѣ старикъ-матросъ изъ турецкихъ военноплѣнныхъ, взятый еще подъ Севастополемъ. Горбатый, весь сѣдымъ волосомъ поросшій, только черные глаза изъ-подъ низко опущенныхъ бровей хищно горятъ. Въ остальномъ ничѣмъ не отличить. И выговора не замѣтно чужаго.

— Его купецъ одинъ окрестилъ... Силой.

— Какъ это?

Невѣрная турка улыбнулась.

— Точно, что силой... Не по согласу... Я въ тѣ поры не хотѣлъ, да ради страха смертнаго.

— Расскажите, какъ это?

— Во Владимірѣ я къ одному купцу въ конюхи попалъ. Ну, жите было чудесное, первый сортъ... Только

что свинину заставляли есть; я было не хотѣлъ, такъ купецъ разъ пьянъ напился, позвалъ меня къ себѣ въ горницу. А меня Юнусомъ звали. «Ты, говорить, такая ская Юнуска, отказываешься свинину ѣсть?». Я ему. это по нашему закону... Пошелъ онъ въ другую комнату, ружье вынесъ. — «Ѣшь, говорить, а ежели не станешь, молись своей Аллѣ, сичасъ тебѣ капуть будетъ, потому Богъ свинью намъ въ день пятый на потребу создалъ, а ты ею брезгуешь... Я тебя за твой грѣхъ наказать долженъ!» Посмѣтрѣлъ я на него, глаза у него кровью налились, ружье, думаю, заряжено... Ну и сталь ѣсть... Только у него куфарка была, хорошая такая, мы съ ней и спутались. Хозяинъ узналъ, сичасъ большой шумъ, христіанка и съ туркой невѣрной... Стали меня пужать... Думаль я думаль, а тутъ говорятъ, въ Сибирь сошлютъ на вольное поселеніе... Махнулъ я рукой, да и перекрестился...

— И не тянуло на родину?

— Какъ не тянуло. Первое время шибко тосковалъ. Дѣти у меня остались дома, двое. Богъ знаетъ, что съ ними, живы ли! Иной разъ и теперь заскребеть на сердцѣ... Да что! суждено такъ...

И турка невѣрная тяжело понурилась. Разбередили старое.

ХІІ.

Пермь. — Козій Загонъ. — Жертвоприношеніе Богу. — Въ театрѣ. — Купецъ 1-й гильдіи въ роли медвѣдя и пермскій первобытный человѣкъ.

Мнѣ теперь немного придется говорить о Перми. О ея заводахъ, значеніи для края я скажу въ описаніи Урала. Здѣсь же будетъ умѣстно набросать только нѣсколько характерныхъ очерковъ ея общественной жизни. Издали, съ палубы парохода, городъ чрезвычайно красивъ. Онъ, какъ и Астрахань, имѣетъ свой особенный запахъ. Его слышишь издали. Подъѣзжая къ Астрахани, не знаешь куда дѣваться отъ ароматовъ воблы и бѣшенки, около Перми васъ обдаетъ дымомъ и маслястою гарью, объясняемыми близостью мотовилихинскихъ заводовъ. Губернскій городъ сравнительно съ Мотовилихою кажется очень незначительнымъ. На высокомъ правомъ берегу Камы прежде всего обрисовались передъ нами большія колокольни. Одна изъ нихъ, по самой серединѣ города, очень напоминаетъ Симонову въ Москвѣ. Впереди зеленая чаща Любимовской заимки, налѣво городскіе дома. Съ перваго же раза пришлось окунуться въ грязь. Улицы не мощены, колеса тонуть по ступицу, въ

дождливую погоду городскіе франты кричатъ караулъ на срединѣ площади. Разсказываютъ, что въ этой грязи пьяные купцы находили себѣ не разъ преждевременную могилу... На встрѣчу попадаютъ все какія-то скуластыя лица, съ маленькими носами-пуговкою, съ выдавшимися выпуклинами бровей и съ весьма слабою растительностью на усахъ и на бородѣ. Сибирскій типъ уже сказывается съ первыхъ шаговъ. Красивыя женскія лица рѣдки, уроженки Перми сверхъ того ходятъ уточками, съ перевалкою, и всѣ почему-то кажутся, даже несомнѣнныя дѣвицы, въ интересномъ положеніи. Такая ужъ манера держаться. Пишу это по долгу безпристрастнаго туриста, но съ немалымъ страхомъ и трепетомъ. Дамы вообще обидчивы, что и доказали прекрасныя финки десяткомъ протестовъ по поводу моихъ статей. Преждевременно убѣлясь сѣдинами отъ огорченій, причиненныхъ мнѣ саволакскими и иными чухонскими красавицами, умоляю пермскихъ дамъ пощадить меня и не лишать жизни... ибо обиженная дама на сіе способна!.. Городъ, въ сущности, очень миниатюрень, потому что, куда не зайдешь, отовсюду видѣнь конецъ его. Любимое мѣсто прогулокъ носить прозаическое названіе «Козьяго Загона».

— Почему это? спрашиваю я у одного скуластаго пермяка.

— Потому что мы нашихъ супружницъ сюда для прохлады по вечерамъ загоняемъ...

Видъ отсюда дивный!

Внизу струится красивая Кама. По ней тянутся бѣляны, пароходы бѣгутъ, скользятъ лодки... Противоположный берегъ низмень и, насколько хватить взглядъ, версть на пятьдесятъ впередъ покрытъ сплошнымъ, величавымъ, сѣвернымъ лѣсомъ. Отсюда, сверху, видны только вершины

этого лѣса, уходящаго въ безконечность, мерещущіеся и тамъ, гдѣ уже ничего нельзя разобрать... Матовыя, мягкія, бархатистыя, зеленыя облака... Не оторвешься отъ нихъ, какъ не оторвешься отъ картины Заволжья съ нижегородскаго откоса, отъ саволакскихъ далей съ горы Пойю въ Финляндіи, отъ вида Подола и Заднѣпровья въ Кіевѣ... Ужасно напоминаетъ эта лѣсная даль одну изъ лучшихъ картинъ барона Клодта, гдѣ также все полотно залито мочуею ширью сѣвернаго лѣснаго царства. Направо, верстахъ въ четырехъ отъ Перми, клубится черный дымъ, торчатъ красныя заводскія трубы, нелѣпо кучатся техническія постройки Мотовилихи.

— Что за прелесть! невольно проговорилъ я, опять обращая глаза къ этой заманчивой дали.

— Да! Ежели бы позволили вырубить, большія бы тыщи можно было получить.

Оглядываюсь, таже скуластая фізіономія.

— Я говорю — красиво.

— Еще бы не красиво, на милліоны лѣсовъ тутъ... Чутьочку бы...

— Да я не въ томъ смыслѣ.

— Смыслъ одинъ и есть... Мы люди торговые. Намъ деньги надобны. А что для глазъ — такъ за деньги я бы такихъ флигирей настроилъ, и красныхъ и желтыхъ. И въ каждомъ бы у меня музыка играла...

Я засмѣялся.

— Что вы думаете, у насъ тутъ не живутъ. У насъ весело, коли кто умѣетъ. Вотъ какъ у насъ. Недавно купецъ одинъ замужъ дочь отдавалъ; что-жь бы вы думали, свадьбу то вѣдь три мѣсяца праздновали. Сначала сами пили, потомъ извощиковъ стали поить, надоѣло — давай прохожихъ ловить. Кого поймаемъ — поить. Всю Пермь

споили. Думаемъ, что бы еще придумать. Вакуровъ надомилъ, спасибо ему; лошади еще трезвы, говоритъ, — лошадей шампанскимъ налили. Козы всѣ по городу точно очумѣлые ходили, медвѣдь у одного купца былъ — и медвѣдя стравили водкою...

— Что за безобразіе!

— Вѣрно говорю. Тутъ разъ на одномъ заводѣ какая блажь золотопромышленнику пришла. У насъ на гитарахъ ѣздять. Извольте знать?

— Еще бы, у меня еще до сихъ поръ кости болятъ.

— Ну вотъ. И у него заболѣли. Собралъ онъ пять такихъ гитаръ: сколько стоитъ? Ну, извошки видять — купецъ пьяный, щедрый, душа у него распахнулась — бери! Заломили они цѣну... Велѣлъ онъ вывести за городъ — вывезли. Отпрягли лошадей, назадъ погнали. Сложилъ онъ гитары яко бы костромъ... Керосину навезъ, облилъ. Потомъ подвелъ, съ-пьяна-то, сына своего единороднаго и говоритъ: есть такое мое желаніе, чтобы тебя въ жертву принести. Сичасъ я тебя на этихъ гитарахъ заколю, и моли ты, милый сынъ мой, на томъ свѣтѣ за меня Господа, чтобы простилъ мнѣ прегрѣшенія мои. А потомъ я тебя сожгу, на подобіе какъ въ Индіи. Сынъ завылъ... Видить, у отца въ глазахъ помутилось и ножъ въ рукахъ. Еще счастье, что наши набѣжали... Отняли... Такъ онъ что? Какъ бы вы думали? «Дураки, говоритъ. Ежели бы Богу угодно не было, Онъ бы ко мнѣ ангела своего послалъ удержать руку мою родительскую. Я бы тогда коня своего на семь самомъ мѣстѣ принесъ Ему въ жертву...» Опослѣ скоро тотъ купецъ отъ бѣлой горячки померъ.

— Да это вы шутя рассказываете?

— Зачѣмъ... А чтобы коней шампанскимъ мыть, первое

для насъ удовольствіе. Особливо какъ ежели екатеринбургскій купецъ завяжется.

— Чтожъ тамъ купцы особые.

— Не то что особые, а деньги у нихъ легкія. Весь городъ краденымъ золотомъ прежде торговаль. Лѣннывы стали, потому что страсть сколь они этихъ капиталовъ насосались. Повѣрите, какое нибудь плевое тысячное дѣло одному сдѣлать бы, такъ екатеринбургскіе, нѣтъ-же, цѣлою компаніею, потому что одному, въ розъ, лѣнь... Вы живали у насъ когда?

— Нѣтъ.

— Поживите, увидите. Здѣсь хорошимъ праздникомъ либо именинами такой считается, чтобъ сколько вина въ городѣ ни есть, все стравить до капли. Безъ этого купцу стыдно... Брюха не хватить, крыши поливать станеть. Одинъ нарочно, около Перми это на одномъ заводѣ давно было, домъ выстроилъ... Зажегъ его съ четырехъ сторонъ и замѣсто воды изъ пожарныхъ кишокъ спиртомъ поливать давай... А вокругъ музыка! У насъ такъ, когда купцы пьютъ, на городской бульваръ не показывайся. Всѣ по до-мамъ запираются и ставни на-глухо!

Бульваръ этотъ дѣйствительно прекрасный. Онъ около города, близъ заставы. При мнѣ гуляющими были пара козловъ, рога которыхъ были выкрашены зеленою краскою. Козлы шли чинно и солидно рядомъ, точно разсуждая о чемъ-то. Мое появленіе привело ихъ въ нѣкоторый ражъ. Они внезапно разодрались, мужественно подставляя лбы другъ другу. Спустя нѣсколько минутъ, оба также чинно продолжали свой путь по бульвару. Не одни ли это изъ тѣхъ козловъ, коихъ столь неистово спаиваютъ купцы на своихъ именинахъ.

Въ городѣ, несмотря на то, что есть деревянный театръ, строится громадный каменный.

— Хоть въ столицу! хвастаются пермяки.

Мнѣ только непонятно, на какую публику рассчитываетъ строитель. Развѣ купцы станутъ съ собою козловъ брать — другое дѣло.

Впрочемъ, когда я вечеромъ сунулся въ деревянный сарай, именующійся театромъ, я нашель его довольно полнымъ. Я не помню, что такое шло на сценѣ. Дѣйствующія лица въ партерѣ и ложахъ были гораздо интереснѣе. Въ первомъ ряду сидѣлъ какой-то скуластый купецъ въ широкихъ шароварахъ, нанковыхъ, разумѣется, и до-нельзя засаленномъ пиджакѣ; обвалявшаяся какъ блинъ фуражка торчала на затылкѣ, козыремъ кверху, какъ будто она, распутивъ крылья, собирается вотъ-вотъ улетѣть въ под-небесье.

— Мишенька! кричалъ на всю публику изъ ложи къ нему такой же экземпляръ.

— Ау? отзывался этотъ.

— Гроссъ-Петрова ничего?..

А Гроссъ-Петрова, въ этотъ самый моментъ, со сцены читаетъ какой-то чувствительный монологъ.

— Хороша, канашка!.. Позовемъ ее ужинать... Въ клубъ ежели?..

— Не поѣдетъ! вмѣшивается третій изъ публики.

— Съ такими купцами, да не поѣхать! вступается четвертый. И въ то время какъ на подмосткахъ жертва какого-то ужаснаго злодѣянія никакъ не можетъ умереть, потому что авторъ мѣшаетъ ей длинными монологами, эти четверо во все горло перекрикиваются между собою.

— Кто съ тобой поѣдетъ, безобразникъ — всѣмъ мѣшаешь! не выдержаль, наконецъ, какой-то офицеръ.

— Захочу — всёхъ спить могу! съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства парируетъ золотопромышленникъ.

Гроссъ-Петрова, наконецъ, соглашается совсѣмъ умереть, но авторъ заставляетъ ее еще спѣть что-то. Начинается пѣніе.

— Прачку пой! орутъ изъ райка.

— Ненужно прачку!.. Вьюшки!.. Вьюшки!.. Вервервььюшки, вьюшки, вьюшки!..

— Изъ бархату башмачки-сафьяновые! подхватываетъ публика.

— Что это у васъ! спрашиваю я у сосѣда.

— Промышленники наѣхали... Чудятъ. Они теперь долго не уймутся. У нихъ угаръ по мѣсяцу.

Изъ оркестра обернулся и смотритъ, улыбаясь на публику, капельмейстеръ Козловскій-Лисовскій.

— Лисовскій, браво! ни съ того, ни съ сего кричатъ изъ ложъ.

— Ну тебя къ чорту, помирай скорѣе! приглашаютъ актрису въ партеръ.

— Хорошій человѣкъ — Лисовскій, браво!..

— А я не согласенъ, ни съ того, ни съ сего срывается изъ партера совсѣмъ уже пьяный промышленникъ. — Я не согласенъ.

— На что не согласенъ?

— По рублю двадцать за пудъ не согласенъ.

— Чего ты? Очумѣлъ? Ты погляди: гдѣ ты?..

— А?.. Господи, что же это?.. Сичасъ на биржѣ и вдругъ... Святители...

Кругомъ хохочутъ... Водевиль начался. Выскочила актриса съ соблазнительными икрами. Платице до колѣнъ. Носикъ кверху, глазки такъ и заигрываютъ. Тру-ля-ля какое-то спѣла и давай присѣдать.

— Эхъ, хороша Маша, да не наша! вздыхаетъ кто-то во все горло.

— Кабы денегъ наша, была бы Маша наша! сочувственно отзывается ему Мишенька.

Патріархальность вообще поразительная. Еще желѣзнодорожные внесли нравы болѣе культурнаго времени. Пстороннему, попавшему сюда, покажется, что онъ какимъ-то чудомъ перенесенъ въ эпоху свайныхъ построекъ. Впрочемъ и изъ образованныхъ нѣкоторые здѣсь быстро нивелируются. Понадобились мнѣ кое-какія свѣдѣнія, иду я къ А — ву. Онъ еще дня за два провелъ вечеръ со мною и я обрадовался: наконецъ нашелъ съ кѣмъ душу отвести. А—въ жилъ въ своемъ домѣ.

— Дома, спрашиваю у лакея.

— Дома, у себя-съ! нерѣшительно отвѣтилъ онъ. — Только они-съ... А впрочемъ пожалуйте.

Вхожу въ комнаты и останавливаюсь, понять не могу, что это такое.

А — въ идетъ прямо ко мнѣ. Голый, даже безъ фиговаго листка, на головѣ лавровый вѣнокъ, въ рукѣ трезубецъ, черезъ другую переброшена оленья шкура.

— Повѣдай мнѣ, что привело тебя, несчастный, въ сію ужасную пустыню?

Я хлопаю глазами разумѣется.

— Иванъ Петровичъ, что съ вами?

— Я первобытный человѣкъ! гордо отвѣтилъ онъ и, обернувшись ко мнѣ спиною, въ чемъ былъ, пошелъ въ другія комнаты.

Не зная, что дѣлать, я оперся о письменный столъ. Еще очнуться не могъ. Вдругъ чьи-то зубы впились въ мою ногу. Едва отскочить успѣлъ. Смотрю, изъ подъ-стола

на четверенькахъ и тоже голый вылѣзаетъ, рыча на меня, вчерашній Мишенька (зри сцену въ театрѣ).

— А я вѣдь медвѣдь! поясняетъ онъ, видя мое недоумѣніе.

Разумѣется пермская жизнь далеко не исчерпывается сими сценами. Есть тутъ кружки не о единомъ хлѣбѣ помышляющіе; не все пьяницы, да чудачи. Но въ такія недѣли, въ какую я попалъ сюда, ужь очень разятъ свѣжаго человѣка безобразія, творящіяся здѣсь. Потомъ, пошатавшись по Пермской губерніи, я ничему не удивлялся. Одному заводчику пришло, на примѣръ, въ голову водить свинью въ генеральской треуголкѣ и съ Станиславомъ на шеѣ; другому доставляло удовольствіе ѣздить верхомъ, держа за хвостъ лошади, задомъ напередъ. Третій заказалъ себѣ гусарскую форму и носилъ ее. Четвертый пожертвовалъ десять тысячъ рублей на постройку мечети въ Тегеранѣ, желая получить орденъ Льва и Солнца отъ персидскаго шаха; пятый вообразилъ себя физиологомъ и истребилъ на опыты всѣхъ кошекъ въ окрестности, такъ что пріѣхавшій къ нему отецъ долженъ былъ пригласить священника, очистить его. Шестой похоронилъ своего пса чуть не съ царскими почестями. Какъ будетъ видно изъ моихъ послѣдующихъ очерковъ — внѣ района городовъ я встрѣчалъ здѣсь въ высшей степени развитыхъ и симпатичныхъ людей, скромныхъ тружениковъ. Они оставили во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія и заслонили неприглядную картину пермскаго бездѣлья. Гдѣ ни останавливался я на заводахъ — сейчасъ-же приходилось знакомиться съ техниками, горными чиновниками уже инаго закала...

— Иной разъ и мы чудимъ. Нельзя. Одурь возьметъ. Скучно! говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ.

— Въ Екатеринбургѣ — вы увидите настоящихъ людей... Тамъ много хорошаго...

И въ самой Перми я съ удовольствіемъ вспоминаю кружокъ М—скаго. Тутъ собирались по вечерамъ, обходились безъ вина и безъ картъ. Спорили, читали. Бесѣда заходила далеко за полночь.

— И скажи ты мнѣ, милый другъ, что это за корреспонденція такая, что мы все пьемъ, пьемъ и опиться не можемъ? спрашивалъ меня одинъ изъ этихъ безобразниковъ.

— Бить-бы васъ! шучу я.

— Пробовали! совершенно серьезно пояснялъ онъ. — Жена меня пьянаго какъ въ кровать уложить, такъ крапивой бывало... Ну и ничего... Не помогло... Я вотъ что думаю... Въ монахи если.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому ты весь монатырь споишь. Тебя на другой же день прогонять.

— Это такъ... А только и скучно же намъ... Душа въ насъ безъ поила этого тоскуетъ... Сказываютъ, такой запойный червь есть, внутри сидитъ онъ... По наукамъ такъ это выходитъ?..

XIII

Вверхъ по Камѣ. — Пароходы Житкова. — Мотовилиха. — Бабыя кавалерія. — Мѣловыя Столбища. — Какъ министръ знакомился съ мѣстными нуждами. — Камнетесы и медвѣди. — Мѣстный кредитъ. — Опять лѣсоистребленіе.

Вверхъ по Камѣ я не совѣтую никому подыматься на пароходѣ «Лебедь». Отъ Перми до Усолья ходятъ уже не тѣ пароходы, что до Перми. Кама тутъ иной разъ мелководна, есть постоянныя мели и большіе пароходы не осилили бы ихъ. На нашъ «Лебедь» насѣло столько народу, что я невольно изумился. Яблоку негдѣ было упасть.

— Да у васъ сколько билетовъ полагается?

— А у насъ такъ, по душѣ; комплекту нѣтъ, а сколько придетъ пассажировъ, столько и повеземъ.

— Ну, а если-бы еще пришли вдвое противъ нынѣшняго.

— Тогда посдвинули бы народъ. Кое-какъ размѣстись бы.

— Да вѣдь тѣснота какая!

— Въ тѣснотѣ люди живутъ, да еще. какъ! Богъ тѣсноту любитъ. И хозяину польза, да и пассажира отказомъ не обидимъ.

Несмотря на высокія цѣны за первый классъ, удобствъ никакихъ. Грязь вездѣ: на столахъ, на диванахъ, на полу. Въ каютахъ еще хуже, чѣмъ въ общей залѣ. На палубѣ сажа слоями лежитъ. За то образа понавѣшены вездѣ и лампы горятъ. Образа даже снаружи каютъ, противъ вѣтра смотрятъ.

— Отчего не подметутъ? Посмотри, грязи вездѣ сколько.

Сами сотрутъ. Смотрите все на полушубкахъ, да на сермягахъ останется, отщучивался шкиперъ. — У насъ и хозяинъ такой же, Житковъ. Ему бы денегъ больше, а на чистоту онъ рукой махнулъ. Мы не нѣмцы; тѣмъ точно чистота нужна, а мы и безъ этого проживемъ.

Вонъ направо тянутся громадныя постройки мотовилихинскаго завода. По обѣимъ сторонамъ ея на плоско-ватыхъ возвышенностяхъ вытянулись темныя ряды избъ, гдѣ живетъ всякій заводскій людъ. Металлическіе купола и каменные гигантскія трубы, масса кирпичныхъ построекъ, бѣлый силуэтъ церкви и опять неизбѣжныя темныя пихты, и позади, и по сторонамъ, все это открывается передъ нами вмѣстѣ съ лощиною, мимо которой пробѣгаетъ пароходъ. На всемъ лежитъ красный, желѣзистый колоритъ, словно и самая лощина, и постройки на ней осыпаны рудничною пылью. Пока, стоя на палубѣ, я смотрѣлъ на Мотовилиху, на верху точно что-то треснуло и раскатилось глухимъ и торжественнымъ громомъ. Подымаю голову — неожиданно, негаданно набѣжала грозовая туча. И солнце, и дождь. Яркіе лучи играютъ въ каждой каплѣ его. Что-то веселое, живое, сказывается даже въ свистѣ вѣтра, какъ будто пробующаго, насколько крѣпки наши снасти и прочно-ли

поставлена скрипящая подъ его налетомъ труба. Впрочемъ гроза продолжалась недолго. Когда пароходъ добѣжалъ до Мѣловыхъ Столбищъ, бѣлыми массами обрушивающихся въ Каму, дожда какъ не бывало и все кругомъ горѣло и сверкало, и лѣса въ лощинахъ точно повѣжѣли, и даже темныя, траурныя пихты, неизвѣстно какъ пустившія свои корни въ мѣловыя скалы, и тѣ высматривали не такъ торжественно, вымытыя дождемъ. Вонъ, по дорожкѣ, на бѣлыхъ утесахъ показались бабы цѣлою гурьбою и всѣ на коняхъ — верхомъ.

— Вонъ наша кавалерія. Этакую нигдѣ не увидите.

— Дѣйствительно нигдѣ!

— Вы какъ вернетесь въ Пермь, не разъ увидите ихъ такимъ образомъ приѣзжающими на базаръ. Онѣ у насъ чудесно ѣздятъ.

— И кони прекрасные.

— Еще бы... Вѣдь это отъ тѣхъ самыхъ казенныхъ производителей, которыхъ земство уничтожило. Теперь близокъ локоть, да не укусишь.

На лѣвомъ берегу темный лѣсъ отступилъ, обнаживъ песчаную понизь. Дальше песокъ переходитъ въ бѣлую, известковую почву. Я первый разъ въ жизни видѣлъ, чтобы на ней могла подняться такая богатая зелень. Столбища все растутъ и растутъ, мѣловыя скалы дѣлаются грандіознѣе и грандіознѣе. Они уже даютъ Каму, покорно и тихо струящуюся у ихъ могучихъ подножій. На самой верхушкѣ одного изъ утесовъ точно горятъ какія-то искры. Всматриваюсь, — изба, поставленная окнами прямо къ солнцу. Берегъ мнѣ показался тутъ гораздо выше Жигулевскаго на Волгѣ, а дѣвственная бѣлизна его слѣпила глаза, пока она не посѣрѣла, пока въ массѣ мѣла не

проступили красные тоны и, наконецъ, почва не стала глинистою.

— Тихо же идетъ вашъ пароходъ.

— Тихо-съ. Въ сутки мы дѣлаемъ двѣсти двадцать версть только, даже по теченію.

Между нами оказался чистокровный петербуржець. Шляпа точно сейчасъ изъ витрины у Брюно, щегольской сюртучекъ, какія-то прюнелевыя лѣтнія ботинки. Монокль въ глазу и на лицѣ улыбка снисходительнаго благоволенія ко всему окружающему.

— Вы куда? спрашиваютъ его.

— Командированъ! И въ голосѣ слышится: вы де со мной поосторожнѣй.

— Зачѣмъ?

— Съ уче-но-ю цѣлью! отчеканиль онъ, точно сверху внизъ.

— Вотъ это пріятно. А то насъ совсѣмъ позабыли.

— Да помилуйте, вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ на совсѣмъ недовольный. — У васъ ничего не увидишь. Приѣзжаешь на заводъ: — «Какъ у васъ грамотность?» спрашиваешь. — «Пожалуйте, у насъ сегодня пирогъ съ капустою». Такую кулебяку загнули!—«Ну, а на счетъ народной нравственности?» — «Не хотите ли перменей тарелочку». Интересуешься статистикой вашей, а вы меня бараньими боками съ кашей угощаете! Оказывается, что въ концѣ концовъ, я отсюда однѣ только кулинарныя познанія вывезу. Вѣдь это срамъ! Вернешься въ Петербургъ, спросятъ: что видѣлъ? Ничего, кромѣ кулебяки!

— Да коли у насъ вся статистика въ этомъ, отшутился пермякъ.

— Они, эти, «съ ученою цѣлью», чудные! рассказывалъ онъ потомъ. — Тутъ одинъ академикъ ѣздилъ, такъ

онъ все на другихъ сваливалъ. Приготовьте мнѣ записку объ этомъ, напишите, какъ у васъ то, пришлите мнѣ описаніе такого-то мѣста. А самъ никуда, такъ изъ номера гостинницы и не выѣзжалъ. Вотъ вамъ и ученая цѣль. Что-жъ намъ съ ними возиться. Вы вонъ хоть на этого нашего спутника полюбуйтесь. Ишь у него палевые, прюнелевые ботинки; ну какъ онъ въ нихъ по нашимъ горамъ полѣзетъ. Неужели въ своей жакеткѣ въ рудники опускаться станетъ? А тоже ученая цѣль. Мы вѣдь видимъ, кому что нужно. Явится этакій вѣтеръ, ну угостимъ обѣдомъ, честь честью; такъ накормимъ, что у него глаза на лобъ вылѣзутъ, и ступай себѣ дальше. Вы копните-ка его. Думаете дѣйствительно интересуется чѣмъ. Ни Боже мой! Для него вопросъ: скоро ли его камеръ-юнкеромъ сдѣлають, гораздо интереснѣ всякихъ другихъ соображеній. А тоже съ ученою цѣлью. Тутъ не только простые смертные, министры къ намъ ѣздятъ и тоже такимъ образомъ. Извоили слышать *).

— Нѣтъ.

— Какъ же. Мы смѣялись, смѣялись потомъ; въ лоскъ легли. Пишутъ: собратъся туда-то всѣмъ, — собрались. Ждемъ. Является самъ его высокопревосходительство. Ничего, не кусается; пожалъ двумъ, тремъ руки, остановился, кивнулъ головою и сейчасъ въ позу. Еще и съ дороги не отдохнулъ, а ужъ два пальца за бортъ, ногу впередъ, грудь колесомъ и «милостивые государи!..» Ну, милостивые государи подтянулись, внимають. «Я васъ созвалъ для того, чтобы познакомиться съ вашими нуждами, выслушать васъ, узнать, какія мѣры необходимы для процвѣтанія края. Прошу васъ говорить со мною откровенно, какъ бы вы

*) Авторъ былъ на Уралѣ въ 1876 году.

были между собою, какъ будто съ равнымъ». Только что мы собрались ротъ раскрыть... нуждъ-то вѣдь у насъ не обобратся, кишмя-кишатъ. А у него, глядимъ, новая ораторская поза. «Но прежде, милостивые государи, чѣмъ вы сообщите мнѣ ваши законныя желанія, прошу у васъ позволенія сообщить вамъ мои собственные взгляды на русское горное дѣло». Новая ораторская поза, и еще болѣе величественная. «Когда я былъ въ Саксоніи и Силезіи...» И пошелъ, и пошелъ. Часъ говорилъ, два говорилъ, до поту насъ прошибъ. Наконецъ, кончилъ. Думаемъ, вотъ начнется теперь бесѣда. А онъ вдругъ: «Ну теперь, господи, надѣюсь, мы поняли другъ друга. Вы знаете меня, я васъ. До свиданія!» Общій поклонъ. И ушелъ къ себѣ. Разинули мы рты, смотримъ другъ на друга и ничего образить не можемъ. Сколько начальниковъ перевидали, а такого еще не приходилось. Наконецъ, такъ поняли, что насъ онъ выслушаетъ завтра, либо сегодня вечеромъ. Послали узнать спустя часа четыре: давно уже дальше уѣхалъ, говорятъ. Вотъ какъ они наши нужды изучаютъ!

— Ну, а самъ-то онъ дѣльно говорилъ?

— Какое, помилуйте. Болѣе всего о томъ, что такое саксонцы и силезцы, а потомъ, какіе короли и что именно ему сообщали.

Я расхохотался. Знакомый образъ петербургской важной, «обою пола», какъ говорится въ дворцовыхъ указахъ, особы такъ и обрисовался передо мною во всей его неприкосновенности.

Опять пошли мѣловыя горы. Вонъ двѣ бабы вползаютъ вверхъ. Точно два маковыхъ цвѣтка, отъ кумачнаго платья, въ которое онѣ одѣты. Посмотрѣлъ я въ бинокль. Продѣлаютъ ступеньку, станутъ на нее и слѣдующую высѣкаютъ. Танталовъ трудъ. Горныя рѣченки съ

громкимъ шумомъ выбѣгаютъ въ Каму по узкимъ лощинамъ, гдѣ стоитъ вѣчная тѣнь и прохлада. Воображаю, какъ чиста вода этихъ рѣчекъ, какъ весело струятся онѣ, свѣтлыя, по бѣловатому мѣловому дну. Каждую рыбку въ нихъ видно, каждый камешекъ себя показываетъ.

— Харіусовъ здѣсь здорово ловятъ на мошку.

— На какую?

— Да видите! Харіусъ рыба жадная. На все кидается. Ну ловцы выщиплютъ шерсти съ армяка и на уду. Харіусъ думаетъ мошка, хань! а замѣсто того самъ на удѣ бьется.

Массы бѣлаго камня горбами выдаются надъ водою; иные на значительной высотѣ и совершенно правильной формы, точно пьедесталы, приготовленные для какихъ-то колоссальныхъ статуй. Мнѣ такъ и припомнились святогорскіе скалы на Донцѣ. Только здѣшнія, камскія, болѣе грандіозны.

Вонъ у самаго берега барка. Ее грузятъ известковымъ камнемъ, обожженнымъ здѣсь же. Совершенно чудскіе типы работаютъ на баркахъ: скуластые, узкоглазые, сильные. Видимое дѣло, такому мужику десять пудовъ поднять ничего не значить. Крупное туловище, на короткихъ, крѣпкихъ ногахъ. Руки, что твоя лопата. Вышина берега здѣсь до сорока сажень. На рѣкѣ Косьвѣ потомъ я нашелъ такія же мѣловыя скалы, но тѣ возносились на 60 и на 70 сажень. Тамъ же и на Устьвѣ въ имѣніяхъ Всеволожскихъ, поднимаются шиферныя горы со сланцемъ. Превосходный черный аспидъ разрабатывается для столовъ. Снялъ листъ въ два квадратныхъ аршина, и безъ всякой обработки онъ чистъ и гладокъ. Столъ и готовъ.

Весь берегъ Камы кишмя кишить здѣсь народомъ, кучками усѣлись. Гнѣздами насѣкомыхъ кажутся они отсюда.

Будто сотни муравьевъ сбѣжались и копошатся надъ чѣмъ-то. Выработываемый этими рабочими камень тутъ же внизу грузится въ сотни барокъ. На нихъ сначала былъ доставленъ чугунокъ на заводы, потомъ ихъ продали за полцѣны мѣстнымъ каменщикамъ, которые на нихъ сплавляютъ алебастръ въ низовья Камы. Работа трудная, рѣдкій на ней выстаиваетъ долго. Известковая пыль ѣстъ глаза, иные и вовсе слѣпнутъ; тѣмъ не менѣе за такую каторгу платятъ не болѣе тридцати копѣекъ въ день. Таково здѣсь положеніе крестьянства. За эти тридцать копѣекъ мужикъ долженъ отработать не временемъ, а гуртомъ; снять извѣстную часть известковой площади. Уроки назначаются хозяевами, которыхъ менѣе всего можно упрекнуть въ снисходительномъ отношеніи къ своей артели.

— По человѣчеству бы жалко! говорю я одному такому левіаѳану, бывшему у насъ на пароходѣ.

— Оно точно. Но только себя, да своихъ дѣтей нужно еще и прежде того пожалѣть. Мы вѣдь ихъ на эти работы не гонимъ. Сами идутъ. Вотъ ежели бы мы, какъ сплавщики по Чусовой, черезъ волостное правленіе дѣйствовали, если-бы народъ къ намъ силою посылали, тогда конечно нехорошо бы это было. А къ намъ сами идутъ, да какъ еще просятся, только возьми. Бѣдность тутъ самая непокрытая. Коли бы не мы, совсѣмъ бы съ голоду поколѣли.

По бѣлому алебастру пошли черные гроты. Кого ни спросишь: «Что это?» — «Змѣй прежде жилъ. Клятое мѣсто». Объ Ермакѣ опять не слышно. Гдѣ по берегу земля есть, тамъ зеленые луга, на нихъ острыя пихты. Въ кустарникахъ скрипятъ коростели. Всякая мелкая пташка ютится на нихъ и свищетъ на вольной волѣ. Въ лощи-

нахъ изрѣдка поселокъ мелькнетъ. Вообще же безлюдье началось.

Вмѣсто преданій о Ермакѣ, пошли рассказы о медвѣдяхъ. Тутъ вонъ въ заводъ, спасаясь отъ лѣснаго пожара, бросился медвѣдь съ утеса и убилися. Тамъ, въ кричный сарай залѣзъ медвѣдь, увидѣлъ раскаленный металлъ въ печахъ и давай метаться. Съ испуга дверей-то не найдетъ. Попалъ лапой въ плавленную руду и тутъ же подохъ. Близъ Романовскаго завода, село Гремяче; у самаго села тутъ убили мишку, который безъ требушины вывѣсилъ девятнадцать пудовъ. На двѣ ладони жиру одного на немъ было. Другой звѣрь выдержалъ двадцать восемь пуль, такъ что Всеволожскій донялъ его разрывною пулею. Медвѣдь упалъ; управляющій Всеволожскихъ Озееръ подошелъ, желая добить чудовище изъ револьвера, но звѣрь вдругъ всталъ, кинулся на него и нанесъ до двѣнадцати ранъ зубами и когтями. Наконецъ, Всеволожскій попалъ ему въ голову, около глаза. Медвѣдь, глухо рыча и шатаясь, отошелъ, вырылъ себѣ подъ карягою мѣсто въ кучѣ старой листвы и рыхлой земли, и улегся тамъ умирать. Длинною шкура этого звѣря оказалась 3 аршина 6 вершковъ. Шерсть его была почти черная. У Лобанова подъ окна повадился ходить Мишка, пока его не пристрѣлили. Судя по рассказамъ, здѣсь бы нашимъ Немвродамъ настоящая лафа была. Охотятся здѣсь на звѣря не по-питерски. Одинъ на одинъ выходятъ, настоящее ратное дѣло. Единоборство человѣка съ лѣснымъ царемъ. Это и поинтереснѣе. У насъ вѣдь такъ: приговорятъ медвѣдя къ разстрѣлянію, подымутъ его изъ берлоги соннаго, голоднаго, слабаго, или окружатъ сотней двумя крестьянъ и исполняютъ приговоръ на почетительномъ разстояніи. Пермская охота куда интереснѣе. Тутъ впрочемъ не на одного медвѣдя выходятъ. Тутъ

и сохатые попадаются, но въ послѣднее время очень рѣдко.

Еще дальше пробѣжалъ пароходъ и картина прибрежныхъ селъ уже измѣнилась.

Хорошія тесовыя избы. Есть такія семьи, у которыхъ и по двѣ избы встрѣчается — лѣтняя и зимняя. Народъ тутъ рубить лѣса, свозить чугуны и руду на заводы. Средній рабочій достаетъ рублей пятнадцать, а то и всѣ двадцать въ мѣсяць. Съ конемъ — больше.

— Коней только у насъ мало none.

— А что?

— Прежде, какъ случная конюшня въ Перми была, куда лучше.

— Эта, что земство уничтожило?

— Не земство, помѣщики.

— Вона!

— Вѣрно вамъ говорю. Досадно вишь имъ стало, что у нихъ крестьянъ да землю отняли, они и конюшню изништожили. Вотъ говорятъ, нате: ни себѣ, ни собакамъ. Только мы и держимся кобылками, что отъ прежнихъ пошли, отъ настоящихъ праведныхъ.

Теперь пермское земство идетъ другою дорогою. Теперь оно дѣйствительно работаетъ для народа. Но когда я былъ тамъ въ 1876 году, Смышляевщина доводила населеніе до одури. Одна эпопея сибирскаго тракта заслуживаетъ быть описанною вполнѣ. Нужно же знать, съ какими дѣятелями часто приходится считаться темному и неграмотному люду. Защиты нѣтъ. Пермская администрація еще держала руку Смышляева. Вотъ если-бы земство заявило попытку быть самостоятельнымъ, тогда администрація согнула бы его въ бараній рогъ. А безъ того, ходи вольно и безобразъ, сколько душѣ угодно.

По сторонамъ уже показывались заводы. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, были въ полномъ бездѣйствіи. Оказывается, что иные уже лѣтъ по десяти не выработали ни одного пуда желѣза. Голодное населеніе разбѣжалось куда попало. Капиталовъ нѣтъ. Банки пермскіе не оказываютъ заводчикамъ никакой помощи. Заводчики, нуждаясь въ деньгахъ, бьются въ ежовыхъ рукавицахъ покупателей-купцовъ, которые, будучи директорами банковъ, управляющими ссудными кассами, держатъ заводы въ такомъ положеніи, чтобы банки имъ не выдавали ни копѣйки. Нельзя получить денегъ даже подъ залогъ металловъ. Поэтому, какую пермскіе Разуваевы и Колупаевы назначаютъ цѣну на продуктъ заводскаго производства, за такую владѣльцы ихъ и отдаютъ. Такимъ образомъ населеніе работаетъ вмѣстѣ съ собственникомъ завода на Разуваевыхъ и Колупаевыхъ. Государственный банкъ, положимъ, выдаетъ ссуды, но на основаніяхъ, существовавшихъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, т. е. подъ пудъ листоваго желѣза перваго сорта 1 р. 50 к., тогда какъ въ частной продажѣ онъ давно выросъ до 2 р. 75 к. и даже до трехъ рублей. Поэтому, частные заводчики здѣсь, если они не имѣютъ большихъ средствъ, то и дѣло разоряются.

— Мнѣ, напримѣръ, приходится имѣть дѣло съ купцами. Они всю нашу подноготную знаютъ, рассказывалъ мнѣ спутникъ. — Предчувствуетъ повышеніе цѣнъ, стакнется съ кредиторами, тѣ меня прижмутъ. Куда дѣваться? Бросишься въ одну, въ другую сторону, денегъ все равно ни у кого нѣтъ. Въ банкъ нечего и соваться. Все равно, онъ его опуталъ со всѣхъ сторонъ. Поневолѣ къ нему. А онъ, хотя уже и приготовился, тоже начинаетъ казанскую сироту пѣть.

— Петръ Кузьмичъ, помогите.

— Въ чемъ-съ? Ежели по христіанству что, совѣтомъ, готовъ.

— Какой совѣтомъ, деньги надобны.

— Деньги ноне всѣмъ надобны, морить онъ меня.

— Вотъ и мнѣ тоже.

— Поищите, ежели надобны. Можетъ и найдете.

— Вотъ я къ вамъ затѣмъ и пришелъ, чтобы найти.

— У меня денегъ нѣтъ-съ!

Иной даже для очевидности карманы вывернетъ при этомъ, точно онъ сотни тысячъ при себѣ держитъ.

— У меня денегъ во всемъ домѣ ста рублей не на-берется.

— Врете вы! Вѣдь я знаю.

— Вотъ вамъ Христосъ истинный!

— Ну такъ въ банкѣ у васъ лежатъ.

— Не могу и изъ банка, потому долженъ я о своей семьѣ подумать; не все-же мнѣ для васъ жить.

— Ну такъ я къ Иволгину пойду, пугаешь его.

— Идите пожалуй. Мнѣ что... мнѣ все равно. Я его видѣлъ вчера, у него тоже нѣтъ. Все въ оборотѣ.

— Да полноте вамъ прикидываться-то!

— Чего прикидываться. Я вамъ правильно, по душѣ...

Нѣтъ, ничего и не подѣлаешь.

— Ну такъ прощайте.

— Прощайте!

Такъ и уйдешь. Завтра та же исторія.

— Да чего вы морите меня, вѣдь я знаю ужъ васъ.

Вѣдь вы давно и сумму прикинули, какая нужна мнѣ.

— Ей-Богу! Вотъ вамъ крестъ!

— Ну, прощайте.

— Прощайте.

— Вѣдь уѣду. Смотрите...

— Уѣзжайте. Счастливой дороги... Съ Богомъ!

— Наконецъ, уже на третій день начинаются разговоры, послѣ того, какъ онъ изъ васъ всѣ жилы вымотаетъ. Въ поту весь и самъ, и тебя въ потъ вгонить.

— Желѣзо точно что понадобится мнѣ листовое.

— Ну вотъ и берите впередъ.

— Да вѣдь какъ впередъ... Это отъ Бога...

— Цѣны будутъ чудесныя.

— Это опять отъ Бога! А я такъ полагаю, что цѣна самая малая окажется. Желѣза до пропасти навезутъ.

— Помилуйте, я знаю. Менѣе 2 р. 80 к. и ожидать нельзя за пудъ.

— Такъ вы лучше ужъ подождите, да тогда и продавайте.

— Не могу ждать. Нужно разсчитаться съ рабочими.

— А я о такой цѣнѣ и слушать не хочу. По моему, рубль девять гривенъ.

— Начинается новый изморъ. Рожа скуластая, заплыла жиромъ вся. Глазъ не видать вовсе изъ щелокъ; сопить, да молчить. Истинно одинъ изъ тѣхъ трехъ китовъ, на которыхъ земля стоитъ...

— Да вы хоть что-нибудь скажите!

Рубль девять гривенъ! Я не неволю вѣдь... Не можете — погодите, тогда я, пожалуй, и по три рубля дамъ, если цѣны будутъ. Я и то, сочтите, сколько теряю.

— На чемъ это?

— Да на проценты. Сдѣлайте милость, сочтите.

Звонъ въ головѣ, въ мылѣ весь какъ конь, что въ гору непосильный грузъ тянетъ.

Наконецъ, разумѣется, соглашаешься, когда левіаѳанъ этотъ гривенникъ набавить.

— Господь ужь съ вами! Такъ для васъ только, себя разоряю.

— Вотъ наше положеніе каково! Разсчитается съ рабочими, по заводу кое-что сдѣлаешь, себѣ ничего не останется. Самое пропащее дѣло, наше заводское. Казенные заводы страсть какъ подводятъ иной разъ.

Опять направо и налево потянулись обезлѣсенные берега. По нямъ видать, какіе чудесные боры стояли здѣсь когда-то! Барки съ дровами и плоты плывутъ мимо насъ сотнями. Бѣлое, «зарѣзанное», какъ выразился мой спутникъ, дерево издали еще обдавало смолистымъ запахомъ. Рощами пахло отъ этихъ распиленныхъ и приготовленныхъ къ сдачѣ досокъ.

— Вишь она, краса лѣсная, плыветъ, сокрушался пермскій мѣщанинъ, любуясь на эти барки.

Все скоро ляжетъ здѣсь подъ топоромъ. До тла вырубить лѣса, и когда край совсѣмъ оголится, когда рѣки изсякнутъ, зимы станутъ нестерпимыми, земля заскучаетъ и обезплодится, тогда только мы опомнимся и начнемъ по канцеляріямъ писать проекты о лѣсонасажденіяхъ. Точно сосновыя чащи также легко развести, какъ клоповъ. И вѣдь указаній на зловредную и подлую дѣятельность монополистовъи промышленниковъ, изводящихъ лѣса, давно слышится не мало. Но министерство государственныхъ имуществъ, точно ему глаза завязали, ничего не хочетъ знать, ничего не хочетъ дѣлать. Вопросъ идетъ о спасеніи цѣлаго края, а ему и горя мало, лишь бы жалованія получались въ свое время. Да вѣдь, господа, если такъ дѣло пойдетъ, такъ скоро будетъ не изъ чего и жалованье платить; а ужь о прогонныхъ, да пособіяхъ на поѣздку за-границу, и думать нечего. Подъ бокомъ каменнаго угля масса, а мы лѣса истребляемъ, какъ нѣчто вредное. Разумѣется, казеннымъ заво-

дамъ прежде всего слѣдовало бы показать примѣръ, замѣнивъ дровяное отопленіе каменно-угольнымъ тамъ, гдѣ это возможно. Я повторяю слова людей, знающихъ Прикамскій край. Еще десять лѣтъ, и отъ мѣстныхъ лѣсовъ не останется даже воспоминанія — всѣ сгинутъ. Мнѣ по пути встрѣчались цѣлыя горы, сплошь вырубленныя для мотовилихинскаго пушечнаго завода. Точно облысѣли онѣ; безобразно торчатъ съ своими сиротливыми пнями. Противно даже смотрѣть на это безобразіе.

— Неужели нѣтъ никакихъ средствъ?

— Нѣтъ! Потому что первые лѣсные враги тѣ, которымъ поручено беречь лѣса. Это все равно, что волкамъ поручить охраненіе барановъ, одно и тоже. Вы еще не разъ увидите, что тутъ творится! Перевоспитать людей нужно. Нужно, чтобы взятка, да нажива, не манила къ себѣ. Нужно, чтобы о завтрашнемъ днѣ думали больше. А то вѣдь намъ какъ: послѣ насъ хоть трава не расти. А пока перевоспитаете — ни одной лѣсинки не останется.

Совсѣмъ дичь и глушь пошла около Дивьихъ горъ. Съ ихъ вершинъ, говорятъ, открываются несравненные виды на закамскія окрестности, на сотни деревень, таящихся тамъ посреди густыхъ лѣсовъ, еще ожидающихъ губительнаго топора, на зеленяя понизи, по которымъ лѣниво текутъ серебряныя рѣчки. Птицы черною тучею несутся намъ на встрѣчу. Съ одного берега на другой онѣ перелетаютъ по прозрачному, чистому воздуху, въ которомъ дымъ нашего жалкаго парохода оставлялъ грязный слѣдъ. Кое-гдѣ, по заводьямъ, видны бѣлые лебеди. Ихъ здѣсь не трогаютъ; они даже у заводовъ живутъ на всей полной волѣ. Народъ считаетъ большимъ грѣхомъ убить лебедя, потому что это «по преимуществу Божья птица». Когда, по зарямъ, слышится вдали громкій и рѣзкій, точно

металлическій, крикъ ея, крестьяне говорятъ: «ишь Богу замолилась». Какой-то нѣмецъ, на Камѣ, убилъ лебедя. Какъ нарочно, вечеромъ, лодка, на которой онъ плыль, наткнулась на коргу и всѣ его вещи пошли ко дну. Не успѣлъ нѣмецъ выползти на берегъ, какъ крестьяне стали его увѣщевать: «Коли будешь лебедей бить, всегда тебя Господь накажетъ. Это вѣдь тебя опружило за лебедя!» Лучше всего то, что нѣмецъ этому повѣрилъ. Онъ ѣхалъ съ нами на пароходѣ и самъ рассказывалъ: «я теперь лебедей никогда не стрѣляю». Усвоилъ онъ себѣ и русскій армякъ, и мѣстный говоръ, но все-таки остался чистокровнымъ германцемъ. Послѣднихъ только и отличишь тогда, когда они остолбенѣютъ отъ пива. Всѣ національныя особенности въ нихъ скажутся: и бараній взглядъ, и медленная рѣчь, и словно пережевывающія жвачку челюсти, и тупоуміе, и неистребимая страсть къ острогамъ, отъ которыхъ тошнить. Нашего нѣмца, пока онъ не налилса «биромъ», я тоже счелъ было за настоящаго пермяка, а тутъ онъ весь, какъ на ладони, обнаружился. Кое-гдѣ изъ лѣсу струятся дымки. Спрашиваю, что это?

— Дерево жгутъ на уголья. Въ Мотовилиху ставятъ.

— Да вѣдь у Мотовилихи свой лѣсъ. На сорокъ пять верстъ вверхъ по Чусовой тянется.

— Былъ когда-то. Теперь весь вычищенъ.

— Не можетъ этого быть. Тамъ вѣдь неисчерпаемое богатство было. Я слышалъ...

— Да вы слышали когда?

— Недавно.

— Ну, значить, тѣ, которые говорили вамъ, заднимъ числомъ считали. Всѣ лѣса въ печакъ мотовилихинскихъ давно сожжены. Палки не осталось.

— Ну, а новые не растутъ?

Собесѣдникъ мой только засвисталъ.

— Кое-гдѣ хлѣбъ сѣютъ на мѣстѣ лѣса. Два, три года родится хорошо, ну, а потомъ земля совсѣмъ тощаетъ. Ни на что неспособна становится.

— У насъ всѣ лѣсныя дани только имя такое носятъ. Вотъ, напримѣръ, близъ Екатеринбурга Пашинская лѣсная дача. Милліонъ десятинъ въ ней считается, а и сажени не вырубишь. Голо!.. Все сожжено!.. Такъ и со всѣми заводскими лѣсами. Нѣкоторые заводы и дѣятельность всю свою прекратили, потому что жечь нечего. Лѣсъ весь съѣденъ оказался.

— У печей заводскихъ пасти жадныя. Все сожрутъ... Въ десять разъ больше лѣсу дай, ничего не останется.

— Что же населеніе на этихъ мѣстахъ дѣлаеть?

— Нищіе! Воруютъ, разбѣгаются... Хлѣбопашества мало по Камѣ.

По ту сторону, гдѣ тянется громадная понизь, тоже луговины все. Не съ чѣмъ подняться народу. До того дошли, что въ нѣкоторыхъ заводахъ крестьяне, чтобы прокормиться, продавали на срубъ, въ заводскія печи, свои жилия избы и сами переходили въ клѣти. Какъ они пережили зиму 1877 года, объ этомъ одинъ Богъ знаетъ, да и тотъ никому не скажетъ. И пережили ли еще... А если и выстояли, что они дѣлали въ послѣдніе голодные годы? Петербургъ тѣмъ и подль, что ему ни до чего дѣла нѣтъ. Хоть разваливайся Россія, лишь бы хватало податныхъ силъ народа на содержаніе грамотныхъ и правящихъ классовъ, — а какимъ кровавымъ потомъ достается эта подать — не наше дѣло.

XIV.

Послѣдніе бурлаки. — Крестьянская бѣда. — Разоренный край.

Утромъ, когда я вышелъ на палубу нашего «Лебедя», горы, сторожившіе справа Каму, совсѣмъ пропали. Сочныя низины разстилались по обѣ стороны. По самой рѣкѣ островье заливное легло, невольно приковывая къ себѣ взгляды яркою зеленью и пышными раинами молодого кустарника. По низинамъ, во всѣ стороны, воложки серебрятся; кое-гдѣ на этихъ воложкахъ чернѣютъ ботнички рыболововъ. Вотъ на встрѣчу разшива, лямкой тянуть ее. Знакомая картина.

— Послѣдніе могикане! замѣчаетъ сосѣдь.

На Камѣ десятка два разшивъ осталось, да и тѣ до Чердыни только ходять. Выше этого сѣвернаго городка онѣ не поднимаются и ниже Сарапула ихъ не увидишь. Вотъ онѣ отживающій промыселъ, загнавшій въ раннія могилы не одну христіанскую душу. Вотъ она, эта классическая лямка, наслѣдіе суровой старины, вдохновившая не одного печальника за народъ, вызвавшая изъ груди не одинъ больной, по нервамъ бьющій стихъ...

— Вы это напрасно радуетесь! прервалъ меня собесѣдникъ.

— А что?

— Да лямка уничтожилась, заводы закрываются, гдѣ же народъ кормиться будетъ? Слова нѣтъ, лямка ужасна, убійственна была. Да вѣдь голодная смерть еще хуже или нѣтъ? Прикиньте. Работникъ на лямкѣ отъ Сарапула до Чермоза получатъ шестнадцать, либо семнадцать рублей; самому старшему двадцать придется на готовыхъ харчахъ. Положимъ, этихъ денегъ бурлакъ не увидитъ; потому что онъ зимою ихъ заберетъ хлѣбомъ и притомъ по безсовѣстнымъ цѣнамъ. Ну, а не будетъ лямки, зимою-то, хоть и по такой цѣнѣ, гдѣ ему хлѣба достать.

Какъ медленно тянется лямка видно изъ того, что въ два мѣсяца бурлаки едва дотащутъ разшиву изъ Сарапула до Чермоза. Во все лѣто съ осенью удастся имъ сдѣлать только два такихъ рейса; всего, значитъ, онъ получитъ, если не заберется хлѣбомъ зимою, отъ 32 до 34 руб. и притомъ за какую работу! Бечевника здѣсь нѣтъ, почва не расчищена, трудъ, слѣдовательно, еще тяжелѣе. Лямку приходится тянуть черезъ груды намываемаго сюда хвороста, черезъ коряги, черезъ обрывы и щели, черезъ камни, сдвинутые къ берегамъ рѣченками. Иной разъ лямочники по горло въ водѣ тащутъ разшиву. Самому мнѣ привелось видѣть, какъ вдругъ стѣною обрывъ высокій встрѣтился бурлакамъ. Что дѣлать, пришлось по горло въ воду лѣзть, и пошли, вытягивая черезъ силу проклятую разшиву. При этомъ грузъ такъ рассчитали, чтобы на тысячу пудовъ пришлось не болѣе одного человѣка. Ноги у нихъ въ крови; руки изцарапаны; черезъ грудь, тамъ, гдѣ она лямкою перехвачена, синіе подтеки. Вотъ они подлиповцы настоящіе! Въ синихъ, посконныхъ рубахахъ,

босые, плечи скривившіяся, груди открытыя. На одномъ даже и штановъ не оказалось. Потомъ, когда я провѣрилъ рассказы моего спутника, пришлось убѣдиться, что чердынцы на этотъ трудъ, какъ на благодать смотрятъ, потому — нужда лютая заѣла. Совѣмъ голутвеннымъ народъ сталъ. Мѣстное хлѣбопашество обезпечиваетъ продовольствіе только на четыре мѣсяца, а на восемь нужно купить вятскаго хлѣба. Обвинскій хлѣбъ, изъ села Ильинскаго на Обви, дешевле, но тоже весь уходитъ на заводы. Въ 1876 году хлѣбъ стоилъ по 65 к. пудъ. Считите, сколько надо чердынцу истратить, чтобы прокормить себя и семью покупнымъ хлѣбомъ въ теченіи восьми мѣсяцевъ. Закупить дѣйствительно, и бурлачеству обрадуется, какъ маннѣ небесной.

— Вы не думайте, что у насъ тутъ красивыя, да прочныя избы, такъ и народъ богатъ. Тутъ все крестьянство переходомъ изъ крѣпостнаго права разорено.

— Старая пѣсня.

— Да я вѣдь не крѣпостникъ, изъ крестьянъ самъ. Знаю, какое это благо — свобода. Я вамъ говорю только о томъ, сколько времени мы здѣсь оброки платили; а потомъ выкупную сумму пожалуйте, а платить ее не изъ чего, потому что работы нѣтъ. Огородничество у насъ ничтожное, хлѣбъ, какъ лѣса вырубилъ, родится плохо. Да и постройки не вездѣ. Вонъ кстати, посмотрите-ка направо. Ишь какая красота! Деревня Емельяниха прозывается.

Это было что-то ужасное. Нищета голая, во всѣ прорѣхи сквозила. Кровли точно ребра палой лошади, обѣденныя волками, такъ и торчатъ вверхъ; ничѣмъ онѣ не забраны. Дома ветхи, малы, запущены; нѣкоторыя избы достроены только до половины, да такъ и оставлены. При-

валили кое-чѣмъ сверху и живутъ. Ходить тамъ ползкомъ надо. Лапландскія тупы куда удобнѣе и лучше. Колесныхъ телѣгъ по всей этой мѣстности у крестьянъ давно уже нѣтъ. По-неволѣ лѣтомъ верхомъ, зимою въ санкахъ; не на что завести телѣгъ. Сюда подошелъ нашъ пароходъ грузиться дровами. Кучкою приступили къ намъ крестьяне, рваные, жалкіе, робкіе. Безъисходная нищета такъ и сказывается. Даже и не просятъ, только страдальческими взглядами провожаютъ васъ. А въ домахъ-то, въ домахъ!

— Я все-таки не понимаю, почему именно переходъ изъ крѣпостнаго права въ свободное обездолилъ крестьянъ.

— Да вотъ какъ. Предлагали мужикамъ полюбовное соглашеніе, отказались; обманъ думали. Вѣры не было къ людямъ, которые руководили всѣмъ этимъ. Ну, десять лѣтъ такимъ образомъ и продолжали оброки платить. Одна слудская волость на это 120,000 руб. даромъ отдала. Не хотимъ-де надѣла; на чемъ живемъ, то и наше; а теперь пришлось своимъ порядкомъ выкупъ платить. Да еще что. По уставной грамотѣ, Строгоновы обяваны давать лѣсъ до 1881 года даромъ, а управляющіе его берутъ по полтора рубля за кубическую сажень; за трехсаженную лѣснику въ четыре вершка толщины подай 25 к., да еще за 25 верстъ все это. Откуда взять? Ну и разорились. За то вѣдь ужъ какъ-съ, до тла!

— Почему тутъ хлѣбопашества мало?

— Земля здѣсь требуетъ обильнаго удобренія через два года въ третій, и то еще, которая получше; а скота нѣтъ или мало. Къ заводамъ привыкли, не заводились скотомъ прежде; а какъ заводы закрылись, крестьянъ врасплохъ застало. Ничего у нихъ. Да и урожаи здѣсь не особенные. Въ хорошіе годы, съ десятины, засѣянной двумя четвертями ржи, собирается до 80 пуд., а ячменя

высѣвають три четверти и собирають семьдесятъ пудовъ. А дальше еще хуже. Нашъ адъ вологодскимъ зырянамъ раемъ кажется. Вы знаете ли, что они ходять сюда за 600—700 верстъ на рубку дровъ; а платять имъ лѣсо-промышленники самую малость — за ободокъ въ четырнадцатъ четвертей закладки, да два аршина два вершка высоты, всего 60 к. Они и за Уралъ уходятъ на работы. Что подѣлаешь, тоже нужда гонить. У насъ тутъ четвертая часть населенія совсѣмъ безъ скота. Кто по Иньвѣ рѣкѣ живеть, тому лучше. Тамъ пермяки зажиточные, по пяти головъ скота на семью приходится. Въ иномъ мѣстѣ хлѣбопашество и могло бы идти, да не приучены. Прежде ихъ за триста — четыреста верстъ высылали, на заводъ. Всеволожскіе, напримѣръ, три раза въ годъ гоняли крестьянъ: весною, осенью и зимою; а теперь народъ на мѣстахъ живеть. Къ чему онъ прилѣпится?

Въ Иньвѣ оказалось живеть 15,000 пермяковъ, говорящихъ своимъ языкомъ. Когда-то урожай здѣсь были удивительные, народъ поэтому одной домашней птицы массы держалъ. Съ тѣхъ поръ какъ лѣса стали вырубать, и урожаямъ конецъ пришелъ. Теперь они по-зажиточнѣе другихъ, но все далеко отъ прежняго благосостоянія. По Обви еще двадцать лѣтъ назадъ не знали, что такое голоть. Обвиненій хлѣбъ развозился по всей округѣ. Вырубили обвиненіе лѣса; теперь отошала почва и близко то время, когда обвинцамъ нечего ѣсть будетъ. Благодаря тому, что въ верховьяхъ Косвы, къ Павдѣ и Растесу не добрались еще лѣсоистребители, косвинцы ѣдятъ пока свой хлѣбъ; но и это не надолго. По Большому Висиму, Нижнему Лугу, Ленвѣ, Добрянкѣ, Чермозу, хоть совсѣмъ брось хлѣбопашество: неурожай за неурожаемъ. Въ прежнее время, въ лѣсную пору, о такой бѣдѣ здѣсь и не слыхивали.

— Заскорбѣли мы, очень заскорбѣли, рассказывалъ мнѣ одинъ пермскій крестьянинъ въ Пожвѣ.

— Житье плохое стало?

— Такое плохое, такое плохое, что и слухомъ не слыхано. На тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ отецъ мой вонъ какія скирды хлѣба ставилъ, теперь только вирецъ да зулина растутъ. Я еще мальчикомъ былъ, бѣгалъ. За Камой бывало и не видать ничего, стѣной лѣса стояли; а теперь до самыхъ горъ глазу просторно. Ничего нѣтъ, точно паломъ прошло. Гладко. Что одного звѣря бито здѣсь; теперь только птицъ водъ. Такое время близко, что всѣ помирять станемъ.

— Не нужно было лѣсовъ рубить.

— Купцы стали изводить наше царство сосновое съ чиновничьяго согласу. Чиновникъ насъ продалъ, а купецъ сжевалъ. Ничего и не осталось. Купцу, извѣстно, мы не дороги. Эхъ, царь батюшка не знаетъ. Коли бы зналъ онъ — не далъ бы въ обиду. Слышь, чиновники-то ему глаза отвели.

Несмотря на все, въ мѣстномъ населеніи живетъ неистребимая вѣра въ лучшее будущее. По однимъ толкованіямъ, явится оно изъ Питера, въ видѣ генерала, у котораго на груди вышита будетъ золотая птица и который разберетъ мужицкую бѣду и всѣхъ лиходѣевъ и міроѣдовъ сошлетъ «на вольное поселеніе». По другимъ, казна откроетъ особые заводы, собственно для нихъ, обойденныхъ работниковъ, и станетъ платить имъ не поденную цѣну, а сколько выйдетъ примѣрно съ годоваго барыша завода. Выстроютъ имъ избы, дадутъ лѣса.

— Да откуда же лѣсовъ взять?

— Найдутся. За Ураломъ, въ сибирской сторонѣ еще ихъ много.

— Тамъ и заводъ открюютъ?

— Тамъ, тамъ.

— Да вѣдь для этого переселяться нужно.

— Мы и такъ согласны куда нибудь. Что-жъ ты думаешь? Сладко намъ здѣсь. Оно точно: могилки наши, церкви Божьи... За то тамъ цѣлина. Нужи такой не будетъ.

Впослѣдствіи, въ глуши Урала, на горѣ Святотроицкой, одинъ изъ старообрядцевъ мнѣ иначе объяснялъ все это.

— Съ той самой поры и нужа пошла, какъ Никонъ сталъ. Допрежъ нужи не было, по правдѣ жили и Богу молились, какъ указано отцами святыми; а какъ ересь пошла, и благоденственному житію конецъ. А чѣмъ дальше, тѣмъ все хуже и хуже будетъ, пока не обратимся.

— А скоро это по вашему придетъ?

— А когда народу совсѣмъ никуда пути не будетъ, тогда и поймутъ... И станутъ молить: «О мечу Божій! вниди въ ножны твоя, почій и вознесися». Ну, Господь милосердь... Обращающихся къ нему милуетъ, отвращающихся отъ него караетъ.

— Думаю, не придетъ это время.

— Не придетъ?

— Да. Еще пуще народъ отъ церкви отстанетъ. Другимъ русломъ жизнь теперь течетъ.

— А вы помните это: «Ноцію погибнетъ моавитская земля, ноцію бо погибнетъ стѣна моавитская. Возопи Есвевонъ и Елеала, даже до Иассы услышася гласъ ихъ. Прейде вопль предѣлъ земли моавитской до Агаллима и плачь ея даже до кладезя Елимля. Вода Димона наполнится крове: наведу бо на Димона аравляны. Будеши, аки птицы парящія, птенець отъятый, дщи Моавля. Слышахомъ укоризну Моавля, укоритель бысть зѣло, гордыни отъяхъ. Восплачется Моавъ, въ Моавитидѣ бо вси воспла-

чутся. Поля възрыдають, виноградъ Севаманъ; пожирающіе языковъ, поперите винограды его даже до Іазира. Сего ради восплачутся, яко плачемъ Іазировымъ о виноградѣ Севамани. Древа твои посѣче Евсемонъ и Еліала, яко на жатву твою и на обиманіе вина поперу и вся дадутся. И отымутся радость и веселіе. И не изгнетуть вина въ точилѣхъ, престало бо есть. Сіе слово, еже глаголя Господь на Моава, егда възглагола. И нынѣ глаголю: съ трехъ лѣтъхъ лѣтъ наемника обезчестится слава Моавля во всемъ богатствѣ мнозѣ и оставится умаленъ и несчастень!» Такъ и будетъ!

Налѣво вдали отъ рѣки, повжинскіе заводы. Тутъ былъ построень первый пароходъ въ Россіи, Всеволодомъ Андреевичемъ Всеволожскимъ. Когда-то Пожва играла громадную роль для всего окрестнаго района и до сихъ поръ впрочемъ она не вполне утратила свое значеніе. Тутъ большое механическое заведеніе и листокатательное производство. Вокругъ поселилось двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ, хотя на самомъ заводѣ постоянную работу находятъ только триста изъ нихъ. Въ настоящее время, здѣсь строятся пароходы для Камы и отливаются пароходныя машины. Рабочіе получаютъ въ мѣсяць, исправные по двадцати, а средніе по пятнадцати рублей; хорошіе мастера зарабатываютъ по сту; разумѣется, и тѣ и другіе на своихъ харчахъ. Они всѣ отказались отъ душеваго надѣла и теперь получаютъ поденщину и угоды отъ владѣльца. Здѣсь, до освобожденія, жили не поселенные, а крѣпостные крестьяне, тѣмъ не менѣе, имъ было предоставлено право отказа отъ надѣла. Усадебная земля есть, но душеваго надѣла имъ не было расчета брать, потому что въ условіяхъ съ заводомъ было уговорено, что, сверхъ платы, они имѣютъ право безвозмезднаго пользованія вла-

дѣляческими угодыями и дровами. Конные рабочіе берутъ поставки на заводъ и получаютъ поверстную плату. На каждую лошадь приходится по 17 к. за версту съ сажени дровъ. Въ окрестностяхъ, лѣса у Строгановыхъ и Лазаревыхъ еще цѣлы. Тамъ велось до сихъ поръ рациональное хозяйство и въ виду того, что приростъ совершается въ восемьдесятъ лѣтъ, ежегодно вырубалось не болѣе $\frac{1}{80}$ части. За то казенные сосѣдніе лѣса истощены насквозь. У Пожвы устроены шлюзы, такъ что въ мелководье сюда поднимаются самыя крупныя суда прямо къ заводу. Здѣсь же часто зимуютъ пароходы.

— Красивое мѣсто у васъ!

— Было бы красивое, да фельдшара ужъ очень одолѣваютъ.

— Какіе фельдшера?

— А комары. Мы ихъ фельдшерами зовемъ. Столько они намъ крови пуцаютъ.

Разнолѣсье тутъ удивительное, всѣ породы сѣверной поросли перемѣшались между собою. Отсюда вплоть до Усоляя опять пустынные мѣста. Съ пристаней садятся къ намъ на пароходъ какіе-то особенно ужъ сумрачныя пермяки. Пугливо озираются на вопросы, не распускаютъ языка и между собою. Войдетъ на палубу, выищеть мѣсто подалеже, завалится, и, спустя минуту, смотришь уже спитъ совсѣмъ. Всклоченные, глаза изъ-подъ волосъ... Озвѣрѣли что ли, понять нельзя.

— Точно чердынцы. Всѣ страсть задичали. Главное дѣло живутъ ужъ очень грязно — съ телятами и свиньями вмѣстѣ. Есть у нихъ и школы, но народъ неохотно идетъ туда. Они сюда съ плотами ходятъ. Случается, что плоты сядутъ на мель. Люди остаются на плотахъ, день, другой, третій — по поясъ въ водѣ. Голодъ начнется, поголо-

даютъ и денегъ лишатся. Они и не добиваются платы даже, а просто берутъ котомки и безнадежно идутъ домой, именовъ Христовымъ.

— Неужели же хозяева ни копѣйки имъ не платятъ?

— Ни единой. Вы нашихъ лиходѣевъ не знаете!

— Такъ вѣдь такъ по дорогѣ умереть можно.

— Еще бы. И умираютъ. Да и тотъ, кто дойдетъ до дому — не жилецъ. Тифъ или лихорадку занесетъ съ собою. Что дѣлать! Поневолѣ мрутъ. Вотъ нашъ Орель-Городокъ. Большое село.

Пароходъ припаливаетъ здѣсь прямо къ берегу; такъ глубока Кама противъ Орла-Городка. Издали, на противоположномъ берегу, громадная покотина съ сотнями хлѣвушекъ, куда запираютъ коровъ и быковъ на ночь. Тамъ же большой курганъ, очевидно насыпанный.

— Это Строгановъ холмъ. Наши старики говорятъ, что разъ Строганова къ царю Грозному вызвали. Водились за Строгановымъ грѣшки, не ждалъ онъ себѣ тамъ кончины праведной и зарылъ здѣсь всѣ свои сокровища безчисленныя. А надъ кладомъ холмину насыпалъ экую!

Будь этотъ курганъ на Волгѣ, его бы приписали Стенькѣ Разину, а на Камѣ до Перми — Ермаку Тимофеевичу. Здѣсь же всѣ такія урочища связываютъ непремѣнно съ именемъ Строгановыхъ.

Кама ширится, дѣлится на рукава, образуя заливные острова. Налѣво блеститъ подъ солнцемъ какое-то озеро; легкою зыбью бѣжитъ по немъ вѣтеръ. Направо опять зашумѣли зеленыя облака лѣса. На рѣкѣ все чаще и чаще попадаются бѣляны, барки и ботнички.

— Соляная столица близка!

— Дедюхино?

— И Дедюхино. Главное — Усолъе. Въ немъ сосредото-

точена почти вся дѣятельность нашихъ солеваровъ: Любимова, Губонина, Кокорева, Шувалова, Строганова. Когда-то тутъ шибко жили.

— А теперь?

— Лѣсъ вздорожалъ и народу стало тяжелѣе.

— Неужели и на солеварняхъ дрова жгутъ?

— Да! За все, про все лѣсъ отвѣчаетъ. Не жалѣютъ. Кому скажутъ, только рукой отмахнется. Вы, говорить, посмотрите на карту вашей Пермской губерніи. Вся зеленая, значить лѣсу еще вдоволь. — «Такъ это на картѣ, говорю, значитъ». — «А карту-то, какъ вы полагаете, дураки чертили?..» Съ тѣмъ и отъѣдешь.

Дальше Усолья пароходъ «Лебедь» не идетъ. Отсюда до Чердыни бѣгаютъ другіе, да и то въ половодье.

XV.

Усолье. — Дроворубы. — Люди на скотской работѣ. — Любимовское заведеніе. — Газовыя и дровяныя солеварни. — Графы Шуваловы и Строгановы. — Договорныя книжки. — Какъ кулаки обходятъ рабочаго челоѣка. — Озвѣрѣвшіе люди.

Вдали уже мерещится знаменитая въ Прикамскомъ краѣ столица солеваровъ — Усолье. Кама передъ нимъ обмѣлѣла. Вонъ лодки, которыя не веслами движутся, а гребцы раздѣлись, бросились въ воду по двое на каждый челнъ и тянуть ихъ, то глубоко уходя въ илистое дно, то опять до пояса выступая на песчаныхъ навалахъ. Вонъ съ одного берега Камы длится сѣрая мель. Вся она кипшиа-кишитъ самую разнообразною птицею, почему-то особенно возлюбившею это тихое и мирное прибрежье. Тутъ и ястребы, и вороны. вмѣстѣ съ ними ютятся громадныя совы, какихъ я не встрѣчалъ даже и гораздо южнѣе, на Волгѣ. Чѣмъ ближе къ Усолью, тѣмъ видъ берега становится все темнѣе и печальнѣе. Лѣсу уже давно не видать, поля лишены зелени, низменные берега кое-гдѣ сливаются съ водою. Вотъ и оно само — знаменитое городище, мрачное, темное, какъ и небо, которое сегодня въ тучахъ; совсѣмъ

подстать этимъ влажнымъ, тоскующимъ по свѣту и теплу окрестностямъ. По обоимъ берегамъ, черные издали, соляные амбары, соединенные черными, холодными галлереями. Черныя колоссальныя варницы, рисующіяся на сѣромъ фонѣ неба, производятъ какое-то сумрачное, непріятное впечатлѣніе. Надъ ними разостлался болѣе густой и болѣе темный чѣмъ тучи, дымъ, и въ этотъ дымъ окутывается все сельбище, съ большимъ бѣлымъ соборомъ, зеленые купола котораго кажутся грязными сквозь эту завѣсу. Едва-едва различишь во мглѣ каменные большіе дома.

— Тутъ у насъ баронскіе и графскіе управляющіе живутъ.

— Песы мухи наши! добавляетъ шаршавый солеваръ, сѣвший на пароходъ изъ Любимовской дачи Березники.

— Почему песы мухи?

— Услышите, коли останетесь въ Усожьѣ.

Правѣе, на противоположномъ берегу, видна Ленва съ такими-же черными соляными амбарами и варницами. А еще дальше едва отдѣляется отъ покрытаго тучами неба бѣлый силуэтъ дедюхинской церкви и само Дедюхино. Все безотрадно, уныло. Лица усольцевъ, попадающихся на встрѣчу, кажутся суровыми; вездѣ бѣдность непокрытая... Амбары просолились насквозь. Здѣсь и потѣютъ солянымъ растворомъ, и плачутъ соляными слезами. Соль стоитъ и въ воздухѣ, осаждается на усахъ, бородѣ. Вы слышите ея запахъ, именно запахъ — меня поймутъ тѣ, кто былъ здѣсь и самъ обонялъ его. Тяжело пыхтятъ душныя газовыя заводы, словно насупились разваливающіяся варницы. Нѣкоторыя совсѣмъ покосились и точно ждутъ — нельзя-ли, падая, передавить побольше народа. Рѣжи и брусья, на которые поставлены бесконечно длинныя амбары, доходятъ

до двухъ съ половиной сажень въ высоту. Они тоже насквозь почернѣли, вотъ-вотъ обвалятся вмѣстѣ съ поддерживаемыми ими сараями. На такихъ же столбахъ, пода-лѣе, длинная деревянная набережная. Доски, настланныя на нее, давно сгнили; такъ и кажется ноги проскочутъ насквозь и ты рухнешь въ медленно струящуюся внизу струи Камы.

Ни на улицахъ, ни у амбаровъ никакого движенія; точно въ какое-то мертвое царство попалъ. Только на рѣкѣ орутъ и суетятся ухватчики. Массы плотовъ съ дровами подваливаютъ къ Любимовскому заведенію, и на всю эту дѣловую кипѣнь, молча, нахмурясь, смотреть сверху неподвижное Усолъе.

Тутъ будетъ кстати рассказать объ этомъ лѣсномъ богатствѣ, изводимомъ мѣстными солеварами.

Почти половина чердынскаго населенія живетъ сплавомъ и рубкою дровъ для усольцевъ. Ближайшіе къ Камѣ и тамошнимъ большимъ ея притокамъ лѣса они извели и теперь истребляютъ дальніе, пользуясь каждою жалкою рѣченкою, по которой бревна могутъ донестись до главной артеріи края. Крестьянъ на это подражаютъ особыми условіями на годъ, причемъ зимою они рубятъ, а весною и лѣтомъ сплавляютъ. Условная плата выдается такъ: треть впередъ за недоимку и подати, треть, когда лѣса срубятъ, и остальную треть, когда его сплавятъ до мѣста. Зимою чердынцы уходятъ въ непроглядную глушь, ставятъ тупы посреди самага захолустнаго чернолѣсья, и до перваго таянія снѣговъ рубятъ вѣковѣчныя сосны и ели. Многіе изъ этихъ дровосѣковъ гибнутъ отъ голода; другіе, заблѣвая, остаются въ своихъ тупахъ и въ полномъ одиночествѣ умираютъ безпомощные, безсильные дать о себѣ вѣсточку въ родное село. Многихъ сбиваетъ мятелями въ

непроходные сугробы; другіе замерзають въ сильные морозы. Къ веснѣ всѣ приготовленныя дрова должны быть свезены по сплавленнымъ рѣкамъ и питательнымъ рукавамъ Камы. У берега, близъ того мѣста, гдѣ рубится лѣсъ, устраивають нѣчто въ видѣ четырехугольной рамы изъ бревень; въ эти рамы правильно складываются дрова, совершенно по пословицѣ — ни дна, ни крыши. Когда водополье начинается, раму поднимаетъ вмѣстѣ съ дровами и плоты такимъ образомъ снимаются и плывутъ внизъ въ Каму. На каждомъ такомъ плоту по два гребца съ четырьмя сплавщиками. Во всякой рамѣ должно быть отъ 30 до 40 сажень дровъ. Случается часто, что рабочіе проглядятъ плотъ, онъ и уйдетъ безъ нихъ. Для этого по берегамъ въ разныхъ пунктахъ находятся ухватчики; они должны перенимать плоты и спасать ихъ отъ обмели. Разъ плотъ безъ людей попалъ на мель — трудъ дровосѣковъ погибъ даромъ. Раму разобьетъ волнами и лѣсъ разнесетъ во всѣ стороны безъ толку. Если на плоту есть рабочіе и ихъ несетъ на мель — ухватчикъ бросаетъ имъ снасть; иногда имъ удается при помощи снасти стянуться и съ мели. У самихъ же дровосѣковъ нѣтъ ни снастей своихъ, ни какого-нибудь якоря. Не по силамъ имъ завести это. Есть только веревка изъ вицы — лыка, при помощи которой они въ крайности причаливаютъ по берегамъ Камы къ какому-либо болѣе удобному урочищу. Имъ приходится иногда по мѣсяцу убивать на этотъ путь, въ счастливыхъ же случаяхъ — только дней восемь, десять. Случается, что во время долгой путины дровосѣки не только ничего не выработаютъ, но и назадъ пойдутъ, побираясь Христовымъ именемъ, сквозь такое же бѣдное и голодное населеніе. Рамы, разбитыя бурей или попавшія на мель, оставляютъ за дровосѣкомъ даже старый долгъ, потому

что чердынецъ при подобномъ несчастій уже не является къ хозяину, а бредеть домой — въ лѣсъ опять, если хватитъ средствъ продолжать заготовку. Для того, чтобы чердынцевъ держать въ рукахъ, т. е. въ вѣчной кабалѣ, съ ними заключаются контракты, которыхъ онѣ исполнить не могутъ. Такъ, напримѣръ, по обычаю дрова доставляются въ 5½ четвертей, а условіемъ длина ихъ обусловливается шестью четвертями. Любимовъ вводилъ здѣсь разные приемы доставки дровъ, но они всѣ оказались крайне неудачны. Длинные надрубленные полѣнья, съ окончательною дорубкою на промыслѣ, которыя въ такомъ видѣ потруднѣе разметать бурю, чѣмъ дрова, не были почему-то приняты чердынцами. Доставка дровъ, посредствомъ пароходовъ и баржъ, причемъ послѣдніе дѣлались особеннаго устройства для мелкой воды, вродѣ гусянъ на Окѣ, тоже не пошла въ ходъ, дорога оказалась и невыгодна, такъ какъ подобнымъ способомъ можно сплавать только въ весеннюю воду. Счаливаніе плотовъ одинъ съ другимъ съ лотомъ тоже не было принято.

Насколько безвыгоденъ трудъ крестьянъ-сплавщиковъ видно изъ того, что хотя за послѣднія десять лѣтъ (до 1876 г.) цѣна сажени дровъ поднялась съ 1 р. 65 к. до 3 р. — вознагражденіе первыхъ ослалось такимъ же, а стоимость хлѣба учетверилась. Если у населенія оказывается хотя малѣйшая возможность найти другую работу — оно ни за что не займется этою. Пермскіе крестьяне южнѣ Усоляя, какъ ни бѣдствуютъ, на лѣсной промыселъ не пойдутъ. Одни чердынцы, которымъ рѣшительно приткнуться некуда, должны поневолѣ заниматься рубкою и сплавомъ дровъ. Если-бы удалось, наконецъ, ввести отопленіе углемъ, вмѣсто лѣснаго, то крестьяне нашли бы гораздо выгоднѣе заработки на каменно-угольныхъ копяхъ.

— Почему же вы этого не сдѣлаете? спрашиваю Любимова въ Перми.

— По весьма простой причинѣ: чердынскія дрова, со всѣми накладными расходами, намъ обходятся въ шесть рублей кубическая сажень. На ту же работу, которую вы полнить она, надо сто пудовъ угля. Пусть доведутъ стоимость послѣдняго до 6 к. за пудъ и тогда можно поднимать вопросъ о замѣнѣ одного отопленія другимъ.

— Да вѣдь онъ и стоитъ не болѣе 6 к.?

— На мѣстѣ разработки... А довести его къ намъ — сочтите.

— Слѣдовательно?..

— Будемъ пока истреблять лѣса, а тамъ что Богъ дастъ!

Въ Усольѣ, какъ только мы вышли съ парохода, прежде всего озаботились, гдѣ бы отыскать себѣ пристанище. Есть тутъ гостинница, вродѣ постоялаго двора; но пророку Даніилу во рвѣ львиномъ было несравненно удобнѣе, чѣмъ проѣзжему въ ней. Даніиль, хоть и чудомъ, цѣль остался; а тутъ явилось бы иное чудо: живаго человѣка неизбѣжно съѣли бы клопы и безъ остатка. Сунулись на улицы — ни души, спросить не у кого. А между тѣмъ вещи брошены на берегу на произволь судьбы.

— Кода же? обернулся я къ своему спутнику.

— Знаете что, предложилъ онъ: — давайте караулъ кричать. Несомнѣнно кто-нибудь да выйдетъ.

— Это уже, въ крайнемъ случаѣ.

Еще улицу прошли — та же мертвая тишина, словно все Усолье вымерло. Къ старинному собору попали, посмотрѣли на его облупившіяся стѣны и величавые купола. Молчаніе окружающаго его городища было къ лицу этому памятнику стараго богатства и благочестія прикамскихъ

солеваровъ. Свернули налѣво — попали на набережную. Отсюда видна вся сторона по ту сторону рѣки и налѣво. Вотъ соляныя деревни — дымъ надъ ними, точно пожаромъ онѣ охвачены. Изъ ближайшихъ варницъ такъ и валять густые черныя клубы. Едва-едва обрисовывается на горизонтѣ Дедухино. За рѣкой — Березняки и Веретье. Внизъ по Камѣ песчанья отмели, точно и рѣка обнищала, какъ исконныя усольцы.

— Да вѣдь ужъ поздно теперь. Работа окончилась и никого нѣтъ.

— Даже ни одного пьянаго не встрѣчается.

— Пить не на что, а то бы безъ запою не обошлось; ишь вѣдь какая тоска тутъ.

Тоска дѣйствительно, даже пѣсни не слышно. Хорошихъ домовъ много, должны же быть гдѣ-нибудь ихъ обитатели.

— Вонъ — вонъ... Путеводительница въ пустынь.

Какая-то особа въ малиновомъ платьѣ и зеленой шляпкѣ, съ цѣлымъ огородомъ листьевъ и цвѣтовъ, заканчивавшемся какою-то необыкновенною птицей надъ самымъ за-тылкомъ, показалась на набережной. Рядомъ съ нею мѣстный «галянтомъ» въ узенькихъ штанишкахъ въ клѣтку, шашками, и въ красномъ галстухѣ.

Мы къ нимъ.

— Позвольте узнать...

— Комнату вамъ?.. А вы спросите... И они назвали домъ. Тамъ всегда подъ прїѣзжающихъ горницы сдаются. Тамъ и желѣзнодорожные останавливаются — очень хвалять.

Мы поблагодарили, пошли. Горница оказалась съ пѣтухами, разрисованными на потолокъ, и оленями, глубоко-мысленно всматривавшимися въ розовые кусты, точно рѣ-

шая, съѣдобны они иди нѣтъ — на стѣнахъ. Хозяинъ далъ намъ подѣ вещи мѣстный экипажъ — плетеная корзинка на колесахъ. Довольно удобно, нужно только держаться руками за края, чтобы не совершить неожиданнаго сальтомортале.

Устроившись, на другой день мы отправились осматривать солеварни.

Къ самому берегу, на которомъ расположены онѣ, прибило плоты съ дровами. Рабочіе, одни по поясъ въ водѣ, накладываютъ дрова въ сани, другіе, понукая коней, ввозятъ сани съ дровами въ гору.

— Причемъ тутъ сани. Вѣдь лѣто?

— Тутъ крестьяне на колесахъ не работаютъ вовсе.

Въ первомъ же заведеніи оказались три дѣйствующія трубы, сквозь которыя извлекался разсолъ на глубинѣ семидесяти-пяти сажень подѣ землю. Разсолъ этотъ опредѣляется 27° насыщенія. Сквозь трубы разсолъ подымается вверхъ и поступаетъ въ чрены, нагрѣвающіеся тремя струями газа. Мы смотрѣли туда сквозь окно. Три сильныхъ струи огня подѣ круглымъ каменнымъ сводомъ багровыми пятнами отражаются на поверхности солянаго раствора. Накипь порою собирается въ отверстіяхъ и окнахъ, ее складываютъ въ амбары для соляныхъ отбросовъ и продаютъ на продовольствіе крестьянамъ по 20 к. за пудъ. Въ отверстіи генератора дымъ отъ нефти вспыхиваетъ и загорается. Кромѣ трехъ дѣйствующихъ трубъ, двѣ еще разрабатывались. Первобытнымъ способомъ сверлили землю, варварски — не паровою, а живую силою. Нѣсколько рабочихъ, наваливаясь грудью на горизонтальный воротъ, ошеломленные, прутъ его передѣ собою. Работа продолжается день и ночь четырьмя смѣнами. За восемь часовъ такого круженія, каторжники труда получаютъ

двадцать пять копѣекъ, на своихъ харчахъ. Нужно было видѣть эти лица. Истома, одурѣніе выражалось на нихъ вмѣстѣ съ какою-то затаенною болью. Съ скрипомъ вора́та слышались и ихъ сиплыя дыханія. Медленное, размѣренное движеніе; въ сараѣ, гдѣ оно совершается, холодно, а между тѣмъ съ несчастныхъ потъ валить градомъ. Чтобы понять весь ужасъ этой работы, достаточно объяснить, что ежели за сутки удастся высверлить земли на три вершка, это считается счастливымъ результатомъ. Когда же сверлило дойдетъ до кремнистыхъ породъ — не проникнешь и на полвершка въ день. Поэтому разработка одной только трубы продолжается отъ четырехъ до шести лѣтъ, при этомъ ручномъ способѣ. Любимовъ у себя замѣнилъ его буромъ Фабіана, проникающимъ въ землю на аршинъ въ день.

Въ сараяхъ, гдѣ работали эти волю въ образѣ человѣческомъ, было темно. На работу ихъ тошно даже смотрѣть, а она продолжается восемь часовъ безвыходно. Приостанавливаться нельзя; нужно ходить, ходить и ходить, напирая во всю мочь грудью на палку. Когда я вышелъ, мнѣ показали одного такого рабочаго, окончившаго свой урокъ. Это былъ совершенный идіотъ. Что-то тупое въ лицѣ, какія-то расхлябанныя движенія...

— Изъ нихъ очень многіе доходятъ до идіотизма, объяснили мнѣ.

— Въ любимовскихъ варницахъ паровая машина, свистя и пыхтя, приводитъ безпрестанно въ дѣйствіе нагнетательный насосъ, который беретъ растворъ изъ колодца и хватаетъ соль въ амбары. Барабанъ съ безконечною цѣпью вращается и тащитъ вагоны съ готовымъ продуктомъ по рельсамъ. Это устройство заимствовано изъ Шенебека въ Стаффордѣ. Работу, исполняемую паровою ма-

шиною, у другихъ солеваровъ усольскихъ дѣлають наемные соленосы. Каждый изъ нихъ беретъ мѣшокъ вѣсомъ отъ четырехъ до пяти пудовъ и тащить его на головѣ вверхъ по наклонной плоскости. Отдыха почти не полагается. Съ каждыѣхъ тысячи пудовъ платяте соленосамъ по 2 р. 50 к., что составляетъ сорокъ коп. въ день и то для очень здороваго человѣка. Чѣмъ я вообще больше всматривался въ усольскій соляной промыселъ, тѣмъ отчетливѣе онъ являлся мнѣ истиннымъ рабочимъ адомя.

Та же паровая машина у Любимова пилить дрова и приводитъ въ дѣйствіе пожарный аппаратъ, рукава котораго выбрасываются куда угодно. Устройство и простое, и практичное. Барабанъ можетъ перетащить отъ 3 до 4 тысячъ пудовъ соли въ день, т. е. именно столько, сколько здѣсь вываривается. Тутъ же на всякій случай присосѣдились токарный и слесарный станки, приводящіеся въ движеніе тою же паровою машиною. Вся машина въ 40 силъ, но пока работаетъ на поль-атмосферы. Паровой котель ея сжигаетъ или, какъ говорятъ рабочіе, сѣдаетъ въ день кубическую сажень дровъ...

— Дай Богъ здоровья. Сколь она много работаетъ! говорятъ они. — По работѣ и апекить... Экую прорву лѣсу сожрала!...

Свистъ и пыхтѣніе машины, грохотъ цѣпей, передвижавшихъ вагоны, глухой шумъ пламени въ чренахъ и шорохъ нефтянаго газа, вырывавшагося наружу, преслѣдовали насъ повсюду въ этомъ черномъ царствѣ соляной варницы. Именно черномъ, потому что и стѣны ея, и трубы, и лица людей — все здѣсь почернѣло. Даже стекла оконъ такъ покрылись сажей, что солнце не осмѣливается проникнуть въ эту безпросвѣтную яму, и скользитъ мимо,

еще щедрѣе обливая зеленыя поля и свѣтлыя струи Камы своими лучами.

— Хотите я вамъ покажу подробнѣе устройство одной изъ трубъ?

Мы пошли къ Благовѣщенской. Ее проводили такъ: вырывалась яма, въ которую вгонялась матица — родъ колоды, давленіемъ сверху, какъ можно глубже, такъ, сажень на двѣнадцать. Она предохраняетъ колодезь отъ осыпей. Когда это дѣло кончено, со дна колодца начинаютъ сверлить трубу внизъ, тѣмъ же первобытнымъ способомъ, живою силою рабочихъ (грудью на воротъ). Такимъ образомъ должно пробурить землю, каменныя породы, каменныя залежи соли на семьдесятъ пять или восемьдесятъ сажень, чтобы добраться, наконецъ, до солянаго раствора. Мы входимъ въ башню, гдѣ находится эта труба, точно въ какое-то подземное царство мрака и сырости, охватывающее насъ со всѣхъ сторонъ острымъ запахомъ плѣсени, солянаго раствора, испареніями глубоко раненой, въ самыя нѣдра свои, земли. Жутко становилось здѣсь. Снизу слышно хрипѣніе нагнетательнаго насоса, точно тамъ, въ вѣчной тьмѣ, приковано сказочнымъ колдуномъ какое-то громадное чудовище; и бьется оно, и жалуется, и исходитъ кровью, безсильное разорвать свои крѣпкія цѣпи. Отсюда лѣстницы ведутъ вверхъ; чѣмъ выше, тѣмъ ощутительнѣе запахъ сѣрнистаго водорода. Работа идетъ быстро, отовсюду доносится урчаніе шибко подымающагося вверхъ и сбѣгающаго по другимъ трубамъ внизъ раствора, довольно густаго, равнаго 24° насыщенія по реометру Боле. Сквозь шумъ воды доносятся визгъ, скрипъ и глухіе удары машинъ, мѣрно дѣлающихъ свою работу. Голова, мало-помалу, начинаетъ кружиться; кажется, что и самъ обращаешься въ какое-то колесо, обязанное подчиняться паро-

вому движенію, безъ сознанія, безъ противодѣйствія. Растворъ сбѣгаетъ внизъ, въ особый резервуаръ — разсолный ларь, — въ которомъ съ большимъ удобствомъ можетъ утонуть какая угодно компанія пьяныхъ Лейкинскихъ купцовъ. Изъ ларя жидкость, собственнымъ своимъ давленіемъ, по цѣлой системѣ подземныхъ трубокъ, разгоняется по разнымъ варницамъ, прибавляя къ общему гомону еще странные, какъ будто могильные стоны, точно подъ этой почвой схоронены цѣлыя сотни живыхъ, тщетно бьющихся въ своихъ тѣсныхъ гробахъ. Разсолный ларь занимаетъ особое зданіе и устроень вверху его, т. е. чтобы была большая сила давленія.

Нужно сказать правду, отсюда я вышелъ на свѣтъ и воздухъ съ особеннымъ чувствомъ облегченія. Каждая травка, жалкая и чахлая, что привыкла къ землѣ и не имѣетъ силы подняться, казалась родною и привѣтною, послѣ этой сырости, тьмы и густой, насыщенной запахомъ раствора, захватывающей дыханіе атмосферы.

— Теперь не угодно ли взглянуть на самыя варницы.

Корпусъ для дровяныхъ варницъ, т. е. отапливающихся деревомъ, построенъ отдѣльно. Тутъ три чрена, нагрѣвающихся снизу. Мракъ и духота. Слои сажи на всемъ. Разсолъ медленно кипитъ, булькая и отдѣляя сѣроватый паръ. Его варять, пока онъ не начнетъ густѣть. Рабочій, называемый поваромъ, слѣдитъ за этимъ и, въ извѣстный моментъ, опредѣляемый только навыкомъ, чутьемъ, оставливаетъ огонь. Соль оказывается наполовину готовою. Ей даютъ немного постоять. Когда она изъ синеватой поблѣветъ, ее длинными граблями сбрасываютъ на отечныя палаты. Мягкая и влажная, она шлепается туда густою кашею.

— Голосъ подаетъ! замѣчаетъ поваръ. — Она на разные гласы у насъ... Не готова-де еще на потребу...

Тутъ она лежитъ нѣсколько часовъ, послѣ чего ее перебрасываютъ на пароотводный колпакъ, покрывающій чрень какъ крышкою. Здѣсь она стоитъ сутки, загустѣетъ со-вѣмъ и подсохнетъ. Тогда ее на тачкахъ подвозятъ къ жаровнѣ, гдѣ она сушится еще въ продолженіи двадцати часовъ. Послѣ этой операціи соль уже готова окончательно, и паровая машина, въ вагончикахъ, о которыхъ я говорилъ выше, скатываетъ ее въ амбары. Въ три чрена осмо-трѣнной нами любимовской варницы помѣщается разъ въ сутки 1,800 пуд. раствору, въ каждый чрень по 600 пуд., требующихъ пять сажень дровъ, или на три чрена пят-надцать — при колосниковыхъ печахъ. Когда разсолъ вы-парится въ жаровнѣ, изъ него, т. е. изъ 1,800 пуд. жид-кости, высыпается отъ 600 до 700 пуд. соли. Рельсовый путь проведенъ въ самую варницу, къ жаровнѣ, сдѣланной съ карнизами. Вагончики подѣзжаютъ къ этому карнизу, и соль сбрасывается съ него особыми лопатами. Руками рабочихъ вагоны отталкиваются до шкива, гдѣ они уже поступаютъ въ распоряженіе пароваго чудовища, пыхтя-щаго гдѣ-то далеко внизу. Оно, посредствомъ безконечной цѣпи и барабана, заставляетъ ихъ бѣжать, весело погро-мыхая и слегка постукивая, въ гору. Въ каждый ва-гонъ помѣщается до сорока пудовъ соли. Вбѣгая въ ам-бары, вагоны вталкиваются вверхъ на особыя помѣщенія надъ закромами. Тутъ механизмъ взвѣшиваетъ ихъ вмѣстѣ съ солью; затѣмъ, отмѣтивъ, сколько пудовъ послѣдней, выдергивается дно вагончика. Соль падаетъ въ закромы, на бѣлыя груды такой же, вываренной ранѣ.

Кромѣ «дровяныхъ» варницъ, у Любимова есть и га-зовыя. У него два газовика-генератора съ двумя отвер-

стіями вверхъ и шуравками. Пока еще очень много тереется газа даромъ, но это первый опытъ. Къ газовому отопленію примѣнены собственно печи Симмонса, въ которыхъ получается сухая перегонка дровъ. Отъ притока воздуха образовывается неполное сгораніе, выдѣляющее изъ древесной массы переходные продукты: окись углерода, углеводородъ, которые и сгораютъ надъ чреномъ. Изъ печи устроенъ выводящій аппаратъ въ холодильникъ, гдѣ осаждается смола и менѣ летучіе продукты горѣнія. Газы спускаются внизъ и проходятъ въ каналы подъ землею, которая, не смотря на довольно толстый слой ея, сильно нагрѣвается ими. Подъ каждымъ чреномъ три окна, пропускающихъ воздухъ, необходимый для сгоранія газа на чренѣ. Газъ получается несовсѣмъ чистый, почему и воздухъ нуженъ не холодный, а горячій. Чтобы нагрѣть его, устроено особое приспособленіе. Прежде, чѣмъ воздухъ пройдетъ въ чренъ, онъ пропускается въ массу клѣтокъ изъ огнеупорнаго кирпича, сквозь особые клапаны, устроенные въ окошкахъ. Въ клапаны, передъ пусканіемъ газа въ дѣйствіе, направляется часть его и зажигается. Газъ этотъ раскаливаетъ клѣтки. Когда они дойдутъ до высокой температуры, газъ въ клапанахъ тушатъ и зажигаютъ его на чренѣ, а воздухъ, стремясь внутрь сквозь разгоряченную систему клѣтокъ, поддерживаетъ горѣніе.

Чренъ въ газовой варницѣ, такимъ образомъ, нагрѣвается сверху. Паръ, образующійся подъ кирпичнымъ сводомъ надъ растворомъ, вмѣстѣ съ окончательными продуктами горѣнія отъ газа, уносится въ дымовую трубу, которая загнута внизъ. По ней онъ циркулируется еще подъ чреномъ, въ свою очередь исполняя службу нагрѣванія того же чрена. Надъ сводомъ — жаровни. Чрены здѣсь гораздо меньше, чѣмъ на дровяной варницѣ. Ихъ два, и

въ каждый входитъ по 400 пуд. разсола. Тѣмъ не менѣе, этотъ способъ выгоднѣе тѣмъ, что на сажень дровъ, при газовой топкѣ, вываривается 135 пуд., а при простой — 120 пуд. раствора. Сверхъ того, съ печами Симмонса соль лучше вываривается. Изъ трехъ чреновъ дровяныхъ получается, на 1,800 пуд. раствора, 700 пуд. соли, а изъ двухъ чреновъ газовыхъ изъ 800 пуд. — 400 пуд. соли... Очень эффектно въ черномъ мракѣ чрена горитъ, свистя и взрываясь къ кирпичному своду, желтое пламя газа. Оно жадно облизываетъ стѣнки чрена, низко-низко стелется; часто по самой поверхности раствора, длинною струею стремится въ противоположную сторону и, подымаясь вверхъ, багровыми пятнами отражается на жидкости.

У другихъ солеваровъ, у всѣхъ этихъ графовъ и князей, — ничего подобнаго. Чренъ надъ ямою; въ яму валятъ дровъ, сколько влѣзетъ, такъ что у нихъ на сажень приходится до 60 пуд. раствора, оттого эти господа и разоряются. Не смотря на громкія фамиліи солеваровъ, графа Шувалова, Строгановыхъ и др., дѣло у нихъ не подвигается и средства оскудѣваютъ до того, что у перваго, напримѣръ, рабочіе, какъ-то, цѣлый годъ оставались безъ расчета. Рассказывали даже о волненіяхъ, которыя были вызваны неуплатою денегъ сотнямъ тружениковъ. Разумѣется, этимъ законнымъ требованіямъ придавался, чисто по-жандармски, характеръ бунта. А тамъ, дѣло извѣстное: съ бунтовщиками церемониться нечего!

Въ высшей степени интересны расчетныя книжки, выдаваемыя рабочимъ заводами и играющія здѣсь роли контрактовъ, или, лучше, извлеченія изъ нихъ. Для того, чтобы ознакомить съ ними, я приведу здѣсь одну изъ такихъ, «данную отъ конторы соляныхъ промысловъ гг. братьевъ Любимовыхъ въ городѣ Дедюхинѣ»

(почему Дедюхино названо городомъ, — объ этомъ извѣстно только авторамъ этого удивительнаго документа). Нужно еще прибавить, что Любимовы наиболѣе добросовѣстные изъ хозяевъ. У другихъ рабочіе обставлены гораздо худшими условіями. На обложкѣ означено: «Рабочему такому-то, сказывающему отъ роду такихъ-то лѣтъ, на срокъ по годъ. По договору, заключенному тамъ-то». Затѣмъ слѣдуетъ подпись управляющаго. На слѣдующей страницѣ пропечатано:

КРАТКОЕ ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДОГОВОРА:

1) Рабочіе состоятъ въ распоряженіи управляющаго, который распредѣляетъ ихъ на работы чрезъ смотрителя.

2) Рабочій можетъ получать изъ складовъ, при промышлѣ, дрова и ржаную муку на мѣсячное продовольствіе, въ счетъ заработка, или за наличныя деньги, дрова, по одному рублю пятидесяти копѣекъ за промысловую сажень, а муку — по стоимости оной складу, но никакъ не дороже семидесяти *) копѣекъ. Кромѣ того, рабочій можетъ пользоваться безвозмездно пособіемъ фельдшера и лекарствами.

3) Расчетъ рабочихъ долженъ производиться по-мѣсячно, не позднѣе 10 числа слѣдующаго мѣсяца, если самъ рабочій того требуетъ.

4) Долгъ рабочаго конторѣ вычитается изъ заработка по два рубля въ мѣсяцъ; а если такимъ вычетомъ покрыться въ годъ не можетъ, то вычитается и болѣе двухъ рублей. Подати и прочія взысканія вычитаются изъ заработка по требованію волостнаго правленія, согласно приговору общества или суда.

*) Для 1876 г. цѣна эта при оптовой заготовкѣ слишкомъ оказывалась высокой.

5) Кто изъ рабочихъ недоволенъ чѣмъ-либо отъ хозяйскаго управленія и желаетъ заявить свою претензію суду, то долженъ, въ трехсуточный срокъ, предупредить о томъ управляющаго самъ или чрезъ рабочаго старосту.

6) По договору установлены неустойки и право владѣльца отказать отъ работъ за слѣдующія неисправности:

За уходъ караульнаго съ караула	150	р.	—	к.
» неявку на работу	1	»	—	»
» неявку на тревогу	10	»	—	»
» явку на работу пьянымъ	1	»	—	»
» лѣность и небрежность на работѣ	—	»	50	»
» неосторожное обращеніе съ огнемъ	10	»	—	»
» ссору, брань и безчинство на работѣ	3	»	—	»
» изнуреніе лошади *)	25	»	—	»
» утрату или порчу хозяйскаго имущества	50 %			
» непредупрежденіе ущерба хозяйскаго— по стоимости ущерба.				
» недонесеніе объ означенномъ ущербѣ— по числу отвѣтчиковъ.				
» непредупрежденіе управляющаго о претензіи, заявляемой суду, — вдвое противъ цѣны претензіи, или	120	»	—	»
» оставленіе рабочимъ службы.	150	»	—	»

Подлинный договоръ хранится въ конторѣ владѣльца, а копія — въ дедюхинскомъ волостномъ правленіи».

Подлинныхъ договоровъ, гдѣ встрѣчаются, по разсказамъ знающихъ, еще болѣе курьезныя условія, я не видалъ и достать ихъ не могъ, хотя и хлопоталъ объ этомъ; но и въ этомъ краткомъ извлеченіи встрѣчаются истин-

*) Лошади — своей же!!

ные перлы. Какъ вамъ нравится, напримѣръ, эта графа: «за непредупрежденіе управляющаго о претензіи, заявляемой суду — съ рабочаго взыскивается неустойка вдвое противъ цѣны претензіи». Это очень мило; но слѣдующее за тѣмъ «или» еще милѣе: «или — 120 р.». Темный рабочий броситъ изморившую его службу, такъ какъ зачистую его посылаетъ туда волость, онъ и бѣжитъ стремглавъ; за это съ него — пожалуйста 150 р. Или, разумѣется, отработай ихъ — совѣмъ даромъ значить! Туманная графа «за вознагражденіе хозяйскаго ущерба», такъ какъ выше есть особая, «за утрату или порчу хозяйскаго имущества», — допускаетъ множество толкованій и дѣлаетъ рабочаго вполне крѣпостнымъ у хозяевъ. Хорошо также «за недонесеніе объ узнанномъ ущербѣ», и притомъ, что это за прелесть: — «по числу отвѣтчиковъ». Лошадь, весь день ввозящая въ гору тяжелые грузы и притомъ не колеснымъ способомъ, а на саняхъ, лѣтомъ, понятно, должна измориться, — тутъ является возможность содрать штрафъ въ 25 р. Хороши также предупрежденія о томъ, что я де хочу идти на васъ жаловаться въ судъ! Повторяю при этомъ — положеніе любимовскихъ рабочихъ еще лучше, чѣмъ у другихъ!

— Ну, а лекарства выдаютъ вамъ? спрашиваю у одного грузилыщика.

— Какое?

— Да когда вы заболѣете, фельдшеръ васъ смотритъ?

— Нѣ... Не бывало.

Выходя изъ любимовской заимки, наткнулся на рабочаго чѣмъ грудью, еще часъ назадъ, двигаль вѣроть под-земнаго бура у какого-то начинающаго солевара. Идетъ понурясь, еле-еле перебирая ногами. Голова во все стороны, точно шея мягкая — позвонковъ нѣтъ. Видимое дѣло, осѣлъ человекъ, обмякъ.

— Трудная работа, Тихонъ?

Поднялъ голову, изумленно посмотрѣлъ на меня.

— Чаво?..

— Работа, говорю, трудная.

— Для ча не трудная? Трудная...И опять голову внизъ.

— Грудь не болитъ отъ нея?

Онъ совершенно безсознательно потеръ ее рукою. Попробовалъ было побольше воздуху вдохнуть, да оборвало — закашлялся.

— Не то болить... Не болить, а тоскуеть... Хлипнетъ.

Погоду знаетъ тоже.

— Теперь ты что же, домой?.. Ёсть будешь?

— Спать... ёсть нельзя.

— Почему это?

— Въ нашей работѣ сразу ёсть нельзя. Спать надо.

Потомъ... Если сразу — вонъ пойдетъ... Душа не примаеть.

— Ну, а гдѣ же ты живешь?

— Тута... близко... Семья тамъ, дальше... Тоже на заводѣ робять... А я тута.

— Отчего же не вмѣстѣ?

— Нельзя... Сила нужна — ходить не могу.

Смотрю: клѣтушка какая-то у избы...

— Войти можно къ тебѣ?

— Для ча? удивленно вскинулся на меня.

— Да любопытно, какъ ты живешь.

— Живу?... Скудно... Что червь въ гниломъ орѣхѣ...

Такъ и живу...

Вошелъ я. Мракъ... Сѣно или солома въ углу, на ней старый полушубокъ. Тихонъ, ни мало не интересуясь мною, завалился на него и, спустя минуту, часто-часто задышалъ, видимо засыпая. Именно хлипла у него грудь...

Я сѣлъ на лавку около.

Свѣтлый день скупо смотрѣлъ сюда сквозь тусклое окно. Муха билась въ стекло и жужжала. Видимое дѣло, и ей показалось слишкомъ убого въ этой клѣтѣ. Пауку только хорошо — по всему углу раскидалъ свои сѣти и спокойно сидитъ себѣ въ центрѣ ихъ, повернувъ ко мнѣ свою сѣрую, круглую, жирную спину. У другаго бы на этомъ мѣстѣ образъ былъ, но Тихону не до молитвы; видимое дѣло, некогда... Краюха хлѣба на лавкѣ около. Завядшій лукъ, ничѣмъ неприкрытая кружка съ квасомъ. Сору въ ней — точно накипь какая-то. Вся клѣтушка эта наполнена испареніемъ больнаго тѣла; кислымъ дыханіемъ недужной груди. Въ стѣнѣ — остовы таракановъ по щелямъ. Рѣдко-рѣдко живой пруссакъ покажется, пошевелитъ усиками и бѣжитъ прочь. Солома подгнила, — давно не смѣняли ее...

Всмотрѣлся я въ спящаго. Ротъ раскрылъ широко-широко. Гнилые зубы... Лицо еще синѣе кажется при этомъ скупомъ освѣщеніи, за окнами, яркаго и теплаго дня. Рука — однѣ жилы да кости, жилы и на шеѣ налились. Синія вѣки опущены, точно глаза провалились. Ключья волосъ налипли на лобъ, смолкли; изнурительнымъ потомъ прошибло бѣднягу. Съ натугой дышетъ. Съ какимъ-то свистомъ вырывается воздухъ изъ груди...

Къ дверяхъ показалась дѣвочка лѣтъ двѣнадцати. Увидѣла меня, струсила и — назадъ. Я ее успокоилъ.

— Къ батькѣ... Изъ подлѣбья смотреть на меня. — Мамка прислала... Луку вотъ принесла... Рѣпа есть...

— Ты чего же съ батькой не живешь?

— Нѣ... съ мамкой... Мамка у меня на заводѣ робить... Соль носить.

— И ты носишь?

— И я ношу... На головѣ ношу.

— Да что-жъ ты можешь?

— Сколько силъ хватить.

Глаза безъ дѣтскаго блеска, лицо сѣрое какое-то, грудь впалая, плечи впередъ выдались. Руки худыя-худыя. Вѣрно такъ недоросткомъ и останется.

— Давно ли же ты работаешь?

— Прежде канавы копала... Десять копѣекъ въ день получала... У Самоводова... Купецъ есть.

— Это ты со сколькихъ лѣтъ?

— Чаво?

— Со сколькихъ лѣтъ? спрашиваю.

Не знаю.

Оказалось, что двѣнадцатилѣтняя дѣвочка не имѣла понятія о годахъ.

— Въ церковь часто ходишь?

— Съ тяткой, когда праздникъ... Не работаю.

— Что же, ты молишься?

— Смотрю...

— Значить, не молишься?

— Не умѣю... Креститься умѣю... А то смотрю... Другіе молятся.

Узкій лобъ... Къ окну подошла — тупое совсѣмъ лицо. Глаза тоже совсѣмъ безсознательные. У молодыхъ котятъ такіе. Тусклые, бессмысленные.

— Ты бы... ушелъ... а?.. Ушелъ бы.

— Что-жъ гонишь меня?

— На лавку сѣсть хочу...

— Садись при мнѣ.

— Боюсь! Бить станешь...

Не могу выразить того тяжелаго чувства, съ какимъ я уходилъ отсюда!

Вотъ они, результаты нечеловѣческаго труда. Одно поколѣніе озвѣрѣло — что будетъ со слѣдующими?

И радоваться нечему. Замянуть Тихона машиною — Тихону работы не будетъ. Въ урожайный годъ прожить — именовъ Христовымъ. А какъ ранняя осень убьетъ яровые, а поздняя весна сгубитъ озими, что дѣлать тогда этому же Тихону и его семьѣ, замѣненнымъ машиною?

А еще говорятъ, что у насъ въ Россіи никто съ голоду не умираетъ...

Сколько угодно! Во время моихъ странствій, если я и убѣдился, что Россія велика, то въ обилие ея пришлось совсѣмъ разочароваться.

XVI.

Общі обороты солеваренія. — Рабочія цѣны. — Соляная баба. — Грузильщицы и лямщицы. — Шуваловскія солеварни.

Нужно отдать Любимову справедливость. Онъ не останавливается на старыхъ способахъ и не успокоивается на лаврахъ, какъ его товарищи въ Усольѣ. По пути домой, мы шли мимо новой трубы, только что устраиваемой. Громадная матица уже забита; вращеніе же бура будетъ совершаться не чахлыми грудями рабочаго люда, а паровой машиною, по приспособленіямъ Мезера и Плате, причемъ вся работа кончится не въ три года, а въ три мѣсяца. Слой солянаго раствора предполагается здѣсь на глубинѣ восьмидесяти сажень, причемъ діаметръ высверливаемой дыры равняется тремъ вершкамъ. Впрочемъ, зачастую расчеты не оправдываются — и въ этомъ весь рискъ солеvara. Недалеко отсюда, напримѣръ, у графини Строгановой, прошли саженнымъ слоемъ каменной соли и все-таки еще не добрались до конца пласта.

Меня заинтересовало, сколько въ настоящее время сжигается дровъ на всѣхъ усольскихъ солеварняхъ. Цифра ока-

залась ужасающею, ежегодно 100,000 куб. сажень! Следовательно, на замѣну такого отопленія каменно-угольнымъ потребуется, если промыселъ не разовьется еще болѣе, до 10.000,000 пудовъ, такъ какъ одной кубической сажени дровъ соотвѣтствуютъ сто пудовъ угля. Къ сожалѣнью, въ настоящее время неизвѣстно, насколько горнозаводская дорога помогла этому дѣлу. Въ луньевскихъ копяхъ находятся такія массы угля, что онѣ могли бы обезпечить вчетверо бѣльшія потребности. Можно ожидать даже, что тамъ не хватитъ рабочихъ рукъ для эксплуатаціи залежей. Кромѣ желѣзнодорожной, другой доставки здѣсь и быть не можетъ. Есть рѣка Яйва, но сплавъ по ней совершается только весною и невыгоденъ, потому что потребуетъ массы лѣса на постройку судовъ, которыя назадъ поднять нѣтъ никакой возможности.

На заводахъ графа Строганова, графа Шувалова, князя Абамеликъ-Лазарева, Дедюхинскомъ казенномъ, Любимовскомъ, Соликамскомъ, частію принадлежащемъ городу, а частію — Дубровину, вырабатывается до 11.000,000 пуд. соли, а въ хорошее время до 12.000,000. Первые четверо продаютъ весь свой продуктъ «Товариществу пермской соли» (Кокоревъ и Губонинъ) отъ 12½ до 13 к. за пудъ, причемъ самимъ владѣльцамъ она обходится отъ 10 до 11 к. Мѣстная соль несомнѣнно шла бы лучше и разрабатывалась больше, если-бы ея сбыту не мѣшала чепчучинская, на которую правительствомъ былъ пониженъ акцизъ. Она поэтому проникла даже на Каму, въ Чистополь, гдѣ ею торгуютъ Челышовъ и Чекушовъ. При этомъ еще одно обстоятельство даетъ нѣкоторое преимущество послѣдней. Въ то время какъ усольская дорога и требуетъ значительной обработки, чупчинская обходится гораздо дешевле. Теперь, съ полнымъ сложеніемъ акциза на соль, Усолье

вздохнетъ посвободнѣе и мѣстная соль въ этомъ районѣ вытѣснитъ привозную. Какъ развивается солевареніе при сколько-нибудь разумномъ устройствѣ промысла видно по любимовскому дѣлу.

	года.			пудовъ соли.	
Въ	сезонъ	1873—74	Любимовъ	вывариль	578,000
»	»	1874—75	»	»	779,000
»	»	1875—76	»	»	1.200,000
»	будущій	1877—78	»	ождается	1.600,000

Любимовскому дѣлу очень помогли Кокоревъ и Губонинъ. Взявъ въ свои руки монополію «Товарищества пермской соли», они стали, даже себѣ въ убытокъ, поддерживать на рынкахъ высокія цѣны. За ними и Любимову дышать стало легче. Сколько «Товарищество пермской соли» терпѣло убытка видно изъ слѣдующаго разсчета. Купивъ у владѣльцевъ соль, положимъ, по среднему разсчету, за 13 к. и заплативъ акциза по 30 к., товарищество должно было продавать ее въ Нижнемъ по 47 коп. за пудъ, вслѣдствіи конкуренціи астраханской соли. Слѣдовательно, на всѣ накладные расходы по перевозкѣ и сохраненію складовъ, администраціи, комиссіонера, имъ оставалось по 4 к. за пудъ, тогда какъ одна доставка соли въ Нижній съ промысловъ обходится въ 7½ к. Мы не считаемъ еще усыпки, утечки и страховки, что тоже необходимо имѣть въ виду при этомъ.

Очень интересны рабочія цѣны за каторжный трудъ на солеварняхъ. Вотъ онѣ въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ я ихъ нѣсколько лѣтъ назадъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною, онѣ съ тѣхъ поръ вовсе не поднялись.

Унималыцики, вынимающіе соль изъ чреновъ, получаютъ 33 к. поденно.

Чренщики, дѣлающіе чрены: мастера отъ 40—45 к.
въ день, не мастера отъ 35 до 40 к.

Каменьщики отъ 35 до 40 к.

Повара (варящіе соль) 15 р. въ мѣсяцъ.

Кочегары 30 к. въ день.

Подварки (помощники поваровъ) 40 к. въ день.

Гребцы при заводахъ 25 к. въ день.

Вергельщики. (бурящіе посредствомъ живой силы землю)
25 к. въ день.

Всѣ эти рабочіе на своихъ харчахъ.

Для того, чтобы было понятно, насколько, подобныя цѣны низки, нужно сообразить, что пудъ хлѣба въ Усольѣ стоитъ въ розничной продажѣ 80 к. и никогда не падаетъ ниже 68 к. Податей съ души въ годъ сходить у чердынцевъ, которые платятъ менѣе всего, 9 р.

Не смотря на плохое вознагражденіе, работою этою дорожатъ, потому что она идетъ круглый годъ. Тѣмъ не менѣе и эту скудную плату зачастую удерживаютъ. Какъ-то на шуваловскихъ заводахъ втеченіи пяти или шести мѣсяцевъ рабочіе вовсе не получали денегъ. Вздумали «бунтовать», но терминологіи сытыхъ администраторовъ. Съ грѣхомъ пополамъ, деньги имъ возвратили; бѣдняки опять было принялись за работу, но въ мое время имъ вновь задерживалась плата. Чѣмъ это кончилось — не знаю. Слышно было потомъ о какихъ-то волненіяхъ въ Усольѣ и объ «энергическихъ мѣрахъ», благодаря коимъ онѣ были улажены.

Когда на мѣстѣ мушинъ въ соляныхъ варницахъ работаютъ женщины, онѣ получаютъ, не смотря на совершенно одинаковый трудъ, пятью, шестью и даже десятью копѣйками меньше. Онѣ тоже роютъ канавы и исполняютъ здѣсь земляныя работы. Къ веснѣ для нихъ начинается

новый трудъ; тысячами сходятся бабы къ заводамъ, гдѣ исключительно въ ихъ рукахъ сосредоточивается погрузка соли въ караваны. За это онѣ получаютъ отъ 1 р. 80 к. до 2 р. 50 к. съ каждой тысячи пудовъ. Съ семи часовъ утра работа эта продолжается до полудня и потомъ съ двухъ пополудни до восьми вечера. Втеченіи этихъ одиннадцати часовъ онѣ бѣгомъ взбираются вверху съ двухпудовыми мѣшками на головахъ и такъ же спускаются внизъ.

— Это должно ихъ страшно истощать?

— Помилуйте, крѣпче мужиковъ выходятъ.

— Какимъ образомъ?

— Рабочій идетъ домой, очумѣвъ совсѣмъ; а баба вечеромъ еще хорюды играетъ.

Соленосками на заводахъ старой конструкціи служатъ тоже женщины. Онѣ же лягутся, т. е. тянутъ барки и рѣчныя суда до усольскихъ варницъ. Всѣ эти работы бабы исполняютъ непремѣнно съ пѣніемъ, тогда какъ мужики сосредоточенно молчатъ. Видѣлъ я и гребцовъ-бабъ. Онѣ мнѣ живо напомнили далекое Поморье. Такъ же, какъ и тамъ, молодцами, не зная устали и шибко накатываясь на ручку весла, гребуть усольянки; такъ же, какъ тѣ, причаливъ, не обнаруживаютъ вовсе устали. Но у поморовъ физическая сила понятна: рыбы вдоволь, да и морскіе промыслы развиваютъ здоровье.

— А у насъ онѣ съ соли.

— Какъ такъ?

— Крѣпнутъ съ соли. Посылаютъ же врачи на соляныя ванны.

— Экъ вы приравняли!

— Ну отъ чего же другаго?

Пришлось, дѣйствительно, развести руками. Положимъ,

что отъ соли здоровѣе не будешь; напротивъ, постоянныя испаренія раствора, съ неизбѣжными частицами хлора, брома и кальція, должны, скорѣе, разрушать дыхательные органы, чѣмъ развивать ихъ.

Какъ-то выхожу я на Каму. День былъ холодный; моросило. Мнѣ въ тепломъ пальто было только-только сносно. Вижу внизу, у берега, остановились, едва дыша три бабы-лямщицы. Лямки сброшены внизъ, лица вспарены.

— Богъ въ помощь! Куда вы это?

— На заводъ.

— Устали?

— Да. Слава тѣ Господи, это работа — не на постелѣ! съоткровенничала одна.

Другая затѣяла съ ней споръ на эту пикантную тему.

— Ты, баринъ, не дивись, не то ишло услышишь. Мы на разговоръ шибкія, обратилась она, наконецъ, ко мнѣ.

— Я не тому удивляюсь. А какъ вы это еще языками-то болтаете? Работа-то вѣдь не легкая.

— Да развѣ мы языками лямимся? Языкъ у насъ не усталъ. Языку только чередъ еще пришелъ.

— Вы веселыя.

— Ты въ праздникъ приходи, да гостинцевъ приноси, тогда увидишь какія мы.

— Въ праздникъ мы строгія!

— Ну?

— Вѣрно. Потому въ будни замѣсто мужика мы — и разговоръ у насъ самый мужицкій. А въ праздникъ — на бабьемъ положеніи. Въ праздникъ у насъ тихо... Отойдемъ... А то разлябемъ-то этимъ языка не вздержишь, болтается. Зубами зажмешь — выскочить и давай звонить.

— Да вы ловко языкомъ.

— Мы-то? Мы что! Ты вотъ на Косьву-рѣку поѣзжай,

тамъ услышишь. Тамъ баба не пуганая: противъ вѣтру можетъ словами сдѣйствовать. Тамъ живетъ баба смѣлая, мужику не покорствуешь.

— Что вы заработаете въ день?

— По двоегривенному. Нынѣ цѣны нѣтъ, потому изъ Чердыни навалило народу, заработки сбиваютъ. Въ грузильщицахъ куда лучше!

— Платять дороже?

— Не. Работа легче. Таперчи у насъ ноги, во, гляди, въ кровь изодрало. Иной разъ еще и нонѣшняго холоднѣе, а въ водѣ идешь версты двѣ, три, четыре. Думаешь, смертушка! По каменю — рветъ тебя онъ. Бываетъ супротивъ воды — грудью брать надо, а Кама яро бѣжитъ тогда, сносить! А у грузильщицы дѣло легкое.

Въ свою очередь, грузильщицы жалуются.

Бѣгутъ одна за одною, на ходу словами перекидываются. Кажется, одного мѣшка съ солью не пронесешь, а онѣ штукъ двѣсти въ день перетаскаютъ на головѣ.

— Тяжко! жалуются и эти. — Такъ тяжко, такъ тяжко! Ино станешь, да и думаешь: зачѣмъ это мать на свѣтъ породила. Лучше бы махонькую въ воду кинула, во какъ котятъ топятъ, чтобы не плодились.

— А работа кончится — за хороводы?

— Мы хороводомъ только и живемъ. Какъ запоемъ, такъ словно легче станетъ. Чудесно! Мужики у насъ, что пни. Промежъ собой мы только и дышемъ. Потому мужикъ этого вина сейчасъ!.. Коли у него деньги есть.

— Сказываютъ, и бабы у васъ пьютъ.

— Пьемъ. Баба веселѣй съ вина. У насъ, дѣвка и та пьетъ. На что ужъ Божья.

— Т. е. почему это Божья?

— Потому баба — мужья, а дѣвка — Божья. А что Божье, то всѣмъ въ руки идетъ.

— Это до свадьбы-то?

— Норвь такой. Дѣвка-то парню еще слаще такъ-то.

— Что это у васъ всегда бабы такъ разговариваютъ? спрашивалъ я у усольца.

— Пущай! У нихъ на одномъ разговорѣ и дѣлу конецъ. Языкомъ только и болтаютъ. А чтобы худое что — ни Боже мой! Это мы такъ примѣчаемъ: котора баба язычничаетъ, та справедливая баба, а котора молчкомъ все — въ ней язва самая эта сибирская сидитъ. Тоже и дѣвка. Коли у ней языкъ на цѣпи, какому парню на нее завидно? Дѣвка у насъ такая должна быть, чтобы коло ей смѣхъ былъ. Слово скажетъ — благодарю покорно! Вотъ это дѣвка!

Въ праздникъ бабы зачастую катаются по Усолю въ ивовыхъ плетушкахъ.

Кстати, этотъ экипажъ — курятникъ на колесахъ — приобрѣтаетъ право гражданства по Камѣ, вверхъ отъ Сарапула. Еще одинъ ѣдешь — ничего. Но когда цѣлая кучка засядетъ — сходство съ курятникомъ поразительное. Лошадки, пока еще сытенькія, везутъ такъ, что корзинка, кажется, вотъ-вотъ слетитъ прочь, и ты очутишься Богъ знаетъ гдѣ! Хорошо еще, что улица не мощена, падать мягко.

Какъ-то иду, слышу, лямщицы поютъ что-то ужъ очень веселое, совсѣмъ не подъ стать къ тяжелому труду. На отдыхѣ, впрочемъ, было. Подошелъ.

— Что вы поете это?

— Ндравится, что-ль? Пѣсня такая. У насъ пѣсни веселыя.

Попросилъ ихъ сказать мнѣ и записалъ. Привожу ее здѣсь цѣликомъ.

Ахъ ты, мать моя, мамонька,
Осударыня, боярыня моя,
Зачѣмъ хорошу народила меня,
Хорошу такую, догадливу,
На всѣ промыслы повадливу.
Приходилъ ко мнѣ изъ лавочки купецъ,
Приносилъ ко мнѣ канаусу конецъ.
Мнѣ канаусу хочется —
Полюбить купца не хочется,
Ахъ ты, душечка, дуй, дуй, дуй!
Раздувашечка, дувай, дувай, дувай!
Красна дѣвица, гуляй, гуляй, гуляй!
Призагуливай, отецкая дочь!
Не ходи-ка ты гулять въ полночь!
Кабы на зиму не лютый морозъ,
А родной тятенька въ уѣздномъ городкѣ,
Тутъ я вольна бы вольна была.
Полюбила бы соколечка-сокола,
Красна дѣвка — удалаго молодца!

Какая громадная разница между заведеніями Любимова и шуваловским! На варницахъ графа Шувалова въ стѣнахъ громадныя щели, въ полу провалы и ямы. На сѣнахъ осѣла сажа толщиной въ палецъ. Сажа и вездѣ, такъ кто верхній слой соли у него валится въ воду, какъ негодный. Почти тоже самое приходится сказать и о заводахъ С. Г. Строганова, Г. А. Строганова, Голицына, Абамеликъ-Лазарева. Шуваловскій только представляетъ крайнюю степень упадка. Видимо, еще когда-то всѣ они были строены на широкую ногу, просторно изъ кондоваго крупнаго лѣса. Но въ теченіи долгаго періода заводы не обновлялись, не ремонтировались. Теперь они стоятъ, прогнившіе насквозь, темные, мрачные. Непонятно, какъ держатся нѣкоторые изъ нихъ. Прежде они процвѣтали. Тогда единственными солеварями были Строгановы и Всеволожскіе. Съ отмѣною обязательнаго труда, съ общимъ упадкомъ солеваренія — они пришли въ нынѣшнее свое состоя-

ніе, хорошо характеризующееся выраженіемъ: мерзость запустѣнія! Разумѣется, если бы владѣльцы не жили въ Питерѣ и, напримѣръ, какъ С. И. Мальцевъ, находились бы въ своихъ владѣніяхъ и занимались дѣломъ — результатъ былъ бы иной!

А заводы, дѣйствительно, выведены на широкую ногу, Видимое дѣло — лѣсъ былъ ни по чемъ и рабочія руки не дороже лѣсу. Теперь только однѣ рабочія дороги, а лѣсу и совсѣмъ нѣтъ. Изъ одного завода въ другой проведены большія, крытыя галереи. Внутри все запущено и сумрачно. Высокая масса шуваловской варницы производитъ даже подавляющее впечатлѣніе. Когдаходишь внутрь — угловъ не видать, они прячутся въ тяжеломъ мракѣ. Каменная кладка печей и чрена — громадная, напоминаетъ крѣпостныя стѣны, такія, какими онѣ строились въ доброе старое время. Длина чрена — шесть, ширина — пять сажень. Цѣлый маленький докъ могъ бы помѣститься въ немъ. Этотъ маленький докъ весь въ сажѣ!... Свинья свиньей! Въ сажѣ и соль, насыпанная на полати. Голые или полуголые рабочіе тоже въ сажѣ... Точно попалъ въ одно изъ отдѣленій ада — громадную, полную тяжелаго мрака пещеру и чудится, что въ печахъ этихъ черные демоны варятъ супъ изъ жалкихъ грѣшниковъ. Когда поподробнѣе взглядишься, видишь, что тутъ все въ грязи, все прогнило, промокло. Подъ чренами печи — какія-то черныя ямы, въ которыя массами валяютъ дрова сквозь отверстія, напоминающія зѣвы гротовъ.

— Это чисто Вулканъ! замѣтилъ мой спутникъ, указывая на хромага рабочаго, который, по простотѣ и отъ жара, сбросивъ съ себя все, то и дѣло совался въ зѣвъ грота. На красномъ фонѣ яркаго пламени удивительно характерна.

была эта черная фагура съ короткими, сильными ногами и крѣпкимъ, нескладнымъ туловищемъ.

— Въ такомъ видѣ варницы стоятъ уже двѣсти лѣтъ! рассказывали мнѣ. Только кое-гдѣ заплаты наставлены и то самыя ничтожныя. Шуваловская варница — ровесникъ собора Усольскаго, а собору этому чуть не за 250 лѣтъ уже пошло.

Сверху до низу, даже въ кирпичной кладкѣ печей и чреновъ — черныя трещины, чрезъ которыя вырывается на волю дымъ и поднимается вверхъ подъ громадную крышу, которой совсѣмъ не видать, потому что тамъ скопляется тяжелый мракъ. Въ концѣ концовъ чудится, что попалъ въ какую-то громадную, душную, темную тучу, въ самомъ центрѣ которой невидимое чудесное существо куетъ огненные стрѣлы грозovýchъ молній.

На этихъ заводахъ по сю сторону Камы за вѣртами буровъ, сверлящихъ землю до раствора, на каторжной работѣ я видѣлъ мальчиковъ отъ 15 до 17 лѣтъ! Какая нужда лютая гонить ихъ сюда за жалкій двугривенный поденной платы.

— Ну какъ вамъ понравилось наше Усолъе? заговорилъ, наконецъ, въ день моего отъѣзда отсюда хозяинъ дома, гдѣ я остановился.

— Совсѣмъ не понравилось.

— Нну?...

— Вѣрно.

— Вона... А по нашему это цѣлая столица. Что же вы насъ такъ не полюбили? Живемъ мы тихо, смирно, безъ дебошу, какъ тараканы въ щели; никто насъ не слышитъ, никто о насъ ничего не знаетъ. Вотъ на заводы поѣдете къ Демидову, тамъ гораздо шибче нашего. Тутъ, — и онъ подошелъ ко мнѣ, таинственно оглядываясь, — тутъ

неподалёчку, верстахъ въ двадцати отъ города, у насъ пещера есть, дивная.

— Чѣмъ?

— Концовъ не видно. Въ разбойное время, можетъ сколько сотъ лѣтъ тому назадъ, всѣ прикамскіе промышленники прятались туда. Многіе, случалось, и назадъ не выходили. Ходы все, запутаешься. Разъ собаку бросили туда, такъ она за девятнадцать верстъ вышла въ другую пещеру. Насквозь прошла. Сказываютъ, одинъ вятскій дроворубъ большой кладъ отыскалъ въ этой пещерѣ.

— Да развѣ у васъ есть вятскіе дроворубы?

— И изъ иныхъ имѣемъ-съ. Изъ Олонецкой губерніи приходятъ. Нужда гонитъ. Да тутъ у насъ много знаменитыхъ мѣстъ есть. Вотъ въ девяти верстахъ развалины стоятъ, когда-то Пискорскій монастырь стоялъ. Разбойники какъ-то напали, настоятелю обрѣзали уши, монаховъ разогнали, съ тое поры и не подымался. Изъ Пискори Ермакъ просилъ первую помощь у Строганова, тотъ ему и послалъ ее.

Преданія о Ермакѣ опять появляются здѣсь. Разсказываютъ, какъ ему изъ Орла-Городка была послана помощь съ тѣмъ, чтобы золото, какое онъ найдетъ, все шло Строгановымъ, а серебро — ему, Ермаку.

— Назадъ изъ Усолья вы, какъ поѣдете, на пароходѣ?

— Нѣтъ, я теперь въ Кизель и Луневку, а оттуда по Косвѣ подымусь въ верховья.

— Чудесное увидите. Вы что думаете, Косва — она отъ Няра-то глубока. Хоть пароходики по ней пушай. Пройдутъ. Наши, разумѣется Усольскіе, махонькіе. Слыхали ли вы, какое тутъ разъ дѣло вышло? Пароходъ «Дружба» плылъ, медвѣдь по водѣ ему на встрѣчу. На пароходъ звѣрь напалъ. На палубѣ у края якорь былъ — за якорь уцѣпился,

чуть пароходикъ не потопилъ. Господь спасъ. Вотъ у насъ пароходы какіе — дѣтскіе!

Нельзя сказать, чтобы я ужь очень сокрушался, уѣзжая отсюда. Слишкомъ гнетущее впечатлѣніе производило Усолье!

Вдали меня ожидалъ Уралъ, съ дремучими лѣсами по верховьямъ малоизвѣстныхъ рѣкъ, съ величавыми картинами горныхъ вершинъ, съ кипучею дѣятельностью заводовъ и глубокимъ подземнымъ царствомъ рудниковъ и копей.

Уѣзжая, я и не оглядывался назадъ.

XVII.

По захолюстью. — Картины Закамья. — Свинья съ бакенбардами. — Романово. — Яйва. — Почему баба дешева стала. — Глухія поселки. — Уралъ.

Изъ Усолья мнѣ хотѣлось проѣхать въ глушь. Исполнить это было легко, и я отправился за Каму по направленію къ верховьямъ Яйвы.

Какія дивныя хвойныя чащи на пути. Не вѣрится, что ѣдешь по прикамскимъ захолюстямъ, гдѣ лѣса вырубаются жадно и неумолимо, незнающими устали, промышленниками. Кое-гдѣ попадаются черные, обугленные стволы сожженные молніей, но и ихъ отовсюду словно хочеть спрятать свѣжая зелень всякой цѣпкой поросли, сочно поднимающейся здѣсь, на этихъ, пока еще щедро облитыхъ солнечнымъ свѣтомъ полянахъ. По лѣсамъ рѣдкіе выселки. Видимо, человѣку тутъ въ одиночку жить привольнѣе. Кто на опушку выползъ съ своею избою, кто поставилъ себѣ хатенку у рѣчки, что немолчно шумить и взмываетъ, стараясь перебросить свои гремучія струи черезъ камни, перегородившіе ей дорогу; а кто совсѣмъ забрался въ лѣсную дрему, въ глушь, гдѣ только вершины

сосенъ ведутъ между собою важную, торжественную бесѣду, да гроза порою шумить надъ срубомъ нелюдимаго лѣсовика. Въѣдешь на холмъ или на гору — внизъ, до самой Камы, зелеными облаками спускаются эти рощи. Красавица рѣка томно ластится къ нимъ, томно манить ихъ въ свою прозрачную глубину. Вотъ на перелѣскѣ горный потокъ бѣжитъ, какъ расшалившійся мальчуганъ перескакиваетъ черезъ камни и уступы, оглашая своимъ безшабашнымъ крикомъ молчаливую пустынь. Пробѣжавъ по рамени, потокъ уходитъ въ лѣсъ, точно хочется ему спрятать свои кристальныя струи отъ солнечнаго зноя въ сумракъ и прохладу прадѣдовскаго бора. По рамени мшистые, мягкіе берега зелеными подушками на самую воду надвинулись. А сквозь толстые и стройные стволы лѣсныхъ великановъ вдали мерещутся палевы пятна бѣлаго мха. Сѣверъ вступаетъ въ свои права, и только почти южное сегодня солнце словно хочетъ напомнить вамъ о далекомъ, покинутомъ вами надолго, благодатномъ, полуденномъ краѣ. Всего красивѣе здѣсь видъ съ горъ надъ деревнею Камень, верстахъ въ восемнадцати отъ Веретья. Подъ вами зеленая, цѣлыми моремъ лѣсныхъ вершинъ покрытая понизъ стелется къ далекимъ плоскогорьямъ. Лѣса совсѣмъ синими кажутся, плоскогорья чуть-чуть намѣчиваются матовыми, желтоватыми массами, такъ и манящими въ свою заповѣдную глушь. Изрѣдка въ синемъ маревѣ лѣсовъ легкими нѣжными пятнами голубѣютъ поля. Яйва змѣится по всей этой низинѣ, то пропадая въ дремучихъ борахъ, то снова сверкая красивою излучиною... Капризнымъ и прихотливымъ кажется отсюда ея теченіе, точно она не хочетъ разстаться съ этою ширью, съ этимъ привѣтливымъ берегомъ и не имѣя силы не повиноваться волѣ, двигающей ее впередъ въ Каму, забѣгаетъ то направо, то

налѣво, то назадъ обернется, то далеко уйдетъ въ сторону. Такъ, прощаясь съ милымъ уголкомъ, прежде чѣмъ оставите его, вы обходите каждую деталь его, каждую рывину, дорогую вашимъ воспоминаніямъ. Село Камень довольно велико, хотя всѣ избы его новенькія. Оказалось, что и выстроено оно сравнительно недавно. Я, впрочемъ, потому, нигдѣ въ Пермской губерніи не встрѣчалъ такой неопрятности, какъ здѣсь. Населеніе положительно страдаетъ водобоязнью. Грязь на лицахъ, грязныя комья волосъ на головахъ, грязныя комья бородъ... О платъѣ не говорю!

— Бѣдность здѣсь, что ли? спрашиваю.

— Нѣтъ, народъ здѣсь хорошо живетъ, радостно.

— Такъ чего же?

— Да обычай такой... Гдѣ тутъ за собой глядѣть...

Скушно покажется.

— Значить и времени довольно?

— Есть. Теперь, куда хочешь за Уралъ поѣзжай — чистота, народъ за собой глядитъ во какъ! А тутъ — совсѣмъ другое обличье... Лѣсовики, дроворубы, когда имъ... да и не передъ кѣмъ... Свиньями, надо прямо говорить, свиньями живутъ.

— Да вѣдь лѣсъ-то зимою вырубается?

— Стоитъ пока; только все же они находятъ себѣ промыселъ.

Даже и топоры здѣсь въ крестьянскихъ хозяйствахъ употребляются такіе же, какъ у чердынскихъ дровосѣковъ.

Густой запахъ шиповника и душиanky все время обвѣиваетъ васъ по этой дорогѣ на село Романово. Яйва нѣсколько разъ выбѣгаетъ посмотреть на васъ и опять въ сторону уходитъ. Въ селѣ Камень мнѣ встрѣтилась особенная достопримѣчательность: свинья съ бакенами и довольно длинными, совсѣмъ министерскій чиновникъ!..

— Что это у васъ?

— А такая порода ведется... Приѣзжіе страсть любопытствуютъ... Одинъ даже съ нея патреть снялъ. Такая ей, свиньѣ нашей, честь вышла, чтобы съ патретомъ. Этотъ, который патреть-то дѣлалъ, говоритъ: твоей свиньѣ медаль слѣдуетъ. А я ему: батюшко, она и безъ медали вкусна, съ медалью-то вкуснѣй не будетъ...

Около Романова я замѣтилъ много скирдъ съ хлѣбомъ — на Уралѣ очень важный признакъ. Это значитъ, во первыхъ, что хлѣба рождается много, ибо онъ здѣсь въ овины подъ крышу складывается, а въ скирды уже залишній идетъ; а во вторыхъ и то, что его высѣваютъ съ избыткомъ, больше чѣмъ надо на мѣстное продовольствіе, а торговли имъ никакой. Иначе не стали бы и ждать слѣдующаго урожая. Что значитъ, гдѣ лѣсъ остался!.. Тутъ и дубы, и большія липы въ лѣсу, подъ его прикрытіемъ стоятъ. Гдѣ лѣса вырублены, тамъ новая поросль подымается уже не такая: ни липѣ, ни болѣе нѣжному дереву тамъ не жить — все оно посохнетъ. Во первыхъ, гдѣ лѣсу нѣтъ, тамъ зачастую весной, когда липы и дубы дадутъ молодой листь, вдругъ совсѣмъ несвоевременно ударитъ морозъ — ну и пропало все; а во вторыхъ и зимній холодъ легче въ темной чащѣ сѣвернаго лѣса, чѣмъ на безлѣсѣ. Этимъ объясняется, между прочимъ, и то, что въ нашей средней полосѣ, которую старые путешественники называли яблочнымъ царствомъ, теперь яблони въ лѣсу слыхомъ не слышать, видомъ не видать; явленіе это повторяется вездѣ. Возьмите, на примѣръ, хотя бы Брянскій уѣздъ, во время оно славившійся своими свекловичными плантаціями, разводившимися для сахарныхъ заводовъ. Теперь ничего подобнаго нѣтъ. Обезлѣсеніе края отзывается губительно даже и далеко на югѣ, гдѣ благодатное небо

весь годъ согрѣваетъ землю своею щедрою теплою. На южномъ берегу Крыма есть остатки старыхъ плантацій масличныхъ деревьевъ. Отецъ знаменитаго нынѣшняго заводчика О. И. Мальцева попробовалъ развестъ близъ Симеиза рощу маслинъ, но долженъ былъ оставить это послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неудачъ и большихъ расходовъ. Липы, которыя мы еще встрѣчаемъ на сѣверѣ, послѣднія изъ тѣхъ, которыя когда-то, по веснамъ, наполняли здѣшніе лѣса своимъ тонкимъ благоуханіемъ. Несомнѣнно, разумѣется, что земля мало-по-малу охлаждается; но это охлажденіе, геологическое, не такъ ощущается, его можно было бы мѣрить періодами въ тысячу и болѣе лѣтъ. А тутъ — на глазахъ все это оскудѣніе совершается. Мы замѣчаемъ изъ году въ годъ, что въ такомъ-то районѣ становится климатъ холоднѣе, погода суровѣе, зимы продолжительнѣе, весны и осени неправильнѣе. Ранніе морозы и ни съ того, ни съ сего идущій, послѣ жаркаго весенняго дня, снѣгъ — явленіе небывалое прежде. Но оно совершенно понятно. Мы сняли съ земли шубу, обезлѣсили ее, и ей теперь холодно. Губительному сѣверо-восточному вѣтру отъ самаго полюса до Чернаго моря нѣтъ никакихъ преградъ. Онъ бѣсится на просторѣ, куда еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ его не пускали дремучіе лѣса сѣверной полосы. Легкомысленное отношеніе къ природѣ сказывается не въ одномъ этомъ. Еще недавно мы рукоплескали нѣкому полковнику генеральнаго штаба, задавшемуся цѣлью осушить пинскія болота и дать такимъ образомъ населенію сотни тысячъ десятинъ луговой и пахатной земли. Началось осушеніе, газеты и ученія общества пѣли ему громкую хвалу — и вдругъ оказалось, что эти самыя пинскія болота были хранилищемъ, питомникомъ Днѣпра и днѣпровской системы. Луга и поля прибавились, а Днѣпръ

и его притоки обмелѣли до того, что гдѣ прежде проходили пароходы, тамъ теперь вязнуть въ жидкой грязи и челноки.

Напрасно я думалъ встрѣтить здѣсь дичь и глушь почти первобытную. Оказалось, что года за два, дѣйстви-тельно, на каждаго, кто появлялся сюда, романовцы смотрѣли, разинувши рты; но теперь патріархальная простота была отмѣнена и предпочтена цивилизаціи, выражающейся въ пѣніи лакейскихъ пѣсенъ, въ ношеніи «городскихъ» платьевъ съ таліями чуть не на затылкѣ, и шлейфами, хотя и ситцевыми, но въ поль-улицы. Даже вездѣ отмѣненный кринолинъ растопыривался на каждой мѣстной красавицѣ, воображавшей, что въ немъ-то вся сила и есть.

— Тутъ у насъ, какая я вамъ скажу мадель (вмѣсто мода) была. Кармалиновъ этихъ не хватило, такъ на платья обручи подшивали. Такъ мы ихъ съ этого самаго и прозвали ситцевыя бочки!

— Одна пагуба! Желѣзнодорожные эти такую у насъ смуту развели.

— Какую же?

— Насчетъ женска пола. Глупъ онъ женскій полъ; ну а они къ нему подвержены, — желѣзнодорожные-то; и даже съ большимъ удовольствіемъ. Сколько они у насъ этой дѣвки перекастили — невозможно! Съ своими парнями дѣвка гуляй, потому ее парень за себя возьметъ; а этотъ-то, желѣзнодорожный, налетѣлъ, улестилъ ее, куснулъ и прочь... Къ другой уже, съ налету. Они это быстро.

Желѣзнодорожники, въ свою очередь, поясняютъ, что они-то настоящую цивилизацію и насадили.

— Я вамъ такъ скажу, сообщалъ одинъ изъ нихъ: —

до насъ десятокъ яицъ стоилъ гривенникъ, а баба рубль; а теперь, при насъ, яйца стоятъ рубль, баба гривенникъ.

Бабы пустились во всё тяжкія, благо мужья нашли работу по настилкѣ полотна. Передъ этимъ просто погибель была населенію. Давила подать, недоимки какъ висѣличныя петли захлестывали. Земляныя работы, хотя и тяжелы невыносимо, но при нихъ хоть семья дышать можетъ.

— А кто не пьетъ, такъ и про домашній обиходъ останется.

Что за прелестныя рѣчки открылись намъ за Романовымъ. Лошади быстро вносятъ на горбину, по которой красивымъ зигзагомъ сквозь лѣсъ точно перескочилъ проселокъ. Деревья жмутся съ обѣихъ сторонъ, нѣжная листва до лица вашего добирается; не посторонишься — хлещетъ, обдавъ запахомъ березы. Скать внизъ... за скатомъ Ульва змѣится, каждую струйку свою подставляя солнцу. За слѣдующимъ пригоркомъ рѣчка Куморка. Съ вершины холма видъ безъ конца. Только налѣво, на самомъ горизонтѣ, рисуются дальнія заманчивыя горы синими тѣнями, словно стережа зеленую гладь. А тутъ, подъ самыми ногами, Куморка шумитъ, точно смѣется яркому солнцу и лѣтнему теплу. Съ Куморкой разстались — на извилину Яйвы наѣхали. Лѣсъ со всѣхъ сторонъ тѣснится къ ней; такъ и чудится, что всё эти старыя траурныя ели, стройныя сосны и шаловливыя молодыя березки, опушенныя яркою листвою, не могутъ наглядѣться на прозрачныя воды рѣки. Лѣсъ только тамъ и отступаетъ отъ рѣки, гдѣ на самомъ берегу ея построился человекъ. Тамъ лѣсу боязно; люди — злѣйшіе враги этого тихаго и поэтическаго царства задумчивыхъ вершинъ. Въ самыя нѣдра его они врубаются своимъ топоромъ, радуясь, когда на мѣсто див-

ныхъ сосновыхъ пустынь зазеленѣють росистыя поля. Стоять по краямъ такихъ полей бѣдныя рощи, пощаженыя почему-то челвѣкомъ, стоять и, опустивъ вѣтви, точно тоскуютъ по старому, завоеванному острымъ желѣзомъ и ненасытною корыстью, лѣсному царству. Иногда, посреди самага поля, оставленный великанъ высоко къ небесамъ тянется своею могучею вершиною, точно жалуясь свѣтлымъ облакамъ, бѣгущимъ мимо, на великую обиду, на смерть своихъ вѣковыхъ друзей, отъ которыхъ и пней не осталось на разрыхленной плугомъ нивѣ. А Яйва опять набѣгаетъ, точно хочетъ посмотрѣть, что дѣлается и здѣсь и тамъ, и все ли у нея въ порядкѣ позади, и не завелось ли чего новаго въ сторонѣ. Вотъ бабья кавалерія намъ навстрѣчу. Молодцами въ сѣдлѣ, только локтями размахались во всѣ стороны, точно птицы крыльями. Одна, другая, третья... Орутъ что-то ужъ очень веселое намъ навстрѣчу, широко улыбаясь румяными лицами. Хохотъ такъ и раздается по лѣсу. Вонъ двѣ въ сѣдлѣ; эти распѣлись во все горло. Такъ и прыщутъ здоровьемъ и силой! Еще поворотъ дороги и мы наталкиваемся на небольшой таборъ въ лѣсу — переселенцы должно быть. Волы жуютъ что-то, лежа въ грязи и провожая насъ кроткими, глупыми глазами. Подъ телѣгой со всякимъ скарбомъ, баба съ мужикомъ спятъ себѣ, обнявшись. И разлюбезное дѣло! Видно, что мало кто ѣздитъ здѣсь. Въ сторонѣ полати устроены, — къ крупной березѣ приспособленъ сажени на четыре отъ земли маленькій плотикъ. Внизу палую лошадь пучить, на открытыхъ глазахъ — цѣлый рой мухъ шуршитъ. На ночь охотникъ съ полатей выжидаетъ лѣснаго звѣря и навѣрняка бьетъ его изъ крупнаго ружья мѣстнаго издѣлія. Иной разъ медвѣдь оказывается умнѣе, чѣмъ полагаетъ охотникъ, и оставляетъ его на всю ночь торчать на своей

вышкѣ безъ толку. Разъ случилось, что охотникъ заснулъ и мишка забрался къ нему самъ въ гости на полати. Оба рухнули внизъ, и розиня только и уцѣлѣлъ потому, что звѣрь, струсивъ самъ, ударился въ лѣсъ.

— Иной разъ сидишь, сидишь такъ-то, ино одурь возьметъ. Слышишь, какъ шуршитъ въ лѣсу, звѣря лапой сучья ломаеть, а къ тебѣ нейдетъ. Это звѣря пуганая, догадливая; а который медвѣдь справедливый — такъ прямо къ тебѣ на встрѣчу, стрѣлай ты его хучь въ лобъ, хучь подъ лопатку. Въ немъ значить хитрости нѣтъ — добродѣтельный.

Дорога въ поля свернула; во ржи голубыми огоньками вспыхиваютъ васильки. Шиповнику гибель, и ароматъ его наполняетъ окрестность. Нѣжные лепестки несутся по вѣтру. Меня поразило главнымъ образомъ не то, что онъ забрался такъ далеко къ сѣверу: лѣтомъ шиповникъ можно встрѣтить и въ Лапландіи, по пути отъ Колы къ Кандалакшѣ, — а густая окраска его цвѣтовъ. Поля, поля и поля преслѣдовали насъ верстъ на пятнадцать, пока у самой Вильвы насъ не обступило прохладное и молчаливое царство лѣсныхъ вершинъ. А тамъ опять загороди, загоны, опять кучка поселковъ. Гдѣ останавливаешься, тамъ дивишься красивому, сильному типу. Чуть-чуть подальше отъ лакейской цивилизаціи и видишь, какъ хороши эти люди, чистые, неиспорченные. Ни корысти, ни злобы. Отдыхаешь съ ними.

— У насъ тихо! Только лѣса гудить. У нихъ, у деревовъ, своя молвь есть! сообщавъ мнѣ старикъ-крестьянинъ, у котораго я провелъ цѣлый день. — Каждое дерево свою молвь имѣетъ. Молодое — веселую, легкую; а старое да крѣпкое — важную. Даромъ слова не выпустить: больше молчить, да думу свою думаетъ. И погоду они чувствуютъ. Весною — говорокъ идетъ тебѣ такъ, точно

дѣтки по лѣсу распалились. А осенью — сухой такой. Шуршитъ! По молви слышишь, что листь помирать собирается. И всякой травкѣ мелкой свой голосъ данъ!

Хотѣлъ я расплатиться съ хозяиномъ — обидѣлся.

— Ты это за что же меня такъ? Гость — Божій даръ! Мнѣ самому поклониться тебѣ надо за то, что привернулъ. А деньги тутъ — ни почто. Со страннаго человѣка деньги брать — грѣхъ передъ Богомъ великій. Да меня вся наша округа за это за самое заѣсть. Нѣтъ, ты это оставь, у насъ не въ обычаѣ. И напредки, какъ въ нашихъ мѣстахъ будешь — заѣзжай. Рады мы свѣжему человѣку. Со всѣмъ скисли въ заугольникахъ.

Отъ брагиной пошелъ путь совсѣмъ невозможный. Му-дрое заводское начальство устало его шлакомъ. Подбрасываетъ, качаетъ, съ колеи въ колею телѣгу перекидываетъ. Иной разъ кажется что кто-то схватилъ тебя и треплетъ, всю твою душу вымотать хочетъ. Четыре часа мы ѣхали пятнадцать верстъ и когда вдали показались огоньки кизеловскаго завода я обрадовался во всякомъ случаѣ не меньше евреевъ, вступавшихъ послѣ долгаго странствія изъ земли Хананейской въ землю Ханаанскую.

Тутъ уже настоящій Уралъ пошелъ. Съ крутыми горами, съ людными заводами, съ гремучими рѣками и дѣвственными пустынями нетронутыхъ лѣсовъ.

XVIII.

Кизель.

Послѣдняя станція до Кизела въ полномъ смыслѣ ужасна. Кони, сытые и бойкіе, быстро бѣгутъ по дорогѣ, засыпанной шлакомъ, острыми каменьями, выбитой всевозможными обозами, ухабистой и неровной. Васъ взбрасываетъ, качаетъ, вбиваетъ, словно молотомъ, внизъ, кидаетъ во всѣ стороны. Точно кто-то вашу голову пробуетъ, насколько проченъ верхъ почтовой кибитки. Стукнетъ въ него вашимъ затылкомъ, не успѣете вы очнуться, какъ високъ попадаетъ въ какую-то перекладину. Думаете, кончено, какъ вдругъ васъ встряхиваетъ и кладетъ на бокъ.

— Ну и дорога у васъ! укоряете вы ямщика.

— У насъ — мытарство! соглашается онъ. — Ужь какъ ругаются-то — не приведи Господи! Даве одного барина везъ, сколь ему обидна наша дорожка показалась! Одно слово, Лазаревская Сибирь пошла.

— Ну Сибирь-то еще далеко! не понялъ я.

— Нѣтъ, это наша особая Сибирь... Кизель недавно выросъ. Сюда господа наши — Лазаревы съ Обвинскихъ

волостей своихъ народъ ссылали за провинность. Въ колдкахъ водили, съ конвоемъ. Что вою этого было, да реву, страсть! Которыя, бабы, — убивались. На Обви, въ тѣ поры, житье было чудесное. Приволье! Хлѣба родилось много, лѣса-то еще цѣлы были. Ну, а тутъ, извѣстно, другой свычай. Тутъ хлѣбъ жестокой, въ землѣ рудой лежить, за нимъ-то покопаешься!

За то мѣста тутъ пошли красивыя. Горы стѣсняли даль; одна круче другой, сплошь поросшія пихтовыми лѣсами. По сторонамъ гранитныя скалы взрѣзывали почву, Громадные обломки первозданныхъ утесовъ загромождали поля. Цѣпкая поросль вползала по нимъ на самыя макушки, гдѣ ее во все стороны трепалъ теплый вѣтеръ уральскаго лѣта. По небу бѣжали свѣтлыя облака, уходя за далекія, едва-едва намѣнивавшіяся позади горы. Рѣка Кизель пропадала среди вершинъ, застилавшихъ окрестности передъ нами. Чистая и красивая, она каждую струйкою своею играетъ на солнцѣ, съ громкимъ ропотомъ оставляя пустынные берега. Своею оригинальною прелестью она живо напомнила мнѣ рѣку Тириберку на Мурманѣ, только послѣдняя обставлена болѣе грандіозными массами полярныхъ горъ.

— Тутъ лазаревскимъ владѣніямъ конца краю нѣтъ.

— А что?

— Да на двѣсти пятьдесятъ верстъ въ длину и на сорокъ въ ширину раскинулись. Въ этой вотъ кизеловской дачѣ двѣсти шестьдесятъ тысячъ десятиныхъ, да въ растеской сто шестьдесятъ тысячъ. По всему этому околотку такія пустынныя рѣки текутъ, что и день плывешь, и другой — людской молви не услышишь. Въ горахъ — любовью заблудится. Подальше отсюда, лѣса раскинулись до самой Павды. Сказываютъ, въ лѣсахъ тѣхъ люди живутъ...

— Живуть, живутъ! подтвердилъ ямщикъ.

— И никто людей тѣхъ не знаетъ, кто они, зачѣмъ?

— Вѣрно... Невѣдомые люди... И откель пришли — тоже неизвѣстно...

— Такъ въ дремучемъ царствѣ и осѣли. Гдѣ изба, гдѣ двѣ. А все больше въ одиночку. Звѣря бьютъ. Тутъ вѣдь какъ, подъ самыми заводами, въ лѣто тридцать, либо сорокъ головъ лося изловятъ.

— Охотники?

— Нѣтъ. Съ ружьемъ мало. Въ ямы его загоняютъ... Подальше къ югу Косьва рѣка будетъ, такъ по ней этихъ ловецкихъ ямъ столько, что иной разъ вмѣсто звѣря, самъ промышленникъ въ нее попадетъ. Роятъ-то ихъ точно могилу — узкую, да длинную. Звѣрю въ ней ничего не подѣлать. Аршина три вдоль, да полтора поперегъ, а въ глубину — четыре. Ну, побьется, побьется, да и станетъ народу дожидать. Разъ тутъ какое дѣло вышло-то. Одна яма поглубже была. Попалъ въ нее крестьянинъ одинъ, а мѣста пустынный. Безлюдье, бездорожье. Попалъ и сидитъ... День сидитъ, два сидитъ. Голосъ подаетъ — ему только вѣтеръ гудитъ въ отвѣтъ по лѣснымъ верхушкамъ. И еще развѣ пугачъ поплачетъ ночью, а то тишь мертвая! И еще два дня прошло. Ночи холодныя — чуть живъ человѣкъ. Хлѣбъ, какой былъ, давно приѣлъ. На пятый день сапоги жевать сталь... Воды нѣтъ... По близости-то ручей звенить, а до него не доберешься. Въ каменью яма-то была. Только на шестой день на него набрели звѣроловы. А черезъ три, послѣ того, онъ и душу-то Богу отдалъ. Изморился въ ямѣ этой!

Мой спутникъ былъ старожиломъ кизеловскаго завода; на сотни верстъ кругомъ не нашлось бы холма или утеса ему неизвѣстнаго. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, которые потомъ

я провелъ въ этомъ царствѣ рудниковъ и копей, мнѣ приходилось сталкиваться съ массами людей, служащихъ и живущихъ при заводахъ, и я не могу не вспомнить съ благодарностью, какъ охотно они дѣлились со мною своими свѣдѣніями. Особенно тщательно обработанныя мною главы о положеніи заводскихъ и горныхъ рабочихъ оказались бы далеко неполными, если бы на помощь къ моимъ личнымъ наблюденіямъ не пришли бы они, и если картины, набрасываемыя мною, покажутся слишкомъ мрачны и выводы, къ которымъ я прихожу, безотрадны, прошу не винить меня. Я смотрѣлъ на уральскую дѣйствительность не сквозь одни свои очки: мнѣ помогали въ этомъ дѣлѣ всѣ, начиная отъ простыхъ рудокоповъ и кончая заводскою администраціею. Къ чести послѣдней нужно сказать одно: мнѣ рѣдко приходилось наталкиваться на людей, изъ среды ея, которые бы пытались выставить положеніе рабочихъ въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Напротивъ, что, по незнанію края, я могъ пропустить или не понять значенія, мнѣ тщательно указывалось ими.

Когда мы вѣхали въ широкую, хорошо обстроенную улицу завода, направо остались внизу, въ глубокой котловинѣ, громадныя зданія завода. Прямо передъ нами, на плоскогорьѣ, вытянулась рабочая слобода. Два-три каменныхъ дома выдѣлялись между другими. Безлюдье казалось страннымъ послѣ шумныхъ усольскихъ и дедюхинскихъ улицъ. Ни въ окнахъ, ни во дворахъ не было никого. Точно вымерло населеніе этого завода. Потомъ уже оказалось, что все оно, и бабы, и дѣти даже, на работахъ. Не хватаетъ рукъ для завода, такъ что, напримѣръ, въ рудникѣ дѣло идетъ только зимою и осенью, когда приходятъ сюда на заработки закамскіе крестьяне. Изъ ар-

темьевскихъ копей, на рѣкѣ Губахѣ, и изъ троицкихъ, на рѣкѣ Косвѣ, напримѣръ, вся руда, въ количествѣ 350,000 пуд., доставляется не сюда, а далеко, въ Чермозъ, гдѣ населеніе гуще и потому нѣтъ недостатка въ рукахъ. Напротивъ, тамъ зачастую является даже избытокъ и тогда его направляютъ сюда, въ Лазаревскую Сибирь. Собственно кизельскій заводъ перерабатываетъ 375,000 пуд. руды въ чугуны и разныя издѣлія. Дѣятельность его все растетъ и растетъ. Такъ, напримѣръ, въ 1873 году здѣсь было выплавлено болванки и приготовлено листового желѣза 56.0000 пуд., въ 1874 г. — 93,000 пуд., въ 1875 г. — 146.000 пуд., а въ 1876 г. — 200,000 пуд. Такимъ образомъ, среди общаго оскудѣнія пермской заводской дѣятельности, кизеловская, въ какихъ нибудь четыре года, выросла почти вчетверо.

Самая руда, на мѣстѣ ея добыванія, обходится Лазаревымъ очень дешево: съ постройкою новыхъ шахтъ, не дороже трехъ копѣекъ съ пуда. Гораздо больше расхода требуетъ ея перевозъ. За всѣ послѣдніе годы онъ не падалъ ниже десяти копѣекъ съ пуда, считая тутъ и караванные и накладные. Такимъ образомъ, переплавъ здѣшней руды въ Чермозѣ не такъ выгоденъ, какъ въ самомъ Кизелѣ. Поэтому, уже при мнѣ, Новокрещеныхъ, управляющій всѣми дачами Абамеликъ-Лазаревыхъ по Камѣ, Косвѣ и Кизелу, подумывалъ перевести сюда изъ Чермоза домну. Стоящая громадныхъ расходовъ постановка доменной печи здѣсь, несомнѣнно, окупится изъ остатковъ отъ расходуемыхъ нынѣ денегъ на перевозъ руды. Даже разработка угля въ этой мѣстности можетъ дать громадный барышъ, при условіи удешевить его. Кизеловская дача даже богаче углемъ, чѣмъ Лунья, о которой я слышалъ еще на Волгѣ. Сюда прошли залежи изъ Всеволожской дачи и на

Коршуновскомъ (Лазаревскомъ) заводѣ при мнѣ добывалось уже до 900,000 пуд. Можно было бы и болѣе, но, по мѣстнымъ потребностямъ, и этого оказывалось достаточно. Нужно прибавить, что точныхъ развѣдокъ при этомъ здѣсь еще не сдѣлано, а открыта только разработка залежи отъ стараго рудника и изслѣдовано небольшое пространство, запасы котораго исчислены въ 60,000,000 пуд. Уже эти цифры, на первый разъ, даютъ нѣкоторое понятие о значеніи Кизеловскаго завода, отъ котораго мы и начинаемъ наши очерки настоящаго Урала. Изъ болѣе подробныхъ свѣдѣній, въ слѣдующихъ главахъ, еще яснѣе будетъ читателю громадное богатство прикамскихъ заходистій, которыми мы вовсе не умѣли воспользоваться. Напротивъ, отсутствіе энергій, знаній и разумной широты замысла, хищническое истребленіе лѣсовъ и безсмысленныя траты сокровищъ, накопленныхъ скопидомными отцами, цѣною крови и пота рабочихъ, низвели этотъ край, коегдѣ, до экономическаго минимума. Теперь эксплуатировать его богатства явились французскія компаніи. Кто виноватъ въ этомъ? Говорятъ, отсутствіе капиталовъ. Но они, эти злосчастные капиталы были; жаль только, что они попали въ дурацкія руки, которыя съумѣли въ какія нибудь двадцать лѣтъ раскидать ихъ на игру, развратъ и кутежи, на хамство и пьяныя оргіи, гдѣ даже не было утонченнаго цинизма, а только одинъ смрадъ и грязь. Они, эти злосчастные капиталы, сплошь брошены въ жадныя пасти интернаціональныхъ публичныхъ женщинъ, оставлены на столахъ рулетокъ. Теперь обнищавшіе владѣльцы ихъ помышляютъ о спасеніи отечества, не умѣвъ спасти своихъ собственныхъ вотчинъ. Хороши спасители! Пьяницы и блудники!.. Такъ ушло пермское богатство, и теперь володѣть нами являются туда иностранцы. Что-жъ — въ добрый

часъ! Высосавъ наши соки и разбогатѣвъ на остаткахъ добраго стараго времени, они покажутъ намъ гдѣ раки зимуютъ и, можетъ быть, научатъ кое-кого. Рабочему все-таки будетъ легче. Теперь онъ бѣжитъ съ голодныхъ заводовъ. Есть мѣста, гдѣ ему не къ чему рукъ приложить, а тогда его поставятъ къ дѣлу и не дадутъ хотя умереть отъ безкормицы. Все, что мы говоримъ, не относится къ заводамъ Абамеликъ-Лазаревыхъ. Тутъ дѣло поставлено прочно и развивается широко.

Удивительно красивы окрестности завода, особенно по теченію рѣки Полуденный Кизель.

Вся она цѣнится по камнямъ, точно ласкаясь къ правому высокому берегу, гремитъ и злится не хуже большой рѣки. Миниатюрная, перешагнуть, кажется, можно; а тоже острова вездѣ, точно клочки зеленого бархата подъ солнцемъ. На островкахъ, то тонкая стрѣлка ели, вся на свѣту, черная, то кусты шиповника, осыпанные сплошь алыми цвѣтами, то весь островокъ — верхушка утеса, взрѣзавшаго рѣку, которая напрасно бѣсится и злится, стараясь закинуть на него свои бѣлыя, вспѣнвшіяся отъ безсильнаго гнѣва струйки. Полуденный Кизель извивается очень прихотливо: то гору обойдетъ, подрываясь подъ ея крутые скаты, то нѣсколькими ярко-серебряными нитями разольется по мягкому зеленому лугу, то разбѣжится надвое, образуя островъ, сплошь покрытый издали, точно бѣлымъ пухомъ. Подойдешь ближе и видишь, что тутъ, по сосѣдству, въ нерушимомъ мирѣ и согласіи живутъ чайки и лебеди, заглушающіе говоръ рѣчныхъ струй своими рѣзкими, ни съ чѣмъ несравнимаемыми криками. Грянетъ откуда нибудь въ лѣсу выстрѣлъ, и чайки подымутся бѣлымъ облакомъ вверхъ, уносясь серебряными искрами въ голубыя выси. Только лебеди остаются спокойными, будто

знають, что народъ окружилъ ихъ суевѣріемъ, что они приносятъ ему счастье и вѣдро, что съ ними уходитъ и заработокъ и урожаѣ. Полуденный Кизель издадека бѣжитъ сюда: изъ безлюдныхъ, пустынныхъ лѣсовъ, изъ ущелій, скаты которыхъ не попирала еще нога промышленника. Обогнувъ кизеловскій рудникъ, рѣка сливается здѣсь съ своимъ старшимъ братомъ, рѣкой Кизеломъ, и вмѣстѣ впадаютъ они въ красивую Косьву. Я даже на Уралѣ мало видѣлъ мѣстностей лучше этой, гдѣ, на небольшомъ пространствѣ, идиллическая прелесть бархатныхъ луговъ соединяется съ суровымъ величіемъ горныхъ вершинъ. Съ одной такой посмотришь внизъ — и вся эта рѣчушка какъ на ладони, съ своими извилинами, поэтическими островками, плесами, гдѣ полощутся молодая утки, гдѣ черные выводки гагаръ спокойно плаваютъ себѣ по отдыхающимъ, точно послѣ безшабашной бѣготни, водамъ. Вонъ лѣсная гора перегородила рѣчку; но изъ-за горы, смотришь, выбѣгаетъ она еще шаловливѣе, еще свободнѣе и громче. Вонъ, далеко-далеко, рудничныя деревушки точно со всѣхъ сторонъ сбѣжались къ ней и, весело скользя мимо, Полуденный Кизель какъ будто кричитъ имъ во все свое серебряное горло: «ну-ко, кто за мной, въ перегонку!» На югъ — Старый Кизель видѣнъ, весь перерытый терасами и шахтами, давно брошенный. Точно склепы тамъ вырыты въ сѣрыхъ скалахъ, и громадные сѣверные орлы одни прячутся въ ихъ темныя зѣвы. Оттуда зорко сторожатъ старыя хищники всякую мелкую пташку, что стремится къ Полуденному Кизелу изъ зеленыхъ облаковъ обступившаго его лѣса.

— Эко мѣста какія дивныя! замѣтилъ я старику, сидѣвшему на выступѣ большой сѣрой скалы.

— Истинно дивное! Господь слугамъ своимъ уготоваль

оное, а ихъ мерзостная корысть забрала. Тутъ бы обителямъ красоваться.

— Почему же обителямъ?

— Мѣста самыя молитвенныя... Сидишь-сидишь, смотришь-смотришь — и такъ тепло тебѣ станетъ. Изъ груди вопль радостный. Слеза сама на глаза просится. Господи, подумаешь, сколь велико твореніе твое!

— Мнѣ кажется и работать здѣсь тоже веселѣй должно быть?

— Для работы другое нужно. Работа наша непосильная. Она избличенію начало, зависти всякой источникъ. Съ работы-то другая молитва бываетъ. «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его» — вотъ какая она. Врази-то кто? Надсмотрщики, начальство, которое жесткое, безкормица. Вотъ они, врази! Ну а тутъ по пустынь этой со всѣмъ иное въ голову идетъ. Тутъ миръ тебѣ и благоволеніе всякое. И въ рѣкѣ благоволеніе, и въ травкѣ благоволеніе. Много здѣсь угадать можешь, если въ тебѣ душа настоящая есть. Тутъ небеса-то благостныя какія! Какъ одинъ сидишь, слушаешь: день — слушаешь и вечеръ — слушаешь — и почудится тебѣ, что и горы эти, и луга, и лѣса наши темные — всѣ они на молитвѣ стоятъ пристойно; только рѣчушка веселая. Она тихо молиться не можетъ, а какъ псалмопѣвецъ Давидъ, «скакаше и играше!» Такая ужъ она у насъ... Игрунья! Молодая рѣка.

— И лебедь молится, прибавилъ онъ, немного помолчавъ. — Ты видаль ли когда?

— Нѣтъ.

— А ты посмотри. Тутъ главная причина — смотрѣть надо, и тогда все откроется тебѣ. По зарямъ, утромъ — какъ солнце всходитъ, вечеромъ — какъ за горы прячется, лебедь это остановится посреди воды долго-долго. А по-

томъ вытянетъ шею вверхъ и по своему «Господи помилуй!» кричить. Чтобы слушало его все сущее... громко. Вотъ онъ какой лебедь! Птица, а инога человѣка умнѣй.

— Ты, дѣдушка, давно ж здѣсь?

— А я, какъ бы тебѣ не соврать, восьмой десятокъ доживаю на семь мѣстѣ. И родился тутъ, и выросъ. Молодой-то рѣдко свѣтомъ Божьимъ любовался. Въ рудникѣ, какъ червякъ, во тьмѣ все, бывало, копаюсь. Ну а теперь, слава тебѣ Господи! Глаза только вотъ...

— Плохи?

— Да. По близности вижу, а вотъ гору-то — гора тамъ должна быть — не могу. Ну да что-жь! Пока травку малую какую разсмотрѣть могу, и то ладно, потому и травка малая тоже свидѣтельствуетъ славу Его.

— Не для каждаго.

— Что говорить, милый! Много званыхъ, мало избранныхъ, это точно. Народъ нонѣче не проникаетъ. Мы темнѣй его были, рѣдкій кто грамотѣ умѣлъ, а только намъ и самая глыбъ сокровенная иной разъ открывалась. Потому мы со смиреніемъ. А нонѣ... нонѣ вонъ въ Кизелѣ народъ газету читаетъ; ну точно что умнѣе сталъ. И говорить не по нашему, и думаетъ по чужому. Въ обиду тоже не сразу-то дается. А только у меня вонъ сердце, что цвѣтокъ, солнцу такъ и раскрывается. А у нихъ — нѣтъ. Умомъ-то они вознеслись, а сердцемъ оскорбѣли.

XIX.

Артемьевскій рудникъ.

Столь же ужасная дорога, что и въ Кизель, идетъ отсюда въ Артемьевскій рудникъ. И тоже самое утѣшеніе — прелестныя окрестности, оригинальныя, нигдѣ не повторяющіяся картины великаго художника — природы. Направо — въ безконечную даль уходящія лѣсныя пустыни; взглядъ разсѣянно скользитъ по зеленымъ вершинамъ могучаго царства, еще нетронутаго пока топоромъ и, къ счастью, уцѣлѣвшаго отъ пожара. Рѣдко-рѣдко только встрѣтишь дерево, сваленное грозою или спаленное молніею, но и этихъ мертвецовъ спѣшитъ со всѣхъ сторонъ точно похоронить поскорѣе густая поросль. Ихъ и не различишь, если не углубишься въ этотъ прохладный сумракъ, гдѣ только вѣтви колышутся вамъ на встрѣчу, да птицы въ чащѣ привѣтствуютъ человѣка, еще не зная въ немъ злѣйшаго врага излюбленному ими лѣсному царству. Оно еще виднѣе — густое, веселое, полное поэтической лѣни и красивыхъ колеблющихся тѣней, — когда дорога взбѣгаетъ на карнизъ горы. Цѣлое море лѣсныхъ вершинъ подо

мною, а налѣво — крутизна горы, тоже покрытая лѣсомъ. Ни одного жилья кругомъ; даже дымокъ не вѣтся изъ этой дремлющей чащи, значить и въ ней самой не слышится пѣсни, не звучить людская молвь. Дорога ползеть все выше и выше, перекидывается черезъ макушку горы и глубоко внизу, на днѣ котловины, раскидывается подъ нами Артемьевскій рудникъ. Серебряный крестъ часовни вырѣзывается въ зелени обступившихъ ее деревъ; рядомъ бѣлая колоколенка. Церкви нѣтъ. Темносѣрыя избы кажутся еще болѣе жалкими, сравнительно съ величавымъ лѣсомъ. Они жмутся къ нему, точно у него просятъ защиты. Сурово смотрятъ на нихъ темные скаты горъ, но вершинамъ которыхъ уже горитъ прощальное сіяніе умирающаго дня, охватывая своимъ золотистымъ отбескомъ стройныя пихты. Вонъ двѣ вышки шахтъ и громадный обрывъ, въ которомъ зіяютъ черныя пасти пещеръ, вырытыхъ руками рабочихъ. Въ этихъ искусственныхъ горахъ ломаютъ руду.

— Въ шахты-то, которыя у насъ поглубже, пройти нельзя.

— Почему?

— Вода! Что подѣлаешь, сплошь залила ихъ внизу. Вотъ займемся отливкою! А работы начнемъ съ осени; закамскіе крестьяне придутъ, тогда и копать станемъ.

Не веселъ этотъ желѣзистый, бурый колоритъ, который лежитъ здѣсь на всемъ. Отсвѣтъ его видѣнъ даже на сѣрыхъ лицахъ у людей, выглядывающихъ почему-то очень болѣзненно. Кажется, что все пропитано рудою, и стѣны этихъ жалкихъ избъ, и преждевременно поблекшія вышки шахтъ, и самая трава, гдѣ она рѣшается пробиться сквозь руду или пустить въ нее свои слабые и чахлые корни. Тамъ, гдѣ дно котловины углубляется уступомъ, на самой

поверхности много черныхъ ямокъ. Оказывается, что тутъ работаютъ бабы, тогда какъ внутри, въ шахтахъ и пещерахъ, копаются мужчины. Около одного изъ овраговъ громадная скала чистой руды.

— Царь-камень у насъ! хлопаеть по скалѣ старый оборванный рабочій.

— Да, тутъ тысячъ на четыреста руды сидить! замѣчаетъ управляющій. — Бережемъ его на случай.

— Стбить-то дорого, а не унесешь; подъ мышки-то его да вонъ, нельзя!

— А тебѣ бы, Степанъ, чудесно! Взялъ, да въ кабакъ.

— Что говорить, первый сортъ! За этотъ камень и господскимъ виномъ по самую свою смерть пьянъ будешь!

Вокругъ ямокъ и пещеръ насыпаны цѣлыя горы изъ простой земли. Рыхлыя. Кое-какія травую подернуло.

— Пустая работа была здѣсь. Дорывались до руды, да не нашли.

— Не далась! Она какъ еще дастся кому.

— Коли роешь, не любить она которые неподобныя слова говорятъ. Сейчасъ въ глыбъ уйдетъ. Ну а кто не сквернить языкомъ, тому — получай!

Сто лѣтъ уже разрабатываютъ руду въ артемьевской котловинѣ. На поверхности земли трудъ — игрушка, «для ребятишекъ»; за то внутри — каторжный. Изморомъ занимается онъ тѣхъ, кого гонить сюда нужда непосильная. Среди этихъ красно-бурыхъ массъ кажется рудокопу, что схоронили его глубоко подъ землю, что ему никогда и не выйти изъ нея, никогда не видать дневнаго свѣта. Блуждающій лучъ ручной лампочки освѣщаетъ только небольшое пространство передъ нимъ, чаще неровную стѣну, по которой сочатся подземные ключи. Новичку особенно жутко. Къ вечеру перваго дня работы онъ на-

чинаетъ ожесточенно бить кайломъ (инструментъ полегче кирки) въ рудяную массу, точно отъ этого зависитъ возможность вырваться на волю изъ этой тяжелой тьмы. На другихъ мракъ и подавляющее однообразіе рудника съ желѣзистыми изломами и сѣровато-металлическими пятнами, выступающими подъ тусклымъ мерцаніемъ лампочки, дѣйствуютъ притупляющимъ образомъ. Мысль замираетъ, чувство страха молчитъ, только руки живой машины работаютъ, врываясь все глубже и глубже въ эту громадную могилу. Лампа едва-едва открываетъ свой уже потухающій глазъ, точно она пугается окружающихъ ее громадъ земли и камня, точно ей хочется заснуть и не просыпаться въ этомъ суровомъ царствѣ, гдѣ невидимо рождаются въ вѣчной тьмѣ подземные источники и цѣлые милліоны лѣтъ умные гномы хранятъ и умножаютъ свои безчисленныя сокровища.

— Вонъ у насъ штольни. Тутъ у насъ ломаютъ руду и укладываютъ въ тачки, и на нихъ уже свозятъ въ сарай.

Мы вошли въ екатерининскую штольню. Масса охры кругомъ. Въ охрѣ этой весь вымазался и копается добродушный мужикъ, улыбаясь намъ, когда мы къ нему подходимъ.

— Богъ въ помощь!

— Богъ-то отъ насъ остутился. Потому съ этою рудою мы совсѣмъ какъ черти стали. Чертей-то въ церквяхъ краше рисуютъ. Вишь я какой! Надьсь дѣвонька моя набѣжала. Семилѣтокъ. «Тятка, говоритъ, — мнѣ тебя страшно, какой ты...» — Чего же страшнаго? спрашиваю. — «Ты меня съѣшь!» Такъ и не пошла, запужалась. Свѣту мало, да и дышать неспособно. Тутъ у насъ воздухъ вострый. Вею грудь разѣѣсть. Потомъ-то, какъ выйдешь наверхъ, дышешь-дышешь!

— Тутъ какое дѣло было: бабѣ сюда работать не пускаютъ, такъ одна изъ Закамья пришла. Дѣвка мужикомъ вырядилась, да все лѣто такъ и проработала, такъ за мужика и плату получала. Случаемъ и открылось, а то бы никто и не узналъ. Два парня изъ-за нее въ шахтѣ поссорились, да кайломъ одинъ другаго въ високъ угодилъ. Чуть не убилъ, а здорово только поранилъ. Они въ землѣ-то не только работали, а и слюбиться успѣли. Парни-то изъ одного села съ нею, ну и знали ее, только уговорились, чтобы молчать.

Представляю себѣ эту любовь въ могилѣ, подъ массами земли и руды, нависшей сверху, подъ стукъ кайлъ, выбивающихъ горныя породы, подъ тихое журчаніе ручьевъ, сочащихся сквозь стѣны шахты.

— Отъ этой воды бѣда намъ. Зимой особенно. Гдѣ она не замерзаетъ... дойметъ!

— Одинъ, тутъ у насъ былъ, тоже въ рудникѣ копался, пѣсни свои пѣлъ; самъ ихъ выдумаетъ и поетъ. Такъ онъ эти ручьи слезами звалъ. «Это, говоритъ, — мать-сыра земля по насъ плачетъ. Томимся на работѣ непосильной, голодуемъ, холодуемъ, она, сердечная, и жалится. За насъ ей больно. Слезы и точитъ она... изъ себя значить».

Мы прошли мимо Деляновской шахты. Она залита теперь водою; глубина ея сто сорокъ семь футовъ. Рядомъ, такъ называемый, Тагильскій шурфъ.

— Сюда спуститься можно. Онъ неглубокъ, положимъ, да сухъ зато. Разумѣется, сравнительно. Совсѣмъ сухихъ тутъ вовсе нѣтъ.

На меня надѣли рабочій кожанъ, шапчонку дали обвалявшуюся. Черная дыра внизъ. Поползъ по одной лѣстницѣ; сквозь какое-то отверстіе проскочилъ на вторую.

На ступенькахъ массы вязкой глины. Съ боковъ течеть. Какая-то струйка воды съ жалобнымъ стономъ пробивается въ скважину черного камня. Входъ въ шахту вверху чуть-чуть сѣрѣеть. Точно въ могилу спускаешься, такъ и кажется завалять тебя вверху камнями и останешься ты тутъ гнить на вѣки вѣчные. Внизу тьма, тяжелая, пропитанная испареніями глубоко раненой здѣсь земли, запахомъ желѣза, влажнымъ паромъ ручьевъ, струящихся гдѣ то далеко-далеко подъ этими глыбами. Свѣчи начали тухнуть, точно имъ стало страшно этого мрака, соперничать съ которымъ у нихъ не хватило бы силъ. Тутъ уже нельзя было идти, ползти пришлось. Ползли-ползли, какъ черви въ орѣхѣ, и, наконецъ, выползли. Бревенчатая кладка кончилась. Черный, адскій гротъ. Тутъ работаютъ съ лучинами. Слышенъ торопливый стукъ кирокъ. Видны огоньки тусклые, точно окутанные душнымъ паромъ. Черные изломы камня, раковины желѣзной породы будто слезятся при этомъ свѣтѣ. Направо и налѣво — такіе же, словно проточенные червями, ходы, какимъ и мы добрались сюда. Сквозь эти жилы слышится глухой говоръ такихъ же кирокъ. Порою подъ желѣзными ломами, трескаясь, раскалывается горная порода. Изъ другихъ штолень доносится тягучее, какъ колокольный ударъ, громыханье. Точно земля простонетъ и смолкнетъ. Рвутъ пороховыя мины. Вмѣстѣ съ звукомъ разрыва что-то шуршитъ. Отдѣленная отъ родныхъ скалъ руда падаетъ и ударяется о стѣны подземныхъ гротовъ.

— Отчего же здѣсь вотъ руду не собираютъ?

— Въ этой штольнѣ не тѣмъ заняты. Тутъ, что вы видите, пробивается ходъ въ другой рудникъ для вентиляции. А то у насъ чуть было не задохнулись рабочіе. У насъ одинъ рудникъ соединяется съ другими такими же

точно жилами, по какой мы добрались сюда. Такъ всю глубь пронизали. Дышется легче и огонь лучше торить.

— Велики ли здѣсь залежи?

— Да у насъ до самаго Кизеловскаго завода тянется. А дальше мы не изслѣдовали. Всѣхъ шахтъ у насъ здѣсь восемь большихъ и двѣ малыхъ. Паровыя машины устроены въ трехъ шахтахъ для подъема бадей и выкачки воды. Топимъ мы машины каменно-угольнымъ мусоромъ. Для пара это чудесно. А самый каменный уголь у насъ — въ Коршуновскихъ копяхъ увидите — идетъ на заводы. По всему округу тутъ только у Лазаревыхъ и жгутъ его. У другихъ на дровахъ, а мы лѣсъ жалѣемъ.

Вмѣстѣ съ нами выползъ изъ рудника одинъ изъ рабочихъ. Бросилъ кирку о-земь и часто-часто задышалъ. Жадно осматривается кругомъ, на заходящее солнце, на зеленыя горы, обступившія издали эту котловину. Вонъ, внизу, къ берегу Малаго Кизила сбѣжались избы какой-то деревушки, и онъ бросилъ почти влюбленный взглядъ на гремучую рѣчку, на золотую кайму, вспыхивавшую по гребнямъ далекаго чернолѣся.

— Въ лѣсъ бы теперь чудесно! обернулся онъ ко мнѣ. — Легъ бы въ траву и лежалъ до самой до ночи. Все бы смотрѣлъ. Я это, какъ праздникъ, сейчасъ туда. Чудесно!

— Что-жъ хорошаго?

— А надъ тобою верхушки-то переплетутся и всякая подъ вѣтромъ свой разговоръ ведетъ. Важно такъ, словно старики. А ты лежишь и не трогаешься. Мошкара тебя не боится, надъ тобою цѣлымъ роємъ. Точно свадьбу править, звономъ звѣнитъ. Всякая животная мелкая съ листа на листь ползетъ и все ты видишь. Птицы теперь пѣсни заводутъ. Вверху, въ воздухѣ, чиркаютъ съ вѣтки на вѣтку.

Какъ смеркнетъ, такъ и уходить не хочется. Все бы лежалъ. Мы за недѣлю-то въ рудникѣ какъ натомимся, такъ намъ это, что во храмѣ Божиємъ.

— Да, ваша работа трудная.

— Нѣтъ труднѣй. Потому безъ свѣту, лучина одна горитъ тебѣ. И сама-то она слѣпая, и ты точно слѣпой. Ничего не увидишь дальше своей руки. Иной разъ бываетъ, обвалится руда-то, такъ и погибъ ты, словно червь какой. Хорошо еще если вырыть можно, ну хоть похоронять на бережку, рѣка будетъ шумѣть около; а то такъ и останешься подъ рудою-то. На этомъ заводѣ такихъ дѣловъ не бывало, ну а на другихъ сколько угодно. У меня братанъ былъ, такъ его завалило. Ихъ всѣхъ тридцать двѣ души сгнило, такъ и не отыскали. И въ рудникъ тотъ боязно спущаться. А все отъ начальства.

— Почему?

На лѣсъ скупость пошла. Изъ бревенъ бы вверху скрѣпы поставить — ничего бы не было; такъ вѣдь бревенъ жалъ! Души человѣческой не жалъ. Такъ на томъ заводѣ мы эту шахту проклятой и звали. Ну а тутъ, на Лазаревскихъ заводахъ, грѣхъ похаять. Тутъ хорошо. Народъ не обижаютъ. А только нѣтъ нашей работы труднѣй. Дроворубъ, что на всю зиму въ лѣсъ уходить, съ волками, да звѣрьми лютыми живетъ, — все счастливѣе. Онъ хоть свѣтъ видитъ, живой между живыми ходить. Небо надъ нимъ, свѣту кругомъ сколько хошь. А у насъ только руда одна, да камень. А камень иной разъ непокорный попадетъ. Долбишь его долбишь, а онъ все несогласенъ. Въ потъ вдарить, изморишься, кирка изъ рукъ выпадаетъ и самъ ты вмѣстѣ съ нею о-земь вдарись. Кажется, каждая косточка въ тебѣ болитъ. Лучина потухнетъ и лежишь ты въ темнотѣ. Думаешь: «Господи, въ аду хуже ли будетъ?» Такъ я

тебѣ скажу: какой хоть злой человѣкъ, а внизу, подъ землею, совѣсть узнаеть. Потому — нельзя. Такъ промежду собою мы думаемъ: кто руду не копалъ, тотъ Бога не зналъ, а руду покопаешь и Бога узнаешь... взмолишься!

— А вонъ, рассказываютъ, изъ-за какой-то бабы въ рудникѣ чуть убійства не было.

— Бабы не въ счетъ. Изъ-за нихъ, изъ-за подлыхъ, и въ раю ежели какой ни на есть ангелъ праведный и тотъ согрѣшитъ. И еще какъ легко. Съ полнымъ удовольствіемъ!.. Первый разъ, какъ я спустился въ рудникъ, какъ затрясло меня... Думалъ — тутъ моя смерть. И всякая душа, въ шахтѣ-то, ласковѣй становится. Тутъ одному нашему работнику поснѣдать рабеночекъ носилъ. Въ глыбѣ къ намъ спускался. Такъ не было того человѣка, чтобъ не погладилъ рабеночка. Васютко, подъ сюда. Васютко, глупый ты! Кажи-ко, какіе у тебя глаза... Со всѣхъ сторонъ... А наверху, на землѣ, до Васютки и дѣла нѣтъ. Хошь онъ тутъ подъ ноги ползи, никто ему слова не скажетъ.

Между рудокопами и преступленія рѣже. Этотъ народъ душевный и совѣстливый. Внизу, подъ землею, во время работы не поется; какая тутъ пѣсня; поневолѣ станешь думать обо всемъ. Во тьмѣ кстати и сердце говоритъ громче, и правда душѣ слышнѣе. На каждомъ шагу чудится — смерть сторожить. Готовишься къ ней, все прошлое, пережитое проходитъ передъ глазами. На Уралѣ мнѣ рассказывали не одинъ случай, какъ незаподозрѣнные никѣмъ убійцы являлись къ властямъ съ повинною. Оказывалось, что въ душномъ мракѣ глубокихъ шахтъ имъ отовсюду чудились лица ихъ жертвъ, искаженные, сохранившія тоже выраженіе, съ которымъ преступники оставляли ихъ. Въ глубокой тишинѣ подземнаго царства, наступавшей тогда,

когда усталые рабочіе опускали свои кирки, беспокойной совѣсти чудились укоряющіе крики, стоны, вопли о пощадѣ, разъ засѣвшіе въ ухѣ и съ тѣхъ поръ не забывавшіеся. Вода, сочащаяся сквозь руду, богатая содержаніемъ желѣзистыхъ частицъ, и потому красная, кровью брызгала имъ на руки, и въ слѣпомъ страхѣ несчастные бѣжали оттуда прочь, наверхъ, на свѣтъ Божій, боясь, что вотъ-вотъ невѣдомая сила сдвинетъ съ гранитныхъ стержней эти тяжелыя массы и онѣ погребутъ подъ собою нераскаившагося, непрощеннаго грѣшника. Въ тѣ же рудники, только сибирскіе, шли они по приговорамъ судовъ, но уже примиренные. Начиналось искупленіе, совѣсть смолкала, молитва становилась доступнѣе.

— Начальству! И какой-то оборванный, совѣмъ пѣгій мужичонко давай раскланиваться передъ моими спутниками.

— А ты, Федосѣевъ, опять пьянь? удивился управляющій.

— Пьянь. Живъ Богъ, жива душа моя! А я пьянь. И не боюсь... Начальству почтеніе — и покоенъ.

— Работу бросилъ?

— Бросилъ, потому я горькій человѣкъ. И ничего со мною не подѣлаешь! Штрахву возьмишь — это точно, а больше ничего. Я пьяный когда — умный...

— Чѣмъ же это?

— Свою струну держу. Козловъ меня обругалъ, тверзый долженъ я ударить его по скулѣ? Какъ по твоему, долженъ?

— Ну, ну дальше!

— А я ему ходъ далъ. Онъ меня облаялъ, а я ему замѣсто скулы поклонъ. Вотъ я какъ! И всѣ меня за это уважать должны.

— Съ чего ты только пьешь?

— Съ темноты. Потому мы во тѣмѣ этой. Кромѣшная тѣма! Оттого и пью. Выпью я это малость, а у меня душа свѣтла, во какъ свѣтла! Небо свѣтлое, а у меня душа свѣтлѣе.

— Вона!

— Вѣрно тебѣ говорю, потому дурныхъ помышленіевъ у меня нѣтъ.

— А ты помнишь, какъ въ прошлый разъ забунтовалъ!

— Ужь и бунтъ! Развѣ это бунтъ? Всего моего и бунта было, что на тридцать копѣекъ.

Такимъ образомъ идилліи былъ положенъ конецъ и Федосѣевъ вернулъ насъ къ дѣйствительности.

— Ну что, матушка, какъ дѣла? остановился одинъ изъ моихъ спутниковъ передъ бабою, копавшею руду на поверхности земли. Баба была здоровая, лицо веселое. Съдые волосы какъ-то не ладились съ румяными щеками. Рядомъ маленькій пузырь тоже таскалъ землю въ рубашенкѣ, воображая, что и онъ тоже дѣлаетъ большое и серьезное дѣло.

— Небаско, Ляксѣй Ѳомичъ. Самъ знаешь, семья у меня.

— А ты духу не теряй!

— Зачѣмъ терять! Теперь, коли мнѣ духу своего рѣшиться, должны всѣ мои ребятишки помирать тогда.

— Вотъ баба-молодецъ! Умеръ мужъ, оставилъ ей шестерыхъ дѣтей, — работаетъ, рукъ не складывая.

— Тутъ умеръ мужъ?

— Нѣтъ. На Чусовой у нихъ барку разбило. Такъ и пропала безъ вѣсти. Даже и тѣла не нашли. Посѣдѣла баба. Впрочемъ, только дня три и убивалась, а потомъ пришла на работу и съ тѣхъ поръ рукъ не складываетъ. Сынокъ-то тебѣ помогаетъ?

— Тимошка у меня работничекъ. Онъ за себя постоить.

Тимошка заработалъ еще серьезнѣе, даже щеки напыжилъ, заgreбая куда негодную землю побольше.

Когда мы возвращались отсюда, весь путь передъ нами занялъ караванъ съ рудою. Кони едва вытягивали тяжелый грузъ, а тутъ дорога еще увеличивала тяжесть телѣгъ. Казалось, что нарочно нельзя создать чего-либо подобнаго. Острые камни взрѣзывали почву; кое-гдѣ валялись цѣлыя груды шлаковъ, въ которые колеса нашего экипажа погружались съ рѣзкимъ и неприятнымъ звукомъ, точно они давили стекло. По пути мы обогнали большую партію рабочихъ.

— Куда вы, братцы? спросилъ ихъ мой спутникъ.

— Въ Луньву.

— Да вы не здѣшніе?

— Не. Мы дальніе, желѣзнодорожные.

— А! То-то я не призналъ васъ. На работу?

— Да. Паль Ефимыча знаете? Ну вотъ къ нему. Давно идемъ по вашей сторонѣ.

— Что-жъ вамъ нравится?

— Чего хорошаго? Дикая Азія — больше ничего. Тутъ тебѣ гора, а тамъ — другая. Логъ ежели — глыбкій, не осилишь. Круто тоже. Коли бы ровно было — чудесно!

— А сами-то вы откуда?

— Съ разныхъ мѣстовъ. Мы постоянно у Петра Іоныча. Когда и нѣтъ работы, всеравно получаемъ. А когда есть — насъ и гонютъ. А только у васъ тутъ работа будетъ ахъ трудная! Потому мѣсто неспособное, несуразное.

— Точно въ сказкахъ, прибавилъ другой.

И партія осталась далеко за нами.

XX.

Д о м н а .

Людымъ, непосвященнымъ въ таинства горнаго и литейнаго дѣла, Домна, разумѣется, представляется какою-нибудь рослою и толстою деревенскою красавицею, на которую почему бы то ни было туристъ захотѣлъ обратить вниманіе своего читателя. Но, увы! послѣдніе должны разочароваться. Домна, пожалуй, и громаднa, и толста, и по своему красива, хоть и грязна до невозможности. Она обладаетъ удивительною пастью, поглощающею сотни пудовъ руды и десятки сажень дровъ, и желудкомъ, переваривающимъ эту руду въ чугуны. Мы говоримъ о доменной печи, которую вездѣ сокращенно называютъ просто домной.

Руду, добытую рассказаннымъ нами способомъ въ Артемьевскомъ, Христофоровскомъ и Кизеловскомъ рудникахъ въ видѣ однообразной, бурой массы съ рѣдкими желтыми пятнами охры, доставляютъ на заводъ. Тутъ ее въ ящикахъ, двигающихся по рельсамъ на тормазлахъ, спускаютъ въ печи близъ домны. До плавки въ этихъ печахъ, руду промываютъ; она теряетъ нѣкоторыя составныя ча-

сти свои, совершенно ненужныя, и краснѣтъ отъ жару, дѣлаясь въ то-же время болѣе рыхлою. Въ этомъ видѣ ее выгребають на площадки, гдѣ и разбивають въ куски, не болѣе грецкаго орѣха каждый, послѣ чего руда уже считается достаточно подготовленною для плавки. Прежде чѣмъ попасть въ доменную печь, руда попадаетъ на вѣсы и разбавляется древеснымъ углемъ, такъ, чтобы на каждые девять кубическихъ аршинъ его приходилось отъ 40 до 55 пудовъ руды. Къ этой смѣси примѣшивается еще до 15% флюсовъ, т. е. известковыхъ камней, уже раздробленныхъ. Уголь при этомъ долженъ быть какъ можно крупнѣе. Когда составъ такимъ образомъ для плавки готовъ, доменная печь открываетъ свою пасть. Домна строится обыкновенно высотой — въ хорошій трехъ-этажный домъ. Пасть у нея наверху. Когда рабочіе съ составомъ для плавки подходятъ къ ней, оттуда уже пышетъ жадный огонь, освѣщающій темноту сарая, построеннаго надъ нею. На непривыкшаго человѣка, какъ напримѣръ на меня, это производило довольно сильное впечатлѣніе. Что-то адское было въ этихъ взрывахъ краснаго пламени, въ этомъ хлопотѣ руды въ нѣдрахъ громадной печи, въ этомъ громадномъ кругломъ зѣвѣ домны, жадно раскрытомъ въ ожиданіи своей обычной добычи. Наверху черныя, окуренные дымомъ и покрытыя сажею балки кровли, рѣдкіе просвѣты въ ней, сквозь которые день не рѣшался заглядывать въ таинственную глубину, окутанную мракомъ и озарявшуюся только краснымъ пламенемъ домны, почти голые рабочіе, сновавшіе на яркомъ фонѣ этого пламени черными силуэтами и опять исчезающіе во тьмѣ, — все это настраивало извѣстнымъ образомъ, заставляло забывать, что передъ тобою извѣстное механическое производство. Воскресали преданія о древнихъ таинствахъ языческаго культа и каза-

лось, что передъ глазами громаднѣйшій алтарь, на которомъ въ огнѣ и дыму невѣдомое чудовищное божество пожираетъ сотни и тысячи жертвъ, ему приносимыхъ. Всклоченные и полунагіе жрецы благоговѣнно служатъ ему и непонятнѣйшій оглушительный шумъ наполняетъ этотъ первобытнѣйшій храмъ своими подавляющими звуками. Когда вдуваешься во все, что происходитъ здѣсь, то сарай и доменные печи въ дѣйствительности представляются храмомъ, въ которомъ совершается чудное таинство претворенія никуда негодной горной породы въ металлъ. Добро или пользу принесетъ это человѣчеству?.. Выйдетъ ли изъ него плугъ, глубоко врѣзывающій плодоносную борозду, или мечъ, отъ котораго будутъ гибнуть люди?.. Обольется ли оно трудывымъ потомъ, или на немъ ржавыми пятнами почернѣетъ кровь?.. Какъ знать, глядя на беременную женщину — величайшаго злодѣя или героя и труженика она носитъ въ себѣ?..

— Жарко! оборачивается одинъ изъ рабочихъ, котораго совсѣмъ поджарило пламя, взрывающееся вверхъ изъ домны.

— Не приведи Господи!.. Бросился къ водѣ, жадно припалъ къ ней и пьетъ, а потъ крупными каплями падаетъ въ тотъ же ковшъ съ почернѣвшимъ отъ копоти лба. Всматриваясь въ окружающихъ, я замѣчалъ, что они, какъ и эти балки и стѣны, тоже покрыты копотью и сажей. На почернѣлыхъ лицахъ добродушно или озабоченно смотрятъ усталые глаза. Кое у кого и воспаленные; видимое дѣло — не даромъ достается эта близость огня, этотъ жаръ, пышущій изнутри, изъ самыхъ нѣдръ колоссальной печи.

— Сторонись, сторонись!.. и меня толкнули въ сторону.

Не успѣлъ я очнуться, смотрю на то мѣсто, гдѣ я стоялъ, стали сносить калоши, т. е. короба съ рудою и

углемъ. Каждый день такихъ калошъ идетъ въ печь отъ двадцати пяти до тридцати пяти. Полунагіе рабочіе, жрецы литейнаго культа, подхватили двѣ новыя жертвы своему ненасытному божеству и стали опоражнивать ихъ въ дышущую огнемъ и зноемъ его пасть. Цѣлая туча пыли, дыму и искръ поднялась вверхъ къ чернымъ балкамъ кровли. Туча эта на минуту окутала насъ всѣхъ, перехватывала дыханіе, слѣпила глаза. Чудовище еще громче заклокотало; еще сильнѣе стало взрываться и свистать во всѣ стороны пламя, точно оно и до насъ хотѣло дотянуться своими огненными жалами. Мы невольно отступили назадъ во тьму угловъ, издали разглядывая все это таинство.

— Ѳедоръ, Ѳедоръ, куда ты? закричалъ надсмотрщикъ на рабочаго, который кинулся прочь отъ домны. Тамъ, гдѣ стоялъ онъ, всего сильнѣе подымалось пламя, точно оно его-то именно и хотѣло захватить и унести въ нѣдра, гдѣ кипѣлъ металлъ.

— Невозможно.

— Что невозможно?

— Стоять... Такъ палить... Дыхать нельзя.

— Ну, пошелъ, пошелъ! Надо, чтобы руда ложилась по всей домнѣ ровно, а не то, что въ одинъ край много, а въ другой ничего. Этакъ чего добраго и домну испортишь. Пошелъ, пошелъ!

— Эхъ ты доля собачья! протестовалъ по своему рабочій, отправляясь жариться къ самой пасти.

— Вы подойдите ближе. Вы по крайней мѣрѣ получите понятіе о томъ, что дѣлается внутри огнедышущей горы, предложили мнѣ.

Несмотря на жару, любопытство взяло верхъ и я подошелъ.

Дѣйствительно тутъ палило. Домна теперъ горѣла уже ровнымъ розовымъ пламенемъ; внутри, въ яркомъ хаосѣ, трудно было что-нибудь разобрать ослѣпленнымъ глазомъ. Чудились только въ однообразномъ золотомъ фонѣ огня какія-то бѣлыя, ослѣпительные змѣи, пробѣгавшія по горѣвшей рудѣ; снопами яркихъ лучей вспыхивали порою флюсы, взбрасывая вверхъ бриліантовыя звѣзды; раскаленные уголья, точно налившіеся кровью глаза баснословныхъ, въ огнѣ живущихъ саламандръ, смотрѣли на насъ изъ этой плавучей, пузырившейся массы. Порою она точно проваливалась кое-гдѣ внутрь и въ раскрывавшихся такимъ образомъ нѣдрахъ огнедышущей горы пробѣгали еще болѣе яркія змѣистыя струи бѣлаго пламени, свѣтились совѣмъ уже ослѣпляшіе глазъ расплавившіеся флюсы, и какое-то бѣлое молоко вскипало между ними, — молоко, одна капля котораго могла бы прожечь насквозь. Это именно и оказывался ставшій уже жидкимъ чугунокъ.

— Ну что?

— Эффектно. Тянетъ туда.

— Не васъ одного. На одномъ изъ заводовъ случай былъ. Сумасшедшій былъ одинъ; думали выздоровѣлъ онъ, опредѣлили его къ дѣлу. Ну, первое время ничего, работаль, а потомъ прочелъ о трехъ отрокахъ, вверженныхъ въ огненную печь, и ни съ того ни съ сего сталъ задумываться. Какъ-то рабочіе не доглядѣли, онъ крикнулъ: «помоги Господи», да въ печь!

— Ну?

— Что ну — въ моментъ отъ него даже золы не осталось.

Я полагаю, что тремъ библейскимъ отрокамъ тоже не поздоровилось бы въ этомъ вулканѣ. Чудо чудомъ, а они бы здѣсь сгорѣли до тла. Огненная печь вавилонская была

далека отъ этого ужаса, созданнаго спокойными умами нашего времени.

Когда домна поутихла и стала горѣть обычнымъ порядкомъ, пламя ея стало совсѣмъ розовымъ и даже красивымъ. Я любовался имъ теперь, но разумѣется издали. Картина этого сарая стала болѣе спокойна. Въ углу пышутъ обжигальныя печи. Рабочій — скелеть, обтянутый кожей — сыплеть туда для прокаливанія еще нераздробленную руду. Мы подходимъ къ нему. Онъ смотритъ на насъ совсѣмъ какимъ-то безнадежнымъ взглядомъ.

— Тутъ у насъ самыя трудныя работы шепчетъ мнѣ. управляющій. — Ну что Пимень?

— Худо... Еле дышу!

— Грудь? Ты бы къ фельдшеру.

Рабочій только отмахнулся рукою и нагнулся къ печи. Дыханіе, съ какимъ-то всхлипываніемъ вырывалось изъ этой чахлой груди. Руки худыя, узловатыя, съ натугою дѣлали свое дѣло.

— Ты бы отдохнулъ, Пимень.

— Семейю кормить надо... Помилуйте... Когда тутъ отдохнуть... Подать...

На остальныхъ рабочихъ рубахи, кто не снялъ ихъ, мокры отъ поту. Случается, что въ жарѣ на этихъ рубашкахъ кристаллизуется поваренная соль, выступающая вмѣстѣ съ потомъ изъ поръ. Вотъ нѣсколько рабочихъ, сѣли въ уголь — отдыхаютъ. Ни слова между ними, точно замерли.

— Они на огнѣ горѣли, а тамъ теперь изъ нихъ потъ бѣжитъ, ослабляетъ ихъ страшно.

Понурились, захватили руками колѣни. Сидятъ ужъ нѣсколько минутъ — хоть бы звукъ какой. Я подошелъ. Одинъ спитъ тяжелымъ прерывистымъ сномъ. Другой поднялъ на

меня голову. Недоумѣніе, усталый взглядъ скользитъ куда-то. И опять голова бессильно опускается на колѣни. Въ стѣнѣ дырѣя. Въ нихъ продуваетъ прохлада. Свѣтъ скупо струится извнѣ. Подъ нимъ лица ихъ кажутся мертвенно-блѣдными.

— Эй, ребята! Пора... Послѣ насидитесь, — позвали ихъ.

Усталыя спины разогнулись, колеблющаяся походка выдавала слабость ногъ.

По краямъ домны была грядкою навалена руда. Стали ее сбрасывать въ огонь. Еще угля принесли въ корзинкахъ. Опять началось питаніе этого ненасытнаго кирпичнаго брюха.

По мѣрѣ плавки руда опускается все ниже и ниже, тогда какъ болѣе легкія части угля, флюсы остаются наверху. Чугунъ уже кипитъ внизу бѣлымъ, ярко свѣтящимся молокомъ. Когда мы спустились въ самый низъ къ отверстію этой печи, стало прохладнѣе, за то здѣсь оглушило насъ шумомъ изъ фурмъ, сквозь которыя внутрь доменной печи вдувается воздухъ, необходимый для горѣнія. Мы уже не слышали другъ друга. Видѣли, какъ шевелятся губы, а словъ нельзя было уловить. Мнѣ кажется, что тутъ даже пушечнаго удара нельзя было бы различить. Какимъ это не покажется преувеличеніемъ, тѣмъ не менѣе я долженъ привести сравненіе: я слышалъ шумъ туломскаго и иматринскаго водопадовъ — но грохотъ фурмъ гораздо сильнѣе. Рабочіе, которые безсмѣнно находятся около, должны неминуемо гложнуть. Голову кружило, что-то стучало въ виски, въ глазахъ мелькали какія-то огненные искры, зеленыя спирали.

— Ну сейчасъ будутъ выпускать руду, сказалъ мнѣ мой спутникъ, взявъ меня за руку и отведя прочь отъ фурмъ.

— Что такое? не разслышалъ я.

Онъ повторилъ. Мы пошли къ устью печи, за котормъ слышалось какое-то клокотаніе.

— Молочко наше увидите.

У самага устья домны устроены въ мягкой золѣ формы-изложницы, въ немъ долженъ охлаждаться чугуны, прежде чѣмъ его перенесутъ въ магазинъ для учета и взвѣса.

— Ну-ко, Степанъ!

— Пора?

— Да, сварилось должно быть. Молочко-то голово уже.

Степанъ осторожно открылъ устье печи — какая-то темная корка въ немъ вспузырилась и треснула. Въ трещинѣ сверкнула бѣлая, расплавленная масса. Вздучась и она заполонила все устье, двинулась подъ давленіемъ всего остального расплавленного чугуна и флюсовъ сверху и длинною, жидкою, слѣпящею глаза змѣею потекла по узкому ходу, устроенному для нея въ мягкой землѣ. Въ темномъ сараѣ сразу стало свѣтло. Цѣлыя массы яркихъ звѣздъ вскидывались вверхъ отъ этого чугуннаго молока. Металлическіе брызги, какъ снѣжинки, только гораздо крупнѣе ихъ, принимали самыя разнообразныя формы. Одна за одной они подымались къ бревенчатымъ сводамъ, взрывались, туда мерцающими снопами и точно таяли тамъ, въ тяжелой тьмѣ. Трудно было оторваться отъ этого эффектнаго фейерверка. Наконецъ, руда влилась въ формы и стала остывать. Сначала она побагровѣла, ее подернуло синью, потомъ точно зола сверху отдѣлилась; слышно было легкое шипѣніе подъ этою золою. Рабочіе возились, отдѣляя одинъ кусокъ отъ другаго.

— Въ каждомъ такомъ кускѣ отъ двухъ до трехъ пудовъ. Если нужна какая-нибудь чугунная форма, то мы

ее прямо дѣлаемъ въ землѣ. Расплавленный металлъ вливается въ нее и форма готова.

Изъ магазина, куда складываются куски чугуна, часть его, до 150,000 пуд., отправляется на Чермоозскій, Хохловскій и Полазинскій заводы, тоже принадлежащія княгинѣ Абемеликъ-Лазаревой, а 220,000 пуд. передѣлываются въ Кизеловскомъ заводѣ въ кусковое желѣзо, которое, въ свою очередь, прокатывается въ листовую болванку. Это уже составляетъ отдѣльную часть производства, которой мы посвятимъ слѣдующія главы.

Доменное производство не ограничивается только описаннымъ нами процессомъ. При немъ воздуходувная, паровая машина, вводящая сквозь фурмы необходимый для горѣнія углей воздухъ внутрь домны, и аппараты, выдѣляющіе газъ для обжиганія руды. Тутъ же и водяная мельница, работающая во время сильнаго стремени, т. е. теченія. Всѣ эти постройки чрезвычайно прочны; вездѣ желѣзо, желѣзныя балки, приводы, толстыя кирпичныя кладки, похожія на стѣны крѣпостей, во время оно считавшихся недоступными какому бы-то ни было артиллерійскому огню. Все это ставлено въ крѣпостное время, даровыми рабочими. Теперь такія сооруженія были бы невозможны или потребовали бы неознаградимыхъ затратъ. Песчаниковые камни привозятся сюда издали, не смотря на свою громадность. Ихъ ломаютъ на лазаревскихъ же копяхъ по рѣкѣ Ильмѣ.

Когда мы вышли отсюда на свѣтъ и вольный воздухъ яркаго лѣтняго дня, грудь задышала легче. Безоблачное небо улыбалось намъ, зелень лѣсовъ пышными облаками мягко круглилась на скатахъ горъ. Молодыя березы тутъ же около завода замерли въ теплѣ. Казалось, имъ было лѣнь шевельнуть своими нѣжными листьями. Птицы задорно

перекликались. Издали слышалась печальная пѣсня иволги. И какъ ужасенъ показался рядомъ съ этою нѣгою и дремою полудня непосильный трудъ человѣка, во тьмѣ и зноѣ, у самаго адскаго пламени ненасытной домны.

Тутъ дѣйствительно не даромъ обходился каждый грошъ; хлѣбъ насущный доставался въ потѣ лица.

XXI.

Огненные змѣи и желѣзные люди. — Производство завода.

Было уже темно, когда я отправился опять на заводъ.

Слободы казались совсѣмъ вымершими, въ рѣдкомъ окнѣ мерцало скупое сіяніе лампы. Откуда-то изъ-за рѣчки доносилась чуть слышная, рыдающая пѣсня. Должно быть дровосѣки тамъ коротали вечеръ за раскинутымъ на лѣсной полянѣ костромъ. На темныхъ небесахъ вспыхивали звѣзды, рѣдкія, блѣдныя. Еще за полверсты отъ завода до меня долетѣлъ неровный гулъ; поближе въ немъ ужъ выдѣлились стукъ молотковъ, визгъ желѣза, свистъ и пыхтѣніе паровыхъ машинъ и шумъ воды, падавшей въ шлюзѣ. Чѣмъ болѣе выростали передо мною громады этихъ кирпичныхъ зданій съ черными трубами и круглыми кровлями, тѣмъ шумъ неустанной работы, совершавшейся здѣсь, становился все оглушительнѣе. Когда я вошелъ въ самое отдѣленіе, гдѣ разбивались чугунные куски въ желѣзо, у меня голова пошла кругомъ. Казалось, что эти паровые молоты стучали въ моемъ мозгу, что свистъ мѣховъ и сильныя струи воздуха, вдуваема въ формы, сорвутъ

меня съ мѣста и унесутъ Богъ знаетъ куда отсюда. Глаза слѣпило; я не зналъ, на чемъ остановиться, за чтò взяться; какой-то непонятный хаосъ совершался кругомъ. Я не отдѣлялъ машинъ отъ людей, все мѣшалось, все кружилось, мѣняя контуры и размѣры.

Мракъ сгущался вверху подъ бревнами кровли. Внизу ослѣпительно горѣли зѣвы нѣсколькихъ десятковъ печей, въ которыхъ раскаливались куски чугуна... Еще ослѣпительнѣе казалось здѣсь отъ темноты, стоявшей кругомъ этого завода. Изрѣдка изъ печей выхватывали ярко горѣвшіе комки желѣзными щипцами и кто-то невидимый бѣжалъ бѣжалъ съ нимъ къ паровому молоту. Казалось, раскаленный метеоръ стремился прямо на меня, оставляя за собою свѣтящійся хвостъ и горячую струю нагрѣтаго имъ воздуха. Тяжело хрипя, подымался паровой молотъ, метеоръ укладывался подѣ нимъ. Громяхая, громадный языкъ этого молота рушился прямо на горящій чугунъ и тысячи звѣздъ зубчатыхъ, яркихъ, дивнымъ водопадомъ разбрасывались во всѣ стороны, шипя и погасая во тѣмъ скопленной вверху, уходя въ песокъ, лежащій на полу, заносаясь въ далекіе углы, гдѣ работали такіе же огненные печи, сверкали такіе же метеоры, носились въ воздухѣ такія же звѣзды. Вонь, изъ сварочныхъ печей выползаютъ огненные змѣи, вытягиваются и извиваются внизу. Изъ-подъ прокатныхъ машинъ скользятъ во всѣ стороны такія же пламенные струи. И подѣ этимъ блескомъ, полнымъ какого-то зловѣщаго очарованія, наконецъ, стали, когда взглядъ мой привыкъ къ нему, снова черныя тѣни, обрисовывавшіеся на огнистомъ фонѣ силуэты людей, съ щипцами, полосами желѣза, непонятными крючьями въ рукахъ. Подземная кузница Вулкана, такая, какую ее представляли себѣ древніе греки, производила бы

не большее впечатлѣніе. Когда я подошелъ ближе къ этимъ рабочимъ, пришлось всмотрѣться въ нихъ еще съ большимъ интересомъ. Это были желѣзные люди. На нихъ гремѣли желѣзные фартуки, которые спасали ихъ отъ огненныхъ звѣздъ, носившихся въ воздухѣ. На ногахъ громыхали желѣзные сапоги. Цѣлая струя пламени и горячаго металла лились кругомъ; эти желѣзные люди, посреди этого ада, казались совсѣмъ неприкосновенными. Они то и дѣло ворочали бѣлые куски желѣза, красные комья чугуна, наклонялись къ печамъ, дышавшимъ невозможнымъ жаромъ; мокрыя лица моментально высыхали; брови, совсѣмъ спаленныя, закруглившіяся отъ невыносимой температуры рѣсницы, красные налившіеся кровью глаза, иногда обращались въ нашу сторону. И ясно было, что они не видѣли назадъ; они привыкли къ ослѣпительному блеску, къ предметамъ, далее въ самомъ воздухѣ оставившимъ огнистый слѣдъ.

Воображеніе невольно работало, подсказывая сравненія, создавая цѣлая картины.

Эта громадная черная лабораторія превращалась, раздвигаясь, въ лабораторію міровъ, гдѣ невѣдомыя существа ковали изъ огня и желѣза мириады звѣздъ, разбрасывая ихъ снопами, струями и ливнями во тьму еще неодухотворенной вселенной. Въ высотѣ чудится присутствіе господствующаго духа. Дѣйствіе первыхъ силъ, творящихъ и созидающихъ, выражалось въ страшномъ грохотѣ, въ свѣтѣ газовъ, стремившихся занять свое мѣсто въ пространствахъ, въ ударахъ раскалывающихся чудовищныхъ метеоровъ, въ стихійномъ шумѣ свѣтовыхъ тѣлъ, носившихся въ высотѣ. Матеріалъ, изъ котораго создавались всѣ эти тѣла, казался неистощимымъ. Огненные печи творящаго божества выпускали его безъ конца. А мириады звѣздъ

все дальше и дальше уносились въ безконечность, въ пространство, которому еще не создано ни мѣры, ни уподобленія. Работа шла безъ устали. Руки прикованныхъ къ этимъ міровымъ очагамъ чудовищъ не знали напряженія, не знали предѣловъ своей силѣ. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ и я сейчасъ же понесусь вслѣдъ.

— Ты опять пьянъ! раздалось надъ самѣмъ ухомъ.

Міровой лабораторіи какъ не бывало. Съ небесъ я стремглавъ слетѣлъ на землю. Дѣйствительность, одна дѣйствительность была кругомъ.

Смотрю, мой спутникъ останавливаетъ какого-то шагающагося рабочаго.

— Какое пьянъ, едва шевелить тотъ губами. — Закружило... Немоготно!

— Изморился?

— Съ утра... Отъ печи не отходилъ... Къ горлу подступило. Видѣть, ничего не вижу. Коли бы не остановили, въ плавлю бы влѣзъ. Ефимовъ, спасибо, за шиворотъ взялъ.

— Ну, выйди, выйди, подыши.

— Да ужъ надо. Что дѣлать!

Черезъ часъ, когда я уже высмотрѣлъ подробно все это производство, оно мнѣ стало совершенно понятно; чудеснаго уже не было, но общая картина ни мало не потеряла оттого своего величія.

Для передѣлки чугуна, его складываютъ въ пудлинговья печи по двѣнадцати пудовъ сразу.

— На осадку! поясняетъ сумрачный рабочій, весь высушенный насквозь. Самые слова выходятъ изъ его груди, какъ свистъ раскаленнаго воздуха изъ этихъ чудовищныхъ мѣховъ.

Въ пудлинговья печи вмѣстѣ съ чугуномъ прибавляютъ

шлакъ, мѣшаютъ эту массу безпрестанно, не останавливаясь ни на минуту, длинными крюками, концы которыхъ отъ этого раскаливаются. Сплавъ густѣетъ мало-по-малу.

— Каша варится, варится, а потомъ вся ноздрями пойдетъ.

— Какъ это ноздрями?

— А какъ губка станетъ.

Губчатую массу разрываютъ въ самыхъ печахъ на куски, каждый, примѣрно, пуда въ три вѣсомъ. Крючьями захватываютъ эти куски и стремятся съ ними подъ молотъ. Тамъ обжимаютъ его въ бруски. Подъ молотомъ шлаки выбрасываются вонъ, выдавливаются яркими звѣздами. Когда бруски достигнутъ надлежащей плотности и примутъ правильную форму, ихъ охлаждають и взвѣшиваютъ. Желѣзо, добытое такимъ образомъ, поступаетъ въ сварочныя печи по 55 и 60 пудовъ сразу, разжигается тамъ до бѣлокалильнаго жара и прокатывается подъ валами особаго механизма въ длинныя полосы. Между этими валами, страшно сжимающими толстыя куски желѣза, оно издаетъ совершенно особый пронзительный звукъ, не теряя и сейчасъ по выходѣ оттуда своего бѣлокалильнаго цвѣта.

— Ишь запѣло, жалится. Больно ему, оно и плачется, потому валы его плющатъ, грудь ему раздавливають, замѣчаютъ рабочій, какъ и мы слушаая это желѣзо.

Вонъ изъ одной прокатной машины посыпался цѣлый рой брызгъ. Ливень звѣздъ обдалъ насъ отовсюду. Черезъ весь заводъ неслись они оттуда.

— Ишь, это пакеты! замѣчаютъ рабочій. — Не любишь!

— Какіе пакеты?

— А листовое желѣзо; мы его по мѣркѣ обрѣзаемъ, ну остатки опять связываемъ въ пакеты, а эти опять на сварку. Они изъ кусочковъ, потому больше всего изъ себя

брызговъ даютъ. Это самое лучшее желѣзо у насъ считается, которое изъ пакету.

Къ намъ подошелъ одинъ обжимальщикъ. Издали еще при каждомъ шагѣ громыхало желѣзо его фартука и сапогъ. Точно стародавній рыцарь, весь закованный въ латы.

— Никакъ нельзя-съ! обратился онъ къ управляющему.

— Что нельзя-съ?

— Ужь вы мнѣ пожалуйста мундиръ другой дайте, прожгло этотъ наскрозь. Сегодня мнѣ одна искра попала, болить такъ, бѣда! я ужь думалъ къ фершалу бѣжать.

— Ну хорошо, хорошо.

— Да и то еще. Нѣтъ ли у васъ газетъ, по новѣй которыя. А то стоишь, стоишь, одурь возьметъ. На отдыхъ бы почиталъ. Сказываютъ, теперь у сербовъ съ турками большой шумъ вышелъ.

— Какъ же, есть. Приходи послѣ, дамъ.

— Ну вотъ чудесно. Чего лучше. Я почитаю и товарищи послушаютъ.

— Которые въ кабакъ не пойдутъ?

— Нонѣ мы кабакъ отмѣнили.

— Почему это?

— Да пропились шибко. Порѣшили уговоромъ значить не пить... Чтобы отнюдь... Держимся.

— На долго ли?

— А это какъ Богъ. Впредь до приказанія!

— Откуда же приказаніе-то будетъ?

— Отъ меня же. Пока не мозжитъ — чудесно. Выйдешь на улицу, воздухъ легкій, чудесно. Въ праздникъ, на рѣку съ самоваромъ. Чай пьемъ пока. Совѣмъ въ купцы записались.

— Не тянетъ?

— Т. е., какъ тебѣ сказать. Тянуть не тянетъ, а душа

скулить иной разъ. Особливо отъ обиды какой, или изморишься. Сегодня, примѣрно, работа тяжкая, давно такой не было. Либо ослабли мы... Это читалъ я книжку, господинъ Достоевскій про каторгу пишетъ.

— Ну! толкнулъ меня локтемъ мой спутникъ.

— На каторгѣ куда легче. Сравненія никакого нѣтъ.

— Такъ кажется?

— Ужь это вѣрно. Помилуйте. А книжекъ новыхъ у васъ нѣтъ?

— Пока ничего еще не получалъ.

— Такъ новый мундиръ вы мнѣ дадите.

— Дамъ, дамъ.

— Что это, исключительный типъ? спросилъ я, когда желѣзный человекъ пошелъ отъ насъ прочь, также погромыхивая своими насквозь прожженными латами.

— Какое исключеніе, помилуйте. Напротивъ, всѣ почти читаютъ. А если самъ не читаетъ, такъ отъ другаго послушаетъ. Очень любознательный народъ! При машинахъ весь вѣкъ, потому. Тутъ даже поэты есть, которымъ въ огнѣ разное чудится.

— Это еще что?

Оказалось, что нѣкоторые изъ рабочихъ цѣлыя смѣны по нѣсколько часовъ выстаивающіе у огня, размѣшивая плавящуюся массу чугуна, видятъ въ переливахъ огня, въ сверкающей массѣ металла, всевозможные образы. То рѣка льется въ серебряныхъ берегахъ и вырастаютъ на нихъ золотые дворцы и храмы. То море, изъ бѣлаго, пламени разливается шипучими волнами; ходятъ надъ ними морскія чудовища, огненная буря шумитъ, налетая на нихъ. То клочотаніе геены огненной, точно передъ задумчивымъ рабочимъ разверзаются въ этой печи врата адавы.

— Развѣ здѣсь такъ много пьютъ? спрашиваю я у

одного изъ главныхъ лицъ заводской администраціи, вспомнивъ о зарокѣ рабочаго: «кабакъ отмѣнили».

— Ого! У насъ на премію. Вы какъ думаете? Въ двухъ кабакахъ выходитъ 12,000 ведеръ водки, а рабочихъ всего на всего тысячу человекъ собирается. Они же и въ окрестностяхъ завода кабаки поддерживаютъ. Я не считаю декабря, января, февраля, марта; на эти мѣсяцы нужно накинуть, потому что тогда въ заводъ изъ разныхъ мѣстъ чужіе приходятъ. Тутъ пьютъ до-бѣла.

— Какъ?

— А у насъ желѣзо накаливаютъ до-бѣла, ну и пьютъ также. Во всю! Какъ начнутъ въ праздникъ, такъ ужъ будете довольны. Сдѣлайте одолженіе!

— Постороннихъ рабочихъ къ вамъ много сходится?

— Да какъ бы вамъ сказать. Тысячъ до двухъ на-вѣрное.

Подтверженіе только что рассказаннаго не заставило себя долго ждать.

Не успѣли мы выйти изъ завода, какъ на встрѣчу намъ описываетъ кривыя линіи и зигзаги молодой рабочей, очевидно не принадлежащей къ тѣмъ, «что впредь до приказанія, кабакъ отмѣнили».

— Нестыдно? началъ было заводскій чиновникъ. — А еще исправный рабочей Южакъ.

— Чего? На свои пью. Слава Богу! У насъ денегъ нѣтъ? удивился онъ, точно тотъ выразилъ эту оскорбительную для него мысль. — У насъ есть. У насъ, братъ, хватитъ. Какъ кому другому, а мы слава Богу!

— Да ты чего пьешь, въ чью голову?

— Въ свою. Сирота я горькая и пью. Жена меня бросила, ушла — я и пью. А ужъ только приди она, стерва! Засужу!

— Въ какомъ судѣ-то?

— Своимъ судомъ засужу. Я строгій! Я оченно строгъ... Десять полуштофовъ сегодня я съ утра выпилъ и не пьянъ. И очень мнѣ это обидно. Такъ мнѣ это обидно, такъ обидно... Значить я нутра снова рѣшилъ, и что-жь мнѣ теперь дѣлать? Вытравилъ нутро-то.

— Новое вставь? Желѣзное. Изъ хорошаго листоват желѣза.

— И листовое вытравимъ, будь спокоенъ. Она, водка эта, злѣе бабы. Куда бабѣ съ ней. Бабѣ съ водкой никакъ не справиться. Мужика баба всегда обидѣть можетъ, а водка ее, бабу, обидить. Вотъ какъ?

Какъ громадны цифры производства Кизеловскаго завода, трудно повѣрить, видя селеніе, разбросанное вокругъ него. Самый заводъ выстроенъ въ котловинѣ, гдѣ рѣчка Кизель, узкая и быстрая, сливается съ Полуденнымъ Кизеломъ. Тутъ начинается большой прудъ, изъ котораго уже вытекаетъ одна рѣчка, считающаяся продолженіемъ первой. Прудъ этотъ расположенъ по выше, чѣмъ въ остальныхъ заводахъ; такъ, напримѣръ, такой же въ Александровскомъ находится на 51 сажень ниже Кизеловскаго. Кругомъ темною стѣною поднялись лѣса, какимъ-то дивомъ уцѣлѣвшіе около завода. Самый заводъ жметъ къ пруду. Сверху, т. е. съ пригорка, гдѣ вытянулись дома Кизеловской слободы, видны только верхушки заводскихъ крышъ, да черныя трубы, изъ которыхъ днемъ валить густой дымъ, отражающій ночью красноватый отблескъ пламени и уносящій въ своихъ зловѣщихъ багровыхъ клубкахъ — міриады искръ. Вся мѣстность около этого завода завалена шлаками, угольнымъ мусоромъ, камнями.

— У насъ тутъ самъ чортъ ногу сломить! говорятъ рабочіе.

— Что же хорошаго?

— Такое уж заводское дѣло... Намъ чисто нельзя...

И дѣйствительно, ознакомившись съ массами, которыя перерабатываетъ этотъ заводъ, съ громадными грузами, которыя поглощаются его ненасытными жерлами, станеть понятно, что на внѣшнюю щеголеватость и даже просто на опрятность тутъ обращать вниманіе некогда. Здѣсь въ одну смѣну готовится въ пудлинговыхъ печахъ по 87 пуд. желѣза въ каждой; а такъ какъ всѣхъ печей восемь, а смѣны двѣ, то въ сутки заводъ вывариваетъ 1,400 пуд. желѣза. Въ сварочныхъ печахъ, которыхъ здѣсь двѣ пока, выдѣлывается ежедневно отъ 400 до 800 пуд. въ каждой. Въ одинъ сезонъ 1875—76 гг. Кизеловскій заводъ выпустилъ изъ своей доменной печи 365,564 пуд. чугуна, выработаннаго въ 130,585 пуд. средняго желѣза листоваго (высшій сортъ) и въ 14,974 пуд. болванки, т. е. втораго сорта. Остатки чугуна, въ количествѣ 149,500 пуд., отправлены для дальнѣйшей обработки въ Чермозъ. На потребности завода идетъ въ годъ 2,065 пуд. желѣза, все остальное продается. Чтобы цифры эти были понятны, необходимо привести слѣдующій расчетъ: изъ тысячи пудовъ руды, брошенныхъ въ домну, выплавится 500 пуд. чугуна, изъ 500 пуд. чугуна — 400 пудовъ кусковъ, а изъ нихъ 320 пуд. желѣза. Такимъ образомъ, въ свой годовой оборотъ заводъ перерабатываетъ 1.265,000 пуд. руды. Каменнаго угля сжигаетъ онъ также массу. Изъ 927,000 пуд., доставленныхъ ему въ теченіи послѣдняго сезона, онъ сѣлъ 762,000 пуд. Аппетитъ его этимъ не ограничился: изъ 24,700 коробовъ древеснаго угля истреблено имъ 19,434 короба. Тутъ коробка особенное: въ каждомъ 9 куб. аршинъ угля (въ Тагильскомъ 6, въ казенныхъ еще меньше). На вѣсъ каждый коробъ со-

держитъ отъ 26 до 32 пуд. угля. Разница эта зависитъ отъ того, какой уголь въ корзинѣ, березовый или еловый. Послѣдній легче. Березоваго употребляется 30%, еловаго 70%. Известки и флюсовъ при плавкѣ идетъ 105,400 пудовъ. На ремонтъ, перестройку печей, въ теченіи одного только года, пошло 63,000 штукъ огнеупорнаго и 79,000 краснаго простаго кирпича.

Для флюсовъ ломаютъ известковый камень изъ горы около, гдѣ, между прочимъ, находятъ много очень интересныхъ окаменѣлостей. Это считается работою праздничною. Опоздаетъ кто на заводъ, чтобы не терять даромъ времени, идетъ ломать флюсы; не попадетъ въ работу къ печамъ, отправляется туда же. Выломанные имъ куски камня онъ складываетъ внизу у рѣки или гдѣ попадется въ правильныя массы, чтобы ихъ можно было измѣрить, и затѣмъ, когда ему понадобятся деньги, идетъ въ заводское управленіе и заявляетъ, что тамъ-то и тамъ-то имъ выломано и сложено столько-то кубическихъ аршинъ флюсовъ. Ихъ перемѣриваютъ и выдаютъ заработокъ. Этотъ трудъ, несмотря на то, что онъ нелегокъ, мѣстные рабочіе очень любятъ, потому что онъ на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, у лѣса, или у рѣки. Разумѣется, всѣ эти прелести существуютъ только лѣтомъ, которое здѣсь очень коротко. Въ 1875 году, напримѣръ, по разсказу П. П. Ильина, въ половинѣ августа «ознобился» въ лѣсу и умеръ тамъ крестьянинъ Кокушка, отморожившій себѣ руки и ноги. А какъ-то случилось, что и въ первыхъ числахъ августа тоже въ Кизеловской дачѣ нашли замерзшею цѣлую семью зырянъ, занимавшихся рубкою лѣса. Разумѣется, это совершенно исключительныя явленія, тѣмъ не менѣе, они представляютъ климатъ Закамья далекимъ отъ того, какимъ его рисуютъ намъ влюбленные въ свой край пермяки.

— Одна бѣда у насъ. Желѣзная дорога разумѣется принесетъ намъ великія блага; но вмѣстѣ съ тѣмъ и развратъ отъ нея послѣдуетъ поголовный!

— Это какъ?

— Да ужь очень баба дешева стала. Хотя и прежде здѣсь весталокъ было мало, ну а теперь, пожалуй, и все нѣтъ.

— Ужь и поголовно?

— Еще бы! Эта молодежь желѣзнодорожная сюда нахлынула. Денегъ у нихъ много; а баба здѣшняя на деньги падка, потому что заработки ея вознаграждаются не особенно, ну а щегольство развито. Поневолѣ пускаются во всякія тяжкія. Къ тому же и пьянство дѣлаетъ свое дѣло.

— И бабы пьютъ?

— Еще какъ! Вы посмотрите только въ праздникъ, какими явятся онѣ передъ вами. Дѣтей жалко.

— Развѣ и дѣти?

— Да лѣтъ въ четырнадцать и пьянство, и развратъ начинается, заводское населеніе развивается вѣдь рано, что твои тропики! Да и младшіе тоже въ кабаки за тятками, да мамками увязываются. Ну а въ кабакѣ извѣстныя сцены. Разчувствуется родитель: «пей Васька!» Васька, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, захлебывается и пьетъ! Да еще какъ пьетъ-то. Горло ему жжетъ, а на душѣ весело станеть.

— Отчего же не наблюдаютъ здѣсь за этимъ?

— А кому дѣло?

— Заводская администрація могла бы безъ насильственныхъ мѣръ повліять на своихъ рабочихъ.

— Тутъ, батюшка, дѣло на коммерческомъ правѣ: дѣлай, что хочешь, только работать приходи. Да я думаю

на всемъ Божьемъ свѣтѣ нѣтъ заводовъ, гдѣ бы иначе относились къ рабочему.

— Есть.

— Гдѣ?

— У Мальцева..

— То у васъ, въ Россіи. Да вѣдь другаго такого Мальцева не найдешь. Онъ любитъ народъ и знаетъ его, всѣ доходы свои убиваетъ въ дѣло. Иное производство ему невыгодно, а онъ себѣ въ убытокъ работаетъ, чтобы не отнять куска хлѣба у населенія. Я слышалъ о немъ много. Заведи-ко у насъ такой порядокъ, такъ хозяева живо насъ по шапкѣ. Я было задумывалъ уменьшить рабочіе часы въ заводѣ, когда служилъ у другихъ владѣльцевъ.

— Ну?

— Пояснили, что прислали меня не гуманничать. Мои цѣли опредѣлены чудесно: exploitation des forces! Все, что выходитъ изъ этого exploitation, — до меня не касается.

XXII.

Въ каменноугольныхъ кояхъ. — Петербургскій чиновникъ. — Шахты.

— Большущій у насъ этотъ рудникъ.

— Т. е. копь?

— Не, мы его рудникомъ зовемъ. Угольный рудникъ. А кругомъ — лѣсъ, да трава. И трава-то растетъ тамъ пудовая, приволье; ни конца, ни краю. Скрозь пошла. Наши туда ѣздить сѣбно копить.

— Однако подгоняй-ко лошадокъ. Ишь сколько ѣдемъ, а деревня все еще видна.

— Ужи, ужи! (постой, постой). Всяко дѣло доспиемъ.

И ямщикъ началъ подгонять коней.

— Лонись ѣздилъ я съ бариномъ. И баринъ глупой, только сетевой (богатый), сколь енъ денегъ пораскидалъ тутъ!

— Почему же онъ глупый?

— Слова таки говорилъ, неподобныя.

Если-бы петербургскій чиновникъ, про котораго говорилъ ямщикъ, послушалъ его рассказъ — воображаю, какимъ негодованіемъ запылало бы его гуманное сердце! Еще

бы, онъ училъ изъ книжекъ, какъ нужно сѣять тутъ хлѣбъ, какъ свозить золу на землю. (— А отколѣ намъ золы узять, коли на мытбу бабѣ не фатаетъ?) Какъ удобрять почву искусственнымъ гуано (— по нашему-то инако прозываютъ, да что ужь!) Какіе сорта хлѣба есть на свѣтѣ и какіе отличные всходы даетъ египетское жито. (— Въ фараонскихъ могилахъ съ мумовъ забираютъ, а каки таки мумы — не знаю).

— Пропашшай баринъ! Въ одну избу заѣхалъ. И смѣху то было. Это хозяйству меня выучилъ, а тутъ въ избѣ, какъ теленочекъ глаза на все лупить. «Это што?» баять. — Это мякина... «Ну!.. Вонъ она какая...» Мякину-то не знаетъ, а съ фараонскихъ мумовъ жито хочетъ брать!..

Я похоталъ отъ души наивному разсказу кизеловскаго ямщика о министерскомъ чиновникѣ. Такъ и обрисовался онъ предо мною, какъ расплюевскій поросенокъ, во всей своей неприкосновенности. Сидитъ онъ въ петербургской канцеляріи, а то пожалуй и департаментомъ управляетъ, по хозяйству проекты пишетъ, и проекты эти удостоиваются одобренія, по нимъ составляютъ министерскіе циркуляры о распространеніи по всему лицу земли русской чилійскаго удобренія, или о посѣвѣ у самоѣдовъ колвинскихъ египетской пшеницы, найденной на муміяхъ въ пирамидахъ, близъ развалинъ Мемфиса. Ничего-то этотъ агнецъ Божій толкомъ не знаетъ, мякины отъ хлѣба не отличить, а тоже ораторствуетъ. И благо народу, если такого не припустятъ къ власти. Тутъ онъ уже покажетъ себя, на сотни лѣтъ засидитъ и запакоститъ ввѣренное ему дѣло. Да и какъ ему не добиться возможности вредить? Писаремъ сядетъ — кончитъ директоромъ департамента. Развѣ у насъ нѣтъ такихъ? Въ нашей отечественной службѣ чучело за столъ посади, въ опредѣленный періодъ чучело

это будетъ производиться изъ одного чина въ другой, къ праздникамъ стануть украшать его регаліями, а въ концѣ концовъ, смотришь, тайный совѣтникъ съ безграничными полномочіями заплевываетъ и загаживаетъ родину. Я самъ встрѣтилъ одного такого въ средней полосѣ Россіи. Нѣсколько тысячъ отсчиталъ себѣ изъ казеннаго мѣшка, на поѣздку «для уясненія мѣръ, содѣйствующихъ развитію сельскаго хозяйства, въ виду постоянныхъ неурожаевъ». Повторилась та же сцена, которую мнѣ рассказывалъ пермскій крестьянинъ.

Ходитъ этотъ субъектъ около молотилки и видимое дѣло ничего не понимаетъ.

— Это что такое? удивляется онъ.

— Какъ что? Да вѣдь это мякина и есть! въ свою очередь изумляется сельскій хозяинъ.

— Ахъ, вотъ она какая... Ничего!!...

— То есть что ничего? окончательно теряетъ смыслъ хозяинъ.

— Ничего... мягкая! нашелся «содѣйствующій неурожаямъ чиновникъ». Его такъ впрочемъ и прозвали потомъ.

— Батюшка, да это кто же такой будетъ? спрашиваетъ, оторопѣвъ, хозяинъ.

— Специалистъ... по земледѣлію....

Съ яснымъ, младенческимъ взоромъ, обнаруживающимъ незапятнанную совѣсть, путается несчастный по полямъ.

— Ну вотъ, слава Богу! Господь и пшеницу послалъ! поддѣлывается онъ подъ понятія народа.

— Какую пшеницу? недоумѣваетъ народъ.

— А вотъ эту?

— Это овсы.

— Что лошади ѣдятъ?

— Они самые.

Потомъ отличился еще: рожь съ ячменемъ смѣшалъ; нашелъ, что ленъ и конопля одно и то же растеніе, только въ выдѣлкѣ различается. Когда ему сказали:

— Ваше-ство, народъ изголодалъ совсѣмъ, жвачку ѣсть.

(Жвачка остатокъ отъ конопли, изъ которой выжато масло).

— Это ужасно, это ужасно! кидался ко всѣмъ чиновникъ, — можете себѣ представить, народъ здѣсь жвачку ѣсть, послѣ коровъ жвачку!

Истинно великъ Богъ земли русской! Отъ одного, на-примѣръ, нашего департамента земледѣлія и сельскаго хозяйства должна бы Россія умереть отъ голода, а она ничего, живетъ пока...

Коршуновская угольная копъ у самага завода. Мы ѣхали изъ недалекой деревни, куда я отправился наканунѣ. Отъ Кизела — дорога вся черная, засыпанная угольнымъ мусоромъ и обломками, поблескивающими какъ агать подъ солнцемъ. Сверху направо видно Кизеловское село. Рѣка шумить въ запрудѣ. Вонъ Полуденный Кизель, красиво изгибааясь, сливается съ нею. Далеко-далеко на востокѣ Бѣлый Спай видѣнъ. Это самая высокая изъ мѣстныхъ горъ. Вся она такъ и отдѣлилась отъ окружающихъ ее вершинъ. Тамъ водораздѣлъ двухъ большихъ притоковъ камскихъ — Косъвы и Яйвы. Когда здѣсь въ августѣ начинаются дожди, на Бѣломъ Спаѣ уже лежатъ снѣга, сверкая подъ солнцемъ въ яркіе дни. Мы взползаемъ все выше и выше. Домики завода и самые заводы все уменьшаются, совсѣмъ микроскопическіе отсюда, а люди точками кажутся. На самой вершинѣ горы мы останавливаемся, любуясь панорамою Урала. Бѣлый Спай отсюда еще ве-

личавѣ. Онъ царить надъ всѣми восточными конусами и куполами. Съ вышки Коршуновской шахты видны окрестности, верстѣ на сорокъ кругомъ. Точно волны океана застыли въ моментъ спокойной зыби, такъ отлоги, такъ мягки эти горы. Кажется, вотъ-вотъ они проснутся и покатаются зелеными грядами къ какимъ-то невѣдомымъ берегамъ. И всѣ эти шахты и заводы, какъ корабли застигнутые вѣтромъ, заколышутся на мѣрно волнующемся просторѣ этого величаваго моря. Совсѣмъ идиллическія картины являются намъ отсюда... Лѣса и луга... сочные, мягкіе. Желтыми змѣями по лѣсамъ разбѣгаются дороги. Не то озеро, не то рѣчной плесъ свѣтится направо. Клочекъ голубаго неба, заброшенный въ лѣсную дрему. Вонъ въ смутномъ туманѣ синей дали мерцаетъ у горы такое же озеро. Точно невѣдомый великанъ разлегся тамъ послѣ боя съ сказочнымъ чудовищемъ и бросилъ около свой ярко блистающій щитъ. Самого великана не видно; весь онъ заслоненъ лѣсами и горами, всего его окутала непроглядная даль, а металлическій щитъ горитъ подъ лучами ярками дня, свѣтится какъ звѣзда, прорѣзывая отраженнымъ сіяніемъ своимъ этотъ удивительно прозрачный, смолистымъ ароматомъ напоенный воздухъ.

Вонъ между двумя, окаменѣвшими въ формѣ горъ волнами вынырнула и точно ждетъ попутнаго вѣтра, вся на виду, маленькая бѣлая церковь, кажется уже распустившая свои паруса. На скатахъ обращенныхъ къ намъ, мерещутся какія-то пятна; деревни, что-ли? не разглядишь. Поближе, въ глубинѣ лѣсныхъ тущобъ, сѣрѣютъ взрѣзывающіе почву гранитные утесы. Кое-гдѣ съ каменныхъ стержней горъ осыпалась земля и обнажила самое нутро — мрачный скелетъ, съ котораго сочатся пронизавшіе камни ключи. Кажется, что это изъ раненаго утеса

сочится алая кровь и расплзается по немъ внизъ въ песокъ. Откуда-то доносится грохотъ рѣченки, сжатой порогами. Снизу слышится стукъ кайль о крѣпкую породу и какіе-то глухіе удары.

— Что это?

— Порохомъ рвутъ... Гдѣ крѣпка слишкомъ руда, не поддается кайламъ... Ее пробуютъ забойками колоть. Не удастся это — одно средство тогда рвать порохомъ.

Внизу цѣлый лабиринтъ шахтъ, рвовъ, подземныхъ ходовъ. Тутъ есть рудники, углубившіеся въ землю на 210 футовъ, Ивановскій на 105 футовъ. Вонъ сама ветхая шахта, впрочемъ и до сихъ поръ еще неброшенная. Разработка ея началась въ 1808 году. Въ семьдесятъ лѣтъ не истощилось подземное богатство, окружающее ее. Губахинско-Шардинская недалеко отсюда прорыта въ 1810 году, а Луньевская — въ 1830 году. Эти здѣсь считаются самыми старыми, да и во всей Россіи, за исключеніемъ Польши, гдѣ уголь разрабатывался еще ранѣе.

— Нашъ уголь лучше всѣхъ, какіе намъ извѣстны.

— Почему это?

— Чистъ! Зола у насъ отъ 10 до 12% только. А въ другихъ мѣстахъ съ 25% разрабатываютъ.

— Сколько вы каждый годъ берете отсюда?

— Изъ этихъ шахтъ по милліону пудовъ. Тутъ богатство неистощимое. Всѣхъ слоевъ пока лежитъ семь. Мы разрабатываемъ четвертый слой, какъ самый толстый. Онъ въ разрѣзѣ достигаетъ отъ 7 до 10 футъ. И работа тутъ самая легкая, почти никакихъ приспособленій не требуетъ отъ хозяевъ. Рабочихъ у насъ на Коршуновскихъ рудникахъ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, со всѣми вспомогательными, т. е. и съ тѣми, которые мусоръ вывозятъ.

Лѣтомъ, когда мы посѣщали копи, здѣсь ломокъ не

производилось вовсе. Весь народъ былъ отпущенъ на полевья работы, такъ какъ всѣ заводскіе обыкновенно имѣютъ покосы или нивы, и занимаясь зимою, осенью и весною плавкой и рытьемъ металловъ и угля, лѣтомъ работаютъ въ лугахъ и поляхъ. Тѣмъ не менѣе процессъ выемки каменнаго угля изъ шахтъ былъ какъ нельзя болѣе ясенъ. Я спускался въ одинъ изъ рудниковъ. Сухо и чисто было тамъ, совсѣмъ непохоже на желѣзные и мѣдные. Сквозь каменно-угольныя толщи рѣдко просачивается вода, земля не осыпается тоже. При свѣтѣ взятыхъ съ собою свѣчей изломы угля ярко свѣтились на черныхъ стѣнахъ штольни. Казалось, въ подземномъ царствѣ открылся намъ волшебный гротъ съ таинственными надписями, звѣздообразными знаками, непонятными символами, скрывающими подъ своими причудливыми зигзагами тайны, недоступныя смертнымъ. Символами этими были изборожжены и своды грота. Слѣды ударовъ отъ кайлъ повсюду. Можно подумать, что въ этой черной, подземной пещерѣ было заключено какое-то громадное, могучее чудовище, въ безсильной злобѣ испаравшее стѣны своими сильными желѣзными когтями. Кое-гдѣ въ жилахъ, которыя изъ этой пещеры вели въ другія, низкіе и слабые своды были укрѣплены балясинами.

Наломанная въ штольняхъ масса угля нагружается въ тачки для доставки къ вагонамъ, съ опускаемымъ дномъ. Паровая машина поднимаетъ эти вагоны по рельсамъ къ пролетамъ, на которые ихъ выгружаютъ. Первый сортъ болѣе крупный проскальзываетъ вкось въ особый вагонъ; второй тоже въ свой; мусоръ и всякая дрянь поступаютъ въ третье отдѣленіе. Такимъ образомъ уголь сортируется уже въ самой шахтѣ.

Рабочимъ цѣнамъ и всему, что касается до положенія заводскаго крестьянина, будетъ отведена одна изъ слѣ-

дующихъ главъ, теперь же можно сказать лишь одно: что трудъ въ угольныхъ шахтахъ гораздо легче всякаго другаго въ этомъ районѣ.

— Къ сожалѣнiю, мы никакъ не можемъ примѣнить этотъ уголь къ доменной плавкѣ и поневолѣ изводимъ лѣса на древесный уголь. Положимъ, у насъ пока лѣсовъ много, но и шубу съ земли снимать тоже дѣло опасное. Теперь хоть сѣверному вѣтру преграда какая-нибудь есть у насъ. Поѣдете по Косьвѣ, увидите, какая роскошная, разумѣется, сравнительно, растительность, благодаря этому, развилась на ея берегахъ.

— Отчего же уголь не годится для домны?

— Нужно его обратить въ коксъ.

— А вы не пробовали?

— Нѣтъ. Въ Луньѣ вы увидите. Тамъ недавно поставлены коксовые печи. Только пока слишкомъ дорого обходится коксъ.

Опять та же черная дорога, засыпанная угольнымъ мусоромъ. Вѣтеръ поднялся, гонить передъ собою черное облако этой пыли. Лѣсъ около пути тоже почернѣлъ, пыль осѣла на его листву. Ручей пробѣгаетъ мимо. Чистая выше струя его здѣсь становится мутною. Подъ темнымъ налетомъ, еще мрачнѣе стали утесы взрѣзавшіе гребнями тонкій слой земли.

— Какое тутъ хлѣбопашество возможно — вездѣ камень, да камень.

— Не говорите. Здѣсь хлѣбъ чудесно подымается. Зола много, почва не истощена. Лѣса тоже сырость держутъ, благодаря имъ засухи не бываетъ вовсе.

— Отчего же мало высѣвается зерна?

— Вся губернія въ нѣсколькихъ рукахъ сосредоточена. Земли мало. Вонъ въ Романовѣ, черезъ которое проѣзжали

вы, надѣлъ колеблется между 3—4 десятинами, да и то самой неудобной земли. Которая получше, вся въ владѣльческой межѣ осталась. Самая лучшая десятина земли у крестьянъ, ежели купить, выше 22 руб. дать нельзя. Гдѣ побольше надѣла, тамъ по шести десятинъ досталось. Лѣсу за то нигдѣ крестьянамъ не отведено. Заводскимъ пользуются.

— А гдѣ заводы съѣли лѣсъ?

— Тамъ нищета! Случается податями крестьянъ начнутъ донимать, такъ они избы свои на срубъ въ заводъ продають, какъ дрова.

— А сами?

— Сами?.. Вымирають! Слава Богу, у насъ въ округѣ ничего подобнаго.

— Да вѣдь изба крестьянская считается неприкосновенной?

— На бумагѣ. Эхъ вы, питерскіе! Написали вы законъ и думаете, что такъ его и исполняютъ. А у насъ народъ до того дошелъ, что ни въ законъ, ни въ его исполнителей не вѣрять. Тутъ часто случается слышать: — «Вѣдь по закону вотъ что выходитъ?» — «Э, батюшка, то по закону, а ты по душѣ лучше!»

Серапіонъ Мордаревичъ Куролѣповъ у Островскаго разсуждаетъ также, и его логику крестьяне вполне одобряють. По закону что еще выйдетъ, а ты меня по душѣ!

XXIII.

Попъ-охотникъ, попъ-механикъ, попъ-капельмейстеръ.

— Въ этотъ разъ мы съ вами съѣздимъ къ интереснѣйшей личности на нашихъ заводахъ, — предложили мнѣ.

— Къ кому это?

— А тутъ священникъ одинъ. Въ глуши совсѣмъ поселился. Надъ рѣкою у него домикъ, вблизи церковь, кругомъ — никого. У него оркестръ.

— Вона! Какъ сюда оркестръ попалъ?

— А вотъ увидите.

Грозовая туча бѣжала по небу; на нѣсколько минутъ погода нахмурилась, зеленая перспектива лѣсовъ кое-гдѣ подернулась быстро скользившею тѣнью. Добралась до солнца туча, проглотила его, дождикъ посыпался, два раза громъ грянулъ. Молнія ударила куда-то. Не успѣла моя хозяйка окна запереть отъ бури, какъ все кругомъ точно улыгнулось. Широкий, яркій, торжествующій солнечный лучъ зажегъ молодую листву. Другой за нимъ, третій; обезсиленная туча освободила солнце и поползла уже медленнѣе за Бѣлымъ Спай, точно залечивать раны, нанесенныя

огненными мечами дневнаго свѣтила. Только пыль прибило на дорогѣ, да дождемъ обмыло лѣса, такъ что когда мы проѣзжали мимо нихъ, они еще роскошнѣе шелестили намъ на встрѣчу свѣжими листьями и брызгали съ колеблющихся вѣтвей своихъ алмазными каплями прямо въ наши лица, точно заигрывая съ нами.

У самой рѣки чистенькій домикъ. На крыльцѣ стоитъ кто то въ сѣромъ и, заслонясь ладонью отъ солнца, разсматриваетъ насъ.

— Здравствуйте, батюшка! кричитъ ему на встрѣчу мой спутникъ.

— Кого везешь-то?

— Гостя везу.

— Коли съ добрымъ намѣреніемъ, милости просимъ!

— А если нѣтъ?

— Поворотъ отъ воротъ! И батюшка разсмѣялся жирнымъ, точно масломъ смазаннымъ баскомъ, подавая намъ руку.

— А мы думали вы насъ чаемъ...

— Сливокъ нѣтъ скоромныхъ — вотъ бѣда-то! А постыныя-то у меня, самъ знаешь, злыя.

— Ну ничего. Съ ромомъ, такъ съ ромомъ.

— И какой ромъ-то! Самъ Лебедевъ въ Шадринскѣ дѣлалъ! Ты его въ ротъ, а онъ тебя за языкъ цапъ, тоже защищается. И больно же, подлець, кусаетъ! Я такъ думаю: Лебедевъ его купороснымъ масломъ травить.

— Хорошъ ромъ, нечего сказать!

— Я тебѣ говорю, тутъ ко мнѣ о. Іеремія заѣзжалъ. Выпилъ онъ этого звѣря, да и рта закрыть не можетъ. Ха-ха-ха! Отдышаться, вишь, ему трудно. Я ужъ и то думаю глотку въ полуду отдать, чтобы не такъ жгло.

— Что это у васъ, батюшка? указываю я на какой-то аппаратъ въ передней.

— Барометръ собственнаго изобрѣтенія.

Отъ одного угла шла веревка къ другому вдоль стѣны, гдѣ она, перенявъ блокъ, возвращалась назадъ и съ другаго блока висѣла внизъ, оканчиваясь подвязанною къ ней гирькою. У гирьки на стѣнѣ дѣленія и цифры.

— Я все-таки не понимаю.

— А оно очень просто. Отъ извѣстнаго состоянія воздуха, жары или влажности, веревка сокращается и удлиняется. Я сейчасъ и замѣчаю.

Оказалось и просто и ясно. Я главное — дешево.

— А то еще anerоиды! Мнѣ наплевать на нихъ, я и съ этимъ пеньковымъ барометромъ чудесно проживу! Вотъ послѣдній разъ, какъ на охоту ходилъ...

Священникъ оказался Немвродомъ. Только теперь я рассмотрѣлъ его костюмъ. На немъ была длинная чуйка, бѣлые панталоны, жилетъ. Совсѣмъ американецъ. Веселое, энергичное лицо дышало умомъ; глаза зорко глядѣли изъ-подъ сѣдыхъ бровей; густые волосы волнистыми прядями ложились назадъ. Борода свилась, видимо некогда ее было расчесывать. — Американецъ! чуть не вслухъ проговорилъ я.

— Что вы на меня смотрите? Не похожъ я на племя Левитово?

— Да, сходства мало.

— Потому мы здѣсь работники. Вонъ, видите, ружье у меня; коли самъ себя не прокормишь, никто не принесетъ. А рябцы у насъ чудесные, вальдшнепы тоже. Я, знаешь, обернулся онъ къ моему знакомому, — вчера всю ночь просидѣлъ. Костеръ зажегъ и сажу. Какъ дымъ понесло, такъ бекасы черезъ него, черезъ него. Фюить! фюить! и черезъ него. Я въ нихъ изъ дробовки! Сегодня за это васъ чудеснѣйшимъ жаркимъ угощу. Первый сортъ! Вы

такой дичи въ Питерѣ и не ѣли. Потому я ее иначе готовлю. Это секретъ мой. Я, видите, начинку ей дѣлаю изъ разныхъ ароматическихъ травъ, какія Господь Богъ создалъ на потребу человѣку.

— Онъ и на медвѣдя ходитъ.

— Отчего же, и на мишку могу! Когда воинственный жаръ въ себѣ почувствую — и мишка отъ меня не уйдетъ, будьте спокойны! Я на прошлой недѣлѣ одного укомплектоваль. Отдалъ Сидору шкуру мнѣ приготовить. Звѣрь почтенный! Посмотрите, тогда повѣрите. Ему бы и до сихъ поръ по лѣсамъ владычествовать, да вотъ на іерея наткнулся. Чудесную я изъ него колбасу готовлю. Нарубиль...

— Ну а какъ торговля окороками?

— Великолѣпно! Понравилось. Мужики теперь все ко мнѣ: «Батюшка, продай ветчинки!» Ну я и продаю. Тѣмъ и живемъ. У меня такъ вся семья работаетъ. Вишь, швейныя машины; тутъ у меня дочки стучать, по сорока рублей въ мѣсяцъ выстукиваютъ — рукодѣльницы! Ну и я тоже: охочусь, инструменты разные дѣлаю, содовые и шипучія воды готовлю, лимонады... Не хотите ли?.. Такъ съ нуждою не токмо борюсь, но теперь, одолѣвъ ее, надъ оною надсмѣваюсь! У меня вотъ и аптека тоже. Фершаль у насъ пьяный, что онъ можетъ? А я всѣхъ лечу, и ничего, съ успѣхомъ. Я отъ этой премудрости эскупаловской вкусилъ достаточно, отъ двѣнадцати болѣзней могу. А главное, обжоги и ушибы. На заводахъ этого-то больше всего вѣдь. Вотъ если что себѣ повредите, вывихните ручку — сейчасъ вставимъ! И съ полнымъ удовольствіемъ!.. Машину вотъ одну обдумываю теперь.

— Да вы совсѣмъ американецъ! не выдержалъ я, наконецъ.

— Зачѣмъ американецъ! Помилуйте! Наши уральцы почище американцевъ могутъ. Уралецъ на всѣ руки. Возьми ты его за хвостъ, помахай-помахай, да и швырни, — онъ непременно на лапы станеть. Такая ужъ порода!

— Вы что думаете? Онъ вамъ конкуренцію можетъ составить.

— Въ чемъ это? обернулся я.

— Батюшка-то вѣдь стихи какъ пишетъ — чудесно!

— Ну ужъ тоже, все выболтаешь! Пишу, точно, во время досуговъ. Господа моего прославляю, Зиждителя; природу, Имъ созданную; чудеса, разсыпанныя всещедрою рукою окрестъ.

— Печатались?

— Не посягалъ.

— Почему же?

— А потому — стихи дѣло особое. Это сокровеннѣйшія движенія души, созерцанія, коимъ приличествуетъ тишина и уединеніе. Нельзя душу на показъ выносить, иль боль какую сердечную на рынокъ, да и кричать: «посмотрите-ка, братцы, что я чувствую, и какъ оныя чувства въ стихахъ выражаю!»

— Ну, если это признать, у насъ не было бы ни Пушкина, ни Лермонтова, ни...

— То поэты. А мы такъ, птахи чирикающія. Какъ воробы, знаете, чивъ-чивъ-чивъ! Съ чириканьемъ-то въ публику не выйдешь. Найдется иной зоиль и за твое чириканье такъ тебѣ по затылку... Ахъ, ты, подлець! Гдѣ ружье мое? засуетился батюшка.

— Что вы?

— Это вѣдь онъ до моихъ куръ добирается. Куры у меня — шпанки, дорогія куры!

Батюшка, къ общему нашему недоумѣнію, выскочилъ

въ другую комнату, пошумѣлъ тамъ и потомъ явился къ намъ съ ружьемъ. Хорошій, вороненый стволъ самодѣльными спайками былъ прилаженъ къ самодѣльному и даже невыкрашенному ложу.

— Медвѣдъ у меня поломалъ, второпяхъ объяснилъ онъ, подбираясь къ окну. — Сиди, сиди, подлець! Вотъ я тебя сейчасъ... Тебѣ, братъ, моихъ куръ не видать!

Нацѣлился, баць! — и съ вѣтвей высокой сосны, стоявшей около самаго берега, что-то темное зашуршало, обламывая сухіе сучки и шлепаясь о крѣпкіе. Когда оно упало на земь, мы разсмотрѣли большаго коршуна въ агоніи, еще зѣвавшего клювомъ и вздрагивавшаго сѣрыми крыльями.

— Мечъ подъявый отъ меча и погибнетъ! торжествовалъ батюшка, внося убитую птицу въ комнату. Въ окнѣ былъ крюкъ; къ этому крюку онъ и подвѣсилъ коршуна, головою внизъ. Разбросавшіяся при этомъ крылья закрыли почти все окно.

— Для примѣру другимъ пернатымъ разбойникамъ. Я и безъ васъ знаю, что мои шпанки вкусны, сдѣлайте одолженіе! Повадитесь летать — ни одного цыпленка не оставите.

Обстановка поповскаго жилья была очень хороша. Особенно художественно была исполнена рѣзьба одного кресла.

— Самъ дѣлалъ, пояснилъ мой спутникъ, когда священникъ вышелъ съ ружьемъ въ другую комнату.

— Да что онъ у васъ на всѣ руки?

— А еще бы! Вы бы его въ земскомъ собраніи послушали.

— А что?

— Загонялъ всѣхъ. Такой ораторъ — наши только руками развели. Откуда что берется. И честно дѣло повелъ какъ, сейчасъ же противъ нашихъ воротилъ пошелъ; за правое меньшинство горою сталъ!

Мы провели у попа нѣсколько часовъ. Разказы его были неистощимы и въ высшей степени увлекательны, благодаря оригинальному остроумію, юмору, неожиданнымъ сравненіямъ, которыя такъ и сыпались у него при всякомъ случаѣ. Живое пониманіе природы сказывалось въ нѣсколькихъ охотничьихъ наброскахъ; знаніе же сердца человѣческаго — въ встрѣчахъ съ прихожанами, которые, какъ я узналъ потомъ отъ нихъ же, души не чаютъ въ своемъ священникѣ. Мнѣ первый разъ за всѣ мои скитальчества попался такой оригинальный и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичный типъ. Казалось, онъ не зналъ усталости; неудачи только разжигали его энергію. Встрѣчая ихъ, онъ никогда не падалъ духомъ. И при этомъ простота удивительная.

— У насъ попъ простой! У насъ попъ чернорабочій! говорятъ про него въ заводѣ.

— Сколько вамъ лѣтъ? спрашиваю его.

— А это какъ вамъ будетъ угодно. По метрику — шестьдесятъ пять, а по сердцу — двадцать.

И дѣйствительно, послѣднему вѣрилось вполне.

— Гдѣ же ваши дочки-то? Я имъ обѣщалъ въ прошлый разъ книжекъ захватить, спросилъ мой спутникъ.

— А въ лѣсу. Погоди, скоро придутъ. По грибы пошли поповны.

— Это у батюшки оркестръ.

— Вотъ послушайте, послушайте. Мы и на мусикійскихъ орудіяхъ упражняемся. А вы какъ думали?

Немного спустя, издали слышались громкіе голоса и здоровый, сильный смѣхъ.

— Вонъ и мои козы идутъ.

Краснощекія поповны нѣсколько сконфузились, увидя насъ, но тотчасъ же оправились. Видимо, онѣ выросли на привольѣ, въ чистомъ лѣсномъ воздухѣ этой благодатной

сторонки. Послѣ обѣда, радушно предложеннаго намъ батюшкою, онъ самъ взялъ скрипку и сталъ въ уголь комнаты.

— Я первая скрипка, пояснилъ онъ мнѣ. — Вотъ старшая дочка виолончель, а младшая — весь оркестръ замѣняетъ, потому что на акордіонѣ она.

Батюшка началъ, не помню, какую ужъ пьесу, при-топтывая тактъ ногами, и самъ слушалъ съ удовольствіемъ мастерское исполненіе. Дочки, краснѣя, вторили ему, и очень хорошо. За этою пьесою послѣдовала другая, за другою — третья. Серьезныя смѣнялись легкими.

— Мы и танцы играемъ, пояснилъ мнѣ священникъ. — А теперь я вамъ свою пьеску съиграю.

— Мы прослушали ее съ удовольствіемъ. Вещичка оказалась очень свѣжая и недурная.

Жаль было такъ скоро разставаться съ этою своеобразною и привлекательною личностью. Тѣмъ не менѣе смеркалось; на востокѣ, изъ-за Бѣлаго Спя, показались зловѣщія тучи. Ночь обѣщала быть дождливою. Самый вѣтеръ, тянувшій оттуда, вѣялъ на насъ холодомъ и сыростью. Мы ѣхали, торопясь добраться во-время до Кизела.

— Эко у насъ генераловъ сколько развелось штатскихъ.

— Что такое? оглянулся я.

— Да вонъ! И спутникъ показалъ мнѣ свиней, цѣлымъ стадомъ бѣжавшихъ по дорогѣ. У каждой изъ нихъ шея была продѣта въ большой деревянный треугольникъ, имѣвшій назначеніемъ мѣшать имъ портить изгороди и забираться въ усадьбы, огороженные заборами.

— Почему вы ихъ называете генералами?

— Да видите — въ треуголкахъ.

Когда мы добрались до Кизела, небо затянуло тучами и первыя капли дождя уже зашумѣли въ воздухѣ.

XXIV.

Ироды недавняго прошлаго.

Исторія пермскихъ заводовъ богата мрачными страницами. Если теперъ положеніе здѣшняго рабочаго является приниженнымъ, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ и вовсе невыносимымъ, то еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ оно было въ полномъ смыслѣ слова мученическимъ. Насиліе, жестокость, презрѣніе къ страданіямъ подначальнаго люда, грабежъ практиковались здѣсь въ столь широкихъ размѣрахъ, что надобно поистинѣ удивляться долготерпѣнію пермскаго населенія, покорно выносившаго всѣ эти прелести стараго режима. Впрочемъ, пока еще нечего торжествовать. Разумѣется, формы произвола смягчились, жестокость потеряла свой острый характеръ, ставъ систематическою и облекшись въ форму имущественнаго права, но тѣмъ не менѣе даже знающему нынѣшнее положеніе горнозаводскихъ крестьянъ, ихъ прошлое является какимъ-то ужаснымъ кошмаромъ. Въ Кыновскомъ заводѣ еще недавно безпутствовалъ Z. Теперъ онъ еще живъ и, какъ говорятъ, нѣсколько помягчился, но исправиться не ис-

правился. Этотъ прохаживался больше на счетъ сластолюбія. По вечерамъ, когда служащіе уходили въ контору, онъ врывался къ нимъ въ дома и насилуоваль женъ, дочерей, которыя, наконецъ, начали запираеть двери и ставни, какъ это дѣлали несчастныя болгарскія семьи въ періодъ владычества баши-бузуковъ въ придунайскихъ областяхъ. Во время крѣпостнаго права, онъ безошадно ссылалъ въ Сибирь рабочихъ, вступавшихся за свою супружескую честь.

— Тутъ у насъ, почитай, весь заводъ по наряду у Z. перебывалъ, говорили мнѣ вполсѣдствіи. — Никого не обижалъ, всѣмъ бабамъ и дѣвкамъ списки велъ.

Когда это чудовище управляло въ Усольѣ соляными промыслами одной изъ самыхъ громкихъ русскихъ фамилій, по вечерамъ мимо его дома женщины не осмѣливались ходить, потому что онъ ихъ выслѣживалъ и какъ минотавръ утаскивалъ ихъ въ свое логовище. Къ сожалѣнію, въ Усольѣ не живало царевенъ, а то навѣрное нашелся бы какой-либо Георгій Побѣдоносець, который пронзилъ бы копьемъ сего сластолюбиваго змія. Въ Кыновскомъ заводѣ устроилось было общество потребителей и устроилось прекрасно, затѣмъ ввелся обычай разбираться служащимъ съ управляющимъ помощью третейскаго суда. Три года и то, и другое существовало къ общему удовольствію, порядокъ былъ всюду примѣрный, ссоръ никакихъ. Ни претензій со стороны служащихъ, ни притѣсненій со стороны управляющаго не было. Явился Z. и дѣло разомъ рухнуло. Общество потребителей онъ сталъ тѣснить, а третейскому суду и дохнуть не далъ. Графъ Строгановъ прежде здѣсь былъ очень популяренъ, но съ тѣхъ поръ, какъ отъ имени его сталъ дѣйствовать Z., народъ и на его довѣрителя перенесъ свою злобу и ненависть.

Болѣ всего здѣсь жалѣли общество потребителей. Оно приносило заводскому населенію громадную пользу. Капиталь на его основаніе далъ Строгановъ съ тѣмъ, чтобы выручка въ погашеніе долга поступала въ его контору. Осуществили эту прекрасную идею Воеводинъ и Рогачовъ, которые, разумѣется, нисколько не напоминали Z своими личными качествами. Несмотря на всѣ мѣры, принятыя имъ, общество потребителей въ Кыновскомъ заводѣ владѣеть теперь 11,000 р., выплативъ владѣльцу 6,000 р., занятыхъ на свое основаніе.

Приказчикъ купца Обыденкова, Никитинской волостной старшина, еще недавно практиковалъ слѣдующую систему взысканія недоимокъ съ заводскаго населенія. Онъ вѣшалъ мужика головою внизъ, пока тотъ не соглашался уплатить требуемаго взноса. Одинъ изъ провисѣвшихъ такимъ образомъ съ четверть часа, выздоровѣлъ и пожаловался, но въ этомъ случаѣ не былъ поощренъ начальствомъ. Оно распорядилось отпороть его розгами «за безпокойство». Старшина, по указанію купца Обыденкова, спившаго здѣсь нѣсколько уѣздовъ, продѣлывалъ и не такія вещи, причемъ ни разу и никто его не подвергалъ законной отвѣтственности. Всякій разъ, когда мѣстнымъ судебнымъ учрежденіямъ ставили въ укоръ подобные случаи, отвѣтъ отъ нихъ получался одинъ и тотъ же:

— Тутъ, батюшка, такія каменные стѣны нагромождены, что ихъ и громы небесныя не разобьютъ.

Не лучше до недавняго впрочемъ времени оказались и новыя судебныя учрежденія. Прокуроры и ихъ товарищи прямо останавливали слишкомъ рьяныхъ и честныхъ судебныхъ слѣдователей.

— Дѣла вѣдь не сдѣлаете, а кляузъ разведете много, бросьте.

Если же слѣдователь не бросаль, то его за несогласіе переводили въ другой округъ, или просто выгоняли на всѣ четыре стороны.

Тамъ, гдѣ существовала система «уроковъ», т. е. опредѣленное въ день количество работъ, притѣсненіе рабочихъ было еще ужаснѣе. Часто штейгеръ отказывался назначать уроки, выходяшіе изъ предѣловъ, возможныхъ для человѣческой руки и человѣческой силы. Такихъ штейгеровъ (горный мастеръ — уставщикъ) драли немилосердно «за потворство лѣнтямъ». Одинъ изъ горныхъ начальниковъ любилъ даже драть съ прохладю. Рабочихъ драли до тѣхъ поръ, пока его высокоблагородіе докуривало сигару. Если сигара была хороша и курилась со вкусомъ — истязанія несчастнаго происходили дольше. Жена и дѣти бывало въ ногахъ валяются, а дранье идетъ своимъ порядкомъ, и на плачь просителей начальство обращало столько же вниманія, сколько на назойливаго злаго комара или жужжаніе пролетающей мимо пчелы. Часто, на первой трети сигары истязуемый лишался чувствъ, но это не мѣшало докурить сигару и досѣчь штейгера или рабочаго. Рассказываютъ о нѣкоторомъ Семеновѣ. Сынъ простаго рабочаго, онъ уже добрался до седьмаго класса гимназіи. Вытребованный отцомъ на заводъ и думая здѣсь выдѣлиться своими познаніями, онъ передалъ свое увольненіе брату, а самъ замѣнилъ его. На заводѣ людей образованныхъ вовсе не было. Семенова замѣтили — сдѣлали урядникоцъ, какъ вдругъ начальство смѣнилось. Новая власть, какъ-то проходя мимо, увидѣла Семенова, и по общей манерѣ заводскаго галантнаго обращенія, начала было:

— Ну ты, прохвость, что дѣлаешь?

Семеновъ обидѣлся. Это было на Юговскоиъ заводѣ,

гдѣ до этого времени практиковалось совершенно иное обращеніе.

— Позвольте!

— Чего, болванъ, позвольте?

— Какъ вы смѣете ругать меня, я...

— Вотъ ты какъ! на гауптвахту!.. Я тебя выучу. На три дня.

— Онъ изъ образованныхъ, шепнула было старая власть.

— Изъ образованныхъ? На двѣ недѣли! У меня образованнымъ первый кнутъ. Я вамъ, подлецамъ, покажу...

— Начались прижимки, Семенова изъ урядниковъ назначили въ писаря. Сталь служить писаремъ, власть придралась къ чему-то и послала Семенова въ полицію съ запиской, гдѣ было изображено: «отпустить подателю двадцать ударовъ розогъ». Отпустили сполна. Черезъ два дня опять тоже, но съ усиленіемъ порціи. Потомъ повторенія стали правильны. Три раза въ недѣлю несчастнаго обязательно посылали въ полицію, гдѣ столь же обязательно «отпускалось» ему требуемое количество. Семеновъ обезумѣлъ отъ горя. Не зная, что дѣлать — бѣжалъ. Его поймали, опять «отпустили». Бѣжалъ еще разъ, съ тѣмъ же результатомъ. Прикинулся сумасшедшимъ. Послали къ полиціймейстеру Якову П...му, съ приказаніемъ «запороть». П...нъ приготовилъ палачей, но куда-то былъ вызванъ внезапно. Исполнявшій его обязанность сжалился надъ измученнымъ Семеновымъ и вмѣсто палачей поручилъ исполнить экзекуцію десятскимъ. Его за это чуть не предали суду и стали преслѣдовать. Въ концѣ концовъ Семенова выслали въ Богословскіе заводы — центръ подлостей и мерзостей того времени. Съ 1852 до 1863 года онъ выдерживалъ эту каторгу, наконецъ помѣшался въ

самомъ дѣлѣ. Помѣшаннаго драли и запарывали точно такъ же, какъ и здоровыхъ. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна. Семеновыхъ здѣсь были массы!

— Не перечестъ. Каждый десятками ихъ насчитаетъ! сообщали мнѣ.

Горный начальникъ, такимъ образомъ преслѣдовавшій Семенова, былъ извѣстенъ злодѣйствами, по всей справедливости раздѣляя эту славу съ исполнителемъ своихъ приказовъ, полиційместеромъ П....мъ.

Кто-то укралъ возъ съ сѣномъ и убѣжалъ. Братъ его, мальчикъ, пріѣхалъ въ городъ искать его. Ребенка схватили.

— Гдѣ твой братъ?

— Не знаю; самъ пріѣхалъ, чтобы найти. Мамка послала.

— Подъ розги — пытатъ. Повторяетъ то же.

На другой день опять та же пытка и тоже наказаніе. На третій — повтореніе по этой программѣ. На четвертый — мальчика нашли въ тюремѣ повѣсившимся!

Этотъ горный начальникъ, нынѣ генералъ въ отставкѣ, живетъ въ Питерѣ, пользуясь заслуженнымъ отдыхомъ и исправно собирая доходы съ своихъ домовъ. Неужели въ этомъ подломъ звѣрѣ не просыпается чувство? неужели сквозь заскорузлую кору его не можетъ пробиться ни одинъ укоръ совѣсти? Неужели сонъ его спокоенъ и крики замученныхъ жертвъ не тревожатъ никогда въ тишинѣ ночи этого «идеальнаго злодѣя?» Не можетъ быть! Нельзя повѣрить ничему подобному. Мнѣ кажется, напротивъ, всякая веревка должна его тянуть къ себѣ; а если онъ, какъ Иуда, кончитъ свою гнусную жизнь самоубійствомъ — ни дѣти, ни близкіе не должны оплакивать этого стараго, развратнаго и злаго негодяя! Собакъ — собачья смерть.

Каждый день свистъ шпицрутенонъ, розогъ, крики жертвъ, вой ихъ женъ и дѣтей раздавались въ заводахъ. Это было какое то царство непрекращавшихся ужасовъ. Не было спины, неисполосованной прутьями; не было чело-вѣка, котораго не искалѣчили бы руки начальства. Ни честь дѣвичья, ни личное достоинство, ни заслуги, ни труды свыше мѣрь, ни исправное исполненіе своихъ обязанностей — не значили ничего. Произволь цариль повсюду, законъ спо-койно стоялъ въ шкафахъ.

— Я царь, я богъ Уральскаго хребта! кричалъ, бывало, другой генераль — Глинка, начальникъ казенныхъ заводовъ.

Каждый изъ его подчиненныхъ былъ такимъ же ца-ремъ и богомъ у себя въ своемъ небольшомъ отдѣлѣ.

Равенство не передъ законами, а передъ розгами было всеобщее; драли женщинъ, запарывали дѣтей; даже спины іерейскія не оставались дѣвственными. Ихъ воздѣлывали, случалось, съ равнымъ усердіемъ. И между колѣнами Да-новымъ и Левитовымъ не дѣлали никакихъ различій. До-ходило до чудовищныхъ несообразностей. Управляющій Всеволожскими Луньвинскими дачами, Козловъ, пороль роз-гами — напимѣрь, старика Дубкова, «за открытіе каменно-угольныхъ копей» тамъ, гдѣ ихъ не предполагали.

— Какъ ты смѣлъ?

— Я думалъ, польза будетъ. Нашолъ и донесъ вамъ!

— Я тебѣ дамъ находить! Ишь какіе еще развѣдчики нашлись.

Старика вынесли изъ полиціи на рукахъ!

Теперь эти копи разрабатываются и доставляютъ вла-дѣльцамъ громадный доходъ.

На другомъ заводѣ крестьянинъ наткнулся на богатую золотоносную розсыпь. Его управляющій просто застрѣлил и донесъ, что, защищая собственную жизнь, убилъ раз-

вѣдчика. Дѣло кончилось ничѣмъ, а между тѣмъ розсыпь была взята убійцей въ аренду и сдѣлала ему миллионное состояніе.

Одинъ изъ горныхъ начальниковъ, какъ еврейскій царь Вирсавіей, увлекся женою своего рабочаго. Баба молодая любила своего мужа и съ заводскимъ Соломономъ не захотѣла имѣть никакого дѣла. Тотъ, впрочемъ, недолго думалъ. Призываетъ рабочаго.

— Что лучше: двадцать пять рублей или двѣсти пятьдесятъ розогъ?

Рабочій не понялъ.

— Ну вотъ что, братъ. Или я тебя заporю, или ты пришли мнѣ жену въ домъ, для услугъ.

Рабочій, къ удивленію начальства, оказался изъ упрямыхъ. Стали его пороть. Дѣйствительно черезъ мѣсяць запорота, а заводская Вирсавія удавилась въ петлѣ.

И мужа и жену признали незаслуживающими христіанскаго погребенія по приказанію уральскаго Соломона. Дѣло это было настолько въ порядкѣ вещей, что о немъ даже и не говорили на заводахъ.

— Дуракъ! отзывались о рабочемъ. — Въ люди бы вышелъ. Самъ своего счастья не хотѣлъ. И жена-то глупая. Кабы умная была, сама бы къ начальнику пошла.

Таковы были понятія; да иными они и быть не могли въ этомъ душномъ воздухѣ безправія и произвола.

— Нравы у насъ, сударь, жестокіе! сказалъ бы уральскій Кулибинъ того времени.

— У насъ просто было! вздыхаютъ обросшіе мохомъ поклонники стараго режима.

Впрочемъ, повторяю, торжествовать нечего. Времена нынѣшнія мало чѣмъ уступятъ прежнимъ. Измѣнилась только форма насилія, безправіе замѣнилось фикціей бумажнаго

права. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ я расскажу, что такое уральскій горнорабочій въ настоящее время, когда и прочее... Горные начальники смѣнились частными владѣльцами заводоу изъ щедринской колекціи Разуваевыхъ и Колупаевыхъ. Эти порютъ меньше, за то вымариваютъ населеніе голодомъ, бьютъ его не по карману, потому что при колупаевской реформѣ кармана не полагается — класть нечего, а по брюху. Рабочіе слоняются какъ тѣни, не зная куда имъ дѣваться. Разумѣется, теперь не случается, какъ это напримѣръ сдѣлали съ Иваномъ Снѣтковымъ, замуравывать въ стѣны за бунты; но прежній рабочій хоть до бунтовъ доходилъ, а нынѣшній только вздыхаетъ «хлипка», да не разгибая спины работаетъ.

— Какіе ужъ у насъ бунты! Дай Богъ сытымъ быть, чтобы не примереть!

А исторія этого Ивана Снѣткова очень любопытна. Онъ былъ замѣчательно красивъ и спознался съ любовницею управительскою. Заводскій Отелло заковалъ его; но счастливый юноша убѣжалъ, разбивъ рѣшотку тюрьмы и захвативъ съ собою кстати Десдемоу. Отелло, недолго думая, схватилъ отца этого уральскаго Париса и замазалъ его въ стѣну; только и оставилъ пространство, чтобы дышать, да ѣсть можно было.

— Пока сынъ твой не явится, ты просидишь у меня въ мѣшкѣ.

Вечеромъ того же дня сынъ явился. Отца выпустили. На другой день управитель позвалъ старика и сообщилъ ему:

— Сынъ твой опять убѣжалъ. Ну да Богъ съ тобою, я на тебѣ зла не помню. И отпустилъ бѣдняка.

Тотъ было обрадовался, думая, что управитель и въ самомъ дѣлѣ простилъ юношу. Черезъ нѣсколько лѣтъ правда обнаружилась. Отелло приказалъ преданнымъ ему людямъ

въ готовый каменный мѣшокъ посадить Снѣткова, но уже замуровать его совсѣмъ кирпичами. Одинъ изъ трехъ злодѣевъ покаялся.

— Куда ни пойду, вездѣ слышу, какъ онъ тогда пла-
калъ. Мы его закладывали кирпичами, а онъ только сто-
наль и не просиль ужь и не бился!

Приказная сволочь дала знать управляющему о повинной одного изъ его вѣрныхъ слугъ. Черезъ недѣлю пріѣхали къ нему для обыска, стѣна оказалась задѣланною. Сняли слой кирпичей, подъ ними никакого мѣшка не было.

Когда доказчика наказывали кнутомъ, онъ кричалъ: «терплю за Снѣткова, за злодѣйство свое!» Такъ подъ кнутомъ и умеръ.. Отъ этого управляющаго пошли одни изъ самыхъ крупныхъ богачей пермскихъ.

XXV.

Рабочій на заводѣ и на приискахъ.

— Нашъ народъ — бѣдушный народъ. Лонысь баринъ одинъ спрошалъ: «Какъ вы, братцы, живете?» — Помираючи, живемъ. Вотъ какъ мы живемъ!

— Что-жь, нужда одолѣла?

— Нужа—нужой. А только седни не знаешь, гдѣ завтра будешь. Потому — заводъ спалить лѣса, ну и пошли всѣ кругомъ съ сумою. Вотъ черезъ Шабурное проѣзжать будете — поглядите. Голина совсѣмъ. Словно дерево подъ корень. Лоскомъ лежить!

— И дѣйствительно, жизнь уральскаго рабочаго далеко не завидна. Самый лучший округъ — сѣверный и тотъ въ этомъ отношеніи не дѣлаеть исключенія. Лазаревскому и демидовскому рабочимъ, разумѣется, живется лучше. Они хоть убѣждены въ прочности своего положенія и могутъ устраиваться осѣдло. Остальные беззащитны и не увѣрены въ завтрашнемъ днѣ. Что же касается до несчастныхъ, которые попали въ руки Разуваевымъ и Колупаевымъ, то ужь, разумѣется, крестьянская лошадь въ мартѣ,

т. е. передъ подножнымъ кормомъ и послѣ скуднаго зимняго корма, облѣзшая, хилая, едва передвигающая ноги, не перемѣнитъ своего положенія на это. Колупаевскіе батраки и ограблены, и придушены, и развращены до мозга костей. Ихъ даже сѣкутъ и, представьте, сѣкутъ Разуваевы и Колуваевы втораго сорта, т. е. разуваевскіе и кулупаевскіе приказчики! Что это не преувеличеніе — видно будетъ изъ фактовъ, приводимыхъ ниже. Теперь же охарактеризуемъ экономическое положеніе лазаревскаго рабочаго въ Кизелѣ, Чермозѣ, Артемьевскомъ и другихъ пунктахъ, описанныхъ нами. Заводскія работы здѣсь по преимуществу задѣльныя и онѣ цѣнятся выше поденныхъ, потому что есть интересъ больше работать. Какая нибудь баба, стоящая у обжиганія руды для домны, какъ ни хлопочи, болѣе 20 к. въ день не получить, а при задѣльной платѣ каждый заработаетъ столько, насколько хватитъ его знаній и силъ; разумѣется, условія труда здѣсь столь ненормальны, что и этого, въ сущности, очень мало. Вотъ, на примѣръ, такъ называемая пудлинговая артель. Она свариваетъ чугуны въ пудлинговыхъ печахъ и считается уже по выдѣлкѣ желѣза, причемъ на каждую печку въ мѣсяць хорошему мастеру достанется 28 р., двумъ подмастерьямъ — каждому по 25 р. 50 к., двумъ рабочимъ по 19 р. Для того, чтобы получить этотъ скудный заработокъ, нужно сварить и выдѣлать не одну тысячу пудовъ сходнаго, т. е. лучшаго желѣза. Изъ самаго же процесса работы, описаннаго мною выше, видно, что это за каторжный трудъ. Помимо простой физической силы и выносливости, требуемой имъ, нужно еще, при постоянномъ мускульномъ напряженіи, разрываться во все стороны лицомъ къ лицу съ сварочными печами, изъ которыхъ пышетъ адомъ. Понятно, что человѣкъ, который цѣ-

лый день проводить на банномъ полкѣ въ 60°-ой жарѣ, да еще обязанъ работать при этомъ, не имѣеть никакого основанія рассчитывать на свое здоровье. Отсюда всевозможные тифы, горячки, простуды. Отсюда сухія, словно насквозь высушенныя тѣла, слабыя груди и больные глаза. Какъ бы ни было сильно зрѣніе — оно притупляется тотчасъ же отъ этого краснаго блеска печей, отъ прилива крови, вызываемаго невыносимымъ зноемъ. При каждой такой печи должны быть еще два мальчика. Они поднимаютъ заслонки и, разумѣется, за 20 к. поденной платы уже въ раннемъ возрастѣ лишаются самой возможности не чахнуть цѣлый вѣкъ. При работахъ несходнаго желѣза, требующихъ меньше вниманія, съ каждой тысячи пудовъ мастеръ получить 2 р. 50 к., подмастерье — 1 р. 50 к., рабочій — 1 р. Сходное и несходное желѣзо вырабатывается вмѣстѣ, причемъ послѣдняго выходитъ изъ общей массы 7 или 8%. Если артель трудится дружно и хорошо, то, перелагая ея задѣльную плату на поденную, съ вычетомъ праздниковъ и каникулъ, которые даются на лѣтнія полевые работы, ей придется въ рабочій день: мастеру 1 р., много-много 1 р. 5 к., подмастерьямъ по 90 к., рабочимъ отъ 70 до 75 к. Болѣе легкая работа машиниста оплачивается меньшею цѣною. Какъ онъ не рвись, болѣе 15 р. въ мѣсяцъ ему не назначать. На самыхъ щедрыхъ заводахъ этого округа варовщикъ и подмастерье зарабатываетъ 27 р. 50 к. въ мѣсяцъ, мастеръ — 32 р. 50 к., простой рабочій — 25 р. Обжимальщикъ, — тотъ самый желѣзный человѣкъ, что шесть часовъ въ день стоитъ подъ огненнымъ дождемъ расплавленнаго шлака и подъ молотомъ обрабатываетъ доставленные ему изъ пудлинговыхъ печей куски — съ каждой тысячи пудовъ сходнаго желѣза получить 9 р. и съ каждой тысячи несходнаго — 1 р.

25 к. Въ день, такимъ образомъ, ему при удачѣ придется не болѣе 1 р. 50 к. Это уже аристократія заводскаго труда. Желѣзный человѣкъ хотя и испытываетъ положеніе Содома и Гоморры, которые, по библейскому преданію, были побиты небеснымъ огнемъ, но за то онъ работаетъ только шесть часовъ въ сутки. Сварочные рабочіе, опять раскаливающіе желѣзо въ сварочныхъ печахъ и прокатывающіе его на полосы, разрѣзывающіе, рубящіе и сортирующіе его, затѣмъ вѣсовщики и вяжущіе пакеты, съ каждой тысячи пудовъ получаютъ по 6 р. 40 к., причеиъ на долю мастера, хотъ онъ лопни отъ натуги, больше 1 р. въ день не достанется. Рабочій за то же время получить 60 к. Тѣ, которые въ средней полосѣ Россіи находятъ крестьянъ на всевозможныя полевыя работы помѣсячно за 7, за 8 р., изумятся размѣру уральскихъ платежей; но они должны имѣть въ виду, что хлѣбъ здѣсь дешевле 85 к. за пудъ не падаетъ, и что всѣ категоріи заводскихъ рабочихъ на своихъ харчахъ. Да и самый трудъ такъ ужасенъ, что любой изъ горнозаводскихъ литейщиковъ пойдетъ на самую тяжелую земляную работу за половинную плату противъ своей, но съ тѣмъ, чтобы не жариться передъ печью, не обливаться цѣлый день потомъ, не болѣть и не умирать преждевременно. Я встрѣчалъ здѣсь стариковъ, но рѣдко. Вообще заводскій крестьянинъ рѣдко дотягиваетъ до сорока лѣтъ. Не лучше положеніе крестьянъ и на угольныхъ работахъ для того же завода. Изъ каждой сажени еловыхъ дровъ артель должна съ умѣньемъ выжечь не менѣе $\frac{2}{3}$ кубич. саж. угля. Для этого требуются очень хорошіе мастера. Изъ березовыхъ полагается меньше. На десять коробовъ еловаго угля идетъ 10 бадаговъ дровъ (бадагъ — $\frac{1}{2}$ кубич. саж.). Ельника сметничнаго, т. е. смѣшаннаго съ березою, на 10 коробовъ

идеть 11 бадаговъ; чистый березовый уголь на 10 коробовъ потребуеть 12 бадаговъ лѣса, т. е. 6 кубич. саж. дровъ. За рубку дровъ, за каждый бадагъ полагается 60 к. Тутъ и сваль лѣса на мѣсто, и самая рубка. За выжигъ угля съ каждаго короба платятъ 65 к. за еловый, 70 к. за сметничный, и 75 к. за березовый. Перевозка съ версты и короба 5½ к. за еловый, 6 к. за сметничный и 6½ к. за березовый. Для рубки дровъ нужны привычныя зырянскія руки. Въ то время какъ зыряне приготовятъ, напимѣръ, два бадага, здѣшніе крестьяне успѣють приготовить не больше одного или полутора. Угольщикамъ тоже работа не легенькая; принявъ дрова на свой страхъ и за своею отвѣтственностью за ихъ количество, они должны расчистить мѣсто, подвезти, сложить, осыпать землю, покрыть дерномъ, обуглить и потомъ уже, разломавъ на куски каждое обугленное полѣно, сложить его въ валѣ и перевезти на заводъ. Въ то время какъ дрова рубятъ весною, отчасти осенью, обжигаютъ ихъ обязательно въ осень, а вывозятъ зимою. Зыряне приходятъ на этотъ промыселъ не артелями, а парами, отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ или съ сестрою, мужъ съ женою, — непременно родные. Бабы въ работѣ у нихъ не уступаютъ мужчинамъ. За весь промысловый сезонъ, состоящій иногда изъ трехъ, иногда изъ четырехъ мѣсяцевъ, такая рабочая пара, питаясь однимъ хлѣбомъ и рѣдко пьянствуя — зыряне вообще пьютъ мало — унести съ собою каждая рублей по 40, 50. Случается, что при неудачѣ уйдетъ и съ пустыми руками. Но опять-таки съ зырянами этого почти не случается; слишкомъ они работящи, внимательны и умны. Они доходятъ на югъ до Кыновскаго завода; дальше уже рѣдко. Дальше чердынецъ идетъ, пермякъ, русскій. Каждая такая зырянская пара,

входя въ соглашеніе съ заводомъ, требуетъ, чтобы хлѣбъ ей отпускался изъ заводскаго магазина, причемъ бы болѣе 70 к. за пудъ не брали. Иначе она не остается на заводѣ. Разумѣется, на эти условія заводоуправленія соглашались, потому что зыряне работники превосходные. Выносливость ихъ выше всякаго сравненія. Вотъ, напримеръ, ихъ зимнее житъе. Они вбиваютъ въ землю четыре низенькихъ столба, настилаютъ на нихъ крышу. Со всѣхъ сторонъ открыто. Подъ такимъ катафалкомъ они спятъ въ снѣгу мѣсяцы, какіе бы морозы ни стояли. Дровъ для себя не изводятъ; ѣдятъ иногда сырое, напримеръ, соленую рыбу. Замерзаютъ рѣдко, хотя, разумѣется, и этотъ грѣхъ случается. Въ послѣдніе годы зыряне уже не являются сами съ предложеніемъ своихъ услугъ, а съ заводовъ повѣренные ѣдутъ къ нимъ подряжать дроворубовъ и угольщиковъ. При этомъ между всѣми рабочими парами существуетъ полная солидарность. Если одну изъ нихъ на заводѣ обидятъ или обсчитаютъ, то на слѣдующій годъ повѣренный этого завода уѣдетъ отъ нихъ съ пустыми руками. Какія бы условія онъ не предложилъ, сколько бы денегъ имъ въ руки не соваль, ни одинъ не найдется къ нему. Это соблюдается свято. Сборный пунктъ зырянскихъ рабочихъ паръ — Усолье. Къ нему со всѣхъ концовъ они идутъ прямокомъ, цѣлиною, наперерѣзъ, не стѣсняясь тѣмъ, что нѣтъ дороги.

— Какъ вороны летаютъ! сравнилъ рассказывавшій мнѣ эти подробности.

Гдѣ они разъ были или прошли — никогда не забудутъ.

Кизеловскій, Чермозскій и другіе лазаревскіе заводы кое-что дѣлаютъ и для рабочихъ. Ниже я скажу о пенсіонахъ, выплачиваемыхъ тѣмъ, которые всю жизнь про-

работали на Лазаревыхъ. Рабочему, имѣющему большую семью, выдается на каждаго четвертаго ребенка, а вдовамъ на третьяго, довольствіе провіантомъ до 12 п. въ годъ, до поступленія въ работу, или до облегченія ихъ участи другимъ способомъ. Такимъ образомъ въ Кизелѣ содержится около 111 мальчиковъ на 900 р. въ годъ. По невозможности взыскать, ежегодно складывается долговъ съ рабочихъ 1,000 р., да на обязательную продажу хлѣба по условленнымъ съ рабочими цѣнамъ заводъ каждый годъ теряетъ около 7,000 р. Разумѣется, все это очень ничтожно, но у нѣкоторыхъ другихъ и подобныхъ малыхъ пособій нѣтъ. Я уже не говорю о новой аристократіи заводской, о Разуваевыхъ и Колупаевыхъ горнаго дѣла; даже у крупныхъ и именитыхъ предпринимателей выдадутъ семьѣ искалѣченнаго или убиитаго на работѣ труженика 2 р. одновременно и ступай себѣ на всѣ четыре стороны! Всѣми этими преимуществами пользуются, но гораздо менѣе вознаграждаются рудничные рабочіе на заводахъ Абамеликъ-Лазарева. Съ ящика бурой желѣзистой массы объемомъ въ $\frac{1}{8}$ часть куб. сажени уплачивается за руду, взятую изъ внутри, т. е. изъ подъ земли, въ шахтахъ — 2 р. 50 к. и 2 р., а за поверхностную — 1 р. Какъ мужики, такъ и бабы, въ этомъ случаѣ получаютъ одинаково; различій для болѣе сильнаго пола не дѣлается. Переводя эту задѣльную плату на возможный поденный заработокъ, получимъ отъ 10 до 20 к. для поверхностныхъ рабочихъ, такъ какъ на землѣ руда слишкомъ разсыроплена въ негодныхъ породахъ, а для шахтовыхъ — каждые пять человѣкъ, составляющіе артель, могутъ за двѣнадцатичасовой трудъ получить 2 р. 50 к., т. е. по 50 к. на человѣка. Очень слабое вознагражденіе за упорный трудъ въ вѣчномъ мракѣ, да еще — при дурномъ устройствѣ

шахтъ — въ вѣчныхъ опасеніяхъ быть закаленными землею, залитыми водою и за-живо схороненными!

— Какъ вы имъ мало платите, вырвалось у меня какъ-то.

— Удешевите сплавъ и уголь — можемъ платить и дороже. И то въ этомъ году, мы продаемъ имъ хлѣбъ по 66 к., за который сами заплатили 70 — 75 к. Считите, во что это влетитъ! Вонъ у нихъ бабы занимаются пыльной работою, такъ мы имъ по 10 к. въ день платимъ. А у нихъ и дѣти есть. Сами знаемъ, что мало, да что-же вы подѣлаете! Заводы — не благотворительное заведеніе!

— Говорятъ у Строгановыхъ прежде лучше было рабочему.

— Еще-бы! Лѣсъ-то вѣдь даромъ совсѣмъ оказывался. Теперь лѣсовъ нѣтъ, а каменный уголь пока дорогъ. За то же и сѣкли какъ въ тѣ поры!

На каменно-угольныхъ лазаревскихъ копяхъ рабочіе получаютъ съ вагона, судя по крѣпости забоя. Въ вагонѣ, вмѣстѣ съ мусоромъ, помѣщается 35 п. угля. Вознагражденіе за добычу этой массы распредѣляется такъ: забойщикъ, отбивающій породу, обязанный сверхъ того даромъ крѣпить штольни и ходы или, лучше, норы свои балясинами, получаетъ отъ 10 до 12 к. съ вагона. При мягкомъ забоѣ, такимъ образомъ, ему придется около 1 р. 25 к., при твердомъ до 50 к. въ день. Забойщикъ вообще въ мѣсяцъ можетъ добыть отъ 15 до 18 р. Рѣдко болѣе. Подкатчики, доставляющіе руду отъ забоя къ вагонамъ, на поденной платѣ, по 20, 25 или 30 к. Вагонщики, за доставку вагоновъ къ подъемной машинѣ по рельсовому пути, 40 к. въ день, полуработники, т. е. молодежь до 15 лѣтъ, отнимающіе днища отъ вагоновъ, чтобы уголь сыпался на грохоты — 30 и 20 к. въ день, отводящіе вагонъ въ сарай

дѣвочки — 20 к., а женщины отбрасывающіе мусоръ — по 25 к. Кромѣ того, для движенія вагоновъ устроена паровая машина; завѣдующій ею вознаграждается 23 р., а кочегарь 9 р. въ мѣсяцъ. Плотники, за срубы и стойки изъ крѣпёжнаго лѣса, поставляемаго внутрь въ шахты, могутъ въ день наверстать 40 к. При добываніи флюсовъ, т. е. ломкѣ известковаго камня на горахъ, лежащаго въ наружѣ, за $\frac{1}{8}$ часть куб. сажени уплачивается рабочему, по объѣму правленіемъ, 30 к. Въ день можно наломать флюсоваго камня на 45 — 60 к. Отдѣльныхъ рабочихъ на эту работу не берутъ, а непопавшіе въ тотъ день на заводъ или почему бы то ни было свободные отъ занятій, крестьяне уходятъ на рѣку, ломаютъ и складываютъ известнякъ, а потомъ, когда имъ понадобятся деньги, дѣлаютъ заявленіе, что ими наработано столько-то куб. сажень.

Таковы цѣны на заводахъ Кизеловскомъ, Чермозскомъ, и вообще у Абамеликъ-Лазаревыхъ. Повторяю опять, — здѣсь; благодаря тому, что во главѣ дѣла поставлены гуманные люди, въ родѣ Новокрѣщенныхъ, Попова и другихъ, рабочему живется лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; но положеніе горнаго дѣла во время посѣщенія мною этихъ заводовъ было таково, что улучшенія въ близкомъ будущемъ не ожидалось вовсе. Кизеловскій заводскій рабочій уже утратилъ типъ крестьянина. Это скорѣе городской мѣщанинъ, слабый физически, но болѣе развитый, предприимчивый и, разумѣется, болѣе деморализованный чѣмъ мужикъ. Цѣломудріе вовсе не считается здѣсь доблестью, и супружеская ревность почти неизвѣстна. Живутъ рабочіе лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Дома ихъ нельзя назвать избами. Комнаты чистыя, есть кое-гдѣ нѣмецкая мебель. Платье — въ праздникъ непременно городское, въ будни —

тряпье и лохмотья. Всклокоченный, съ налипшими на лобь космами, воспаленными глазами отъ огня, передь которымъ приходится трудиться, съ обожженнымъ лицомъ и шрамами на лбу и на щекахъ, съ рѣдкими усами и бородами, сухіе и слабые на ногахъ, заводскіе рабочіе рѣзко выдѣляются изъ массы здороваго (гдѣ осталось такимъ) крестьянства. Сквозь прорѣхи кожаной рубахи, надѣтой на работу, сквозятъ выдавшіеся ребра, острия плечи — тоже въ шрамахъ и обжогахъ; открытый воротъ, обнаруживаетъ впалую, чахлую грудь. По складу тѣла всего лучше на нихъ изучать скелеть. Каждая косточка глядитъ въ наружу, мяса имъ отпущено въ обрѣзъ, жиру не полагается вовсе. За то если вы съ ними заговорите, то окажется, что онѣ газеты почитываютъ и разсуждаютъ уже не какъ крестьяне. Взглядъ мѣстнаго рабочаго нѣсколько суровъ и тяжелъ, какъ и куски, которые ему приходится обжигать въ печахъ и обжимать подь молотами. Въ пьяномъ видѣ онъ не сантиментальничаетъ. Напривѣ, мрачень и сосредоточень. Сознанія довольства своего положенія нѣтъ нигдѣ. Напротивъ, съ третьяго слова:

- Прижимка насъ одолѣла!
- Рабочему человѣку смерть! Заѣли рабочаго человѣка.
- Терпи, покуль живъ! А и умрешь, не легче!
- Богъ насъ забылъ, а люди покинули, такъ и маемся.
- Хозяевамъ хорошо, въ золотыхъ каретахъ ѣздютъ въ Питерѣ, а мы что червь болотная!

Рабочій уже понимаетъ, что онъ. имѣетъ право раздѣлить съ хозяиномъ нѣкоторую выгоду отъ производства. Такъ въ Кыновскомъ заводѣ служащіе подали просьбу о раздѣлѣ 10% съ чистаго дохода между трудящимися. Какой отвѣтъ послѣдовалъ на это, мы не знаемъ.

— Мы что пчелы: нанесемъ меду, а насъ хозяева прочь гонятъ. А медь-то себѣ!

Я вспомнилъ точно такое же сравненіе, сдѣланное Пьеромъ Дюпономъ въ его знаменитой пѣснѣ работниковъ. Мнѣ не разъ приходилось заставить въ Кизеловскомъ заводѣ рабочихъ за книгою, а какъ это видно будетъ изъ послѣдующихъ очерковъ, между рабочими не рѣдки и такіе, которые сѣумѣли довести самообразование до весьма исключительной высоты. Разумѣется, такіе встрѣчаются среди строгановскихъ, лазаревскихъ и демидовскихъ крестьянъ. У Разуваевыхъ и Колупаевыхъ рабочій доведенъ до полуживотнаго состоянія; нищета его душитъ въ конецъ, заработная плата все понижается, потому что хозяева связали по рукамъ и по ногамъ бѣднягу; а протестовать — и думать нельзя! Сверхъ того, тотъ же хлѣбъ, который на хорошихъ заводахъ продается рабочему дешево, тутъ обходится ему чуть не вдвое. Рабочему не выдаютъ денегъ на руки, и онъ обязанъ все забирать въ хозяйской лавкѣ, гдѣ цѣны такія, что и болѣе состоятельному человѣку онѣ были бы не подъ силу. Такъ, напримѣръ, отъ кварца, отъ шлаковъ, сапоги рвутся чрезвычайно быстро, и каждый разъ рабочій платитъ за нихъ по 9 р. въ Колупаевскую лавку; тогда какъ рядомъ, въ свободной лавкѣ, цѣна имъ 4 р. Взялъ бы тамъ — денегъ нѣтъ, деньги замѣняются расчетною книжкою. Были такимъ образомъ уголки, гдѣ фунтъ сальныхъ свѣчей вгоняли рабочему въ полтинникъ. У насъ жидовъ ругаютъ! Да помилуйте, относительно эксплуатаціи ближняго своего любой Разуваевъ любому Полякову или Грегеру пятьдесятъ очковъ впередъ дастъ и съ одного раза партію выиграетъ. Больницъ у такихъ палачей нѣтъ совѣмъ. Работая по колѣна въ водѣ, схватывая тифъ, горячку, ревматизмъ сочлененій, рабочему негдѣ

найти себѣ помощь. Онъ беззащитенъ. Даже, случается, умирають отъ простыхъ обжоговъ, ушибовъ, потому что нѣтъ подъ руками самыхъ простыхъ средствъ. Тамъ, гдѣ рабочій на хозяйскихъ харчахъ, пища ихъ такова, что неприхотливый эскимось отвернулся бы отъ нее съ отращеніемъ. При повальной системѣ воровства, не одинъ Колупаевъ грабитъ рабочихъ; у Колупаева пропасть мѣщанъ служить управляющими, надсмотрщиками, которымъ тоже надо вдоволь насосаться человѣческой кровью и подомъ. Пявка — та добрѣе. Больше себя не выпьетъ, отпадетъ. Колупаевскіе же подручники обладаютъ бездонными утробами. Чтобы рабочаго въ рукахъ держать, мало плохо кормить его, нужно еще опутать неоплатною сѣтью долговъ. Розги въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ наиболѣе принижаящимъ образомъ. Съ тѣхъ поръ какъ горнымъ исправникамъ нельзя пороть — навязали эту порку рабочимъ артелямъ. Артель, по приказанію какого-нибудь Чернопупова, либо Выборова, либо Ворошилова, деретъ своего сочлена самымъ благополучнѣйшимъ манеромъ и ничего! Особенно скверно на пріискахъ; тутъ Выборовскій и Колупаевскій грабежъ не знаетъ предѣла. Въ Серебрянскомъ округѣ, на примѣръ, не разъ случалось, что повѣренные этихъ эфіоповъ даже и въ людей стрѣляли, и ничего — обходилось гладко. Изъ сотни дѣлъ, записанныхъ мною во время поѣздки на пріиски, я приведу здѣсь только одно. Къ молодому судебному слѣдователю, чуть ли не Кунгурскаго уѣзда, явился Алексѣй Королевъ и объяснилъ, что онъ, вмѣстѣ съ своими товарищами, нанялся каждый за девять рублей въ мѣсяцъ работать на золотыхъ пріискахъ купцовъ Выборовыхъ. Повѣренный послѣднихъ, управляющій Варваринскимъ пріискомъ, Петръ Ворошиловъ, обязался при заключеніи условія давать этой артели бесплатно пищу и

не изнурять непосильными работами. Королевъ былъ аккуратень; съ 5 часовъ утра онъ являлся на работы и проводилъ на нихъ до 8 часовъ вечера. Но такъ какъ на пріискѣ работа тяжелая, а здоровье у него оказалось слабое, то онъ нѣсколько разъ хворалъ, причемъ самъ Ворошиловъ освобождалъ его отъ работъ, разумѣется, не дарая ему въ эти дни никакой платы.

— Я часто хвораю, объяснялъ Королевъ: — грудь у меня... Колотье такое, не приведи Богъ! Года два назадъ, на хозяйскихъ работахъ упалъ съ коня грудью на бревно и съ тѣхъ поръ хирѣю.

Чѣмъ дальше, тѣмъ Ворошиловъ менѣе стѣснялся съ рабочими; наконецъ, больного крестьянина поставили на такую работу, гдѣ онъ долженъ былъ лечь разомъ. На Варваринскомъ пріискѣ существуетъ только одна шахта и вся работа главнымъ образомъ состоитъ изъ выкачиванія воды, которая все больше и больше наполняетъ ее, потому что и шахту роютъ все глубже и глубже. Воду, камень и песокъ извлекаютъ изъ нея желѣзными бадьями, каждая вѣсомъ, безъ груза, въ пудъ. Работа эта происходитъ такъ: одинъ на днѣ шахты роетъ ее, насыпаетъ песокъ и камни, и наливаетъ воду въ бадьи, которые опускаются и поднимаются на верхъ посредствомъ волочины (каната) съ желѣзными крючьями и безъ всякихъ закрѣповъ или хомутиковъ. Бадьи поэтому постоянно срываются и убиваютъ людей. Горная полиція обязана слѣдить за этимъ; но Ворошиловъ умѣетъ съ нею ладить отлично, поэтому «къ пустякамъ» она не придирается. Волочина огибаеть помѣщенный надъ шахтою волокъ, родъ круглаго деревяннаго обрубка, вращающагося на желѣзныхъ осяхъ. Такимъ образомъ, при вращеніи волока, волочина попеременно опускаетъ и подымаетъ то одну, то другую бадью изъ двухъ,

висящихъ на ея концахъ. Волокъ вертятъ посредствомъ прикрѣпленныхъ къ его осямъ двухъ воротовъ. Ихъ должны приводить въ движеніе попеременно двое рабочихъ, а не одинъ, иначе, если онъ утомится, воротъ можетъ вырваться изъ рукъ; а такъ какъ тѣ же Разуваевы да Колупаевы скобокъ или хрепковъ не дѣлаютъ, то воротъ завертится обратно, быстро спуститъ бадью въ шахту и убьетъ рабочаго, что не разъ тамъ и случалось. Не смотря на это, Ворошиловъ ночью заставилъ Королева и другаго рабочаго, Кручинина, выкачивать воду изъ шахты, съ тѣмъ, что одинъ будетъ работать на днѣ ее, а другой на верху. Шахта эта была глубиною въ семь сажень; никакихъ лѣстницъ въ нее не шло; опускались и подымались въ бадьяхъ; воздухъ оказывался такимъ, что послѣ двухъ-часовой работы оставаться тамъ никто не могъ. Трубы для очищенія воздуха не дѣйствовала; на днѣ шахты было много киновари, выкапываемой вмѣстѣ съ пескомъ и камнями. Отъ этой киновари рабочихъ тошнило и рвало. Самыя трубы были деревянные, съ большими щелями, какая же тяга могла быть въ нихъ! Киноварь тутъ жилами пронизала кварцевыя породы, страшно крѣпкія и потому требующія громаднаго мускульнаго напряженія при ихъ разбивкѣ. Королевъ и Кручининъ, первый еще притомъ едва державшійся на ногахъ, побоялись спустить въ бадьѣ одинъ другаго внизъ ночью, когда никого не было около. При постоянныхъ обморокахъ, случавшихся на днѣ шахты съ рабочими, другой, остающійся на верху, не успѣлъ бы вытащить въ бадьѣ своего товарища и тотъ бы неизбѣжно задохнулся. Оба они устали и потому боялись еще, что, при подъемѣ или спускѣ, воротъ вырвется изъ рукъ и тогда сидящій въ бадьѣ полетитъ вмѣстѣ съ нею на дно шахты и убьется. Королевъ и Кручининъ рѣшились поэтому выкачивать воду, не спускаясь

внизъ. Къ утру воды оказалось столько же, сколько было и вечеромъ, потому что въ это время ее прибывало въ теченіи двѣнадцати часовъ на четыре вершка. Если бы Королевъ и спустился внизъ, то все равно больше бы не выкачалъ. Въ пять часовъ явился Ворошиловъ.

— Ты отчего не на днѣ?

— Нельзя!

— Почему нельзя?

— Какъ же одному спускаться и подымать безпрестанно бадьи съ человѣкомъ и водою? Намъ только и можно было оставаться вверху у ворота.

— Ты еще разсуждать!

И Ворошиловъ заперъ Королева въ чуланъ. Тамъ ему не давали ни ѣсть, ни пить два дня. По окончаніи этого ареста, прикащикъ созвалъ всю артель рабочихъ и приказалъ ей высѣчь сейчасъ же Королева розгами. Артель, разобравъ дѣло, нашла бѣдняка правымъ.

— Сѣчь его не станемъ! Штрафуйте, если угодно! Объяснилъ выборный отъ артели.

— Не станете?

— Нѣтъ.

— Хорошо же я въ васъ стрѣлять буду! Я сейчасъ тебя застрѣлю, накинулся онъ на Королева и взялся за ружье.

Королевъ, измученный и больной, струсилъ.

— Если вы будете стрѣлять, такъ я долженъ топоромъ себя защитить.

Рабочіе же, «боясь, чтобы Ворошиловъ дѣйствительно не выстрѣлилъ въ кого-нибудь изъ ружья», когда этотъ доблестный Колупаевскій прикащикъ повалилъ едва державшагося на ногахъ Королева, высѣкли его, давъ ему двадцать ударовъ. Затѣмъ Ворошиловъ наказаннаго поса-

диль вновь въ чуланъ, родъ загородки, сколоченной изъ досокъ, съ кровлею.

— До тѣхъ поръ я тебя не выпущу отсюда, пока ты не подпишешь новаго расчетнаго листа.

Дѣло въ томъ, что прежній расчетный листъ, по которому Ворошиловъ былъ долженъ Королеву, первый вырвалъ и разорвалъ, а въ новомъ хотѣлъ обозначить плату со дня поступленія рабочаго на пріискъ не въ девять, а только въ семь рублей въ мѣсяцъ. Побившись, побившись, несчастный рабочій исполнилъ требованіе хозяйскаго палача. Понятно, что здоровье Королева разстроилось окончательно и продолжать работу онъ уже не могъ.

Этотъ расчетный листъ былъ у меня въ рукахъ. Въ немъ есть графа, по которой Ворошилову «въ случаѣ замѣчаній лѣности» дозволяется убабвлять плату рабочему. Въ расчетномъ листѣ приведены и цифры, по какимъ отпускались припасы рабочимъ. Оказывалось, что фунтъ сахара обходился послѣднимъ въ 44 к., пятикопѣчной махорки — въ 20 к., и все остальное въ той же пропорціи.

Стали допрашивать свидѣтелей. Оказалось, что глубина шахты ужъ выросла изъ семи сажень въ 29 аршинъ, и что канать, на которомъ поднимають бадьи, мокрый вѣситъ пять пудовъ, а самая бадья не пудъ, а полтора.

— Дѣйствительно можно задохнуться на днѣ шахты?

— Еще и какъ! Помилуйте — рветъ!

— А можетъ рабочій поднять со дна человѣка?

— Одному трудно, если скоро, а медленно — опасно. Воздухъ таковъ, что и днемъ захватываетъ дыханіе, а ночью онъ еще хуже... Свѣча горѣтъ не можетъ... Меня рвало въ шахтѣ разъ по семи въ день.

— А что это за арестантская, куда сажалъ Ворошиловъ?

— Мы всё въ ней сиживали. Онъ постоянно запираетъ въ нее. Махонькая такая каморочка, два аршина длины и два ширины. Нарочно онъ и построилъ такую.

— Ну, а съкъ онъ до тѣхъ поръ кого-нибудь.

— Помилуйте, постоянно съчетъ. Еще недавно, безо всякаго суда, крестьянъ Андрея Павлунина и Прокопія Кирѣева высѣкъ... Но Королеву дѣйствительно трудно было перенести, потому, мы всё знаемъ, что онъ боленъ... Еще вотъ о прошлое лѣто Калистратова высѣкъ.

Когда стали разбирать вопросъ о тѣлесномъ наказаніи, обнаружилось слѣдующее:

— Всѣхъ насъ, рабочихъ, на присѣкъ Выборовскомъ 15 человекъ, составляющихъ одну артель; мы назначаемъ двухъ выборныхъ и одного старосту, которые у насъ составляютъ какъ-бы судъ. Мы имъ даемъ право штрафовать каждаго артельного и наказывать розгами, но только за проступокъ противъ артели, т. е., напримѣръ, за кражу. За провинность на работѣ — выборные наказывать не уполномочены. Ворошиловъ могъ штрафовать, а съчь не смѣлъ; мы при договорѣ на это согласу нашего не давали.

— Королевъ говорилъ передъ розгами, что онъ боленъ?

— Стоналъ... Жаловался, что грудь у него внутри болить.

— Что-жъ Ворошиловъ?

— Позвалъ фельдшера Бурлакова.

Бурлаковъ пришелъ пьяный и объявилъ, что нутряныхъ болѣзней онъ не понимаетъ.

— А ружьемъ грозился?

— Онъ всегда, не только въ этомъ разѣ. «Я, говорить, за бунты завсегда могу въ васъ изъ ружья стрѣлять и не токмо мнѣ за это ничего не будетъ, а еще и

медаль мнѣ навѣсятъ... Всякій, говоритъ, хозяинъ для свою антересу можетъ рабочаго изъ ружья забить!»

Когда артели было выяснено, что она не вправѣ была сѣчь Королева даже по приказанію Ворошилова, то свидѣтели показали:

— Мы ужь очень чиновника У. боялись.

— Кто это?

— Частными золотыми приісками отъ казны завѣдуетъ. Онъ передъ тѣмъ приѣзжалъ къ намъ, приказаль выбрать двухъ довѣренныхъ и старосту и поручилъ имъ непременно сѣчь розгами товарищей. «Если же, говоритъ, дѣлать этого не станете, такъ я приѣду самъ и пересѣку васъ всѣхъ».

Рабочіе хорошо знали У.; года три или четыре назадъ онъ сильно сѣкъ рабочихъ, давая имъ въ одинъ разъ по стопятидесяти розогъ. На приіскѣ Миллера, по рѣчкѣ Болтунѣ, онъ передралъ трехъ рабочихъ за то, что они не успѣли закрѣпить шахты, и передралъ жестоко. Являясь на приіски, тотъ же У. шахтъ не осматривалъ; ему и горя мало, что тамъ нѣтъ лѣстницъ, что устройство вала и бадей незаконно. Какъ разъ послѣ дѣла Королева, въ той же шахтѣ у Ворошилова зашибло сорвавшеюся бадьею рабочаго Волкова — У. даже и дознанія не сдѣлалъ.

— Почему въ шахтѣ нѣтъ лѣстницъ?

— Большія, т. е. широкія шахты дѣлать скупятся. Наши десять четвертей вдоль и поперегъ. При такой узости, лѣстница помѣшаетъ бадьямъ.

Это дѣло, какъ и всѣ другія въ томъ же родѣ, не кончилось ничѣмъ. Я полагаю, что Ворошиловъ по прежнему сѣчетъ рабочихъ, да и шахты у нихъ у всѣхъ устроены такъ же, т. е. безъ всякаго соблюденія законныхъ условій, обезпечивающихъ рабочимъ хотя самую жизнь. По-

нятно, что при такой обстановкѣ, народъ на пріиски и заводы смотреть какъ на нѣчто ужасное и разбѣгается сотнями; тогда на сцену выступаетъ волостное правленіе. Заводская контора обращается къ нему съ требованіемъ выслать бѣглыхъ. Если волость замедлитъ, то найдется чиновникъ въ родѣ У — ва, который прикажетъ ей исполнить претензіи Ворошилова. Рабочему долга своего никогда не заработать. Напротивъ, при системѣ начетовъ, онъ будетъ постоянно въ ежевыхъ рукавицахъ у Выборовыхъ и сіи братья-купцы (отчего не братья-разбойники?) не выпустятъ изъ рукъ бѣдную муху, пока не высосутъ изъ нея послѣднихъ соковъ, а тогда разумѣется бросятъ какъ никуда негодную тряпку. Околѣвай съ голода!

— Почему вы не жалуетесь начальству? спрашивала я у рабочихъ.

— Начальству? Оно съ нами и говорить не станетъ!

Оказалось дѣйствительно! Есть горные чиновники такіе, которые заглядываютъ на заводы только для «даянія блага». Получать, что имъ слѣдуетъ по собственному соображенію, и восвояси. Мнѣ называли горныхъ чиновниковъ, и имена ихъ записаны у меня на всякій случай, которые, какъ добросовѣстные и аккуратные люди, даже таксу завели для хозяевъ. За визитъ ихъ на пріиски просто они взимаютъ съ послѣднихъ по 25 руб., за визитъ съ поркой — по отдѣльному на каждый разъ условію! Эти господа, разумѣется, смотрятъ на все сквозь пальцы. Рабочихъ можетъ заливать водой, живо погребать осыпями, головы ихъ пробивать бадьями, душить спертымъ и переполненнымъ вредными испареніями воздухомъ, въ которомъ даже свѣча не горитъ — горнымъ исправникамъ не до того.

— У царя народу много! добродушно объясняли одинъ

изъ такихъ. — Знаете, какъ клопы: сколько ихъ не дави, разъ завелись, такъ ужъ не выживешь, расплодятся!

— Тоись и они, эти мужичонки, ехидные! живописаль Кольдуновъ, приказчикъ купца Дятлова. — Сичасъ это, какъ зима придетъ, давай бѣгать. Бѣда просто! Довѣрія никакого нельзя имѣть.

— Потому и бѣгають, что скверно ихъ держите. Заставляете работать не по силамъ.

— По контракту.

— Да вѣдь знаемъ мы, какъ контракты-то составляются. Вонъ у васъ шахты-то какъ устроены. По закону?

— Что же законъ. Коли по закону, такъ, лучше ужъ и не жить!

А контракты, на примѣръ, вотъ каковы: «выходить на работу должны мы въ пять часовъ утра и продолжать до восьми часовъ вечера безотходно, только для обѣда и отдыха дается намъ одинъ часъ. При вскрытїи торфовъ лошадьми выработывать должны: одинъ забойщикъ и одинъ возчикъ съ лошадыю — 1 кубическую сажень, а на ручныхъ тачкахъ или носилкахъ съ относкою и откаткою до трехъ аршинъ — одинъ человѣкъ три четверти кубической сажени. На пескахъ три забойщика должны накопать и накласть двѣ кубическія сажени при шести четвертяхъ толщины пласта. При штольной работѣ вышиною и шириною трехъ аршинъ, долженъ каждый человѣкъ выработать полъ-кубической сажени. При шурфовкѣ, полагая размѣромъ: шириною 1½, длиною 2 аршина, должны двое человѣкъ выработать въ одинъ день три аршина, на второй—два, на третій—1½ аршина. Крѣпи при этомъ же тѣ-же рабочіе обязаны вести безъ запущенія. Если кто не доработалъ урока, тотъ долженъ продолжать сверхъ урочнаго времени работу, пока ее не завершитъ всю». Тѣ

же размѣры выработки остаются и для пробитія шурфовъ въ твердой породѣ; только въ нѣкоторыхъ условіяхъ помѣчено, что при явной невозможности выполнять работу, нанимающіеся обязываются производить ее безъ лѣности въ теченіи «шестнадцати часовъ». За самую маленькую недоработку предоставляется правленію взыскивать по 60 к. (при девяти рублевомъ мѣсячномъ вознагражденіи!), а если недоработки повторятся или, какъ изображено въ подлинномъ условіи, «если оный штрафъ не будетъ вразумлѣвать», то при каждомъ такомъ случаѣ какой-нибудь Ворошиловъ можетъ возвышать штрафъ вдвое, т. е. сегодня 60 к., завтра 1 руб. 20 к., послѣ завтра 2 руб. 40 к., затѣмъ на четвертый день 4 руб. 80 к., а на пятый 9 руб. 60 к. Кромѣ пятнадцати часовъ обязательной работы, наняшіеся должны трудиться безурочно со всею поспѣшностью, при поправкѣ плотины и рытвѣ канавъ. «Если управленіе пожелаетъ при урочныхъ работахъ предоставлять намъ вторые уроки, то за таковые получаемъ сверхъ рядной платы по 35 к.». Работать нужно полный мѣсяцъ и въ праздники. Нѣкоторые даютъ впрочемъ въ мѣсяцъ два дня на отдыхъ и починку. Если кто прогуляетъ день, съ того взыскивается 40 к. Если же по болѣзни, то взысканіе производится только изъ жалованья слѣдующей за день суммы. Болѣзнь удовлетворяется фельдшеромъ (а фельдшера, какъ видно изъ нашего разсказа, внутреннихъ болѣзней понимать не могутъ). По условію, рабочій долженъ получать въ мѣсяцъ 30 фунтовъ говядины свѣжей или соленой, 2 пуда 10 фунтовъ муки ржаной, 8 фунтовъ крупы ячной, 3 фунта соли, 1 фунтъ масла. Но это остается на бумагѣ. Рабочіе не видятъ и половины этого. Точно также на бумагѣ остается и невычетъ съ рабочихъ за болѣзнь. Преспокойно вычитаютъ, потому что здѣсь своя

рука владыка, дѣлай что хочешь! Въ условіяхъ прикасчикъ выговариваетъ право управляющимъ наказывать при артели рабочихъ по собственному усмотрѣнію. Слѣдовательно и четвертовать вѣрно можетъ?

Таковы условія, въ которыя здѣсь поставленъ рабочій. Удивляться ли, что онъ при первомъ удобномъ случаѣ бѣжитъ съ пріисковъ или завода, куда глаза глядятъ?

Прижимая и тѣсня рабочихъ всѣми возможными и невозможными, честными и безчестными, законными и незаконными способами, честными и законными разумѣется съ точки зрѣнія комерческой нравственности, — владѣльцы заводовъ совсѣмъ ничего не дѣлаютъ съ своей стороны для охраны жизни, безопасности и здоровья законтрактованныхъ невольниковъ. Я уже не говорю, что трудъ здѣсь не облегченъ ни малѣйшими удобствами. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ видѣ оказалась одна изъ разрабатывающихся шахтъ у тѣхъ же купцовъ Разуваевыхъ. Шахта глубиною болѣе двадцати восьми аршинъ и на половину почти наполнена водою. Крѣпи въ стѣнахъ колодца развалились. Подъ напоромъ воды осыпается земля и шахта грозитъ совсѣмъ рухнуть. Въ углахъ шахты укрѣплены двѣ расстрескавшіяся и расщелившіяся трубы для тяги воздуха; отверстіе ихъ равняется четыремъ вершкамъ въ длину и тремъ въ ширину. Деревянная труба эта нисколько не помогаетъ дышать работникамъ. Воздухъ такъ спертъ и свѣча такъ-же гаснетъ, какъ бы и безъ трубы. Барьера или такъ называемаго обруба вокругъ шахты у краевъ ея нѣтъ. У краевъ шахты скатъ внутрь на пять вершковъ по ватерпасу. Даже опытные рабочіе должны подходить къ нему съ величайшей осторожностью. Почва у шахтъ въ уровень съ ихъ ничѣмъ не огороженнымъ отверстіемъ. И это не исключеніе — вездѣ на Колупаевскихъ пріискахъ такъ. Жи-

вуть у нихъ рабочіе въ скверныхъ сараяхъ, которые одни, помимо всякихъ тяжелыхъ условій подземныхъ работъ, способны вызвать всевозможныя болѣзни. Тутъ же, гдѣ на маленькомъ пространствѣ скучены сотни народу, сушится насквозь промокшая, кислая обувь, платье, бѣлье. Нѣтъ арестантской камеры, гдѣ бы хуже содержали заключенныхъ. Рабочій, задыхающійся въ штольнѣ и въ шахтѣ, падающій тамъ въ обморокъ отъ недостатка чистаго воздуха — тутъ находится чуть ли не въ такомъ же положеніи. Когда и гдѣ можетъ отдышаться его больная грудь?.. Ъдятъ рабочіе — ужасно! Рѣдко, рѣдко, совсѣмъ посинѣвшая солонина или мясо, отъ котораго пахнетъ за версту. вмѣсто обѣщанной говядины, большею частью какая-то похлебка изъ муки съ саломъ и каша, пригваряемая въ обрѣзъ. Хлѣба дается по три фунта на брата, и рабочіе жалуются, что и на этомъ иногда ихъ обмѣриваютъ. И замѣтите — такія лишенія, при страшно обезсиливающемъ пятнадцатичасовомъ трудѣ въ сутки!

Если рабочій на заводѣ даже и при плохой обстановкѣ развивается, дѣлается предприимчивымъ, смѣлымъ и интересуется всѣмъ, совершающимся вокругъ него, то на пріискѣ крестьянинъ является совершенно инымъ. Онъ въ большинствѣ забитъ, угрюмъ, измученъ, тупъ. Молчаливъ онъ, какъ и всѣ рабочіе, но тутъ еще при этомъ является выраженіе какой-то чисто животной покорности судьбѣ. Онъ не видитъ исхода. Чиновники, обязанные защищать его, — посѣщаютъ заводъ только для порки или для взятокъ. Они ему первые враги. Хозяйскій приказчикъ оказывается піявкой, высасывающей послѣднюю кровь изъ безъ того измороженнаго рабочаго; хозяинъ въ сторонѣ, его не видятъ. Онъ замѣняется управляющимъ, который заинтересованъ въ томъ, чтобы истратить какъ можно меньше, а со-

брать какъ можно больше. Найти защиту въ волости, куда бѣжитъ доведенный до отчаянія рудокопъ, нельзя. Если старшина и захотѣлъ бы ему помирволить, является полиція, своя, специальная, приісковая, и скрывшійся водворяется обратно на приіскъ, причемъ съ него же вычитаютъ деньги, истраченные на его розыскъ.

Вы спросите, какимъ же образомъ рабочіе приходятъ наниматься къ этимъ приісковымъ рабовладѣльцамъ?

Они никогда не приходятъ сами. Приказчики золотопромышленника отправляются въ волости, за которыми числится много недоимокъ, казенныхъ, разумѣется. Согласившись съ волостнымъ писаремъ, въ большинствѣ случаевъ мерзавцевъ 96-й пробы, они предлагаютъ волостному правленію взять къ себѣ на работы всѣхъ недоимщиковъ, уплативъ все, что за тѣхъ слѣдуетъ. Волость отдаетъ несчастныхъ, часто какъ скоть, не спрашивая даже ихъ согласія. Были случаи, когда бѣдняги даже не знали, что условія за нихъ уже подписаны. Подымается ревъ. Недоимщики часто не идутъ; тогда является горный исправникъ и употребляетъ разныя мѣры «къ соглашенію» нанятыхъ крестьянъ съ ихъ нанимателями. Арестантская, розги, запугиваніе — все хорошо при этомъ «соглашеніи»! Въ концѣ концовъ списки рабочихъ, нужныхъ для приіска, наполняются, и здоровый народъ сгоняется къ шахтамъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернуться домой, но уже голоднымъ, больнымъ и еще болѣе нищимъ, чѣмъ прежде. Управляющіе приісками вовсе не образованные специалисты. Гдѣ какомунибудь прохвосту Разуваеву находить еще порядочныхъ людей. Онъ къ дѣлу поставитъ мѣщанъ, которые вовсе не отличаются филантропическими наклонностями; соблюдая интересы хозяина, они не забываютъ и своего собственнаго

кармана, хотя и первыхъ достаточно для того, чтобы рабочие совсѣмъ оскотинились.

— Вѣдь есть же окружные инспектора? спрашивалъ я.

— Есть.

— Имѣютъ они власть что нибудь сдѣлать для рабочихъ, ну хоть для безопасности? За постройкой шахтъ чтобы слѣдить?

— Да васъ что собственно интересуеть. Законъ или практика?

— Законъ.

— По закону власть ихъ громадна. За всякую неисправность они могутъ оштрафовать хозяина на 1,000 р. И притомъ безапелляціонно. А по третьему разу имъ предоставляется право закрыть прискъ.

— А въ дѣйствительности?

— Лучшіе изъ нихъ ничего не подѣлаютъ. Система такая. При общей продажности, честность отдѣльныхъ лицъ ничего, кромѣ безпокойствъ и потерь для нихъ самихъ, въ концѣ концовъ не дастъ. Они и сидятъ себѣ, по своимъ заводамъ, и или братаются съ Разуваевымъ, или, сознавая свое безсиліе одолѣть ихъ — третируютъ ихъ только en canaille. Ну да этимъ вѣдь нашу комерческую среду не удивишь. Ему хоть плюй въ глаза, все Божья роса!

На заводахъ положеніе крестьянъ тоже иногда безвыходно.

Вотъ, напримѣръ, три завода, лежащіе одинъ подлѣ другаго: Молебскій — казенный, Серебрянскій — казенный и Кыновскій — графа Строганова. Прежде, когда къ заводамъ были приписаны крестьяне, они работали даромъ; теперь безъ денегъ, понятно, не идутъ. Казенные заводы или совсѣмъ ничего не дѣлаютъ, или уменьшили производство. Такъ, напримѣръ, въ Серебрянскомъ, вмѣсто 16 рабо-

таеть только 6 трубъ, а въ Молебскомъ, на которомъ прежде питалось 2,000 населеніе, теперь ни одна труба не дѣйствуетъ. Всѣ окружающіе этотъ заводъ крестьяне безъ средствъ. Недоимки растутъ, поэтому волостныя правленія не выдаютъ паспортовъ, слѣдовательно и на сторонѣ ничего не найдешь, — идти безъ вида некуда. Земля чуть не голый камень, сколько ее не царапай, ничего не выцарапаешь; лѣса давно сожжены. Такъ какъ земля без-плодная, крестьяне ее отказываются брать вовсе. «Что намъ съ ней дѣлать!» говорятъ они. Нѣкогда славившіеся честностью, теперь они извѣстны по всему округу подьлестнымъ именемъ «Молебскіе воры». У себя они не воруютъ, нечего; у другихъ постоянно. Рецидивисты въ каждой хатенкѣ. Около Молебскихъ заводовъ нѣтъ и прииска, такъ что и такой ужасный источникъ скудныхъ средствъ къ жизни для этого района не существуетъ. Когда молебскаго крестьянина посылають за воровство въ острогъ, онъ падаетъ на колѣна.

— Спасибо, кормилецъ! Дай тебѣ Богъ! благодарятъ они слѣдователя. — Хотя покормимся тамъ.

Около Молебскихъ заводовъ — Серебрянскіе. Здѣсь уже есть прииски. Тутъ хотя и очень плохо, но все же прокормишься кое-какъ, хотя бы и такъ, какъ это рассказано выше. Тутъ недоимщиковъ гонять къ Вырубовымъ и другимъ; у кого земля получше, тотъ сидитъ на ней. Здѣсь преступленій въ пять разъ менѣе, чѣмъ въ Молебской волости, да и большинство кражъ совершается здѣсь выходцами изъ послѣдней. Кто не недоимщикъ, но не имѣетъ земли, тотъ отсюда идетъ работать въ Кыновскій заводъ. Въ Кыновскомъ уже совсѣмъ иное положеніе. Сюда сбѣгаются изъ другихъ заводовъ, только возьми. Благосостояніе гораздо выше, заработки настолько обезпечены, что

трудно найти прислугу, мужскую, за 10 руб. въ мѣсяцъ. Тутъ 10 руб. выработываетъ баба. Иной мастеръ въ недѣлю получить 20 руб., подмастерье 10 руб. Простой крестьянинъ за мѣсяцъ получить 20 руб. Въ концѣ концовъ результаты заводовъ: въ Молебской волости крестьяне, по мѣстному названію, «сплошные воры»; ни работъ, ни заработковъ никакихъ, кромѣ кражъ, которыя и практикуются какъ опредѣленный промыселъ; въ Серебрянскѣ свои работы тяжелы, кто можетъ, тотъ бѣжитъ въ Кынь искать труда; преступленія есть, но очень мало; въ Кыну же еле-еле наберется двѣ кражи въ годъ, такъ что слѣдователю здѣсь дѣлать нечего. И это несмотря на огульное пьянство; даже кыновскія бабы и тѣ «водку жрутъ», по словамъ здѣшнихъ стариковъ. Къ этимъ тремъ типамъ принадлежатъ всѣ заводы на «Уралѣ».

Мы воздерживаемся отъ какихъ-либо выводовъ, они ясны и безъ того.

— Когда послѣднюю лѣсинку казенный заводъ сожжетъ, такъ и помирай! сознаются крестьяне.

— Хозяйствомъ бы занялись.

— Мы искони заводскіе. Какое же у насъ хозяйство.

— А земля?

— Паши камень, коли силы хватить; у насъ что ни поспѣй, все тебѣ одна трава негодная выростетъ. Скотъ какой былъ, продали за недоимки, ну и оголѣли мы. Нужные мы, скорбные!

И дѣйствительно скорбные.

— Острогу, какъ родной матери, ради.

Не лучше на Уралѣ положеніе рабочихъ и на сплавныхъ путяхъ. Кстати ужъ я заговорилъ объ этомъ; сообщу все, что мнѣ извѣстно о Чусовскихъ бурлакахъ. Чусовая — вся перерытая порогами, разбивающаяся о скали-

стые выступления, встрѣчающая на своемъ пути громадныя утесы и притомъ бѣгущая по очень покатою руслу, — для многихъ заводовъ является естественнымъ нервомъ, соединяющимъ ихъ съ большими промышленными путями — Камой и Волгой. Лѣтомъ въ Чусовой воды очень мало, барки запоздавшіе обсыхаютъ, остальные даже не пытаются выйти. За то весной...

— Вода у насъ ярая, грудью бѣжитъ... Бѣдушная вода... Страшная!

— Много ее?

— Не описать, вотъ какъ много... Вспыжится — горбомъ пойдетъ...

Поэтому и весь сплавъ здѣсь совершается весной. Въ верховьяхъ Чусовой заводъ Ревдинскій, въ его бассейнѣ или озерѣ скоплено воды верстъ на тридцать. Тутъ прудъ со шлюзами. Какъ только наступитъ весна, отсюда по всей Чусовой пускаютъ страшный валъ, который въ одну ночь подыметъ, смететъ и снесетъ весь ледъ. Предварительно, разумѣется, посылаютъ гонцовъ по Чусовой, чтобы береглись... На двое сутокъ въ заводахъ, расположенныхъ по теченію, водополье заливаютъ все, что не ушло и не построилось на извѣстной высотѣ. Тутъ-то и спускаютъ барки. Течетъ рѣка капризно и извилисто. Барка насккиваетъ на скалы, причемъ зачастую гибнетъ, такъ что только жалкіе осколки выбрасываетъ на берегъ. Иной разъ умные комерсанты посылаютъ барки на вѣрную смерть, дорого застраховавъ ихъ, или по другимъ какимъ либо расчетамъ. Насколько теченіе сильно и управленіе судномъ опасно — видно изъ того, что для одного барочнаго весла назначаютъ обыкновенно сорокъ человѣкъ, — явленіе небывалое на другихъ сплавныхъ рѣкахъ.

— Кто на Чусовой не бываль, тотъ Бога не видалъ!
говорять мѣстные поселяне.

— Наша Чусовая рѣка злющая! На ней, братъ, какъ
Богъ дастъ, а ее разумомъ не осилишь!

— На Чусовой — протисись съ родней!..

— Коли Чусовую переплыль, знать Богъ съ тобой былъ!

Не бываетъ года, чтобы здѣсь не разбило нѣсколькихъ
десятковъ барокъ. Къ этому привыкли; на это смотрять,
какъ на неизбѣжное зло. Начнутъ, напримѣръ, рассказы-
вать про крушеніе какое нибудь. Всѣ охаютъ да ахаютъ.

— Гдѣ это было?

— На Чусовой.

— Ну — да!.. Еще бы! Захотѣли вы!..

И успокаиваются. Потому что на Чусовой иначе и быть
не можетъ.

Съ cadaго пуда частныхъ заводскихъ и иныхъ гру-
зовъ, рѣчная полиція давно уже собираетъ пошлину, пред-
назначенную для взрыва скаль, мѣшающихъ теченію рѣки,
и для очистки ея фарватера. И на всѣ эти десятки и сотни
тысячъ рублей здѣсь не сдѣлано ничего. Для видимости и
для очистки бумажной совѣсти, поковыряли кое гдѣ безъ
толку, разнесли на это солидныя суммы и успокоились.
Есть, напримѣръ, два утеса на Чусовой: Разбойникъ — на
югъ отъ Кыновскаго завода, и у самаго завода Мултукъ.
Это Сцилла и Харибда для уральскихъ сплавщиковъ. Осо-
бенно у Разбойника — споконъ вѣку разбивались сотни ба-
рокъ. Сколькихъ жизней онъ стоилъ — и не сочтешь. Какъ
ни просило мѣстное населеніе снести его — оффиціальная
мундирная наука, ничего не дѣлающая безъ чудовищныхъ
смѣтъ и выгодныхъ ассигновокъ, признавала это невозмож-
нымъ. Наконецъ, въ 1876 г. простой купецъ Стахѣевъ изъ
Елабуги, на свой счетъ и своими рабочими, взялъ да и

взорвалъ камень. Это былъ опаснѣйшій пунктъ на Чусовой. Что рѣчныя инженеры и полиція дѣлали ранѣе — никому неизвѣстно? Въ одномъ 1874 году у этого утеса разбилось тридцать барокъ съ желѣзомъ.

— Милліоны пудовъ мы провезли... Сколько денегъ съ насъ собрали, гдѣ онѣ?..

— А вы бы спросили.

— У кого спросить? Все къ вамъ въ Питеръ отправляютъ; коли-бы здѣсь на мѣстѣ хранились — на дѣло бы пошли. Ну украли бы половину, — а на остальное что бы nibудь да устроили. А какъ посылаютъ къ вамъ туда — такъ ихъ и совѣмъ не увидишь.

— На общегосударственные нужды... На другія рѣки.

— Да вѣдь и у насъ нужда... И у насъ рѣка!.. Вѣдь этимъ кто, пользуется, — злодѣи да воры!.. Валъ-то какъ пустятъ, такъ издали видно — вспыхнется, взгорбится, гриву отбросить и бѣжить на тебя. На горѣ стоишь и то страшно. А тутъ воры-то — и пускаютъ нарочно барки!.. Есть одинъ жидъ у насъ, поставщикъ. Большой жидъ. Изъ самыхъ изъ большихъ жидовъ. Такъ онъ часто пускаетъ пустыя барки. Заправляютъ у него этими дѣлами жиды же... Казна одна отдувается за все.

— Да что имъ за выгода? Вѣдь можно пустить съ четвертымъ и пятымъ валомъ?

— Ему надо чтобы разбило... Казенное желѣзо нагружено. Онъ на себя поставку беретъ. Пустую посудину разнесетъ въ куски — онъ сейчасъ счетъ: сколько потонуло, сколько заржавѣло, сколько израсходовано денегъ, чтобы изъ воды вытащить!.. Милліоны такъ-то въ карманы кладутъ. Подлинныя государственныя воры.

Люди при этихъ гешефтахъ гибнутъ массами. Рѣдная, очень рѣдная барка тонетъ безъ людей. Около Кына въ

1875 году въ виду завода утонуло 13 человекъ; что творится въ другихъ пунктахъ — можно себѣ представить! Между сплавщиками есть и бабы съ дѣтьми; все это глотаетъ Чусовая, къ вѣщшему благополучію израильскихъ и російскихъ буржуевъ. Никакихъ слѣдствій по этому дѣлу не производится; Божья воля, противъ нее-де не пойдешь!..

— А начальство?

— Ха!.. И впрямъ ты ничего не знаешь! Сидите вы у себя въ Питерѣ благополучно, младенцами... Начальство-то самые Ироды и есть!

Потомъ уже я узналъ, что уѣздные власти Кунгурскія и Верхотурскія еще въ мартѣ пріѣзжаютъ для наблюденія за сплавомъ желѣза въ Илимку *). Отсюда начинается спускъ барокъ. Власти наблюдаютъ за нагрузкой, за правильностью ея, за тѣмъ, дѣйствительно ли желѣзо уложено въ суда. Какъ наблюдаютъ — другой вопросъ.

— День и ночь карты и кутежъ на счетъ сплавщиковъ. Мѣсяца полтора идетъ такая оргія!

— Мнѣ бы хоть разъ покормиться тамъ!.. вздыхаетъ отдаленное отъ этого пункта начальство.

Взятки здѣсь достигаютъ весьма почтенныхъ размѣровъ.

Барки посылаются не по одиночкѣ, а караваномъ, безъ интервала. Караванъ на караванъ. Разобьется одна и другіе гибнуть вмѣстѣ съ нею.

Вотъ положеніе рабочихъ на этихъ-то баркахъ — нельзя не признать въ высшей степени трагическимъ. Попалъ къ жидамъ, творящему гешефтъ, значитъ, на вѣрную смерть. Желającychъ наниматься очень мало, почти нѣтъ.

— Кому охота, помилуйте! Иной совсѣмъ съ голоду отошаль, а все же ему жизнь-то дорога!

*) Илимская пристань.

Славщиковъ сюда посылають силкомъ изъ Вологодской — зырянъ, изъ Вятской — вотяковъ и другихъ инородцевъ, за недоимки. Особенно много нолинскихъ попадаетъ сюда, по той же самой причинѣ. Для того, чтобы разбиться о какую-нибудь скалу и потонуть въ Чусовой, несчастный долженъ еще зимою выйти изъ своего села и пѣшкомъ добраться до Илимки — на своихъ хлѣбахъ. Понятно, что онъ и остальное съ себя проѣстъ.

— А недоимка какъ же?

— А недоимку за него жиды впередъ вносятъ въ волостное правленіе.

Жалкій, измученный и ограбленный народъ! Кто за тебя вступится? Кажется, нѣтъ такой гли, которая поѣдомъ не ѣла бы тебя! Мнѣ Россія теперь представляется не иначе, какъ спящимъ, волшебнымъ сномъ, богатыремъ. Всякая нечисть напозла на него, всякая гадина жреть его, не утоляя своей жадности. Лишай по немъ пошли, мохъ поднялся. Тѣло землю завалило — на землѣ лѣсъ выросъ; свѣта божьяго въ этомъ лѣсу нѣтъ — темень одна! Червей однихъ что напозло...

Когда же ты встряхнешься, когда же ты откроешь свои зоркія очи?..

Я началъ эту главу съ разсказа о положеніи рабочихъ на заводахъ Абамеликъ-Лазаревыхъ. Кончу о нихъ же. Повторю еще разъ, что какъ въ Кизелѣ, такъ и Чермозѣ, рабочему, несомнѣнно, живется гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ этой части Урала. Такъ, на примѣръ, здѣсь рабочимъ выдаютъ ссуды безъ процентовъ, провѣряя насколько онѣ нужны. При этомъ, не было еще примѣра, чтобы населеніе злоупотребляло такими выдачами, т. е. просило въ долгъ безъ необходимости. Я упоминалъ о пенсіонахъ, выплачиваемыхъ заводомъ. Они даются тому, кто

прослужилъ или проработалъ тридцать-пять лѣтъ, считая съ двадцатипятилѣтняго возраста для первыхъ и съ семнадцатилѣтняго — для вторыхъ. Служба и занятія ранѣе этого возраста не входятъ въ пенсіонный срокъ. Замѣченные въ кражѣ заводскаго имущества, стачкахъ и противодѣйствіи управленію завода лишаются права на пенсіонъ. Для служащихъ размѣръ его вычисляется изъ средней, за пять лѣтъ, суммы получаемаго жалованья, причемъ $\frac{5}{8}$ ея ассигнуется въ пенсію. Управляющіе заводами получаютъ пенсіона по 800 руб. въ годъ, а главноуправляющіе — отъ 1,600 до 2,000. Рабочіе — 12 руб. и выше. Сверхъ того, по назначенію владѣльца, имъ выдается провіантъ и оказываютъ другія льготы. Вдовамъ идетъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ получаемаго мужьями пенсіона, смотря по тому, бездѣтны онѣ или нѣтъ. Такимъ образомъ, владѣлица ежегодно расходуетъ по этому отдѣлу 19,000 руб. Хотѣли было потребительныя общества здѣсь завести и изъ Чермоза два раза посылали по этому дѣлу просьбы въ Петербургъ, но министръ внутреннихъ дѣлъ отклонилъ. Такое время было! На свой же счетъ владѣлица содержитъ нѣсколько училищъ, снабженныхъ хорошими библіотеками, и во всѣхъ заводахъ — больницы, гдѣ, разумѣется, рабочіе лечутся бесплатно.

XXVI.

Поѣзда въ Луньву.

Было чудесное, ясное утро, когда я выѣхалъ изъ Кизела; дорога то и дѣло взбѣгала на горы и сползала въ зеленя котловины. Вершины за вершинами, холмы за холмами громоздились кругомъ. Не было крупныхъ, за то красивыхъ оказывалось очень много и глаза съ трудомъ отрывались отъ неожиданныхъ эффектовъ, которыми такъ богата природа Урала. Рѣка Луньва, круто извиваясь, обходитъ выступы крутыхъ варакъ, какъ ихъ назвали бы на дальнемъ сѣверѣ. Въ водѣ отражаются величавыя сосны и пихты, обильно поднявшіяся на берегахъ. Тишина и спокойствіе царятъ въ этой зеленой пустынѣ. Ковры ромашки, обращающей къ солнцу свои бѣлыя вѣнчики, разстилаются повсюду; вѣтви хлещутъ въ лицо моего ямщика, но онъ на нихъ обращаетъ столько же вниманія, сколько и на овода, что впился ему въ шею и безмятежно пьетъ его кровь.

— Тебя оводъ кусаетъ, предупреждаю его.

— А пущай!.. Отъ нихъ не отобьешься! Они еще лучше

для насъ, потому мы отъ крови страсть какъ мучимся. Ну а они лишнюю спускаютъ.

— Да вѣдь больно.

— И не слышу даже... Въ Луньву ѣдете?

— Да.

— Мѣсто чудесное, столица наша таперича стала... Тутъ такого понастроено — не оглядишь въ два дня всего! Супротивъ другихъ заводовъ куда лучше выходить. Въ Луньевѣ у Ивана Ефимова водка — первый сортъ!

— Какъ и вездѣ.

— Нѣтъ, онъ ее, должно, чѣмъ-нибудь править. Зла больно. Ядовитая водка. Бабы такія бываютъ злыя. Вы еще нашу бабу не знаете?

— Нѣтъ.

— Она себя показать можетъ. Заводская баба въ праздникъ, коли ежели ей поддашься, живьемъ съѣстъ... Наша баба умнѣ мужика выходить!

Мнѣ задремалось подъ эту бесѣду о заводской бабѣ, и когда я проснулся, черезъ часъ, вдали уже замелькали чистенькіе домики Луньвы.

— Это новые дома, для рабочихъ начальство выстроило.

— Чисто, хорошо тамъ?

— Чисто! Убѣжишь отъ ей... отъ чистоты!

Каждый домикъ въ четыре окна по переднему фасаду.

Есть и болѣе — тѣ подальше. Въ домикѣ двѣ горницы съ общими сѣнями. На два отдѣльныя хозяйства приспособлено. Рабочіе сами просятъ туда самымъ настойчивымъ способомъ. Я заходилъ къ нимъ — чистота дѣйствительно непривычная. Все отъ завода здѣсь заведено полностью, замѣтно даже нѣкоторое обиліе. Краснощекіе ребятишки ползутъ къ намъ оттуда. Нѣкоторыя горницы пусты — и

мужики и бабы на работѣ. Такихъ домовъ лунвинская администрація построила уже тридцать три, примемъ продолжаетъ ставить новые.

— Если понадобится сотня — мы и сотню поставимъ.

Поминъ этого благаго дѣла принадлежитъ Грасгофу, управляющему. Лунвою. Онъ положилъ начало, Урбановичъ поддержалъ и стройка пошла шибко.

— Теперь у наеъ рабочіе живутъ по-людски! съ совершенно законною гордостью говорятъ луньевцы.

Кругомъ — громадныя корпуса заводовъ, казармы. Улицы содержатся превосходно; дороги, не въ укоръ кизеловскимъ, устроены такъ, что и не тряхнетъ въ доволно тряской телѣгѣ. Все это сдѣлано въ три года. Съ 1873 г. Луньва попала въ нынѣшнія руки товарищества, завѣдующаго его копиями. До тѣхъ поръ это былъ безобразный, запущенный уголь, гдѣ народъ нищенствовалъ и ничего не дѣлалъ за недостаткомъ работы.

Здѣсь, изъ мѣстнаго каменнаго угля, главнаго богатства Луньвы, начали уже выдѣлывать коксъ. Первые попытки дали превосходные результаты. Коксъ содержалъ только 17—18% золы и оказывался чрезвычайно легкимъ, плотнымъ въ разломѣ, съ металлическимъ блескомъ. Онъ гораздо лучше кизеловскаго, въ которомъ больше золы. Его уже пустили въ дѣло до моего пріѣзда, и въ доменныхъ печахъ онъ работалъ свѣше всѣхъ ожиданій. Изъ него вполне удалось извлечь всѣ смолистыя вещества и теперь, на ближайшихъ рынкахъ, для него была бы не страшна даже конкуренція англійскаго кокса, дающаго отъ 17 до 25% золы. При мнѣ, для первыхъ опытовъ въ болѣе широкомъ размѣрѣ, было уже приготовлено 600 пуд.; причемъ изъ Мотовилихи и Тагиля сюда сдѣланы были большіе заказы. По смѣтѣ назначено было, на первый годъ,

разработать до 1.000,000 пуд.; тогда эту цифру считали максимумомъ. Оказалось лучше, при первыхъ же работахъ явилась возможность добыть въ десять разъ больше. Нѣтъ только такихъ требованій, которыя, разумѣтся, явятся въ послѣдствіи и очень быстро, потому что послѣдніе уральскіе лѣса истребляются съ какою-то хищною жадностью. Многіе заводы стоятъ потому, что на ближайшихъ сплавныхъ рѣкахъ не осталось даже лѣсинки, понятно, что, при удешевленіи кокса, заводы должны будутъ накинуться на него. Для нихъ это единственное средство къ продленію своей краткой, но вовсе неразумной жизни. Когда здѣсь стали дѣлать развѣдки, оказалось, что площадь расположенія угля громаднa и толщина его въ разрабатываемыхъ мѣстахъ отъ трехъ аршинъ доходитъ до 12-ти. Кубическая сажень луньвинскаго угля вывѣшиваетъ отъ 600 до 700 пудовъ, что свидѣтельствуетъ уже само собою о его хорошемъ качествѣ. По общему количеству его, разумѣтся, предполагаемому, администрація судить, что, въ восьмидесятилѣтній срокъ аренды, его разработать никакъ не удастся. Заложено около двухсотъ шурфовъ и всѣ они оправдались. Вездѣ сплошная масса. Уголь начинаютъ разрабатывать, впрочемъ, далеко не хищнически. Заведены перфораторы для буренія; взрывы производятся не порохомъ, какъ у остальныхъ пермскихъ рудокоповъ, а динамитомъ. Все это устроилось, благодаря Грасгофу. Одна замѣна ручнаго буренія новыми аппаратами — уже заслуга. Что ручнымъ опособомъ дѣлалось въ два часа, то перфораторъ дѣлаетъ въ минуту. Заводъ, во время моего посѣщенія, даже щеголялъ новенькими вагонами, паровою машиною съ иглочки, проволочными канатами, гутаперчивыми рукавами и вообще всѣми деталями этого, въ высшей степени прозаическаго дѣла.

— Посмотрите-ка, посмотрите! восхищался инженеръ, показывая мнѣ все это. — Вѣдь послѣднее слово науки! Какая красавица выдержитъ сравненіе съ этою машиною?

— Отъ вашей красавицы слишкомъ пахнетъ саломъ и масломъ.

— Для насъ это ароматъ.

Я позавидовалъ особенному устройству инженернаго носа и перешелъ къ большому зданію, выстроенному въ русскомъ стилѣ, съ рѣзбою даже.

— Что это у васъ?

— Казарма для рабочихъ.

Всѣ зданія выведены прочно и красиво. Меня охотно водили всюду, ничего не пряча. Не было той суетливости, которая такъ противна тамъ, гдѣ вы знаете, что вамъ суютъ подъ носъ казовые концы. Я никакъ не могу забыть одного колупаевского завода, который я оставляю для отдѣльнаго очерка. Тамъ вездѣ была грязь и зловоніе, нищета рабочихъ сквозила въ прорѣхи покривившихся сараевъ, гдѣ даже и зимою живутъ они, разводя, въ полуразвалившихся печахъ, вовсе не грѣющій ихъ огонь. Лица рабочихъ, попадавшихъ мнѣ на встрѣчу, испытаны и осунувшіяся, производили впечатлѣніе потрясающее... Нѣкоторыхъ тутъ же трясло въ лихорадкѣ; въ шахтахъ воды было по горло, и въ этой водѣ работали.

— Отчего это у всѣхъ вашихъ рабочихъ видъ такой ужасный?

— Пьяницы-съ и разбойники! суетливо объяснялъ мнѣ верхотурскій мѣщанинъ, управлявшій заводомъ. — Уж мы, кажется, для нихъ и пищу, и удовольствіе всякое — не чувствуемъ.

Потомъ онъ наклонился ко мнѣ и на ухо, шепоткомъ, точно самъ себя пугаясь, сталъ ябедничать:

— Бунтовщики. Не признають...

— Чего не признають?

— Все отметають... Попъ къ нимъ прїѣхаль, а они ему: «ты, батька, хозяйскую руку держишь»... Неблагонадежны... И если-бы не господинъ горный исправникъ, тутъ бы съ тремя леворверами надо ходить! Онъ ихъ привелъ въ христіанскую вѣру... Онъ съ ними очень довольно чудесно!.. Наши хозяева имъ такъ довольны, такъ довольны...

— Ну, а сколько кабаковъ держитъ вашъ хозяинъ для этихъ пьяницъ? не выдержалъ я.

— Только три-съ... Себѣ въ убытокъ.

— За что-жъ вы ихъ обвиняете. На сорокъ домовъ — три кабака.

— Нельзя-съ, иначе нельзя-съ...

— Такъ рабочему никогда до дому денегъ не донести!

— Развращеніе нравовъ. Помилуйте! Дѣвочки двѣнадцати лѣтъ...

— Ну?

— И уже-съ!;

А потомъ оказалось, что этотъ самый мѣщанишко до двѣнадцатилѣтнихъ-то и охотникъ. Онъ расплодилъ здѣсь всякую нечисть, да и жалуется.

Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Рядомъ съ такими подлымъ пріисками, Луньва, разумѣется, рай.

По дорогѣ къ копямъ шумитъ въ камняхъ Восточная Луньва. Рѣченка злится на каждый осколокъ гранита, обливаетъ его своею пѣною, кидается на него и, не осиливъ, не сдвинувъ все-таки съ мѣста, бѣжитъ дальше, жалуясь береговымъ цвѣтамъ на свою жестокую участь.

— Иванъ Фомичъ! Иванъ Фомичъ! догонялъ насъ рабочій, съ книжкою въ рукахъ (явленіе совѣтъ для меня

необычайное), — я прочелъ вашу... Вотъ извольте, нельзя-ли только другую.

— А ты что-жъ сегодня не на работѣ?

— Да руку себѣ повредилъ и маюсь. Только и дѣло теперь, что читать. Мнѣ бы по естеству если. А то этихъ романовъ я не люблю-сь. Потому въ нихъ все нарочное.

— Какъ нарочное?

— Нарочно выдуманное, невсамдѣлишное... Этакого нѣтъ нигдѣ. Помилуйте, онъ ей напередъ горло ножомъ-сь полоснулъ, а она, опосля того, опять жива и за своего душеньку замужъ выходитъ... Нѣтъ, вы ужъ мнѣ по естеству... Насчетъ природы... Тутъ, по крайности, правда... А то романъ читаешь, точно стихи иль сказку...

— Вотъ покажи имъ потомъ казармы для рабочихъ.

— Наше жительство? Это я съ большимъ удовольствіемъ. Только мы живемъ просто, ничего у насъ нѣтъ замѣчательнаго. Извѣстно, рабочіе! Скорлупой мы ужъ очень заросли, вотъ что, Иванъ Фомичъ! Если-бы насъ съизмалѣтства учили чему-нибудь — люди бы теперь мы были. А то такъ... На двухъ лапахъ ходишь — потому только и человѣкъ.

По дорогѣ мы зашли въ одну изъ казармъ. Большая кухня, въ три очага, содержится очень чисто. Въ ней поставленъ столъ для рабочихъ. Тутъ они обѣдаютъ и ужинаютъ. У каждаго изъ рудокоповъ свой ящикъ на замкѣ для провизіи и другихъ вещей. Каждый изъ нихъ ѣсть отдѣльно.

— До сихъ поръ никакъ. нельзя убѣдить ихъ, что общій столъ выгоднѣе для нихъ будетъ. Какъ мы не старались — не хотятъ, да и только. Это, впрочемъ, не по нежеланію завести артельное, а просто потому, что каждый день здѣсь являются новыя и новыя лица.

Таракановъ вездѣ предостаточно. Видимое дѣло, что съ этимъ звѣремъ и здѣсь разстаться никакъ не могутъ.

Отопление въ казармахъ и домикахъ для рабочихъ — каменноугольное, кромѣ русскихъ печей, гдѣ горятъ дрова. Въ домикахъ вездѣ посрединѣ желѣзныя печи системы Соболевичева и обручи на желѣзныхъ палкахъ, гдѣ сушится платье и обувь; запаху никакого, потому что тяга устроена превосходно. По стѣнамъ широкія нары. То же самое и въ казармѣ, которая устроена на сто человѣкъ. Всѣхъ углекоповъ двѣсти, но они дѣлятся на двѣ смѣны. Одна работаетъ, другая отдыхаетъ. Такимъ образомъ помещеніе оказывается не тѣснымъ.

— Тутъ, у насъ, и бабы пока помѣщаются. Еще не хватаетъ отдѣльныхъ домиковъ. Скоро, впрочемъ, и этого неудобства не будетъ.

— Съ мужиками вмѣстѣ?

— Нѣтъ. Разумѣется, отдѣльно! Тутъ какія дѣла бываютъ; здѣшнія бабы отличаются выносливостью и здоровьемъ необычайными. Она, на примѣръ, на сносяхъ до послѣдней минуты работаетъ. Настанутъ родовыя боли, уйдетъ на 15 минутъ, родить и сейчасъ же сама принесетъ въ казарму. А на другой день опять уже на работѣ. Мы предоставляемъ ей отдыхъ — не беретъ. Заработокъ нуженъ. При Всеволожскихъ здѣсь и мужики, и бабы помѣщались вмѣстѣ, въ повадку. Развратъ былъ страшный. Никто не женился. Не зачѣмъ было семьи заводить. Просто адъ какой-то. Мы это сейчасъ же измѣнили.

По стѣнамъ висятъ кожаны, выдаваемые рабочимъ отъ завода. Уютности, хозяйственности нигдѣ и ни въ чемъ. Все казарменное, все по шаблону. Что у одного, то и у другаго. Въ арестантскихъ ротахъ также должно быть. Шайки для воды по угламъ, сальныя свѣчи по одной на

казарму — вотъ и все. Въ мужскихъ казармахъ только чуть похуже, чѣмъ у женщинъ. Тутъ, у печей, свалены и сушатся онучи, берестяныя лапти и такіе, же короба. Въ углу, суздальскаго письма образа; на стѣнахъ зеленые генералы на красныхъ лошадяхъ пропускаютъ между конскихъ ногъ маленькихъ желтыхъ солдатиковъ съ синими знаменами. Традиціонное погребеніе кота, и ни съ того, ни съ сего вырѣзанный откуда-то и попавшій сюда портретъ Тургенева. Я уже заподозрѣлъ литературныя занятія, но когда подошелъ ближе, то разочаровался. Подъ нимъ было безграмотно изображено: «патреть Архирея Иліодора и генерала». А рядомъ совершенно неожиданно весьма энергическое и популярное, но вовсе неудобное для передачи изреченіе.

— Вы знаете, первое время не довольны были раздѣленіемъ половъ. И что же — бабы жаловаться являлись.

— Не можетъ быть?

— Честное слово! У насъ, говорятъ, заработковъ не стало совсѣмъ! Вотъ вы и толкуйте съ ними.

— Что ѣдятъ у васъ рабочіе?

— Кашу, иногда мясо, похлебка какая нибудь. Если мяса нѣтъ, ѣдятъ сухаго астраханскаго или уральскаго судака. У кого корова есть, молокомъ разнообразятъ свою пищу. Остальные вовсе его не видятъ. Скучно!

Вышли изъ казармъ. Зеленъ кустовъ; Луньва сквозь нее простирается, поблескивая на солнцѣ яркими струйками. По камнямъ переливается и злится на нихъ. Вонъ, по берегамъ, поросли дягилей изъ зонтичныхъ.

— Это у насъ рабочіе называютъ пиканами. Собираютъ ихъ, солятъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ отваромъ изъ нихъ. Хвоци ѣдятъ тоже, варятъ ихъ вмѣстѣ съ яйцами, шаньги изъ

нихъ дѣлають, пироги. А то и такъ пистиками ѣдятъ, т. е. одни головки.

— Да кто же, своего не хватаетъ что ли?

— Я вамъ говорю — скудно! Тутъ рабочему не разѣсться. Всегда онъ голодень.

XXVII.

Угольная копь.

Мимо веселой и красивой Восточной Луньвы, мимо красныхъ кирпичныхъ зданій завода съ высокою черною трубою, мы прошли въ угольную копь. За нами всюду слѣдовало пыхтѣніе паровиковъ, шумъ какихъ-то зубчатыхъ колесъ, удары проводовъ, работавшихъ безъ устали. Постройка зданія для паровика особенная. На другихъ заводахъ я этого не видѣлъ совсѣмъ. Деревянная, обложенная однимъ слоемъ кирпича, съ пролетами столбовъ и брусевъ въ наружу. Вонъ красивый красный фронтонъ...

— Это у васъ что такое?

— Входъ въ угольную копь.

Черная дыра. Копь отсюда теряется во мракѣ. На семьсотъ футовъ прошла она внутрь, косо пронизывая землю. Вездѣ проложены рельсы. Штейгеры съ молотками снуютъ во всѣ стороны, постукивая въ стѣны угольной породы, въ тускло поблескивающіе изломы ея. Сверху — балясины, поддерживающіе сводъ этой норы. Машина пыхтитъ и тяжело дышитъ въ черномъ гротѣ посреди горы. Словно

тамъ бьется сердце этой громадной, висящей теперь надъ нами массы.

— Эта машина у насъ превосходно работаетъ. Вы замѣчаете, какъ тутъ чистъ воздухъ и какъ сухо вездѣ. Все она, матушка! Впрочемъ, это не долго будетъ; приготовьтесь.

Другія машины въ сторонѣ разбросаны по всему пространству копи. Съ трудомъ различаешь ихъ смутныя очертанія. Какіе-то загадочные силуэты видятся и мерещутся въ этомъ царствѣ гномовъ. Съ каждымъ шагомъ мы опускались все ниже и ниже. Холодъ уже охватываетъ кругомъ. Пыхтѣніе машины становится тише. Вонъ двѣ лампы робко мигаютъ во мракѣ. Образа, передъ которымъ онѣ теплятся, совсѣмъ не видно. Во тьму ушелъ. Только, когда мы подошли ближе, выяснилось печальное, низко наклонившееся, словно слезы роняющееея лицо Богоматери. Такъ и кажется, что ей больно за всѣ эти десятки и сотни народа, убивающаго свои силы на трудной работѣ. Такъ и кажется, что это она по нимъ плачетъ, милосердная и благостная.» И опять черная нора; мы уже идемъ перегнувшись впередъ, чуть не полземъ. Сводъ виситъ низко, давить. Вотъ-вотъ рухнетъ и завалитъ насъ... Каплетъ сверху. Скоро цѣлыя ручьи льются оттуда на насъ. Мы насквозь мокры. Нога тоже тонетъ въ водѣ... Вонъ опять изъ норы направо и налѣво черныя пещеры черныхъ гномовъ. Тамъ тишина. Не слышно ударовъ кайлъ о мокрыя стѣны. Прежде тутъ выбирали уголь, теперь оставили. Старый рудникъ погрузился въ какое-то величавое безмолвіе. Наши голоса какъ-то странно звучатъ въ этомъ гротѣ, углы котораго, кажется, бесконечно далеко ушли отъ насъ; по крайней мѣрѣ подъ тусклымъ свѣтомъ нашихъ лампадъ и свѣчей мы ихъ не видимъ.

— Куда вы? И невидимая рука схватывает меня за плечо, когда я пошелъ было впередъ. — Сохрани васъ Богъ!

— Что такое?

Мой спутникъ протягиваетъ лампу впередъ и я вижу у самыхъ ногъ тускло поблескивающую воду. Сколько можетъ охватить глазъ мой — вездѣ тотъ же тусклый блескъ. Точно тутъ разлито какое-то густое чернило. Трубы отводятъ эту воду, но со стѣнъ ее наливается столько, что онѣ безсильны. По крайней мѣрѣ та польза отъ нихъ, что остальной рудникъ не заливается. Я бросилъ кусокъ каменнаго угля, онъ упалъ гдѣ-то далеко въ воду. Плюхнулъ въ нее — и едва замѣтный кругъ разбѣжался по спокойной поверхности этого подземнаго озера. Даже брызгъ отъ него не было. Мы прислушались внимательнѣе — журчаніе воды. Со стѣнъ льется цѣлыми струями. Повернули назадъ, и другими жилами пошли все ниже и ниже. Теперь это озеро уже надъ нами, наверху. Мы футовъ на двѣсти опустились. Еще больше приходится сгибаться; своды здѣсь гораздо ниже. Едва дышемъ отъ усталости. Руки порою опираются въ мокрая крѣпи. То тамъ, то сямъ, въ стонѣ, блеснетъ огонекъ и что-то шевелится около. Остановимся — слышится оттуда стукъ кайлъ о твердыя массы угля... Уже на насъ нитки сухой нѣтъ. Мы не отдергиваемъ рукъ, когда онѣ попадаютъ въ воду, не стараемся найти сухаго мѣста для ногъ, потому что такого нѣтъ... Старыя шахты направо и налѣво. Онѣ переполнены водою. Мы слышимъ, какъ эта вода точить плотины; поставленные здѣсь, чтобы защищать рабочихъ Григорьевской копи отъ нея.

— Эти старыя шахты совсѣмъ колодцами стали. Разъ одна плотина поддалась, все залила вода.

Такъ и стоятъ онѣ, безмолвныя, брошенныя! Сколько

по нимъ схоронено народу! Въ прежнее время изъ-за этого шуму не дѣлали. Залило — и чудесно! Не доносили даже. Такъ и чудится, что это не шумъ машинъ, а стоны живо схороненныхъ; что не вагонъ это стучить по рельсамъ, а какія-то цѣпи звѣнять въ сторонѣ. Въ самыхъ нѣдрахъ горы бьются и стараются выползти, изъ наглухо завалившихся норъ, тысячи несчастныхъ; кто-то громадный, запертый подъ нею, подъ эту массу угля, песчаника и земли, жалуется на свое вѣчное заточеніе.

Слава Богу, можно разогнуться! Жила, по которой ползли мы, ввела въ большой гротъ. Отовсюду слышны голоса. Сверху висятъ надъ нами грузные и неровные своды изъ песчаниковаго камня. Иногда громада его точно нарочно выдѣлилась, чтобы рухнуть на насъ. Проходя подъ нею, недовольно ускоряешь шагъ. Штейгеры постукиваютъ молотками въ этотъ сводъ, не грозитъ ли обваломъ. Камень глухо отзывается на этотъ зовъ. Точно кто-то, заключенный въ немъ, невольно гудитъ въ отвѣтъ штейграмъ. Мимо насъ двигаются вагоны по рельсамъ. Грохотъ идетъ по подземельямъ. Вдали мелькаютъ свѣчи. Подходимъ — люди, зашитые въ черную кожу. Кожа на шапкахъ, кожа на плечахъ, на ногахъ. Но она не спасаетъ ихъ отъ воды. Вода насквозь проняла. Малѣйшею щелью пользуется она и затекаетъ за шею, на грудь. — «Ноги точно отнялись», жалуется одинъ. Лица сумрачны, брови нахмурены, глаза злые, смотрятъ на твердую породу, не поддающуюся кайлу. Запахъ углекислоты дѣлается уже ощутительнымъ. Голову кружить, въ вискахъ стучить кровь. Горло точно перехватываетъ кто-то.

— Нельзя ли назадъ поскорѣе.

— А что?

— Дышать трудно!

Какъ эти несчастные выдерживаютъ подобный воздухъ, для меня совсѣмъ не понятно; чѣмъ дышутъ ихъ и безъ того изморенныя груди? На мокрыхъ работахъ здѣсь не долго, впрочемъ, выдерживаютъ люди. Самые сильные выстоятъ десять лѣтъ; остальныхъ едва хватаетъ на пять, на шесть. Послѣ того, рабочій уже никуда не годится. Ему нужно или побираться всю жизнь, или умирать. Ни на какое усиліе неспособны подорванныя легкія и немощныя руки! На остальныхъ горныхъ работахъ выстаиваютъ лѣтъ двадцать и тоже умираютъ отъ чахотки. Чахотка становится чаще всего удѣломъ и тѣхъ, кто тутъ долго проработаетъ въ угольной копи. Часто они, впрочемъ, задыхаются раньше, отъ сильнаго притока углекислоты.

— Точно сгоритъ человѣкъ — разомъ!

Сюда становится уже нѣсколько труднѣе находить углекоповъ. Если-бы не нищета окружающихъ мѣстностей, никогда и никто не пошелъ бы на работу хотя въ ту же Григорьевскую копи. Администрація ея, впрочемъ, и сама подманиваетъ народъ. Если рабочій переселяется сюда совсѣмъ, ему отводится земля для дома, дается лѣсъ, или прямо дарится готовая изба! Сверхъ того, ему вручается пятьдесятъ рублей, изъ коихъ двадцать пять безвозвратно, а двадцать пять должны быть отработаны в теченіи пяти лѣтъ, исподволь, незамѣтно.

— Мы бы и надѣлъ давали пожалуй, да товарищество не имѣетъ права отчуждать землю.

Рабочій въ угольной копи мраченъ и молчаливъ. Ему больно на свѣтъ Божій взглянуть. На верхъ выберется, только и впору ему, что завалится на лавку. Руки болятъ, грудь ноетъ, дышать тяжело, точно легкихъ для воздуха не хватаетъ, точно сердце бьется въ какомъ-то пустомъ мѣстѣ. Въ головѣ звонъ какой-то; въ ногахъ, въ

сочлененіяхъ, острая ревматическая боль. Сваливаются массажи! Больницы полны ими. Даже въ праздникъ рабочему не весело! На одно пьянство онъ падохъ, забывается покрайней мѣрѣ. И эту черную яму забудетъ, и этотъ непосильный трудъ изъ головы выйдетъ.

А угля тутъ много. На долго еще его хватитъ. И не одна тысяча людей ляжетъ въ раннія могилы, доставая его на пользу другимъ, спасая своимъ трудомъ, своею смертною мукою, лѣса, одѣвающіеся зеленью, и нивы, гибнущія тамъ, гдѣ истребляются лѣса, и рѣки, обсыхающія въ голыхъ пустыняхъ. При мнѣ рассчитывали, что Григорьевскій рудникъ ежегодно долженъ давать отъ 3,000,000 до 4,000,000 пуд. угля, да не далеко отсюда, Иліодоровскій рудникъ представляетъ собою запасъ въ 30,000,000 пудовъ, который предположено выработать въ 20 лѣтъ. А тамъ еще по Усьвинской дачѣ пошли новыя залежи. Пока открытъ пласть въ 2 фута толщины. Слѣдовательно, не одно поколѣніе горнорабочихъ перегибнетъ изъ-за скуднаго заработка! Съ тѣхъ поръ, какъ я самъ посѣтилъ копи и видѣлъ этихъ несчастныхъ, — каждый кусокъ каменнаго угля мнѣ кажется обрызганнымъ челоувѣческою кровью! Да, дорого достается малѣйшее удобство. Намъ только легко оно. За него платятся другіе.

Сюда на работу народъ идетъ изъ разныхъ мѣстъ, — нужда гонитъ. Прикамскихъ мало, у себя дома есть дѣло, какъ-нибудь прокормятся. Большею же частью работаютъ здѣсь тагильскіе. Есть и кунгурскіе. Всѣмъ рабочимъ съ 8 іюля по 8 августа дается льготный мѣсяцъ на сѣнокосы. Ближайшіе уходятъ къ себѣ, пришедшіе на заводъ издалика нанимаются къ нимъ тоже. За это время они нѣсколько поотдохнуть на чистомъ воздухѣ, оправятся.

Въ копяхъ за подземныя работы получаютъ: кайлов-

щики, ломающіе руду, отъ 50 — 55 к. въ день; 50 на сухихъ, 55 на мокрыхъ работахъ. Нагрузчики и вагонщики — отъ 40 — 45 к., на работахъ вверху, т. е. на землѣ, отъ 35 — 40 к.; 40 к. въ лѣтнюю пору, когда работаютъ не менѣе 10 часовъ, и 35 зимою, когда за дѣломъ проходить отъ 8 до 9 часовъ. Внизу работа идетъ дольше; тамъ двѣнадцатичасовая смѣна на сухихъ и десятичасовая на мокрыхъ работахъ. Особенно тяжелыми считаются развѣдки. Тутъ вода и сверху, и снизу. Женщины тоже работаютъ въ копи, хотя по правиламъ этого допустить нельзя. Дѣла онѣ исполняютъ столько же, сколько и мужчины, а получаютъ на $\frac{1}{2}$ меньше. Мальчикъ отъ 14 — 15 лѣтъ получаетъ при этомъ 20 к. въ день, а дѣвушка отъ 18 — 20 лѣтъ отъ 15 — 18 к.

— Какъ вы допускаете женщинъ ломать руду? спрашиваю я кого-то.

— А какъ ихъ не допустишь, когда въ рабочихъ рукахъ недохватъ.

Всѣмъ вообще рабочимъ заводъ даетъ помѣщеніе даромъ; хлѣбъ имъ продается по заготовочной цѣнѣ, т. е. когда вездѣ здѣсь въ такъ называемой вольной продажѣ пудъ муки стоилъ 60 к., въ Луньвѣ рабочіе получали его по 45 к. Подати они уплачиваютъ ужъ сами, луньевская администрація въ этомъ никакого участія не принимаетъ. Кайловщики (рудокопы) жалуются только на одно: имъ за ихъ же счетъ приходится и крѣпи ставить.

Мнѣ казалось, что мы никогда не выберемся назадъ.

Опять эти черныя жилы, эти мрачныя гроты, эти безмолвные, наполненные водою и задѣланныя плотинами шахты по сторонамъ. И этотъ грохотъ, раздражающій слухъ; этотъ громъ машинъ, словно размалывающихъ человеческое тѣло, рвущихъ его въ куски.

Вонъ, наконецъ, засѣрѣлъ выходъ изъ шахты, точно тамъ паръ стоитъ.

Солнце горячо грѣетъ землю. Жарко стало подъ нимъ. Зеленая листва привѣтливо колышится по сторонамъ, свѣжая, яркая трава мягко стелется по берегамъ веселой рѣчки.

А тамъ, изъ этой горы, доносится все тотъ же грохотъ, глухо раздаются загадочные звуки. Точно черви проточили ее; точно въ невидимыхъ склепахъ бьются тамъ тысячи на вѣки заключенныхъ живыхъ существъ.

XXVIII.

Коксовыя печи.

Прежде чѣмъ уголь будетъ годенъ въ дѣло, съ нимъ нужно еще повозиться не мало.

Изъ копей, по взвѣздамъ, его доставляютъ на грохоты, гдѣ изъ одного въ другой онъ проваливается посредствомъ ручныхъ поворотныхъ колесъ и тутъ дѣлится на три сорта, смотря по величинѣ кусковъ. Каждому грохоту соотвѣтствуетъ особый люкъ, откуда уголь черезъ жолобы поступаетъ въ бакъ съ водою, гдѣ его промываютъ движеніемъ поршня. Въ бакѣ уголь теряетъ свои глинистыя частицы и частицы пустой породы, глинистыя сланцы, песчаникъ. Всѣ они осаждаются по удѣльному своему вѣсу слоями. Уголь вычерпывается особенными лопатками, причемъ, постороннія породы, находящіяся между рамами, перегородками, на лопату не попадаютъ. Отсюда уголь сортируется, нижній слой его выбрасывается, а верхній, самый лучший, предназначается для коксованія и поступаетъ въ боковой отдѣлъ, въ стѣнахъ котораго устроены

люки: сквозь нихъ онъ попадаетъ прямо въ вагоны, отворяяще его по рельсамъ къ коксовымъ печамъ.

Вся эта работа подъ солнцемъ, при свѣтѣ, гораздо легче той, которая, подъ массами земли и камней, совершается въ вѣчномъ мракѣ копей каторжниками непосильнаго труда. Дѣло кипитъ подъ руками; звонъ рельсовъ, стукъ вагоновъ, всхлипывающее движеніе поршней, грохотъ каменнаго угля, попадающаго изъ одного помѣщенія въ другое, тучи черной пыли, стоящей около, — охватываютъ свѣжаго человѣка совершенно новыми впечатлѣніями, такъ все это не похоже на обычныя рамки всякой другой работы. Тутъ уже порою, сквозь шумъ машины, и пѣсня услышится, пѣсня, которая никакъ не мирится съ вѣчнымъ сумракомъ подземелья и словно подстрѣленная птица прерывается тамъ при первомъ своемъ звукѣ. Сверху намъ видны отсюда, въ синевѣ далекой, гдѣ только мерещутся лѣса, бѣлыя черточки какихъ-то заводовъ и микроскопическіе силуэты сельскихъ церквей. Рѣки льются тамъ едва-едва замѣтными серебряными нитями; голубымъ клочкомъ неба, упавшаго на землю, кажется небольшое озеро. Вонъ гдѣ-то струится дымъ. Самого завода не видать, и домны его не отличить за обступившими ея холмами; видно только, что и тамъ совершается неустанный трудъ человѣка. Плавятся въ 1,200 градусной жарѣ сокровища, отнятыя у вѣчнаго мрака черныхъ горъ. Вонъ Луньвинская гора, у подножія ея вся Луньва сбилась въ кучку... Лысая вершушка ярко освѣщена лучами полудня.

Волга рѣка разлилася,
Выпало снугу пороша.
И гдѣ моя мила — хороша?
Приходи на цясоччикъ,
Свидемея на денѣчикъ!

Такъ и садится въ ухо бабья пѣсня. Поющей не видать, за то звуками ея пѣсни наполняется вся эта небольшая полянка.

— Каковъ сопрано? оборачивается ко мнѣ Иванъ Фомичъ.

— Да! Звонъ въ ушахъ идетъ.

— Нѣтъ, вы обратите вниманіе: сила-то, сила! Второе ла взяла. И нисколько не дрогнула. Вотъ бы въ фіоритурныя-то пѣвицы. Выпустить бы ее на сцену въ Питеръ.

— Это съ цясоцками, да денецками?

— Вѣрно молодая еще. Приучилась бы. Нужно, разумеется, образовать, въ консерваторію.

И вдругъ голосъ Ивана Фомича точно осѣкся.

— Что же, отошлите ее въ консерваторію.

Изъ-за угла прямо на насъ вышла весело поющая баба, лѣтъ эдакъ сорока пяти.

— А все-таки изумительная сила голоса!

Коксовая печь поставлена посреди большой площади. Отъ нея во всѣ стороны такъ и пышетъ жаромъ. Внутри томятся въ ужасающей атмосферѣ сотни пудовъ угля. Собственно это не одна печь, а ихъ семь, стоящихъ рядомъ. Вагоны съ углемъ подвозятся прямо на ихъ кровлю. Вверху, въ печахъ, сдѣланы воронки. Когда вагонъ станетъ надъ такою, дно его выдергиваютъ и уголь прямо падаетъ внизъ, въ помѣщеніе, котораго хватаетъ на шестьдесятъ пудовъ. Оно все выложено изъ огнеупорнаго кирпича. Во всѣ семь такимъ образомъ высыпается разомъ 420 пуд. Атмосфера этихъ печей уже раскалена до того, что едва ли даже міеологическая саламандра могла бы здѣсь хотя одно мгновеніе остаться невредимою. Нѣсколько времени еще воронки остаются открытыми, и сквозь нихъ сфрымъ паромъ клубятся вверхъ холодные газы, содержащіе и смолу. Паръ

этотъ клубится все гуще и гуще. Все тяжелѣе и тяжелѣе становятся газы. Наконецъ, въ нихъ точно блеснула молнія. Еще разъ... Въ воронкѣ заколыхался синій языкъ легкаго огня. Онъ мало-по-малу измѣняетъ цвѣтъ, дѣлается голубымъ, розовымъ. Скоро уже одно желтое пламя пышетъ изъ воронки. Давъ такимъ образомъ погорѣть газу, но не очень долго, воронки вдругъ запираютъ герметически. Тотчасъ же печи со всѣхъ сторонъ замазываютъ глиною. Уголь начинаетъ томиться, огню нѣтъ выхода; воспламененные газы, еще секунду назадъ вырывавшіеся на волю, теперь въ верхнемъ отдѣленіи печи поступаютъ черезъ каналы, устроенные въ ея сводѣ, въ боковыя жилы, обвивающія печь кругомъ и потомъ уходящія внизъ подъ полъ. Такимъ образомъ печь нагрѣвается сама собою. Газъ, сослуживъ углю службу, выводится въ особые трубы. Притока воздуха внутрь не допускается вовсе. Уголь остается въ печахъ сорокъ часовъ и изъ отдѣльныхъ кусковъ сплавляется въ общую массу, потерявъ при этомъ, въ видѣ газа, всѣ смолистыя части. Продуктъ этого процесса — коксъ, является почти чистымъ углеродомъ, съ небольшою примѣсью минеральныхъ веществъ, которыя послѣ его сгоранія остаются въ видѣ золы.

Когда мы осматривали печи, привалила къ нимъ цѣлая масса рабочихъ.

— Пора?

— Стомился уголь. Сейчасъ будемъ вынимать!

— Вотъ увидите, какъ узника выпустятъ изъ заточенія, замѣтилъ мнѣ Иванъ Фомичъ.

— Какъ разъ ко время потрафили.

— Хоцца ему на волю тоже.

Потъ катилъ съ лицъ, жара здѣсь была нестерпимая.

Тѣмъ не менѣе, ждать было некогда и рабочіе засуетились еще пуше кругомъ печей.

— Ну-съ, выпускайте, выпускайте, братцы!

— Палить! Фу ты, Господи! Прежде смерти въ адъ попадешь!

— И горько же грѣшникамъ будетъ. Черти-то изъ нихъ также вотъ уголь вымаривать станутъ. Вмажутъ тебя въ печь, загрузуютъ и почнутъ тебя палить.

— Тебя скорѣй.

— Меня не за что. Я на бабъ не падохъ. А тебя за бабъ во какъ выжарятъ!

Гдѣ есть малѣйшая возможность поострить, ее не упустить нашъ рабочій.

— Ты думаешь: взялъ бабу, да и правъ. Нѣтъ, врешь! за нее, за бабу, такъ-то тебѣ влетитъ, чудесно! Она, братъ, баба. Ее не трошь.

— Онъ вчера съ Матрешкой по лѣсу путался.

— И за это тебя тоже. Будь спокоенъ.

— Эхъ вы бабы, бабы, и что добраго въ васъ!

— Добра у нихъ много!

Но рабочему докончить не удалось. Ему крикнули слѣва и онъ бросился туда.

— Ну, уголь поспѣлъ. Пора его на столъ подавать, острили около.

Съ обѣихъ сторонъ открыли дверцы печей. Уголь выталкивается изъ нихъ особымъ механизмомъ. На насъ изъ печей стала выступать раскалявшая окружающій воздухъ масса, совсѣмъ сплавившаяся: уже на волѣ, она начала съ громкимъ трескомъ раскаляваться на части, поблескивая въ изломахъ металлическимъ отсвѣтомъ. За выступившими массами ползли другіе — дышать становилось невыносимо.

— Хватай, хватай его, братцы!

— Не зѣвай, не зѣвай, ребята!

Обжигальщики стали его зацѣплять желѣзными гребнями и подальше оттаскивать отъ пеней, то бросая инструментъ отъ страшнаго зноя, то снова хватаясь за него. Другіе въ это время направили на вынутыя изъ печей массы пожарныя кишки. И вдругъ кругомъ, оглушая насъ, загрохотало и загремѣло. Вода изъ кишекъ стала литься на раскаленныя массы. Ихъ сильно окутало паромъ. Паръ застлалъ все, и рабочихъ, и печи; мы уже ничего не видѣли, кромѣ этихъ клубившихся передъ нами сѣрыхъ тучъ, въ которыхъ, незримая, бѣсилась какая-то гроза. Изрѣдка, когда вѣтромъ относило бѣлые клубы въ сторону, изъ-за нихъ выступала сѣрая, металлическая масса, продолжавшая трескаться и колоться пряными изломами. Въ расколѣ сверкало пламя, уголь горѣлъ тамъ краснымъ огнемъ. Потому тучи пара опять застилали все кругомъ. Съ этимъ паромъ изъ кокса улетучивается сѣра, и коксъ послѣ того считается уже совершенно готовымъ.

Рабочимъ тѣмъ не менѣ складывать рукъ нельзя.

Нужно позаботиться, чтобы громадныя печи не охладились, запереть ихъ, замазать и нагрузить свѣжимъ углемъ. Процессъ обращенія угля въ коксъ такимъ образомъ продолжается безпрестанно. Изъ шестидесяти пудовъ угля, вложеннаго въ печь, кокса выходитъ пятьдесятъ пять пудовъ; остальное, въ видѣ газа, улетучивается изъ него. Изъ полученной въ каждой печи массы оказывается плотнаго кокса 48 пуд. и пористаго, губчатаго, 7 пуд. Цѣна ему при мнѣ еще не установилась, потому что самое дѣло было вновь.

— Что вы получаете? спрашиваю я у рабочихъ, дѣй-

ствительно предвкушавшихъ мученіе адово. Будущая жизнь, такимъ образомъ, для нихъ уже наступала въ настоящей.

— Мало получаемъ! Пятьдесятъ копѣекъ въ день всего. На всемъ своемъ.

— Которые въ шахтахъ, да въ копяхъ работаютъ, тѣмъ больше платятъ, они по 65 въ день берутъ.

— А тебѣ сколько приходится?

Шаршавый, раскраснѣвшійся у огня мальчуганъ, ополоумѣвъ отъ жары, попалъ прямо на меня и остановился, видимо не сознавая, гдѣ онъ и что съ нимъ.

— Чего? остановился онъ. Видимое дѣло — съ жары опаматоваться не можетъ.

— Что, Васютка, не привыкъ еще! Онъ у насъ въ новѣ. Сколько получаешь-то? спрашиваютъ.

— Ахъ ты, Господи! мучится совсѣмъ мальчуганъ вмѣсто отвѣта.

— Тутъ и взрослому не сладко, когда эта угля ползеть.

— Онъ по двадцати копѣекъ въ день беретъ, отвѣчаютъ за него другіе.

Готовый коксъ въ вагонахъ отвезли въ складъ. Новый засыпали сверху.

Вокругъ печи опять нѣкоторое время стало тихо и безлюдно. Бабѣ, какое было при работахъ, воспользовалось отдыхомъ по своему, прихвативъ съ собою и мужиковъ. Смѣшеніе половъ, а слѣдовательно и легкость нравовъ, здѣсь безпредѣльны. Не говоря уже о томъ, что никакимъ обычаемъ извѣстныя отношенія не связываются, баба, не имѣющая «душеньки», считается здѣсь чѣмъ-то отверженнымъ.

— Что это ты, Анисья, съ мужемъ? спрашиваетъ мой спутникъ у красивой и рослой блондинки, попавшейся намъ на встрѣчу.

— Нѣтъ. Это чужой душенька! У меня свой душенька ушелъ, такъ я чужаго взяла!

— Ну а какъ мужъ узнаеть?

— Пущай его и знаетъ. Мнѣ что! Его дѣло, не мое!

Я невольнo расхотался этой своеобразной логикѣ.

Въ прежнее время рабочему здѣсь все-таки было гораздо хуже. Теперь, если онъ не является на работу, то теряетъ свою поденную плату и сверхъ того платитъ 25 к. штрафу, а тогда, теряя плату, онъ штрафовался вдвое. Если онъ опоздаетъ, изъ поденщины вычитывается соответствующая часть; прежде же онъ не получалъ ничего и приплачивался еще сверхъ того пятью копѣйками. Съ пришлыми издали плотниками и каменщиками обходятся получше. Эти — изъ Владимірской губерніи и подчинены своимъ подрядчикамъ, тѣмъ не менѣе и Владимірцы не уносятъ домой ничего, а вся выгода достается подрядчику. Послѣдній, получая на рабочаго 80 руб., уплачиваетъ ему только 50 руб. Остальное себѣ. У рабочаго не только не остается ничего, но, напротивъ, и на слѣдующій годъ онъ по неволѣ долженъ закабалиться къ подрядчику, иначе ему не дойти до дому. Владимірцы работаютъ съ мая до сентября. Подрядчики являются жадными до безобразія. Тутъ уже штрафы безъ удержу, по 5 руб. за сутки сдываютъ.

— Развѣ луньевская администрація не могла бы бороться съ подрядчиками?

— А какое ей дѣло! Нанимается не артель. Подрядчикъ берется сдѣлать то-то и то-то. А ужъ тамъ платитъ ли онъ или не платитъ — его дѣло. Лишь бы работа была исполнена. Чему вы удивляетесь? Это онъ хорошему рабочему пятьдесятъ рублей дастъ, тому кѣмъ онъ дорожитъ; а остальнымъ, съ которыми не церемонится, изъ получен-

ныхъ восьмидесяти рублей отпустить двадцать пять, или двадцать, да и то еще обсчитать норовить. Подлецы порядочные! Здѣсь одинъ подрядчикъ своего роднаго отца обсчиталъ. Отецъ къ нему въ рабочіе пошелъ.

По всему району Александровскаго завода и Луневскихъ копей асигновано было при мнѣ на годовую затрату 813,000 р. На эти деньги, при постановкѣ начала дѣла, разумѣется нельзя было разѣхаться слишкомъ широко. Поневолѣ сжимались, гдѣ могли, и сокращали расходы даже и на мелочахъ. И всюду, и вездѣ, какъ бы національно не ставилось дѣло, какими бы новизнами оно не прикрывалось, какихъ бы школъ не устраивали хозяева и сколько бы они пенсіоновъ не выдавали тѣмъ, кому удастся выжить въ этой страшной обстановкѣ заводскаго и рудничнаго труда, — всегда и вездѣ положеніе тружениковъ являлось въ полномъ смыслѣ слова ужаснымъ. Я положительно не вижу, гдѣ же разница между подрядчикомъ, притѣсняющимъ свою артель, заводчикомъ, у котораго рабочіе тоже въ черномъ тѣлѣ, и хозяиномъ копи высасывающимъ послѣднія жизненные соки у своихъ рудокоповъ. Вѣдь въ сущности, какъ страшно это совершенно спокойное и равнодушное сужденіе:

— На мокрыхъ работахъ можетъ выстоять лѣтъ пять, не больше.

— А потомъ? Потомъ собакамъ бросить что-ли?

XXIX.

Нашествіе иноплеменныхъ. — Французскій годъ.

Не вдалекѣ отъ Луньевки, находился когда-то громадный александровскій заводъ, какъ и вся эта мѣстность, принадлежавшій Всеволожскимъ. Безумства, прежнихъ представителей этой фамиліи были таковы, что колоссальныя богатства ихъ истощились очень быстро, раззоривъ не только хозяевъ (отъ этого никому не было бы ни тепло ни холодно), но доведя и мѣстное населеніе до самаго страшнаго экономическаго положенія. Едва-ли найдется на Уралѣ другой родъ, о которомъ здѣсь ходили бы такіе чудовищные рассказы. Трудно придумать какое нибудь чудачничество, какое бы въ свое время не сдѣлали Всеволожскіе. Лучшіе изъ нихъ убивали всю свою дѣятельность на безпрестанные споры съ сосѣдями. Такъ, съ одними Лазаревыми у нихъ неутомимо шла самая беспощадная война. Другъ друга они травили, взаимно устраивали всевозможные реприманды, казнили — Всеволожскіе — лазаревскихъ подданныхъ, лазаревскіе — Всеволожскихъ. Работники тѣхъ и другихъ точно вели одни противу другихъ подземную

минную войну. Сталкиваясь такимъ образомъ въ шурфахъ, они съ кайлами и кирками бросались въ тяжеломъ мракѣ шахтъ партія на партію. Лампочки и свѣчи скоро тухли. Ратоборцы не знали, кого они бьютъ, своихъ или чужихъ. Случалось, что на полѣ брани оставался не одинъ трупъ, а нѣсколько. Все это сходило съ рукъ. Лазаревы заявляли даже претензіи на землю александровскаго завода, но Всеволожскіе весьма остроумно доказали, что вся эта дача принадлежитъ имъ. Въ тѣ времена существовалъ обычай, по которому земля считалась того, кто прежде на ней поселится. Всеволожскіе стали переносить въ лѣсные захолустья, въ трущобы, отъ вѣка неслышавшіе людскаго голоса, ветхія избы изъ деревень и селили въ нихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Иначе, и при помощи своихъ документовъ, они ничего бы не добились. Лазаревы продѣлывали то-же самое. Такимъ образомъ избы той и другой стороны переносились съ мѣста на мѣсто, и сообразно этому рѣшались дѣла въ пользу одного изъ противниковъ.

— Сколько людей они побили, страсть! рассказывалъ мнѣ старикъ крестьянинъ.

— Въ лѣсу?

— Да! Въ самомъ дремучемъ. Поди тамъ, ищи! Идетъ одна партія съ избой, сталкивается съ другою. Слово за словомъ, ну и пойдетъ побоище. Сначала въ рукопашную, а тамъ и дубье въ ходъ. Мой дѣдъ убитъ былъ такъ. Потомъ и тѣла не нашли. Спрятали, чтобы не отвѣчать. За такіе дѣла и богатства ихъ всѣ прахомъ пошли!

Около Сивинскаго села, Оханскаго уѣзда, есть лѣсъ верстъ на двѣнадцать. Онъ огороженъ. Тамъ всякое звѣрье плодится, кишмя-кишитъ. Посреди этого лѣса домъ громаднѣй. «На триста комнатъ поставленъ», рассказываютъ здѣсь. Бревна стойкомъ торчатъ. Кровля не dokonчена.

Сквозь пустыя окна вѣтеръ свободно разгуливаетъ внутри, среди царствующаго тамъ заустѣнія. Одинъ изъ Всеволожскихъ явился сюда какъ-то на охоту. Зимой подняли ему медвѣдя. Сошелся народъ, чтобы провести дорогу. Сначала сгребли снѣгъ, потомъ вырубили просѣку на восемь верстъ. Въ это время медвѣдь ушелъ. Нашли другую берлогу. Въ концѣ концовъ послѣдовала резолюція:

— Не иначе поѣду, какъ въ собственномъ возкѣ, запряженномъ четверкою коней.

Устроили ему и это удовольствіе, истративъ кучу денегъ, и въ концѣ концовъ вытащили изъ берлоги какого-то щенка, такъ что Всеволожскій только плюнулъ. Заготовленные для охоты разрывныя пули разстрѣляли въ бутылки, да въ шапки, и вернулись домой.

Прежде тутъ всего бывало: и гаремы держали, и людей на морозѣ обливали водою, и исправниковъ благополучно сѣкли, — по программѣ, которая исполнялась и другими владѣльцами тѣхъ «рыцарскихъ» временъ. Этимъ феодаламъ нужно было особенное счастье, чтобы не раззориться. Разъ, напримѣръ, изъ Перми прислали какому-то Всеволожскому шампанскаго, ему оно не понравилось. Онъ и давай свое дѣлать. Сотни тысячъ убухалъ въ это дѣло и не только самъ свою буру пилъ, но и другихъ заставлялъ ею отравливаться. Чѣмъ страннѣе его одинъ пермскій купецъ, который до того очумѣлъ отъ богатства, что вздумалъ у себя на чистомъ воздухѣ тропическія рощи разводить. Другой, изъ мѣстныхъ заводскихъ, вздумалъ приручать медвѣдей. Занялся этимъ дѣломъ — приручилъ. Выросъ мишка, шалить сталъ. Мишку отодрали. Мишка искусалъ палачей. Такъ какъ послѣдними были простые мужики, то звѣрю это въ вину не поставили. Попробовавъ человѣческой крови, звѣрь и самого барина какъ-то ца-

рапнулъ. Ну тогда нарядили судъ. Созвалъ своихъ сосѣдей заводчикъ, тѣ съѣхались. Назначили судью, членовъ, докладчика, секретаря, какъ слѣдуетъ. Стали медвѣдя судить, причемъ, подсудимый былъ въ засѣданіе доставленъ въ цѣпяхъ. Приговорили повѣсить. Стали вѣшать, мишка вырвался. Жандармовъ, т. е. тѣхъ, которые играли эту роль, перепороли. Вторично приступили къ обряду публичной казни, веревка оборвалась. Потомъ обломилась перекладина. Всякій разъ находили виновныхъ въ неисправности и пороли. Къ вечеру поставили новую висѣлицу. Въ это время невѣжественному заводчику пришла новая счастливая мысль:

— Какъ же мы это безъ христіанскаго напутствія?

А выпито было порядочно. Идея понравилась, послали за попомъ. Попъ явился.

— Вы съума сошли! Вѣдь за это...

— Ну такъ выбирай, что хочешь: или самого повѣсимъ или напутствуй. За согласіе 100 рублей.

Подумалъ-подумалъ священникъ. Для убѣдительности его подвели подъ висѣлицу и петлю на него надѣли. Нашелъ, что 100 рублей лучше.

Преступникъ все это время сосалъ себѣ лапу. Пришла, наконецъ, его очередь. Секретарь прочелъ опять приговоръ, два раза стрѣляли изъ ружей. Воображая, что это обычное торжество, мишка пустился плясать на заднихъ лапахъ. Не помогло! На этотъ разъ его-таки повѣсили, и потомъ, когда нарочно заранѣе выписанный изъ Екатеринбурга ученый врачъ удостовѣрилъ его смерть, тѣло медвѣдя предали погребенію.

Такихъ шутокъ Вееволожскіе, разумѣется не шутили, но были, впрочемъ, не далеко отъ нихъ.

Дѣла ихъ пошатнулись. Съ цѣлью ихъ поправить, Все-

воложскіе взяли полтора милліона изъ сохранный казны. Казалось тутъ-то они и разовьютъ дѣятельность! Но съ деньгами въ карманѣ замуроваться въ Уральское захолустье они не захотѣли и все это богатство спустили въ Баденъ-Баденѣ. Черезъ нѣсколько времени оказалось, что они не могутъ уплачивать даже процентовъ по занятому капиталу, и имѣніе было взято въ опекунское управленіе. Такой порядокъ длился до уничтоженія крѣпостнаго права. Крестыяне кормились съ грѣхомъ пополамъ, но настоявшей нищеты не было. Заводы уменьшили нѣсколько свое производство, но не закрывались совсѣмъ. Домны дымились, желѣзо и чугуны выработывались и въ свое время скупались разными кулаками; кое-что перепало и Всеволожскимъ. Въ 1860 году продолжать такіе порядки оказалось невозможнымъ; они обратились за помощью къ компаніи французскихъ и бельгійскихъ банкировъ. Сюда управлять дѣломъ явился нѣкто Жюль Пикъ; подъ его руководствомъ оно еще пуще разшаталось; въ концѣ концовъ онъ раззорился до тла, попалъ въ тюрьму и умеръ въ ней.

Тутъ-то и наступилъ знаменитый французскій годъ, о которомъ съ ужасомъ вспоминаетъ все населеніе этого края.

Бельгійцы налетѣли сюда еще ранѣе, но при Жюль Пикѣ не осмѣливались ничего дѣлать; теперь же они принялись расхищать все, что можно было расхитить. Приглашая эту компанію, Всеволожскіе думали отдѣлаться отъ опеки, чего они и достигли; но изъ чистилища они попали прямо въ адъ. Компанія, взявшаяся уплатить частныя и казенныя долги ихъ, ураганомъ ворвалась въ заводы, которые были въ это время похожи на средневѣковыя города, отданные на грабежъ остервенѣвшимъ солдатамъ Тилли. Все, что только могло быть продано, бельгійцы про-

дали. Не работали, а просто грабили. Какая-то оргія началась здѣсь. Стали снимать чугунные полы, устои подъ водопроводными трубами, чугунныя лѣстницы. Короче — весь чугунъ, даже заслонки съ печей, все, что только возможно передѣлать въ желѣзо. Вытаскивали съ этою цѣлью связи, сдирали съ крышъ желѣзные листы, снимали съ дверей скобки и самыя двери сжигали вмѣсто дровъ въ печахъ. Балки, кровли пошли туда же; заводъ оказался безъ крыши. Работали въ однѣхъ стѣнахъ, подъ открытымъ небомъ. Приступили, наконецъ... къ чему бы вы думали?.. къ съемкѣ чугуннаго пола въ церкви и сдиранію всего желѣза оттуда, да священникъ забилъ тревогу, вмѣшалась власть и помѣшала бельгійцамъ, хотя тѣ ужъ за колокола было принялись. Дѣлали все въ долгъ, не платя никому ни копѣйки. Задолжали всѣмъ: дроворубамъ, угольщикамъ, рабочимъ, подрядчикамъ, возчикамъ, служащимъ въ конторѣ. Не было такого мальчугана или дѣвчонки, которымъ они не были бы должны заработанныхъ денегъ. До сихъ поръ живутъ еще рабочіе, которые такихъ долговъ за компанію считаютъ 60,000 р.; есть такіе, коимъ приходится по 700 р. въ однѣ руки. Крестьяне ходили какъ помѣшанные, пить съ горя начали, пока было на чтò, потомъ и ѣсть-то приходилось рѣдко вдосталь. Дошли до того, что столы и мебель конторы и оставленные почему нибудь постройки были сожжены въ домнѣ.

Оргія разгоралась все больше и больше, разореніе все усиливалось и усиливалось. Между рабочими начались самоубійства. Наконецъ, бельгійцы уперлись въ стѣну. Всѣ лѣса кругомъ были проданы, все дерево въ заводѣ сожжено, всѣ желѣзныя и чугунныя части переплавлены и распроданы. Въ одно прекрасное утро Луэстъ и другіе бельгійцы, члены компаніи, сѣли въ свои кареты и... по-

минай какъ звали! Только ихъ и видѣли. Было обобрано все, остались однѣ развалины. Оказалось, что вмѣстѣ съ нашими крестьянами заплатились и несчастные соотечественники этихъ воровъ — инженеры и механики, приглашенные ими для работы на заводѣ, и мастера, привезенные изъ Франціи. Уже наше правительство на свой счетъ отправило всѣхъ ихъ на родину. Дѣла запутались такъ, что кредиторамъ и рабочимъ оказалось искать не съ кого. Отвѣтчиковъ не было, а если и были, то сѣмѣли спрятаться.

Такъ кончился французскій годъ и началось мамаево разореніе.

Французскимъ годомъ эту эпоху назвали мѣстные крестьяне. Они до того обѣднѣли, что принуждены были продать все, чтобы прокормиться. Какъ на запущенную и истощенную ниву налетаетъ всякій зловредный жукъ, напозааетъ всякая червивая гадь, такъ и сюда напозли кулаки и скупщики. Сняли все съ мужиковъ. Проѣвъ послѣднее, эти сами принялись за грабежъ. Съ голоду, повсемѣстное воровство, какъ кругъ по водѣ, пошло, раздвигая свои границы. Выходило такъ: на одной сторонѣ караулять, а на другой — тащутъ; стануть караулить тамъ — тащутъ здѣсь. Ъли рябину вмѣсто хлѣба. Продавали заслонки изъ печей, стекла изъ оконъ, уцѣлѣвшія балки съ избы; самыя избы рубили на дрова. Все скупаль Кропачевъ, за безцѣнокъ разумѣется. Этоть, несмотря на молодость, былъ уже знаменитый кулакъ. Когда все было распродано и сѣдено, начали примирать съ голоду; тогда, къ счастью, опомнились пермскіе администраторы и изъ продовольственнаго по губерніи капитала была оказана населенію помощь въ видѣ ссуды.

— Иначе все бы примерло. Воровать нечего было, и рябину всю пожрали.

Нашествіе иноплеменныхъ такъ памятно до сихъ поръ, что крестьянство возвело его въ эру для лѣтосчисления. «Это случилось до французскаго года, это было послѣ французскаго года», говорятъ они. Съ тѣхъ поръ ко всему здѣсь недовѣріе полное; надѣловъ не берутъ, добровольныхъ соглашеній не хотятъ. Заводы взяли снова въ опеку, и желѣзо стало продаваться впередъ, на корню, контрагентамъ Любимову и Кропачеву; тѣ давали деньги, и заводъ сталъ работать на нихъ по баснословно дешевой цѣнѣ. Братъ этого Кропачева открылъ здѣсь лавку. Управитель и члены заводской администраціи служили не опекѣ, а Кропачеву. Въ концѣ мѣсяца рабочіе просятъ денегъ, имъ не даютъ.

— Берите, что нужно, припасами у Кропачева; у насъ денегъ нѣтъ, не прислали еще.

И рабочіе должны были брать скверный товаръ, противъ сосѣднихъ лавокъ по тройнымъ цѣнамъ. Рабочія деньги изъ конторы получалъ уже Кропачевъ-братъ, иногда и раньше, даже прямо изъ опекунскаго учрежденія, — раньше, чѣмъ онѣ были заработаны, а слѣдовательно и прежде забора. Это тянулось до 1873 года, когда устроилось нынѣшнее товарищество для эксплуатаціи луньевскихъ копей и александровскаго завода.

Рабочіе настолько были забиты крѣпостнымъ правомъ, французскимъ годомъ и опекунскимъ совѣтомъ, что не смѣли даже жаловаться. Наконецъ, какъ-то сошлись, vybrали ходоконъ просить разрѣшенія переселиться за Уралъ или въ Оренбургскую губернію. Двумъ первымъ семьямъ было разрѣшено; это и остальныхъ осмѣлило. Когда просьбы были заявлены отъ всей массы, власти всполошились и запретили. Такъ рабочіе и остались привинченными къ го-

лодному мѣсту. И пошло еще пуще разореніе, да, слава Богу, товарищество выручило.

И отъ этого населенія, измученнаго, истерзаннаго, униженнаго во всемъ, еще требуютъ нравственности; удивляются, что мужикъ воруетъ, а баба продаетъ себя. Да какъ же не воровать и не торговать тѣломъ при такихъ условіяхъ? За ножъ взятыся, что ли?

О Кропачевѣ рассказываютъ много смѣшнаго.

Придетъ, бывало, на заводъ съ супругою, сядетъ противъ доменной печи въ приличномъ разстояніи и блаженствуетъ.

— Все это наше! Теперь и заводъ, и желѣзо, и люди — наши! Прежде мы у Всеволожскихъ крѣпостными были, а теперь они у меня подъ рукою. Что хочу, то и сдѣлаю! Накланяются, узнають! Захочу — помилую, захочу — нѣтъ!

— Не милуй ихъ, зачѣмъ миловать! вступается супруга.

— Я еще имъ покажу себя!

— Покажи, покажи, батюшка! умиляется та.

У Кропачева на бланкахъ даже было изображено: «Потомственный, почетный гражданинъ, пермскій 1-й гильдіи купецъ и кавалеръ орденовъ». Жена его всюду возила и всѣмъ показывала телеграмму мужа, изъ Питера, краткую, но выразительную: «удостоился обѣдать съ министрами». У него контора; служащіе въ ней страшно забиты. Отецъ у него все церкви строилъ, старые грѣхи отмаливая; но до смерти оставался самодуромъ. Разъ надѣлъ ризы и служилъ, а крестьяне цѣловали ему руку и Евангеліе. Налетѣлъ исправникъ, но съ опаскою, потому что станovýchъ Кропачевъ сѣкалъ. Исправникъ пригрозилъ судомъ.

— Подъ судъ? Чего подъ судъ, зачѣмъ подъ судъ?

Помилуй! Я вѣдь самъ купилъ ризы, да крестъ. Если осквернилъ по-твоему, такъ новые куплю...

И вышелъ сухъ изъ воды.

И умеръ-то онъ отъ собственной дури. Скряжничаль. Самъ на возахъ съ товаромъ поѣхаль. На обедѣнѣломъ мосту упаль, его и придавило возомъ.

Вліянія Всеволожскихъ, опекунскаго совѣта, французскаго года и кропачевскаго побоища до сихъ поръ оставили здѣсь свой слѣдъ.

XXX.

Александровскій заводъ.

Теперь здѣсь все идетъ иначе. Крестьянство съ голода не мретъ, хотя, разумѣется, и сыто не бываетъ. Товарищество расходуетъ свои деньги экономно и, какъ оно само выражается, «филантропіей заниматься не считаетъ нужнымъ». Цѣлыя поколѣнія приносятъ свою кровь и потъ, свою жизнь и молодость, въ жертву за хлѣбъ насущный, и только за хлѣбъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ сущности страшно это существованіе, гдѣ все сосредоточено на одномъ вопросѣ: умрешь съ голоду или нѣтъ? Порою это разнообразится другимъ: заплатишь недоимку или нѣтъ? Питаясь акридами и не помышляя о дикомъ медѣ, мужики только одинъ мѣсяцъ въ году живутъ нѣсколько иначе. Покосы, дни и ночи, проводимые на открытомъ воздухѣ, послѣ душныхъ заводскихъ работъ или смрадныхъ копей — нѣсколько ярче освѣщаютъ это бѣдное существованіе, даютъ ему, хотя ненадолго, радужныя краски, которыхъ, въ теченіи остальныхъ одиннадцати мѣсяцевъ въ году, оно лишено совсѣмъ.

На заводъ я отправился на слѣдующій день утромъ. Товарищество кое-какъ починило заводъ, положило заплаты на дырья и лохмотья, оставшіяся послѣ французскаго года. Оно же ввело здѣсь и нѣкоторыя усовершенствованія. Такъ, еловый и сосновый уголь готовится въ лѣсу рабочими, но березовый обжигается въ углетомительныхъ печахъ; устроенныхъ въ самомъ заводѣ. Въ лѣсу, при обыкновенномъ способѣ, изъ 100 частей дерева выходитъ 50 частей угля, а здѣсь ить 100 — оказывается 80. Длинные кирпичныя печи работаютъ отлично. Сначала онѣ открыты и дрова тамъ горять, какъ и вездѣ; потомъ, давъ имъ разойтись, когда пламя ужъ велико, отверстіе герметически запирають, и дерево отъ жару обугливается все. Заводъ сѣдаетъ 5,000 куб. саж. дровъ въ годъ. Шестъ громаднхъ здѣшнихъ печей въ состояніи дать до 100 куб. саж. въ мѣсяць; такимъ образомъ, однихъ березовыхъ дровъ уходитъ до 1,200 саж. Въ доменной печи горитъ розовое пламя вверху, рабочіе обтянуты въ черную толстую кожу. Тѣ же картины, что и на Кизеловскомъ заводѣ; тѣ же вспотѣвшіе люди, до измору дотолкавшіеся у этой геены огненной; тѣ же, точно въ чемъ-то размоченныя и распаренныя бабы... Куда ни взглянешъ вездѣ слѣды французскаго года; какъ ни старательно товарищество кладетъ свои заплаты, недавнее разореніе смотритъ на васъ сквозь тысячи дыръ. Одной доменной печи нѣтъ, она развалилась совсѣмъ, да и кровли вездѣ содраны. Однѣ рѣдкія балки торчатъ вверху, точно волки ободрали шкуру съ падали, обѣли мясо и костякъ торчитъ одинъ, сиротливо подымая вверху голая ребра. По полу, вверху, нужно ходить съ величайшей осторожностью — вездѣ провалы; свалишься съ высоты почти пяти этажей и, пожалуй, прямо въ расплавленный чугуны внизу угодишь... Вонъ рабочіе, крихтя,

тащутъ коробъ съ углемъ и сбросили его въ домну; пламя вскинулось вверхъ, съ цѣлою массою искръ. По краямъ приготовлена руда, съ известковымъ камнемъ. Ее сталкиваютъ внутрь, въ пламя, и отворачиваютъ лица, потому что иначе придется дышать огнемъ.

Какое ужасное выраженіе у одного рабочаго изъ тѣхъ, что сбрасываетъ руду въ домну... Совсѣмъ автоматъ; только въ каменныхъ чертахъ этого автомата такъ и закаменѣло выраженіе одной вѣчной, неизмѣнной муки. Окончить онъ у домны — бѣжитъ къ обжигательной печи, а тамъ опять къ домнѣ. Такъ въ чертахъ этого лица и читаешь и французское разореніе, и кропачевскій грабежъ!

— Теперь, слава Богу! шепчетъ онъ (голосу давно нѣтъ). — Теперь чудесно... Теперь пятьдесятъ копѣекъ въ день!

А глаза и застывшая въ каждомъ мускулѣ лица мука противорѣчатъ и этому «слава Богу», и этому «чудесно». Онъ какъ-то и смотритъ изъ подлбья, точно со-слѣпу, и видитъ плохо; глаза воспалены отъ зноя, больно имъ, слеза ихъ то и дѣло точить. Тѣло — скелетъ, обтянутый какою-то синею, точно гнилою кожей. А вѣдь молодъ, всего тридцать лѣтъ человѣку... Губы синія-синія тоже, свело ихъ. Грудь совсѣмъ ввалилась, ямой какою-то стала.

— Отчего это у всѣхъ рабочихъ здѣсь бороды такія жидкія, да чахлыя? спросилъ я и самъ сконфузился. «Что за глупый вопросъ», думаю.

— Вы это кстати. Знаете ли, что у кричныхъ рабочихъ, напримѣръ, въ Кыну, борода не растетъ: вообще у тѣхъ, которые при передѣлкѣ чугуна въ желѣзо находятся — ни усы, ни борода не распушатся. Такъ, рѣдкій волосокъ пробьется. Жара вѣдь неимовѣрная!

Внизу мы опять любовались на золотыя звѣзды, которыя раскидываль кругомъ чугуны.

— Вы, однако, не очень близко наслаждайтесь, предупредили меня.

— А что?

— Когда изъ домны течеть чугуны, онъ, встрѣтивъ воду, разбрасываетъ металлическія брызги такой силы, что онъ иногда пробиваютъ высокую кровлю зданія. Это тоже опасно. У насъ есть такіе, которые ослѣпли отъ этого.

Спектакль становился опаснымъ и, разумѣется, только выигрываль отъ этого. Здѣсь ежедневно выплавляютъ чугуна отъ 350 до 500 пуд., причеъ на 100 пуд. руды получается до 40% металла. Я его назваль какъ-то желѣзомъ, мой спутникъ засмѣялся и поправилъ меня:

— Это чугуны, его еще надобно сварить въ желѣзо. Вы не специалистъ и не мудрено вамъ ошибиться; а то изъ Петербурга къ намъ наѣзжаютъ мундирные металлурги, такъ вы бы на нихъ посмотрѣли. Напыжиться, важности на себя напустить, страшно подойти къ нему даже, а вѣдь желѣза отъ чугуна отличить не можетъ... Какое желѣзо отъ чугуна! Мы выпустили сплавъ изъ домны... Онъ вдругъ и спрашиваетъ: — «сколько вы бросили чугуна въ домну, чтобы получить это желѣзо?» — «Мы, говоримъ, руду бросаемъ!» Онъ снисходительно улынулся и, знаете, этакъ съ высокоуміемъ: — «Что-жь, вы хотите меня увѣрить, что прямо изъ руды желѣзо плавите?» — «Да это не желѣзо, а чугуны». — «Чугуны? — покраснѣль самъ. — «Скажите, какой красивый, говоритъ... Горячій?» А чего горячій, когда отъ него адомъ пышетъ. Мы ужъ смѣялись, смѣялись потомъ... Хвостъ поджалъ и такимъ ласковымъ, да мяконькимъ сталь! Потомъ, читаемъ въ газетахъ, въ техническихъ обществахъ доклады дѣлалъ! Еще какіе бы-

вали! Одинъ, тоже чиновникъ, специалистъ по минералогіи, являлся сюда; можете себѣ представить, что ему разноцвѣтные, красивые шлаки выдавали за малахитъ и яшму. Онъ вѣрилъ, по простотѣ души!.. Совсѣмъ агнецъ!

При заводѣ теперь находится громадная механическая мастерская. Всякаго рода аппараты могутъ приготовляться здѣсь; между прочимъ, еще недавно отсюда вышелъ пароходъ «Гарибальди» для р. Камы. Ни одного настоящего механика нѣтъ. Все строятъ простые рабочіе, присмотрѣвшіеся къ дѣлу у нѣмца въ Пожвѣ и теперь орудующіе здѣсь за какіе-нибудь 30 руб. въ мѣсяць. Умныя лица этихъ талантливыхъ людей производятъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

— Мы сначала чертить научились, а потомъ и сами искушаться стали.

И искушаются прекрасно, нужно имъ отдать справедливость.

— Они до чего насобачились, рассказываютъ намъ: — ученый механикъ упрется въ новый чертежъ лбомъ и ничего понять не можетъ, что за машина? Сейчасъ — «Иванъ!» Является Иванъ. — «Пособи-ка, что это за штука?» Посмотритъ-посмотритъ и разъяснитъ. Съ лету понимаютъ. Ихъ у насъ много такихъ-то!

Подобныя явленія, такіе Иваны, на Руси не рѣдки. Нѣтъ талантливѣе и въ то же время нѣтъ несчастнѣе этихъ людей. Никакого исхода, никакого простора для примѣненія своихъ богатыхъ силъ и способностей. Развѣ не такіе же Иваны попадались мнѣ въ Соловакѣ, на Валаамѣ, въ Святыхъ горахъ? Тамъ, только подъ монашескою рясою, они получили возможность работать. И какія дивныя вещи стали создавать они! «Нѣтъ людей, нѣтъ людей!» У насъ это принятый крикъ. — Нѣтъ людей! Разумѣется нѣтъ,

если вы ихъ станете по Большой Морской, да по Невскому искать. Они есть и ихъ много; но они теперь не пойдутъ къ вамъ, да и сами вы ихъ не найдете, не такъ у васъ мозги построены. Понадобится, явятся иные порядки — и такіе Иваны сотнями придутъ къ намъ на помощь. Эти «Иваны» не въ одномъ лишь образѣ рабочаго представляются мнѣ, это общій типъ дѣловыхъ и серьезныхъ людей. Только теперь они отплевываются отъ васъ, не хотятъ вмѣстѣ съ вами дѣлать ничего; слишкомъ хорошо при-смотрѣлись они къ питерскому официальному міру. Люди съ развитымъ обоняніемъ бѣгутъ отъ чиновника, въ какомъ бы онъ высокомъ чинѣ не находился.

При мнѣ Александровскій заводъ еще только возстановлялся и на первыхъ порахъ не очень шибко. Управляющій всѣмъ этимъ участкомъ, Грасгофъ, рассчитывалъ тогда именно пустить его въ ходъ какъ слѣдуетъ, когда желѣзная дорога (горнозаводская) приблизитъ кушвинскій районъ къ этому и дастъ возможность вдоволь получать отсюда желѣзо для Александровскихъ механическихъ мастерскихъ.

— Тогда мы станемъ и желѣзо колбасить на рельсы, пароходы строить въ большомъ видѣ, и машины всякія выпускать сотнями. А до тѣхъ поръ не изъ чего.

Вообще рабочіе, занимающіеся въ механической мастерской, являются уже гораздо болѣе развитыми, чѣмъ остальные. Они очень много читаютъ; и не одну беллетристику, газеты для нихъ дѣлаются потребностью. Здѣсь, напримѣръ, въ механической мастерской цѣлые спектакли ставятъ, и часто. Недавно играли «Женитьбу» Гоголя, «Доходное мѣсто» Островскаго, «Къ мировому» В. Александрова. Вообще же въ большомъ ходу здѣсь репертуаръ Островскаго. Нѣтъ такой пьесы его, которая бы здѣсь не была поставлена. По общимъ отзывамъ, играютъ отчетливо и толково.

Зрителями являются администрація и рабочіе со всего завода. Бываетъ чловѣкъ по полутораэта. Я подобный примѣръ видѣлъ только въ холмогорскихъ селахъ; тамъ тоже крестьяне ставятъ спектакли и также очень недурно.

— У насъ театръ сталъ очень прививаться.

— Одного не могу понять, какъ тѣ же рабочіе, которыхъ я видѣлъ на копяхъ, могутъ играть на сценѣ?

— Тѣ совсѣмъ другіе. У насъ изъ механической. Вообще между рудокопами и заводскими разница большая. Вы посмотрите-ка, какъ у насъ рабочіе читаютъ. А въ копяхъ и грамотныхъ-то не найдешь.

Потомъ мнѣ самому пришлось встрѣтить не разъ между заводскими мастеровыми людей въ высшей степени образованныхъ и живущихъ по-чловѣчески. Одинъ, напримѣръ, о Гербертѣ Спенсерѣ заговорилъ, да такъ, что я, какъ щедринскій Фединька Кротковъ, только ротъ разинулъ. Другой спросилъ меня по поводу новой книги Смайльса. Большинство такихъ вышло изъ бывшихъ строгановскихъ крестьянъ. Вотъ, напримѣръ, исторія одного изъ нихъ. Отецъ — бѣднякъ-мастеровой и крѣпостной притомъ. Мальчикъ отличался удивительными способностями и рано понималъ, что на семью рассчитывать нечего. Онъ отлично учился въ приходской школѣ. Это замѣтилъ Петръ Сосипатровичъ Шаринъ, ученикъ Вейсбаха въ Фрейбургѣ. Шарить считался на Уралѣ звѣздой первой величины. Онъ былъ прекрасный ученый, но о гуманности и понятія не имѣлъ, потому что въ тѣ жестокія времена о ней еще и слыхано не было. Графъ Строгановъ тогда многихъ воспитывалъ на свой счетъ, сотни — въ уѣздныхъ училищахъ, десятки — въ гимназіяхъ и университетахъ, и все изъ семей, служившихъ у него. Больше же всего — въ техническихъ школахъ, въ технологическомъ институтѣ. Ша-

ринъ и мальчика Воеводина, о которомъ я рассказываю, отправилъ въ пермское уѣздное училище на счетъ Строганова; но, какъ сынъ простаго рабочаго, онъ дальше идти не могъ и, окончивъ школу первымъ, долженъ былъ вернуться въ Билимбаевскій заводъ, помогать учителю мѣстной школы. Прожилъ онъ три года, продолжая работать въ мѣстной библіотекѣ. Въ Билимбаевской школѣ преподавать было трудно по недостатку учебныхъ пособій. Старшій педагогъ былъ отъявленный пьяница и невѣжда и только мѣшалъ дѣлу. Поэтому ребятишекъ приходилось учить читать по такимъ книгамъ, какъ, напримѣръ, «Инструкция уральскаго горнозаводскаго правленія», «Горный журналъ» и т. д. Въ качествѣ помощника, Воеводинъ не могъ сдѣлать ничего и совсѣмъ охладѣлъ къ дѣлу. Свободнаго времени у него оказалось много, онъ и напустился на чтеніе; все подъ рядъ глоталъ: и Лессинга, и Дюма, и Гегеля, и Поль де-Кока. Сознаніе безвыходности своего положенія росло; оставаясь въ разрядѣ мастеровыхъ, Воеводинъ не могъ пойти далѣе, а желаніе было пламенное. Пока еще найдутся средства къ этому, онъ началъ готовиться самъ; выписалъ самоучителей по разнымъ языкамъ, засѣлъ за работу, проглотилъ гимназическіе учебники очень быстро и, годъ спустя, былъ уже готовъ къ экзамену въ пятый классъ. Теперь нужно было выйти изъ мастеровыхъ и взять увольнительное свидѣтельство отъ общества. Собрался сходить. — «Лучшіе люди относились ко мнѣ недружелюбно, съ завистью, рассказывалъ онъ, — и на сходѣ это сейчасъ же выразилось насмѣшками».

— Ладно. Посиди у насъ, поужуй нашего хлѣба! Ровно бы тебѣ еще рано въ чиновники.

— У тебя и родители-то на нашихъ глазахъ росли, ничѣмъ не лучше насъ были. Словно бы и неладно намъ

подъ тобою быть. Поучить бы тебя слѣдовало, по нашему, по мастеровскому обычаю. Дурь изъ тебя выгнать.

— Чѣмъ наши дѣти хуже? Почему онѣ оставаться должны, а этотъ уйдетъ?

— Экая распута пошла! Всѣ отъ дѣла лыняють.

Волостной писарь былъ въ Билимбаѣ — поэтъ. Стихи сочинялъ à la Некрасовъ, писалъ корреспонденціи въ газеты и пилъ мертвую. Онъ особенно противъ Воеводина возсталъ. И несчастному юношѣ рѣшительно отказали. Пришлось оставаться мастеровымъ. Продолжаю уже разсказомъ самого Воеводина, испытавшаго эту горькую участь.

— Тутъ мнѣ удалось сойтись съ человѣкомъ, о которомъ и до сихъ поръ я не могу вспомнить безъ слезъ. Былъ онъ просто-на-просто этапнымъ офицеромъ, арестантовъ конвоировалъ. Свѣтлая душа, добрая! Молодежь на заводѣ, даже и образованная, гульбою, да пьянствомъ занималась — на крѣпостной почвѣ выросла, сама подъ кнутомъ была. Обыкновенно на заводѣ собирались къ Баранкову (такъ звали этапнаго офицера). Сначала музыка шла, онъ — на скрипкѣ, другіе — на иныхъ инструментахъ; а послѣ музыки за водку, да какъ — въ лоскъ! Опротивѣла ему служба, вѣчный лязгъ цѣпей, бритыя головы, униженіе человѣка, отмѣченнаго бубновымъ тузомъ, да сѣрымъ халатомъ, — уѣхали мы въ Екатеринбургъ. Тамъ, подъ вліяніемъ чтенія и работы, совсѣмъ переродились. Случалось только четыре часа въ сутки спать, все остальное время занимались. Сначала были средства у Баранкова, потомъ у меня нашлись уроки. Прислуги не полагалось. Бывало я читаю вслухъ, а Баранковъ сочень сѣетъ, либо мясо варить. Потомъ, чтобы не отвлекаться отъ дѣла, стали мы ходить ѣсть въ обжорный рядъ. Печенкою питались. А время то было, сами знаете, какое — шестьдесятъ третій годъ;

вся гадь, что до тех поръ была, въ щели попряталась, вы-ползла и откровенно засмердѣла. Мы обратили на себя вниманіе. Какъ-де читають люди? Какъ простой мастеровой смѣетъ за такое занятіе браться — дѣтей учить? Кажется, жили мы смирно, никого не трогали, а стряслась бѣда надъ нами великая — доносъ. Доносу вѣру дали. Баранковъ и теперъ далече; а меня по этапу, въ кандалахъ, какъ простаго мастерового, въ заводъ. Заклевали меня тогда дома. — «Что, ученый, выходилъ? Вольно рано ученіе кончилъ; ишь ты какое ему начальство отличіе сдѣлало, бубенцы по ручкамъ, да ножкамъ привѣсило!» Проходу не было. Тоска меня одолѣла страшная. Дѣваться некуда. Не по силамъ наперекоръ своимъ идти; все же связь свою съ ними чувствуешь; хочется имъ принести хоть чуточку пользы. Вы не повѣрите, какъ въ иную пору къ своимъ тянетъ; плюнулъ бы на все, да въ сермяжное царство и ушелъ. Въ университетъ дороги не стало, бросилъ я книги; въ конторскіе халуи идти было противно, ну и пошелъ на заводъ простымъ рабочимъ. Мальчишкой у кричной печи жарился и теперъ къ той же печи попалъ. Дѣло мое было ворочать болванку въ огнѣ; бывало всего тебя жжетъ, брызжетъ на тебя огнемъ, иной разъ расплавленнымъ шлакомъ прыснетъ, а ты себя нарочно моришь, чтобы всю гордыню старую совлечь, чтобы и не думать на что работала, къ чему готовился. Очень тоска одолѣвала; только работою я и заморилъ тоску. Чугунъ въ огнѣ ворочаешь — потъ съ тебя льетъ; такъ, весь день до вечера; а вечеромъ бросишься на лавку, да до утра и проспидь какъ убитый, а чуть свѣтъ опять на работу. Такъ я себя изморомъ донялъ, что разъ въ праздничный день взялся за книгу и ничего понять не могу, точно я не читывалъ никогда. Съ этого времени меня рабочіе наши полюбили. Попалъ я въ

кричные мастера, сталъ по полтиннику въ день получать, а потомъ меня надзирателемъ сдѣлали. Теперь я самъ себѣ хозяинъ, свое маленькое дѣло завель.

И такихъ на Уралѣ масса; это не исключеніе.

У воротъ завода громадный кусокъ чугуна, сплавившійся въ уродливую, но плотную массу.

— Это у насъ козель!

— Какъ козель?

— Такъ называемъ! Изъ-за него, изъ-за козла, много несчастья бываетъ — весь заводъ снести можетъ. У плохихъ техниковъ и строителей домень образуются, во время плавки, загустѣвшія массы чугуна, какъ желвакъ садящіяся въ домну у самага выхода изъ нее, или въ самомъ выходѣ. Ну тогда — руды выпускать нельзя, нужно дать домнѣ остыть, выломать часть ее у входа и вытащить желваки... Вотъ эти-то желваки мы и зовемъ козлами.

— У домны брюхо толстое, пищевареніе отличное; уголь, руду и камни варить, а иногда засорить желудокъ, и стоитъ машина! Нужно ее лечить; а пока лечатъ — мѣсяць рабочій безъ дѣла!.. Тутъ осторожность большая нужна...

Я уже говорилъ о положеніи рабочихъ въ мокрыхъ копяхъ и рудникахъ; на заводахъ оно нѣсколько лучше, но далеко отъ того, чтобы признать его хорошимъ. Какъ трудъ этотъ отзывается на здоровьѣ работниковъ, видно изъ того, что въ 1874 году, напримѣръ: на 23 вдовца приходилась здѣсь 141 вдова — это въ одномъ Александровскомъ заводѣ. Въ томъ же году, на 60 родившихся мальчиковъ пришлось 64 умершихъ мужчинъ, а въ 1873 на 64 родившихся — 67 умершихъ. У женщинъ это отношеніе между умершими и родившимися въ пользу послѣднихъ.

Всего на заводѣ 1,098 мужчинъ и 1,236 женщинъ. Больше всего смертности въ разгарѣ работы. Взрослые мрутъ — отъ чахотки, дѣти — отъ горячки и худой пищи. Отъ старости — очень мало, потому что здѣсь до нея рѣдко доживаютъ.

XXXI.

Шабурное — заводъ голодный.

Нѣчто въ родѣ французскаго года я встрѣтилъ въ селѣ Шабурномъ.

— Мы ужъ въ аду. Хуже не будетъ! говорятъ здѣсь крестьяне. И подлинно, во всю мою жизнь я ужаснѣ уголка не видѣлъ. Это дѣйствительно нѣчто потрясающее, въ полномъ смыслѣ слова. Заводъ бездѣйствуетъ; ни одна домна не топится, печи — холодныя уже давнымъ давно. По поламъ завода — грибы торчатъ, на стѣнахъ лишай пошли. Населеніе безъ хлѣба. Скотъ съѣденъ давно; что можетъ быть продано — продано. Хлѣбъ не сѣютъ, потому что во первыхъ не на чемъ, а второе — нечѣмъ! По окраинамъ еще кое-гдѣ овесъ да ячмень поднялись; но ихъ ранній морозъ убилъ, какъ я узналъ потомъ. Самые счастливые наши жалкій заработокъ въ Александровскомъ и въ Луневкѣ, но это изъ самыхъ сильныхъ и молодыхъ. Старики, женщины и, дѣти буквально мрутъ съ голоду. Источниковъ никакихъ. Въ этомъ-то безвыходномъ положеніи они должны еще за все платить: за усадьбу, за землю,

которую не засѣваютъ и которая бесплодна вовсе, подушные сборы, земскія подати. За лыко, за мочало — за все берутъ съ нихъ. Лѣтомъ еще пиканами и пистиками живутъ. Что будетъ зимою — ужасно и подумать! Кому удастся заработать въ недѣлю семьдесятъ копѣекъ по окрестнымъ заводамъ — тотъ на верху блаженства. Купить пудъ муки, кормится самъ и кормить свою семью. Есть такіе, которые подъ вліяніемъ тоски, голода, ходятъ какъ помѣшанные или совсѣмъ оскотинились, кидаются на всякую падаль, собакъ переѣли всѣхъ. Что съ этимъ несчастнымъ народомъ кулаки дѣлаютъ — и подумать страшно! Есть такіе, что весною ушли съ караваномъ на сплавъ. Но кулаки ихъ надули, не заплатили ни копѣйки, и несчастные — голодными вернулись къ голоднымъ семьямъ. На переселеніе согласны — но всѣмъ міромъ. А поголовно сдѣлать этого нельзя, потому что административныхъ тонкостей тьма тьмушая, тѣмъ болѣе что владѣльцы, которымъ крестьяне обязаны своимъ разореніемъ, не теряютъ надежду возстановить заводы и всячески тормозятъ самую возможность эмиграціи... Помѣщики здѣсь, какъ моровая язва, прошли по краю. Вообще у нихъ, у Демидова-Ревдинскаго и Сергинскаго — крестьянство голь невозможная. Демидовъ, напримѣръ, построилъ дворецъ въ Ревдѣ и запрячалъ... мычать коровамъ тамъ, гдѣ онъ. Онъ нѣкоторое время былъ полиціймейстеромъ въ Москвѣ и вводилъ здѣсь свои порядки: коровамъ не мычать, собакамъ не лаять... Иначе хозяева отвѣтствовали и притомъ жестоко. Тюремны и прочее — тоже существовали...

Я не могъ безъ тоски видѣть это Шабурное!

Картина разрушенія, которую въ назиданіе потомству слѣдовало бы передать на полотнѣ. Пустота, разобранные дворы, заколоченные окна, сиротѣющіе овины и риги, ти-

шина кладбища — на улицахъ. Жалкая церковь и пьяный съ горя священникъ, у котораго рожу разнесло отъ за-
поя во всѣ стороны. То и дѣло что теряетъ крестъ, упла-
чивая каждый разъ нашедшему двадцать копѣекъ... Все
облупилось, все поносилось. Дома, какъ пьяные, шатаются
во всѣ стороны, или стоятъ опершись на балки, какъ дрях-
лая калика переходя на клюку. Народу мало, и тотъ хо-
дитъ все помутившейся...

— Помирать бы братцы пора!.. говорить одинъ.

— То бѣда, что помираемъ тихо.

— Сразу бы!..

— А то изо дня въ день мнетъ тебя нужда лютая!..

— Дѣтки, дѣтки!., кто васъ управить! стонетъ мать,
глядя на дѣтей.

Вечеромъ весь скотъ долженъ быть дома; но ничего
не видать, потому что даже послѣдняя телушка съѣдена
либо продана. Хотѣли заставить хлѣбъ сѣять, но царапать
камень не очень повадно. Мѣстнаго хлѣба въ лучшее время,
не хватить даже на полмѣсяца. Изъ 2000 жителей Але-
ксандровскаго завода, на примѣръ, если 15 душъ занима-
ются хлѣбопашествомъ, такъ и то хорошо. Высѣваютъ яч-
меня отъ 40 до 50 пудъ и въ большой урожай собираютъ
пудовъ 200 — 250.

— Хоть бы въ солдаты взяли! вздыхаютъ крестьяне.

— А намъ-то, бабамъ, какъ?

— А помирайте!

— Хороши хозяйева!

— Что же я те помогу что-ли? Ну останусь, рабо-
та гдѣ?

— Все вмѣстѣ. Дѣти вонъ...

Голодный освиръпѣлый мужикъ только отмахнулся отъ дѣтей.

Въ другомъ мѣстѣ мать вышла, толкнула дѣтей вперёдъ и на колѣни сама.

— Хлѣба исть... бормочуть дѣти.

А у нея ужъ и слезъ нѣтъ. Только смотреть на меня больными глазами. Какой карой можно отплатить за это разореніе его виновникамъ? Гдѣ эти деньги, что были высосаны съ несчастныхъ? Какимъ подлымъ французенкамъ брошены они въ бездонныя пасти? Уѣзжая отсюда, я положительно терялся, чѣмъ возстановить столь потрясенное населеніе. Вѣдь оно сразу-то и на работу негоже. Видѣли вы послѣ голоднаго года скотъ, который къ веснѣ нечѣмъ уже стало кормить. Часть его пала, часть чудомъ до первой травы уцѣлѣла. Посмотрите вы на этотъ скотъ, когда его въ поле выгонять. Заставить его работать и думать нечего. Едва онъ ноги волочить. Облезетъ весь, язвинами покроется. Голову на вѣсу ему держать трудно. Пока запрячь, мѣсяца полтора два ему надо въ полѣ на свѣжей травѣ поправиться.

Тоже самое и крестьяне села Шабурнаго...

Тройка почтовыхъ лошадей быстро уносила меня отсюда. Когда мы вѣхали на высокую гору, какъ ни было тяжело мнѣ, я невольно заглядѣлся на дикое величіе окружавшаго меня уральскаго пейзажа. Вонъ Павдинъ и Косвинскій камни вырѣзались на горизонтѣ и стоятъ, точно два великана, на стражѣ дикихъ лѣсистыхъ долинъ. Горы за горами... Луновва вся, какъ на ладони. Такъ и жди, что всѣ эти дебрями покрытыя горы зелеными волнами покажутся вдаль, и унесутъ съ собою людскую тоску и муку въ какое-то глубокое, безбрежное, невидимое море. Вотъ озеро посреди горъ мерещится. Въ бинокль его видно от-

лично. Извилисто вливаются туда Луньва *) и Урса, грохотъ ихъ пороговъ доносится сюда, къ этой вершинѣ.

— Пора, баринъ, кони застоялись, торопить меня ямщикъ.

И опять монотонный звонъ колокольчика, и опять по сторонамъ мѣняется картина за картиной. А солнце уже садится за горы и золотистый блескъ его лижетъ гребъ высокаго могучаго, невѣдомо какъ уцѣлѣвшаго лѣса. Потянуло прохладой. Со дна долинъ ползетъ туманъ; откуда-то слышенъ грохотъ падающей съ камней воды. Должно быть въ самую темень лѣснаго захолустья схоронился маленький водопадъ и весело брызжетъ кругомъ на тѣсно обступившіе его стѣны уральскихъ великановъ **).

*) Ва — по пермяцки вода. Отсюда Луньва, Яйва, Лыньва, Косьва, Вильва, Ульва — и т. п. Примѣч. авт.

**) Въ слѣдующіе очерки автора войдетъ его путь отъ Перми къ Екатеринбургѣ, затѣмъ поѣздка въ Демидовскіе заводы, въ Невьянскіе, Верхъ-Нейвинскій, Тагиль и Салду.

XXXII.

Косьва. — Бѣлый Спай и Бассеги. — Картина Урала. — Какъ Ермакъ волшебникъ людей въ камень вогналъ. — Золотой и желѣзный гвозди. — Р. Няръ и Ермачки. — Метаморфозы Ермачка разбойнаго. — Лѣсопильня. — Какъ Никита Демидовъ потопилъ бродягъ въ подземельѣ.

Съ перваго дня какъ я попалъ на Уралъ, Косьва то и дѣло дразнила мое воображеніе.

Вороги лѣснаго царства — оголившіе прикамскія пустыни — еще не добрались до этой рѣки, и течеть она поэтому среди вѣковѣчныхъ и нерушимыхъ сосновыхъ боровъ, гдѣ рѣже всего можно услышать стукъ топора и жалобный визгъ пилы, вѣдающей въ здоровое и сочное, крѣпкое какъ камень, тѣло лѣснаго великана. Охота не пораспугала тамъ дикаго звѣря, и на всей вольной волѣ ходитъ онъ по скатамъ прикосьвинскихъ горъ, по тысячу лѣтъ тому назадъ заснувшимъ и до сихъ поръ не просыпавшимся ущельямъ.

Рѣдкими поселками забрались въ эту дрѣму невѣдомые люди — да словно сами испугались своей смѣлости и не пошли дальше... Къ водѣ тѣсняются они, пугливо озираясь

на вершины сумрачныхъ горъ, на сплошныя стѣны стараго лѣса. Живутъ до сихъ поръ въ этихъ сельбищахъ сказанія о дивной старинѣ, по всему остальному Уралу заглушенныя грохотомъ заводскихъ машинъ, кипѣньемъ и шумомъ не знающаго устали труда; поются уже забытыя нами пѣсни, не имѣющія ничего общаго съ пѣснями лакейскаго культа, всюду занесенными въ русскую деревню. Тутъ, на Косьвѣ, Русь еще стоитъ на колонизаторской переходной эпохѣ; она еще не знаетъ — лѣсъ ли ее одолѣетъ, или она одолѣетъ лѣсъ... На сѣверъ она протянулась чуть не къ Павдинскому Камню, обогнула Растесь, и только къ югу — на два дня пути отъ Камы — покрылась большими селами. Тысячи ущелій питаютъ ее своими потоками и рѣченками, гдѣ грохотъ воды въ порогахъ заглушается стрекотомъ непуганной дичи, гдѣ рѣзкій крикъ лебедя по зорямъ и точно жалобный плачь кречета въ недосягаемой выси сѣвернаго неба — такъ и переносятъ васъ во времена ушкуйниковъ и иныхъ добычливыхъ русскихъ людей, уходившихъ сюда отъ всякаго рода ежевыхъ рукавиць... Сверхъ того, для любителя природы, Косьва даетъ рядъ такихъ картинъ, которыя, увидѣвъ разъ, не забудешь никогда. Понятно съ какимъ удовольствіемъ принялъ я предложеніе подняться вверхъ по этой рѣкѣ, сдѣланное мнѣ на Кизеловскомъ заводѣ.

Оставивъ вправо отъ насъ рѣку Полуденный Кизель, мы должны были выѣхать на устье Няра, впадающаго въ Косьву.

Дорога шла сначала по лѣсу, вершины котораго были обломаны.

— Ишь, буранъ у насъ какъ прошелъ... по верху... Густолѣсье здѣсь — въ глыбъ ему силы не было, а верхи снесъ.

Путь былъ ужасенъ въ полномъ смыслѣ слова. Боль-

шую часть его пришлось сдѣлать пѣшкомъ, потому что телѣжка становилась по очереди то на одно колесо, то на другое, то передокъ подымался вверхъ, обрушивая насъ внизъ, то кузовъ насакивалъ на какую нибудь колдобину, и мы сползали на лошадиные хвосты... На каждомъ шагу, сверхъ того, трясло немилосердно, такъ что мы собственными головами испытали прочность желѣзныхъ ободовъ, къ которымъ былъ приложенъ прочный кожаный верхъ.

Я невольно удивился спокойствію моего спутника.

— Тутъ братъ обколотишься!.. по всей округѣ у насъ другаго пути нѣтъ... Этотъ вотъ черезъ лѣсъ слаженъ — корни-то наскрозь дорогу прошли. Тутъ одинъ изъ Питера, вашъ же, ѣздилъ... съ «ученой цѣлью...» Сказываютъ, изъ большихъ чиновниковъ онъ.

— Ну?

— Остался доволенъ. На второй верстѣ вылѣзъ изъ брички, да и легъ на дорогу и завылъ.

— Завоеешь...

— Отчего не выть — вой, когда тебѣ такая охота пришла... А намъ прекрасно, лучше не требуется. По крайности начальство рѣдко къ намъ лазаешь. Проведи дорогу-то получше, отбою бы отъ него не было... А теперь мы за этимъ лѣсомъ, какъ у Христа за пазухой.

Зато всѣ неудобства пути были забыты, когда по крутому и длинному скату мы взобрались на Бѣлый-Спай.

Мы долго стояли на вершинѣ его, не рѣшаясь тронуться съ мѣста — такъ велико было очарованіе открывшихся отсюда далей. Бѣлый-Спай на 50 футовъ выше всѣхъ остальныхъ горъ этой части Урала. Тримя параллельными волнами — одна за другою — поднимались гряды его на сѣверъ, сплошь поросшія лѣсомъ... Впереди совсѣмъ синяя — мрачно хмурилась подъ нами, чѣмъ далѣе, тѣмъ су-

мрачнѣе и смутнѣе казались тоны этихъ горъ... За ними — тонкая полоса воздуха, и надъ ней, какъ будто на высотѣ, ничѣмъ не связанная съ землею, висятъ рѣзко очерченные сверху, а внизу сливающіеся съ этимъ воздухомъ силуэты каменныхъ Бассеговъ. Они казались совѣмъ желтыми, правильными и, величавыя массы ихъ заслоняли отъ насъ еще болѣе далекій сѣверъ... Бассеги на 3,500 фут. поднимаются надъ уровнемъ моря. Ихъ безлѣсныхъ гранитныхъ массы такъ напугали воображеніе окрестнаго населенія, что оно связываетъ съ ними почти всѣ явленія природы. Гроза, главнымъ образомъ, рождается на Бассегахъ, тамъ же и вѣтеръ спитъ, пока не проснется... Оттуда идетъ морозъ, ранніе холода тоже одолжены Бассегамъ своимъ существованіемъ.

— Тамъ въ камни прежде люди жили!.. замѣчаетъ спутникъ.

— А что?

— До сихъ поръ есть въ немъ пещеры малыя... А эти люди волшебные, клятые... Они доселѣ въ камнѣ хоронятся... Какъ въ пещеру сойдешь — слышно, промежду собой разговариваютъ въ горѣ... гу-гу-гу гудятъ... Ихъ, сказываютъ, Ермакъ многое множество побилъ; остальные заклились и въ гору ушли, такъ въ горѣ и живутъ...

— И здѣсь, значитъ, объ Ермакѣ слышно.

— Тамъ, у Бассеговъ, сказывается про него много. Ишь ты, шель онъ, Ермакъ, на Сибирь тремя путями, тремя войсками... Одно войско — мимо Бассеговъ... А тамъ тропа такая промежду двухъ горъ... ее не минуешь. Попало ермаково войско на эту тропу, а волшебные люди сверху-то его и давай камнемъ бить. Били-били, видить Ермакъ — не совладать. «Стой!» говоритъ. «Къ нимъ круто, такъ не пройдешь, — пуцай же они столько этого самаго

камешю насыплють, чтобы мы до них долѣзть могли». Ну, стали наши. Сверху волшебные люди слышатъ ратные крики и все сыплють камни. Какъ этого камня навалило довольно, — Ермакъ и повелъ свою орду.

— Почему же «орду?»

— Потому у него въ войскахъ всякаго народу и всякаго званія довольно было. По волѣ дрались, гдѣ кто хочеть... Ордой шли... Дорвался Ермакъ до волшебныхъ людей и давай ихъ бить. Били-били — до самой до ночи. А ночью волшебные люди всѣ своимъ колдовствомъ въ гору и попрятались. Они это такъ сдѣлали, чтобы на время, а Ермакъ видѣлъ скрозь кое мѣсто они въ камень ушли, да на этомъ мѣстѣ крестъ и высѣкъ. Такъ волшебные люди за этимъ крестомъ и сидятъ... Крѣпко!.. Ино слышно плачутъ, жалятся, ино — такъ себѣ свою молвь дѣржутъ...

— Что же, крестъ этотъ до сихъ поръ цѣль?

— Есть, которые видѣли... Такъ и зовется онъ «Ермаковъ крестъ», а камень, что волшебные люди насыпали — «Ермаковъ холмъ»... Такъ весь онъ изъ осколковъ, да изъ щепня... Самъ я видѣлъ холмъ этотъ — помежду двухъ горъ.

Сталъ было я говорить, что такого факта въ исторіи нѣтъ, что Ермакъ не этимъ путемъ въ Сибирь шелъ, — мой спутникъ оказался твердъ умомъ.

— Много знаютъ ваши ученые, много они видѣли... Помалкивай ужь... Вонъ они какіе — чуть дорога похуже, лягутъ на брюхо, да что твоя корова мычатъ... Эдакъ мало усмотришь!.. Одинъ у насъ тоже былъ... Изъ Москвы онъ — такъ все пельмени, да пироги ѣлъ. Поѣсть — поспить, поспить — поѣсть... Съ тѣмъ и уѣхалъ.

Дорога круто внизъ пошла. Тѣсно обступили ее ели и сосны... чуть не въ лицо хлещутъ. Кое-гдѣ въ проеми-

нахъ — бѣлыя пятна мху... Издали слышенъ грохотъ рѣки въ порогахъ.

— Это Нярокъ нашъ шумить...

Когда мы сползли внизъ, показалась и эта рѣченка — красивая, говорливая, перекидывающаяся съ камня на камень... Камни съ берега прямо поперегъ теченія уступами... Злится и пѣнится вода, не осиливая ихъ, забрасываетъ брызгами зеленыя облака лозняка, что спустился къ берегу и нижними вѣтвями своими купается въ болѣе спокойныхъ струяхъ. Птичій стрекотъ кое-гдѣ просто глушить.

— Тутъ иной разъ птица тучей идетъ. Голосу своего не слышно...

По всей окрестности — медвѣдю вольно... Только и рассказовъ, что тутъ вотъ онъ корову задралъ, а тамъ человекъ попортилъ... Чѣмъ не дикая Африка!.. Вѣдь медвѣдь-то здѣшній, пожалуй, посильнѣе льва будетъ... Народъ тутъ тоже живетъ полудикій. Когда владѣлецъ ближайшихъ Кизеловскихъ заводовъ, князь Абамаликъ-Лазаревъ, сюда пріѣзжалъ, косьяне его встрѣчали вездѣ на колѣняхъ.

— И смотрѣть на него боялись!.. Онъ имъ больше царя казался!..

Потомъ я слышалъ, что изъ одного поселка народъ даже въ лѣсъ ударился при одномъ слухѣ о близости владѣльца... Вообще, видимое дѣло — всякое начальство здѣсь не особенно долюбиваютъ. Популярностью пользуется пока одинъ г. Новокрещеныхъ, управляющій всѣми лазаревскими заводами. Онъ знаетъ народъ, и народъ здѣсь ему вѣрить. Отъ остальныхъ отбивается всѣми силами. Про земскую полицію и говорить нечего...

Медвѣдь помнетъ-помнетъ, да и пожалѣетъ, а у чи-

новника на мужика жалости нѣтъ... Онъ съ тебя какъ съ зайца пять шкуръ сдереть... Только у насъ, слава Богу, сторона глухая. Мы начальство это за рѣдкость видимъ... За лѣса, отъ него схоронилися и живемъ.

— Ну и жизнь! вмѣшался рабочій, понюхавшій цивилизации въ Кизелѣ и Чермозѣ.

— Чѣмъ не жизнь?

— Живете вы, что вошь въ овчинѣ...

— Коли вошь сытно живетъ — такъ и вшѣ позавидуешь!

Народъ здѣсь дѣйствительно диковать. Изъ-за какихъ нелѣпостей возникаютъ въ этомъ краю довольно серьезныя неудовольствія — повѣрить трудно. Вотъ, на примѣръ, случившееся недавно въ Тагильскихъ заводахъ. При освобожденіи крестьянъ ввели рабочую книжку. Посредникъ Г., желая понятнѣе объяснить ея значеніе, выразился въ какомъ-то селѣ:

— Прежде вы были прибиты къ заводамъ желѣзнымъ, а теперь будете прибиты золотымъ гвоздемъ.

Народъ разошелся молча. Вечеромъ стали собираться кучки... а на другой день — формальное волненіе... «Что такое?» Стали доискиваться причины.

— Не хотимъ золотого гвоздя!., въ одинъ голосъ заорала толпа.

И, такимъ образомъ, начался бунтъ изъ-за рабочихъ книжекъ, который будетъ нами описанъ въ своемъ мѣстѣ.

Дорога опять стала перекидываться съ горы на гору... Въ лощинахъ гремѣли потоки, наверху величаво шумѣли вѣковые лѣса. Ближе къ Косью стали попадаться крупные кедры. Въ пышныхъ иглистыхъ зеленяхъ чернѣли желваками орѣховыя шишки. Видимо, здѣсь было некому обирать ихъ... Старые, прошлогодніе — гнили на землѣ, по которой въ мягкихъ проложинахъ то и дѣло попадались

медвѣжьи слѣды. Звѣриныя тропки къ водѣ змѣились довольно замѣтно для глаза посреди этого чернолѣся. Изрѣдка, когда мы останавливались, вдали слышалось шуршанье и трескъ сухихъ сучьевъ подъ чьей-то могучей лапой... «Это онъ шатается», замѣчаль ямщикъ, сдерживая коней, пугливо поворачивавшихъ туда головы съ насторожившимися ушами.

Некому пока его бить... На работахъ народъ. Съ одного изъ послѣднихъ холмовъ вдругъ словно выросла передъ нами вдали темносиняя, почти черная на сѣромъ небѣ — выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго — гора Ослянка. Эта мрачная масса открылась на одну минуту — и ее тотчасъ же опять заволокло туманомъ. Проступила и спряталась, кутаясь въ свои грозовыя тучи. Казалось, приподнялся край занавѣси, скрывающей за собою зловѣщій міръ сказочныхъ черныхъ горъ и безлюдныхъ пустынь. Въ теченіи этой минуты можно было только различить рѣзкія очертанія скалъ, вѣнчающихъ ея скаты и вершину... Еще полчаса дороги — и новое очарованіе: просѣка внизъ, долина съ разливомъ Косьвы, расширяющейся здѣсь въ спокойный плѣсъ — серебряный щитъ, брошенный на дно котловины. Крутыя массы горъ кругомъ. У берега чуть мерещутся барки... Людей еще не различаетъ на нихъ глазъ, не привыкшій къ этимъ далямъ. Опять тучу нанесло. Тамъ на Уралѣ то и дѣло ползаютъ онѣ — сѣрыя, затягивающія своимъ туманомъ красивыя долины... Только и осталось отъ сейчасъ видѣннаго пейзажа впечатлѣніе ужасныхъ кручъ, синяго лѣса и идиллически спокойной рѣки. Впрочемъ, идиллія тутъ далеко не еокритова. Я показалъ моему спутнику на покраснѣвшую, точно кровью обрызганную листву лѣса.

— А это у насъ пятого іюня сильнымъ морозомъ ударило!..

Грохотъ воды... Мы спускаемся въ долину, гдѣ быстрая и красивая рѣка Няръ впадаетъ въ Косьву. Вода шумить все больше и больше, наконецъ, внизу — мы должны говорить громче, даже кричать, чтобы слышать одинъ другаго чуть-чуть подальше. Долина живописна въ высшей степени. Со всѣхъ сторонъ обступили ее крутые, лѣсистые края, огибающіе ее отовсюду кольцомъ, которое распаялось только въ одномъ мѣстѣ, оставляя на востокѣ пролетъ для рѣки... На западѣ она прячется въ темное ущелье. Куда не взглянешь — такія же извилистыя сѣрья ущелья впадаютъ въ эту долину, — узкія, темныя... Совсѣмъ щелями кажутся они отсюда. Мрачно и величаво смотритъ Уралъ, чуть только подальше отойдешь отъ населенныхъ мѣстъ въ его заповѣдную глушь.

Тутъ уже царство иныхъ былинъ и сказаній.

О Ермакѣ на Косьвѣ молчатъ.

— У насъ Ермака не было — Ермачки были. Ермакъ — онъ выше прошелъ... Онъ чужой намъ совсѣмъ, у насъ — свои Ермачки.

— Что же эти Ермачки дѣлали?

— А тоже всякую чужь воевали... Тутъ что червь въ гниломъ орѣхѣ по разнымъ тайнкамъ да падымъ чужь всякая жила, ну, наши Ермачки ее и воевали... Потому здѣсь какъ селились они? На чужое мѣсто пришли — хозяева и не пушаютъ, ну Ермачки хозяевъ и воевали... Это, братъ, все тутъ кровью полито... Ермачки ушли дальше, а, по слѣду, отцы наши и дѣды проявились сюда... Такъ подъ себя Пермское безлюдье это и забрали.

— Сколько же ихъ было, Ермачковь?

— Разныхъ много... Одни Ермачки были справедливые, а другіе разбойные. Разбойные Ермачки всѣхъ грабили — и своихъ и чужихъ. Монастыри раззоромъ зорили, приста-

вовъ царскихъ гнали... По всему краю лютовали такъ-то. Ну, а которые справедливые, тѣ на одномъ мѣстѣ не сидѣли. Выбѣтъ татарву поганую — и дальше, такъ по слѣду ермаковому до самой до Сибири доходили. Вотъ тутъ на губѣ (у Няря) сидѣлъ Ермачекъ разбойный... У него подалше въ горѣ и пещера была. Оттуда онъ, что паукъ на мухъ, на всякаго страннаго человѣка кидался... До самой Камы злодѣйствовалъ, ну только его старецъ одинъ праведный волкомъ обернулъ... Шелъ зтотъ старецъ отъ московской неправды въ самое Сибирь... Вдолгѣ это опослѣ Ермака настоящаго было. Былъ на Москвѣ зтотъ старецъ бояриномъ. По обѣту пѣшкомъ шелъ, а за нимъ въ челнахъ богатство великое везли, потому онъ хотѣлъ на Павдинскомъ камнѣ обитель поставить. Ну, вотъ, ладно — сталъ онъ подыматься по нашей Косью-рѣкѣ. До Губахи все благополучно было, а съ Губахи до Няря Ермачекъ зтотъ дѣйствовалъ. Съ Ермачкомъ было разнаго народа — татаръ и чуди ста полтора... Потому, какіе разбойные Ермаки, — тѣ къ себѣ всякой вѣры бѣглыхъ принимали. На ночлегѣ и напади Ермачекъ на старца. Не хотѣлъ старецъ человѣческой крови даромъ проливать, и говорить Ермачку: «честь честью подѣлимъ караванъ — половина тебѣ, половина мнѣ». А у того жадность разгорѣлась... «Давай все», говоритъ, «или молись Богу — тутъ тебѣ и конецъ будетъ! Сталъ старецъ съ нимъ драться. Только Ермачкова орда слугъ его осиливать начала... Половины не осталось... Тутъ старецъ силу свою и показалъ: «Будь же», говоритъ, «ты отнынѣ и навѣки проклятъ. На какой рѣкѣ лютовалъ, на той и лютуй, только не супротивъ людей божьихъ, а обернися ты со всѣми своими присными и разбойными людьми — шукой»... Только Ермачка и видѣли... Не стало ни его, ни рати злодѣйской!..

— Какъ же вы говорили, что онъ его волкомъ.

— А это другая исторія. Вишь ты, поставилъ этотъ старецъ праведный на Косьвѣ-рѣкѣ скитъ свой и сталъ Богу молиться, да всякаго рода странныхъ людей къ себѣ перенимать. Пошелъ онъ, вдолгѣ послѣ того, на Косьву, на бережень посидѣть — тутъ вся косьвинская рыба къ нему изъ воды... поклонилася старцу!..

— Вона.

— Да! Какъ — ужъ не знаю, а только понялъ старецъ моленіе всякой мелкой рыбёшки. Пришла вишь та жалиться. «Съ таё поры, какъ заклалъ ты Ермачка щукой — житья намъ въ нашей рѣкѣ свѣтловодной да чистой нѣтъ... Поѣдомъ ѣсть насъ тая щука и некуда намъ уйти отъ неё. Нѣтъ ей сыти никогда, — сколько ни ѣсть — все ей мало». Ну, старецъ я пожалѣлъ рыбку... Вызвалъ это тайнымъ словомъ щуку со всѣми ея щучками — присными и сказалъ: «быть тебѣ отнынѣ сѣрымъ волкомъ, а вамъ волчатами. Потому въ рѣкѣ больше щуки — рыбы нѣтъ, и ты всѣхъ обижаешь, а въ лѣсу надъ тобой вѣдмедь будетъ старшій»... Скинулася щука со щучками волкомъ и волчатами и ударилася въ чернолѣсье наше.

Крестьянство здѣсь съ разныхъ сторонъ сошлось. Кореннаго не было. Семьями поселились они и лоцманствуютъ по Косьвѣ отъ Троицкаго рудника до Губахи. Сообщеніе по Косьвѣ въ полую воду барками, барки они и водятъ, теперь же вверхъ намъ пришлось подыматься въ утлыхъ душегубкахъ — на шестахъ... Два гребца — одинъ на носу, другой на кормѣ — (въ душегубкахъ скорѣе два носа, кормы нѣтъ) передвигаютъ лодку вверхъ, упираясь шестами въ дно рѣчное. Лѣтомъ лоцмана нанимаются гребцами и считаютъ себя счастливыми, получивъ за день такого каторжнаго труда 50 к. Остальные работаютъ на лѣ-

сопилнѣ, устроенной управленіемъ князя Абамеликѣ-Лазарева здѣсь же, у самаго устья Няра. Лѣсопиляня водяная, она распиливаетъ отъ 80 до 200 сажень дровъ ежедневно и снабжаетъ ими Чермозскій заводъ, стоящій далеко отсюда на р. Камѣ. Рабочіе здѣсь получаютъ половину отъ 25 до 50 коп., причемъ каждому задается извѣстный урокъ, который къ вечеру онъ обязанъ выполнить. Лѣсное царство вокругъ Няра, такимъ образомъ, приговорено къ истребленію. Уже и теперь топоръ дроворуба валитъ ò-земь столѣтніе великаны, оставляя за собою пустыню... Къ счастью, всѣ окрестности Косьвы вверхъ отсюда до истоковъ совершенно дѣвственны. Въ ихъ величавой тишинѣ звукъ топора ни разу еще не нарушалъ благоговѣйнаго раздумья сибирскихъ кедровъ и лиственницъ... Дроворубы въ при-нярскіе лѣса нанимаются дешево — на своихъ харчахъ за 30 коп. въ день идутъ. Промышленники и крестьяне въ этой долинѣ живутъ совсѣмъ одиноко и замкнуто. Въ нѣсколько лѣтъ разъ заглянетъ кто-нибудь въ эту тихую и мирную пустыню, оглашаемую только грохотомъ рѣвки въ порогахъ, да шумомъ колесъ водяной пильни. Здѣсь хотѣли было устроить волость, и нярцы волновались, не желая этого.

— Мы заугольники... Не хотимъ... Намъ старшину да писаря не надо. Досель этихъ безобразіевъ не было — жили и безъ нихъ, слава Богу.

Въ концѣ концовъ у нихъ не спросятъ — и выйдетъ въ концѣ концовъ кавардакъ. Разъ пріѣзжалъ сюда какой-то чинъ съ бумагой.

— Намъ бумаги не надо!.. Намъ и безъ бумаги хо-рошо... волновались нярцы: — Ну ее, бумагу.

— Да вѣдь вы деньги плотите.

— Плотимъ... Мы согласны... Мы, что слѣдуетъ царю, плотимъ, пока животы есть.

— Такъ вѣдь вамъ квитанціи нужны.

— Мы платить — согласны, а на квитки не согласны.

Такъ чинъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Хотѣли было ихъ вызвать назадъ въ волость — не пошли... Чѣмъ это кончилось безъ меня — не знаю.

— Обойти насъ квитками хотѣли! радуются нярцы. — Квитками обвязать ладили, да мы на себя запись не взяли... Не примаемъ мы квитковъ ихнихъ... Съ квитками во какъ влетишь-то!.. Знаемъ.

Управленіе заводовъ Абамеликъ-Лазарева настаиваетъ на оброчной системѣ, потому что изъ заводскаго рабочаго никогда не выйдетъ хлѣбопашецъ.

Народъ здѣсь подвижной; если его сюда прикрѣпятъ надѣлами, а пыльную закроютъ, какъ хотѣли, — въ этой уральской долинкѣ не останется живой души... Соображеніе это для меня понятно. Владѣльцамъ выгоднѣе оставить землю за собою, чѣмъ подѣлиться ею съ крестьянами... Выйдетъ, или не выйдетъ изъ заводскаго крестьянина хлѣбопашецъ, — а лѣса-то, поля, рѣки и всякія иныя угоды останутся въ цѣпкихъ рукахъ управленія.

Тучи мало-по-малу сползали, одну за другой открывая мрачныя вершины окрестныхъ горъ, угрюмо задумавшихся надъ этими пустынями. Пока мой спутникъ условливался съ лоцманами, нанимая душегубку для переѣзда въ Троицкій рудникъ, я отправился въ лѣсопильню. Тутъ грохотала вода, ворочая громадное маховое колесо, визжали пилы, врѣзываясь въ смолистую бѣлую крѣпень мѣстнаго дерева. Работало человекъ тридцать мужиковъ и двадцать бабъ, совсѣмъ засыпанныхъ мелкою сосновою трухою. Никто почти не отдыхалъ; спросилъ почему — оказалось, урокъ

слишкомъ великъ. Двое рабочихъ должны выпилить сто сажень дровъ въ день, четверо — двѣсти.

— Тутъ измаешься!.. Тутъ и поспѣдать-то часу нѣтъ...
Уроки большіе. За три-то гривенника потомъ изойдешь!

— Круглый годъ у васъ эта работа?

— Нѣтъ. Зимой и весной мы барки строимъ.

— Куда же это?

— Пустышомъ въ Губаху сплавляемъ, а изъ Губахи внизъ ихъ съ рудой отправляютъ въ Каму, въ Чермозскій заводъ. Тамъ руду эту плавятъ.

Изъ дальнѣйшаго объясненія можно было заключить, что и постройка барокъ неособенно выгодна нярскимъ крестьянамъ.

Заводъ нанимаетъ ихъ на поставку барокъ, уплачивая по 160 рублей за каждую, причемъ по камскимъ цѣнамъ вся такая барка стоитъ 450 р. За заготовку лѣса, за подвозъ его къ Няру, за распиловку, за оснастку, за самую покупку лѣса, если на него надо брать билетъ, заводъ ничего не платитъ; не платитъ и за желѣзо, и за гвозди. Все это надо поставить изъ тѣхъ же 160 рублей, причемъ длина такой барки не можетъ быть менѣе 20 сажень. Выгрузивъ руду въ Чермозѣ, заводъ, благодаря дешевизнѣ заготовки, можетъ продать такую барку и продаетъ ее по 185 рублей. Такимъ образомъ, не только сплавъ руды и накладные расходы сводятся къ нулю, но еще и незначительный барышъ получается управленіемъ. Большую часть этихъ барокъ изъ Чермоза отправляютъ съ желѣзомъ въ Нижній, а оттуда въ свою очередь сплавляютъ въ Казань, или вверхъ по Камѣ обратно. Какіе громадные лѣсные великаны ложатся подъ топоромъ дроворуба для этихъ барокъ! Хотя лѣсамъ вокругъ Косьвы и конца краю нѣтъ, но уже предчувствуется то время,

когда сюда нагрянет со всѣхъ сторонъ жадное воронье — и послѣдняя сосновая роща сплавится въ видѣ распиленныхъ бревенъ внизъ, по Камѣ... Уцѣлѣютъ только лѣса, принадлежащія Абамелику-Лазареву, да и то, если заводы Кизеловскій и Чермозскій обойдутся своими дачами или перейдутъ на каменный уголь. Сюда уже налетѣли промышленники, но пока они заняты инымъ дѣломъ: такъ, для Оханска и другихъ прикамскихъ мѣстъ здѣсь добывается и разрабатывается жерновой камень въ участкахъ, арендуемыхъ у Лазарева. Дальше Осы и Сарапула, онъ, впрочемъ, нейдетъ. Недавно такимъ образомъ у заводскаго управленія одинъ крестьянинъ взялъ на разработку цѣлую гору съ уплатою 30 к. за кубическій аршинъ. Ломаетъ ее онъ съ помощью при-косьвенскихъ мужиковъ и сплавляетъ съ ними же на плотяхъ для Добрянскаго завода. За послѣднее время найдены здѣсь громады превосходнаго бутоваго камня, но пока ими никто не пользуется.

— Хуже нѣтъ этого сплаву у насъ, жалуются рабочіе.

— А что?

— Страсть, что народу по Косьвѣ тонеть. Весною не глядишь... Стремя здѣсь ярое, грудью вода бѣжитъ... Вдарить въ камень — и Бога помянуть не успѣешь.

— А выплыть?

— Какой выплыветъ — пѣна одна... вода злонравная у насъ... Храбро идетъ... всего тебя о камень изцемить... Тутъ — будемъ такъ говорить — рѣдкая семья, чтобы кто не потопъ! Тутъ какъ? — Гдѣ и чистое мѣсто, безъ камня — въ полтора часа тридцать верстовъ бѣжитъ судно, коли не очень грузное... А на перекатахъ, гдѣ внизъ сдаетъ, чистая изволючь... Зажмуришься и летишь, что птица!..

— Ну, жмуриться-то не слѣдъ... Такъ бы, глядя, можно багромъ отъ скалы отпихнуться.

Мужикъ расхохотался.

— Эхъ ты, баринъ! Какъ отпихнешься, когда тебя точно пулю изъ ружья на камень несеть... Извернеть вода — хорошо, не извернеть — отъ тебя и дыму не будетъ. Въ пыль изотреть... На Чусовой еще хуже.

— А ты на Чусовой бывалъ?

— Я не былъ, а только мы изъ тамошнихъ.

— Переселились?

— Давно, дѣды наши бѣжали сюда.

— Трудно было тамъ, что ли?

— А вотъ какъ — въ аду легче. Ты про Никиту Акин-
фіеча Демидова слыхалъ?

— Какъ же.

— Нонѣ что, нонѣ рай... вотъ при немъ было плохо... Къ нему всякій народъ шелъ — и бѣглецы, и каторжные, которые и такъ, странствующие, — дѣдко — такъ его звали — всѣхъ прималъ, потому ему понадобилось многое множество рабочихъ; съ малыми силами евоного дѣла не под-
нять было. Ну, на заводахъ — извѣстно, всякое случалось; народъ безъ удержа, совѣсть ему ни-по-чемъ, поди у каждаго на душѣ грѣха-то невпроворотъ. А кто и кровь пролил! Народъ, будемъ такъ говорить, самый дерзновенный. Съ ними тоже Демидовъ не шутилъ; чуть что — засѣкали, а кого на вѣчныя времена въ землю закапывали.

— Живьемъ?

— Погреба такіе были. Посадятъ, заложатъ, да и забудутъ; гдѣ тутъ всякаго бѣглаго помнить. Время жестокое было!..

— Да вѣдь Демидовъ въ Питерѣ жилъ.

— Все едино — наѣзжалъ, либо его именемъ лютовали управляющіе... Онъ бы самъ, можетъ, и помиловалъ,

а эти, сдѣлай милость, — не простятъ. Тоже эти бѣглые у него, у Демидова, и монету чеканили.

— Ну, вотъ...

— Вѣрно тебѣ говорю. Для этого самаго дѣла у него въ Невьянскѣ и башня была такая построена, а подъ ней, подъ башней, погреба обширные. Въ погребахъ бродяги монету чеканятъ, а на башнѣ сторожа сторожатъ — не ѣдутъ ли кто... И столько злодѣйства въ той башнѣ случалось, что она покосилася вся, такъ косая и стоитъ теперь *). Падать не падаетъ — а къ землѣ ее всю тянетъ... Такъ вотъ прознали про всѣ эти дѣла въ Питерѣ, и пришло Демидову круто, такъ круто, такъ круто, что хоть самому идти въ бродяги... Потому онъ зналъ, что ениральный Потемковъ его не помилуетъ.

— Какой это еще генералъ Потемковъ.

— Былъ такой... Енъ еще турокъ всѣхъ повоевалъ. Такъ его на Демидова и послали — разобрать всѣ его дѣла и, если что окажется — заковать и къ самому царю въ Питеръ... Но только и Демидовъ былъ не промахъ. Собралъ онъ всѣхъ своихъ на заводъ и самъ провѣрку сдѣлалъ... Однихъ, кои съ паспортами, опять къ дѣлу предѣлили, а другихъ заставилъ канаву рыть къ погребамъ, что подъ его хороминами были... Когда канава готова была, онъ ихъ загналъ въ погреба эти и заперъ... «Сидите», говоритъ, «пока генералъ Потемковъ проѣдетъ, а потомъ я васъ выпущу, и гуляй, кто куда хочетъ». Только генералъ приѣхалъ, Демидовъ сейчасъ его къ себѣ, честь честью. Пиръ ему задалъ, а ночью, какъ тотъ заснулъ, онъ изъ пруда заводскаго по той канавѣ воду и пустилъ въ по-

*) Башня эта, дѣйствительно, и до сихъ поръ еще стоитъ въ Невьянскѣ.

греба эти... Самъ бросился точно съ-перепугу къ генералу. Вода-де плотину прорвала... Едва-едва оба они спаслись... А что въ подвалахъ народушку погибло — страсть... Потому сверху ихъ желѣзными засовами забили, а окна, какія были за рѣдкость, рѣшетками задѣланы... Никто не спасся. И повѣрку нельзя было сдѣлать, потому — все кругомъ вода залила... Едва царскій левизоръ ноги унесъ отсюда *)...

*) Преданіе, слышанное мною на Косьвѣ, очень похоже на такое же, сообщенное г. Володинымъ въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Въ послѣднемъ, вслѣдствіе доноса на Демидова, посланъ былъ изъ Петербурга сенаторъ князь Вяземскій. Но пока въ Петербургѣ доносы еще разсматривались, пока назначили слѣдователя, пока тотъ собирался въ путь, — прошло около года, а Демидовъ съ своей стороны времени не терялъ. Узнавъ, что большинство бродягъ — бѣглецы изъ Подмосковья, богачъ заводчикъ послалъ туда агентовъ и скупилъ у мѣстныхъ помѣщиковъ всю массу людей, которыхъ тѣ считали пропавшими безъ вѣсти. Лицъ, не открывшихъ своего происхожденія, Демидовъ велѣлъ невьянскому управляющему держать въ кучѣ, и какъ прійдетъ слѣдователь, запрятать въ подземелье, но такъ, чтобы никто посторонній не могъ указать этого мѣста, и если обстоятельства того потребуютъ, «оставить бродягъ тамъ на вѣки вѣчные». Для помѣщенія князя Вяземскаго въ Невьянскѣ былъ выстроены наскоро домъ, великолѣпно отдѣланный внутри и снаружи и снабженный мебелью изъ самаго рѣдкаго и драгоцѣннаго заграничнаго дерева. Жители, дивясь роскоши этого зданія, назвали его «красными хоромами». Когда прибылъ Вяземскій и приступилъ къ повѣркѣ народа, ему представили ревизскія сказки и крѣпостные акты, совершенные заднимъ числомъ на вновь приобрѣтенныхъ людей. Что же касается бродягъ и бѣглыхъ, то на вопросъ по этому предмету данъ отвѣтъ, что такихъ никогда не было и нѣтъ по заводскому имѣнію. Успѣлъ или нѣтъ Вяземскій обличить Демидова въ укрывательствѣ безпаспортныхъ — неизвѣстно; по словамъ сторожиловъ, Демидову не было ничего и только «спрятанные въ подземельѣ не выходили уже на бѣлый свѣтъ». Вѣрно Вяземскій чѣмъ нибудь не угодилъ Демидову, потому что, когда они встрѣтились въ Петербургѣ и первый между прочимъ сталъ расхваливать невьянскія «красныя хоромы», Демидовъ выслушалъ его молча, а вернувшись домой, написалъ своему управителю: «сечь эти хоромы со всѣмъ, что въ нихъ есть!» Приказъ былъ исполненъ буквально

Такъ дѣды-то наши отсюда и сбѣжали потомъ отъ страху, чтобы самимъ жисти не рѣшиться.

по отъезду управителя; въ дѣйствительности же зданіе немедленно было сломано и бревна употреблены на обжогъ руды. Мебель и уборы достались управляющему.

О Демидовѣ вообще ходитъ масса такихъ разсказовъ. Очевидно нѣкоторая правда въ нихъ есть. Человѣкъ былъ жестокой и сентиментальничать не любилъ. Рабочихъ держалъ впроголодь, а бѣглыхъ и казнилъ нещадно за самыя легкія проступки. Подобныя же легенды приходилось мнѣ слышать на Уралѣ и объ Строгановѣ; только о послѣднемъ съ примѣсю элемента героическаго. Строгановъ воевалъ съ Ермакомъ вмѣстѣ татарву. Строгановъ держалъ свои войска, Строгановъ всѣмъ Ермачкамъ оказывалъ помощь съ единственнымъ условіемъ: — какое серебро они добудутъ — пускай берутъ себѣ, а золото ему.

XXXIII.

Въ душегубкахъ. — Береговые промыслы. — Орѣшники. — Люди съ желѣзными когтями. — Баба за мужика. — Наказанный порокъ, или какъ начальство бунтовало на Косьвѣ. — Камскій переборъ. — Р. Ершовка. — Чортово городище. — Какъ Ермачекъ сжегъ себя въ деревянномъ срубѣ. — Воспоминанія о Строгановѣ.

Нужно привыкнуть къ этимъ легкимъ утлымъ челнамъ, перевертывающимся при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи пассажира. Лучше всего лечь и лежать въ нихъ, — но и это неудобно въ томъ отношеніи, что ничего такимъ образомъ не увидишь, кромѣ блѣднаго неба, покрытаго сѣрыми тучами. Еще болѣе ловкости нужно имѣть гребцамъ, которые, стоя на переднемъ и заднемъ концахъ челна, упираются длинными шестами въ дно рѣки и такимъ образомъ передвигаютъ лодку. Душегубка все-таки медленно плыветъ вверхъ по Косьвѣ, стремящейся здѣсь быстро, настолько быстро, что стоитъ лоцманамъ зазѣваться на минуту, чтобы лодку тотчасъ же снесло на полверсты внизъ. Только въ плесахъ теченіе нѣсколько тише, но въ узинахъ за то — хоть выходи на берегъ. Нигдѣ по сторонамъ, вверхъ отъ Няра, не видать обработанныхъ полей.

Все населеніе, прижатое лѣсомъ къ водѣ, живетъ заводскими работами. Случается, что нѣтъ работы для заводовъ — и народъ безъ хлѣба. Луга по рѣкѣ хорошіе, сочные, свѣжіе. Прикосъвяне могли бы держать пропасть скота, да не съ чѣмъ подняться, не на что завести его.

— Какъ тутъ и хлѣбъ-то сѣять!.. вздохнулъ мой проводникъ.

— А что?

— Да мѣсто вишь шибко студеное... Въ августѣ иніи бываютъ здоровые. Овощъ зябнетъ, да и капуста вся въ трубку идетъ. Колосу и налиться не дастъ — ознобитъ его. Иное мѣсто бываетъ — овощъ мало - маля поднимется — и то слава Богу. Мѣсто горное, красивое, да непогодное... Трудно намъ жить, ахъ трудно!

— Сколько въ заводы угля сбыть можно отсюда.

— Можно, да какъ? Заставляютъ, а мы неопытны, ну и коней нѣтъ, а въ Кизель нужно на заводъ на лошади возить. Больно гористо. Вотъ пониже Губахи — туда, къ Камѣ ближе, — мѣста пойдутъ хлѣбныя. Съ деревни Шестаки первыя поля начнутся.

Кое-гдѣ съ берега въ Косьву вдвигаются громадныя утесы. Рѣка пѣнится и пыжится, вспухаетъ, стараясь перекинуться черезъ самое темя дикаго камня. Весною барки и челны прямо несутъ на эти зловѣщія пороги. Зачастую на недоступномъ водѣ темени утеса поднимается сумрачная хвоя или веселая березка любитъ оттуда на бѣшенныя порывы злой, да не сильной рѣки... Иной разъ пловцамъ удастся издали видѣть на такомъ камнѣ отдыхающаго медвѣдя. Царь уральскихъ лѣсовъ и не шевельнется, пропуская мимо себя челнокъ. Съ челнока тоже его не пугаютъ: опасаются, чтобы не озлился. Топоромъ пока его еще зарубишь, а лодку онъ перевернетъ живо... Въ Растесѣ, версть

за сто отсюда, на него охотятся. Тамъ народъ иной, болѣ смѣлый и добычливый; только и дѣла, что лѣсуеть, звѣря ловять, птицу бьютъ...

— Да меньше ноня звѣря стало.

— Почему?

— Троицкое отбило. Пока не было жительство, что тутъ медвѣдя по борамъ этимъ ходило, страсть! Растескій народъ на всемъ свое беретъ. Сколько одного орѣху съ кедра снимаетъ!.. Съ Ильина дня шишки рвутъ, а осенью чистять.

На вѣтвистые кедры лѣзутъ такъ, запросто, а на гладкіе надѣваютъ на руки желѣзные когти и цапаются.

— Иной точно звѣрь... отъ мухи, да отъ комара сѣтку надѣнетъ, а на лапы когти... Вѣдьмедь вѣдьмедемъ. Почище вѣдьмедя шкуру-то когтями этими содрать можно. За орѣхами въ Растесъ нарочно съѣзжаются ирбитскіе купцы къ «колодцамъ».

— Что это за колодцы такіе?

— А срубы сдѣланы. Въ нихъ навалять кедроваго орѣха сверху, да и закроютъ плотно-наплотно, чтобы векша не проюртилась туда, чтобы мишка не залѣзъ. Тутъ же у колодцевъ и чистять.

Впослѣдствіи, въ другихъ мѣстностяхъ Урала мнѣ привелось самому видѣть этихъ кедропромышленниковъ.

Дѣйствительно, звѣрь звѣремъ. Лицо сѣткой закутано, волосы на лобъ сбились. На ногахъ какія-то бахила, чтобы, гдѣ болото, болото перейти. На рукахъ рукавицы съ громадными желѣзными когтями. Здорово они этими когтями обдираютъ кору лѣсныхъ великановъ, «Орѣшники» эти — народъ сумрачный и неразговорчивый. Съ однимъ всю ночь у костра сидѣть привелось — ни слова не вымолвилъ, точно у него ярыкъ отнялся. Смотритъ себѣ въ огонь безучастно

и молчить. Спросишь — поведетъ на тебя глазами — и опять въ огонь. За спиной у такого добычника непременно ружье съ толстымъ стволомъ и самодѣльнымъ неуклюжимъ ложемъ. Пули для этого ружья тоже отлиты особья, громадныя. Пусть бьетъ недалеко, да сильнѣе. Мишку малой пулей не достанешь, въ шкурѣ останется, и уйдетъ онъ отъ тебя по-добру по-здорову въ свое лѣсное царство; а разъ ушелъ, больше не попадется пуганый. Лукавствомъ будетъ брать... Орѣшникъ-промышленникъ и птицу не минуетъ; сила для нея разставить. Лиса только подлая иногда слѣдомъ за человѣкомъ идетъ. Растесець поставить силокъ, попадетъ туда боровая птица — выѣстъ ее лиса патрикѣвна, только въ утѣшеніе охотнику птичью лапу оставить, да ворохъ перьевъ, аппетитно ощищенныхъ лакомою хищницей.

Лучше всего то, что на такой промыселъ иногда снаряжаются и бабы.

Эта также мужикомъ одѣнется, такіе же когти на себя нацѣпить. Уральская баба въ иномъ мѣстѣ, впрочемъ, и мужика за поясъ заткнетъ. Возьметъ ружье и съ ружьемъ въ лѣсъ уходитъ; шатается по дебри темной, медвѣдя увидитъ — стрѣляетъ въ него. Кормиться нужно чѣмъ-нибудь. Коли всѣ лѣснымъ дѣломъ живутъ, чѣмъ же она хуже другихъ? Мужа пришибло гдѣ-нибудь на такомъ же промыслѣ, или нечистъ его куда въ болото загнала, дѣтишки остались, ну лѣсовиха и орудутъ мужнинымъ промысломъ. Такую мнѣ пришлось видѣть только разъ, ночью, посередь уральскаго лѣса, у небольшого костра. Эта поразговорчивѣй была... Баба языка не удержитъ.

— Нонѣ крупнаго звѣря меньше стало... Ну, а птицу мы ловимъ хорошо. Векшъ бьемъ. Только шкурка дешева — не стоитъ заряда.

— А дѣти у тебя какъ же?

— А дѣти у старухи, у бабки. Она приглядить за ними. Разволочное время — потерять его нельзя. Все рублевъ десять нашебаршишь.

— Ну, а мужики въ лѣсу не обижаютъ?

— Какъ это?

— Не отнимаютъ промысла?

— Нѣтъ, у насъ свято, потому ловить волкъ, да ловятъ и волка, ловить и волкъ, покелѣ волка не поймаютъ... У насъ въ лѣсу правдой надо жить. Неправдой свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься... И съ умомъ воровать — бѣды не миновать. Опять же онъ «крути да верти» не любить.

— Кто онъ?

— Лѣсовикъ. Ему эта круть да верть противна. Онъ правды хочетъ. Кто изъ чужихъ сильевъ орѣхъ уноситъ, того и лѣсовикъ не помилуетъ, нѣтъ... Тутъ-то нашимъ лѣсомъ такія болотины есть — забьетъ, такъ не успѣешь и помолиться толкомъ; съ головой уйдешь... Оно бываетъ грѣхъ, кто говоритъ, только рѣдко... И считанную овцу волкъ съѣдаетъ... Иной случается и поневолѣ — голодь-то не свой братъ... Этому меньше грѣха, который отъ нужи великой на такое дѣло идетъ.

Мы не могли глазъ отвести отъ береговъ Косьвы. Они то сдвигались сумрачными кругами, къ вышинѣ надъ рѣкою лѣсная темень хмурилась, то разступалась пологими отмелями, сплошь покрытыми веселыми березняками. На первомъ роздыхѣ разговорился я съ лоцманами и тѣ шибко жалуются на безвременье.

— Все обижаютъ насъ купцы.

— Какіе купцы?

— Да такіе, какъ и вы вотъ, потому, окромѣ купца,

какое кому дѣло до нашей Косьвы рѣки. Какую бы работу не робить — все по тридцати копѣекъ на человѣка выробишь въ день... А тутъ двумъ за экую путину на шестахъ — все тридцать копѣекъ платять, по пятнадцати на брата. Вы вонъ понимаете, а у другаго этихъ понятіевъ нѣтъ. Давай лодку — что ему. Такъ, ослизлая душа, три гривенника и отдасть... А теперь-то лодки у насъ пошли тяжелущія колодины... Съ вечера-то съ такой работы уснешь — утромъ не можешь разломаться, руки, ноги отоймутся... Еще двое сядутъ да и капиталу накладываютъ съ собою.

— Какого капиталу?

— Да готвы разной... имѣнія всякаго. Рази имъ жаль рабочаго человѣка. Иной норовить даромъ проѣхаться... Былъ одинъ такой — каждый годъ раза два-три ѣздилъ и все даромъ; маялись мы съ нимъ, маялись, потому въ самую рабочую пору.

— Зачѣмъ же вы его возили?

— Ужъ очень храбро кричалъ на насъ лютымъ окрикомъ, и ногами топаль... Ну, мы люди смиренные. Говорилъ — чиновникъ, мы и вѣрили. Бумагу постоянно такую показываль. Что же, мы грамотѣ не умѣемъ, и возили. Да наше счастье на барина одного наткнулся. Баринъ тоже ѣхаль. Слышитъ — крикъ неподобный, «что это», говорить, «у васъ?» — Да вотъ, начальство бунтуетъ... «Какое же, говорить, это начальство?» — У его, говоримъ, бумага есть. Ну, и потребоваль баринъ бумагу, посмотрѣль, да какъ разсмѣется. «Дураки, говорить, вы всѣ, вотъ что...» — Какъ дураки, коли на бумагѣ вечатъ казенная?.. «Такъ и дураки, какіе дураки бываютъ. Въ бумагѣ-то что написано? — что судился мѣщанинъ такой-то за воровство и лишень всякихъ нравовъ и сосланъ въ Пермскую украину

къ намъ... А вы, говорить, его возите даромъ и за начальство почитаете... Какъ же вы не дураки!..» Ну только и мы тогда этого верхотурскаго мѣщанина спокаяли.

— Какъ это...

— Лозы нарвали, да лозой... Баринъ ему и казнь такую выдумалъ. Мы бы его отпустили, да онъ ужъ надуумиль... «Ничего, говорить, ребята, не бойтесь. Что же вашему добру даромъ пропадать...» Высѣкли мы, точно, только онъ отдышался и взмолился: «братцы, вывезите меня куда-нибудь; ужли же мнѣ тутъ и пропадать на пустомъ берегу...» Ну, мы его честь-честью домой и предоставили. Деньги ужъ давалъ — не взяли.

— Почему это?

— Потому онъ свое получилъ. Съ его довольно, слава Богу! Пущай его подавится нашими деньгами. Что съ вора взять — ни отъ камня плода, ни отъ вора добра.

Пологий лѣсокъ далеко вдвинулся въ Косьву; противоположный берегъ — почти отвѣсная гранитная стѣна, вогнутая параллельно мысу... Вся она закуталась въ туманъ. Слышно только, какъ волны рѣки разбиваются о ея подножіе... Туманъ и наверху сгустился въ темную тучу и легъ на горныя вершины... Лодченка наша совсѣмъ ничтожной и жалкой кажется рядомъ съ этими громадами... Лоцмана зорко смотреть — изъ воды, словно зубы какой-то чудовищной челюсти, торчатъ черныя утесы... «Не доглядишь — и готово, говорить сквозь зубы Терентій... — Тутъ мѣсто вострое! сочувственно отзывается ему Иванъ съ другого конца челнока. Слышенъ сквозь грохотъ волнъ какой-то загадочный шумъ. Оказывается — водопадъ въ сторонѣ, весь спрятавшійся въ зеленую чащу и невидный отсюда. Порывомъ легкаго вѣтра разорвало туманъ. Налѣво — отвѣсная голая скала, по ней щели и трещины,

точно невѣдомыя гвоздеобразныя письма какого-то давно исчезнушаго и инаго слѣда по себѣ не оставившаго народа... Вонъ другая гремучая рѣченка злится и пыжится, съ разбѣгу кидаясь въ широкій плесъ Косьвы. У самаго устья ея даже каскадъ маленькій бѣлѣтъ — видимо черезъ каменную гряду перескакиваетъ быстроотводная Пятигорка...

— Тутъ вотъ переборы пойдутъ.

Косьва, дѣйствительно, скоро зашумѣла въ этихъ переборахъ. Ужасно напоминала Тулому въ Лапландіи. Нашъ челнокъ осторожно заползалъ въ щели между камнями, изъ одной поднимался въ другую и зловѣще поскрипывалъ дномъ о предательскія корчи... А тамъ опять плесы съ прозрачной водой, гдѣ до самой глубины каждую рыбку видно, особенно на песчаномъ днѣ — тамъ не только рыбка вся выдѣлится до послѣдней своей чешуйку, но тѣнь ея внизу бѣжитъ и извивается за нею... Направо изъ лѣсу торчатъ остатки какого-то бревенчатаго сруба, совсѣмъ ветхіе, заплѣснѣвшіе даже...

— Что, тутъ село было?

— Нѣтъ. Разбойное мѣсто такое... Ермачекъ одинъ верховодилъ... Давно ужь, при дѣдахъ нашихъ. Огневище называется.

— Что это значитъ?

— А сжегъ онъ себя тутъ. Въ Павдѣ онъ царскаго пристава жену уведомъ увель... волей... Полюбила его Ермачка... Онъ и увель ее.

— Да какіе же приставы въ Павдѣ были?

— Были, когда старики говорятъ. Они лучше насъ съ тобой, ваше почтеніе, знаютъ... Ну, уволокъ онъ ее сюда, и стали они разбойнымъ дѣломъ промышлять. На Каму уходили; разобьютъ караванъ, и сюда хоронятся.

Только никакъ сослѣдить ихъ не могли... Много годовъ они такъ промышляли.

— А на Косьвѣ они не грабили?

— Зачѣмъ? Въ тѣ поры здѣсь пустынно было. Опять же близъ норы лиса на промыслы не ходитъ!.. И сосѣдей онъ жалѣлъ, потому — воръ попалъ, а мѣръ пропалъ. Воръ во-руеть — мѣръ горюеть... Только такъ это онъ разохотился удачей, что задумалъ Усолъе пограбить... А на ту пору въ Усолъе Строгановъ сидѣлъ. Собралъ Ермачекъ десятка три «казаковъ», ночью вломился въ варницы да въ дома усольскіе и обчистилъ ихъ дотла... Что онъ впопыхахъ народу побилъ, страсть... А на ту пору у Строганова го-стилъ царскій приставъ изъ Павды... Увидаль онъ этого Ермачка и спрятался: узналъ, значить... Пограбилъ, по-грабилъ Ермачекъ и прочь отѣхалъ съ караваномъ къ себѣ. Одного только изъ своихъ найти не могъ — думалъ, убить въ свалкѣ... А онъ въ варницѣ раненый лежалъ и мучился, только голосу подать не могъ: ослабъ очень. На другой день Строгановскіе нашли его и давай лечить. Вы-лечили. Здороваго привели къ Строганову и царскому при-ставу. — «Гдѣ Ермачекъ хоронится?» Молчитъ бунтырь. «Эй, лучше добромъ говори!» — «Не могу я, клятву такую на себя принялъ!..» Стали его, ваше почтеніе, пытать на дыбѣ, кнутомъ пытали — молчитъ. Тогда его Строгановъ велѣлъ огнемъ донять... Пятками его въ печь вдвинули... Взвылъ, сталъ смерти просить. «Не будетъ тебѣ смерти — весь въ мукахъ долгихъ изойдешь, если не скажешь...» Дали ему день отдышаться. Опять волокутъ... «Можешь теперь отвѣчать?» — «Не могу, заклятье такое далъ на себя». — Ну, тутъ котелокъ разожгли въ печкѣ и красный ему на голову надѣли. А царскій приставъ такъ и распа-лился. «Вы, говоритъ, у меня жену сволокли, такъ я-жъ

вась повѣнчаю... Поноси-ко этотъ вѣнецъ. Сладко ли?» Ну, тутъ казакъ не могъ тыя лютыя муки вынести, сталъ каяться. Сталъ каяться — всѣхъ выдалъ, и гдѣ Ермачекъ хоронится сказалъ. Въ тотъ же вечеръ казака этого повѣсили, а на утро Строгановъ съ царскимъ приставомъ и большою ратью въ походъ снарядился. Ночью они окружили Ермакову нору, а утромъ и бой начался. Ермакъ было хотѣлъ тайнымъ ходомъ уйти, а казакъ-то евоный и это сказалъ, гдѣ что; сунулся туда — а тамъ у самаго мѣста костры горять, хотять его какъ лису выкурить... Тогда вышелъ Ермачекъ на стѣну и говоритъ: «Казну сдать и самъ сдать на казнь лютую, за то должны вы большой клятвой поклясться, что жену мою помилуετε!..» Строгановъ было далъ согласъ, а приставъ и озлобился. «Какая, говоритъ, песья душа, жена у тебя... съ чужою женою живешь... Я ее, подлюю, къ конскимъ хвостамъ привяжу, да по камению размечу безъ устатку.» Тутъ жена и вступилась сама. — «Плевать я, говоритъ, хочу на тебя, царскому приставу, — потому не мужъ ты мнѣ, а ворогъ-лиходѣй... А будемъ мы биться до послѣдняго здоха и тогда вамъ въ руки живыми не дадимся!» — И давай опять воевать... Строгановскіе люди на стѣну, а она ихъ кипучей смолой сверху... Сколько тутъ посѣкли народу мечами — и сказать не могу. Только къ вечеру — видитъ Ермачекъ, что ихъ одолѣваетъ сила вражья и говоритъ ей, женѣ-то: Знаю я еще одинъ заповѣдный ходъ... Только двумъ не уйти... Я останусь на смерть, а ты уходи и молись за меня, коли жива будешь...» — «Не бывать этому, вмѣстѣ жили, вмѣстѣ и помирать!» — это она-то. «Какъ такъ?» — «А такъ...» Залила она стѣнку и избу смолой, натаскала хворосту кругомъ, и только Строгановскіе люди полѣзли напоследокъ — она запалила... Изба-то горить, приступу къ ей нѣтъ, а

она съ Ермачкомъ вышла на кровлю, да и кричить приставу: «Полюбуйся-ко, ворогъ лютый, какъ мы милуемся, да радуемся», обняла Ермачка и давай целовать его... Такъ ихъ полымеетъ и занесло... Тутъ мѣсто съ тоя поры нечистое...

— А что?

— Да видится разное... Ночью, ежели одному ѣхать, слышишь, какъ Ермачиха-то жалуется да плачетъ... А то къ лѣсу побѣжить — и огонь за нею такъ и пышетъ... Она въ воду хочетъ, а вода отъ нея прочь...

— Самъ ты видѣлъ?

— Какъ плакалась въ лѣсу — слышалъ, а видать не видалъ... Старики рассказываютъ въ Растесѣ и по другимъ мѣстамъ... Есть которые видали сами.

Что за красивое мѣсто пошло отсюда! Массы скаль громоздились у берега въ самыхъ живописныхъ сочетаніяхъ; рѣка Ершовка съ высоты падала въ Косьву. Ершовка эта, прежде чѣмъ слиться съ Косьвой, дѣлаетъ во семьдесятъ семь колѣнъ и каскадовъ... Совсѣмъ «каскадная» рѣка. Недвижныя ели важно стоятъ на мрачныхъ камняхъ, точно и онѣ тоже каменные, ни одною вѣтвью не шелохнуть въ этомъ царствѣ текучей и падающей воды, пѣны, брызгъ и грохота... Наши лоцмана устали очевидно — руки едва двигались... Нужно было сдѣлать приваль. И нашли же для этого мѣсто — совсѣмъ подъ стать этимъ величавымъ утесамъ. Мы причалили къ каменнымъ лудамъ — мелямъ посередь рѣки, вытащили на нихъ лодку и спустя нѣсколько минутъ, разложили костеръ тутъ же, вблизи разбитыхъ барокъ, орязины которыхъ торчали изъ воды, точно ребра какихъ-то сказочныхъ чудовищъ...

Не успѣли мы сварить чаю, какъ сверху показался

такой же челнокъ, только онъ точно съ разбѣгу бѣжалъ внизъ по теченію...

Стали мы всматриваться. Какая-то широкополая шляпа сидить...

— Приставайте сюда, кричимъ мы на встрѣчу священнику, дремавшему въ душегубкѣ.

Молоденькій гимназистъ, бывшій съ нимъ, сталъ его будить... Проснулся...

— Чай у васъ... Благовременно!.. — Неуклюже сталъ вылѣзать изъ лодки... — Это вы хорошо.

— Какъ это вы сюда попали?

— А вотъ съ сыномъ въ Растесѣ гостилъ, такъ опять домой въ Орель-городокъ плывемъ... Подлинно, дивно встрѣтить здѣсь кого въ цивильномъ платьѣ. Самая медвѣжья сторона — Косьва эта... Сморила меня дорога-то.

Разговорились. Сталъ я спрашивать батюшку о краѣ этомъ.

— И не вопрошайте, потому я ихняго невѣжества не любопытствую... И безъ того всѣ мы мохомъ обросли... У насъ въ Орлѣ-городкѣ тоже, я вамъ доложу, дичь порядочная...

Сталъ рассказывать про свое житье-бытье. Тоже плачется. Мужикъ здѣсь къ церкви не прилежитъ, но всячески отъ нея лыняетъ... Мальчикъ гимназистъ тоже не малыя огорченія доставляетъ...

— Представьте вы себѣ, сколь правильно у него умъ направленъ. По дорогѣ тутъ завелъ я съ нимъ назидательную бесѣду о всемогуществѣ Божиѣмъ; что же, вы думаете, какъ о Господѣ мнить юнецъ сей, а?

— Не знаю, право.

— Оно, говоритъ, правда, всемогущь-то онъ всемогущь, а все же ему козырнаго туза не покрыть! Такъ я

и обомлѣлъ. Да онъ съ такимъ болваномъ, какъ ты, и играть-то не сядетъ! — моментально раздражился и выпалилъ въ сына священникъ...

Я такъ и покатился... Батюшка сообразилъ, что сказалъ глупость.

— Съ нимъ, право, влетишь... Душу онъ мнѣ повернулъ. Вдругъ отъ іерейскихъ чреслъ и такая пакость вышла!.. Ужь дома я тебя выпорю. Я изъ тебя этотъ духъ изгоню... Будь спокоенъ.

Гимназистъ очевидно не понималъ, какимъ это образомъ онъ можетъ остаться спокойнымъ въ виду ожи-дающихъ его дома семейныхъ радостей. Со злости онъ сталъ запускать камнями въ воду.

— Не хотите-ли рому, батюшка?

— Это значитъ пуншть. Ежели умѣренно и во-время — отчего же... А у меня пирогъ есть еъ рыбой и куропать жареная... Такимъ образомъ, мы съ вами соорудимъ пиръ Валтасаровъ... Валтасаръ-то кто былъ?.. ткнулъ онъ указательнымъ пальцемъ въ лобъ гимназиста.

— Царь!

— Царь и женолюбець!.. А я все-таки тебя выпорю... Предивно, сколь въ нихъ легкомысліе свирѣпствуетъ.

Какая-то сѣрая птица съ вершины утеса пристально всматривалась въ наше пиршество... Грохотъ Ершовки позади и шумъ Косъвы въ переборахъ порою заглушалъ нашу бесѣду.

XXXIV.

Путь до Троицкаго рудника. — Рабочій адъ. — Горы: Кузвинская, Гусь. —
Невѣдомое племя.

— Тутъ по всему Уралу безперечь такая пошла, концовъ не соберешь... Вотъ будете въ богословскихъ заводахъ, на примѣръ, увидите, сколь хорошо тамъ народу живется.

— А именно?

— Да Башмаковъ вѣдь купилъ эти заводы и послалъ управлять ими, какъ бы вы думали... кого?

— Не могу догадаться... Специалиста какого-нибудь.

— Да, только по другой части... ученаго агронома. Этого что же сдѣлалъ: заводы обязаны поставлять въ казну мѣдь, а промывкой золота заниматься выгодноѣ. Сообразить не трудно. До интересовъ населенія дѣла нѣтъ никакого — и вотъ мѣдная шахта горить. Разработка мѣди прекращается. Хозяину выгодно — рабочіе начинаютъ умирать съ голода и кончаютъ бунтомъ. Озлобленіе повсюду страшное. Истожили всѣ средства, избы на срубъ на дрова продали, послѣднюю утварь проѣли; ходятъ обезсиленные,

оборванные. Служащіе на заводахъ — разумѣется только не ученые агрономы — большую часть жалованья отдаютъ рабочимъ. Зубаревъ изъ своихъ 4,000 руб. раздѣляетъ между ними 3,000 руб.

— Ну, а агрономъ?

— Чоботовъ?.. онъ не иначе показывается изъ дому, какъ съ револьверомъ въ карманѣ... Народъ умоляетъ переселиться куда-нибудь... Адъ, чистый адъ... На другихъ заводахъ — то же. Въ Александрійскомъ изворовались всѣ, и судьямъ страшно наказанія налагать, потому повальный голодъ воруетъ. У Чусовой есть такія мѣста, гдѣ мировому въ ноги кланяются за приговоръ къ тюремному заключенію, потому, хоть мѣсяца три, четыре, прокормишься. На одномъ изъ заводовъ, за долги владѣльца, бельгійская компанія дѣло вела все, даже чугуныя плиты перетопила въ доменныхъ печахъ на металлъ, продала его и скрылась, задолжавъ населенію болѣе ста тысячъ. Тамъ тоже стонъ стоитъ!.. «Смерть наша приходитъ», говорятъ крестьяне. Вотъ тутъ, на примѣръ, безлюдье. Соперничества нѣтъ — цѣны должны быть высокія, а вы спросите у Терентія, что онъ зарабатываетъ въ мѣсяць.

— На кругъ? отозвался Терентій.

— Да, на кругъ.

— Мѣсяць робишь — воскреснаго дня не знаешь, а все не больше восьми рублей получишь.

— Ну, вотъ видите. Какъ же подняться этому народу, съ чѣмъ? У лѣсопромышленника еще хуже. Тамъ онъ со всѣмъ задичаетъ — потому всю зиму въ лѣсу на холоду — руби, а весною по горло въ водѣ грузи и потомъ впрогодъ сплавляй...

Въ изломахъ утесовъ рыжѣетъ желѣзная руда. Берега, какъ и дно рѣки, отсюда сплошь каменные стали. Изрѣдка

въ водѣ чернѣть выскерье — ель, вырванная непогодю вмѣстѣ съ корнемъ, или, какъ здѣсь говорятъ, съ мясомъ. Бѣжимъ мимо; Косва какъ въ котлѣ кипить на переборахъ, душегубку нашу едва удается подымать на ступеняхъ, гдѣ вода угломъ падаетъ.

— Отсюда сплошь все крутые переборы пойдутъ да быстрины, утѣшаетъ насъ Терентій, зорко вглядываясь въ рѣчное дно. — Ярая вода, чуть зазѣвался — такъ вверхъ доньшкомъ и опружить лодку. Ишь булькаетъ — словно въ котлѣ. Весною тутъ страшенно...

— А что?

— Да на баркахъ изъ Троицкаго рудника сплавляемъ руду всякую — до Чермоза. Такая тутъ сутолочь, что на каждую барку по 32 человекъ ставимъ. Одного лоцмана мало — ученика къ нему беремъ.

— Что же получаетъ лоцманъ?

— До Чермоза двадцать три рубля, а ученику тринадцать, да рабочимъ по десяти... Живемъ мы въ эту пору однимъ хлѣбомъ — больше нечего ѣсть. Пуда по два на человекъ хлѣба-то сойдетъ. Горячаго не варимъ, а вѣтра въ эту пору стоятъ хуже чѣмъ зимой, огневица такъ и морить народъ. Въ послѣдній разъ изъ тридцати-то человекъ съ нашей барки мы двѣнадцать по пути похоронили... Вотъ сколь сладки сплавы-то эти.

Горы такъ круты здѣсь, что выйти некуда на берегъ. Волжскія Жигули не сравнятся съ этими Косвинскими вершинами. Послѣднія и круче, и величавѣе, и выше. Даже жутко становится плыть между ними — вотъ-вотъ сдвинутся и раздавятъ; или этотъ карнизъ, далеко выдавшійся сверху и повисшій надъ водой — рухнетъ внизъ и отъ тебя даже не брызнетъ. Подъ Гремяхой, Гусемъ, Претчихой — и лодчички, на что ужъ народъ привычный,

смолкають — такъ вліяють на душу эти каменныя громады... Особенно грозно висятъ надъ рѣчкой скалы Гуся. Тутъ бухточки похожи на колодцы. Узкія щели ведутъ въ нихъ, приче́мъ площадь дна больше поверхности (воды). Точно ихъ выдолбили искусственно для какихъ-то страшныхъ подземныхъ тюремъ, да залило водою. Терентій увѣряетъ, что это водою такъ высверлило... «Не дай Богъ свернуться внизъ — свѣта бѣлаго ужъ не увидишь»...

Совсѣмъ дивное царство потемочное... Спасенія нѣтъ — внизъ оно тянетъ, какъ не плавай. Вотъ два-три куреня въ сторонѣ, гдѣ дрова рубятъ и уголь жгутъ въ печахъ. Теперь они заброшены — зимой только сойдутся сюда лѣсопромышленники. Вотъ правильными куполами горы пошли; какія сказочные титаны придали имъ эти формы? Точно черепа какихъ-то чудищъ поднимаются онѣ изъ зеленыхъ облаковъ кедроваго лѣса, обступившаго ихъ отовсюду... Перебираясь отъ одной къ другой, мы, наконецъ, видимъ передъ собою громадную, оставляющую за собою всё прежнія, Кусвинскую гору... Мы тянемся вдоль ея отвѣсныхъ стѣнъ. На всю Косьву бросила она свою тѣнь, точно въ какое-то мрачное царство вступили мы. Шесты бросили — цѣпляемся руками за выступы Кусвинскихъ отвѣсовъ и такъ переползаемъ. На высотѣ надъ нами кое-какъ держатся могучія ели — половина узловатыхъ корней на воздухъ вытянулась и чернѣетъ тамъ неподвижными змѣями... Должно быть, сначала (въ скалѣ хоронились, да подъ постояннымъ напоромъ ихъ треснула и рухнула скала, а онѣ остались, точно торжествующія свою трудную побѣду надъ этою перевозданною громадою. Водяные лопушки и лиліи колышутся по слѣду нашей лодки... Кое-гдѣ они захватываютъ ее своими цѣпкими длинными стеблями... трудно вырваться изъ этихъ объятій... Вонъ совсѣмъ срѣзанный бе-

резовый лѣсъ... Ледянымъ заторомъ снесло его, забило въ бухту, и гніеть онъ въ ней... Вонъ въ чашѣ совѣмъ лопарская тупа — бревенчатый срубъ, крытый на одинъ скать... Совѣмъ не мѣстнаго типа избушка.

— Что это?

— А это растесская зиминка!..

— Да развѣ растесцы сюда ходятъ!

— Прежде ходили; тѣ, что лѣсомъ да рыбой занимаются... Ну, а какъ Троицкій рудникъ поставили, они и ходить перестали...

Наконецъ, опять впереди выдвинулась Ослянка, та самая, которую мы видѣли еще вчера, подѣхавъ изъ Кизела къ Няру. Косьва, сдѣлавъ большой кругъ, опять пошла къ этой громадѣ. Вершина ея покрыта снѣгомъ, ярко горящимъ теперь подъ солнечнымъ свѣтомъ, за то остальная масса горы тонетъ въ какихъ-то синихъ сумеркахъ. Теперь долго намъ придется плыть въ виду этой вершины. Еще недавно шумная, Косьва тиха какъ въ чашкѣ... Слышно со стороны посвистываніе бекасовъ... Цѣлымъ юровемъ повисла въ водѣ и не шелохнется мелкая рыбка — малявка.

— Ее и щука не ѣстъ — столь она вкусна.

— Тутъ на Ослянкѣ и около прежде много разбойнаго лихаго народу жило. Только не нашей вѣры и не нашей мѣлви.

— Татары и пермяки?

— Нѣтъ... особые какіе-то... И теперь черепа ихъ вырываютъ здѣсь крестьяне, и топоры — только топоры чудные, — желѣзо не желѣзо, мѣдь — не мѣдь.

— Куда же они дѣвались?

— Да ихъ давно, еще при Грозномъ, строгановскіе люди побили. Безъ устатка всѣхъ — никому милости не

было. Пермьякамъ милость была, потому пермяки — смиренные; ихъ, бывало, побьютъ, они и смирятся, а эти, что на Ослянкѣ жили, сами разбоемъ ходили и пардону ни у кого не просили. Ну, такъ Строгановъ и послалъ на нихъ свои рати... Они тоже противъ него съ умомъ дѣйствовали. Въ пещеры забирались и оттуда стрѣлами метали, да каменьемъ всякимъ!.. Долго къ нимъ подступу ее было, да строгановскіе догадались — сверху на нихъ накинудись... Изъ Перми, да изъ Екатеринбурга пріѣзжали сюда разные ученые, искали ихъ — ничего не нашли, съ тѣмъ и отъѣхали.

По скатамъ Ослянки палевыя пятна мерещатся — видимо оленьимъ мохомъ подернуло ихъ; это — ягелевыя пастбища. Оказалось, что и олени заходятъ сюда, только рѣдко, хоть ихъ и не бьютъ косьяне, какъ не бьютъ лебедя. Олень у нихъ тоже почему-то слыветъ запретнымъ звѣремъ.

— Да почему же это? добивался я.

— Потому — онъ Божій.

— Всѣ Божьи..

— Точно что всѣ, а онъ особенно... Есть такіе святыя, которыхъ съ оленями этими самими на иконахъ рисуютъ.

— Какіе же это святыя?

— Не знаю, а только есть... Растесцы еще ихъ бьютъ, случается, ну а мы — никогда. Мы этого звѣря жалѣемъ. Ихъ безъ того волки рѣжутъ до пропасти...

Черезъ нѣсколько часовъ Троицкій рудникъ; тѣмъ не менѣе рѣка и ея берега совсѣмъ пустыньны...

— Теперъ бы и на веслахъ можно, всмотрѣлся я въ казавшееся тихимъ теченіе Косьвы.

— Нельзя. Что на Усьвѣ, что на Косьвѣ — никакъ на веслахъ вверхъ не подымешья — быстры слишкомъ.

Большой рудникъ ничѣмъ не обнаруживалъ своей близости. Та же тишина стояла кругомъ, то же безлюдье... Одна за другой скалы въ 100 футовъ высоты сторожили рѣку. Вонъ совѣмъ красная. Желѣзною ли окисью она покрыта, или дѣйствительно сплошная руда, какъ увѣряетъ меня мой спутникъ. Остальныя изъ глинистаго сланца и порфира,; въ сланцѣ жилами залежи бураго желѣзняка.

— Тутъ все кругомъ желѣзомъ скрѣплено, да желѣзомъ мощено! раздумчиво проговорилъ мой спутникъ, всматриваясь въ громадныя богатства этого дѣвственнаго края.

XXXV.

Троицкій рудникъ. — Уральская пустыня. — Лѣсовики и бѣглые. — Какъ Лазаревы, Всеволожскіе и Демидовы новыя села основывали. — Рудникъ. — Громадныя богатства его. — Ослянка. — Какъ пьяница со-
владалъ съ чортомъ. — Причины пьянства. — Возвращеніе назадъ въ
Няръ.

Только у самаго берега показались строенія Троицкаго рудника. Нѣсколько бревенчатыхъ избъ и домъ управляющаго съ балкончикомъ наверху. Странно было даже среди этой безлюдной пустыни встрѣтить обитаемое мѣсто. За два дня только и приходилось видѣть, что сумрачныя горы, синія дали, безлюдные берега. Казалось, что долго еще не услышишь людской мѣлви, не увидишь жилья... Впрочемъ, самый рудникъ основанъ недавно; до тѣхъ поръ прикосьвинскія пустыни оживлялись только пѣсней охотника, выжидающаго краснаго звѣря, да однообразнымъ скрипомъ лодокъ, подымавшихся вверхъ по спокойнымъ излучинамъ рѣки. Сначала Лазаревы и Строгановы изъ ссыльныхъ крестьянъ основали, лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, Растесскую волость, а потомъ первые устроили Троицкій рудникъ.

Населять пустыни Урала ссыльными заводскими рабочими долгое время было здѣсь въ обычаѣ у мѣстныхъ крупныхъ владѣльцевъ. Такъ дѣлали Демидовы, перегнавшіе цѣлыя села съ одного мѣста на другое, такъ дѣлали Всеволожскіе, разорившіеся только теперь, точно также поступали Абамеликъ - Лазаревы и Строгановы. Кромѣ того — случалось, переманивали крестьянъ одинъ у другого. Откроются гдѣ-нибудь новыя богатыя рудныя залежи, свой народъ весь на работѣ, — хозяева и разсылають звать чужихъ. «Плата-де хорошая, беремъ всѣхъ — паспортовъ не спрашиваемъ». Ну, отовсюду и тянутся въ пустыню загнанные и недовольные уральцы, чающіе отъ новаго мѣста и новыхъ людей великихъ и богатыхъ милостей. Потомъ это вывелось, ибо на новыхъ мѣстахъ оказывалась жизнь горче, чѣмъ на старыхъ, — тутъ уже съ рабочимъ не церемонились. Бѣжать ему некуда, жаловаться — самому первому подъ кнутъ. Случалось, что за легкой проступокъ ихъ истязали, а за побѣги засѣкали до смерти. Былъ одинъ управляющій, Копиковъ, который своимъ судомъ вѣшалъ бѣглыхъ, и бѣглые молчали — куда сунешься!.. Бродяжная баба тоже шла въ эти захоластья. Съ ней церемонились еще меньше. Красивая попадала въ руки начальства, похуже — шла на потребу всему рабочему люду. Жили вмѣстѣ въ скверныхъ сквозныхъ срубкахъ, спали вповалку. Смѣшеніе половъ и возрастовъ было всеобщее. Въ слѣдующихъ очеркахъ Урала, мнѣ еще не разъ придется рисовать эти картины. Троицкій рудникъ основанъ въ позднѣйшее время и, разумѣется, на совершенно иныхъ началахъ. Тутъ уже работаетъ свое, лазаревское крестьянство, сравнительно за лучшую, чѣмъ въ Кизелѣ, плату. Идутъ они сюда по согласію, а не подъ конвоемъ. Старое крѣпостное время ушло со всѣми неистовствами гор-

нозаводскаго режима, только нищета старая осталась — ее, видимо, не такъ легко избыть, какъ самодуровъ и самоуправцевъ.

Небольшаго роста, пожилой, юркій управляющій засуетился на берегу, къ которому мы приставали.

— Очень радъ, очень радъ... Тутъ живаго человѣка не увидишь... Гостю — что хорошей погодѣ, пріемъ по нашимъ пустырямъ всегда радушный... Пожалуйте ко мнѣ на балконъ чайку напитокя... Полюбуетесь оттуда нашей Косьвой-рѣчкой. Видъ единственный... Я, знаете, здѣсь въ глуши «Ниву» получаю; такъ иной разъ думаешь — вотъ, если бы рисовать умѣлъ; сейчасъ бы послалъ туда, чтобы и всѣ прочіе знали, какія у насъ мѣста чудесныя. У насъ денегъ-то мало — намъ «Нива» сокровище, все въ ней есть, и политикой кто интересуется, и картины, и чтенія сколько хочешь. А преміями я всѣ стѣны себѣ увѣшалъ, теперь — похоже на человѣка живу.

Когда мы взошли на балконъ, восторги управляющаго оказались совсѣмъ не преувеличенными.

Домъ его на вершинѣ холма. Внизу подъ нами Косьва дѣлаетъ пять излучинъ и образуетъ два прелестные острова, огибая ихъ капризными рукавами. Налѣво гора Троицкая, вся изрытая рудниками, за ней вѣчные снѣга и ягелевыя пастбища Ослянки... Противоположный берегъ тоже весь заставленъ горами. Это какой-то хаосъ скаль, лѣсистыхъ склоновъ, голыхъ вершинъ... Быстро течетъ мимо нихъ рѣка, гремя въ своихъ безчисленныхъ переборахъ. Вода до того чиста, что мы отсюда подъ солнечными лучами видимъ дно ея, съ высоты полтораста футовъ... Узенькія душегубки замерли у берега, рядомъ тоже замерла засмотрѣвшаяся въ воду хорошенькая дѣвочка. Подъ ея ногами рѣка сдѣ-

лаетъ маленькій каскадъ, и ребенокъ смотритъ — не на-
сматрится.

— Что, вамъ эти горы нравятся?.. обратился ко мнѣ
управляющій.

Я удивился вопросу.

— Нѣтъ, я, знаете, почему. Тутъ вѣдь захолустье,
одиночество. Перевели меня въ людное мѣсто, такъ я изъ-за
этихъ горъ по Троицкому руднику такъ затосковалъ!..
Радъ былъ, когда назадъ меня отпустили. Бѣда къ одному
мѣсту привыкнуть.

Горы стали однѣ противъ другихъ, точно ошетинив-
шіяся чудовища, ожидая сигнала, чтобы сдвинуться и уничто-
жить эту, горделиво шумящую рѣку, неустанно подмываю-
щую ихъ каменные подножія. Бѣлою пѣною клубится
Орѣховка, вливающаяся здѣсь въ Косьву. Вонъ изъ горъ
мерещится другой притокъ... Позади мирная долина, со-всѣмъ
идиллическая, тихая заводь съ челночками и мор-
дами, развѣшанными на шестахъ...

— Какъ на этихъ переборахъ барки весной идутъ?..

— Случается — гибнуть, а случается, что переборы
еще и помогаютъ...

— Хорошая помощь!

— Вѣрно. Съ перваго перебора барка стремглавъ сле-
таетъ; прежде чѣмъ она израсходуетъ пріобрѣтенную ско-
рость, она попадаетъ на слѣдующій переборъ. Такимъ об-
разомъ до Губахи барки дѣлаютъ по 15-ти и 18-ти верстѣ
въ часъ, а ниже Губахи, гдѣ теченіе спокойно — только
8 верстѣ, да и то не всегда.

На горы набѣжали тучки; кое-гдѣ тѣни отъ нихъ ползли
по склонамъ. Весь пейзажъ передъ нами представлялъ болѣе
двѣнадцати плановъ, одинъ смутнѣе другаго. Самые даль-
ные только мерещились... Вонъ среди вѣчнаго снѣга на

вершинѣ Ослянки чернѣютъ утесы стоймя... словно башни какого-то сказочнаго замка... Силь нѣтъ оторваться. Все бы сидѣлъ и смотрѣлъ... Дичь непуганная вовсе. Парами перелетаетъ то и дѣло эта мелкая пташка съ одного берега на другой, подѣ самымъ балкономъ нашимъ посвистываетъ, прорѣзывая застоявшійся среди этого затишья воздухъ... Вонъ гагарки потянулись по Косью. На минуту раскидало ихъ водою въ переборѣ, нѣкоторыя и кувыркнулись — да опять выплыли въ спокойномъ мѣстѣ и, отряхиваясь, медленно плывутъ далѣе... Гдѣ-то издали слышится рѣзкій и звучный крикъ лебедя... Точно какая-то металлическая толстая струна лопнула и послѣдній предсмертный крикъ этой струны дрожитъ надъ молчаливою окрестностью. Изъ заводи утки заболтали что-то по своему... И опять тишина, только рѣка шумитъ въ порогахъ, да бекасы посвистываютъ надъ нею... Старикъ внизу едва бредетъ; съ нимъ тонкая густая сѣть; въ сѣти серебрится еще влажною чешуей мелкая рыба.

— Пожалуй малявки набралъ? кричить ему сверху управляющій.

— И малявка есть...

— Ужли-жь ѣсть ее станешь... Ее щука не ѣсть.

— Въ ильяхъ (пельменяхъ) чудесно!.. А что щука не ѣсть, такъ щука по водѣ звѣрь первый... Ему и сижокъ, и харіусъ — все возможно; а мнѣ, старому да слабому — и малявка хороша... Тутотка племяшъ у меня опять на запасъ попалъ.

— Ну?

— Вѣрно! Пуда три будетъ.

— Экое счастье тебѣ.

— Богъ невидимо посылаетъ... Я съ этого запаса мѣсяцъ сытъ буду!

— Что это за запасъ такой? спрашиваю.

— А по лѣсамъ у насъ жилия избушки таятся. Прежде, какъ Троицкаго родника не было, такъ растесцы ходили сюда на промыслы. Ну, они въ избенкахъ этихъ разволочныхъ оставляли иной разъ большіе запасы хлѣба на слѣдующій промыселъ. Теперь ходить перестали въ лѣса — запасы такъ и остаются. А то, можетъ быть, хозяинъ померь, а дѣтямъ невдомѣкъ искать, — ну, наши наткнутся въ лѣсахъ на такую тупку — сейчасъ шарить. Хлѣбъ находять, случалось — пороху доставалось фунтовъ по пяти. Растесцы какъ — они здѣсь иной разъ и по зимамъ жили. Народъ угрюмый, ему человѣка не надо — и то хорошо, что хоть лѣсъ шумить надъ головой, да вьюга запѣваетъ свои пѣсни. А въ тупкѣ у него холодно, сыро... Все переносили. Такая у нихъ ужъ страсть къ одиночеству была. Случалось и такихъ находить здѣсь, что съ каторги бѣжали.

— Вона! Въ лѣсахъ-то вашихъ?

— Да! Куда ему дѣваться? Онъ найдетъ такую разволочную тупку, да и поселится въ ней. У инаго ружье есть — кормится. Звѣря бьетъ, шкуру въ томъ же Растесѣ продаетъ, пороху да хлѣба купить — и опять себѣ въ лѣсъ. Покрайности некому трогать его въ этомъ лѣсу... Одинъ и живетъ. Такіе случались, что отъ людской молви совсѣмъ отвыкали... Тутъ лѣсовикъ одинъ — бывало, придетъ въ Растесъ, броситъ мѣха да шкуры, сядетъ и сидитъ. Ну, кулаки, которые скупали, принесутъ ему пороху, хлѣба. Взалить себѣ на спину и уйдетъ, не озираясь даже. Думали нѣмой. Нѣтъ, разъ услышали, какъ онъ въ лѣсной дремѣ пѣсню пѣлъ. Только съ людьми говорить не хотѣлъ, — вѣрно ужъ очень они его обидѣли. Помирать имъ только тяжело. Вьюга шумитъ, ночь въ

окно смотреть... Одинъ. Тутъ ужъ это уединеніе страшно. Дичали нѣкоторые такъ, что отъ людей бѣгали. Случаемъ встрѣтятъ орѣшника, либо звѣролова въ лѣсу — и прочь отъ него во всѣ ноги...

— Чѣмъ же жили?

— А Богъ ихъ знаетъ, чѣмъ; орѣхи палые которые... Руками звѣря ловили. Тутъ подь Павдой въ лѣсахъ наши одного видѣли лѣсовика, такъ онъ векшу сыръемъ ѣлъ. Разорвалъ, какъ звѣрь, да сыръемъ и сожралъ...

— По моему, въ каторгѣ легче, чѣмъ такая жизнь.

— Какъ кому!

— По крайней мѣрѣ человѣка видишь!

— Иные, у кого кровь на душѣ, сами на себя, словно послушаніе въ монастыряхъ, накладываютъ — спасаться въ лѣсу, въ одиночествѣ, и терпѣть, — ну, и выносятъ... А потомъ привыкаютъ. Лѣсъ вѣдь захватываетъ; изъ него не выйдешь. Первый годъ труденъ, а пережилъ ты его — лѣсъ ужъ тебя не выпуститъ; такъ и останешься лѣсовикомъ. У насъ жить въ лѣсу называется — лѣсовать, а лѣсовикъ — тотъ, кто лѣсуетъ. Такихъ лѣсовиковъ много; иной и семью для этого кинетъ. Близость лѣса создаетъ особья натуры. Тянетъ лѣсъ къ себѣ, въ свою глушь великую. Особенно наши лѣса — кедровые. У насъ красивѣе, по другимъ мѣстамъ такихъ нѣтъ. Ну, предложилъ онъ, помолчавъ, — хотите посмотрѣть нашъ рудникъ?

— Да, еще бы. За этимъ мы къ вамъ и заглянули.

— А ходить по горамъ умѣете? У насъ вѣдь по кручамъ все, не то что на ровномъ мѣстѣ, какъ въ прочихъ мѣстахъ.

— Пробовалъ — не жаловался.

Высота рудника семьсотъ футовъ надъ рѣкой Косьвой. Туда ведетъ головокружительная тропинка, кое-какъ про-

битая по кручѣ. Если бы не деревья по пути, за которыми иногда можно зацѣпиться и отдохнуть, — путь былъ бы совѣмъ труденъ. Подъ ногами переплетаются корни деревьевъ, взрѣзавшіе почву, точно какія-то узловатыя змѣи. Не посмотришь внизъ — споткнешься, а споткнувшись, можешь очутиться Богъ знаетъ гдѣ. Гора, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ прямо въ Косьву обрушивается... На болѣе обширныхъ площадкахъ свалены бревна. Какіе лѣсные великаны легли подъ топорами! Бѣлое крѣпкое дерево уже вылущено изъ-подъ коры и далеко слышенъ отъ него смолистый, здоровый запахъ. Съ высоты зато грандіозный видъ на водораздѣлъ между Косьвой и Усьвой. За двумя лѣсистыми горными кряжами поднимается словно придавливающая ихъ и тяготѣющая надъ всею окрестностью Ослянка. На ней отсюда можно различить всѣ пояса растительности. Густой лѣсъ опоясалъ ее внизу, вверхъ мало-по-малу онъ переходитъ въ однообразное марево кустарника, кустарникъ смѣняется травой, трава — мхомъ. Наконецъ и палевыя пятна мху исчезаютъ, мерещится темною полосой голый камень. Тутъ уже нѣтъ ни одной былинки... Темная масса камня вверху смѣняется снѣговыми моренами, которыя расплзлись и внизъ по кручамъ, заполняя собою лощины и щели... Все это въ дикихъ кручахъ, рѣзкихъ очертаніяхъ... Даль съ этою горою и другими выдвигающимися смутными силуэтами изъ-за нея полна неизобразимаго величія!..

— Видите вы на Ослянкѣ правильные утесы, на самой вершинѣ, а вокругъ нихъ точно каменный валъ?

— Вижу.

— Народъ это прозвалъ чорговымъ городищемъ... Тутъ, ранѣе чѣмъ поселились люди, всякая нечисть жила... Внизъ, въ долины, она не заходила, потому — въ долинахъ своя

спеціальная нечисть значилась — лѣшіе, водяные... а эта исключительно на вершинахъ горъ ютилась. Она имѣла свое особое назначеніе — насылать на долины вьюги и мятели, закутывать случайные провалы тучами, взбудораживать воды — потому что чортъ водяной подчинялся во всемъ чертямъ горнымъ. Кто на горы ходилъ, того они обвалами встрѣчали... А главный ихній чортъ жилъ на Ослянкѣ.

— А теперь?

— Теперь его нѣтъ... Теперь онъ на Павдвинскій камень ушелъ. И знаете ли вы, кто все это сдѣлалъ?

— Старецъ какой нибудь праведный.

— Нѣтъ. Народъ приписываетъ это простому растесскому пропойцѣ. Былъ горькій пьяница... Нализался разъ, да и полѣзъ на Ослянку. Чортъ оттуда и камнями, и обвалами, и вьюгой его сбиваетъ, и громомъ шумить, и въ тучу кутаешь, а пьяному, извѣстно, — море по колѣно; онъ все вверхъ да вверхъ лѣзетъ, да на каждой скалѣ по пути кресты высѣкаетъ. Высѣчетъ крестъ — водка съ собой, — попеть и опять дальше... Такъ до самага чортова городища на верху добрался. Подошелъ къ валу этому каменному и крестить его издали, а тамъ въ черныхъ домахъ — утесахъ у нечисти смятеніе идетъ. Сталъ было изъ послѣднихъ силъ чортъ мятель на него снѣговую пускать, а растесець въ отместку ему крестъ на валу сейчасъ высѣкъ... Видитъ чортъ — ничего не подѣлаешь, взвыль... Со всѣхъ горъ ему нечисть откликаться стала. Перелѣзъ пьяница черезъ валъ — тутъ нечистый не выдержалъ. Завился въ снѣговую тучу, да и полетѣлъ на полночь — туда, къ Павдѣ... Только его и видѣли... А дома его всѣ въ утесы обратились... Видите, въ какой у насъ чести пьяницы. Старцы праведные не могли, а пьяница добился своего...

— По-моему, эти утесы скорѣе похожи на какую нибудь крѣпость. Я ожидалъ преданія о разбойникахъ, укрывавшихся тамъ.

— Нѣтъ, у насъ на горныхъ плѣшкахъ разбойные люди не прятались, они больше по ущельямъ внизу держались... Они открытыхъ мѣстъ не любили. Да и не въ снѣгагъ же имъ пребывать постоянно.

Нельзя описать какъ красивы переливы цвѣтовъ и тѣней на этой величавой горѣ. Желтовато-сѣрые тоны уступаютъ мѣсто лиловымъ, лиловые — синимъ. Вонъ темень лежитъ на лиловомъ тонѣ... Не успѣли мы толкомъ всмотрѣться въ нее, какъ она уже свернулась въ тучу, приподнялась, открывая подъ собою палевые склоны, и двинулась дальше на югъ по вѣтру, унося туда нарождавшійся было надъ этою долиною дождь. Гора, по которой мы вползли, вся покрыта развѣдочными копиями; онѣ открыли здѣсь богатые залежи бураго желѣзняка, заключающаго въ себѣ, по первымъ излѣдованіямъ, до 25.000.000 пудовъ руды, въ которой отъ 50 до 60% желѣза. Разработка его не представляетъ особеннаго труда, такъ какъ руда идетъ прямо отъ поверхности горы — внутрь далеко докапываться за нею не приходится. Уже произведенными изысканіями заводы Чермозскій и Кизеловскій обезпечены на 20 лѣтъ. Надъ развѣдками работаетъ пока очень мало народу — всего сорокъ человѣкъ, точно муравьи возятся надъ этою массою желѣза, скаль и глины.

— Это еще не послѣднее слово... Мы думаемъ, что залежь эта сквозь всю гору проходить.

— Могутная! отозвался рабочій.

— Что жъ тогда?

— А тогда заводы одною этою горою сотни лѣтъ жить могутъ! А такихъ горъ по окрестностямъ до пропасти есть.

Не умѣютъ у насъ только пользоваться. Это счастье Аба-меликъ-Лазаревыхъ, что у нихъ такіе управляющіе, какъ Новокрещеныхъ; вы посмотрите, что у другихъ-то дѣлается. Вы слышали ли, что за открытіе новыхъ рудниковъ, крестьянъ пороли и ссылали.

— Что за дичь!

— Ну, а у насъ эта дичь случалась! Старые владѣльцы и пороли, и ссылали за это. Я могу назвать...

Работа теперъ идетъ надъ однимъ, сравнительно небольшимъ, пластомъ земли.

Ломаютъ руду прямо съ поверхности. Красноватая масса ея тронута уже двѣ сажени въ глубь. Рабочіе разбросались на триста сажень всего; тѣмъ не менѣе, ежегодно на этомъ, сравнительно небольшомъ, пространствѣ уже собираются десятки тысячъ пудовъ желѣза. Работа пока веселая — потому что на поверхности земли. Въ Кизелѣ я видѣлъ несравненно болѣе тяжелую, въ вѣчномъ мракѣ подземныхъ галлерей, при полномъ отсутствіи сколько нибудь порядочной вентиляціи. Потому и народъ здѣсь смотрѣлъ бодрѣе. вмѣстѣ съ бабами и мужиками работали мальчишки отъ 10 лѣтъ и выше. Эти, разумѣется, плату получаютъ ничтожную — отъ 10 до 15 коп. въ день. Впрочемъ и взрослый крестьянинъ тутъ зарабатываетъ отъ 30 до 50 коп., а баба отъ 20 до 30, и разумѣется, всѣ они на своихъ харчахъ. Заводъ только иногда поставитъ имъ хлѣбъ нѣсколько подешевле, чѣмъ они купили бы его у сельскихъ кулаковъ...

Трудно себѣ представить, какая сила нужна для этихъ работъ. Если бы видѣли, какіе комья руды поднимаютъ эти, повидимому, не особенно усталые люди, — вы бы изумились, также какъ я былъ изумленъ. При этомъ кое-гдѣ

запѣвается пѣсня, звучать шутки и смѣхъ, въ антрактахъ за все отдуваются бабы.

— Ишь ты спина у тебя, Марья, какая широкая! и при этомъ слышится глухой звукъ не особенно легкаго шлепка.

— Дьяволъ! огрызнется баба. — Я вотъ тебѣ ковшомъ въ морду.

— Ломай, ломай его, Марья! Ишь у него харя-то съ послѣдняго перепоя ослизла.

— Еще трогается... Вотъ я Сашкѣ твоей скажу.

— У меня, братъ, этихъ Сашекъ сколько хошь.

— У тебя!.. Люди врутъ — навираются, нашъ вретъ — не наврется... У тебя!..

— Да, у меня...

— Заведутся у такого... какъ же... Смотри, языкъ проглотишь. Ври да помни.

— У него только вошь и заведется...

— Бредень бредни бредить — а у насъ языкъ щелкаетъ!..

— Душа кривая — все приметъ...

Когда мы спустились изъ этого рудника внизъ по тѣмъ же кручамъ, управляющій указалъ намъ налѣво за Ослянку.

— Видите вы — вонъ двѣ правильныя горы... Знаете, какъ ихъ народъ зоветъ? — Титьки.

Названіе было чрезвычайно мѣтко. Дѣйствительно на горизонтѣ рисовались два силуэта — точно громадныя сосцы совершенно правильной формы и при этомъ одна въ одну.

— Тутъ такъ: видать Титьки — значитъ и погода хорошая будетъ, а не видать — жди дождя, а зимою мятели... До нихъ отсюда верстъ, мало-мало, двѣсти будетъ, не меньше.

Нѣсколько ниже почву взрѣзалъ гребень большаго бураго утеса.

— Вотъ тутъ и развѣдокъ нечего дѣлать.

— Почему?

— Чистое желѣзо... Въ глубь идетъ, ломай его и плавь — вотъ и весь трудъ... Вы еще по нашимъ мѣстамъ немало такихъ же увидите... Мнѣ достаточно было бы, если бы одну эту скалу подарили. Ей вѣдь цѣны нѣтъ, — миллионы пудовъ въ ней...

— Отчего же истощается производство другихъ заводовъ?

— Лѣсъ выжгутъ; безъ топлива этимъ горамъ грошъ цѣна.

По пути назадъ — неизбежная подробность каждаго заводскаго дѣла — пьяненькіе рабочіе намъ на встрѣчу.

— Успѣли! остановился управляющій.

— Мы, Иванъ Степанычъ, передъ тобой во какъ — какъ свѣча горимъ!

— Вы бы лучше чѣмъ горѣть-то пить перестали.

— Мы теперь на всякую работу — благодаримъ покорно... Одинъ за трехъ. Потому, ежели ее въ акуратѣ — такъ отъ нея только силы прибавляется, отъ водки этой самой.

— Знаю я, нахлещетесь.

— Иванъ Степанычъ!.. У насъ совѣсти нѣтъ? удивлялся рабочій, стучая себя кулакомъ въ грудь. — У насъ совѣсти — сколь хошь... А мы, благодаря создателю, чуточку, во — эстолько, — показалъ онъ на кончикъ мизинца, — и слава тѣ, Господи... Свое дѣло знаемъ... Сичасъ на работу.

— Вы не повѣрите, какая возня съ ними на заводахъ. Иногда изъ-за одного пьянаго все дѣло останавливается.

— Это преувеличеніе.

— А вотъ разочтите: на каждую пудлинговую печь

трое рабочихъ въ одну смѣну — у всякаго изъ нихъ свое дѣло. Одинъ запьянствовалъ — остальнымъ ничего подѣлать нельзя, потому — запаснаго нѣтъ. За этими тремя останавливается дѣло на всѣхъ пудлинговыхъ печахъ — потому въ общей связи все, операція одна у всѣхъ. Жаръ отъ пяти пудлинговыхъ печей нагрѣваетъ котлы для производства пара въ прокатную паровую машину; такимъ образомъ, не топятся эти печи — остается безъ дѣла и прокатная. Въ концѣ концовъ, изъ-за одного пьяницы пять, десять, человекъ сидитъ безъ дѣла, а иной разъ и заводъ можетъ остановиться. Рабочихъ въ обрѣзъ, замѣнить нельзя, да и всякаго не поставишь — нужно знаніе дѣла. У насъ хотѣли поэтому добиться отъ рабочихъ подписи контракта, которымъ заводъ обезпечиваетъ, съ своей стороны, рабочимъ постоянное дѣйствіе на слѣдующихъ условіяхъ: за прогулъ рабочій уплачиваетъ, во-первыхъ, своимъ товарищамъ, остающимся изъ-за него безъ работы, поденную плату, равную ихъ заработку, во-вторыхъ, — заводу расходы по разогрѣву печей. Всего пришлось бы и тѣхъ и другихъ штрафовъ рублей семь-восемь. Рабочіе упорно отказывались подписать этотъ контрактъ въ теченіи двухъ лѣтъ. Думалъ я, думалъ — да и прижалъ ихъ. Временно, до пріисканія новыхъ рабочихъ, взялъ да и закрылъ заводъ, а самъ послалъ за народомъ въ Чермозь, тамъ многіе безъ хлѣба сидятъ. Ну, кизеловцы какъ узнали объ этомъ — привалили. Согласны-де на контрактъ. Въ подобныхъ случаяхъ свои къ чужимъ рабочимъ относятся крайне враждебно.

— Да вамъ стоитъ только закрыть кабаки.

— Мы ихъ и не держимъ.

— Да вѣдь земля принадлежитъ вамъ.

— Если бы!.. Не вся. Между самими рабочими постоянно являются кулаки, поторговывающіе водкой и только

для виду работающіе на заводахъ. Они еще охотнѣе идутъ работать въ рудники, на пристани, гдѣ нѣтъ питейныхъ заведеній. Тутъ имъ полный просторъ, да и выгоды громадныя, тѣмъ болѣе, что они отпускаютъ пойло это въ долгъ, въ счетъ платы заработной, которая иной разъ вся на маклака переводится.

— Да вѣдь вы знаете же маклаковъ въ лицо.

— Еще бы не знать.

— Такъ отказать имъ отъ работы — и вся недолга.

— Попробуйте!

— Что же будетъ?

— Сами рабочіе, которыхъ онъ грабитъ, волноваться начнутъ. Вы ихъ поймите... Тутъ самъ чортъ не разбереть. Да вѣдь, наконецъ, его изловить надо; — нельзя же такъ — ступай вонъ. Онъ исправно работаетъ. Тутъ и бабы пьютъ. Спросишь у мужиковъ: зачѣмъ вы бабамъ пить позволяете? «Не дай ей», говорятъ, «такъ она изъ тебя всѣ кишки попреками вымотаетъ. Баба веселѣй и согласнѣй съ вина-то!» Вотъ вы и разсуждайте. И эти, что намъ на пути встрѣтились, тоже у своихъ же нализались. Въ Троицкомъ рудникѣ у меня кабака нѣтъ вовсе. Свои же рабочіе маклачествуютъ...

Еще разъ посидѣли мы на балконѣ троицкаго управляющаго, еще разъ полюбовались на дивные виды, открывающіеся отсюда на югъ и на востокъ. Нужно было отправляться назадъ. Гребцовъ отсюда къ Растесу нельзя было достать — всѣ заняты на иныхъ работахъ, а наши лоцмана тоже торопились на свою лѣсопилню, потому что тамъ они забрались уроками, которые нужно было выполнить во что бы то ни стало.

— Назадъ вы живо поспѣете. Сегодня же черезъ нѣсколько часовъ будете тамъ.

Жара!.. Лодку быстринной теченія понесло шибче парохода. Берега стѣснились — Косьва течеть по корридору. Небо кажется узенькой лентой. Гдѣ по положе, тамъ лѣса кедровые къ самой водѣ жмутся. Солнце играетъ сквозь листву, ярко изумрудными огоньками засвѣчиваясь въ прозрачныхъ струяхъ рѣки. Попадетъ горячій лучъ на водяную лилію — и въ его яркомъ блескѣ свѣтится она, точно раскалившійся комокъ серебра. А тамъ опять лодку вдругъ сносить въ тѣнь какой нибудь горы, и краски блекнутъ, лучи гаснутъ. Синія и стальныя тѣни ложатся повсюду; въ недосыгаемой высотѣ кружатся ястребы, высматривая въ чащѣ зазѣвавшуюся добычу. Вонъ изъ затончика выплыла утка и стремглавъ бѣжитъ по водѣ отъ нашей лодки, нелѣпо хлопая крыльями; за ней цѣлый выводокъ суетится, не поспѣвая и видимо страшно волнуясь, и вытягивая свои голыя еще головки... А тамъ опять тишина, опять ничто живое не выгянетъ изъ мирныхъ и прохладныхъ уголковъ на эту жару. Развѣ ни съ того, ни съ сего набѣжить изъ-зади туча, совсѣмъ незамѣтно, остановится на минуту надъ рѣчною узиной, грянетъ громъ, брызнетъ дождь, въ каждой каплѣ котораго горитъ все то же солнце... Еще нѣсколько минутъ — и туча далеко-далеко, укладывается отдыхать на какую нибудь горную вершину, и надъ вами — безоблачное небо съ черными точками ястребовъ и бѣлыми искрами уже встрѣчающихся здѣсь чаекъ.

Такимъ образомъ, чрезъ нѣсколько часовъ добрались мы до Няра.

— А безъ васъ тутъ несчастіе случилось.

— Что такое?

— Да медвѣдь задралъ дроворуба... И главное — дерзость какая! — не вдалекѣ отъ пильни, саженьхъ въ двухстахъ.

— До смерти?

— Какъ же. Лежитъ теперь. Вѣрно неожиданно напалъ на него изъ-зади... Лица не видно.

— Что жъ, у него оружія не было?

— Ружье на землѣ валяется неразряженое, а топоръ въ деревѣ сидитъ.

Я пошелъ туда.

Какая-то масса у недорубленной сосны. Топоръ, дѣйствительно, застрялъ въ деревѣ, на землѣ цѣлая лужа крови... Кожа съ лица дроворуба содрана — сплошная рана какая-то; кости всѣ изломаны.

— Что же вы его не покроете?

— Да, какъ же, дотронься... Хлопотъ не оберешься. Вы нашу полицію не знаете. Теперь изъ Кизела налетятъ. Фельдшеръ потрошить станеть, становой явится...

Отсюда вплоть до устья Косьвы я рѣшилъ спуститься на лодкахъ.

До первой станціи — до Дубахи — считалось 40 верстъ, и по всему этому пути ни одного жилья. Берега Косьвы за то расширяюся; рѣка то и дѣло разбивается на рукава, образуя острова, покрытые тальникомъ. Глыбъ настолько значительна уже, что затонувшихъ барокъ не видать вовсе... Тутъ Косьва принимаетъ въ себя горныя рѣчки — Нюръ-Дергачку, Перхашеръ, Кедровку, Мутную, Гремячую и многое множество безымянныхъ.

— Живописцамъ бы слѣдовало по этимъ рѣчкамъ побродить.

— Красивы?

— Не опишешь — рисовать надо. Сюда В. Ф. Голубевъ посылалъ Петра Верещагина. Тутъ на Косьвѣ ему не приелось быть. Тутъ нѣкоторыя рѣчки чудныя совсѣмъ: течетъ-течетъ — пропадаетъ, а верстъ черезъ пять вновь изъ

подъ земли выбѣгаетъ... Томно ей понадобилось на время отъ кого нибудь спрятаться...

— Косьва наша хороша, а Усьва да Вильва еще красивѣе.

И дѣйствительно, только до одной Ослянки и Няра, по тому пространству, по которому мы только что проѣхали, Косьва приняла въ себя болѣе двадцати рѣчекъ. Изъ нихъ по сѣверному Няру, напимѣрь, могутъ двигаться барки, а притоки его — Вогулка и Березовка — изъ совсѣмъ мало изслѣдованной глуши. Разсольная, Большая Чирковая, Малая Чирковая, Ершовка, Гремяча, Малая и Большая Усвинки, Тоскайха, Разсолка, Сухая, Ломовая, Ослянка, Ташковка, Полуденная — одна красивѣе другой. Подняться по любой изъ нихъ вверхъ до истока — обязательно для художника. Я это сдѣлалъ на рѣкѣ Кедровкѣ — и не раскаивался, несмотря на трудность передвиженія. Не описываю этого пѣшеходнаго странствованія здѣсь потому, что пришлось бы представить читателю, рядъ картинъ, которыя, будучи очень интересны на полотнѣ, подъ перомъ являются крайне утомительными.

Скажу только одно: дикой красоты и сумрачнаго величія здѣшняго Урала я не забуду никогда.

XXXVI.

Отъ Няра до Губахи по безлюдю. — Картины берега. — Губаха. — Первый
лѣсопромышленникъ.

Быстро скользила наша лодка, когда мы, оставивъ за собою красивый Наръ, двинулись внизъ по Косьвѣ. Берега обставлены скалами; иныя словно башни далеко вдаются въ воду, поддерживая въ своихъ щеляхъ и трещинахъ одинокія, островерхія пихты... Совсѣмъ на южные кипарисы похожи онѣ издали. Особенно эффектно это дерево, когда цѣпкими корнями вопьется оно въ известковый утесъ и держится — темное на его бѣлой поверхности. Оставленная рыбацья избенка на берегу полуразвалилась вся; такіе же безлюдныя теперь куреньки для дровосѣковъ — и опять нѣсколько верстъ горныхъ береговъ безъ малѣйшаго намека на присутствіе человѣка.

— Тутъ у насъ жернова ломають, показываетъ гребецъ на жильѣ какое-то, прислонившееся къ громадному утесу. И не размотришь даже вблизи этого убогаго логовища — совсѣмъ теряется оно.

— Есть народъ?

— Были, да ушли.

— Что же, не выгодно?

— Тяжко... Все молчить округъ тебя... Коли бы люди были — людей нѣтъ. У насъ народъ къ заводамъ привыкъ; на заводахъ округъ тебя шумъ, суета... А тутъ гора насупилась, лѣсъ насупился... ну, и бѣгутъ люди. Ты думаешь, легко тутъ...

Потомъ я встрѣчалъ такихъ рабочихъ за Салдой — въ другомъ уголкѣ Урала. Въ концѣ концовъ, человѣкъ и самъ насупится, такъ что отъ него слова не добьешься. Подумаешь — больно говорить ему, а онъ просто молчать привыкъ среди этихъ величавыхъ горъ, гдѣ какъ-то дико звучитъ громкая молвь человѣка... Вонъ, точно изъ зеленыхъ облаковъ лиственнаго лѣса, круглящихся на красивомъ островѣ, поднимаются изъ самой середины стройныя, высокія пихты. Совсѣмъ готической архитектуры дерево — такъ и кажется, что это стрѣльчатыя колокольни, какого-то чудеснаго собора. Известковыя скалы горы Хорошей по пути на минуту останавливаютъ внимательный взглядъ туриста узорчатымъ и изящнымъ наслоеніемъ своимъ, совсѣмъ фантастическаго рисунка.

— Нашей красѣ конецъ приходитъ! замѣчаетъ гребець.

— А что?

— Да желѣзнодорожныя здѣсь проявились...

Дѣйствительно, въ то время какъ я путешествовалъ по этому краю, думали, что дѣвственная глушь его накануне кончины. Партіи инженеровъ проходили мимо, дѣлали съемки. Въ концѣ концовъ, рельсовая линія прошла стороной и Косьвинскія пустыни остались нетронутыми.

Скалы за скалами, нѣкоторыя совсѣмъ розовыя, горы за горами... Косьва дѣлаетъ извилину за извилиной. Плынешь по какимъ-то котловинамъ, дно которыхъ залито во-

дою... На высотах утесы напоминают фантастические замки, внизу лѣса ползутъ по нимъ и, безсильныя добраться до темени, остаются на полу-горѣ. Это какое-то царство дикихъ утокъ — нѣкоторые плесы чуть не сплошь покрыты ими. Изрѣдка въ прозрачныхъ водахъ сверкнетъ харіусъ, или видно, какъ юркая щука погналась за маленькимъ сижкомъ. У входа въ большія, необслѣдованныя пещеры сидятъ ястреба и кречеты, совершенно сливаясь сърымъ перомъ своимъ съ цвѣтомъ окружающаго ихъ камня. И камень весь исцелился совѣмъ, точно это громадная кирпичная кладка какая-то. Черныя зѣвы пещеръ провожаютъ васъ далеко, тянутся онѣ внутри тоже на десятки верстъ. Такъ, на примѣръ, если вѣтеръ отсюда, то онъ, войдя внутрь пещеры, выходитъ изъ Артемьевскаго рудника верстъ за 15; если-вѣтеръ оттуда, то выдувается онъ изъ Губахинской пещеры. Иная пещера прячется за круглую, какъ старая башня, скалу, на вершинѣ которой вмѣсто зубцовъ давно выросли и давно уже постарѣть успѣли мрачныя ели... Окрестности чѣмъ далѣе по направленію къ Губахѣ, тѣмъ становятся все грандіознѣе. Не доѣзжая шести верстъ до нея, вы совѣмъ обманываетесь фантастическимъ складомъ утесовъ. Это десятки, сотни башенъ, громоздящихся одна на другую, крѣпостныхъ стѣнъ, перепутавшихся какими-то самыми смѣлыми и неожиданными зигзагами. И на-лѣво и на-право они... Башни перемежаются развалинами громадныхъ дворцовъ и храмовъ. Вотъ уцѣлѣвшій сводъ арки, вонъ куполы повисли въ воздухѣ, вонъ какая-то колонна торчитъ вверхъ, поддерживая фантастическое Т — цѣлую скалу, упавшую на нее поперекъ... Вонъ на вершинѣ горы двубашенныя укрѣпленія, вонъ точно массивная мечеть съ тонкимъ минаретомъ... Протираешь глаза себѣ — куда попалъ я? Неужели это уголокъ Россіи? Отчего же гдѣ

такой здоровый воздухъ, такія чудныя окрестности, такіе поэтическіе виды, — отчего сюда не направляются наши скучающіе туристы?.. Вонъ скала нависла надъ Косью; вся рѣка стосаженной ширины течетъ подъ этимъ утесомъ... Наверху, на самомъ концѣ утеса, три громадныя ели. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ — и онѣ, и сама скала сползутъ внизъ и перегордятъ совсѣмъ теченіе этой свѣтловодной рѣки... Какъ хороши эти картины, когда вечерняя заря обдаетъ ихъ своимъ багровымъ заревомъ, всѣ эти развалины никогда не существовавшихъ городовъ, руины никогда и никому не грозившихъ крѣпостей!.. Вонъ одна сквозная пещера на аломъ фонѣ гаснущаго дня... Вся черная, а въ ея зѣвѣ горитъ багровое уже солнце... Словно въ окно оно смотрится сквозь этотъ удивительный тунель.

Рѣка здѣсь почти недвижной кажется... Теченіе незамѣтно... Медленно, такимъ образомъ, подплываемъ мы къ Губахѣ, тоже спрятавшейся на дно котловины и богатой со всѣхъ сторонъ такими же очаровательными видами. Громко рокочетъ она, перекидываясь черезъ тысячи переборовъ прежде, чѣмъ здѣсь ей удастся соединиться съ тихими водами Косвы... Все ея ущелье полно этого веселаго, дѣятельнаго грохота... Весною Косва здѣсь очень опасна. Дальше на ней масса пороговъ и въ одномъ 1875 году, напримѣръ, здѣсь утонуло 16 человѣкъ гребцовъ на баркахъ. Рѣчка бѣшено мчится тогда мимо этихъ поэтическихъ береговъ... Косва вспучивается на двѣ сажени, питаемая тысячами рѣчекъ и ручьевъ, и стремится съ чудовищной силой въ Каму.

— При такой глубинѣ по ней могли бы идти и пароходы?

— Да, только никакой пароходъ не подыметъ вверхъ при быстротѣ ея теченія. Тутъ паденіе рѣки громадно.

То и дѣло весеннія воды Косьвы выбрасываютъ на берега трупы гребцовъ и барочной прислуги... Недавно, за мѣсяць до моего прїѣзда, въ четырехъ верстахъ отъ Губахи нашли такимъ образомъ прибитыми къ берегу пять труповъ гребцовъ и барочной прислуги, а двумя верстами ниже — шесть такихъ же.

— Тутъ разъ полою водой медвѣдя сбросило въ рѣку. Онъ было барахтаться — куда! понесло его... Версть за тридцать выбросило вонъ, только мертваго. Всю ему башку о скалы наши разбило...

— Ладились мы шкуру достать!

— Не годится?

— Спорчена. Ослизла да стерта... А гдѣ такъ и званія шкуры нѣтъ — сбило о камень... И мѣдведь же громаднѣющій былъ... Я его увидѣлъ, какъ его въ воду сбросило, потомъ пошелъ по берегу, думалъ — мѣхъ даромъ достанется... Только — поѣхалъ въ цвѣтномъ, а прїѣхалъ ни въ чемъ.

— Самого ободрало?

— Да малость въ рѣчущкѣ одной... Я думалъ малая — сунулся, а она и меня, что Косьва медвѣдя, прихватила... Едва-едва выбился.

— Пошелъ на собакъ сѣно косить.

— Точно что! Въ баню идти — пару не бояться. Любишь парко — люби и жарко... На уру пошелъ. У насъ медвѣди чудесные!

Не знаю, каковы губакинскіе медвѣди, но комары губахинскіе ужасны. Они не кусаютъ, а подлинно жрутъ... Тутъ мажутъ лицо дегтемъ отъ нихъ; иногда впрочемъ и деготь не помогаетъ... Скотъ въ воду загоняютъ эти звѣри. Часто кони даже тонуть отъ комара.

— Здѣсь по всему этому околотку — пьянства мало...

Все наша брага! До пропасти пьютъ ея. Съ огня на заводахъ, и такъ здѣсь постоянно пьютъ ее. Она очень вкусна, бѣлая; изъ проросшаго овса и солода варятъ ее. Иной по полведра въ день выпиваетъ ея.

Трудно сказать, какъ бы питался мѣстный рабочій, если бы не это пойло. Мяса онъ не видитъ и въ праздникъ, хлѣба не всегда вволю, рыбы мало. Особенно много ея употребляютъ въ губахинскихъ каменно-угольныхъ копяхъ. Онѣ были извѣстны давно, но до сихъ поръ не разрабатывались, да и теперь — не особенно, хотя содержаніе этихъ копей рассчитано на 90.000.000 пудовъ угля. Дѣло въ томъ, что какъ его не эксплуатируй, но пока этого богатства дѣвать некуда. При заводской топкѣ и на Усольскихъ солеварняхъ сто пудовъ угля соотвѣтствуютъ кубической сажени дровъ. Послѣдняя заводамъ и варницамъ обходится въ шесть рублей, тогда какъ только одинъ подвозъ угля обойдется въ семь рублей, не считая расходовъ по эксплуатаціи. Только тогда, когда цѣнность его будетъ низведена на мѣстахъ потребленія, а не производства, до 6 коп. пудъ, можно ожидать, что его цѣлыми массами станутъ жечь солевары и желѣзняки. Но это долгая пѣсня, а пока подъ топорами дровосѣковъ гибнетъ лучшее богатство Урала — его лѣса!.. Самая рѣчка Губаха замѣчательна здѣсь тѣмъ, что она верстахъ въ семи уходитъ въ землю и черезъ десять къ сѣверу опять показывается на свѣтъ, пробѣжавъ все это пространство какою-то подземною жилой.

— У насъ рѣчка хитрая!..— Въ прятки играетъ! шутятъ губахинскіе крестьяне.

У Губахи пропадаетъ одно изъ красивѣйшихъ деревьевъ нашего сѣвера — кедръ; отъ Губахи на Каму идетъ уже все лиственница... Въ старое время и на самой Камѣ во-

дились кедръ, но лѣтъ семьдесятъ тому назадъ они почему-то стали вымирать, уступая свое мѣсто другимъ лѣснымъ великанамъ. Въ Губахъ же я встрѣтилъ лютаго во рога лѣсовъ. Смотрю — идетъ ожирѣлый кулакъ въ простой сермягѣ. Сапоги бутылками, на головѣ широкополая шляпа; грязная ситцевая рубаха, воротникъ весь просалился — взглянуть ужасно. Борода рѣденькая, косичками, красные глаза изъ-подъ рыжихъ бровей такъ и бѣгаютъ...

— Милліонщику!.. привѣтствовалъ его мой спутникъ.

— Здорово, Иванъ Степановичъ. Каково прыгаешь?

— Ничего... Твоими молитвами. Чего тебя сюда занесло?

— Да вотъ, ладился лѣску прикупить, на срубъ-то-ись. Сухмелился съ управляющимъ... хорошую цѣну давалъ.

— Ну?

— Не пошелъ, чтобъ его! Ужь я ему резонты всякіе подводилъ. Говорю: отпиши, что палъ прошелъ и лѣсъ пожегъ на корню.

— Что же онъ?

— А, забодай его комаръ, въ шею выгнать.

— Тебя-то, милліонщика? Какъ же ты это стерпѣлъ?

— Что-жь — дѣло торговое, стерпишь...

— Вы посмотрите-ка на Ѳедосѣева этого, обратился ко мнѣ Иванъ Степановичъ, когда лѣсопромышленникъ отошелъ на минуту. — Вы какъ думаете о немъ — мужикъ, по виду, самый послѣдній, а у него мильона два, у козыря у этого. Онъ одинъ, я такъ полагаю, по Камѣ больше лѣсовъ извель, чѣмъ всѣ заводчики вмѣстѣ взятые. Онъ какъ это дѣло ведетъ — явится къ лѣсническому и давай его охаживать, а какой народъ лѣсничіе — вы сами знаете... Ну, сторгуется и давай рубить. Сколько онъ этихъ казенныхъ участковъ извель...

— Да вѣдь ревизія бываетъ же?

— Какія тамъ ревизіи. Вся ревизія въ томъ и состоитъ, что прїѣдетъ небольшой, пообѣдаетъ, получить что ему слѣдуетъ, — и дальше, на слѣдующую получку. У насъ такіе участки есть, которые только числятся на бумагѣ, да на картахъ, а ихъ давно и слѣдъ простыль... и не пахнетъ. По тѣмъ мѣстамъ давно одинъ песокъ, гдѣ когда-то роши кудрявыя стояли... Самые осторожные — тѣ позволяютъ «расчищать лѣсъ», т. е. рубить не сплошь, а черезъ три-четыре дерева. Лучшія, разумѣется, по корень, а худыя пущай стоятъ. А то еще, когда палъ — такъ это очень выгодно. Лѣсничій отъ этихъ «божьихъ произволеніевъ» большія тысячи наживаетъ. Молонья сниметъ пяттокъ деревьевъ, а лѣсничій срубитъ ихъ на версту. Все равно: кто повѣрять станетъ? А то тоже есть еще гніющія на корню деревья, которое перезрѣетъ — его рубить надо. Вы посмотрите на пни этихъ, «сгнившихъ» какъ бы, лиственницъ... Крѣпкіе какъ камень. Этотъ Ѳедосѣевъ еще на какія штуки пускается. У него паутина вездѣ раскинута, и въ Питерѣ тоже. Узнаетъ онъ, примѣрно, что молодой заводчикъ какой въ Питерѣ закутился — деньги спустил. Онъ сейчасъ своимъ паучкамъ. — «Дай денегъ подъ большіе проценты»; тѣ даютъ. Прошелъ срокъ — векселя вдвое... А потомъ и самъ Ѳедосѣевъ является. «Такъ и такъ, вашъ векселекъ у меня?» — Погоди, голубчикъ, денегъ, нѣтъ! — «Ждать-то нельзя, мнѣ теперь надо лѣса покупать, контрактомъ обвязался поставить туда-то». — Да у меня ни гроша, говорятъ тебѣ!.. — «Ужъ вы не заставьте ко взысканію»... Сунется заводчикъ туда, сюда — никуда ему пути нѣтъ... Опять къ Ѳедосѣеву. А тотъ: «Да что вамъ, батюшко, съ лѣсомъ-то возиться. У васъ гниленькій лѣсишко есть... Я бы его взялъ за долгъ. Вы спросите

у вашего управляющаго, какой это лѣсшико; ему грошъ цѣна... Я ужь бы его такъ, что къ мѣсту очень близко». Спросить дуракъ у управляющаго, а тотъ уже стакнулся съ Ѳедосѣевымъ. — «Если есть покупатель, нужно скорѣй продать. Ничего этотъ лѣсъ не стоитъ». Такъ на сто тысячъ за какіе-нибудь десять и сбудутъ ему чудеснаго, крѣпкаго лѣса... И онъ-то, Ѳедосѣевъ этотъ, дуракъ!.. Коли бы онъ рубилъ съ толкомъ. Одно вырубилъ, другое оставилъ, исподволь — у него бы гораздо больше было, да и на будущее время тоже осталось, а онъ все сплошь. Хуже лѣснаго пожара пройдетъ. Тамъ хоть обгорѣлые стволы останутся, а отъ этого ничего. Сколько у насъ рѣкъ изъ-за этого Ѳедосѣева обмелѣло въ Камскомъ бассейнѣ — не сочтешь. Я это все про тебя, обратился мой спутникъ къ Ѳедосѣеву.

— Ругаешь меня, должно?..

— А какъ же тебя хвалить-то? не за что. Самый ты вредный человѣкъ.

— Я-то?.. Ты спроси, сколько я народу кормлю.

— Знаемъ мы твои кормы! Въ проголодь народъ живетъ, весь онъ у тебя въ кулакѣ зажать. Крѣпко ты его держишь.

— А какъ иначе? Распусти, попробуй. Все же я за нихъ и подать, и недоимку... и казнѣ отъ меня хорошо! Вонъ изъ Перми меня къ кавалеріи представили — святаго Станислава хотятъ навѣсить, а все за что — казнѣ пользу доставляю.

— А чиновникамъ-то еще большую.

— И чиновникамъ ѣсть-пить требуется. Ты думаешь, у ево, у чиновника, брюха нѣтъ — сдѣлай милость, какое еще. Младенцевъ у нихъ тоже понасыпано. Ты думаешь, онъ на царское жалованье прожить можетъ, да мадаму

свою одѣвать - обувать!.. Всѣ мы люди, всѣ человѣки. А вотъ какъ Ѳедосѣевъ на-лицò — ему и думать нечего. И младенцы евоные сыты будутъ, и мадаму онъ подкуетъ въ лучшемъ видѣ. Я и судьѣ дай, мировые-то нынче еще побольше берутъ, чѣмъ прежде. Прежде бывало съ десятой пришелъ — первый гость, а нынѣ, врешь! И съ радужной-то не сразу сунешься... А у насъ и такія язвы завелись, что и вовсе не клюютъ... Какую ему наживку не надѣвай — не идетъ на уду, хоть ты что хошь... Вотъ это точно что зловредные мигилисты... Опять же въ губерніи — тоже всѣмъ подай. Ты вотъ что умомъ разумомъ раскинь... Въ пользу бѣдныхъ у нихъ разныя генеральши собираютъ. Къ кому? — къ Ѳедосѣеву. Клубъ строили въ заводѣ, къ Ѳедосѣеву... Все я... не разорваться же мнѣ, — дѣло явственное.

— А у народа хлѣбъ плохо родится, а заработковъ нѣтъ — потому на заводѣ топлива мало — заводъ закрывается.

— Посмотрю я на тебя, совсѣмъ ты необстоятельный парень — Иванъ Степанычъ

— Что такъ?

— Ты подумай-ко, о чемъ ты говоришь... хлѣбъ плохо родится... отъ того, что я лѣса рублю?

— Вѣрно.

— Лѣса Богъ на потребу человѣку создалъ и рубить ихъ указалъ... А хлѣбъ не родится, потому нонѣ грѣха много стало. Вездѣ грѣхъ... Развѣ народъ нонѣ такой, какой прежде былъ? Оттого Господь и наказуетъ, неурожай ниспосылаетъ... Теперчи заводамъ не хватаетъ лѣсу, — опять потому, что Бога перестали знать... Иначе и Богъ бы возвращалъ лѣса сколько надобно. Ну, перестану я рубить, положимъ. Что-жь, Богъ безъ меня не найдетъ сред-

ствія покарать? Да онъ молоньѣй спалитъ лѣсъ и все едино останется заводъ безъ дровъ. Въ лѣсу всякая нечисть водится... Злодѣи куда укрываются — въ лѣса... Гдѣ больше всего убивствъ — въ лѣсахъ, гдѣ странному человѣку страшно — въ лѣсу. Ихъ и изводить-то не грѣхъ... То ли дѣло поле. Оно откровенное, на емъ все видать — зеленое стелется тебѣ... Смотрить на него Богъ сверху — и Богу весело... потому поле Божіе...

— А лѣсъ?

— А лѣсъ — нашъ, мы его и рубимъ. Молитесь, Господь вамъ такіе ли возраститъ лѣса... А вы Его всемогущаго забыли, да на меня жалитесь... А я что! я свое дѣло сполняю, да народъ кормлю. Ты узнай, сколько отъ меня жить-то пошло.

— Да, мошенниковъ здоровыхъ наплодилъ.

— Ихъ грѣхамъ я не отвѣтчикъ... Сколько храмовъ Божіихъ изъ моихъ лѣсовъ построено! На Каму выйдешь... бѣляна бѣжитъ — глядишь и радуешься. Изъ моего лѣса сердешная. На бѣлянѣ народъ, — бѣдовали бы вы, други, коли бы не срубилъ я вамъ бѣляны. Моимъ лѣсомъ и зимою грѣются, и лѣтомъ отъ стихій укрываются... Ты сначала пойми, какое это дѣло-то... Тутъ, братъ, не то что сразу рискнулъ умомъ и рѣшилъ... Коли бы еще баринъ сказалъ, — не обидно, а ты свой человѣкъ, торговый... ты меня этимъ словомъ какъ ушибъ-то...

— Ушибешь тебя!

— Отчего не ушибить... Всякій злой человѣкъ ушибить можетъ. Вотъ въ Екатеринбургѣ мировой судья есть ***. Слыхалъ?

— Какъ не слыхать!

— Ты послушай... Онъ человѣкъ умный... Что онъ

говорить: Ѳедосѣевъ всему Пермскому краю благодѣтель. Вотъ какъ умные-то люди!

— Этотъ ***, обратился ко мнѣ Иванъ Степановичъ, — прежде горнымъ чиновникомъ былъ... Звѣрь-звѣремъ. Просто злодѣйствовалъ въ своемъ округѣ. Пришли новыя времена, его въ Екатеринбургъ выбрали судьей... Вотъ онъ по одному дѣлу приговорилъ мужика къ штрафу и объявляетъ ему:

— Вы можете въ двухнедѣльный срокъ, если не довольны, обжаловать мое рѣшеніе.

— Кому же жаловаться-то?

— Принесите жалобу ко мнѣ, а я ее направлю въ съѣздъ.

— Къ тебѣ-то, да на тебя-то?.. И отвѣтчикъ изумленно уставился на него. — Лучше уже получай-ка! Зубы-то у насъ, слава Богу, не разъ считаны, знаемъ мы это, какъ на тебя жаловаться.

— Теперь, мой другъ, время не то...

— Коли ты сидишь да судишь — значитъ никакой перемѣны не будетъ... Это ты уже прости меня... Намъ-то ручки твои хорошо извѣстны. На, получай эту штраффу, Богъ съ тобою... И квитка не надо мнѣ, ну его къ Богу...

Въ Губахѣ было нѣсколько человѣкъ больныхъ, одного уже два мѣсяца трепала лихорадка.

— Надо бы въ Кизеловскую больницу отправить, да все некогда. У насъ земство ничего по заводамъ для народнаго здравія не дѣлаетъ. Вы какъ бы думали — съ Лазаревскихъ дачъ оно получаетъ ежегодно пятьдесятъ тысячъ рублей, а взаменъ даетъ намъ ноль. Только уже благодаря настойчивости управляющаго прислали намъ въ этомъ году въ Чермозъ акушерку. Тутъ по веснамъ народъ страсть мретъ. Особливо у Ѳедосѣева на лѣсныхъ

работахъ. Иному придется цѣлый день по поясъ въ водѣ, ну, прохватитъ морозъ — и кончено. Пища у нихъ плохая, одеженка тоже. Ночью согрѣться негдѣ — избушки-то на куриныхъ ножкахъ, сквозныя...

XXXVII.

По низовьямъ Косьвы. — Хлѣбопашество. — Косьвинскія бабы. —
Мѣстное преданіе о бабѣ-разбойницѣ.

Хлѣбопашество начинается верстахъ въ восемнадцати ниже Губахи, да и то плохое. Сѣютъ, только для подспорья при заводскихъ работахъ, ячмень и овесъ, ржи совсѣмъ мало. Въ двухъ деревняхъ, по лѣвому берегу — Майковой и Тихой — хлѣбъ родится ничего, такъ что изъ своего хватаетъ до Масляной, на остальное время года нужно прикупить. Поля тутъ окаймлены лѣсами, защищающими ихъ отъ непогодъ: часто посреди нивы подымаются нарочно оставленныя «для красы» пихты. Эти же сѣверные кипарисы и въ самомъ селѣ Малковѣ торчатъ между избами, придавая много оригинальнаго жалкой деревушкѣ. Ранѣе Малковой мы оставили за собою Плоскую, Шестаковку, Кедровку и Сонливу. Эти жалкіе выселки похожи на становища переселенцевъ, устроившихся въ новыхъ мѣстахъ не совсѣмъ, а такъ, для опыта, что-де изъ этого выйдеть. Очевидно, здѣсь скудно живетъ населенію. «Рыбой живемъ — да рыбы мало. На заводъ ходимъ, когда

работа есть, а то по лѣсамъ уголь жжемъ». Видимо — ничего опредѣленнаго. Косьва тутъ разливается по веснамъ и зачастую сноситъ прочь гнилыя избы, останавливаясь только передъ громадными утесами праваго берега, которые снизу до верху выдвинули точно какія-то ребра. Всѣ они изъ пермскаго песчаника. Въ горныхъ лѣсахъ на каждомъ шагу слышны дятелы.

— Опрятная птица! замѣчаетъ мой Иванъ Степановичъ.

— А что?

— Да не только за собой ходить, но и дерево чистить, червя выклевываетъ...

— Нужно ѣсть что-нибудь!..

Проплыли мы мимо Брюханова, Малкова. Ни одной церкви по всей рѣкѣ до сихъ поръ, только въ тѣни красивыхъ роцъ поставлены часовни. Болѣе усердные крестьяне и безъ попа устраиваютъ общія моленія въ часовняхъ по субботамъ и праздникамъ, и то, впрочемъ, старики. Молодежь въ часовню не заманишь. Ей нѣкогда. Нужно работать. Здѣсь если не потрудишься — такъ и ѣсть нечего. Съ жиру не бѣсятся!.. И погулять-то имъ не удается... По заливнымъ островамъ косятъ траву исключительно бабы... Изумленно оглядываютъ онѣ меня, видимо посторонній чело-вѣкъ въ этой глуши — диво дивное.

— Купца везешь?.. орутъ онѣ Ивану Степановичу.

— А что у васъ, продать есть что?

— Самихъ себя, другъ любезный... Почему съ пуда платите?

— А вы почему нонѣ ходите? отщучивается мой спутникъ.

— А цѣна по покупателю. Съ молодаго дешевле, а съ тебя, стараго да неладнаго, дороже.

— Тутъ у насъ баба бойкая! замѣчаетъ Иванъ Степановичъ; — она тебя языкомъ забодаетъ.

— А на дѣлѣ?

— Совсѣмъ другая статья. Послушай-ка: подумаешь развратъ, а ты попробуй, приступи. Ни за деньги, ни такъ... Еще есть дѣвки, которыя шалютъ, а баба знаетъ своего мужа и больше никого...

— Плывите сюда! кричатъ намъ съ другаго заливнаго острова.

— Зачѣмъ?

— У насъ мягко... Ишь травы сколько накосили... Есть гдѣ поспать.

— Экія вы бабы смѣлыя.

— Ты выйди-ко, мы тебѣ покажемъ, какая у насъ такая смѣлость. И грозятся издали косами, пересмѣиваясь между собою. — Ишь у тебя чиновникъ заснулъ совсѣмъ, дава-ко-съ его сюда... Мы его развеселимъ. А то онъ у тебя, что дятель, опустилъ носъ, да и пыжится. Ты ему распусти-ко хвостъ... Соли ему насыпь, чтобы онъ по форсистѣй былъ...

Столь непочтительныя замѣчанія на мой счетъ заставили меня отъ души хохотать.

— Вы еще такихъ дамовъ не видѣли.

— Всякихъ видѣлъ! На сѣверѣ и похуже.

— Это почему?

— А ругаются прямо... Родителей до третьяго восходящаго колѣна потревожатъ.

— Ну, вотъ погодите, на низъ поплывемъ, такъ вамъ бабы и не такія еще встрѣчи устроятъ. Вы эту бабу весной посмотрите. Тутъ изъ Малкова, да изъ Брюханова мужики всѣ на сплавъ желѣза, чугуна, да руды всякой уйдутъ — бабамъ тогда воля вольная. Вы ихъ тогда по-

слушайте. Подумаешь къ пьянымъ попалъ, а онѣ только что душу отводятъ.

Совсѣмъ населенными мѣстами поѣхали. Картина измѣнилась. Недавнее величавое молчаніе красивыхъ окрестностей пустынной Косьвы уступило мѣсто жизни и движенію. Гдѣ сель нѣтъ — тамъ по рѣкѣ рыболовы скользятъ на своихъ челнокахъ, по широкимъ плесамъ — сѣтями рыбу тащатъ... На солнцѣ блестятъ чайки, эти всегдашнія спутницы рыболова... По островамъ, гдѣ людей нѣтъ, гомонить всякая птица. Задорно орутъ о чемъ-то зяблики. Одна другой выкрикиваютъ что-то безъ устали.

— Ишь, птаха тоже... Махонькая, а какъ наговариваетъ... Озорная!.. замѣчаетъ гребецъ.

Вонъ мужики на берегу... Эти держутъ себя солидно, не то что бабы.

— Дождика дай-то Богъ — вамъ! На травку-то, на мяконькую кричитъ нашъ лощманъ...

— Тихой погоды вамъ, отзываются тѣ, провозжая глазами быстро скользящій челнокъ.

Горы только съ одной стороны тѣснятся. Другая вся въ кустарники ушла. Гладью легла... Далекое окидываешь ее взглядомъ. Послѣ недавняго безлюдья — сель точно насыпано. Одно уйдетъ изъ глазъ, смотришь — другое выдвигается... И избы пошли уже чѣмъ ближе къ Камѣ, тѣмъ лучше. Видимо, народъ зажиточнѣе. Тутъ уже періодъ колонизаторства пережитъ, тутъ люди осѣли прочно на вѣки. Отсюда они не тронутся никуда. Подъ Краснымъ сплошь цѣлыя горы подъ нивами. Вонъ по нимъ вѣтерокъ волной бѣжитъ. Вонъ рѣдкая по этому краю рожь тоже клонится подъ легкимъ вѣяніемъ жаркаго сегодня воздуха. Такъ жарко, что я мокрымъ платкомъ голову обвязалъ. То и

дѣло мочимъ водою лицо. Томить знойное солнце, радъ бы Богъ знаетъ куда уйти отъ него...

— Большая лодка намъ на-встрѣчу. Бабы гребутъ со-всѣмъ по-поморски; грудью на весла наваливаются. Лодка быстро движется отъ этой ловкой, мѣрной гребли. Лица вспарились.

— Эхъ вы, работницы! иронически встрѣчаетъ ихъ лоцманъ.

— Молчи, чортова кайла! весело отзывается одна изъ бабъ.

— Тебѣ бы мутовкой кашу мѣшать, а ты весла взяла, дура несуразная.

— Вотъ лопану тебя мутовкой этой по лбу... ты у меня станешь трогаться... Иродъ!.. погрозила она ему ве-сломя

— Псой пропахли.

— Ахъ, ты... И тутъ въ воздухѣ повисла такая мѣткая и въ то же время неожиданная ругань, что не только я, но и лоцманъ ротъ разинулъ.

Минуты двѣ мы проплыли въ нѣмомъ молчаніи.

— Ну и бабы!.. Наконецъ разразился лоцманъ.

— А что, не вкусно?

— Да... Эта баба, братъ, отзвонить... лучше попа...

— Косьвинская баба мужика загоняетъ, тутъ баба вострая.

— Ишь какія онѣ... уязвительныя! никакъ не могъ успокоиться лоцманъ.

— Это никакъ иначе — съ Колотовской.

— Почему? спросилъ я.

— А потому, что другой бабѣ такъ не выругаться. Ко-лотовскія мастерицы на это!..

Иной разъ случается на Косьвѣ — ругаются, ругаются

двѣ лодки, изъ коихъ на одной мужики гребутъ, а на другой бабы, да въ серьезъ раздерутся. Веслами другъ друга позатылкамъ поглядятъ, а то и такъ, ради смѣха, возьмутъ да и опрокинутъ лодки одни у другихъ.

— Вѣдь такъ и утонуть можно?

— Зачѣмъ. Нашу бабу силой не утопишь... Нашу бабу вода не беретъ.

— У насъ бабы особыя. Вы когда нибудь слышали про камскую Фелисату.

— Нѣтъ.

— Великая атаманша была... Если вѣрить старикамъ — она и на Косьѣ пошаливала.

— Расскажите пожалуйста. Я записываю все подобныя легенды. На Волгѣ мнѣ удалось собрать нѣсколько такихъ про тамошнихъ разбойницъ.

— Былъ одинъ попъ, въ Усольѣ жилъ, — давно ужъ это! Можетъ, двѣсти лѣтъ назядъ, а можетъ и триста! Женился этотъ попъ на работницѣ своей; изъ Орла-городка пошла она къ нему въ услуженіе. Дѣвка была красивая, здоровая, а силы такой, что разъ переодѣлась парнемъ, да на бой съ солдарами и вышла. Тогда въ Усоли по праздникамъ бои бывали. Пристала къ партіи, которая послабѣй, и всѣхъ одна осилила. Женился на ней попъ и стали они ссориться. Только разъ Фелисата эта ушибла его такъ, что онъ уже не вставалъ больше. Ну, попа похоронили съ честью, хотѣли было Фелисату взять — не далась: кто съ такимъ чортомъ справится? Наконецъ, стрѣльцовъ пригнали, — сонное забрали ее — посадили, она въ тую-жъ ночь высадила ворота въ острогъ и не только сама ушла, но и всѣхъ колодниковъ за собой увела. А въ тоѣ поры на Камѣ у самага Усоля нарядная строгановская ладья стояла. Съла Фелисата съ колодниками

на ладью, отвезла ихъ въ Орель-городокъ *) и отпустила на всѣ четыре стороны. «Идите, братцы — промышленяйте вольнымъ разбойнымъ дѣломъ. А вотъ вамъ и запретъ: воеводъ и купцовъ хоть въ Камѣ топите, а, только мужика у меня чтобъ не трогать... А кто мужика тронетъ — того и я не помилую»... Опослѣ того забрала она двухъ своихъ сестеръ изъ Орла-городка, переодѣлась съ ними парнями, накупила себѣ оружія всякаго и стала по всей Камѣ плавать... Гдѣ прослышитъ, что есть сильная баба либо дѣвка, сейчасъ къ себѣ сманитъ. Такъ она большую шайку собрала, бабъ съ полсотни у ней было. Нашли онѣ себѣ пещеры, убрали ихъ коврами персидскими, утварью разною и положили промежду собой такой завѣтъ, чтобы все поровну дѣлить и чтобъ отнюдь къ себѣ мужчинъ не пускать... А на ту пору изъ Сибири караванъ съ царскимъ золотомъ по Камѣ шелъ. Прослышала о немъ Фелисата и на легкихъ стругахъ кинулась по слѣду. Подъ Оханскимъ нагнала, перебила всѣхъ стрѣльцовъ, что съ караваномъ шли.. Изъ Оханска хотѣли имъ помочь подать, она помочь отогнала, а оханскаго воеводу на берегу повѣсила. Потомъ забрала награбленное и ушла въ свои пещеры... Пять годовъ бушевала она такъ-то — ни купцу, ни царскому приставу ходу по Камѣ не было. Ежели кого начальство либо хозяева обижали, сейчасъ къ Фелисатѣ шелъ. Она разбирала по всей правдѣ. Князя одного розгами выскла, гунчурскаго купца вверхъ ногами повѣсила. Въ Сарапулѣ воевода одинъ былъ — ладился поймать ее... Всѣмъ своимъ хвастался — уже запру же я ее въ клѣтку желѣзную. Она одна-къ нему пріѣхала... «Запирай, говоритъ, хочу посмотреть я, какъ это ты съ бабой совладаешь».

*) Орель-городокъ — село на Камѣ.

Ну, у того отъ страху языкъ отнялся. Только потому она его и помиловала. Разъ она прослышала, что на Чусовой проявился разбойникъ одинъ и себя за ее выдаетъ. А разбойникъ этотъ больно простой народъ-чернетъ обижалъ. Фелисата на мужицкихъ вороговъ накидывалась, а онъ мужика грабилъ да тѣснилъ. Дани ея именемъ собиралъ. Послала она къ нему свою подручную, ой уймись-де... А подручная была собой красавица писанная. Разбойникъ ее не пожалѣлъ — обидѣлъ; тутъ и поднялась Фелисата сама, собрала всѣхъ своихъ и вызвала его на открытый бой. На Чусовой они и дрались. Два дня дрались, на третій она полонила его, собрала по берегу всѣхъ кого обижалъ онъ, велѣла большой чугунный котель принести, связала его, да живьемъ и сварила... Съ тоё поры и камская вольница противъ ее ничего не могла... И стали всѣ .ее бояться и уважать...

— Чѣмъ же она кончила?

— Разное... Одинъ говоритъ — спокаялась и въ Сибирскихъ предѣлахъ, въ Бѣловодѣ, большой монастырь женскій поставила и сама игуменьей была, а другіе толкуютъ, будто тѣсно ей на Камѣ показалось и ушла она на Волгу.

— Подъ Казанью рассказываютъ, что дѣйствительно одна атаманша съ бабьей шайкой на Волгу съ Камы явилась.

— Вотъ-вотъ... только на Волгѣ, будто, занимался тогда вольнымъ промысломъ Стенька Разинъ. Послалъ, будто, къ ней пословъ Стенька, желаю-де пожениться съ тобою, чѣмъ намъ розно, лучше вмѣстѣ жить. Ну, она и говоритъ — «если побѣдишь меня — бери. Твое счастье». И стали они биться. Семь дней бились, никакъ одинъ другаго взять не могли... Тогда Стенька и слукавилъ. Гово-

рить: «не можетъ этого быть, чтобъ ты бабой была, потому, гдѣ твои косы?» А у нея коса подѣ шеломъ запрятана была, только она показала ему косу, а коса у ей по землѣ волоклась, онъ и схватилъ за нее... Схватилъ, закрутилъ на руку — и побѣдилъ Фелисату. А послѣ они поженились и Персію вмѣстѣ воевать ходили...

— Да имѣетъ ли дѣйствительный смыслъ эта сказка?.. Было ли что нибудь подобное?

— Это насчетъ чего же?

— Случалось ли, чтобы бабы въ Пермской губерніи когда-нибудь разбойничали?

— Въ демидовскихъ владѣніяхъ ста полтара лѣтъ тому назадъ была Марья, одна лиховала; у Всеволожскихъ лѣтъ семьдесятъ назадъ тому одна баба тоже разбоемъ занималась!..

Деревни за деревнями смѣнялись по обоимъ берегамъ. Только два села попалося намъ побольше. Вотъ Фетиновка. Трудно глаза оторвать отъ нея — такъ она красива... Сползаетъ съ одной горы, заполняетъ лощину и опять взбирается на скатъ противоположнаго края. Горы мало-помалу отступаютъ. Силуэты ихъ точно висятъ надъ зелеными понизьями. Кое-гдѣ по гребнямъ отдаленныхъ вершинъ словно ласточкины гнѣзда лѣпятся деревнюшки... Вотъ одна прислонилась къ кручѣ, на вѣсу вся. Такъ и кажется, что первымъ вѣтромъ снесетъ ее прочь...

— Отчего внизу не строятся они?

— Нельзя, Косьва заливааетъ все. Вода ярая въ ней веснами. Иной разъ такъ пойдетъ, что отъ деревни бы и слѣда не осталось. Не нашли бы гдѣ и была она...

За Кушгородомъ Косьва воложками пошла. То и дѣло дробится на рукава, точно ей каждую пядень земли этой по всѣмъ сторонамъ обласкать хочется.

— Это на Волгѣ воложками зовутъ, замѣчаетъ мнѣ Иванъ Степановичъ.

— А у васъ какъ?

— У насъ проточины эти — заостровками зовутся.

Совсѣмъ время стоитъ какое-то несурзное. То печеть, то вдругъ налетитъ туча, грянетъ громъ, оболеть дождемъ какъ изъ ведра, а черезъ минуту солнце опять жарить еще пуще, такъ что не знаешь, что дѣлать: лечь ли мертвымъ трупомъ на дно лодки, или броситься за бортъ въ Косьву... Каждый часъ мы купались, но спустя нѣсколько минутъ всякій разъ намъ становилось еще душнѣе, еще невыносимѣй...

— На водѣ здѣсь всегда такъ жжетъ! отозвался лоцманъ.

— Погодите дальше, пятнами по тѣлу пойдутъ ожоги...

Я было усумнился.

— А вотъ завтра увидите...

— Да что же это — Астрахань, что ли?

— Нѣтъ, не Астрахань, а Косьва... Почище Астрахани истомить... Пекло такое!..

Первую церковь мы встрѣтили у села Пермскаго... Еще издали замѣтили ея массивный бѣлый силуэтъ у самой воды... Кругомъ превосходныя постройки. Видно, что народъ живетъ зажиточно. Поля на десятки верстъ раскинулись кругомъ. Здѣсь, сравнительно, сѣется много хлѣба и урожай чудесный. Кому нельзя дома прокормиться, тотъ идетъ заготовлять дрова для Чермоза или Кизела, а то и на заводскую работу нанимается... Самое село разбросалось на большое пространство кучками. Тутъ группа избъ — въ полуверстѣ другая группа, а тамъ третья... Такихъ группъ мы насчитали до двѣнадцати... А вдалькѣ мерещились еще и еще. Бабы здѣсь совсѣмъ безцеремонны.

Насъ съ берега обдавали такими любезностями, что даже привычный Иванъ Степановичъ и тотъ диву дался.

— Ну, однако!.. только и могъ проговорить онъ.

Зато, только-что мы причалили и вышли на берегъ, перемѣна декорацій полная. Еще минутоу назадъ ругавшіяся дѣвки застыдились и даже стали закрываться рукавами. Попробовалъ было имъ лоцманъ напомнить нѣкоторыя подробности ихъ же собственнаго словаря — онѣ и вовсе разбѣжались!.. Никого я по всему этому краю не встрѣтилъ въ лаптяхъ. Пермскій мужикъ всегда въ исправныхъ кожаныхъ бахилахъ, которыя сотнями тысячъ заготовляются въ Сарапулѣ, на Чусовой и въ Кунгурѣ. Отсюда ихъ развозятъ во всѣ захолустья... Даже въ Вологду — въ какой нибудь Кадниковскій уѣздъ идутъ онѣ...

— Передъ этимъ Пермскимъ селомъ каждую весну несчастія съ барками.

— Шибко тонуть.

— Въ маѣ между двумя барками расплющило мужика... Такъ, чтобы вынуть трупъ, пришлось вырѣзывать часть стѣны въ одной изъ нихъ.

— Что же онѣ, разойтись не могли?

— Куда тутъ разойдешься, когда разомъ цѣлый караванъ собьется. Чтобы понять, какая это кутерьма, нужно здѣсь самому быть. Иначе и представленія болѣе или менѣе вѣрнаго себѣ не сдѣлаете. — Вотъ пріѣзжайте къ намъ весной. Тогда вы нашу кормилицу Косьву — не узнаете.

XXXVIII.

Село Пермское (Никольское тожъ). — Бабы на рыбной ловлѣ. — Привилегированная птица. — Село Филагоино. — Свободная любовь. — Неплательщики.

Въ Пермскомъ селѣ даже роскошь замѣтна. Есть хорошія крестьянскія избы съ росписанными голубцами, красными и желтыми цвѣтками фантастическаго рисунка. Около оконъ устроены затѣйливыя шкапики того же пестраго письма съ набойкой на полатяхъ. Кое-гдѣ просто по стѣнамъ росписано наивною кистью.

— Кто это у васъ искусникъ такой?

— Изъ села Нижегородки одинъ ходитъ. Да что, мы его нонѣ къ себѣ не пуцаемъ.

— Что такъ?

— На дѣвокъ больно лихъ. Сколько онъ у насъ перекастил ихъ, страсть.

— Да вѣдь у васъ на этотъ счетъ не особенно строго. У васъ баба должна остерегаться, а дѣвка вольный казакъ.

— Точно это, а только водись со своими парнями. У

насъ такого заводу нѣтъ, чтобы съ чужими. Чужой за себя не возьметъ — онъ перервалъ ей горло и прочь, а свои поженятся.

Въ крестьянскихъ избахъ до пропасти картинъ судальскаго дѣла навѣшено. Видимое дѣло люди со вкусомъ живутъ, и не объ единомъ хлѣбѣ заботятся. Особенно популярна обтянутая въ трико дама съ громаднымъ шиньономъ, катающаяся на велосипедѣ, тысячелѣтіе Россіи и еще одна картинка совершенно фантастическаго содержанія, гдѣ подъ ногами у коня съ зеленымъ генераломъ въ сѣдлѣ проходитъ процессія митрополитовъ и архіереевъ.

— Что это обозначаетъ?

— Торжество!

— Какое?

— А бѣсъ его знаетъ.

Тутъ въ нынѣшнемъ году (1876) какъ съ весны за сѣль тифъ, такъ и до сихъ поръ держится. Народъ мретъ отъ него — врачебная помощь совсѣмъ безсильна. Наѣзжалъ фельдшеръ, но онъ, съ недѣлю позанявшись легкомысленнымъ поведеніемъ, убрался во свояси; доктора нѣтъ. За всѣхъ за нихъ лечитъ какая-то баба, даетъ пить воду съ трехъ угольевъ, шепчетъ какія-то «тайныя слова» по зорямъ и паритъ больныхъ въ банѣ. Больные послѣ всѣхъ этихъ хлопотъ о ихъ здоровіи «дохнуть, хоть ты что хошь».

— У насъ, братъ, согласно помирають, не то что съ упирательствомъ; у насъ такъ — помирать, такъ помирай. Мы этого нисколючко не боимся. Иному-то и помереть лестно, потому — одѣнуть его во все чистое, воють надъ нимъ, честь честью — ну, онъ и понимаетъ это!.. А наши бабы точно что отъ кашлю могутъ, отъ трясавицы могутъ, а отъ синеи болѣзни — никакъ.

— Почему же эта болѣзнь синяя?

— Потому — человѣкъ весь поглубѣеть... Весь въ синее пятно пойдетъ... Это у насъ каждую весну шибко держится болѣзнь... Ишь до самаго до лѣса дотянулась... Все отъ рѣки. Бѣдушшая наша Косьва рѣка. Другія рѣки смиренныя есть, а наша буйная, ярая... кормилица! А что толку въ смиренствѣ? Смиренъ пень, да что въ немъ?

Мѣстный типъ совершенно иной, чѣмъ въ верховьяхъ Косьвы. Съ Пермскаго села начиная, живетъ здѣсь народъ рослый и сильный. Плечи широкія, хребты могучіе. Пермскіе на заводахъ любятъ работу при кричныхъ печахъ, вообще открытую, на землѣ. Въ рудникъ подъ землю пермскаго никакъ не заманишь. «Послѣднее это дѣло отъ солнышка хорониться. Мы не черви, чтобы въ землю заползать. Человѣку указано на землѣ жить».

Мягкія зеленыя луговины стелются отсюда вдоль рѣки, особенно по лѣвому берегу — уходятъ они въ необозримую даль. По сочнымъ низинамъ торчатъ пихты; мерещатся богатыя нивы по отлогимъ скатамъ тамъ, гдѣ земля едва всхолмливается... Гдѣ-то далеко, далеко, нѣтъ да и примерещится смутный силуэтъ одиноко стоящей горы. А тамъ, смотришь, и цѣлый кряжъ, — точно какая-то тучка застоялась на горизонтѣ... Мы отплыли изъ Никольскаго (Пермскаго) къ вечеру... Солнце склонялось-склонялось къ западу, да и пропало не дойдя до горизонта.

— Неужели сѣло уже?

— Не должно по времени. Въ мороку, надо быть, ушло.

Въ синихъ сумеркахъ вечера тонутъ понизи... Берега тальникомъ заросли. Вдали густится «морокъ», а что въ немъ — не разглядишь. Вѣтромъ съ луговъ пахнуло — медомъ запахло.

— Ишь какъ обноситъ! Чудесно!

— Пчель держите?

— Нѣтъ... Медомъ мы не занимаемся. Гдѣ намъ! Некогда, да и морозы большіе и долги — до медовъ ли тутъ. У насъ пчела не живетъ!.. Тутъ поправѣй надо взять, ишь намывная мель. Косьва за эту весну мелкаго камня сюда наворочала до страсти!

Мель всползла, наконецъ, по верху воды. По мели груды бурой руды разбросаны.

— Что же это такое?

— А барки здѣсь весною здорово било. Ну, вотъ какую руду успѣли спасти, сгребли сюда!.. завтра быть хорошей погодѣ — ишь птаха, какъ она разыгралась, — прибавиль онъ, немного помолчавъ.

Ласточки взмывали все выше и выше... Рѣка тянется спокойными плесами; несмотря на трудные и капризные извивы — вода точно расплавленная тяжелая сталь — не шелохнется... Гуще пахнетъ медомъ съ далекихъ луговъ — должно быть, сплошь затулило ихъ ароматными цвѣтами. Вотъ направо маленькій выселокъ. Бабы по поясъ въ водѣ тянутъ неводъ... Мы плывемъ близко-близко... На поверхности рѣки въ чертѣ невода булькаютъ харіусы, головли... «А это вонъ щеклея мечется — замѣчаетъ лоцманъ, показывая на юркую рыбу, перемахнувшую черезъ край невода. — Она завсегда уйдетъ».

— Эхъ ты, матка, рыбину-то опустила!

— Довольно и безъ нея... Каждому жить хоцца!..

— Нѣтъ, которая рыбка справедливая, та завсегда въ уху согласна... Она такъ въ неводѣ тихо себя дѣржитъ. Не шелохнется!.. А эта, щеклея, завсегда такая лукавая. Отъ ей пользы мало!..

Бабы давно уже остались позади съ своимъ неводомъ. Сумерки вечера густились все больше и больше. Вонъ едва-

едва выдѣлились изъ нихъ тесовыя кровли села Веселкина. Рыбачье и земледѣльческое — весь берегъ передъ нимъ усянъ лодками да челнами, земли не видно, а по объясненію гребцовъ веселкинскія поля такъ далеко идутъ, что ихъ и глазомъ не окинуть... Тутъ и караванничаютъ, по Косъвѣ и по Камѣ.

— Богаты веселкинскіе?

— Богаты, богаты и все на заводахъ работаютъ.

— Какъ не работать, подать заробить надо, изъ-за подати идутъ на заводъ. Зато имъ хлѣба своего хватаетъ отъ урожая до урожая... Не то что у насъ въ верховьяхъ... Здѣсь народъ не заморень...

Хорошее понятіе о богатствѣ: хлѣбъ есть, значитъ богаты. Веселкинцы, какъ и по всей Косъвѣ, не продаютъ своего хлѣба на сторону — самимъ надо. Поужнѣ, у устьевъ, торгуютъ хлѣбомъ, но тамъ въ послѣдніе десять лѣтъ кулаки завелись и излишекъ хлѣба поэтому сталъ не источникомъ крестьянскаго богатства, а напротивъ, поводомъ къ мужицкой нищетѣ. Кулаки и въ Веселкино забирались, но народъ здѣсь имѣетъ нѣсколько промысловъ и заводы подъ бокомъ, такъ что мироѣдамъ пришлось не сладко и они убрались прочь. Кромѣ того, въ Веселкинѣ и не настолько дисциплинировано населеніе, чтобы ему можно было на шею сѣсть.

— Веселкинца не обидишь!

— Почему это?

— Потому онъ у мироѣдовъ избы палить. Веселкинцы на всякую отчаянность пойдутъ. Тутъ народъ храбрѣрь. Ему что, ему все равно. Ивана Артемьева въ раззоръ раззорили. Сталъ онъ ихъ кабаками донимать. Они и пропились было, а потомъ и кабаки да и домъ у Артемьева пожгли. Такъ онъ ни съ чѣмъ отъ нихъ и ушелъ. Тутъ

и противъ начальства если пойдутъ, ничего съ ними не подѣлаешь... Силой съ начальствомъ нельзя, потому силы у начальства больше, такъ Веселкинцы, какъ и прочіе по Уралу, чуть что — сейчасъ бѣлые такіе кафтаны повздѣваютъ, на горку выдутъ и объявляютъ: мы де не плательщики, не хотимъ ни податей, ни мірскихъ сборовъ платить... И какъ только объявятся у насъ неплательщики, ничего ты съ ними не подѣлаешь, пори его, въ землю рой, въ Сибирь сошли, ни копѣйки не дасть. Тутъ по заводамъ, гдѣ мужикъ раззоренъ — этихъ неплательщиковъ много. Всѣмъ селомъ въ неплательщики идутъ. Взять съ нихъ нечего — скота нѣтъ, имущества никакого, избы сами на дрова пожгли... Молятся да бѣлые кафтаны носить.

Наивное описаніе «неплательщиковъ», сдѣланное моимъ лоцманомъ, оказалось вѣрнымъ. Неплательщики, главнымъ образомъ, объявляются тамъ, гдѣ народъ раззоренъ до тла безработицей, или гдѣ и есть работа, да заводское управление неисправно въ расчетѣ. Народъ отказывается работать; налетаетъ начальство «усмирять бунтъ» и къ ужасу своему видитъ толпу совсѣмъ спокойную въ бѣломъ, заявляющую, что отнынѣ они неплательщики, и тутъ уже дѣйствительно — пори на смерть, а толку не добьешься. Неплательщики эти имѣютъ даже религіозную подкладку... О нихъ мы скажемъ впоследствии, когда очередь дойдетъ до Чусовой.

Изъ затончиковъ то и дѣло выплываютъ лебеди. Самецъ неизбѣжно впереди, самка за нимъ рядомъ съ дѣтенышами.

— У насъ ихъ не бьютъ. Убьешь лебедя, другой надъ этимъ самымъ мѣстомъ недѣлю, а то и весь мѣсяцъ плакать будетъ, на слѣдующій годъ опять прилетитъ туда же и снова плакать начнетъ. У насъ ихъ жалѣютъ. За нихъ и Богъ наказываетъ.

Тутъ вѣрятъ, что убить лебедя — значитъ накликасть на себя большое несчастье. Одинъ охотникъ, будто бы не вѣря этому, застрѣлилъ лебедя, а у самого жена умерла сейчасъ же. Онъ взялъ другую и опять какъ-то на промыслѣ не удержался, убилъ птицу — и вторая жена тоже умерла. Онъ женился въ третьей — съ нимъ повторилась та же исторія...

— Жаль, петербургскіе мужья не знаютъ столь простаго и легкаго средства, замѣтилъ я Иванъ Степановичу.

— А что?

— Они бы живо собрались на Косьву лебедей бить! И просто, и хорошо, и совѣсть спокойна.

Выгибая длинныя граціозныя шеи надъ водою, дикіе лебеди плыли мимо насъ, не сворачивая въ сторону. Кажется, совѣмъ неподвижны они, а между тѣмъ живо оставили за собою позади нашу лодку.

— Въ Верхневьянскомъ округѣ водится такой обычай (крестьяне между собою постановили): кто убьетъ лебедя, того въ волостное правленіе и драть.

— И дерутъ?

— Еще какъ.

— Значить, повѣрье исполняется неукоснительно. Убьетъ лебедя и сейчасъ же несчастье накликаетъ.

— Въ Тагилѣ про одного изъ Демидовыхъ рассказываютъ (кажется, про дѣда нынѣшняго): привезъ онъ себѣ изъ Питера любовницу, красавица была, и сталъ съ ней жить гдѣ-то въ Невьянскѣ, что ли... Только разъ пошелъ онъ на охоту, пробродилъ цѣлый день, ничего не удалось ему убить, озлился онъ, а тутъ на него лебедь бѣлая какъ разъ и выплыла. Онъ приложился да прямо въ грудь ей... Ну, лебедь шею склонила, готова!.. Приходитъ Демидовъ

домой, а прислуга бѣгаетъ вся ополоумѣвши. Ни на комъ лица нѣтъ.

— Что случилось? спрашиваетъ.

Никто доложить не смѣетъ. Только одинъ выискался, палецъ на колѣно.

— Великое горе!..

— Да что такое?

— Часъ тому назадъ невидимо откуда выстрѣлили въ барыню!.. Прямо въ грудь ей попали... На смерть!..

— Кто?..

— А неизвѣстно... Вдругъ точно сверху ударило.

Бросился къ ней Демидовъ, а у той подъ правую грудь ранка и кровь изъ нея сочится... Онъ и понялъ, въ чемъ дѣло. Разумѣется, сказка, но сказка характерная и нелишенная своеобразной поэзіи. И Ермака припутываютъ тоже къ этимъ преданіямъ о лебедяхъ. По Чусовой когда Ермакъ подымался, такъ лебедь ему показывала дорогу, впереди плылъ, гдѣ отмели или камни, лебедь въ сторону сворачивала и атаманъ тоже забирала стороной. Поэтому по всему Уралу теперь лебеди въ большой милости. До нихъ никто не дотронется. И въ такихъ заводьяхъ водятся они здѣсь охотно, прилетая каждый годъ на знакомое мѣсто...

Ночь окутала насъ своимъ сумракомъ. Съ береговъ кое-гдѣ свѣтили огоньки. Коростели скрипѣли въ тальникѣ, гагары завели болтовню въ тихихъ заводьяхъ, рѣзкій крикъ лебедя порою покрывала ихъ. Гдѣ-то издали слышенъ былъ словно плачущій окрикъ бѣлоголоваго орла-скопы.

На ночлегъ мы приворотимъ въ Филагино. Тамъ хорошія избы есть.

— У нихъ нонѣ все пожары, сказываютъ, жгутъ филиагинцевъ.

— Кто?

Мало ли злаго человѣка.

Пристали, вышла на берегъ. Прямо большая, красивая изба въ два этажа выведена, хозяйка ведетъ наверхъ, въ чистыя комнаты. На стѣнахъ изъ хвостовъ рябчика звѣзды сдѣланы, висятъ для красоты. Съ потолка болтаются деревянные голуби. Крылья и хвосты приклеены къ нимъ изъ лучинокъ. Самые голуби выкрашены въ голубую и красную краски. Въ окна доносятся пѣсни. Парни и дѣвки за селомъ собрались.

— У нихъ теперь до утра веселье пойдетъ, объясняетъ намъ хозяйка.

— Послѣ работы?

— Да нонѣ косили. А вечеромъ хороводы. А потомъ каждый свою возьметъ и въ лѣсъ. Дѣло молодое! У меня тамъ двѣ дочки съ своими парнями.

И все это говорится совершенно спокойно. Видимое дѣло, сама молода была — такъ же поступала.

— Ты бы намъ, Марья, сѣна сюда послала.

— Чего?.. Точно ушамъ своимъ невѣря, переспросила хозяйка.

— Сѣна.

Зачѣмъ?

— Спать чтобы мягче.

— Въ горницу-то, да сѣна... А!.. Это можетъ кровать по вашему... недоумѣваетъ она.

Пояснили ей...

— Нѣтъ, какъ это можно, горницу сѣномъ поганить, сѣно въ хлѣвахъ, да на сѣновалахъ лежитъ! Комнату сѣномъ поганить нельзя...

Едва-едва удалось уговорить ее... Всю ночь намъ слышались пѣсни. Замрутъ въ одномъ мѣстѣ, слышишь —

заводятъ ихъ въ другомъ... Изъ лѣсу тоже неслися онѣ, съ той стороны Косьвы тоже кое-какъ долетали до насъ отзвучія молодыхъ голосовъ... Здѣсь, въ Филагинѣ, и всего чаще въ этомъ домѣ, останавливаются караванщики. Около ежегодно рѣка барки бьетъ! Они идутъ сюда. Вслѣдствіе этого и нравственность здѣсь не особенно высоко стоитъ. Въ Пермскомъ наблюдаютъ, напримѣръ, чтобы дѣвка съ своимъ парнемъ путалась, а чужой не тронь. А въ Филагинѣ все равно, свой ли, чужой ли. Отъ чужаго еще лучше — больше прибытку. Дѣвственность — не ставится ни во что и теряется очень рано. И не таятся совсѣмъ. Молодой парень изъ караванщиковъ ухаживаетъ, напримѣръ, за дѣвкой. Та, наконецъ, соглашается на все и назначаетъ куда ему придти. Хоронится да таится парень, чтобы не узнали... Вечеромъ — крадется, встрѣчаетъ другую бабу.

— Не туда, парень, идешь-то. Паранька вонъ гдѣ тебя дожидается.

Оказывается, что дѣвушка уже рассказала всѣмъ...

— Эта Кулька — такъ себѣ, слякотная дѣвка! говорить здѣсь про какую-нибудь изъ мѣстныхъ красавицъ.

— Почему?

— А ни съ кѣмъ не цапается.

— Что жъ, это хорошо, скромная.

— Что добраго, если никто дѣвку не любитъ. Значить не стоитъ она!.. Изъ такой дѣвки и бабы хорошей не будетъ.

Дѣтей дѣвка можетъ имѣть сколько хочетъ, отъ нихъ прибыль въ домъ... Все лишняго работника воспитаетъ.

На другой день, когда мы уѣзжали, даю я хозяйкѣ рубль.

— На-ко-ся!.. Много... Съ ужасомъ возвращаетъ баба.

— Какъ много?
— Много!.. Не возьму...
— Да сколько же тебѣ...
— А во сколько... За горницу — гривенникъ, за куръ гривенникъ, да за самоваръ гривенникъ.
— А хлѣбъ?
— За хлѣбъ деньги брать — грѣхъ...
— Ну, а сѣна мы у тебя сколько попортили.
— Сѣно свое у насъ, бери сколько хошь. Что жъ за сѣно брать!

Такъ и не взяла!..

Тутъ уже коней много у крестьянъ. Вездѣ по берегу, гдѣ только зеленый логъ — и кони пасутся. Пустыни не стало. По берегу сѣти развѣшены на шестахъ. Сохнутъ. Изъ лѣсковъ слышно, какъ коровы позвякиваютъ бубенцами.

— Стерлядей не надо ли? кричатъ намъ рыболовы.

— А почему нонѣ? вступаетъ въ бесѣду Иванъ Степановичъ.

— Да ежели рыбина фунта въ четыре — двоегривенный... Нонѣ у насъ дорого!

А вчера мы купили штукъ двадцать хариусовъ большихъ и жирныхъ, да головля крупнаго, за 40 коп., и рыбаки еще какъ рады были. «Вотъ дай вамъ Богъ!..» провожали насъ.

XXXIX.

Въ устьяхъ Косвы.

Свѣтлое безоблачное небо обѣщало яркій и знойный день. По всему берегу насъ преслѣдуетъ пѣніе пѣтуховъ. И орутъ же они здѣсь! Какая-то особенная порода; на безголосье пожаловаться не могутъ. На яру гнилушки взобрались на самый гребень. Издали и не сообразишь, что это такое, — тучи хвороста или жилья человѣка. Оказывается, здѣсь «поселенный черкесъ живетъ».

— Не живетъ, а бѣдствуетъ. Голодомъ весь изморился. На человѣка не похожъ. Онъ нашего дѣла не знаетъ, а мы его понять не можемъ. Прежде онъ разбойничалъ, а теперь и на это силы у него нѣтъ, совсѣмъ дохлый сталъ.

Сталъ было я подробнѣе спрашивать гребцовъ — молчать. Вообще замѣчательна несловоохотливость здѣшнихъ гребцовъ сравнительно съ сѣверными. Тѣ охотно дѣлились своими свѣдѣніями — косовяне какъ-то понуро молчатъ, рѣдкій отзовется, да и то нехотя. Пѣсни не запоетъ; только сонливо передвигаетъ веслами. Разъ мнѣ привелось съ ними четыре дня проплавать — и ни слова. Даже

любопытства никакого не обнаруживают. Сказываютъ, что и на баркахъ то же самое. Соберутся у костра, гдѣ пристанутъ, смотрятъ въ огонь и молчатъ; такъ цѣлые вечера. Водка развязываетъ языки, да и то не всегда. «Очень уже мы затомивши тогда, поясняютъ гребцы; — это кому отъ бездѣлья и разговаривать хорошо, а намъ трудно. Птица, та цѣлый день языкомъ щебечеть, а пользы отъ нея все нѣтъ никакой. Привалиться бы да заснуть!» На заводахъ тоже народъ хмурый, сумрачный. Видимое дѣло, не легко ему живется.

— А то и совсѣмъ у насъ безглагольные есть.

— Это какіе же?

— А по Вильвѣ живутъ; тѣ больше руками. Спросишь что — отмахнется отъ тебя и прочь поидеть... Тамъ есть изъ татаръ которые... До Строганова татарами были, такъ у нихъ и доселѣ обликъ держится не русскій. Они страсть говорить не любятъ. Задичали. Поди-ко ты у лѣсовиковъ нашихъ, что рубятъ дрова, слова выпроси. Смотрить на тебя, смотреть — понурится да и прочь. А то и просто рукой махнетъ.

Такимъ образомъ, мы проѣхали мимо Плесо, Крутиковой, Красной, Собольково, Плаксиной и Боровской деревень, а тамъ вдругъ и поселковъ не стало. Ѣдемъ версту за верстой — ни одной избушки. Понизи все глаже и глаже, тальникъ у воды гуще и гуще. Косьва все ширится, дѣлая самую прихотливыя извилины по ровному мѣсту, а жилия нѣтъ! Солнце начинаетъ печь немилосердно. Пристать бы — ни одного уголка.

— Куда народъ дѣлся?

— Нѣтъ тутъ народу... Пустынь пошла. И въ пѣснѣ про нее поется — «мати зеленая пустынь».

— Да вѣдь Кама близка.

— Оттого и сельбища нѣтъ, что Кама близка. Теперь всѣ деревни да села по правую ея сторону, а сюда — рѣка разливается очень широко. Всякое жительство снесетъ. Здѣсь жить нельзя.

Безлюдье полное. Тоска охватываетъ. Горы ушли далеко; теперь и силуэтовъ ихъ не видать на дальнемъ планѣ... Все одна гладь безъ перерыву. Плыдемъ часъ, другой, третій... Жара стала такая, что дышать трудно. Вчерашнее предсказаніе Ивана Степановича исполнилось. Солнце буквально въ нѣсколькихъ мѣстахъ обожгло кожу. Красными пятнами пошло все, жгло сквозь рубаху — и въ сукнѣ стало совсѣмъ невыносимо. Отраженіе солнечныхъ лучей въ водѣ глаза слѣпило. Невыносимо трудно было пережить эти нѣсколько часовъ. Я терпѣлъ легко лѣтній зной Ирана и Турціи — но тутъ мнѣ казалось, что мозгъ въ головѣ растопится въ этомъ томящемъ пеклѣ. Наконецъ, свалился какъ снопъ въ лодку, вытянулся на днѣ ея и постарался заснуть. вмѣсто сна — кошмаръ какой-то. Весь въ испаринѣ обезсиливающей лежишь, дышать нечѣмъ... Чуть ли не каждый часъ приворачивали къ берегу купаться. Но выйдешь изъ воды — и, спустя мгновеніе, зной опять начиналъ томить... Въ одномъ мѣстѣ хотѣлъ было броситься въ воду — освѣжиться. Гребцы остановили.

— Здѣсь нельзя, мѣсто нечистое.

— Почему?

— Здѣсь двѣ дѣвки утопли. Такъ и зовется: дѣвкина муть.

— Они это радуются, когда дѣвка утонетъ.

Гребцы засмѣялись.

— Чего же?.. Что хорошаго?

— А здѣсь повѣрье: дѣвка утонетъ — хлѣбъ дешевле

будеть. И откуда пошло оно — Богъ ихъ знаетъ... А вѣрятъ всѣ этому.

На встрѣчу показался маленькій челночекъ. Дряхлый старикъ кое-какъ гребъ внизъ по водѣ. Мы его живо нагнали. Обернулся къ намъ, уставился подслѣповатыми глазами и — ясное дѣло — не видитъ ничего. Шапку снялъ на всякій случай.

— А, дѣдушко, здравствуй! крикнулъ ему Иванъ Степановичъ... Ну что, какъ живешь?

— Нудно живемъ, батюшко!

— А еще пенсіонщикъ!.. Получаешь ли пенсію?

— Дай Богъ здоровья грахвѣмъ! Получаю...

— Это еще что за пенсіонщикъ? спрашиваю у Ивана Степановича — смѣется... — И какіе это графы?

— А видишь ли, у графовъ Строгановыхъ, которые у нихъ рабочіе всю жизнь прожили — тѣмъ пенсіонъ выдаютъ до смерти.

— Что-жь, это прекрасное дѣло, по крайней мѣрѣ чело-вѣкъ обезпечень.

— Еще бы! А знаете, сколько пенсіону этого... Дѣдушко, а дѣдушко?

Тотъ опять повернулъ къ намъ старое, покрытое морщинами лице:

— Сколько ты пенсіону получаешь.

— Я-то?

— Ты, а то кто же еще, не мы вѣдь.

— Я полный получаю... Девять гривенъ въ годъ! За службу.

— А долго ли служилъ ты?

— Я-то... я сорокъ годовъ служилъ на заводѣ. А теперь не могу — силы моей нѣтъ. Теперь уже я покуда, только хлѣбъ жу; помирать вотъ, батюшко, собираюсь.

— Ужь ты который это годъ собираешься...

— Пора, батюшко, пора... Самъ знаю... Надо и со-
вѣсть знать, зажился. Болѣзти какой жду — да не идетъ,
не хочеть... Бойтся она меняло...

Потомъ я узналъ, что такіе пенсіоны дѣйствительно
выдаются у Строганова. У Абаеликъ-Лазарева рабочимъ
приходится иногда по шести рублей въ годъ пенсіону.
Тѣмъ не менѣе, у крупныхъ владѣльцевъ еще сносно —
а ужь у купцовъ не приведи Господи. Искалѣчить тебя —
лишняго дня кормить не стануть, какъ падалъ выбросятъ
вонъ изъ завода. Умрешь на работѣ — на похороны денегъ
не дадутъ. Надняхъ случилось, напимѣръ, въ Чердыни
у купца Черныхъ такая бѣда. Зимой у него на незамер-
зающей, вслѣдствіе ея быстроты, рѣкѣ Чермози работали
крестьянскія дѣвки. Какъ-то доработались до ночи, домой
надо было переѣзжать рѣку. Попросили у Черныхъ лодку —
не далъ. Еще обругалъ: «изъ-за васъ, паскудь, стану я
лодку на ночь отпускать» *). Нечего дѣлать, стали стоймя
въ душегубку гурьбой и поплыли. На серединѣ рѣки ду-
шегубка опружилась **). Двѣ и утонули. Нужно было спасти,
пока время; опять къ Черныхъ — лодку просятъ, — еще
заругался и опять прочь прогналъ. Такъ двѣ крестьянки
и пропали. Дня черезъ два трупы ихъ выбросило. Чер-
ныхъ и на погребеніе не далъ ни гроша. А работали у
него эти несчастныя по двадцати копѣекъ за цѣлый день.

— Составили актъ?

— Составили. Да ему что же за дѣло. Онъ и на актъ

*) Большой отдѣлъ положенію пермскаго рабочаго посвященъ авто-
ромъ въ статьяхъ «Ураль» («Русская Рѣчь», 1881 г., сентябрь — де-
кабрь).

**) Опружилась — опрокинулась.

наплевалъ. Развѣ я, говорить, топилъ ихъ, сами утопли! Съ Бога и ищи, а не съ меня.

— У купца Благодужева двое работниковъ тифомъ заболѣли осенью, такъ онъ еще лучше сдѣлалъ. Приказалъ ихъ еще живыми вынести въ поле и бросить тамъ. Разбойникъ и тотъ не рѣшился бы на такую мерзость.

— Что же, выкинули?

— Товарищи въ клѣтъ перенесли, ну, больные черезъ два дня въ клѣты и умерли. У насъ купцы сѣкутъ рабочихъ.

— Ну, уже это вы преувеличиваете.

— Честное слово. Они какой изворотъ придумали. Берутъ артель такую только, которая между собой условилась, чтобы сѣчь другъ друга. Чуть что — купецъ въ сторонѣ. Не онъ дралъ, а артель драла *).

— Пенсіонщикъ отъ насъ скоро отсталъ — и опять кругомъ потянулось безлюдье нерушимое.

Глаза слѣпило, въ головѣ точно какія-то жилы. Въ вискахъ стучало отъ жары. Этотъ палящій зной, это однообразіе низменныхъ береговъ страшно томило. Слегка сквозь сонъ слушаю я баснословные разговоры о томъ, что въ прошломъ году на «Чусовой стерлядь выловили въ 4 пуд. 10 фунтовъ». И силы нѣтъ даже оспаривать такую сказку. Огонь какой-то чудится въ глазахъ, откроешь ихъ — это солнце горитъ въ неподвижномъ разливѣ Косьвы, а она, какъ нарочно, извилину за извилиной дѣлаетъ, то назадъ возвращается, то въ сторону уходитъ. И хоть бы одна избушка на пути!..

— Долго еще кружиться?..

*) Много фактовъ такихъ приведено въ статьяхъ того же автора. «Ураль» («Русская Рѣчь», декабрь, 1881 г.).

— Да часокъ пожалуй.

Но и часокъ проходить, и другой вскорѣ за нимъ; третій часъ началъ, а конца нѣтъ этому.

Солнце, уже спускаться стало... Жара не падаетъ. Наконецъ, вдали мелькнуло громадное пространство воды.

— Радуйтесь... Вотъ и Кама!..

Одинъ изъ гребцевъ вышелъ на берегъ и потянулъ нашу лодку бичевой или, по-здѣшнему, «шнуромъ». Съ сѣвера пахнуло прохладнымъ вѣтромъ — мы ожили... За нами въ кустахъ шмыгали лодки, тоже выбиравшіяся съ разныхъ сторонъ изъ рукавовъ Косъвы. Бѣлоголовые орлы зарѣяли въ высотѣ... Чайки бросались за ними и отгоняли ихъ.

— Чайка птица смѣлая... Ишь какъ она скопу обижаетъ.

А на томъ берегу Камы, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, уже выросалъ Черморскій заводъ...

XL.

Изъ исторіи недавняго прошлаго. — Освобожденіе ли крестьянъ повредило заводамъ? — Долги и истребленіе лѣсовъ. — Лѣсничій и заводоуправленія.

Въ прохладныхъ комнатахъ чермозскаго управительскаго дома мнѣ казалось, что я попалъ въ рай послѣ Косьвинскаго пекла. Прежде чѣмъ пріѣхать сюда, я уже видѣлъ десятка два заводовъ и частныхъ, и казенныхъ. Видѣлъ и почти въ конецъ погубленное дѣло въ Александрійскомъ заводѣ и цвѣтущее у Абамеликъ-Лазаревыхъ. Всюду, гдѣ производство уменьшилось и владѣльцы бились въ ежевыхъ рукавицахъ всевозможныхъ кулаковъ и кредиторовъ — приходилось слышать жалобы на освобожденіе крестьянъ, будто бы подорвавшее благосостояніе Урала. Жалобы эти раздаются въ унисонъ, и мало знакомый съ дѣломъ, встрѣчая ихъ даже въ печати, можетъ повѣрить Іереміямъ, плачущимъ на рѣкахъ Вавилонскихъ. Усвоивается поэтому взглядъ на нихъ какъ на жертву неизбѣжной исторической реформы, а между тѣмъ тутъ исторія совсѣмъ инаго рода, и освобожденіе крѣпостныхъ

могло скорѣ помочь этимъ господамъ, чѣмъ раззорить ихъ. Въ Чермозѣ не разъ по этому поводу пришлось мнѣ говорить съ однимъ изъ лучшихъ горнозаводскихъ дѣятелей, г. Новокрещенныхъ, и онъ во многомъ разъяснилъ мои недоумѣнія. Крѣпостное право напрасно считаютъ главною опорою заводовъ. Даже въ періодической печати не разъ сообщалось ошибочное мнѣніе, «что подъ охраною привилегій, данныхъ заводамъ Петромъ и его преемниками, и при отсутствіи предпріимчивости, слабомъ развитіи реальныхъ знаній и недостаткѣ капиталовъ — заводы не могли развиваться и приняла характеръ монополіи, почерпая свою силу изъ крѣпостнаго права, уничтоженіе котораго погубило горнозаводское дѣло».

Я привелъ это мнѣніе г. Новокрещенныхъ, но онъ только улыбнулся на него.

— Въ Петербургѣ всему вѣрятъ. Немудрено, что и такіе выводы приняли на слово. Въ Петербургѣ не только не знаютъ Россіи, но и не заботятся узнать ее. Горная промышленность, какъ всякое заводское производство, и даже болѣе всякаго другаго, должна была въ свое время пользоваться гарантіями и привилегіями, они и сдѣлали свое дѣло. Подъ ихъ охраной Уралъ сразу сталъ центромъ промышленности. Лѣсныя дачи размежеваны были такъ, что каждый заводъ получилъ, соотвѣтствующій его предполагаемому обороту, надѣлъ. Не увеличивая выработку, заводы могли бы вѣчно пользоваться лѣсами, потому что ежегодный приростъ съ избыткомъ пополнялъ расходъ по рубки. Ну, а развивать дѣятельность шире нельзя было безъ ущерба въ будущемъ. Желѣзныхъ рудъ для каждаго завода было и есть вполне достаточно. Еще ни одно предпріятіе не закрывалось отъ недостатка ихъ. Если нѣкоторые заводы пользуются запасомъ магнитнаго желѣзняка

съ Благодати и Высокой, такъ это вовсе не потому, что у нихъ у самихъ ничего нѣтъ. Напротивъ, есть и много — только они еще не разслѣдовали своего собственнаго района. Благодать и Высокая здѣсь составляютъ лишь утолщеніе одной общей жилы, еще до сихъ поръ неразвѣданной на всемъ протяженіи. Если я скажу, что заводы обезпечены рудами на тысячу лѣтъ — разумѣется, при нынѣшнемъ оборотѣ, — то я нисколько не преувеличу естественныхъ богатствъ Урала. Внутренняя жизнь заводовъ развивалась сначала довольно быстро, и казенные во многихъ случаяхъ учились у частныхъ разнымъ производствамъ. Не имѣя почти никакихъ средствъ для постановки паровыхъ машинъ, заводы и тутъ не отставали. Они начали строить машины низкаго давленія. Мѣдные паровые котлы были дороги — стали дѣлать деревянные, въ видѣ громадныхъ цилиндровъ, стянутыхъ обручами и мѣдными частями тамъ, гдѣ они соприкасались съ огнемъ. Строитель этихъ котловъ, чуть ли не столѣтній старикъ, еще недавно жилъ въ Верхне-Исетскомъ. Механизмы эти дѣлались по просту, безъ станковъ, при помощи зубила и пилы, но тѣмъ не менѣе, они и до сихъ поръ работаютъ въ Исети. И тогда какъ нѣкоторые даже казенные велись столь же патріархально — Нижнетагильскіе, Демидовскіе, тратили страшныя деньги на всякія новыя приспособленія. Какое-либо полезное открытіе въ горнозаводскомъ дѣлѣ тотчасъ же примѣнялось и у нихъ. Старики рассказываютъ, что не успѣешь, бывало, прочесть объ этомъ или другомъ изобрѣтеніи — пріѣдешь въ Тагиль, а оно уже тамъ во-очію. Такимъ образомъ, казенные заводы тогда могли поучиться у частныхъ, которые дѣйствительно были предприимчивы. Недостатка капиталовъ не было. Безъ посредства банковъ дѣло велось на наличные. Весьма часто въ кассѣ завода скоп-

лялось по нѣскольку сотъ тысячъ свободныхъ денегъ. Когда въ концѣ пятидесятихъ годовъ верхне-исетскіе заводы предпочли новую систему: закладывать выдѣланные металлы въ банки, то на ярмаркѣ всѣ прежніе ихъ покупщики отшатнулись отъ нихъ. Ихъ, видите ли, смутилъ военный карауль и они сочли фирму погибшей по неимѣнію денегъ. Это настолько было рѣзко, что весь привозъ пришлось пустить въ розничную продажу. Недостатокъ капиталовъ явился тогда только, когда оказалось возможнымъ закладывать металлы и такимъ образомъ освободить прежній оборотный заводскій капиталъ. Вы думаете, воспользовались этимъ съ толкомъ? Какъ же!.. Лучшіе стали развивать дѣло свыше дѣйствительной надобности, а большинство — освобожденные капиталы пустило на аферы, кутежи, на карты, на разгуль, о которомъ вы и представленія не можете сдѣлать. Въмѣсто устройства заводовъ, владѣльцы занялись устройствомъ своръ, громаднхъ охотъ, трехсотъ тысячные проигрыши стали дѣломъ зауряднымъ. Спаиваете цѣлыхъ городовъ, самые бессмысленные траты считались признаками хорошаго заводскаго тона. На первыхъ порахъ если вслѣдствіе всего этого заводы и не особенно нуждались въ капиталахъ, то тѣмъ не менѣе дѣйствовали лишь при посторонней помощи, т. е. при пособіи заклада выдѣлываемаго металла. Такъ можно было держаться до тѣхъ поръ, пока не измѣнились общія условія горнозаводской дѣятельности, до перваго кризиса. А между прочимъ уже измѣненіе къ худшему началось, уже нанесенъ былъ первый ударъ, и за нимъ ожидались другіе. Этимъ первымъ ударомъ была Крымская война. Послѣ нея многіе заводы въ окончательномъ выводѣ своего дивиденда должны были вмѣсто плюса ставить минусъ. Цѣнность хлѣба съ 15 — 18 к. за пудъ сразу поднялась до 60 к.

Овесъ съ 12 и 15 к. выросъ до 40 и 50 к. Думали, что цѣны опять упадутъ — не тутъ-то было — вскорѣ мука стоила уже 1 р. пудъ и даже дороже. Разъ ставъ на эту высоту, цѣны уже не понижались. Заводъ, который должалъ прежде, чтобы прокормить своихъ крестьянъ, отъ 15 до 20 тысячъ, при новыхъ цѣнахъ кредитовался на 120.000 р. Запасныхъ капиталовъ уже не было — всѣ ушли на кутежи и развратъ. Оставалась посторонняя помощь; съ каждымъ годомъ нужно было все болѣе и болѣе втягиваться въ долги. Явился кулакъ, какъ и во всей остальной Россіи. Вездѣ выросли свои Разуваевы и Колупаевы. Долги все болѣе захлестывали владѣльцевъ мертвою петлей. Вотъ тутъ-то уничтоженіе крѣпостнаго права явилось какъ нельзя болѣе кстати. Ему обрадовались. На первыхъ же порахъ оно облегчило заводчиковъ, благодарніемъ было для нихъ. Заводы сразу освободились отъ необходимости кормить населеніе, замѣнивъ выдачу провіанта высокими платами за трудъ. Стоимость работы, какъ велика она ни была, все-таки оказывалась меньше чѣмъ сумма, потребная на обезпеченіе продовольствія (возросшаго съ 15 коп. на 1 руб. съ пуда) плюсъ вознагражденіе труда, существовавшее и прежде. Начали кое-гдѣ работать не сполна, не было обязанности давать непременно всѣмъ работу, производство сокращалось и разница въ пользу заводовъ выходила громадная. Кромѣ того, уничтожились пенсіоны и пособія дармоѣдамъ, да сводились къ нулю и другіе обязательные прежде расходы.

— Такъ что на Уралѣ освобожденіе крестьянъ должно было принести прямыя выгоды заводчикамъ?

— А то какъ же иначе... Сверхъ того, оно же дало имъ возможность прибѣгнуть къ пособіямъ отъ правительства. Заводы стали жаловаться на невозможность вести

работы безъ дешевыхъ мастеровъ и поденщиковъ, стали ссылаться, что уничтоженіе крѣпостнаго права отняло у нихъ тысячи рукъ. При тогдашней путаницѣ, правительство не могло провѣрить, насколько во всемъ этомъ было правды, и разрѣшило выдавать ссуды.

— Спросить было некогого?

— Самихъ заводчиковъ развѣ. На Уралѣ все было на ихъ сторонѣ. Да сверхъ того, многіе владѣльцы жили въ Петербургѣ, были близки ко двору. Если бы мѣстныхъ начальства и пошли противъ нихъ — кому бы скорѣе повѣрить... Между заводчиками оказывались и такіе, которые заводовъ своихъ и въ глаза не видали, сидя въ столицѣ, да путешествуя за-границей... Случалось такъ, что сегодня выдадутъ ссуду, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ея уже нѣтъ въ наличности, причемъ заводы изъ нея грошемъ не воспользовались.

— Куда же уходили онѣ?

— А карты на что? Женщины дороги стали; рулетки начали привлекать російскихъ остолоповъ... Легкость полученія ссудъ дала владѣльцамъ надежду и въ будущемъ пользоваться этимъ неоскудѣвающимъ источникомъ. Поэтому никто и не думалъ расходовать ихъ сообразно назначенію. Ни заводовъ ими не обезпечивали, ни долги не платили. А долги все росли и росли, кулаки все больше присасывались, банки все прочнѣе и прочнѣе опутывали горнозаводское дѣло своею цѣпкою паутиной... Въ концѣ концовъ дошли до настоящаго своего состоянія, — когда заводы по уши влѣзли въ долги, когда ни официальные экономисты, ни самые владѣльцы не знаютъ, гдѣ выхоть изъ этого отчаяннаго положенія.

— Печально!..

— Да, не весело...

— Какую цѣнность представляютъ заводы?

— Въ настоящемъ ихъ видѣ?

— Да

— По этому случаю вотъ вамъ фактъ изъ недавняго прошлаго. Въ горномъ совѣтѣ, во время оно, разсматривался вопросъ о продажѣ за долги казнѣ частныхъ заводовъ, тѣхъ именно, которые правительству кромѣ постоянного убытка ничего не приносятъ. Всѣ члены совѣта порѣшили спустить ихъ съ рукъ, назначивъ торги. Одинъ изъ присутствовавшихъ не подалъ своего голоса. Обратились къ нему.

— Ваше мнѣніе?

— Вы этого требуете? Что вы, господа, разумѣете подъ словомъ продать? Я понимаю, что купить я могу только то, что приноситъ извѣстную долю пользы, не такъ ли?

— Ну-съ.

— Если дѣло не только не даетъ выгоды, но, напротивъ, приноситъ убытокъ, и если правительство желаетъ, чтобы покупщики продолжали это дѣло, то мнѣ кажется, что покупателю нужно прежде всего обезпечить эти убытки, т. е. къ заводу придать и капиталъ, процентами съ котораго покрывался бы дефицитъ.

— Это очень остроумно, но мы все-таки назначимъ торги.

Мнѣніе члена горнаго совѣта вполнѣ оправдалось: на объявленные торги никто не явился.

Въ такомъ положеніи этотъ вопросъ и теперъ. Долги заводовъ растутъ, обороты ихъ уменьшаются, вѣра въ горное дѣло поколеблена, и мы дошли уже до того, что совершенно серьезно мечтаемъ передать его въ руки иностранцевъ. Если упадокъ уральской промышленности ставится въ прямую зависимость отъ уничтоженія крѣпост-

наго права, то это основано на мнѣніи самихъ заводчиковъ, которымъ подобные выводы какъ нельзя болѣе на руку.

Давнымъ бы давно пора покончить съ такими ошибочными взглядами, а они все еще держатся. Когда нельзя было дискредитировать нравственное значеніе великой реформы прошлаго царствованія, ей приписали финансовый кризисъ и экономическій упадокъ, замѣчавшійся повсюду въ послѣдніе двадцать лѣтъ. На горныхъ заводахъ видно, насколько эти господа были правы съ своими lamentаціями и цифровыми выкладками.

Крестьянская реформа на Уралѣ только въ одномъ отношеніи увеличила расходъ нѣкоторыхъ заводовъ, именно въ топливѣ.

Мы говоримъ «нѣкоторыхъ» потому, что намъ извѣстны многіе, гдѣ эти цѣны годъ отъ году уменьшаются и приходятъ къ нормальнымъ, основаннымъ на урочномъ положеніи и стоимости провіанта и фуража. Возвышеніе цѣнъ на дрова разомъ, по освобожденіи крестьянъ, вызвано было боязнью заводчиковъ остаться безъ топлива на годъ. Что вообще стоимость лѣса должна годъ отъ году увеличиваться — это несомнѣнно, но до сихъ поръ этого роста незамѣтно, да если бы оно и было, то повѣрить его причины весьма затруднительно. Различія въ удобствѣ лѣсосѣрка — разстоянія; климатическія условія имѣютъ въ этомъ отношеніи большое вліяніе.

Намъ извѣстно, говорили мнѣ, много примѣровъ, когда управитель завода, желая выторговать съ кубической сажени четвертакъ, пропускалъ удобное время и потомъ къ этимъ четвертакамъ прибавлялъ рубли, да и то оставался безъ дровъ. Слѣдовательно, нельзя сказать, чтобы одна цѣнность выражала недостатокъ топлива.

Вотъ когда-то заготовленная мною записка по этому поводу. Привожу изъ нея сущность.

Лѣсовъ на Уралѣ мало — и говорить нечего, но это зло еще не столь большой руки, если бы каждый заводъ занялся рациональнымъ лѣснымъ хозяйствомъ. А то на всѣхъ почти заводахъ нѣтъ даже порядочныхъ лѣсныхъ картъ. Назначать, случается, лѣсосѣкъ, явится народъ для вырубки въ указанное мѣсто, и оказывается, что рубить тутъ нечего. Лѣсъ когда-то тутъ росъ, но лѣтъ пять тому назадъ его сняли подъ корень. По плану же рубка нанесена совсѣмъ въ другое мѣсто. Часто — это не только слѣдствіе небрежности, но и злоупотребленія. Въ частныхъ лѣсахъ имѣются спеціалисты, получающіе по нѣскольку тысячъ рублей жалованья, но кромѣ исправнаго приѣма этихъ денегъ и росписыванія въ книгахъ они другихъ обязанностей не знаютъ. Что можетъ значить отчетъ такого лѣсничаго? Онъ не видалъ даже той мѣстности, о которой сообщаетъ, а между тѣмъ, на основаніи его словъ дѣлаются, распоряженія, составляются ходячія мнѣнія о громадныхъ лѣсныхъ богатствахъ Урала, которыя будто бы неистоцимы!..

Лѣсовъ мало, очень мало, но урегулируйте лѣсное хозяйство — и ихъ хватитъ!

Прежде всего необходимо завести точные планы, потому правильно распредѣлить лѣсосѣвки и разумно обсѣмнять вырубленные площади хвойными лѣсами, а не предоставлять это природѣ, которая на мѣстѣ стараго лѣса раститъ лиственный, никуда негодный кустарникъ. Я самъ видѣлъ цѣлыя громадныя площади, вмѣсто хвои поросшія такою бесполезною мелкотю. Наши лѣсничіе отлично знаютъ всѣ виды обсѣмненія, но чтобы приложить научныя свѣдѣнія къ дѣлу — никогда! Будущность заводовъ

зависить отъ количества топлива, слѣдовательно, позаботьтесь прежде всего о лѣсахъ, не ставьте ихъ на задній планъ, какъ это до сихъ поръ дѣлалось на Уралѣ. Вотъ примѣръ. Ревдинскій округъ — въ опекѣ, капиталъ, необходимый на уплату долговъ и на содержаніе опекунскаго управленія, очень значителенъ. вмѣсто того, чтобы добывать его продажею хромистыхъ желѣзняковъ, которыхъ въ Ревдѣ множество, или никкелевыхъ рудъ, какъ продуктовъ заводу совсѣмъ не нужныхъ, или увеличить различными льготами добычу золота, — что дѣлаетъ опека? Она начала продавать лѣса — это единственное обезпеченіе будущаго! Высшее начальство, не сообразивъ дѣла, утвердило продажу, — и пошла писать! При стоимости кубической сажени дровъ отъ 2—3 руб., арендной платы большой взять нельзя, и чтобы выручить хоть бы жалованье опекуну, надо вырубить такую громадную площадь чудеснаго лѣса, что со стороны становится жалко смотрѣть на такое хищническое пользованіе естественными богатствами края! А между тѣмъ Ревда не исключеніе: такихъ фактовъ сотни на Уралѣ.

Еще одно зло лѣснаго хозяйства — пожары. Предупредить ихъ нельзя, но ограничить размѣры всегда возможно. Какъ только нѣсколько стихнетъ пламя и огненная рѣка уймется, на площади пожара въ нѣсколько квадратныхъ верстъ оставляютъ отъ пяти до десяти человѣкъ, а иногда и никого. Эта жалкая кучка народа должна тушить остатки тлѣющихъ костровъ и пней. Такимъ образомъ, теряется лучшее время, и на завтра пожаръ разыгрывается съ новою силою, захватывая уже несравненно обширнѣйшій районъ. Тогда схватываются за умъ, высылаютъ народъ, но пожаръ уже уходитъ далеко, такъ что люди едва успеваютъ слѣдить за нимъ, не принимая никакихъ способовъ

къ его прекращенію. Ночью народъ уходитъ домой, завтра та же исторія, и такъ — пока пожаръ не прекратится самъ собою. Между тѣмъ, ловкій, знающій мѣстность лѣсничій, съ подробною и точною картою въ рукахъ, можетъ при помощи небольшой толпы рабочихъ положить конецъ несчастію. Для этого и расходы требуются не особенно большіе. Стоитъ лишь поставить поскорѣй народъ передъ огнемъ и воспользоваться первой рѣчкой, болотомъ или дорогой, чтобы пустить встрѣчный пожаръ, а затѣмъ ночью, когда видно каждую искру, заняться тушеніемъ пламени. Теперь народъ отлично понимаетъ безцѣльность своего шатанія вслѣдъ за пожарищемъ и, несмотря на объявленную плату, прячется дома. Гасить пожары возможно съ хорошей картою въ рукахъ, а у насъ карты таковы, что съ ними чаще всего приходится и самого-то лѣсничаго выручать изъ огня. Благодаря всему этому, составилось совершенно ложное убѣжденіе, что противъ лѣсныхъ пожаровъ нѣтъ никакихъ средствъ; это слагаетъ всякую отвѣтственность съ лѣсничаго, и онъ какъ нельзя болѣе доволенъ такимъ оборотомъ дѣлъ.

— Что же лѣсничіе дѣлаютъ?

— Все ихъ участіе въ томъ и проявляется, что онъ прикатитъ въ покойномъ экипажѣ, на великолѣпной тройкѣ коней, обругаетъ рабочихъ за неосторожное обращеніе съ огнемъ и также важно уѣдетъ назадъ. А тамъ по начальству рапортъ: несмотря на принятыя энергическія мѣры, пожаръ не прекращенъ вполне, хотя и остановленъ тамъ то и тамъ то, чѣмъ сбережена площадь во столько-то тысячъ десятинъ. Затѣмъ, слѣдуетъ счетъ расходамъ, употребленнымъ на поѣздку и на прекращеніе огня.

— Вы упустили главное.

— Именно?

— А лѣсопромышленниковъ, которые точно одержимы ненавистью къ лѣсу и валятъ его всюду, гдѣ возможно.

— Я не упустилъ ихъ изъ виду, а говорилъ о лѣсахъ тѣхъ владѣльцевъ, которые, сами въ немъ нуждаясь, не станутъ продавать ихъ на срубъ этимъ кулакамъ... Я говорилъ исключительно о заводскихъ лѣсахъ.

— Не повліяетъ ли разработка каменнаго угля на сокращеніе лѣсовъ?

— Не вѣрю, чтобы это скоро случилось. На иной разработкѣ руды каменнаго угля недостаточно, нужно дерево... Да чтобы передѣлать заводы для отопленія каменнымъ углемъ, требуются свободные капиталы.

— Которыхъ нѣтъ?

— И не предвидится... А притомъ и цѣнность угля слишкомъ высока.

— Слѣдовательно, остается...

— Пользоваться лѣсомъ рационально и растить его вездѣ, гдѣ возможно...

— Ну, а какъ вамъ кажется — при нынѣшнихъ людяхъ добьетесь вы этого?

— Нужда научить.

— Ну, а казенное управленіе заводовъ лучше или нѣтъ?

— Несравненно хуже... У меня была по этому поводу записка, я вамъ сообщу ея содержаніе: — эти столбцы цифръ не специалисту не особенно интересны, главное — общія положенія, выведенныя изъ нихъ. Какъ только заводы попали въ казенное управленіе, тотчасъ же строй хозяйства измѣняется на новый ладъ. Въ смѣтахъ является несмѣтное множество статей, дѣлаются гадательные выводы барышей на бумагѣ; на дѣлѣ же долгъ прибываетъ, и производительность завода падаетъ, Вотъ, напримѣръ,

лучшій округъ — Гороблагодатскій. По смѣтѣ назначено въ продажу металловъ на 91,896 рублей, а предполагается выручить за нихъ 96,841 руб., т. е. барышей 4,945 руб. Если же исключить 5% съ оборотнаго капитала, то чистый доходъ 350 руб. И это еще не будетъ собственно доходъ казны, а плата за пользованіе лѣсами, рудами и пр., что для частныхъ заводчиковъ составляетъ иногда 10% всего валоваго дохода. Будь эти заводы въ частныхъ рукахъ, казна получила бы съ нихъ въ десять разъ болѣе. На Пермскомъ сталепушечномъ заводѣ выдѣланныя орудія обходились 39 руб. пудъ; если взять % оборотнаго задолженнаго капитала и % погашенія, то стоимость пуда выростетъ до 54 руб. 50 коп. При такой цѣнѣ не резонъ готовить самимъ орудія. Поэтому-то казна не находитъ возможнымъ считать проценты на оборотный капиталъ и % погашенія въ цѣнѣ выдѣланныхъ металловъ, иначе сейчасъ бы обнаружилась несостоятельность завода. При такихъ условіяхъ легко дѣлать какіе угодно выводы. Возьмите смѣту горнаго департамента — чистый доходъ составляетъ почтенную цифру. Намъ неизвѣстно, какъ выводить свою дѣятельность экспедиція заготовленія кредитныхъ билетовъ; если такъ же, то тамъ должно быть еще выгоднѣе дѣло, чѣмъ на горныхъ заводахъ; на расходы употреблено 100,000, а выдѣлываютъ 100,000,000! Я этимъ хочу сказать, что управители казенныхъ заводовъ такъ привыкли къ смѣтамъ и выводамъ барышей тамъ, гдѣ одни убытки, что когда поступаютъ на частный заводъ, то всегда по счетамъ будутъ барыши, — и запасы, о которыхъ не всегда имѣются точныя данныя, годъ отъ году уменьшаются и въ общемъ результатѣ — приращеніе долговъ. Иной разъ и долговъ не будетъ, и запасы цѣлы, запасы капиталовъ въ стѣнахъ зданій, которыя какъ и на

всѣхъ заводахъ казенныхъ къ возврату ежегоднымъ погашеніемъ не подлежать. Кончается тѣмъ, что, видя вздорность дѣла, такого управителя смѣняютъ, присылаютъ на мѣсто другаго, а этотъ оказывается еще худшимъ.

— Гдѣ же исходъ?

— Ищите и обряцете... Мы его пока при всѣхъ этихъ условіяхъ не видимъ!

XLI.

Возвращеніе на Каму. — Чермозскій заводъ. — Старо-Екатерининскій каналъ. — Изъ недавняго прошлаго.

Чермозъ совсѣмъ городъ. Красивые дома, громадныя зданія, заводы, прямыя улицы, по которымъ сегодня что-то уже очень разговались бабы, одѣтыя въ пестрое. Послѣ патріархальныхъ прикосѣвинскихъ деревень и безмолвныхъ пустынь этой красивой рѣки, мы отдыхали здѣсь среди полнаго довольства и комфорта. Вечеромъ, когда жара спала, мы вышли на улицу. Рабочіе только что окончили свои уроки, и изъ завода повалила толпа — молчаливая, сумрачная. Только подростки нѣсколько оживляли ее смѣхомъ и шутками. Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ мнѣ на встрѣчу — что-то до нельзя опухшее, подвязанное, оборванное, но съ неизбѣжною кокардою на фуражкѣ. Идетъ — шатается, увидѣлъ меня, остановился.

— Къ вамъ-съ!

— Что угодно?..

— Пишите: обижаютъ.

— Кого это?

— Меня обижаютъ. Мужики меня обидѣли... Пишите, чтобы вся Россія знала, какіе они, чермозскіе мужики... А то я не согласенъ.

— Да, помилуйте, это совсѣмъ не мое дѣло.

— А чье же? Вы вотъ все съ книжкой... Я васъ и на кизеловскомъ заводѣ видѣлъ. Дворянина обижаютъ, а в амъ и дѣла нѣтъ.

— Егоровъ, не безобразъ.

— Вотъ видите, сколь въ нихъ невѣжество... неистово... Егоровъ!.. Я своему государю двадцать-пять вѣрой и правдой, а онъ Егоровъ.

Едва удалось отдѣлаться отъ его благородія. Оказывается, и тутъ завелись они, плодя кляузы и существуя писаніемъ просьбъ и жалобъ. Всѣмъ этимъ добромъ надѣляется заводы Пермь. Тамъ походя гоняютъ чиновниковъ: очень ужъ хороши; еще новые туда сюда, а эти или живутъ шутами у купцовъ, или тонутъ въ бездонномъ пьянствѣ. Съ этимъ самымъ Егоровымъ случилась такая исторія: держалъ онъ квартирантовъ еще въ бытность на службѣ, и поселился у него товарищъ, у котораго водились деньженки. Стали они пропадать изъ стола сначала по-мелочамъ, а потомъ всѣ сразу. Обокраденный заявилъ подозрѣніе на Егорова, котораго нашли въ публичномъ домѣ безобразно пьянымъ. При немъ деньги.

— Есть ли у васъ какія нибудь доказательства, что эти деньги украдены у васъ?

— Есть: вотъ уголки отъ нихъ у меня хранятся.

Егорову оставалось одно: сознаться, что онъ и сдѣлалъ.

Судъ. Свидѣтели показываютъ единогласно, что Егоровъ тиранитъ семью, что онъ негодай и т. п. нелестныя вещи. Отправились присяжные засѣдатели совѣщаться.

«Что же братцы — надо по душѣ. Служшіѣ-служилѣ чело-
вѣкъ, и вдругъ его теперича за взломъ!.. Лишеніе права,
пенсіонъ выслужилъ, безъ пенсіона гуляй... Какъ возможно...
Выходятъ. «Нѣтъ, не виновенъ». Предсѣдатель озлился.
«Егоровъ — вы свободны, кстати и деньги возьмите, по-
тому что ежели вы невиновны, то и вещественныя дока-
зательства ваши»... А потомъ «истецъ» встаетъ: за одно
ужь прихватите и уголки отъ кредитокъ, они должны быть
тоже ваши».

— Что же бы вы думали: на другой день этотъ Его-
ровъ подалъ на истца за клевету... А теперь онъ у насъ
тутъ кой-какіе заводы мутить... Явится, путаетъ рабочихъ.
Тѣ его слушаютъ, гдѣ мало знаютъ, а потомъ, смотришь —
волненіе. У купцовъ съ нимъ просто; къ одному онъ явился
на заводъ, затѣялъ смуту, но купецъ его отодралъ здо-
рово, а потомъ въ чуланчикъ заперъ, пока не зажило, и
отпустилъ!..

Въ Чермозѣ, какъ и въ Кизеловскомъ заводѣ, выдѣлы-
вается чугуны и сверхъ того изъ болванки прокатывается
листовое желѣзо. Тутъ же имѣются большія механическія
мастерскія, отливаются разныя издѣлія изъ вагранокъ (родъ
доменной печи, гдѣ вмѣсто руды плавится чугуны). Около
Чермоза лѣсопильный заводъ. Громадная домна, которая
съ большими удобствами могла бы замѣнить огненную печь
трехъ еврейскимъ отрокамъ, когда мы ее осматривали,
работала во-всю, чуть не охватывая въ верху розовымъ
пламенемъ пережигаемаго металла голыхъ рабочихъ, су-
мрачно возившихся вокругъ ея устья. Несмотря на умѣрен-
ность платы, рабочимъ здѣсь лучше живется чѣмъ въ дру-
гихъ мѣстахъ по Уралу. Ближе къ управленію, дешевле
заготовленный имъ для потребностей завода хлѣбъ, чище
избы. На черныхъ работахъ взрослые получаютъ здѣсь

30 коп. въ день, мальчики 18. Чтобы понять, каково въ сущности это сравнительно лучшее положеніе Чермозкаго крестьянина, я приведу здѣсь слѣдующій расчетъ. Вотъ, на примѣръ, Иванъ Сухихъ. Онъ уже старъ, пятьдесятъ пять лѣтъ, но работаетъ у зѣва доменной печи, или, какъ здѣсь называютъ, домны. Получаетъ онъ 7 р. 80 к. въ мѣсяцъ, двое сыновей у него — 10 р., жена дома, потому что есть еще маленькія дѣти. Такимъ образомъ, въ годъ онъ имѣетъ около 180 р., ибо въ два льготные мѣсяца, когда онъ косить траву и жнетъ хлѣбъ, отъ завода ничего не получаетъ. Платить онъ за три души податей, что вмѣстѣ со всевозможными мірскими и земскими сборами составитъ около 75 рублей. Слѣдовательно, на всю семью въ шесть ртовъ на все остается 105 руб. въ годъ или около 9 руб. въ мѣсяцъ при цѣнѣ хлѣба 1 руб. за пудъ. Комментаріи излишни. Положеніе мастеровъ лучше: кузнецъ на заводѣ зарабатываетъ 80 коп. въ день, а механической мастеръ 30 руб. въ мѣсяцъ. Вотъ, на примѣръ, рабочіе у вагранки, гдѣ переплавляется чугуны и ломъ всякій, гдѣ дѣло идетъ и днемъ и ночью. Тѣлая пыль ржаваго чугуна стоитъ въ воздухѣ; дымъ и чадъ портятъ глаза, задыхаешься, здѣсь и не знаешь, какъ бы поскорѣе выбраться вонъ. Заморенный мужикъ опускается рядомъ съ нами на какую-то колдобину и безсильно охватываетъ колѣна руками.

— Какъ у васъ смѣна?

— По двѣнадцати часовъ работаемъ каждый! Моромъ изойдешь весь.

— Сколько же ты получаешь?

— 28, 29 коп. въ день.

Впрочемъ, нужно отдать справедливость заводу: онъ стремится устроить работу въ отрядъ, т. е. поденную, и дать переводить и на задѣльную. Тогда рабочіе, случается,

получаютъ вчетверо больше, хотя неминуемо число ихъ уменьшается. Остаются самые сильные и трезвые.

У входа въ литейную мастерскую заснулъ затомившійся рабочій. Кирпичъ подъ голову, самъ тяжело дышетъ. Ступаютъ по немъ товарищи, какая-то черная накипь точно капли сажи садится на лицо. Изъ-подъ открытаго ворота рубахи видна костлявая грудь. Между ребрами синія полосы. Воздухъ съ какимъ-то хрипомъ выходитъ изъ блѣдныхъ безкровныхъ губъ. Вонъ изъ вагранокъ и отражательныхъ печей чугуны отливаютъ въ формы для машинъ... Багровый отсвѣтъ расплавленнаго металла играетъ на лицахъ.

— Тутъ у нихъ хорошо! Замѣчаетъ мнѣ проводникъ. Тутъ задѣльно берутъ рублей по 15 въ мѣсяцъ. Лѣтний и тотъ заработаетъ въ день коп. 30. Сейчас металлъ выпускаютъ... Посмотрите...

— Мнѣ уже надоѣли, признаться, эти картины, потому что на каждомъ заводѣ ихъ, какъ нѣчто необычайное для посторонняго, особенно внимательно рекомендуютъ ему. Первый разъ эта отливка кажется очень эффектной. Къ вагранкамъ подставляютъ котлы. Изъ отверстій вагранокъ къ котлу — желоба. На дно котла сыплютъ горячіе угли, чтобы металлъ не остывалъ въ немъ.

— Теперь пустяки самые. Всего пудовъ семьдесятъ!..

Отворили отдушину. Рабочій ломомъ пробилъ загустѣвшую въ отдушину массу металла. Въ сараѣ было темно, но какъ только въ отверстіи показалось огненное жало расплавленной массы, все кругомъ освѣтилось имъ. Густая струя жидкаго металла, желтая, ослѣпляющая глаза, полилась въ котель или ковшъ, какъ его называютъ здѣсь, разбрасывая при паденіи тысячи огненныхъ брызгъ, отъ быстрого вращенія въ воздухѣ принимавшихъ форму звѣзды. Жара около ковша становилась невыносимая, но рабочіе

стояли какъ ни въ немъ не бывало, даже потъ не выступалъ на лицахъ.

— Тутъ не съ него потѣть-то... Это съ сыти которые потѣють, тонно... А намъ потѣть не съ него.

Ковшъ приподняли при помощи механизма, и стали переливать изъ него металлъ въ земляную форму. Опять мириады серебристыхъ золотыхъ и голубоватыхъ звѣздъ взрывались вверхъ и потухали подъ сводами этого черного сарая. Такимъ образомъ здѣсь переливается обыкновенно отъ 600 — 780 пудовъ чугуна. Я не описываю подробно всего производства. Этому отведено достаточно мѣста въ очеркахъ Урала, въ главѣ о Кизеловскомъ заводѣ *). Тамъ же значительное мѣсто посвящено и неприглядному положенію горнозаводскаго рабочаго, тутъ же я касаюсь только особенностей, не повторяющихся въ другихъ районахъ.

— Вотъ посмотрите глухарей нашихъ.

Еще издали я слышу оглушительный стукъ. Въ головѣ точно все сотрясается отъ него. Точно это не въ паровую трубу, а у тебя въ черепѣ молотки стучать. Громадный металлическій цилиндръ. Снаружи въ него вбиваютъ раскаленные гвозди. Внутри цилиндра сидятъ рабочіе-глухари и заклепываютъ концы этихъ гвоздей. Имъ приходится выдерживать шумъ настолько ужасный, что отъ обычнаго пребыванія здѣсь многіе изъ нихъ и дѣйствительно глохнутъ. Въ этомъ отдѣленіи вообще цѣлый адъ звуковъ, грохотъ машины, стукъ молотовъ, рѣзкій свистъ пламени изъ зѣвовъ пудлинговскихъ печей.

— Что эти глухари получаютъ у васъ?

— О, они зарабатываютъ хорошо. Вообще во всей этой мастерской до 70 коп. въ день можно добыть. Ну, имъ

*) «Русская рѣчь» 1881 г.

идеть по 50 коп.

Вонъ въ сторонѣ другой каторжникъ труда выхватываетъ изъ калильной печи болванку. Раскаленную перекидываетъ ее въ прокатную машину — грохочутъ валы ея, сплющивая комъ желѣза въ тускло уже свѣтящуюся, точно изнутри, красноватымъ отсвѣтомъ лепешку. Лепешку опять въ калильную печь и оттуда, когда она засвѣтится вся огнемъ — въ новую прокатную машину, изъ-подъ валовъ которой она выходитъ еще тоньше. Повторивъ нѣсколько разъ этотъ процессъ, получаютъ листовое желѣзо. Но оно все еще не готово: по восьмидесяти листовъ связываютъ въ одинъ пакетъ, на особой телѣжкѣ везутъ его въ третью печь, гдѣ и оставляютъ накаливаться въ теченіе семи часовъ. Послѣ этого листы пробиваютъ молотами и опять въ печь, и опять молотки въ ходъ. Повторивъ это три раза, получаютъ матовое листовое желѣзо, пять — глянце-вое. Угольная пудра тутъ стоитъ столбомъ... Ею дѣйстви-тельно дышешь. Когда рабочіе умираютъ, то врачи при вскрытіи находятъ легкіе ихъ переполненными этимъ углемъ.

— Женщины у васъ не работаютъ?

— Нѣтъ. Прежде ходили. Теперь ихъ подрядчики избаловали. Онѣ складываютъ, подвозятъ дрова, вообще на лѣсномъ дѣлѣ стоятъ.

— Чѣмъ же это легче?

— И легче, да и выгоднѣе. Мы имъ платимъ отъ 15 до 20 коп. въ день, а лѣсопромышленники сманили ихъ на 30—35, случается и до 50 коп. Онѣ и бросили заводы... Теперь вообще рабочихъ меньше стало. Прежде избытокъ оказывался, а теперь другой разъ нехватка.

— Куда же дѣлись они?

— Мотовилиха отняла. Туда направляются. Казенные

заводы больше платятъ. Теперь у насъ работаетъ отъ 500 до 1,400 человекъ въ годъ. Смотря, когда сколько надо. Они выдѣлываютъ листового желѣза 200,000 пудовъ, да другаго 120,000 пудовъ.

— Воображаю, какая масса лѣсу уходитъ на это?

— Да. Въ прошломъ году мы сожгли 20,000 сажень дровъ, да 15,000 коробовъ древеснаго угля — коробка-то у насъ вѣдь большіе — девяти-аршинные!..

— Сколько вы считаете рабочихъ дней въ году?

— Да двѣсти-сорокъ норма!

Вообще и здѣсь, какъ на остальныхъ заводахъ, не особенно приглядно живется мужику, а между тѣмъ заводскій народъ въ высшей степени способенъ и любознателенъ. Трудно сказать, что бы выработалось изъ него при другихъ условіяхъ!.. На заводахъ встрѣчаешь превосходныхъ механиковъ, выработавшихся у машинъ безъ всякихъ научныхъ свѣдѣній. Они изобрѣтаютъ новыя приспособленія, упрощаютъ старыя. По общему отзыву специалистовъ, наши мастера, начавшіе свое воспитаніе у кричныхъ печей и кончившіе его въ столярной мастерской, иногда затыкаютъ за поясъ нѣмцевъ-механиковъ, и всегда оказываются способнѣе ихъ. Въ старое время Строганова и Демидова сотни такихъ самородковъ выводили на широкую дорогу. Теперь всѣ господа живутъ внѣ своихъ заводовъ; а управленіямъ лишь бы казенное дѣло справить — остальное имъ не интересно.

— Что теперь! Вишь къ намъ Фуску прислали, — что ёнь, что евоная Фускиха... ничего не понимаютъ... Упрется быкомъ въ машину и стоитъ, думаетъ; а пока ёнь думаетъ, мы ужъ ее совѣтъ разсмотрѣли...

— Кто это Фуска?

— А это нѣмецъ механикъ пріѣхаль съ женой — Фаустъ. А они его въ Фуску перекрестили.

Къ сожалѣнію, талантливость русскаго человѣка не ведетъ въ данномъ случаѣ ни къ чему: ходу ему все равно не будетъ никуда, хоть лобъ себѣ разбей. Въ мальчикахъ, которые въ здѣшнихъ школахъ учатся, замѣчаются иногда феноменальныя способности. Да что же толку, — все равно дальше своего училища не пойдетъ, да и того еще не кончить... Я не могу забыть сцену, которую наблюдалъ тутъ же на Уралѣ. Къ одному изъ учителей является рабочій...

— Что тебѣ?

— Ослобоните!..

— Кого?

— Сынишку моего... Ужь ему двѣнадцатый годъ пошелъ.

— Какъ зовутъ его?

— Ефимомъ.

— Зачѣмъ же его тебѣ?

— Къ дѣлу приставить. Къ печкѣ. Кормить-то ужъ его тяжело стало — пушай самъ кормится.

— Бога ты не боишься! Потерпи еще немного: пускай онъ школу-то кончить... Вѣдь у него способности изъ ряду вонъ. Я здѣсь десять лѣтъ — такого не видалъ еще.

— Нѣтъ, ужъ ослобоните... Потому, — пушай кормится... Это еще когда способностейъ ждать, а намъ не могутно: у меня еще махонькіе есть. Хлѣба не хватаетъ.

Вмѣшались бывшіе при этомъ. Предложили за цѣлый годъ заплатить пополамъ съ управителемъ *** завода.

— Нѣтъ, ужъ ослобоните! уперся на своемъ отецъ. — Мы не нищіе, чтобы отъ чужихъ брать... пушай онъ къ нашему заводскому дѣлу обыкаеть. Грамотой не прокормиться ему. Еще тамъ что выйдетъ.

Учитель чуть не плакалъ, освобождая лучшаго изъ своихъ школяровъ. А то явился другой — къ нему же.

— Сколько вы мнѣ положите?

— За что?

— А за сына.

— Какъ это?..

— Да онъ въ школу къ вамъ ходитъ, такъ сколько вы за него положите, потому — мы родители.

— Да ничего не положу... Будь доволенъ, что даромъ его учать.

— Мы такъ даромъ не могёмъ, потому — его кормить надо... Мы въ такомъ случаѣ его возьмемъ.

И взяли!..

Въ прежнее время хоть управляющіе, члены заводскаго управленія, выходили изъ мѣстныхъ школъ. Теперь и этого нѣтъ. Какихъ-то необыкновенныхъ олимпійцевъ присылаютъ изъ Питера, не имѣющихъ никакого понятія о заводскомъ дѣлѣ. Одинъ, напримѣръ, агронома поставилъ во главѣ дѣла, другой — раззорившатося помѣщика, который у себя въ имѣніи когда-то разводилъ нарочно овражковъ «какъ средство къ дренажу», третій прислалъ пѣвца — тенора, потерявшаго голосъ и потому почувствовавшаго призваніе къ заводскому дѣлу; четвертый отставнаго гусара, а этотъ на первыхъ же порахъ завелъ «бабью повинность»...

Вообще тутъ курьезовъ не оберешься. Мы всѣ, напримѣръ, давно уже считали, нѣкогда существовавшій и при императорѣ Николаѣ заброшенный, каналъ Екатерининскій — вычеркнутымъ изъ списка живыхъ. Его тогда признали ненужнымъ вовсе, уничтожили и даже на старыхъ, не говоря уже о новыхъ картахъ, его найти теперь невозможно. Населеніе, впрочемъ, къ нему отнеслось

иначе. Начальство его упразднило, а Пермская, Вятская и Вологодская губерніи имъ пользуются съ 1871 года опять. Наткнувшись на него, видятъ — шлюзовъ нѣтъ, а каналъ еще цѣль, и обрадовались. При общемъ безпутьи — эта дорога оказалась крайне удобной. По несуществующему каналу стали передвигать грузы на лодкахъ, отъ 500 — 600 пудовъ на каждой. Зимой, когда онъ замерзаетъ, прямикомъ по его поверхности открывается громадный проѣздъ изъ Вологодской губерніи. Десятки тысячъ жернововъ, наприимѣръ, перевезли по немъ въ послѣднюю зиму. Изъ Архангельской губерніи по этому же каналу — прямой путь на Ирбитскую ярмарку. Въ первый годъ, какъ населеніе схватилось опять за этотъ каналъ, по немъ передвинуто было 30,000 пудовъ разнаго груза, дошедшаго благополучно. Съ тѣхъ поръ количество транзита все увеличивается и увеличивается. Консерваторъ зоологическаго музея казанскаго университета, Пельцамъ. кажется, въ сентябрѣ 1875 года, вернулся черезъ этотъ каналъ съ Штукенбергомъ и Некрасовымъ изъ экспедиціи на Тиманскія горы... Фонъ Т.*, одинъ изъ камскихъ солеваровъ, предлагалъ мнѣ проѣхать самому по этому каналу и удостовѣриться.

— У насъ все такъ — начальство уничтожить, а смотришь — дѣло все-таки идетъ своимъ порядкомъ. Теперь хотимъ просить опять возобновить каналъ этотъ!.. Онъ и для обезпеченія хлѣбомъ очень важенъ.

Какъ-то заговорили о ростѣ цѣнъ на хлѣбъ въ Пермской губерніи, по поводу все того же канала.

— Еще бы имъ не расти; здѣсь своего мало, а у насъ его стали вывозить.

— Какъ это такъ?

— Съ каждымъ годомъ увеличивается вывозъ. Въ

1872 году по Усолвѣ и черезъ Ленву на Березовъ увезли 180,000 пудовъ; хлѣбъ стоилъ тогда 53 коп. пудъ. Теперь кулъ муки дешевле 3 руб. не купишь, а въ розницу — дороже рублемъ. Прежде на мѣстные базары хлѣбъ получался изъ Перми и изъ Ильинскаго, теперь съ устья Бѣлой идетъ, а весь ильинскій хлѣбъ и тотъ, который когда-то возили черезъ Пермь, кунгурскій, идетъ за-границу, сначала въ Петербургъ.. Екатерининскій каналъ и въ этомъ отношеніи очень важенъ. По немъ пойдутъ у насъ массы грузовъ.

— Да достаточно ли воды тамъ?

— Пельцамъ проѣхалъ осенью, — воды было довольно; Крузенштернъ недавно прокатился на Печору этимъ же путемъ — тоже не жаловался.

— А какъ добраться до этого несуществующаго канала.

— Вверхъ по Камѣ до Усть-Кельтмы Южной. Весною и осенью Кельтма судоходна. Для дровъ по ней самый лучшій сплавъ, такъ что лодки ухватчиковъ стоятъ тогда на устьѣ ея, а дровяные плоты сами добѣгаютъ до нихъ, безъ препятствія по всему теченію рѣки. По Кельтмѣ нужно подняться до границы Вологодской губерніи. Оттуда вы вступите въ каналъ и по немъ доберетесь до Сѣверной Кельтмы, которая, въ свою очередь, впадаетъ въ Вычегду. Въ самое мелководье, посередь лѣта, глубина Южной и Сѣверной Кельтмы — минимумъ отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ аршина. Весною и осенью вода «пухнетъ», по мѣстному выраженію, и можетъ поднять значительный грузъ... При шлюзахъ пристани.

— Позвольте, вы говорите, что каналъ въ Вологодской губерніи; вѣдь на тѣхъ картахъ, гдѣ когда-то означали, онъ былъ въ Пермской?

— Вѣрно; что же васъ удивляетъ. Врутъ не одни календари; врутъ и карты, а у насъ еще пуще календарей!..

Чермозъ — столица Абамеликъ-Лазаревскихъ владѣній на Уралѣ.

Едва ли у кого нибудь сохранилось здѣсь столько лѣсныхъ угодій, какъ у нихъ. Все начало этого столѣтія и конецъ прошлаго ознаменовались борьбой между ними и Всеволожскими. Къ какимъ только средствамъ не прибѣгали тѣ и другіе, чтобы завладѣть какимъ нибудь урочищемъ. Право владѣнія считалось по первенству занятія. Всеволожскіе займутъ, положимъ, лѣсъ и поставятъ тамъ избу, а Лазаревскіе люди перенесутъ ее въ другое мѣсто и ставятъ свою. Такимъ образомъ доходило до побоищъ, жертвы которыхъ такъ и оставались неизвѣстными. Пермскіе лѣса свято и вѣрно хранятъ свои тайны. Свидѣтели жестокихъ убійствъ и грабежей, вѣковые великаны давно легли подъ топорами дровосѣковъ и только случайно попадающіеся въ уральскихъ пустыняхъ черепа и костяки безмолвно говорятъ душѣ о томъ, что не всегда эта мертвая глушь была такъ же тиха и молчалива, какъ теперь. По старымъ документамъ опредѣлялись границы рѣками. Такъ, для того чтобы расширить свои владѣнія, предки Лазаревыхъ завалили однѣ рѣки, а имена ихъ переносили на другія. Да и межевщики тонко знали свое дѣло. Случалось, на примѣръ, что изъ 200 тысячъ десятинъ они вымежевывали 9,000, а остальное шло тѣмъ, кто раньше всталъ, палку взять. Нечего уже и говорить о томъ, что иногда цѣлыя имѣнія проигрывались въ карты. Уралъ не мало насчитать можетъ такихъ собственниковъ, которые своими громадными имѣніями обязаны мошенничеству, подлогу, или шулерству... Немудрено, что въ населеніи при-

камскихъ волостей и теперъ живъ еще духъ бродяжничества, старательно развивавшійся владѣльцами, которымъ были выгодны всякія переселенія на никому не принадлежащую новь. Пермскій крестьянинъ до сихъ поръ мѣняетъ свою родину. Она не привязываетъ его къ себѣ, «гдѣ сталь — тамъ и взялъ», говорятъ они. Еще недавно въ Растесь, къ Павдѣ, на истоки малоизвѣстныхъ рѣкъ, переходили цѣлыя села. Въ пермскихъ лѣсахъ, близъ Растеса, и до-нынѣ живутъ сотни народа, который навѣрно не скажетъ — кто онъ и откуда пришелъ. Эти колонисты вообще не спрашиваютъ о прошломъ. Имъ до прошлаго нѣтъ никакого дѣла. Они дружелюбно относятся къ бѣглецамъ, устраивающимъ жилища подъ землей, гостепріимно встрѣчаютъ «орѣшниковъ», т. е. крестьянъ, собирающихъ кедровые орѣхи, и охотниковъ на бѣлку, которыхъ промыселъ иногда загоняетъ въ дремучую глушь пермскаго лѣса.

Указаніе криминалистамъ: между бѣглецами въ этой глуши — преступленіе неизвѣстно, убійство неслыхано!

— У насъ миръ и согласіе, говорятъ они. — Другъ дружкѣ помогаемъ и живемъ по-Божьему. Ни надъ нами, ни подъ нами никого.

Уѣзжая отсюда въ Пермь, я уносилъ съ собою глубокія впечатлѣнія.

Долго еще потомъ грезились мнѣ лѣсныя пустыни, безлюдныя рѣки, жизнь, сложившаяся помимо всякаго насилія — вольно и убого. Убого потому, что кромѣ внѣшней красоты своей природа здѣсь не даетъ богатства колонизатору. Не разъ и потомъ тянуло меня опять въ эти кедровыя чащи, въ эти горы, мрачное, каменное великолѣпіе которыхъ переноситъ туриста въ сказочный край, въ міръ грезъ и фантазій...

XLII.

Отъ Перми до Кунгура.

Тутъ, братъ, не разживешься!... обернулся ко мнѣ сумрачный кунгурскій мужикъ съ облучка своей телѣги, когда мы выѣхали изъ Перми.

— Заработки плохи?

— А вотъ какъ: дай Богъ, коли своихъ коней до зимы не зарѣжу.

— Чего же рѣзать?

— Нужа рѣжетъ... Дорога эта рѣжетъ... Пять троекъ у меня было опрошлый годъ, а нынѣ — двѣ... Голодное дѣло-то наше, вотъ что... А то бы не пошелъ!... Вотъ далѣ, самъ погляди, какова путина... За грѣхи наши, вотъ что, — эту самую путину Богъ выдумалъ.

Позади на аломъ фонѣ заката рѣзко вырисовывались громадныя, казавшіяся совсѣмъ черными, ели; края облаковъ горѣли расплавленнымъ золотомъ. Съ востока уже ползла вечерняя мгла, голубая, мечтательная... Безчисленные обозы попадались намъ на встрѣчу. Только минуешь одинъ — за нимъ въ сотню телѣгъ растянулся другой, за

другимъ третій — и конца имъ нѣтъ... Однообразно скрипятъ здоровыя кунгурскія колеса, медленно идутъ рядо́мъ понурившіеся крестьяне... Ни говору, ни пѣсенъ по всему этому неоглядному простору. Село попадаетъ обстроенное на славу, громадныя чистыя избы, постоянные дворы, на полуверсты растянувшіеся съ своими сараями и службами... Въ старое время строены. Вотъ нынѣшнія лачуги — и дерева видно мало, да и земли въ обрѣзъ, зато прежнія такъ и горятъ на заходящемъ солнцѣ стеклами своихъ оконъ....

— Теперь всѣ эти обозы на Крестовскую ярмарку въ Шадринскъ, да въ Пермь ѣдутъ... сказалъ ямщикъ. Тутъ ихъ до пропасти. Было время, хорошо мы на тракту этомъ кормились. Ну, а теперь — нѣтъ.

— Почему? товару мало стало?...

— Намъ съ проѣзжимъ человѣкомъ разговаривать не велѣно, во-что!... За это влетаетъ-то.... На станціи поспрошай; скажутъ, какіе нынѣ порядки. Ну, да что!... Вонъ Ермакова лощина, ишь... переѣхилъ онъ разговоръ.

— Почему Ермакова?

— Да здѣсь самъ отдыхалъ, какъ на Сибирь шелъ. Онъ вѣдь эфими самыми мѣстами. Тутъ вѣдь онъ сколько этой нѣмоты побилъ...

— Какой нѣмоты?

— Такое племя было, что по нашему, по христіанскому, не понимало, ну, и ему, Ермаку, покориться не хотѣло... Окружилъ его Ермакъ и три дня билъ... Такъ и извелъ всю нѣмоту...

Тройка коней бойко внесла насъ на высокую гору, съ которой такъ и пахло въ тепло́мъ воздухѣ этой сѣверной ночи липовымъ цвѣтомъ... Тутъ цѣлая роща липъ стоитъ. Добѣжали они до верхушки, да точно и остановились тамъ, засмотрѣвшись на громадную, верстъ на двадцать раски-

нувшуюся долину... Вокругъ обложили эту долину конусы и, ощетинившіеся густыми лѣсами, гребни первыхъ уступовъ Урала. Внизу вьется рѣка, капризно подбѣгая къ каждой рощицѣ, къ каждой деревушкѣ... То она окутается вся въ непроницаемую синь далекаго лозника, то, непокорно выбившись изъ его объятій, блестнетъ подъ зарей яркимъ заревомъ, точно тамъ, изъ какой-то невидимой разсѣянной, горитъ извивъ краснаго полымя... А деревень-то — будто насыпано. Вонъ Башкирское сельбище — Колковское. Бѣднота такъ и сквозитъ во всѣ прорѣхи... Стѣны расшатались, кровли въ дыркахъ совсѣмъ, трубы гдѣ есть — пообвалились, упали и заборы — видимое дѣло и хранить имъ уже нечего стало у себя... Все съѣдено... Мечеть — та почище, новенькая, вонъ и старая за нею... того же казанскаго типа, какія я видѣлъ на Камѣ и на Волгѣ.

— Они, эти башкиры, умные...

— Чѣмъ это?

— А какже, они свои мечети и школы, которыя есть, насчетъ кабака содержатъ.

— Да развѣ они пьютъ?

Ямщикъ съ удивленіемъ обернулся ко мнѣ.

— А то какъ?

— Татары вѣдь непьющій народъ...

— Нѣтъ, братъ... Ноне такого мужика, что бы не пилъ, значить — нѣтъ... И быть не можетъ... потому что пьешь, что не пьешь — все одно... А башкиры прежде, какъ у нихъ лѣса были — хорошо жили... Богато!... Тогда они и водки не пили... А какъ стали бѣднать и пить стали...

— И тутъ, значить, лѣса повырублены.

— А вотъ: какіе видишь округъ — все это такъ мелколѣсье, молодятникъ, нестоящій совсѣмъ. Настоящіе,

какіе были, кандовые лѣса всѣ подъ топорами сгнули... Не стало ихъ. Въ упокойникахъ лѣса наши!... У насъ, по нашему Пермскому краю, отъ этого отъ самаго промысла многіе мѣщане милліонщиками объявились... Какіе лѣса — казна продала, потому что и чиновнику ѣсть — пить требуется, какіе у помѣщиковъ скупили, а потомъ и башкирскіе рубить пошли... Такъ и сняли съ земли шубуто... Ишь, ей безъ шубы холодно, она и мерзнетъ; гдѣ прежде хлѣбъ рожался самъ восемь, да самъ девять, теперь и самъ четыре — слава-те Господи! А то совсѣмъ весь въ солому уйдетъ. Безъ лѣсу и воды не стало... Такія были у насъ прежде деревни, что совсѣмъ въ лѣсу схоронились... Сутокъ трое идешь бывало — полянки есть — а конца лѣсу нѣтъ; а теперь такая деревушка вся тебѣ на припекѣ, на ладонькѣ... Ни лѣсинки кругомъ — поле, да луга одни... Опять же коли новый лѣсъ и выростетъ гдѣ — тамъ уже старому, нѣжному дереву не бывать. Гдѣ липа была — тамъ хвоя подыметъ, да и то карявая вся, словно въ болячкахъ.

Дорога, мало по малу, становилась все хуже и хуже. Вся она была въ какихъ-то колдобинахъ; колеса вязли въ прутьяхъ, выбивавшихся вверхъ сквозь навозъ и мелкій камень. Насъ бросало во всѣ стороны.

— Вотъ ты спрашивалъ отколь у насъ раззореніе пошло, у ямщиковъ... отъ этой самой дороги и пошло... Пока сухо — теперь примѣрно — рай... А въ ненастье — не приведи Господи, всѣхъ лошадей покалѣчишь. Въ маѣ исправляли ее — да какъ? Ивовыхъ пучковъ набросали, да сверху каменьемъ присыпали... Первые обозы пошли — камения внизъ скрозь сучья... А потомъ чрезъ недѣлю и началась битва эта самая. Колеса пополамъ, шины — тоже. Развалъ самый... Теперь ничего не видать, а вотъ какъ дождь пойдетъ и

станутъ тутъ кони калѣчиться. А сколько денегъ перегубили на эту самую каторжную путину — страсть!... Бумажками всю ее услатъ можно было бы.

И дѣйствительно, на первой же станціи, развернувъ книгу жалобъ, я прочелъ въ ней ламентации только что проѣхавшихъ передо мною путешественниковъ. Вотъ одинъ жалуется, что двадцать пять верстъ онъ ѣхалъ — восемь часовъ, другой, называя эту дорогу отвратительной, гадкой и убійственной, говоритъ, что всѣ прегрѣшенія могутъ проститься человѣку за страданія, испытанныя имъ по этому пути; третій предлагаетъ пермскихъ земцевъ, съ Смышляевымъ во главѣ, возить по Сибирскому тракту до тѣхъ поръ, пока они на своихъ бокахъ не почувствуютъ всего ужаса его. Титулярный совѣтникъ Петръ Рыловъ проситъ начальство освободить его отъ адскихъ мукъ; поручикъ Жигулевъ совѣтуетъ прибѣгнуть къ болѣе строгимъ мѣрамъ, а именно: разстрѣливать, «не щадя виновныхъ»; за то одна дама оказалась болѣе мирныхъ настроеній... Она только задалась вопросомъ: кто «насъ» пожалѣетъ здѣсь — «лошадей и женщинъ!..».

Чѣмъ дальше, тѣмъ деревенскія, постройки здѣсь дѣлаются крупнѣе и крупнѣе. Сплошные постоянные дворы вытянулись по обѣ стороны дороги. Пузатые дворники съ громадными бородами стоятъ у крылецъ своихъ дворовъ и заманиваютъ еще издали къ себѣ троешниковъ и обозчиковъ, или же провожаютъ отъѣзжающихъ, перебрасываются криками и пожеланіями съ одного конца громаднаго обоза въ другой.

— Ивану Трофимычу... Поскорѣе вернись... Съ Богомъ!...

— Твой гость! Назадъ поѣду, приверну...

— Ужь и перменями я тебя тоды угощу.

— Дѣло хорошее.

— Вы намъ, а мы вамъ... Мы вашими животами живемъ, что говорить!..

По пути, на дороге, видимо только что исправленную, набросаны цѣлыя глыбы крупнаго камня... Лошади съ трудомъ пробираются между ними...

— Вотъ какъ у насъ путь то устраиваютъ! злится мой спутникъ.

— Отчего не разбиваютъ этихъ камней?

— Спросите! говорятъ, лошади копытами разобьютъ...

Сколько же копытъ понадобится, чтобы привести хотя въ сколько нибудь сносное состояніе эту хаотическую дорогу. Еще хорошо, гдѣ остался клочекъ старой дороги неисправленнымъ — тамъ хоть дышать можно, за то на отремонтированныхъ участкахъ — невыносимо... Это какія то рельефныя карты Гималаевъ. Вашъ экипажъ то становится на одно, то на другое колесо, то вмѣстѣ съ вами задомъ рушится куда то внизъ, то васъ взбрасываетъ такъ, что вы руками хватаетесь за воздухъ, чтобы сейчасъ же перекинуться вправо, влѣво и пересчитать головою всѣ обручи, весь переплетъ надвинутой на экипажъ кибитки...

— Это еще рай. Погодите — предупреждаютъ меня, — самое ужасное впереди...

У самаго моста ящикъ нашъ взялъ влѣво, сползъ съ косогора по цѣлинѣ и опять поднялся на дорогу. Оказалось, что на ней зияетъ громадная яма...

— Давно ли она у васъ тутъ?

— Да недѣли двѣ уже. Чиновникъ пріѣзжалъ — смотрѣлъ. Сказываютъ, еще пріѣдетъ — смотрѣть будетъ.

— Чего же смотрѣть то?

— Очень ему любопытно... Онъ вѣдь не даромъ смо-

тригъ-то... Онъ за просмотръ деньги беретъ. Ему этакая яма за первое удовольствіе...

Скоро кругомъ уже стала прохладная сѣверная ночь. Робко мигали звѣзды на бѣлесоватомъ небѣ... Въ туманѣ грозный силуэтъ какой то горы... Точно сказочное чудовище залегло тамъ и сторожить насъ...

Тутъ вотъ проѣзду не было, ломались экипажи, оглядывается ямщикъ...

— Кто это хрипитъ въ туманѣ?

Мы дѣйствительно слышали хригѣнье... Бьется кто-то.

— Конь колѣбеть... Намучился... Ишь сердечный, — зорко глянулъ вправо ямщикъ. Эту станцію, коли въ дождь, намъ случается въ два дня ѣхать... Колько разовъ назадъ сворачивали, потому нѣтъ пути... Каждый годъ исправляютъ, а только все хуже... Старые пути куда лучше были... Теперь, чтобы совсѣмъ устроить эту путину — нужно всѣ новыя работы прочь снести, чтобы ихъ и не пахло. Вы господинъ не здѣшній?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ вотъ, что я вамъ скажу... Все это онъ...

— Кто онъ?

— Онъ самый, Смышляевъ. Все это онъ. Потому онъ у насъ царь. Что захотѣлъ, то и сдѣлалъ. Теперь, сказываютъ, казна какія тысячи на эту дорогу отпустила — страху подобно. А у насъ все пути нѣтъ. Ишь вѣточки торчатъ. Это онъ набросалъ вѣтокъ; только еще пуще испортилъ.

Все крестьянство кругомъ, какъ это и видно будетъ изъ слѣдующихъ очерковъ, разорено дорогой. Разорено такъ, что ему и не оправиться. Лошади — искалѣчились, пали на каторжномъ пути, а тутъ еще безкормица была, пришлось продать коровъ... И вотъ тогда то и начался голодный

годъ, послѣдствія котораго до сихъ поръ замѣтны на Уралѣ. Въ деревняхъ, гдѣ на каждый дворъ приходилось по двѣ коровы, да по тройкѣ коней, теперь на пять дворовъ — одна корова, да въ рѣдкой семьѣ сохранилась лошадь...

— Мы уже и не знаемъ, что будетъ? говорили мнѣ... Сначала на Бога надѣялись, теперь и онъ насъ забылъ.

— Колѣвимъ, голубчикъ, колѣвимъ... Видно чернети много развелось, что изводятъ насъ... Когда лѣса были, лѣсами кормились, дорога хороша была — дорогой жили... а теперь лѣса вырубил, дорогу испортили... Куда намъ...

Туманъ по пути все гуще и гуще... Едва размотришь причудливыя очертанія каменныхъ горъ. Вотъ дорога пошла къ намъ... Точно одна цѣльная скала вытянулась гребнемъ версты на три... Ни расщелинъ, ни перерыва. Мы ѣдемъ вдоль... Ни лѣсники на ней. Скала пониже и пониже... слилась съ сырою луговиною, на которой мы по бѣлому пару отличаемъ рѣку. Вонъ направо другія горы поднялись. Не смотря на ночь, обозы тянутся за обозами, всѣ по одному направленію съ нами...

— Это все въ Кунгуръ? объясняютъ мнѣ.

— Ивовую кору для кожевенъ везуть...

Вотъ въ туманѣ и самый Кунгуръ. Огни мелькаютъ оттуда...

— Эхъ вы разнесчастные!... похлестываетъ лошадокъ ямщикъ, и наша телѣга, оставляя за собой окутанныя мглою поля и луга, въѣзжаетъ на широкую и людную площадь... Сотни возовъ стоятъ на ней. Слышно фырганье коней, голоса и крики...

— Что это?

— Базары.

— Ночью то?

— Да все наши крестьяне съ ивовой корой прива-

лили. Городъ у насъ большой, да красовитый. Куда прикажете?.. На станцію?'

Подъѣхали къ станціи — на самомъ крыльцѣ усатая фигура. Во рту чубукъ.

— Проѣзжіе?

— Да.

— И мните на ночлегъ сюда?

— Мнимъ.

— Вотще... всего двѣ комнаты здѣсь... Въ одной молодые заперлись... Свадьба здѣсь была, такъ комнату для пріѣзжающихъ заняли. Не помѣшаете же вы имъ. Сами знаете: «оставить человѣкъ отца своего и мать свою и прилепится къ женѣ своей и будутъ два въ плоть едину. Тайна сія велика есть». А въ другой комнатѣ — пьяные купцы бушуютъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто... Одинъ напился и вообразилъ, что умираетъ... Изъ города нотариуса вытребовалъ. Диктуетъ ему духовное завѣщаніе. А другой горько надъ нимъ плачетъ...

— А вы же тутъ при чемъ?

— Я при нихъ состою... Былъ прежде помѣщикъ, но какъ видите — яко, нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего. Теперь — вотъ при купцахъ. Прежде бы я эту пьяную рожу... Ну да что!.. Пожили — будетъ... Все вѣдь лучше, чѣмъ въ острогѣ?.. Какъ вы полагаете, благородному человѣку, дворянину—потомственному, — хотя въ острогѣ то мѣсто дадутъ?.. Если я кражу напимѣръ?.. Даетъ она, кража, права или не даетъ?

— Сергѣй Васильевичъ! выбѣжалъ разстрепанный молодецъ изъ комнаты и точно потерялъ что, давай озираться.

— Чего тебѣ? Вѣрно встряска была?.. Ишь вихры то во всѣ сторонѣ..

— Пожалуйте... Савва Ивановичъ требуютъ... Подписываться подъ завѣщаніемъ... Совсѣмъ ужь они теперь кончаются...

— Это подъ двадцать шестымъ-съ подписываютъ... Потому, какъ напьется, сейчасъ умирать!..

— Куда же мы теперь? спросилъ я у спутника.

— Никакъ не иначе — въ Константинополь!

— Это еще что?

— Лучшая гостинница!..

XLIII.

К у н г у р ь .

Мы все ѣдемъ базарами... Всюду сотни возовъ съ ивовой корою для кожевенъ. На возахъ и подъ возами сидятъ, лежатъ и болтаютъ ихъ хозяева, переругиваясь съ скупщиками. Тѣ, не глядя на нихъ, какъ саранча шмыгаютъ вокругъ сонныхъ мужиковъ...

— На, выпей!.. пристааетъ юркій кулакъ къ одному изъ нихъ.

— Чего пить то... Ишь на тебѣ креста нѣтъ. Ты говори цѣну настоящую — тогда и пить будемъ съ тобой, Искаріотъ!..

— Выпить и съ Искаріотомъ можно! Смотришь соглашается тотъ, — а только и мои два рубля не на улицѣ валяются.

— Дьяволь, да я днемъ три, либо четыре возьму.

— Ну это еще возьмешь ли... Четыре рубля... Ишь какое ты слово сказалъ...

— Брали!...

— Времена были, брали... А Теперь на, вина выпей!...

— Не мути ты меня, Христа ради... Подлая душа твоя... Иродъ ты — вотъ что... А самъ глазъ отвести не можетъ отъ водки. Тутъ же воза съ сѣномъ. Съ одного базара на другой мы переѣзжаемъ чистенькими, хорошо обстроеными улицами. Толпа косцовъ-башкиръ, въ бѣлыхъ балахонахъ, ждетъ на какой-то площади... Тутъ тишина... Башкиры не болтаютъ между собою... Вонъ и третій базаръ, на немъ бабы съ ягодами, грибами, яйцами, крестьяне съ овсомъ и хлѣбомъ, мальчишки съ цѣлыми горами деревянной посуды. Все это оретъ, галдитъ; тѣ же скупщики и здѣсь шныряютъ въ толпѣ и торгуются.

— Вотъ и Константинополь.

Едва дозвонились... Омерзительной номеръ... Въ окно пахнетъ кожей, кожей пахнетъ и въ комнатахъ... Затхлая и душная конура; все голодное населеніе тотчасъ же выползло на стѣны, очевидно, любопытствуя, кого Богъ послалъ на ужинъ...

— Что это у васъ?

— Извѣстно что!... Здѣшній клопъ. У насъ ими не обижаются. У насъ вездѣ... Домашній звѣрь-то, и тотчасъ же перстомъ сдѣлалъ изъ него запятую.

— Тюфякъ-то этотъ подъ холернымъ былъ, должно быть?

— Тюфячекъ первосортный... Волосомъ набить.

— А что стоитъ номеръ?

— Полтора!... Если безъ всего — полтора рубля... Остальное по такцѣ...

— Отчего же такъ дорого?

— Да больше вѣдь въ городѣ и гостинницъ нѣтъ... Сколько спросимъ, столько и платятъ... Генералъ останавливался, три платилъ. И то радъ былъ, что мѣсто нашель... Вина вы много пьете?

— Совсѣмъ не пью.

— Ну, вотъ! Хозяинъ то еще васъ за эту цѣну и не пустить.. Намъ и расчета нѣтъ пускать непьющихъ. Жилецъ непьющій — намъ невыгоденъ. У хозяина винный погребъ свой... Вотъ рядомъ стоитъ артистъ одинъ, такъ ему номеръ то за рубль отдали.

— Пьеть много?

— Да... Они тутъ концерты давали... Ну, что собрали, все у насъ оставлять... Они артисты столичные. Только пока выѣхать не могутъ. Потому имъ все аспиды представляются и будто бы у нихъ изъ живота кота вырѣзываетъ докторъ.

Я подошелъ къ окну. Городокъ выглядываетъ очень кокетливо, хотя между чистенькими и щеголеватými домами здѣшняго купечества кое-гдѣ на показъ выставляется гнилая рвань мѣщанскаго убожества... Вонъ разсвѣтъ выхватилъ изъ сумеречнаго марева-ночи Сылву, словно спрятавшуюся въ крутые берега свои... Пѣтухи орутъ во всю глотку. Удивительно исправная птица! И опять этотъ противный задушающій запахъ кожи. Вотъ подъ окнами внизу башкиры привалили въ бѣлыхъ балахонахъ и бѣлыхъ валеныхъ шапкахъ.

— Вы намъ паспортъ свой пожалуйста.

— Утромъ...

— Нельзя-съ... У насъ строго... Потому мы тоже поджигателевъ ловимъ... Ну и бродягъ, которые...

— Говорю, утромъ. До тѣхъ поръ не стану раскрывать чемодана.

— Какъ угодно-съ... А только ежели кварталный пьяный придетъ, большое вамъ беспокойство будетъ... Третьяго дня одному проѣзжающему руки назадъ скрутилъ.

— Что?

— Потому, они нѣмецкаго природу и порусски не понимаютъ... Ну, такъ имъ руки назадъ скрутили... Въ лучшемъ видѣ... Исправникъ ужь выпустилъ.

— За чтожъ его арестовали?

— А зачѣмъ они къ намъ ѣздятъ. Мы здѣсь тихо, смирно... по православной вѣрѣ живемъ... А они зачѣмъ къ намъ... по какой причинѣ, ежели по нашему ни слова?.. Чего хорошаго... Вотъ ужь именно... У нихъ опять книги свои... Квартальному тоже нельзя... Онъ приступилъ къ нимъ: — какого содержанія.... А они, нѣмцы, глазами только хлопають, да лопочутъ что-то по-своему... Ну онъ опять вторительно: какого содержанія... А по третьему разу — и руки назадъ... Потому ихъ только пусти... Сказываютъ, они у насъ, на нашей землѣ, свои крѣпости на случай войны хотятъ строить...

— Это въ Кунгурѣ-то?

— А хоша... У насъ камня много... Хорошую крѣпость можно... У насъ, что вы думаете, у насъ пѣвчіе какіе... Въ Екатеринбургѣ такихъ нѣтъ... У насъ по воскресеньямъ паркесное пѣніе въ соборѣ... Ужь именно!... У насъ, если кто смиренный — такъ весело, ничего, и отъ начальства большаго притѣсненія не бываетъ.

Кунгуръ играетъ громадную роль въ торговлѣ этого края. Едва-ли это не самый богатый городъ. Одного перечисленія фирмъ его довольно, чтобы получить нѣкоторое понятие о значеніи Кунгура въ Пермской губерніи. Вотъ главнѣйшіе изъ нихъ: Кузнецовъ, отправляющій ежегодно за-границу сала на 10 милліоновъ рублей. Губкинъ, занимающійся чайною торговлею съ 6-ю-милліоннымъ оборотомъ. Грибушинъ, изъ писцовъ почтовой конторы, ставшій милліонщикомъ; кожевщикъ Фоминъ, Чуватовъ, Пли-

кинъ, Турицынъ, торгующіе кожею отъ 300 до 100 тысячъ въ годъ каждый, и многіе другіе.

— У насъ купцы значительные! объясняли мнѣ здѣсь. Нигдѣ такихъ пожертвованіевъ нѣтъ, какъ у насъ... Вонъ недавно Грибушинъ на техническую школу домъ да нѣсколько сотъ тысячъ далъ, а вотъ мѣщанинъ здѣшній, Зыряковъ, взялъ да такъ, ни съ того ни съ сего, девяносто тысячъ рублей на благотворительныя дѣла отдалъ... Вотъ вы съ ними и поговорите...

Утромъ, когда я вышелъ изъ номера, всѣ улицы и площади этого торговаго города были залиты народомъ. Башкиры, татары, пермяки, русскіе, все это мѣшалось въ одну пеструю толпу. Всюду — склады кожи, огнеупорной извести, громады мѣшковъ, набитыхъ чѣмъ то, точно все это выползло изъ сараевъ, гдѣ не хватило мѣста нашему богатству. Вонъ толстый купецъ тащитъ за ухо черезъ улицу своего приказчика; тотъ смиренно слѣдуетъ за нимъ и даже не дѣлаетъ попытки освободиться...

— Что это онъ?..

— Попался... Такая ли юла этотъ Спиридоновъ... Вѣрно Трофимъ Трофимовичъ на мошенствѣ его поймалъ... Сейчасъ казнить будутъ...

— Какъ казнить?

— Чѣмъ ни попало по мордѣ. Палка — палкой, вѣникъ — вѣникомъ. У нихъ это просто, оттого ими и приказчики завсегда довольны. У другихъ выгонять, а этотъ оставить, — служи... И еще разъ поймаютъ, и еще разъ сами изъ своихъ рукъ накажутъ.

— Ну, и нравы у васъ...

— У насъ нравы простые.

Кунгуръ — по преимуществу купеческій городъ. Всѣ тутъ живутъ тѣмъ, что дастъ купецъ, и купецъ здѣсь

первый человекъ. Онъ даетъ тонъ городу, онъ первый и въ городской и въ земской управѣ. Въ клубѣ чиновники передъ нимъ млѣютъ, въ соборѣ батюшка о его благоотреченіяхъ произносить краткія слова. Мѣщане смотрятъ ему въ глаза и еще издали снимаютъ шапки...

— Помилуйте, они наши кормильцы, мы безъ нихъ, что тараканы въ пустой избѣ...

— Ну, и они насъ тоже... замѣтилъ было одинъ...

— Что — тоже?..

— Болванъ ты... Всю изъ тебя соку съ кокой выжмутъ.

— Отчего не выжать, коли мы голодные. Сытые бы — не пошли. А съ голоднаго отчего не взять. Голодный самъ идетъ... Крестьянина, того не такъ. У крестьянина есть хозяйство, земля... А у насъ одно — блоха своя, всего и хозяйства!..

На сѣверѣ хмурятся высокія горы. На ихъ гребняхъ зеленѣетъ мелколѣсье, откосы и обрывы всѣ обнажены и массы огнеупорнаго известняка бѣлѣютъ вокругъ города. Городъ весь построенъ на скалахъ изъ той же породы и построенъ отлично. Красивыя церкви безъ того запущеннаго вида, какимъ они отличаются въ другихъ мѣстахъ, красивые дома, гдѣ ни во дворѣ, ни въ окнахъ не видать ни души... Большое и роскошное зданіе Губкинскаго пріюта на нѣсколько корпусовъ, сады съ густою листвою своихъ липъ и кленовъ, — все это подходитъ прямо къ крутому берегу Сылвы, по которому сползаютъ внизъ по крутому берегу маленькіе, покривившіеся домики кунгурской бѣдности. Подымаясь все выше въ гору, я добрался до церкви Тихвинской Божіей Матери и невольно остановился на ея паперти. Подо мною внизу весь городъ... Крутой и капризный извивъ Сылвы, въ родѣ французскаго S. Вокругъ массы деревянныхъ простенькихъ домовъ,

перемѣшанныхъ съ бѣлыми кварцевыми скалами, взрѣзавшими кое гдѣ зеленыя поляны и откосы. Сверху видны, какъ на ладони, дворы со всѣмъ ихъ неприхотливымъ обиходомъ, кучи дѣтей, бабъ, лошадей... Вонъ, по улицамъ ползутъ долгушки, на каждой по двадцати бабъ съ земледѣльческими орудіями въ рукахъ; всѣ онѣ ѣдутъ теперь на полевою работу. Вонъ бѣлыя пятна на площади — это толпы башкировъ... На лѣво масса бѣлокаменныхъ домовъ, съ зелеными кровлями, высокія колокольни, церкви, точно глядящіяся сверху въ красивую и чистую Сылву. А за нею, за Сылвой, опять таки цѣлое марево всевозможныхъ мелкихъ построекъ и домиковъ, холмы съ березовыми рощами, окутанными золотистымъ солнечнымъ свѣтомъ.

По моему мнѣнію, это одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ нашего востока, да и изъ самыхъ благоустроенныхъ.

— У насъ пожарная повинность на всѣхъ раскладе-на. Замѣтили мнѣ.

— А что?

— Да вы обратите вниманіе... На домахъ-то.

И въ самомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ фамиліей владѣльца помѣщено и указано, съ чѣмъ онъ долженъ являться на пожаръ по тревогѣ. Вотъ на примѣръ, домъ мѣщанки Розачиной «съ кишкой», Ивана Точки «съ бочкой» и наконецъ дѣвицы Олимпіады Благолѣповой «съ машиной». Я невольно расхохотался, мнѣ и вспомнилось:

Ah Josefine

Avec sa machine!

Ходилъ я, ходилъ по улицамъ Кунгура и запутался. Наконецъ выбрался къ какой-то церкви. Около, прямо на улицѣ, столикъ, на столикѣ кружка для сбора пожертвованій. За кружкой сидитъ духовная особа женскаго по-

ла, несомнѣнно просвирня или что-либо въ этомъ родѣ. Лицо — широкая масляница, сама — толще колокольни...

— Какъ пройти, спрашиваю — въ «Константинополь»?

— А ты изъ пріѣзжихъ будешь?.. Молодой какой... Чтожъ ты въ нашъ Кунгуръ по дѣлу, либо проѣздомъ?

— Проѣздомъ.

— А ты поживи... У насъ люди хорошіе, богобоязненные. Нашъ городъ красивый. Однихъ храмовъ сколько.

— А не скучно у васъ? Тутъ, я думаю, взбѣсишься отъ тоски.

— Чего скучно. Въ Москву отъ насъ не захочешь, если мы тебѣ полюбимся. У насъ какіе купцы живутъ, знаешь ли ты?

— Да что же мнѣ-то до нихъ за дѣло.

— А ты не гордыбачься... Они озолотить человѣка могутъ... И женимъ мы тебя здѣсь. У насъ невѣсты бѣлыя, разсыпчатыя, мягкія... Около ея, что около печи — тепло будетъ... Оставайся-ко.

Я расхохотался — засмѣялась и она. Наконецъ, указала куда идти...

— Да вотъ Фекла въ ту сторону... Фекла, проводи господина.

Женщины здѣсь говорятъ какъ-то особенно пѣвуче... Всюду запахъ кожи, видимое дѣло, городъ этимъ живетъ...

— Этотъ запахъ скусный! объясняла мнѣ спутница.

— Отчего...

— Здоровый, сказываютъ... онъ отъ нутреннихъ болѣзней чудесно дѣйствуетъ..

— Я думаю, вы всѣ на кожевняхъ работаете.

— Нѣтъ у меня точно что мужъ на кожевнѣ, а я при домѣ. У насъ мало бабъ, которыя на кожевняхъ робятъ..

Когда я вернулся въ гостинницу, тамъ шло веселье.

Вмѣсто органа въ залѣ играла шарманка. Мотивы — та-кихъ уже теперь въ другихъ мѣстахъ и не услышишь: «Шла дѣвица за водой», «Гусаръ на саблю опираясь», «Подъ вечеръ осени ненастный».

За однимъ изъ столиковъ цѣлая компанія. Какой-то длинноволосый съ перекошеннымъ отъ пьянства лицомъ и вокругъ господу кушцы.

— Можете ли вы понимать, что такое музыка? злился длинноволосый.

— Нѣтъ, ты это не говори... Ежели хорошіе пѣвчіе....

— Что пѣвчіе.... Это развѣ искусство....

— У насъ одинъ дьячекъ...

— Съѣзжу я тебя по мордасу, кажется.

— Это они-съ... артисты... пояснилъ мнѣ половой. — Съ нашимъ хозяиномъ сидятъ.

— Построй ты мнѣ здѣсь каменный театр! приста-валъ артистъ къ кушцу.

— Зачѣмъ? Кто ходить-то будетъ?

— Я вамъ оперы ставить берусь. Свѣтъ увидите, черти этакіе. Тутъ вы вѣдь совсѣмъ щетиной обросли, свиннымъ саломъ покрылись... Кромѣ кожи ничего не знаете. Вѣдь васъ толстолобыхъ не прошибешь теперь...

Большая площадь передъ гостинницей представляла оригинальное зрѣлище. Вся она была полнымъ-полна на-роду. Бабы, въ необычайно яркихъ платьяхъ, бродили между телѣгами и лошадьми, болтались по лавкамъ. Со всѣхъ сторонъ сюда съѣзжались мужики покупать косы, грабли и серпы. Звонъ идетъ отъ нихъ... Ругань стоитъ въ воз-духѣ.

— Вы первые грабители! оретъ мужиченко, обращаясь невѣдомо къ кому, посреди площади. — Вамъ бы шкуру снять съ крещеныхъ... Нешто такъ можно.

— Да на кого ты?

— На эво: Енъ съ меня три рубли — за что?.. За что три рубли?.. У меня на подать нѣтъ, а ему за что?...

Такъ никто его и не понялъ.

XLIV.

Отъ Кунгура до Саксунской горы.

Только выѣхавъ изъ Кунгура мы поняли, почему эту дорогу называютъ каторжной.

Она ужасна въ полномъ смыслѣ слова! Представьте себѣ, что васъ кто нибуть схватилъ за голову и, приподнявъ, начинаетъ энергично растирать собственную вашу особую сидѣнье, какъ растираютъ краски, вправо, влѣво, кругомъ, назадъ, впередъ, по діагонали. Въ видѣ разнообразія, вы дѣлаетесь молотомъ и всюду — вверхъ, внизъ, въ стороны, вы стучите головой и боками во всю мочь. Вы стараетесь головой проломать навѣсъ вашего тарантаса, какъ трамбовка, прибываете внизу веревочный переплетъ экипажа. Въ концѣ концовъ, когда лошади останавливаются у станціи, вы выходите разбитый, уничтоженный, весь въ синякахъ. Языкъ прикушенъ, въ головѣ сумбуръ какой-то. Только и отдыхаешь, когда ящикъ цѣлиной поѣдетъ или свернетъ на проселокъ, до котораго не касались мудрые строители. Всѣ обозы тоже идутъ проселками, обѣгая, какъ огня, большой дороги. Съ боку она кажется длиннымъ рядомъ какихъ-то насыпей, перемѣшанныхъ съ грудами бѣлаго камня. Въ насыпяхъ этихъ, расплзающихся отъ

перваго дождя, вбиты колышки довольно высоко надъ землей, томно для того, чтобъ о нихъ разбивались копыта подлинно несчастныхъ коней.

— Страсть, какъ мы этой дороги боимся! — машеть на нее кнутомъ ямщикъ.

— А что?

— Всѣхъ коней извела каторжная!.. Еще хорошо, что начальства нѣтъ, потому начальство требуетъ, чтобъ не сворачивали въ сторону, а по ней ѣхать по самой. Я тутъ пару чудесныхъ коней потерялъ...

— Колѣбютъ? машинально спрашиваю я.

— Колѣбютъ! А когда — нѣтъ, такъ каждый день на шестьдесятъ коней тридцать-сорокъ подковъ нужно новыхъ. Мочи не стало! Кузнецъ и молотовщикъ отдыху не знаютъ, такъ что колесо перетянуть иногда дня два ждать приходится. Экипажей что на дорогѣ брошено!

И дѣйствительно, на встрѣчу намъ попался священникъ. Самъ идетъ впереди, позади лошади съ кое-какъ навязанными на нихъ узлами, подушками, чемоданами.

— Что это вы, батюшка?

— Да у Вушуевской станціи колеса и переднія, и заднія — въ дребезги.... Тарантасъ я бросилъ, а въ Екатеринбургѣ за него полтора ста даль... Изъ самага Иркутска ѣду, а такого пути еще не встрѣчалъ.

— Плохо, батюшка, Богу молись, замѣчаетъ мой спутникъ.

— Непрестанно возсылаемъ мольбы о путешествующихъ. Но что же дѣлать! — нынѣ по нашимъ грѣхамъ и чудесъ нѣтъ.

— Какихъ чудесъ?

— А уцѣлѣть экипажу на семъ пути развѣ не истинное чудо?

Вонъ дама сидитъ на развалинкѣ своей коляски и ревя реветъ.

Кстати наѣхали мы. Взяли ее къ себѣ.

— Что же я съ коляской-то дѣлать буду?

— Бросить надо.

— Я за нее въ Перми пятьсотъ рублей отдала. Думала, дочери въ приданое!

За Сабаровкой пошли поля. Народъ, видимое дѣло, землей живетъ. Кровли крыты соломой, соломой же покрыты и многочисленныя, всюду попадающіяся часовни. Когда мы проѣзжали мимо нихъ, выходили старики и позванивали — не бросимъ ли нѣсколько грошей. Видимо, народъ здѣсь пошелъ религіознѣе. Гдѣ нѣтъ часовни — тамъ бѣлые столбики съ иконами. И типъ у народа какой. Черныя брови, нѣсколько задумчивые глаза, женщины румяныя и стройныя. Не въ Украйну ли попали мы? Не Новороссійскій ли югъ это? И только синяя кайма рѣзко очерченныхъ горъ на краю неба говоритъ вамъ о далекомъ Уралѣ. Все, что не окинешь взглядомъ здѣсь, вся эта къ самымъ горамъ подступившая гладь — вспахана до послѣдняго клочка, или смѣняется сочными понилями съ тучными мровинами.

— Тутъ народу хорошо жить! вглядывается ямщикъ.

— Отчего?

— Потому у него заработковъ много... Не хочешь на заводѣ работать, въ Суксунѣ землю паши. Земля здѣсь хорошая, жирная земля... Въ ей силушки много... Нѣтъ земли, либо тяжело хозяйничать — иди въ Кунгуръ на кожевни... А коли ежели вотъ — въ извозѣ. Тутъ отъ самой Сабаровки народу рай — не житье?

— Отчего у васъ однѣ бабы косятъ!

— Баба по здѣшнему мѣсту большой человѣкъ. Му-

жикъ на заводѣ, либо въ кожевнѣ, а баба въ полѣ. Здѣсь баба крѣпкая, ядреная... Иная за двухъ заводскихъ мужиковъ управится. Нашу сабаровскую бабу не замай... Въ иныхъ прочихъ мѣстахъ бабъ бьютъ, а здѣсь бабу нельзя бить.

— Не дается?

— Она сама оклоушить кого угодно въ лучшемъ видѣ. Сабаровскія бабы своихъ мужиковъ въ струнѣ держутъ. Во какъ учатъ! Коли пошелъ пить и ее съ собой бери. Одинъ не смѣй.

— Что же тутъ хорошаго? Вдвоемъ и пропьютъ вдвое.

— Съ бабой-то вдвое?... Никакъ этого невозможно! Мужикъ стервѣетъ отъ водки, а баба пьетъ съ разумомъ... Она честно, благородно — стаканчикъ выпила и мужика прочь изъ кабака волокетъ, домой. Наше крестьянское хозяйство одной бабой и держится. Не было бы здѣшной бабы и достатку бы не стало! Здѣсь баба мудрая, справедливая... У насъ и на сходы бабы ходятъ.

— Ну?

— Вѣрно! и говорятъ бабы на сходахъ, если хозяина нѣтъ, либо если она вдова съ семьей осталась... У насъ часто баба ресторановъ водить, когда мужика нѣтъ... Она за мужа повинность справляетъ.

— И убѣгаютъ отъ нихъ вѣрно?

— Отъ нее не убѣжишь. Она свое дѣло знаетъ. Наша баба, бываетъ, и на звѣря съ ружьемъ ходитъ за Суксунь. Тутъ одна есть, Марфа, такъ она двѣнадцать медвѣдевъ убила ужъ. Вотъ она какая, наша, баба.

Гладь кончилась. Мы въѣхали на Суксунскую гору.

Еще издали рисавались намъ заманчивыя дали. Какъ будто безчисленныя облака, приникли тамъ и сямъ синія рощи... Съ вершины налѣво — лоцины за лоцинами, цѣ-

лое марево холмовъ, горъ и хребтовъ, словно неожиданно-негаданно раскинулся передъ нами какой-то сказочно красивый край. Вонъ въ узкомъ ущельи сбилось большое село Совѣтное; тамъ разрабатываютъ чугунную руду. Вонъ изъ-за горныхъ скалъ слѣдующей гряды вьется дымокъ, — тамъ прислонилось къ кручамъ и осыпямъ другое село... Направо — лоцины за лоцинами. Въ одной изъ нихъ граціозный извивъ голубаго пруда и масса сѣрыхъ строеній завода. Бѣлая церковь точно стремится вырваться изъ нихъ, вырваться прочь изъ тѣсныхъ объятій этихъ горъ и, словно жалуясь, высоко въ самое небо возносить свой ярко сверкающій крестъ... Вся жизнь по лоцинамъ и по норамъ... Здѣсь на вершинахъ — пустыня... Меланхолически шелеститъ подъ вѣтромъ рѣдкая трава; корявая, вся сморщенная береза жметя, точно испуганная, по самой землѣ, громадные камни посѣдѣли отъ старости: тысячи лѣтъ они думаютъ все одну и ту же думу надъ этими долинами и холмами.

— Хорошо!... У насъ мѣсто красовитое, замѣчаетъ мой спутникъ.

Вдали — едва, едва замѣтныя, мерещутся синія массы Урала... Вблизи золотые разливы ржы, изумрудныя пятна свѣжихъ луговъ...

— Хорошо! Дѣйствительно хорошо.

— У Сабаровки лучше. Тамъ народъ богаче живетъ.

— Тутъ мѣсто красивое.

— Зато и бѣдноты здѣсь. Ишь какія себѣ кижы построили! И ящикъ махнулъ кнутомъ на ютящіяся внизу однооконныя маленькія кѣтушки. Семьями живутъ здѣсь! Бѣда! Какъ и дышать-то?

Тарантасъ точно нырнулъ внизъ... Великолѣпный сосновый боръ разступился и захватилъ насъ въ свое задум-

чивое царство. Громадные великаны, стройные, выхоленные, посылають намъ на встрѣчу свой привѣтствующій шелестъ... Лошади, попавъ на хорошую дорогу, бѣгутъ весело впередъ — туда, гдѣ за послѣдними соснами курится намъ на встрѣчу густой и удушливый дымъ.

— Это что еще тамъ?

— А на околицѣ навозъ жгутъ, чтобъ отъ сосѣдей сибирская язва не перешла сюда. Она страсть этого дыму боится. Теперь округъ всего села такіе костыри курятся. Ну, и точно, ходитъ-ходитъ язва — а сюда не можетъ.

Народъ здѣсь живетъ дикій. Мы просились въ избы — насъ не пустили никуда. Такъ и пришлось уѣхать отсюда.

XLV.

Отъ Суксуна до Ачинской.

Чѣмъ дальше, тѣмъ окружающіе насъ виды — все лучше и грандіознѣе

Что за чудныя окрестности открываются, напримѣръ, съ песчаной горы... Безконечный просторъ — передъ вами. Все раздвигается далеко, далеко. Налѣво, среди холмовъ голубѣютъ извивы красивой рѣки, направо — котловина. Съ самаго дна ея подымается отдѣльно стоящій конической холмъ рѣзкихъ очертаній. Онъ точно давитъ прижавшееся къ самому подножію его село Ключи... По той же котловинѣ чуть не десятью рукавами разливается рѣчущка, выметывая повсюду островки то изъ бѣлаго камня, то изъ зеленыхъ луговинокъ, то покрытые свѣжими рощами. Дорога съ самаго Суксунскаго завода превосходная, потому что грунтъ твердый и не испортишь его ничѣмъ; никакіе инженеры не могутъ создать тутъ подобія того ада, который мы оставили за собою и должны еще встрѣтить впереди.

— У насъ село Ключи богатое.

— Чѣмъ?.

— Хлѣбъ свой. Не покупаемъ... Опять же тутъ такіе цѣлебные источники есть.

Оказалось, что около изъ земли бьютъ сѣрные ключи, давшіе свое названіе и селу. Они, дѣйствительно, пользуются заслуженною славю, хотя, разумѣтся, около нѣтъ никакихъ приспособленій для помѣщенія больныхъ.

— Дорога-то какая здѣсь славная.

— А вотъ погодите, завернемъ за село.

— Ну?

— Помянете родителей.

И дѣйствительно, не успѣло село Ключи съ ихъ почтовою станціею отбѣжать назадъ, какъ насъ опять начало взбрасывать, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ просто выкидывало изъ телѣги. Жалѣя свою голову, я на этотъ разъ взялъ экипажъ безъ навѣса.

— Это еще мы проселкомъ ѣдемъ! обернулся ко мнѣ ямщикъ.

— А настоящая дорога?

— Тамъ не приведи Богъ. Вонъ она, взгляните.

Я посмотрѣлъ — рядъ какихъ-то сугробовъ, на которыхъ растеть трава. Видимое дѣло, никто тутъ не ѣздитъ. Сверху наброшена галька, подъ нею крупный камень, а подъ камнемъ глина. Все это расплозлось, встало ребрами. Разумѣтся, ѣзда невозможна. Когда я разспросилъ, оказалось, что до «исправленія» по этому пути ѣздили и ничего, не особенно было плохо, а какъ исправили дорогу, такъ ужъ никого на нее и калачемъ не заманишь. Сотни тысячъ рублей, и государственныхъ, и земскихъ, истрачено на этотъ путь и только для того, чтобы изъ удобнаго сдѣлать его совсѣмъ недоступнымъ. Въ одномъ мѣстѣ проселокъ свернулъ на эту каторжную дорогу и намъ пришлось сдѣлать полверсты по ней. Эти полверсты мы шли часъ, по крайней мѣрѣ. Не только ѣхать — идти было трудно. На самой срединѣ пути мы наткнулись на почву.

Телѣга безъ коней, лошади отпряжены и на чемоданахъ и сумкахъ грустно сидитъ почтальонъ, словно Марій на развалинахъ Кароагена. Не успѣли мы взѣхать на мостъ, какъ наткнулись на новую картину, полковникъ Войцеховскій — колесо его экипажа провалилось въ дырѣя этого моста — загородилъ намъ путь. Безъ преувеличенія можно сказать, что проѣзжій на этомъ только что исправленномъ пути рискуеть быть убитымъ или изувѣченнымъ каждую минуту. И такая дорога идетъ отъ Ключевской вплоть до Быковской станціи безъ перерыва... Больная женщина встрѣтилась намъ около самой Быковской станціи. Пѣшкомъ она не могла идти и потому лежала пластомъ, избитая, вся въ синякахъ — въ своемъ тарантасѣ, который, какъ носорогъ, переваливался съ одного бока на другой. А рядомъ съ нею дѣти головами другъ о друга стучаются, какъ телята, которыхъ везутъ на убой. И дальше — все было такъ же, какъ и здѣсь... Когда мы сползли на цѣлину — увидѣли ту же картину: послѣ только что оконченнаго ремонта трактъ заросъ травой, и о его существованіи напоминаютъ только телеграфные столбы да березовыя аллеи.

— А прежде, до ремонта, и тутъ можно было ѣздить... Почему же теперь не пробуютъ?

Ямщикъ остановилъ коней.

— А вотъ подите да поглядите!

Я взошелъ на дорогу... Чортъ знаетъ, какой хаосъ представился моимъ глазамъ. Колдобины, сугробы, ямы въ полсажени глубины. Кое-гдѣ галька расползлась и обложила растрескавшуюся глину, въ другихъ мѣстахъ изъподъ камня торчатъ вверхъ какіе-то пучки сучьевъ, которыми наскоро забрали дорогу... Даже пѣшкомъ идти — увязнешь, а лошадямъ ни за что не вытащить телѣгу, которая по самую ступицу уйдетъ въ эти засовы и ямы...

И на эти безобразія казна ежегодно отпускала по 400,000 рублей. Интересно, въ чьи карманы уходили эти деньги? Кто исправлялъ этотъ путь, сдѣлавъ его совсѣмъ невозможнымъ? Стонъ стоитъ по всѣмъ окрестностямъ. Одни плачутся на то, что лошадей на немъ покалѣчили, другіе на то, что добраться никуда нельзя... Обозчики воютъ. Хоть совсѣмъ не вези товаровъ: все равно приходится и ихъ бросать посередь пути за невозможностью миновать эту, въ полномъ смыслѣ слова, и для людей, и для коней каторжную дорогу... Можно сказать, что у кого изъ проѣзжихъ здѣсь голова оказывалась не разбитой и самъ онъ выходилъ изъ этого испытанія здоровымъ, то такое чудо слѣдовало приписать особенной благодати Привидѣнія. Проѣзжимъ оставалось одно утѣшеніе — отводить душу, записывая свои жалобы въ станціонныя книги. И зато сіи послѣднія дѣйствительно представляютъ здѣсь своеобразную литературу. Сколько злости, остроумія и слезъ потрачено пассажирами на описаніе своихъ злоключеній.

— Это еще что... А вотъ сейчасъ на Ачинскую станцію пріѣдемъ.

— Ну, такъ что же?

— Здѣсь хуже путина.

— Да развѣ можетъ быть хуже?... испугался я.

— Сами увидите.

И это оказалось правдой. Каждую станцію здѣсь ѣдешь — думаешь, ничего ужаснѣе быть не можетъ, и на слѣдующей убѣждаешься, что воображеніе бессильно создать то, что сотворено здѣсь земскими техниками и заправилами. Вонъ передъ нами громадный обозъ съ казеннымъ порохомъ увязъ и стоитъ посерединѣ дороги.

— Сколько времени, братцы, здѣсь? спрашиваю у понурившихся и до послѣдней степени озленныхъ солдатъ.

— Второй день! Ничего подѣлать не можемъ... И ѣсть самимъ нечего, и кони голодные! А съ каждымъ новымъ часомъ телѣги вязнуть все больше и больше.

Дальше — опять земскій сѣнокосъ, то есть дорога, поросшая травой. Мы имѣли неосторожность двинуться по ней — и жизнь прокляли. Какъ ни искалѣчены боковые объѣзды, какъ ни испорчены они, все же съ ними и сравнить нельзя этого земскаго тракта. Это что-то невѣроятное. Галька, насыпанная здѣсь, вѣситъ каждая по три фунта. Я самъ видѣлъ гальки съ голову двухлѣтняго ребенка. Все это брошено прямо на вязкую глину и не утрамбовано. Думали, что колеса экипажей и копыта коней утрамбуютъ и разобьютъ камень, но никто не рискнулъ ѣхать — и все такъ и осталось въ своемъ полномъ и несравненномъ безобразіи. А гдѣ и проѣхали неосторожные, тамъ сейчасъ же образовались глубокія колеи. На жалобы проѣзжающихъ земство не обращало вниманія, а когда появились въ газетахъ извѣстія объ ужасномъ состояніи сибирскаго тракта, тогда пермская управа не нашла ничего лучшаго, какъ ассигновать тысячу пятьсотъ рублей на преслѣдованіе газетныхъ корреспондентовъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытна жалоба, записанная въ книгѣ Ачинской станціи. Привожу ее здѣсь цѣликомъ: «Въ виду того, что пермское земство значительнымъ большинствомъ голосовъ опредѣлило 1,500 рублей на преслѣдованіе корреспондентовъ и газетныхъ заявленій объ ужасахъ сибирскаго тракта, симъ свидѣтельствую, что трактъ за нѣсколько станцій до Екатеринбурга и отъ него также невообразимо дуренъ. Но, будучи инженеромъ, не могу не изумляться громадности цифръ стоимости исправленій дороги. Проѣхавъ отъ границы Монголіи до Екатеринбурга, положительно нигдѣ не встрѣчалъ такого отвратительнаго пути. Раньше много

слышалъ и читалъ о неисправности его, но никогда не могъ себѣ представить, чтобы дѣйствительность превзошла воображеніе. Глубокая грязь, выбоины и ухабы въ 12 вершковъ вышины и глубины, мѣстами плотно дороги перерыто канавами. Исправленіе ничтожно, запасъ хряща незначителенъ, ѣду отъ трехъ до пяти верстѣ въ часъ».

И такихъ заявленій сотни. Я видѣлъ, проѣзжая въ одинъ конецъ, обширныя заготовленія для исправленія нѣкоторыхъ участковъ дороги, а возвращаясь обратно черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, нашель, что путь совсѣмъ испортили, а не улучшили. Несчастные, въ полномъ смыслѣ слова, ямщики должны были сами прокладывать себѣ дорогу по сторонамъ зигзагами, увеличивая длину пути. И замѣчательно, что проложенныя ими тропы, ничего не стоя, — гораздо лучше, чѣмъ драгоцѣнный сибирскій трактъ, по которому перестали ѣздить.

Одно, что немного примиряетъ со всѣмъ этимъ, да и то записныхъ любителей природы — это виды Урала. Они здѣсь грандіозны и красивы. Вонъ изящно рисуются на горизонтѣ двѣ горы, имѣющія форму красивыхъ персей. Ихъ такъ и называютъ «титечными»; за ними мерещится уже главный хребетъ Урала — точно тамъ, на краю неба, вырѣзались синія грозовыя тучи.

XLVI.

Отъ Ачинской до Бисерти.

Та же исторія: дорога хороша тамъ, гдѣ ее не исправляли, и скверна тамъ, гдѣ ее ремонтировали — тѣ же громадныя гальки, глубокія ямы и колеи. Тутъ намъ пришлось перегнать цѣлый поѣздъ арестантовъ. Бритыя головы, бряцаніе цѣпей, взгляды изподлобья и тѣ же полныя страдальческой покорности судьбѣ лица женщинъ и простодушныя, даже въ этой обстановкѣ, улыбающіяся лица дѣтей... Особенно одинъ ребенокъ остался у меня въ памяти. Онъ сидѣлъ на рукахъ у отца и игралъ цѣпями, которыми были скованы эти мускулистыя, сильныя руки... Въ одной изъ телѣгъ лежала лицомъ въ солому и рыдала женщина.

— Ахъ, вы, дѣтки, дѣтки! вздохнулъ мой ямщикъ. А только не по правдѣ это! обернулся онъ ко мнѣ.

— Что не по правдѣ?

— Везуть-то ихъ... этихъ бабъ, которыхъ... За что?... Иная и не виновата совсѣмъ, а засудили. За что младенцы теперича страдать должны? Мы ихъ страсть жалѣемъ.

Какъ въ село къ намъ приведутъ — сейчасъ молока имъ, хлѣба!.. Оборони Богъ, деньги взять съ нихъ. Большой это грѣхъ!.. Ишь Ермакова гора, махнулъ онъ кнутомъ впередъ.

Желтые песчаные холмы. На ихъ золотистыхъ обрывахъ синѣютъ черточки пихтового и соснового лѣса. Впереди вырисовываются первые крупные отроги Урала — точно вся даль застилается параллельными валами, дымящимися подъ утреннимъ солнцемъ. Еще дальше за ними — точно въ воздухѣ висятъ коническія вершины. Сами же отроги рѣзко обрисованы на голубомъ небѣ, и скаты ихъ сливаются съ воздухомъ, точно они плаваютъ надъ землей, оторвавшись отъ нея. Сверху внизъ спускаются вездѣ прохладныя, зеленыя, лѣсистыя долины; спустишься въ такую долину — и тяжело становится, точно со всѣхъ сторонъ надвигаются на тебя и давятъ эти сумрачныя суровыя горы.

— Гдѣ же Ермакова гора?

— Да вонъ! Ишь, точно двѣ срослись... Ихъ двѣ и было. Тутъ допрежъ разная невѣрная чудь жила. Шель Ермакъ и давай воевать ее. Бились они бились, — а тамъ двѣ горы стояли; промежъ нихъ-то и загналъ Ермакъ невѣрнаго царя. А царь этотъ волшебный былъ: видитъ онъ — нѣтъ ему пути. Ни впередъ, ни назадъ, конецъ невѣрной душѣ придить, и заклалъ онъ эти горы. Лучше же, говорить, мнѣ отъ горы пропасть, чѣмъ отъ меча христіанскаго. Горы и навалились одна на другую. Тамъ такъ и доселѣ чудской царь съ своимъ воинствомъ сидитъ.

— Почему же доселѣ?

— А какіе охотники были, влѣзали туда, такъ разные гласы слышали тамъ, какъ въ горѣ разговариваютъ. Особенно ночью внятно. А только же и злая эта чудь...

Съ той поры она все на насъ посылаетъ и непогодъ, и грозу. Какъ закурилась гора, такъ и знаешь, что волшебные люди изъ-подъ камени мару на насъ пускають... А если тучи свертываются на ней — быть грозѣ... Никакъ царь этой своей гибели забыть не можетъ.

— Зачѣмъ же онъ не раздвинетъ горы, вѣдь съумѣлъ же сдвинуть ее?..

— А ты какъ думаешь, Ермакъ-то дуракъ былъ!. Онъ сейчасъ, какъ гора сдвинулась, срубилъ большую сосну, обтесалъ ее, да наверху, на горѣ самой, крестъ и поставилъ. Такъ и не можетъ изъ-подъ креста чудской волшебный царь уйти... До скончанія вѣка будетъ сидѣть въ ней.

Какія громадныя села пошли съ Ключей! Ъдемъ, ѣдемъ по улицамъ — конца нѣтъ. На версты раскинулись они.. Вотъ, напримѣръ, Ялымъ на р. Утѣ, впадающей въ Сылву. Большіе дома по широкой и длинной улицѣ. Солнце уже поднялось и грѣетъ довольно сильно. Массы барановъ жмутся подъ тѣнь домовъ, лошади стоятъ у воротъ парно и обмахиваются хвостами, телята посереди проѣзда невозмутимо смотрятъ на васъ. Гдѣ легли, тамъ и лежатъ — хоть подъ колеса... Обиліе скота замѣтно повсюду. У воротъ кое-гдѣ доятъ коровъ, и коровы рослыя, сильныя. Подъстать всему этому достатку, пожалуй, крестьянскому богатству — и типъ мѣстныхъ крестьянъ совѣмъ непохожъ на оставленныхъ позади. Мужики, видимое дѣло, сытые, бабы красивыя, сильныя. За этимъ селомъ — другое, такое же... третье...

Наконецъ, мы въѣхали на одну гору — и я невольно остановилъ коней.

Большая долина раскинулась внизу, и по ней самыми прихотливыми извивами тянется р. Бисертъ, то разбра-

сываясь и дробясь на маленькіе волошки, то сливаясь въ одно быстрое теченіе, яро стремящееся вдаль, чтобы тамъ опять разбиться на красивые рукава. Кажется, ей хочется обогнуть каждый холмикъ, забѣжать во всякую встрѣчавшуюся по пути рощицу. Вся долина заставлена такими идиллическими холмами; но они совсѣмъ теряются въ виду горъ, обступившихъ ее, а за этими горами синѣютъ вершины еще болѣе далекихъ. Сверху, въ красивой Бисерти мы различаемъ лодочки, точно черныя черточки... Вонъ табунъ лошадей зашелъ въ воду. Вонъ, на берегу, оригинальные кавалеристы — мужикъ съ бабой на одномъ конѣ...

— Изволите видѣть, сколь это они ловко... наши гусары!...

Я оглядываюсь. Подъѣхалъ деревенскій попъ... Мы раскланялись. Попъ тоже сидѣлъ на конѣ, подобравъ рясу.

— Умилительный видъ и даже, возможно сказать, душевноносящій!..

Да, красиво.

— Радуетесь творенію Создателя своего... Поди, земной художникъ, сотвори что либо подобное сему? Я такъ полагаю, нарисовать это трудно... А мы, по нашей жестокости, не чувствуемъ... Потому персть земная — и ничего больше.

— Умный этотъ попъ у насъ, замѣтилъ ящикъ, когда тотъ уѣхалъ.

— А что?

— Онъ, братъ, три кабака держитъ, вотъ онъ какой... Коли деньги нужны мужику — сейчасъ къ нему: онъ его тутъ тоже ловко... своего не упуститъ... Дочка у ево — въ городу за чиновникомъ... Онъ тутъ значительный... Сказываютъ, его архирей хотѣлъ въ Екатеринбургъ переправить, только онъ самъ не пожелалъ: тутъ ему выгодиѣ.

Мужикъ вѣдь что — мужикъ глупъ: самъ, что муха, въ паутину лѣзетъ. Соси его, сколько хочешь... Онъ, моль, и жалиться не станетъ...

Когда мы начали спускаться внизъ, на нѣсколько минутъ Бисертская долина спряталась отъ насъ... Зато на сѣдловинѣ выросъ передъ нами цыганскій таборъ. Точно въ декорации раскинулись щеголеватые шатры, подъ шатрами красные кумачные пологи и отличные тарантасы рядами; добрые кони цѣлыми табунами паслись около. Женщины спятъ подъ пологами.

— Откуда тутъ цыгане такъ богаты?

— Какъ имъ не богатѣть — первые воры. Здѣсь цыгане съ достаткомъ... По другимъ мѣстамъ у нихъ дѣти голыя бѣгаютъ, а эти вишь — всѣ одѣты да обуты, въ лучшемъ видѣ...

Даль опять раздвигается. Въ самомъ широкомъ мѣстѣ долина Бисерти дѣлится на два рукава, образуя сочный зеленый островъ между ними. Запруды около, гдѣ широко разливается вода. Громадное и красивое село Бисертъ раскинулось по обоимъ берегамъ рѣки. Вездѣ все зелено, сочно... Кажется, все дышетъ избыткомъ жизни и силы. Весело становится, глядя на это богатство, къ которому совсѣмъ не привыкъ утомленный грустнымъ однообразіемъ нищеты и бездоля глазъ русскаго туриста... Но дорога, дорога! Жерди съ неочищенными вѣтвями, въ родѣ гати; на ней просто грязь навалена, и ничего кромѣ грязи... Это называется ремонтомъ!.. Палая лошадь на этѣй гати; при нашемъ приближеніи съ нея цѣлой тучей срывается вверхъ тяжелое сытое воронье... Еще нѣсколько минутъ и мы торжественно вѣзжали въ село, раздавивъ мирно заснувшую на улицѣ свинью.

XLVII.

Отъ Бисерти до Киргишана.

За Бисертью, на сибирскомъ трактѣ толпы рабочихъ.

— Что дѣлаете, братцы?.. спрашиваемъ.

— Земскія деньги хоронимъ! — дорогу портимъ! кричатъ намъ въ отвѣтъ они.

Массы вѣтвистыхъ жердей безъ толку валяютъ на шоссе. На жерди льютъ полужидкую грязь зачѣмъ-то. Мужики смѣются.

— Тутъ еще вчера можно было проѣхать, а вотъ поправимъ — никому пути не будетъ.

Дорога отсюда идетъ горами; на двадцати пяти верстахъ ея — двадцать четыре горы. Телѣга то спускается въ долины, то взѣзжаетъ на верхушки, гдѣ печетъ солнце, и острые камни одни стоятъ по сторонамъ, смѣнивъ давно вырубленные лѣса... Оставили позади красивую рѣчку Еманчу, что шумитъ въ своихъ порогахъ и переборахъ, бѣлыми каскадами падая съ уступовъ скаль. Красота видовъ по этому пути невольно миритъ съ дорогою. Вонъ, впереди, безконечная цѣпь холмовъ и долинъ съ Клоко-

вой горы такъ и просится въ картину... Жалѣешь, что тутъ нѣтъ художника, который бы съумѣлъ воспроизвести эти крутые обрывы горъ, подъ которыми змѣится рѣка Ута, эти гордыя вершины, стремящіяся точно перерости одна другую, эти рѣзкіе края, точно окаменѣвшіе морскіе валы, извивающіеся параллельно одинъ другому, эти синія ущелья и пади, откуда только вьются дымки невидимыхъ сельбищъ. Но не успѣешь еще отдохнуть на этой дивной панорамѣ, какъ, смотришь, колесо пополамъ, и телѣга валится на бокъ. Впрочемъ мы не одиноки. Вонъ смертельно блѣдная женщина на дорогѣ. Тарантасъ ея опрокинулся и ушибъ несчастную. Только и дышешь тамъ, гдѣ дорогу еще не исправляли, а какъ попадешь на гать, залитую грязью и заброшенную крупною галькою, — такъ тебя точно въ рѣшетѣ начинаютъ сбивать. Въ теченіе трехъ часовъ мы сдѣлали только восемь верстъ, вставивъ запасное колесо вмѣсто сломаннаго... Ни пѣшкомъ, ни въ экипажѣ. Точно переживаешь какой-то кошмаръ. Готовъ наброситься на когонибудь, прибить перваго попавшагося. Безвыходная злость растетъ въ душѣ, хотя и знаешь, что она прежде всего ни къ чему не ведетъ. Гораздо лучше было бы отдать эту дорогу крестьянамъ, а не техникамъ. Первые взяли бы четверть того, что истратили, невѣдомо на что, послѣдніе и исправили бы путь отлично. Вѣдь немного надо специальныхъ познаній, чтобъ взять да засыпать эту дорогу жердями и грязью. Вѣдь нельзя же выводить на это въ расходъ по 400,000 рублей ежегодно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по пути качаетъ сильнѣе, чѣмъ на пароходѣ въ бурю. На станціи я засталъ несчастнаго чиновника. Тотъ чуть не плачетъ.

— Что вы?

— Помилуйте, я подѣ суду попаду, или выгонять.

— За что?

— Я еще вчера долженъ былъ явиться начальству, а что мнѣ дѣлать, если по этому пути болѣе сорока верстъ въ сутки не пройдешь?.. У кого тутъ свидѣтельство возьмешь, да и кто повѣритъ, чтобы такое безобразіе могло быть у насъ?

И тутъ литература почтовыхъ книгъ въ высшей степени интересна. Вотъ, на примѣръ, маіоръ Винокуровъ, сдѣлавшій эту дорогу вмѣстѣ съ женою пѣшкомъ, по невозможности ѣхать, такимъ образомъ обращается къ виновнику его мукъ: «Г. предсѣдатель, Дмитрій Дмитриевичъ Смышляевъ, вы два трехлѣтія распоряжаетесь въ губернскомъ земствѣ; по вашему ходатайству денежная земская повинность уѣздными управами отдана губернской; по вашему ходатайству правительство назначило на исправленіе той же дороги 200,000 руб. ежегодно, и между тѣмъ въ ваши два трехлѣтія сибирская дорога отъ Кунгура до Екатеринбургa уничтожена. Неужели стоны проѣзжающихъ, стоны крестьянъ-обозчиковъ не доходятъ до вашей совѣсти? Я готовъ передъ общественнымъ судомъ доказать фактами, что дорогъ здѣсь не существуетъ». Другой, полковникъ Войдоховскій, свидѣтельствуешь, что онъ проѣзжалъ по этому же тракту въ 1867, 69, 71 и 72 годахъ и никогда бы не повѣрилъ, что дорога до Кунгура можетъ быть уничтожена, а между тѣмъ это оказалось такъ; слѣдовательно, отпускаемые правительствомъ 200,000 руб. и столько же земскихъ ежегодно тратились не на улучшеніе, а на уничтоженіе пути... Мы не приводимъ другихъ безчисленныхъ жалобъ.

Опять мы нагнали партію арестантовъ. Тутъ меня глубоко поразили здѣшніе крестьяне. Шла ихъ цѣлая партія. Увидѣвъ «несчастныхъ», они захотѣли подать имъ

милостыню. И въ первый разъ въ жизни я видѣлъ, какъ уралець дѣлаеть это. Они сняли шапки и безъ шапокъ подошли къ арестантамъ, низко поклонились имъ и тогда уже подали деньги.

— Что это они? спрашивалъ я у своего спутника.

— Они всегда такъ... Это они кланяются несчастію... Не они ждутъ благодарности, а сами благодарятъ, что ихъ милостыня принята.

Меня это тронуло. Нужно было самому видѣть выраженіе лицъ у этихъ странниковъ, глубокое чувство, отразившееся въ нихъ. И насколько выше они нашихъ криминалистовъ, насколько чище ихъ явился въ эту минуту передо мною народъ, тотъ самый народъ, который чуть ли не въ видѣ гориллы изображался его присяжными знатоками и описателями!..

— Христось тоже ходилъ въ рабскомъ видѣ...

— Да вѣдь они преступники, согрѣшили передъ закономъ?.. замѣтили имъ.

— Мы передъ Богомъ каждую минуту грѣшили, да и то Онъ, милостивый, насъ не караетъ, а что выше — Богъ или законъ? Нѣтъ, судьи земные строже Бога хотятъ быть... А кто же не грѣшитъ? Есть ли такой человѣкъ, чтобы во всю жизнь свою свято законъ соблюлъ?.. Эти несчастные хоть искупили ужъ вину свою, слезами омыли ее.

И они, разумѣется, были правы, чутьемъ понявъ все очистительное значеніе несчастья.

На самой станціи до восьми лошадей хромали; каждый день на этой дорогѣ кони разбивали себѣ копыта. У моего ямщика отъ этой дороги пало шесть лошадей!..

У Кленовской станціи начались самыя высокія горы. И дорога отсюда пошла еще хуже, если это только возможно.

— Зачѣмъ же ты не уйдешь?

— Какъ уйдешь? Контрахтой насъ обязали... Куда уйдешь? Случалось, другіе бѣгали — ихъ становой назадъ. Пока послѣдняя лошадь ляжетъ, сиди. Разореніе, баринъ! Такое разореніе — не приведи Господи! Я богатый, вѣдь, мужикъ былъ, восемь хорошихъ коней держалъ, а теперь у меня два осталось, да и то у одного вчера на жердяхъ этихъ копыта сорвало. Стоитъ теперь, булатка-то...

Горы все выше и выше... Села въ долинахъ все такія же крупныя. Бабы въ яркихъ платкахъ. Старики въ караулкахъ у дороги жмурятся на солнцѣ.. Вотъ косцы идутъ и поютъ унылую сѣверную пѣсню, у которой однако не хватаетъ силы подняться въ высоту, на вольный просторъ. Такъ она и стелется по землѣ, и ласкается къ ней, и плачетъ на груди своей матери... Со стороны поля вѣтеръ несетъ въ лицо намъ запахъ фіалокъ... И тутъ же по пути воротить носъ отъ палыхъ коней...

Всѣ села тоже въ лощинѣ попрятались: нѣтъ ни одного на вершинѣ холма или на склонѣ горы. Каждое ютится на днѣ котловины или въ долинахъ у рѣчки, весело стремящейся впередъ между этими мрачными конусами уральской огады... Вотъ липовая роща навстрѣчу...

— Послѣдняя! сообщаетъ мнѣ спутникъ.

— Почему послѣдняя?

— Извели все... Новыхъ липъ не растетъ... На прежнихъ нивахъ шупенный лѣсъ подымается, березнякъ молодятникъ.

Отъ Кленовской станціи вплоть до Билибаевой въ 1873 году народъ меръ отъ холеры: сотнями тысячъ гибли крестьяне. Предсѣдатель пермскаго земства отрицалъ холеру совершенно, сравнившись въ этомъ отноше-
ніи съ знаменитымъ самарскимъ губернаторомъ, тоже не

признававшимъ у себя голода. Когда купецъ Михайловъ здѣсь сталъ покупать лекарства и помогать народу, донося вмѣстѣ съ тѣмъ о холерѣ губернатору Андріевскому, то Смышляевъ потребовалъ, чтобъ непрошеннаго благотворителя предали суду «за распространіе ложныхъ свѣдѣній»... Странные обычаи, между прочимъ, возникли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ здѣсь, особенно въ селѣ Грбовѣ, съ того времени: крестьяне умершихъ дѣвушекъ хоронили со свадебными пѣснями!..

XLVIII.

Отъ Киргишанской до Гробовской.

Ночь ужъ... Мы медленно спускаемся въ долину. Сѣрое небо, сѣрыя мгlistыя горы. Ничего опредѣленнаго, все тускло, все мерещится... Одни только костры внизу, въ долинѣ, ярко горять. Оттуда слышатся пѣсни и крики.

— Ишь длинноподолое племя!.. замѣчаетъ мой ямщикъ.

— Что это такое?

— Да бабы вонъ тамъ!.. Это все на поляхъ работало, ну теперь у костровъ ночь коротають.

— Вѣдь не однѣ же женщины?

— Однѣ бабы да дѣвки: мужчинъ нѣтъ. Тѣ не ходять сѣно косить вовсе. Они на заводахъ въ это время работаютъ. Теперь у бабъ веселье. — Веселье-то веселье! обернулся мой ямщикъ. А только не дай Богъ остаться съ ними тогда... Онѣ у насъ въ эту пору шалыя — зашпилють да замучатъ. Теперь парни и близко къ нимъ не подходятъ: потому онѣ всякаго парня обидятъ. Тутъ какое дѣло было! Становой ѣхаль, и бабошникъ же былъ! Увидѣлъ онѣ дѣвокъ, сейчасъ —

стой, и къ нимъ. Видятъ онѣ — начальство, ну, первое время его честь-честью приняли. Сѣлъ онъ у костра — ничего. Только и давай онъ забижать ихъ. Аксиною сталъ по грибы звать, она не пошла, онъ ее за подоль... Тутъ дѣвки и озлились. Связали становаго — да и сволокли его въ лѣсу. Въ лѣсу наломали прутьевъ, потомъ съ него, съ начальства-то, штанину долой и высѣкли... И кричалъ же шибко, становой-отъ!

— Что же потомъ?

— А потомъ онъ, какъ оглашенный, отъ нихъ въ городъ... поскорѣй!.. Такъ и не жаловался, потому стыдно ему было...

Темные силуэты деревьевъ выдвигаются намъ на встрѣчу... Вонъ табунъ, застоявшійся на дорогѣ, шарахнулся отъ насъ въ сторону... Пѣсня откуда-то веселая звенить... Такъ и охватываетъ всего; самому хочется уйти присоединиться къ поющимъ и скоротать съ ними эту сѣрую сѣверную ночь...

— А въ другой разъ чиновника изъ города онѣ было защипали всего! У насъ дѣвка вольная, она, что божья трава, рошена: ни надъ ней, ни коло ей никого...

Пошли ямы и ухабы... Насъ вновь стало мучить на этой каторжной дорогѣ.

— Тутъ больше верхомъ нынче ѣздятъ! замѣтилъ ямщикъ. Потому въ телѣгѣ никакъ невозможно.

Видно, что порча дороги — дѣло, не одного года. Если бы шайка мошенниковъ задалась цѣлью нарочно испортить этотъ спускъ внизъ, то они не могли бы лучше выполнить своего намѣренія. Допустить такое состояніе пути — преступленіе. Вонъ, напримѣръ, рядомъ съ нами едва ползетъ, переваливаясь съ колеса на колесо, экипажъ, а впереди, въ

грязи, едва-едва бредеть какая-то дама съ дѣтьми. У этихъ даже жаловаться силъ не хватаетъ...

— Да скажите же, наконецъ, развѣ пермское земство самодержавно, неприкосновенно? разолился мой спутникъ.

— А что? *)

— Развѣ нельзя судить его членовъ?

На станціяхъ тѣ же краснорѣчивыя жалобы. Военственный маіоръ Постояновъ выражаетъ желаніе скорѣй взять приступомъ укрѣпленіе, защищаемое сильной батареей; чѣмъ добровольно ѣхать по этой убійственной дорогѣ... Капитанъ Свейскій пришелъ къ утѣшительнымъ заключеніямъ: для достиженія рая нужно идти тернистымъ путемъ, но эти триста шестьдесятъ верстъ развѣ не самый тернистый путь изо всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ. Всевышній поэтому не оставитъ капитана безъ награды за его страданія. Далѣе онъ подробнѣйшимъ образомъ описываетъ колотье въ груди, боль головы, синія пятна на тѣлѣ, изображая послѣднія графически и призывая небесныя проклятія на лицъ, взявшихся за исправленіе этого пути...

Намъ попались здѣсь опять цыгане, и опять такіе же роскошные шатры у нихъ, какъ и встрѣченные нами наканунѣ.

Какъ вчерашніе, такъ и эти оказываются хотя и цыганами, но въ то же время весьма богатыми тюменскими купцами. У нихъ мало-мало у каждаго тысячъ по сорока денегъ, тѣмъ не менѣе они не оставляютъ своихъ кочевыхъ привычекъ, и дѣти ихъ, мальчики, совсѣмъ по инстинкту, никакъ уже не изъ нужды, выпрашиваютъ у проѣзжихъ милостыню.

У нихъ такъ: какъ май мѣсяцъ — они сейчасъ же за-

*) Надо замѣтить, что теперь, вѣрно, измѣнились порядки, о которыхъ я говорю. Я ѣздилъ по Пермской губерніи нѣсколько лѣтъ назадъ.

колачиваютъ свои дома, переселяются въ тарантасы и на кочевку, гдѣ день, гдѣ ночь подъ шатрами. Лѣтомъ и весной въ городѣ чахнутъ совсѣмъ. Имъ нездорово оставаться на это время въ стѣнахъ домовъ. Камышловскіе богатые купцы, изъ цыганъ, то же самое дѣлаютъ. Ихъ безъ кочевья тоска беретъ. Въ городѣ живутъ — купецъ-купцомъ, какъ выползли на кочевье — все старое опять возвращается: готовы и коня увести, и погадать на ладони и на картахъ, и спѣтъ цѣлымъ таборомъ.

Мимо насъ, несмотря на ночь, со смѣхомъ и весельемъ идутъ поденщицы на работу.

— Эй, бабы!.. почему рядилися?

— А те пошто?.. Аль самому бабъ надо?

— Баба завсегда нужна! резонно отвѣчаетъ ямщикъ. Безъ бабы куда дѣнешься?

— Ты, Василій, мужикъ умный... Своя-то жена нашто?..

— Своя жена дома на Грбовской... А тутъ я за холостого.

— А вотъ подь-ко къ намъ: мы тебя утѣшимъ!..

— Знаемъ мы васъ.

— Мы те скулы-то повыворотимъ...

И съ громкимъ смѣхомъ бабы уходятъ дальше.

Оказывается, что на хозяйскихъ харчахъ баба получаетъ здѣсь отъ сорока пяти до шестидесяти копѣекъ. На Киргишанскомъ заводѣ на двѣ косы полагается рубль. Мужчина, когда онъ свободенъ и можетъ работать на поляхъ, получаетъ немного больше: отъ восьмидесяти копѣекъ до рубля каждый — тоже, разумѣется, на хозяйскомъ корму. При дороговизнѣ хлѣба здѣсь, ему нельзя было бы и существовать на своемъ.

По пути на Грбовскую станцію мы, наконецъ, попали

на дорогу, еще не исправленную. По ней можно было ѣхать, быстро и покойно, тутъ и обозамъ легко. Мы нѣсколько отдохнули на ней. Но зато всякій разъ, какъ только намъ попадался участокъ, къ которому земство приложило руку, мученія наши были невыносимы — крупная галька и торчашія прямо подъ ноги конямъ жерди дѣлали передвиженіе невозможнымъ. Песку нѣтъ вовсе, и опять повсюду палые кони или еще живые, но уже бьющіеся въ послѣдней агоніи.

— Что это такое?

— Ишь, ногу сломала... Эко бѣдная! Эхъ ты, кормилица крестьянская!

— Тутъ какая исторія была. Вчера, арестантъ одинъ умеръ въ телѣгѣ — такъ его било всего, а онъ больной былъ...

— Ну, что ваша жалоба? обратился къ ямщику мой спутникъ.

Тотъ только головой мотнулъ.

— Начальство — нешто оно понимаетъ!

— На что это жаловались?

— А вотъ представьте себѣ: обычай подавать арестантамъ такъ вкоренился здѣсь, что жители этого села нарочно ходили въ Кунгуръ жаловаться этапному начальству на Киргишанскаго унтеръ-офицера, не пропускавшаго подаяній къ пересыльнымъ. Чуть бунта не было изъ-за этого. Со слезами на глазахъ жаловались крестьяне. «Кто же за нихъ, за несчастныхъ-то, заступится, коли не мы... Самъ Богъ велитъ посѣщать заключенныхъ — какъ же смѣютъ, дескать, не пускать къ нимъ!..» Едва-едва удалось ихъ успокоить. Вы вотъ посмотрите, до чего оригиналень у нихъ взглядъ на арестантовъ. Мнѣ и вамъ при встрѣчѣ на пути здѣшніе крестьяне не кланялись?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ. Начальству своему тоже шапокъ не ломаютъ, а арестантовъ везутъ — крестьяне низко-низко кланяются имъ. Вы какъ думаете? Ко времени, когда ведутъ въ Сибирь этапныя партіи, — версть изъ-за тридцати сходятся мужики подавать арестантамъ. Каждый не сетъ, что можетъ. Удивительный народъ!.. Зато и арестанты, даже бѣгле, ни за что ихъ не тронуть. Впрочемъ они иной разъ, здѣшніе-то, какія дѣла дѣлаютъ. Въ прошломъ году препровождались, между прочимъ, въ Сибирь двѣ дивныя красавицы. Одна изъ нихъ негодяя мужа, тиранившаго ее, убила, а другая, защищая себя, со свекромъ покончила. Около Гробовской станціи мужики двухъ этихъ бабъ взяли и скрыли. Такъ и не нашли ихъ потомъ. Сказываютъ, черезъ мѣсяць онѣ въ полной безопасности въ скитахъ были.

— Потому развѣ онѣ виновати? вступился ямщикъ. Онѣ не виновати. Это на меня разбойникъ нападетъ, такъ долженъ я ему живой въ руки дасться?..

Сильно запахло душмянкой... Густой ароматъ ея стоялъ въ воздухѣ.

— Вы знаете, бѣдные крестьяне пьютъ ее, эту душмянку (лабазникъ), вмѣсто чаю.

Дорога спускалась все ниже и ниже къ лощинѣ, на самомъ днѣ которой раскинулось большое и богатое село Гробовское. Типъ мѣстныхъ жителей славится своею красотой. Здѣшнія женщины считаются самыми привлекательными изъ всѣхъ кунгурскихъ. Многие купцы нарочно прѣзжаютъ сюда жениться на нихъ. Даже рабочіе на шоссе, понятно, въ Гробовскомъ селѣ, отличаются отъ своихъ товарищей ростомъ и силой.

— Здравствуй, Василий! привѣтствовали они моего ямщика. — Прѣзжай, прѣзжай скорѣй! смѣялись они. По-

тому, какъ мы поправимъ, такъ уже и проѣзду не будетъ.

Земскіе техники ссылались на болота, которыхъ нѣтъ и впоинѣ, и оправдывались недостаткомъ песку, котораго здѣсь массы. Поправляютъ они мѣста проѣзжія, тогда какъ скверныя такъ и остаются въ прежнемъ видѣ. Съ 1871 по 1875 годъ изъ Гробовской станціи до Билимбае въ одну и въ Киргишанъ въ другую сторону отправляли проѣзжающихъ верхами. Дамамъ давали экипажъ, но запрягали вмѣсто четырехъ — восемь лошадей. Въ теченіе послѣдняго года, здѣсь, въ одномъ Гробовскомъ, пало восемьдесятъ коней, а искалѣчено и испорчено гораздо больше. Ямщики буквально разорены. Очередные ямщики охотно платили по 6—8 и даже по 12 рублей обывателямъ, чтобы тѣ за нихъ исполняли гоньбу по дорогѣ. Прежде каждому ямщику мало-мало принадлежала тройка коней; теперь они должны собирать у товарищей или нанимать у другихъ крестьянъ. То время, когда я проѣзжалъ по пути, было самое удобное для его исправленія; но ничего не дѣлалось. Нельзя же было считать ремонтомъ жерди, кинутыя на дорогу и безобразно пересыпанныя галькой. У подрядчика Стрижова, доставляющаго матеріалъ, рабочіе разбѣжались. Онъ, какъ оказалось, въ качествѣ единственнаго матеріала для дороги, заготовлялъ глину, которая при первомъ дождѣ расплывалась въ жидкую грязь, и только. На двухъ этихъ станціяхъ у Стрижова изъ ста пятидесяти человѣкъ не осталось и трети, причемъ и дѣвочки отъ 12 — 15 лѣтъ шли тоже въ счетъ за взрослыхъ. Мужикамъ онъ платилъ по 50 коп. въ день на ихъ продовольствіи. Мѣстные жители на эти работы не идутъ и людей приходится набирать гдѣ попало. Теперь страдная пора и цѣны эти въ высшей сте-

пени не выгодны. Земляная работа самая тяжелая изъ всѣхъ, мнѣ извѣстныхъ, а притомъ еще и энергія работы у крестьянъ отнимается крайнею нецѣлесообразностью ея.

— По хорошему мѣсту мы камень кидаемъ, глину льемъ... А дурныя такъ и остаются.

Кому это выгодно?..

Изъ Грובהа до Билимбае 22 версты. Сибирскіе обозчики дѣлали этотъ путь въ три дня. Они должны принимать воловъ у здѣшнихъ крестьянъ — иначе имъ бы и не выбратъся изъ этого ада. За воловъ платили по 3 рубля съ воза, нагруженнаго 20 пудами. Представьте себѣ, во что обходится имъ доставка чужаго товара?.. Наконецъ, за невозможностью дорогъ перестали даже овесъ доставлять на станціи для лошадей. Изъ Талицы въ Билимбай за 15-ть верстъ платилось 15 коп. съ пуда; только перевозить овесъ туда желающихъ не было.

— Глядя на это бѣдствіе, говоритъ смотритель станціи: — я готовъ былъ просто въ лѣсъ бѣжать. Тоска брала смертная! Вчужѣ жаль было крестьянъ. Старики, бородастые мужики, бывало, придутъ на станцію и ревутъ, какъ бабы: «что это съ нами сдѣлали!...» Молчишь поневолѣ; что имъ сказать, какъ ихъ утѣшить?

Особенно съ прошлаго (1875) года начали крестьяне жаловаться. Нашъ крестьянинъ выносилъ до-нельзя. Онъ только тогда начнетъ роптать, когда ему совсѣмъ невтерпѣжъ. Сунулись было они въ городъ, но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, жалобы ихъ оттуда вернули обратно за непредставленіемъ гербовыхъ пошлинъ.

— А какія это такія ербовыя, Господь ихъ знаетъ! И гдѣ ихъ купить? Мы — народъ темный.

Наконецъ, мужики не выдержали, собрались и за общей подписью, съ засвидѣтельствомъ смотрителя стан-

ці, послали въ Петербургъ жалобу на крайнее свое разореніе. Земство, узнавъ объ этомъ, телеграфировало въ Петербургъ. что коренное исправленіе тракта уже предпринято и что на немъ работаетъ тысяча человѣкъ. Въ дѣйствительности же, у Екатеринбургa и за нимъ работало только 300 человѣкъ, а въ самыхъ скверныхъ мѣстахъ у Грובהа и Киргишана не было никого. Потомъ самъ предсѣдатель земства отговаривался тѣмъ, что работы были прекращены вслѣдствіе сильныхъ дождей. Проѣзжалъ тутъ вице-губернаторъ, Лысогорскій — жаловались ему крестьяне, но онъ ихъ просьбы не принялъ; послали общую жалобу губернатору — тотъ ни слова въ отвѣтъ. Не знали, куда дѣваться; обратились въ сенатъ; затребовано было свѣдѣніе: что сдѣлано по прошеніямъ крестьянъ? Начальство спохватилось. Оказалось, что въ губернаторской канцеляріи даже во входящія книги не были записаны мужицкія просьбы... Въ концѣ концовъ, съ тѣхъ поръ прошло больше года; но разоренные ямщики не получили никакого отвѣта. Такъ и не знаютъ, кому имъ теперь жаловаться. Въ одной изъ деревень былъ образъ Николая Чудотворца. Собрались крестьяне, написали просьбу, пришли въ церковь и положили ее передъ Николаемъ.

— Пусть онъ хоть узнаетъ: авось либо поможетъ!

Но и эта инстанція оказалась не лучше.

Въ Билимбаѣ ямщики тоже поневолѣ нарушили контрактъ и отказались возить. По 15 рублей за вольный экипажъ платилъ содержатель почтовыхъ лошадей на этомъ трактѣ, Михайловъ. Ему же пришлось купить отъ себя 60 лошадей... Это было въ полномъ смыслѣ слова время ужаса и отчаянія. Арестантскія партіи отъ Киргишана до Билимбая сорокъ восемь верстъ ѣхали двадцать пять часовъ. Телеграфный кабель на разстояніи 58 верстъ

везли 16 сутокъ. Обозные разорились совершенно; въ мѣстностяхъ, нѣкогда богатыхъ, гдѣ о преступленіяхъ не было слышно, развились грабежи. Крестыяне въ одинъ голось стали требовать суда и слѣдствія — ихъ подкупали водкой, чтобы они молчали. На Талицкой станціи обозы стояли по четыре, по пяти сутокъ; за тройку платили за 15 верстъ по восьми рублей и то не находили желающихъ. На станціяхъ и всюду — крики, шумъ, плачь. Лошади есть, но всѣ искалѣчены... Пассажиры жалуются, ямщики ревуть. Грязь всюду до ступиць, камни перемѣшались съ грязью и глиной. Къ вечеру — какъ подморозить немного — шабашъ. Проѣзжающіе, пока не подоспѣютъ на помощь новыя подводы, разводятъ костры на дорогѣ, сидятъ на холоду. Свѣжую лошадь приведутъ бывало, а на другой день она уже безъ копытъ, съ искалѣченными ногами... Сдѣлаетъ три версты и вся въ мылѣ. Силь не хватало вовсе. Богатые рѣшетовскіе ямщики имѣли такихъ коней, что, закладывая ихъ, тормозили экипажи съ мѣста, пока кони не обойдутся. Кони были — огонь, ретивые, сильные, не доглядишь — мигомъ разнесутъ. Въ 1873 году они, эти ямщики, еще выдерживали, но въ 74-мъ всѣ эти превосходные кони перекалѣчились, измучились, пали... Вся нѣкогда богатѣйшая конская сила страны была уничтожена.

— Я, знаете, разъ ѣду. Навстрѣчу мнѣ ямщикъ пѣшкомъ... Только хомуты тащить. Увидалъ меня — упалъ на колѣни и, какъ ребенокъ, зарыдалъ. Насмотрѣлись мы тогда, нечего сказать!... Чего тебѣ? спрашиваю.

— Не могу... Невмоготу болѣе.

— Да чего тебѣ надо?

— Берите все съ меня, что хотите, всѣхъ лошадей, все добро, что есть. А только освободите... Хоть въ тюрьму сажайте, я и въ тюрьму пойду...

Старыя лошади искалѣчивались — свѣжихъ нельзя купить. Непривычныя сейчасъ надрывались... Съ тѣхъ поръ у рѣшетовскихъ крестьянъ дѣла совсѣмъ пропали; бывало имъ по 350 р. за тройку платили, а теперь и 100 не даютъ. Совсѣмъ не тѣ кони.

— Силы у насъ подорваны, справиться не можемъ! говорятъ рѣшетовцы.

Въ церквахъ своихъ крестьяне молились:

— Господи, накажи хоть ты нашихъ вороговъ лютыхъ!

Но вороги ликовали и безумствовали еще больше, а при всякомъ оглашеніи ихъ дѣйствій обрушивались всѣми законными и незаконными средствами на печать. У насъ печать вѣдь всегда и про все виновата: истинный козель отпущенія. Нѣтъ такого мерзавца, который бы не накидывался на нее.

Названіе горы «Гробовская» — отъ чего и село пошло — явилось потому, что близъ ея вершины нашли громадные гроба въ видѣ колоды. Надъ гробами былъ насыпанъ курганъ.

— Чьи же это гроба?

— Да видишь, цари были такіе невѣрные, которыхъ Ермакъ побилъ, — ну такъ и гроба ихъ.

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ объясняли иначе.

— Это волшебные люди въ гору хоронились. Какъ русь пришла — они и давай въ гроба прятаться... Имъ въ гробахъ просторно было. Они съ собой туда золото и серебро прятали... Ну, а по ночамъ выходили и убивали нашихъ. Покуль мы по горамъ этимъ крестовъ не поставили — все такъ и шло. А какъ кресты поставили — сейчасъ они, волшебные люди, въ гробахъ своихъ истлѣли, а все богатство ихъ въ гору ушло — жилами просочилось въ горахъ-то, въ камению самомъ...

На мосту дѣвки гурьбою начали пѣсни; въ раннее утро кабакъ съ выразительною надписью: «прочь горе» уже полонъ. Пѣтухи орутъ еще громче дѣвокъ и кони наши, утомленные за всю эту невозможную дорогу, едва довозятъ насъ до станціи...

— Ты нашихъ котовъ видалъ?.. обращаются ко мнѣ.

— А что?

— Наши коты особые, китайскіе коты, пушистые...

Котовъ я видалъ потомъ и удивлялся ихъ красотѣ, но въ этотъ день было не до того.. Вездѣ лежали на дорогѣ палые кони. Вонь стояла невообразимая... Дышать было трудно въ присутствіи этихъ безмолвныхъ свидѣтелей земской неурядицы...

XLIX.

Отъ Грбовской до Билимбая.

Дорога идетъ лѣсомъ.

Повременамъ, сквозь деревья мерещатся далекія сѣнія горы. Вонъ направо, внизу, ущелье, на днѣ котораго шумить и бѣется потокъ. Его только слышно, самъ же онъ весь спрятался въ сочную тѣнистую чашу. За ущельемъ нахмурился, точно ошестившійся, лѣсной хребетъ, сумрачный, зловѣщій... Налѣво просѣлка будто въ безконечность проложена среди громаднѣхъ Строгановскихъ лѣсовъ... Зеленая, въ зеленомъ царствѣ, шла она прямо, какъ остріе ножа.

— Это Строгановское царство, несосвѣтимое. Только у него, поди, и остались старые боры на Уралѣ.

Опять горы за горами; на нѣсколько плановъ раскинулись онѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ туманнѣе. Невѣсть что чудится на нихъ раздраженному взгляду...

— Это Зачусовая сторонка... Самое приволье наше началось!... Тутъ и вѣдмеда, и бѣглыхъ — сколько хошь. Слободно имъ ходить тутъ, куда глаза глядятъ! Не ло-

вать ихъ наши; бѣглыхъ жалѣютъ, а вѣдмедь, что-жъ, онъ здѣсь смирный: уходитъ отъ человѣка, если не дразнить его...

— А много бѣглыхъ бываетъ здѣсь?

— Допропасти! Тоскуютъ по родимому-то мѣсту и бѣгутъ... Сами идутъ, чтобы опять на муку попасть. Прежде они и селились у насъ, случалось.

— Какъ?

— Въ семью ихъ принимали. У кого сынъ померъ — ну, онъ и запишетъ замѣсто сына.

— И ничего, каяться не приходилось?

— Зачѣмъ каяться-то?.. Вѣдь онъ съ горя да съ нищеты на злое дѣло пошелъ. Ну, а какъ видить добро кругомъ, такъ сердце-то у него и смягчится. Еще какіе люди выходили: умные, работячіе!

— А теперь этого не случается?

— Теперь нельзя. Нонѣ отъ начальства большая прижимка пошла. Никуда не спрячешься. Изъ своихъ же старшины, а хуже Ирода.

Я ничего не знаю красивѣе этихъ горъ; однѣ за другими, мрачными твердынями поднимаются онѣ, заполая горизонтъ. Ближайшія опушены лѣсами — чѣмъ дальше, тѣмъ онѣ заманчивѣе и таинственнѣе. Когда мы выѣхали на послѣдній спускъ, передъ нами открылась большая долина р. Чусовой... Сверху видно до двѣнадцати деревень, рассыпавшихся по берегамъ. И каждая деревня или къ сумрачному лѣсу прижалась, или у крутыхъ откосовъ сѣрыхъ скалъ ютится — точно ей защита нужна... Лѣса за лѣсами, рощи за рощами. Все это млѣтъ подъ солнечнымъ свѣтомъ, разметывающимъ свои золотые блики и въ струяхъ рѣки, и въ свѣтлыхъ щитахъ озерковъ, едва едва выглядывающихъ однимъ краешкомъ изъ-за обсту-

пившихъ ихъ деревьевъ... На зеленыхъ лугахъ еще красивѣе кажутся отдѣльно стоящія величавыя сосны — послѣдніе великаны, оставшіеся здѣсь, точно въ свидѣтельство того, что когда-то стояли тутъ могучія дубравы, срубленныя жадными и ненасытными промышленниками... Тесовыя кровли избъ тоже ярко, словно золотыя, блестятъ на солнцѣ. На свѣжихъ еще ребрахъ только что построенныхъ барокъ-бѣлянъ тоже горитъ солнце. Бѣяны простоятъ здѣсь до весны будущаго года... Вонъ далеко-далеко мерещится Билимбаевскій заводъ... Глазъ едва-едва отличаетъ и деревни на склонахъ далекихъ, кажущихся тучами горъ. Чудится, что эти деревни съ ихъ церквами повисли въ воздухѣ.

— Вотъ тутъ ямщики распорядились чудесно!

— А что?

— Взяли да угнали коней въ лѣсъ, которые уцѣлѣли. Здѣсь такъ было: лошади, которыя были заплачены по семи-десяти да по восьмидесяти рублей, продавали отъ полутора до семи рублей. Больше не стоили — до того онѣ были загнаны и искалѣчены. Крестьяне до сихъ поръ еще не оправились отъ разгрома. Тутъ какая дорога — сюда овесъ изъ Екатеринбургга по двадцати пяти пудовъ везли въ одной троечной телѣгѣ, въ которую запрягали по восьми коней, да и то, случалось, бросали посреди пути. И смѣху же было, не все плакали. Видишь бывало — пассажирка сама править конями, а ямщикъ ихъ въ поводу ведетъ. Бывало и то, что въ отчаяніи ямщикъ и коней, и телѣгу свою бросить на дорогѣ, а самъ и убѣжить въ лѣсъ. Ну, проѣзжіе и оказываются совсѣмъ безпомощными... Вотъ и за-водъ!

Мы въѣхали въ него широкой улицей. Красивые каменные и деревянные постоялые дома раскинулись на этомъ

привольѣ. Не смотря на просторъ, улица была запружена обозами, приворачивавшими въ постоянные дворы.

— Ишь затомили коней-то! соболѣзновали жирные дворники... ѣхали бы стороной, не по пути.

— Нельзя: начальство за нами было.

Оказалось, что, по настоянію пермскихъ земцевъ, отобрали отъ ямщиковъ и обозчиковъ подписки, что они обязуются ѣхать по этому мерзостнѣйшему тракту и отнюдь не стороной.

— А вы, баринъ, тутъ за своими вещами приглядывайте! предупредили меня. Неровенъ часъ! Билимбаевцы — первые воры по всей округѣ. Кражи тутъ, грабежи, убійства постоянные.

— Вотъ какъ.

— Недавно старика убили. Лѣсничій былъ съ женою, жилъ на пенсіи Строгановской — ну и его прирѣзали.

— Что же за причина?

— Бѣдность, заработковъ здѣсь мало, да и плата самая нестоящая: по тридцати копѣекъ въ день. Гдѣ тутъ прокормиться съ семьей! На заводѣ всего только триста рабочихъ, а остальные куда хошь, туда и иди...

— Работъ мало?

— Жильничаютъ. Какъ мало, когда изъ одного Билимбаея шестьдесятъ четыре судна съ желѣзомъ по Чусовой идутъ? Одного угля здѣсь 35,000 коробовъ жгутъ. Не мало.

Л.

Отъ Билимбая до Екатеринбургъ.

Изъ Билимбая мы выѣхали на Теплую гору. Она очень высока и крута.

— Почему ее прозвали Теплой?

— А потому — на ней каждый упарится, пока до верху доберется...

Съ вершины уже видны рѣзкія очертанія сумрачныхъ Шайтанскихъ горъ, конусы которыхъ чѣмъ ближе, тѣмъ дѣлаются все грознѣе и грознѣе. Онѣ то кряжемъ, то цѣлымъ рядомъ вершинъ облегаютъ долину, которая вся какъ будто прячется въ тѣнь этихъ великановъ. За этими вершинами выступаютъ другія, третьи... За ними такія же грозныя, такія же мрачныя, едва-едва рисуются новыя. А тамъ уже и самъ не знаешь — чудится ли утомленному взгляду или дѣйствительно въ безконечной дали поднялись едва-едва намѣтившіяся горы. То онѣ сливаются съ лазурью неба, то полувоздушными, расплывающимися очерками выступаютъ на немъ... Въ эффектной оправѣ этихъ пиковъ, конусовъ и кручъ Шайтанъ на своемъ зеленомъ

холмъ является удивительно красивымъ... За то и тутъ дорога завалена палыми лошадыми. Безпечность заводскаго правленія въ этомъ отношеніи поразительна. Вонъ у самаго завода — трупъ коня, уже не только загнившій, а даже посѣрѣвшій, вонъ кругомъ на версту — и точно никому нѣтъ дѣла до этого. На улицѣ сбились бараны. Тройка летитъ на нихъ — а они даже и не шелохнутся, точно не ихъ дѣло совсѣмъ. Табунъ лошадей на площадкѣ обмахивается хвостами. Только шелестъ стоитъ кругомъ отъ нихъ. Кучи дѣтей снуютъ повсюду, бабы въ пестрыхъ костюмахъ и опять разбитый тутъ же цыганскій таборъ. Смуглая красавица побѣжала за нами, издали показывая ладонь — «погадать-де», да не догнала, плюнула и погрозила намъ кулакомъ... Совсѣмъ все это не похоже на скудную и будничную обстановку русскихъ сель, заморенныхъ вѣковыми голодами, безработицей.

А виды этихъ горъ дѣлаются все красивѣе и красивѣе.

Еще изъ Шайтана мы замѣтили эффектный силуэтъ мрачной лѣсной горы Волчихи. Чѣмъ ближе, тѣмъ она становилась все болѣе и болѣе похожей на это животное, какъ будто повернувшее голову къ вамъ. Только, вмѣсто шерсти, на этой волчихѣ выросли вѣковые лѣса, лапы ея громадными отрогами раскинулись по долинѣ, а на головѣ поднялись такой массой скалы, что передъ ними нѣмѣетъ воображеніе. Точно перенесенъ въ какое-то волшебное царство. Міромъ легендъ кажется вся эта даль, заставленная мрачными горами. И дѣйствительно, о каждой изъ нихъ расскажутъ вамъ массу преданій. Тутъ Строгановы татаръ били, тамъ татары поймали Строгановыхъ и мучили ихъ, вымогая признаній, гдѣ зарыты ихъ сокровища. Вонъ на этой горѣ они изжарили на медленномъ огнѣ старика, а рядомъ одинъ изъ Строгановыхъ схватилъ изувѣровъ и двѣнадцать чѣловѣкъ ихъ за-

копаль живьемъ въ землю... Три дня головы ихъ виднѣлись надъ нею, пока несчастные не погибли въ страшныхъ мученіяхъ. Народъ здѣсь, какъ и вездѣ. Что-бы кѣмъ ни было сдѣлано — припишутъ Строгановымъ, что-бы съ кѣмъ ни случилось — случилось съ Строгановыми. Билъ какой нибудь «разбойный» человѣкъ мирные поселки пермяковъ — это Ермакъ. Разспросишь и окажется, что легендарный герой нашъ долженъ былъ жить по крайней мѣрѣ триста лѣтъ.

— Вонъ, — на этой самой горѣ Ермаку снесла голову мурза татарская.

— Ого... Какъ же онъ потомъ Сибирь воевалъ?

— А у пермяковъ тогда волшебникъ оказался. Онъ и предложилъ, коли вы нашихъ не тронете, въ мѣрѣ съ нами жить будете, я вамъ Ермака оживлю... И оживилъ.

— Какъ же это онъ ухитрился сдѣлать?

— А такъ: забилъ его съ головой въ камень; черезъ три дня и три noci раскололъ камень и вышелъ оттуда Тимофеевичъ живымъ!

— Что же пермяковъ не тронули? И посель живутъ?

— Гдѣ жить... И духу ихняго не осталось... Строгановы ихъ разметали.

Здѣсь, въ Талицѣ, тѣ же воспоминанія о страшномъ 70 — 71 годѣ. У нашего ямщика тогда восемь коней пало. Цѣлое лѣто валились кони косяками. Отдавали тройку за восемь рублей. Ъхали стороной, всѣ покосы были смяты. На колесахъ нельзя было ѣздить, на осяхъ двигались. Четверка не могла поднять самага легкаго экипажа, возвращались за подмогой. Максимъ Осокинъ — богатѣйшимъ крестьяниномъ былъ — нищимъ сталъ. Яковъ Бѣлоусовъ бросился съ жалобами къ одному земцу, а тотъ его «накормилъ плухами». Кидались къ губернатору — гнали вонъ, послали ходатаевъ въ Петербургъ.

— За чѣмъ это?

— Самому царю жалится. Только не доѣхали. По этапу вернули... А двухъ въ Сибирь угнали...

Отъ Талицы вздумали поправлять хорошую и безъ того дорогу, накатываютъ на нее, невѣдомо зачѣмъ, пучки жердей и засыпаютъ землей. Ъдемъ мы, сегодня сухо — а все таки дорога поддается подъ нами, волнуется, точно внизу топь.

— Бѣда! жалуется ямщикъ. Никакой управы на нихъ нѣтъ... Одна была надежда, сказываютъ, изъ Питера чиновника пришлютъ. Только и его обойдутъ... У нихъ пироги скусные, они хоть кого скрутить могутъ.

Вонъ небольшой холмъ... На его вершинѣ столбъ каменный, на каменномъ же пьедесталѣ:

«Граница Европы и Азіи».

На этотъ разъ направо въ Европѣ заходило солнце, а налѣво въ Азіи сгущался вечерній сумракъ. Кругомъ уныніе и пустыня. Меланхолически свиститъ вѣтеръ, пробѣгая по голымъ полянамъ и заваленнымъ камнями скамамъ... Лѣсъ нахмурился и молчить.

Страшное мѣсто!

Сколько слезъ пролилось здѣсь! Несчастные въ кандалахъ въ послѣдній разъ оглядывались отсюда назадъ, на свою на вѣки-вѣчные покидаемую родину. Далекій, непріютный, чужой и холодный край начинается отсюда. Новая жизнь, новые люди, новыя страданія! Воображаю, какія мысли цѣлымъ роемъ носились въ головѣ бѣднаго ссыльнаго, когда онъ приваливался на краткій отдыхъ къ этой пограничной колоннѣ. Можетъ быть, на каждый камень ея подножія падали горючія слезы... Не оттого ли и лѣсъ замолчалъ и нахмурился, что слишкомъ много слышалъ онъ здѣсь рыданій?

Со станціи Рѣшты опять пошли лѣсистыя вершины.

Туманъ уже окутывалъ ихъ. Въ травѣ звенѣли кобылки, какая-то пичуга уныло посвистывала въ чащѣ березняка. Вонь проскрипѣлъ коростель. Внизу что-то заухало. Тучи надвигаются отовсюду грознѣе и грознѣе.

И не успѣли мы подальше углубиться въ неподвижное лѣсное царство, какъ вверху грянуло и прокатилось по лѣснымъ вершинамъ... Крупныя капли дождя зашуршали въ листьѣ деревь.

— Скоро пройдетъ дождь. Ишь кобылка-то радуется.

И дѣйствительно, кобылки изъ травы высоко взлетали на воздухъ и трепетали въ немъ своими сквозными крыльями. Цѣлыми роями подымались онѣ, точно привѣтствуя шумѣвшую вверху непогоду.

— Тутъ много бѣды было! сталъ рассказывать намъ ямщикъ.

— Какъ.

— А рѣшотскіе крестьяне ходили въ дорожный комитетъ жалиться... Они пучину-то вздумали засыпать кварцой. А кварца-то эта въ изломѣ что стекло: страсть лошадей покалѣчили... Крестьяне просили, чтобы если не пскомъ, такъ землей засыпали дорогу... Дягилевъ, членъ этого комитета, швыркъ имъ въ лицо прошеніе-то...

— Бунтовщики, кричить... Убирайтесь къ чорту... Если бы не просили — сдѣлали бы, а жаловаться пришли — ничего вамъ не будетъ, колѣчтесь хотя сами, а не то что лошадей...

Направо и налево въ темнотѣ медленно подступавшей ночи поднялись какіе-то громадныя камни, цѣлыя холмы изъ отдѣльныхъ и беспорядочно наваленныхъ скалъ... Съ одного спуска масса огней блеснула внизу...

— Вотъ и Екатеринбургъ...

Конецъ нашимъ злоключеніямъ, конецъ этой каторжной дорогѣ!...

LI.

Почему иногда рубяť лѣса. — Пьянствующіе и буйствующіе. — Козырные тузы Екатеринбургa. — Недавнее прошлое. — Чиновникъ на цѣпи и вѣмецъ въ колодцѣ. — Свинья у позорнаго столба и казнь пѣтуха. — Какъ составлялись богатства. — Золотая крупка. — Обманутые жандармы. — Перепутавшіеся Лекоки. — Рабочій адъ.

Мы были уже съ недѣлю въ пути на этой ужасной каторжной дорогѣ. Но и нашимъ злключеніямъ, къ счастью, наступилъ конецъ.

Вдали мерещилось цѣлое море огня; смутно выдѣлялись въ сумракѣ ночи силуэты большихъ домовъ, церквей, заводовъ.

— Вотъ онъ самый! махнулъ туда кнутомъ ямщикъ, подбодряя утомленныхъ до-нельзя коней.

— Кто онъ?

— Столица наша Катенбургъ!.. И богатый же городъ!.. Купцы здѣсь пьяные. Чего еще — лошадей виномъ моютъ — вотъ какъ... Они, братъ, жить умѣютъ!.. Хоть кому носъ утрутъ.

По сторонамъ пути — громадныя камни, цѣлыя холмы изъ отдѣльныхъ, безпорядочно навороченныхъ, скаль. Въ

щеляхъ между ними поднялись тощія елки и треплются по вѣтру, который съ дикимъ воемъ и свистомъ уносится на востокъ, сметая съ пути уже падающую листву деревь и обдавая насъ первымъ осеннимъ холодомъ.

— Тутъ какія березы были! замѣчаетъ мой спутникъ.

— Куда-же, онѣ дѣвались?

— Начальство вырубилло. Вишь ты, солнце меньше грѣеть, чѣмъ прежде, такъ чтобы ему не мѣшать... Оно вѣдь у насъ умное!..

— Солнце?

— Нѣтъ, начальство. Около Кунгура хотѣли лѣсъ снести прочь, потому въ немъ бродяги прятались.

Вотъ и городъ. Потянулись пустынные улицы, замелькали по сторонамъ большіе бѣлые дома, церкви. Тускло блеснула направо рѣка Исетъ, отражая въ своихъ темныхъ водахъ огоньки вытянувшихся по ея берегамъ купеческихъ хоромъ. Наконецъ наша тройка подкатила къ гостинницѣ, очень приличной по наружности. Номеръ намъ отвели недурной, но не успѣли мы войти въ него, какъ все его населеніе выползло на стѣны, точно любопытствуя: кого Богъ послалъ на съѣденіе...

— Что это у васъ! указываю я корридорному, въ невыразимо засаленномъ фракѣ.

— Здѣшній клопъ-съ... Они ничего... Постояльцы не обижаются... Которые — генералы, и тѣ не жаловались. А вы, господинъ, вина много пьете?

— А тебѣ что за дѣло?

— Потому, если изъ непьющихъ, такъ еще отдастъ-ли номеръ хозяйка. Ей невыгодно, потому свой погребъ. Которые гости пьютъ много, съ того мы за постой дешевле беремъ.

Должно быть это въ обычаѣ горнозаводскаго края. Тотъ же вопросъ мы слышали и въ Кунгурѣ.

Кое-какъ, наконецъ, удалось устроиться и разложиться, но, къ сожалѣнію, не отдохнуть. Наши сосѣди вполнѣ удовлетворяли вкусамъ хозяйки. Тамъ всю ночь шло пьянство и наконецъ, кто-то неистово застучалъ къ намъ въ двери.

— Чего вамъ?..

— Это какъ угодно — не порядокъ... товарищи обижаются... Кажется, можно понять — господинъ Сусловъ угощаютъ всѣхъ... Чего вы... Люди тоже образованные — можете сообразить.

— Да намъ что за дѣло?

— Какъ что за дѣло?.. Если господинъ Сусловъ — такъ они такъ не могутъ... Нужно, чтобъ всѣ... Пожалуйте.

— Я васъ покорнѣйше прошу, оставьте насъ въ покоѣ.

— А вы не будьте столь горды, не фараонъ египетскій вѣдь... Пожалуйте... А то мы къ вамъ... Какое вино пьете?..

Едва удалось отдѣлаться отъ назойливыхъ приглашеній. Оказалось, что сюда съѣзжаются хозяева пріисковъ, заводчики и вся денежная аристократія округа. Екатеринбургъ является для здѣшняго края центромъ не только заводскаго, рудничнаго и «золотого» дѣла, но и главною биржею по торговлѣ саломъ и масломъ, отправляемыми отсюда на Таганрогъ и Константинополь. Насколько крупно здѣсь сальное производство, видно изъ того, что только четыре фирмы: Бородинъ, Баландинъ, Тарасовъ и Ашурковъ считаютъ свой оборотъ въ два милліона рублей. Къ петербургскому порту идетъ отсюда не болѣе 50,000 пудовъ сала, а на Таганрогъ и Константинополь до 500,000 пудовъ. Какъ оно, также и коровье масло свозится сюда уѣздами Курганскимъ, Ишимскимъ, Ялуторовскимъ, Челябинскимъ и Шадринскимъ... Сюда-же свозится кудель и

щетина и громадное количество льняного сѣмени, послѣ того, какъ цѣны на всѣ эти продукты устанавливаются на Ишимской ярмаркѣ зимой и на Шадринской осенью; причемъ мѣстомъ для окончательнаго расчета является Ирбитъ. Собственно въ самомъ Екатеринбургѣ своей промышленности нѣтъ никакой, кромѣ горной, потому что все кругомъ занято заводскими дачами. Такимъ образомъ, являясь центромъ для однихъ производствъ и станціей для другихъ, Екатеринбургъ стягиваетъ къ себѣ денежные силы края. Еще сравнительно недавно сила эта выражалась здѣсь, главнымъ образомъ, въ чудовищныхъ кутежахъ, гдѣ уральскіе богатыри показывали себя въ такомъ сказочномъ видѣ, о которомъ не имѣютъ понятія въ остальной Россіи. Пирь продолжались по недѣлямъ; выпивалось все вино въ городѣ, а если его оказывалось слишкомъ много и оно не помѣщалось въ купеческихъ утробахъ, то поили извошниковъ, мѣщанъ, короче всѣхъ встрѣчающихся на улицѣ. Остается еще бывало, имъ моють лошадей, поливають мостовую, «чтобы пьянѣй была»... Окажется у когонибудь медвѣдь или козелъ — первый гость. Лакомый до вина звѣрь тѣшитъ все общество, зачастую очень мало отличавшееся отъ него въ умственномъ отношеніи. Наконецъ сатурналія растетъ и переносится въ окрестности... Въ это доброе старое время не останавливались на половинѣ. Разносились дома, являвшіеся жалкими подобіями магометова рая; перепуганныя гуріи, запряженные въ телѣжки, везли гостей; засыпалась лѣсная тропа мукой и устраивалось на ней импровизованное катанье на саняхъ; травили перваго попавшагося дьячка собаками или за хорошій гонораръ специально прибрѣтался на сей случай выгнанный изъ службы и достаточно наголодавшійся чинъ; наконецъ уходили въ лѣса и если лѣто хорошее, теплое, то вся ком-

панія, сбрасывая съ себя покровы, — изображала первобытное челоуѣчество, когда еще и звѣриныя шкуры считались совсѣмъ ненужною роскошью. Не дай Богъ, бывало, въ то легендарное время, если не Екатерининскихъ, то Екатеринбургскихъ орловъ, попасться на такую загулявшую компанію сказочныхъ пьяницъ. Одного питерскаго чиновника они разъ водили по селу на цѣпи, какъ медвѣдя, и требовали отъ него, чтобы онъ показывалъ, какъ дѣти горохъ воруютъ, какъ дѣвки хороводы водятъ, а нѣкоторую духовную особу, раздѣвъ до нага, они заставляли танцовать «какъ бы въ трикѣ». Какой-то нѣмецкій шнельклопсъ былъ до того напуганъ сорвавшимися съ цѣпи пьяницами, что залѣзъ отъ нихъ въ колодезь и просидѣлъ тамъ сутки по горло въ водѣ!..

Это было время, когда здѣсь быстро наживались громадныя состоянія. Торговля краденымъ золотомъ дѣлала изъ вчерашняго нищаго — сегодняшняго богача. Деньги какъ приходили, такъ и уходили скоростижно. Знали, что нажить ихъ ничего не стоитъ; кругомъ головокружительно шла самая сумасшедшая жизнь. Доходило до того, что еще наканунѣ ходившій съ продранными локтями чиновникъ, занявшись «крупкой», вдругъ строилъ себѣ громадныя хоромы, ничего не могъ пить кромѣ шампанскаго, одѣвалъ жену по-царски и даже бѣлье ея посылалъ мыть въ Парижъ — для шикю. Другіе дѣлали глупости и почище. Жертвовали, напримѣръ, десятками тысячъ на постройку мечети въ Константинополь, надѣясь получить за это орденъ Османіе или Меджидіе; посылали персидскому шаху въ Испаганъ или Тегеранъ съ тою же цѣлью большія суммы и, удостоясь за сіе Льва и Солнца, изображали у себя на воротахъ каменныхъ львовъ самаго безобразнаго вида, съ надписью внизу, домъ купца 1-й гильдіи и ка-

валера персидской звѣзды Льва и Солнца — такого-то... Здѣшніе тузы славились по всему Уралу, по всей Камѣ и Волгѣ. Антрепренеры всевозможныхъ пермскихъ театровъ помнятъ мѣстныхъ носороговъ съ обвѣявшимися салынными фуражками на нечесанной головѣ, которые, бывало, вступая въ партеръ, еще издали начинали кричать: «гони публику въ шею — за все плачу одинь!» Случалось, что они выписывали къ себѣ цѣлыя труппы, платили деньги за путь туда и обратно, чтобы въ теченіи одного вечера послушать «Птичекъ пѣвчихъ» или «Елену Прекрасную». Бывали козыри, занимавшіеся на Нижегородской ярмаркѣ тѣмъ, что, купивъ какую-нибудь лавку съ мелочнымъ товаромъ, орали народу: «грабь, ребята!.. Знай нашихъ — заводскихъ!» Еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ съ однимъ изъ такихъ «золотыхъ» аферистовъ долго не знали, что дѣлать. Разозлясь на мѣстную власть, не оказавшую ему почтенія, онъ приказалъ выбрить козла такъ, чтобы у этого почтеннаго животнаго остались одни бакенбарды, одѣть его въ мундиръ и треугольную шляпу съ плюмажемъ, — да такъ и выпустить на улицу. Козла поймали, и въ часть. Зовутъ хозяйна. «Вашъ козелъ?..» — «Нѣтъ, не мой...» Бились, бились — отпустили. На другой-же день и въ такомъ же самомъ костюмѣ на улицахъ города явился второй козелъ... На третій — третій... Затѣмъ въ теченіи недѣли эта *vendetta catalana* ни въ чемъ не обнаруживалась, а потомъ вдругъ на городской площади, прямо противъ присутственныхъ мѣсть, была найдена привязанная къ столбу свинья — въ томъ же мундирѣ и въ той же шляпѣ. На столбѣ значилась надпись: «за взятки и непочтеніе...» Въ дѣло наконецъ вступилась особа позначительнѣе. Ее называли здѣсь пѣтухомъ но, и пѣтухъ не напугалъ продерзостнаго юмориста. Собравъ подходящую компанію, уральскій ви-

тязь устроилъ громадную церемонію, которая прошла по всѣмъ улицамъ города. Въ числѣ этой процессіи, на позорной колесницѣ везли пѣтуха, закованнаго въ цѣпи. Надъ нимъ была прибита доска съ надписью: «за глупость». Пѣтухъ, во время этой довольно продолжительной *via dolorosa*, нѣсколько разъ принимался кукарикать, — но тотчасъ же, по знаку автора этой чуши, слѣдовавшій рядомъ шарманщикъ принимался вертѣть ручку своего пронзительнаго инструмента, дабы заглушить протестъ влекомой на казнь жертвы. По доставленіи ея на мѣсто, предварительно выбранное, пѣтуху — выгнанный изъ службы чиновникъ прочель приговоръ, коимъ сія невинная птица осуждалась на обезглавленіе; затѣмъ ее передали въ распоряженіе повара, одѣтаго по этому торжественному случаю во все красное, и тотъ, взойдя на приготовленное возвышеніе, отрубилъ пѣтуху голову — разумѣется, кухоннымъ ножомъ. Зарывъ преступника въ землю, участвовавшіе возвратились домой и тотчасъ же началось беспросыпное пьянство... Этотъ послѣдній скандалъ окончательно взбаламутилъ заводскія власти. Онѣ поднялись на ноги и стали изыскивать средства, какъ бы наказать уѣзднаго юмориста. Но и этотъ не дремалъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени на воротахъ его дома явились два обращенные лицомъ другъ къ другу портрета столь ненавистныхъ ему чиновниковъ. Подъ этими портретами значилось: «дуракъ дурака видитъ издалека...» У воротъ была поставлена стража, мѣшавшая смарать карриатуру. Завелась громадная переписка... Изобрѣтательнаго козыря хотѣли предать суду, но онъ изъ своего завода съѣздила въ Пермь и устроилъ тамъ свои дѣла, подмазавъ всѣ скрипѣвшія колеса. Такъ его и оставили въ покоѣ. Подобныя этому событія не были рѣдкостью и въ Екатеринбургѣ.

Я выше сказалъ, что состоянія здѣсь дѣлались чрезвычайно быстро. Еще бы — около присковъ или близъ старательскихъ избушекъ открывались кабаки, или сажали старушенокъ, торговавшихъ официально разными яствами, а неофициально водкой. Онѣ и то и другое продавали не за деньги, а за золото, «за крупку». Крупку эту всѣми мѣрами старались стянуть у хозяевъ или у казны. Даже когда ее ссыпали въ аппараты, откуда кража считалась окончательно невозможной, ловкіе золотоискатели опускали туда нитки, намазанныя густымъ и липкимъ медомъ. Къ меду приставала драгоцѣнная масса, — и въ данномъ случаѣ трудолюбіе торжествовало и терпѣніе вознаграждалось исполнѣ. Даже хозяева, вмѣсто того, чтобы отдавать золото въ казну, свозили его тайкомъ въ Екатеринбургъ и продавали его здѣсь. Случались, разумѣется, и очень ловкія мошенничества. Крупинки платины золотили и продавали за золото; за этотъ же металлъ сходили желтые мѣдные опилки. Эту операцію дѣлали такъ: желающему купить золото — приносили на домъ мѣшокъ съ мѣдной крупкой. Ему предлагали взять изъ него пробу, тотъ бралъ. Пробу завертывали въ бумажку, ловко замѣняя въ этотъ моментъ образчикъ другимъ съ настоящимъ золотомъ. Тутъ же проба подвергалась испытанію — золото оказывалось превосходнымъ. Мѣшокъ взвѣшивался, деньги за него уплачивались и, узнавая затѣмъ объ обманѣ, покупатель не смѣлъ и пикнуть объ этомъ, потому что онъ по закону подвергался равной съ продавцами отвѣтственности. При этомъ случались и весьма курьезныя неожиданности. Въ послѣдніе годы государственнаго управленія присками, денегъ въ казнѣ для расплаты не было; воровство золота поэтому стало чудовищнымъ. Рабочіе требовали денегъ, слѣдующихъ имъ, начальство признавало такое требованіе бунтомъ и несчаст-

ныхъ мужиковъ, голодныхъ и измученныхъ, драли на смерть...

Когда о воровствѣ золота доходили слухи до горнаго управленія, оно командировывало на пріиски переодѣтыхъ жандармовъ. Тѣ являлись въ роли покупателей краденаго драгоценнаго металла или въ видѣ странствующихъ купцовъ. Въ кабакахъ они находили сбытчиковъ золота. Тѣ имъ продавали за хорошія деньги. Торжествующій жандармъ, уплатя что слѣдуетъ, хваталъ преступника и подымалъ гвалтъ. Являлось начальство.

— Ты, такой сякой, продалъ это? начинало оно струнить сбытчика.

— Я самый! совершенно спокойно отвѣчалъ тотъ, мягко глядя въ глаза предержавшей власти.

— Вотъ я тебя!.. Кандаловъ!.. Гдѣ ты досталъ золото?

— Золото?.. какое золото?..

— Да вотъ это!..

— И отродясь золотомъ не было... Онъ у меня мѣдь мою покупалъ... Мы съ нимъ, какъ слѣдуетъ, сторговались, я и деньги получилъ... У меня запасъ былъ... Что же, это и по закону не запрещается.

— Какъ мѣдь... Какую мѣдь?

— Да вотъ эту самую...

Производили изслѣдованіе и дѣйствительно «крупка» оказывалась самою простою мѣдью. Сконфуженный жандармъ уѣзжалъ во-свояси, и деньги, истраченныя имъ на столь блистательный коммерческій оборотъ, вписывались по разнымъ графамъ въ не предвидѣнные расходы. Въ концѣ концовъ оказывалось, что скупщики или сбытчики золота еще ранѣе пріѣзда бирюзоваго Лекока уже знали о его командировкѣ изъ горнаго управленія.

Изъ-за золота тутъ зачастую совершались и убійства...

Убивали старателей въ лѣсной глуши. Смотритель въ воскресенье, бывало, идетъ изъ пріиска съ золотомъ, нарытымъ въ теченіи недѣли; его подстерегаютъ среди самаго дикаго захолустья и мѣткою пулею кладутъ на поваль.

Никакія слѣдствія и розыски не были возможны въ этихъ дебряхъ, въ этихъ бездорожьяхъ. На воровствѣ казеннаго золота выросли цѣлые торговые дома, и не одинъ изъ пермскихъ милліонеровъ обязанъ своимъ благосостояніемъ этому въ свое время выгодному промыслу. Иногда даже можно было и не убивать смотрителя пріиска. Зачѣмъ? Съ нимъ входили въ соглашеніе, легко его ранили — и всѣ были довольны. Что смотритель продавалъ казенные интересы, — это было не особенно удивительно. Еще бы: сія великая спица административнаго колеса получала отъ семи до восьми рублей въ мѣсяць и только въ самое послѣднее время казеннаго управленія ему увеличили жалованье до пятнадцати рублей. Не могли не красть и рабочіе. Во время обязательнаго труда они получали только хлѣбъ и по три копѣйки въ день вознагражденія. За прогулъ его пороли на смерть. Пороли такъ, что терпѣливые уральскіе кроты озлобились. Управляющіе боялись спуститься къ нимъ въ шахты, — тамъ рабочіе били ихъ и сбрасывали въ колодцы за жестокость. Дѣла такого рода даже не всплывали на верхъ. Первые не расскажутъ, какимъ образомъ произошла смерть, а рабочіе единогласно показывали, что «его высокоблагородіе оступились съ лѣстницы — и душу Богу отдали, разбились». Шпицрутены въ то время были въ особенномъ ходу, и долѣе всего этотъ цивилизующій инструментъ держался на горныхъ заводахъ. Генераль Глинка, кричавшій: «я царь, я Богъ Уральского хребта», славился своею изобрѣтательностью въ же-

стокостяхъ. Онъ артистически, съ увлеченіемъ виртуоза, выполнялъ ихъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ нечего было ждать честности. Въ это-то знаменательное время начался ростъ Екатеринбургга. Здѣсь была биржа краденаго золота, здѣсь совершались самыя значительныя операціи этимъ товаромъ. Несли его сюда — и вырвавшаяся съ пріисковъ дѣвица легкаго поведенія, и изголодавшійся рабочій, и щеголеватый управляющій, и казенный чинъ, которому жалованья не хватило бы и на подметки, и священникъ, потершійся около розсыпей. Преслѣдовалась эта операція только на пріискахъ — въ Екатеринбургѣ же играли въ открытую. Даже громко говорили: «Слава Богу, сегодня я тысячь на пятьдесятъ дѣло сдѣлалъ!..» «Съ такого-то пріиска доставили мнѣ крупки, — не надо-ли кому?..» Случалось даже, что уже принятое въ казну золото продавалось здѣсь. Какимъ образомъ отдѣлывались отъ отвѣтственности эти неподкупные церберы горнаго вѣдомства — знаетъ одинъ Господь, да и тотъ никому не скажетъ.

— Хорошее время было! вздыхаютъ теперь господа-купцы...

— Наживали деньги... Теперь уже этого нельзя.

— Однако?

— По малости развѣ... Ужъ не вовсе же Господь отворотилъ лицо свое. Ну, только не такъ... Гдѣ прежде сто тысячь положишь въ карманъ, бывало, нынче — десять. Будемъ такъ говорить: какія времена-то прошли плодородныя... Сегодня нищій, а завтра послалъ тебѣ Господь хорошаго парня съ крупкой, — ну и человекъ ты сталъ, всѣ передъ тобой шапку ломаютъ... Прежде пудами покупали мы, а нынѣ фунтами... Простоты нынѣ меньше, прежде за простоту нашу Господь намъ посылалъ...

— Да вѣдь и попадались же вы?

— Ну вотъ, съ чего еще!.. Изъ Питера посылали, да и тѣ уходили не-солоно хлебавши.

И онъ мнѣ разсказаль довольно комическія похождения нѣкотораго столичнаго Лекока, возмечтавшаго себя способнымъ положить конецъ этой незаконной продажѣ крупки. Его послало министерство изъ Питера, снабдивъ его мѣщанскимъ паспортомъ и вручивъ при этомъ довольно значительную сумму. Одновременно съ этимъ — и въ Екатеринбургъ сбытчикамъ крупки разные благодѣтели дали знать объ опасности, да кстати приложили и фотографію Лекока. Сей послѣдній является на мѣсто и начинаетъ мало-по-малу входить въ сношенія съ «золотыми людьми». Въ то же время, весьма основательно не довѣряя честности екатеринбургской полиціи, онъ до поры до времени молчить о своей дипломатической миссіи. Наконецъ на его неотступныя просьбы ему обѣщаютъ продать большую партію «крупки», съ тѣмъ, что сначала ему дадутъ только два фунта, а на другой день двадцать семь. Лекокъ въ восторгѣ. На двухъ фунтахъ нестоитъ уловить, — не настолько это будетъ важно, а потому онъ рѣшилъ первую часть купить безъ скандала, не прибѣгая къ содѣйствію уральскихъ сбировъ. Сбытчики же задумали планъ военныхъ дѣйствій совершенно иначе и, разумѣется, гораздо умнѣе. За нѣсколько часовъ до продажи одинъ изъ нихъ является въ полицію и сообщаетъ, что вотъ-де пріѣхаль изъ Питера мѣщанинъ, подбиваетъ его на столь преступное дѣло, какъ продажа казеннаго золота. Полиція встрепелулась. Явилась возможность отличиться, не трогая никого изъ своихъ мѣстныхъ, а въ это время горное управленіе, какъ нарочно, налегло на нее. «Продавай!» отдала она приказаніе сбытчику. — Какъ же продать-то? Гдѣ я возьму мѣди?.. Полиція обяза-

лась въ назначенный часъ доставить мѣди и образчикъ золота съ своимъ чиномъ, который переодѣтый долженъ былъ разыграть роль зрителя пріиска. Въ назначенный часъ къ сбытчику явились Лекокъ питерскій, въ качествѣ мѣщанина-покупателя и Лекокъ екатеринбургскій въ видѣ продавца... Сверхъ того, за ширмы и за двери посадили еще альгвазиловъ. Не успѣлъ еще первый передать деньги второму, какъ по мановенію волшебнаго жезла, его схватили и, не говоря дурного слова — руки назадъ. Напрасно онъ клялся, что онъ чиновникъ, командированный министерствомъ... «Знаемъ мы васъ!» — твердила свое полиція. Предъявилъ онъ документы. Подложны! рѣшила та, и друга милаго заперла на замокъ, какъ важнаго арестанта — въ одиночное заключеніе. Въ теченіе мѣсяца ему не позволяли ни писать, ни жаловаться, и дѣло распуталось только тогда, когда изъ Петербурга были присланы должныя свѣдѣнія и изъ Перми пріѣхалъ спеціальныи чиновникъ. Этотъ случай былъ, разумѣется, далеко не единственный. Лучше всего въ немъ то, что сбытчикъ потребовалъ себѣ за всю эту исторію награду, и ему дѣйствительно должны были выдать ее, въ предупрежденіе дальнѣйшаго скандала.

— Тогда и работы-то всѣмъ было довольно, а теперъ посмотрите, что по заводамъ дѣлается!.. Безобразіе одно... Народъ мретъ отъ того, что никому его руки не нужны. Поглядите-ка, какія дѣла на Башмаковскихъ заводахъ... Страху подобно.

— А что?

— Да то, что разогнали всю округу. Онъ какъ купилъ эти заводы, такъ управлять туда послалъ агронома. Взяли они на себя обязанность ставить извѣстное количество мѣди въ казну, — а промывать золото оказалось выгоднѣе. Что дѣлать? — и вдругъ сгорѣла мѣдная шахта. Вслѣдствіе закрытія спеціальнаго производства, рабочіе взвол-

новались. Бунтъ! Кого въ Сибирь, кого въ тюрьму. Народъ сталъ умирать съ голода, озлился. Истопились всё средства къ жизни. Дошло до того, что служащіе начали отдавать свое жалованье, чтобы какъ-нибудь да прокормить его, а тутъ вдругъ новая исторія. Агроному, попавшему на горное дѣло, надоѣло возиться съ этими крестьянами и башкирами, искони кормившимися заводами, онъ и нагналъ сюда крестьянъ изъ другихъ губерній; тѣ ничего не знаютъ, а свои кто померъ, кто на заводъ къ Пастухову, бывшій Павдинскій, ушелъ, а кто въ разбой бросился.

— Откуда же онъ крестьянъ изъ другихъ губерній бралъ?

— А по кабалѣ.

— По какой кабалѣ?

— Это у насъ такъ называютъ...

Довольно ловкій такой пріемъ есть. Агенты съѣзжаются въ волостныя правленія: за кѣмъ недоимка? За такимъ-то. Они и вносятъ за неисправныхъ плательщиковъ, выдадутъ еще на руки по три рубля — и считается это задаткомъ. Какъ условленный срокъ придетъ, волость и гонитъ законтрактовавшихся на работы. Ну, беспомощные мужики, приплые, совсѣмъ кабальными дѣлаются. Куда они пойдутъ? Кругомъ чужь одна, дѣла до нихъ нѣтъ. Если заартачился — ихъ порютъ кромѣ того розгами. Это ничего, что на бумагѣ уничтожено... Окружные чиновники даже сами назначаютъ, сколько кому... Положеніе несчастныхъ въ полномъ смыслѣ ужасно. Управы нѣтъ. Что управляющій захочетъ, то съ ними и дѣлаетъ. Уроки задаетъ имъ непосильные... И мретъ же народъ на этихъ работахъ, страшно мретъ; кормятъ ихъ хуже скота, а слѣдующій годъ придетъ, коли выжилъ крестьянинъ — его опять волость гонитъ на золотое дѣло, потому онъ опять оказывается долженъ хозяину. По три, по четыре года выживають, которые посильнѣе...

ЛП.

Старатели. — Старательскія работы, лѣсная глушь. — Гранильная фабрика. — Ваза, надъ которой работали тридцать лѣтъ. — На голодномъ положеніи. — Артисты и ремесленники. — Обсерваторія и Ноевъ ковчегъ. — Фабрика Эджертона Горбарта. — Какъ комъ сала обращается въ стеариновыя свѣчи и куски мыла. — Опять рабочій людъ. — Цѣна крови. — Хитроумные Улииссы.

Не лучше и старательскія работы. Мнѣ и выше пришлось упоминать о нихъ, хотя читателямъ, разумѣется, совершенно непонятно, что такое старатель.

Это — въ высшей степени любопытный типъ, выработанный мѣстными условіями. Старатели здѣсь являются или артелями или работаютъ въ одиночку. Послѣдніе въ высшей степени интересны и о нихъ-то мы скажемъ. Работникъ или работница заявляютъ желаніе самостоятельно заняться розыскомъ золота. Имъ даютъ разрѣшеніе, и они, взявъ съ собою вашгеръ — инструментъ для промывки песку, имѣющій видъ корыта, эту соху горнозаводскаго края, уходятъ съ нимъ въ дичь и глушь никѣмъ неисхоженнаго, никому въ точности невѣдомаго чернолѣсья. Со старателемъ или со старательницею — ружье для звѣря, силки для птицы, да муки съ полпуда. Руководимый инстинктомъ или знаніями, практически пріобрѣтенными раньше, золотоискатель углубляется все дальше и дальше въ это су-

мрачное, молчаливое захолустье, питаюсь часто грибами, убитой птицей и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ — хлѣбомъ, кое-какъ приготовленнымъ изъ муки. Идетъ онъ, случается, недѣлю, мѣсяць, пока не найдетъ, наконецъ, почвы, содержащей драгоцѣнный металлъ. Тутъ изъ вѣтвей деревьевъ онъ сплетаетъ себѣ жалкій шалашъ, и среди вѣчнаго безмолвія лѣсныхъ великановъ начинаетъ промывать золото. Цѣлые дни не слышно около ни слова, ни пѣсни, развѣ только почудится она одинокому работнику; наконецъ, и самъ онъ дичаетъ, становится молчаливъ и сумраченъ, какъ и все это окружившее его сосновое царство. Сталкивается онъ съ дикимъ звѣремъ; если избѣгнетъ его когтей и зубовъ, ему грозитъ еще болѣе опасная встрѣча съ бродягою — бѣглымъ каторжникомъ; спасется отъ этого, передъ старателемъ вырастаетъ новый врагъ — голодъ. И зачастую слѣдующіе золотоискатели, входя въ лѣсную глушь — встрѣчаютъ у полуразмытыхъ полянъ вашгеръ съ грудой песка, содержащаго металлъ, и около вашгера полуобъѣденный трупъ. Особеннаго впечатлѣнія это не производитъ. Новый старатель обыщетъ шалашъ, возьметъ все намытое тамъ золото, и, не сходя съ богатой поляны, станетъ тутъ-же продолжать недоконченную тѣмъ работу. Я уже говорилъ, что какъ мужики, такъ и бабы уходятъ въ это бездорожье. Бабамъ, разумѣется, приходится еще тяжелѣе, еще невыносимѣе. Баба дичаетъ скоро, часто даже съума сходить.

— Лѣсъ-то не дюже стремень, говорила одна, лѣсовики вотъ пугаютъ, по вечерамъ особенно... Гу-гу-гу пойдетъ по лѣсу — это онъ то ходитъ... А то словно дите малое заплачетъ гдѣ — это непременно младенецъ, который померъ некрещеный. Тоже и бѣлые ходятъ...

— Какіе бѣлые?

— Длинные, длинные такіе... Ночью скрозь деревья видно... Словно они надъ землей. Только одежда, значить, развѣвается... А заснешь въ шалашѣ, — застучится къ тебѣ, выскочишь — никого округу нѣтъ: только далеко-далеко примерещится бѣлое.

Часто голодать, умирать отъ безкормицы приходится, уже намывъ достаточно золота. Ойти отъ поляны или ручья богатаго золотомъ — не хочется, ѣсть старатель чернику, голубику, грибы... которую пробавляется — корни всѣ оглаждаетъ, ничего нѣтъ кругомъ... Ну, и умереть.

Втягиваются въ это старательное дѣло ужасно... Спасется отъ смерти, одичалый домой придетъ, отдохнетъ недѣлю — двѣ, а тамъ опять его лѣсное царство къ себѣ тянетъ, воля, просторъ.

Ни надъ тобой, ни около тебя никого. Самъ себѣ голова — и уходитъ опять на промывку. Старатели сдаютъ промытое ими золото на центральные прииски, получая отъ казны отъ семидесяти пяти копѣекъ до полутора рубля за золотникъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, стали и этихъ рабочихъ приводить къ одному знаменателю. Страсть все опутать кругомъ надзоромъ, никогда не достигающая своей цѣли — обнаружилась и здѣсь. Имъ стали отводить опредѣленныя маленькія площадки, на которыхъ тотъ или другой старатель отыскиваетъ золото. На другія мѣста онъ идти не смѣетъ, хотя бы тамъ оказывалось и гораздо болѣе богатой содержаніемъ металла почвы. Впрочемъ и то сказать, чѣмъ богаче она, тѣмъ меньше платятъ старателю. Съ тѣхъ поръ какъ заводы казенные распродались въ частныя руки, старателей стало гораздо меньше. Заводоуправленіе ихъ не считаетъ свободными искателями золота, а такъ какъ оно найдено на владѣльческой землѣ, то платитъ имъ, какъ и другимъ своимъ кормильцамъ-тру-

женикамъ, поденщину. Исключенія рѣдки и о нихъ мы скажемъ впослѣдствіи. Въ прежнее время, когда старатели находили хорошій пріискъ, они обязаны были сообщать объ этомъ тотчасъ, и казна отнимала его, такъ что тѣ должны были по-неволѣ продавать золото въ другія руки. Преступленіе было вынуждено нелѣпыми условіями, въ которыя ставился трудъ. Сверхъ того зачастую скупщики «крупки» входили въ соглашеніе съ казначеями, и въ казнѣ вдругъ не оказывалось денегъ для расплаты съ старателями. По-нятно, послѣдніе бросались къ скупщикамъ, вѣдь ѣсть и пить надо, да и мудрено воздержаться отъ нѣкоторыхъ излишествъ, когда въ рукахъ довольно намытаго золота. За это казначеи получали извѣстный %. Случалось, впрочемъ, что они и сами покупали крупку — почему такія мѣста здѣсь оказывались особенно выгодными... Обязательнымъ рабочимъ тогда было, разумѣется, гораздо хуже. Какъ это дѣло поставлено теперь, мы скажемъ впослѣдствіи, при описаніи Невьянскаго завода. Что касается до тѣхъ «счастливыхъ», по словамъ моего екатеринбургскаго знакома, временъ, то парѣ рабочихъ на дневную вымывку отводилась квадратная сажень. Они обязаны были промыть на этомъ пространствѣ почву на полтора аршина въ глубину. Трудъ — египетскій и въ высшей степени вредно дѣйствующій на организмъ, какъ бы силенъ онъ ни былъ. Въ 1865 году стали старателей принуждать работать артелями въ двѣнадцать человѣкъ каждая. Иногда это оказывалось выгоднымъ. Бывали случаи, что при цѣнѣ 1 руб. 20 коп. на каждый золотникъ — вольному рабочему доставалось по 5 р. ежедневно. Рассказываютъ, что весьма нерѣдко попадались камни, въ которыхъ были вкраплены самородки по полуфунту и болѣе, но за то еще чаще, промывъ отведенное имъ пространство нови — старатели

не находили ничего. Артелями старателямъ работается гораздо легче. Артель безопасна и отъ голода и отъ звѣрй. Она идетъ по отведенному ей участку и, находя золото, ставитъ вѣхи съ обозначеніемъ, чей приискъ. Вѣха создаетъ уже родъ владѣльческаго права. Никто другой не смѣетъ промывать тамъ почву.

Старатели въ прежнее время были очень недовѣрчивы. Условленную плату имъ давали только за крупку. Если же попадались самородки, то за нихъ правительство платило часто только по 15 коп. за золотникъ. Да еще походить за этимъ приходилось вволю. Первый въ Невьянскѣ Солеревъ сталъ платить имъ настоящую цѣну. Типы старателей еще не были разработаны въ нашей литературѣ ¹⁾. А между тѣмъ, російскіе Бретъ-Гарты, если бы таковыя появились, нашли бы цѣлую массу интересныхъ личностей своихъ золотоискателей въ этой отечественной Калифорніи. Положеніе обязательныхъ рабочихъ, разумѣется, было еще хуже. Они, трудясь изъ-подъ палки, получали въ день на «немогутномъ» дѣлѣ всего три копѣйки и хлѣбъ, не всегда хорошій... Какъ только обязательность работъ была прекращена, многіе изъ этихъ подневольныхъ бросились на старательскія изысканія. Теперь съ каждымъ годомъ, впрочемъ, такихъ все меньше и меньше. Нынѣшніе старатели работаютъ такъ: зайдя въ непроглядную глушь, они роютъ поближе къ ручью (для промывки золота) яму. Если въ ней оказывается металлъ — закладываютъ шурфъ, потомъ идутъ въ другое мѣсто... Въ мое время рабочія цѣны здѣсь падали страшно, благодаря монополистамъ. Осташевъ, напримеръ, взялъ громадный золотоносный округъ, обязав-

¹⁾ Это было написано ранѣе появленія превосходныхъ трудовъ Мамина, Романова, Сибирика.

шись отдавать золото въ казну по одному рублю золотникъ, тогда какъ въ частныхъ рукахъ оно стоитъ 2 руб. 20 к. Это, разумѣется, невозможное и невыполнимое условіе, но оно принято для того, что бы все захватить въ свои руки, понизить расходъ на рабочихъ до minimum'a, и затѣмъ уже эксплуатировать не розсыпи, а прииски. Другой ударъ рабочимъ нанесенъ былъ распоряженіемъ закрыть монетный дворъ въ Екатеринбургѣ, кормившій массу голоднаго народа. И помимо этого, мѣра эта, какъ и многія другія, оказалась плохо разчитанной. Теперь провозъ мѣди для выдѣлки монеты въ Петербургѣ обходится въ миллионъ рублей ежегодно, да едва ли не во столько же обратная отправка монеты въ Сибирь и Пермскую губернію.

Я не разъ встрѣчалъ въ Екатеринбургѣ, ранѣе моей поѣздки на лежащія къ сѣверу заводы, обнищавшихъ рабочихъ. Они производили на меня въ полномъ смыслѣ слова ужасное впечатлѣніе. Можно подумать, что они все только что вышли изъ тифозной больницы: землистаго цвѣта лица съ синими подтеками, впалыя ямами груди, выдавшіяся впередъ плечи, провалившіяся шеи, слабыя ноги, слабыя руки, хриплые голоса съ какою-то натугой вырывавшіеся, точно для каждого ихъ больного звука гнилыя легкія должны были дѣлать невѣроятныя усилія, будто въ груди у несчастныхъ скрипѣли какія-то ржавыя петли, и рядомъ — купеческія хоромины, гдѣ идетъ беспросыпное пьянство, гдѣ голоднаго рабочаго изъ самодурства обольютъ водкой и не дадутъ ему труда и хлѣба, гдѣ весь умъ и вся изобрѣтательность уходитъ на мерзость и развратъ, гдѣ молодыя поколѣнія рождаются въ томъ же первородномъ грѣхѣ эксплуатации, въ которомъ родились ихъ отцы — все это наводило на зловѣщія, тяжелыя мысли... Хотѣлось спросить: когда же тебѣ легче дышать будетъ, великій

страстотерпецъ землй русской, когда цѣною своей жизни, усиліями своихъ надорванныхъ мускуловъ ты пріобрѣтешь возможность хоть не умирать съ голоду?.. Кто скажетъ за тебя властное слово, кто выведетъ тебя, труждающагося и обремененнаго, на болѣе просторный и легкій путь? Или распадутся царства, и позабудутся народы, а горе твое, рабочій человѣкъ — будетъ также велико и не-исходно, какъ теперь, какъ оно было и прежде?..

На другой же день по пріѣздѣ, ко мнѣ показалась хозяйка гостинницы, — вдова какого-то чиновника.

— Довольны-ли вы?

— Нѣтъ, совсѣмъ недоволенъ. Тутъ всю ночь пьянствовали мои сосѣди... Спать не давали.

— Ну, уже это у нихъ такой обычай... Какъ пріѣдутъ съ заводовъ, голубчики мои, — сейчасъ-же за кутежъ... Это еще что, это еще слава Богу... А я ихъ останавливать не могу... Ими только и держимся, я отъ нихъ-то и жить пошла. А кабы вы были любезный кавалеръ, вы бы съ ними компанію раздѣлили. Они и то на васъ недовольны. Сколько разъ, говорятъ, приглашали. Здѣсь такъ жить нельзя, потому это еще смиренные... Другіе бы силой... На нихъ вѣдь все равно никакой управы нѣтъ.

Она пустилась бы и въ дальнѣйшія разсужденія да, къ счастью, во-время явился мой спутникъ. Съ нимъ я отправился на гранильную фабрику, находящуюся еще въ казенномъ управленіи. Она работала исключительно на Императорскій кабинетъ, причемъ за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ — въ ней оставались неизмѣнными и штаты и условія труда. Произведенія ея славятся повсюду, извѣстны всѣмъ и говорить о нихъ я считаю совершенно лишнимъ. При мнѣ здѣсь гранили двѣ громадныя вазы изъ яшмы, начатыя полтора года тому назадъ. Сколько

времени потребно на окончаніе истинно-художественныхъ произведеній Екатеринбургской гранильной фабрики, видно изъ того, что надъ недавно отосланной въ Петербургъ чашей изъ орлеца (роденита) тридцать рабочихъ возились 29 лѣтъ. Громадный соборъ можно было построить въ это время. Орлецъ менѣе всего поддается обработкѣ. Я видѣлъ здѣсь новые куски орлеца, помѣщавшіеся подъ нарочно выстроеннымъ навѣсомъ. Одинъ изъ нихъ вѣситъ около трехъ тысячъ пудовъ. Когда онъ будетъ обдѣланъ — колоссальной вазѣ цѣны не назначить. Работы вообще здѣсь бездна, а мастеровъ мало, что тоже вліяетъ на медленность работы. Дѣло въ томъ, что мастеровъ готовятъ при самой гранильной фабрикѣ, за то они обязаны работать на ней въ теченіе пяти лѣтъ, получая самое скудное содержаніе: высшій окладъ его не доходитъ даже и до 15 руб. въ мѣсяцъ, — разумѣется на всемъ своемъ. Какъ бы ни былъ хорошъ мастеръ, какъ бы ни дорожило имъ управленіе гранильной фабрики, оно не можетъ его оставить долѣе обязательнаго срока, потому что по ветхозавѣтному штату болѣе платить нельзя, а недурной мастеръ на вольной работѣ получитъ въ четверо и даже въ пятеро больше. Этому край обязанъ множествомъ отличныхъ гранильщиковъ, издѣлія которыхъ, доставляемая въ Нижній, Москву и Петербургъ, поражаютъ насъ артистической тонкостью отдѣлки. Если останутся прежніе штаты, фабрика черезъ десять лѣтъ рухнетъ неизбежно. Простые рабочіе здѣсь получаютъ въ мѣсяцъ до трехъ рублей и муку. Ихъ привязываетъ къ фабрикѣ только перспектива выучиться этому дѣлу и открыть свое заведеніе. Работа при этомъ самая египетская — въ двѣ смѣны, каждая по двѣнадцати часовъ, съ отдыхомъ въ два часа. Слѣдовательно, за десяти-часовую работу хорошій граниль-

щикъ получаетъ здѣсь — полтинникъ, да и то, впрочемъ, не всегда... На высшихъ окладахъ — мало кто! Послѣ этой фабрики я посѣтилъ до десяти вольныхъ мастеровъ, изучившихъ въ ней свое дѣло. Одинъ изъ нихъ былъ особенно типиченъ. Высокій, сгорбившійся, совершенно библейскій старикъ, съ высокимъ, голымъ черепомъ и длинною по поясъ серебряною бородою. Нѣсколько близорукіе глаза сквозь очки пристально разглядываютъ васъ, точно вы кусокъ камня, подлежащаго отдѣлкѣ въ какую нибудь затѣйливую чашу. Громадный пресъ-папье съ цѣлою массою плодовъ, ягодъ и цвѣтовъ, гдѣ каждая деталь, каждое зернышко, каждый листикъ, каждый лепестокъ — сдѣланы отдѣльно изъ соответствующаго камня, и все это до того живо, что вамъ хочется взять эту малину, эту кисть бѣлой смородины, дотронуться до этой незабудки, чтобы убѣдиться въ томъ, дѣйствительно-ли она сдѣлана, а не просто сорвана съ поля и брошена на этотъ великолѣпно отдѣланный пьедесталъ изъ черной яшмы. Вотъ чаша изъ змеевика, по ней вверхъ ползетъ хмѣль, къ которому кстати прицѣпились колокольчики и ромашка.

— Что стоитъ это у васъ? спросилъ я показывая на какую-то бездѣлку.

— Двадцать пять рублей.

— Заверните для меня.

— А я ее не продамъ.

— Почему-же?... я согласенъ на вашу цѣну.

— Точно что... А только что деньгами я не нуждаюсь.

А съ вещами разстаться жаль. Мы вѣдь тоже артисты — помилуйте! Я уже старъ — не долго полюбоваться на это, умру — пускай дѣти продаютъ.

Вольный гранильщикъ при нѣкоторомъ искусствѣ можетъ заработать отъ пятидесяти до ста рублей въ мѣсяць.

У нихъ сверхъ этихъ издѣлій цѣлыя массы великолѣпно отдѣланныхъ мѣстныхъ драгоценныхъ камней: александритовъ, рубиновъ, изумрудовъ, хризалидовъ, горныхъ, весьма рѣдкихъ по красотѣ, хрусталей, топазовъ и аметистовъ. Особенно послѣдніе здѣсь встрѣчаются превосходные. И всѣ они ужасно дешевы, сравнительно съ тѣми цѣнами, какія за нихъ запрашиваютъ скупщики на Нижегородской ярмаркѣ. Гранильщики — это аристократія рабочаго класса. Они и живутъ хорошо, и почитываютъ сами, посылая своихъ дѣтей учиться въ гимназію, а иные и въ университеты.

Съ гранильной фабрики мы отправились, въ здѣшнюю обсерваторію. Она очень недалеко отъ города, на небольшомъ холмѣ, съ котораго городъ весь какъ на ладони. Вонъ капризный извивъ рѣки Исети съ клочкомъ озера, голубыя воды котораго совсѣмъ замерли и не шелохнутся. Въ озеро врѣзался длинный выступъ берега, на этомъ мысѣ поднялась пышная роща. Кругомъ массы бѣлыхъ каменныхъ домовъ и, точно на бѣлыхъ мраморныхъ пьедесталахъ, между ними подымаются красивыя и богатыя церкви. Улицы разбѣгаются во всѣ стороны; скрещиваются, сливаются, запутываются. Пусто на нихъ, только солнце во всю бьетъ уже косыми осенними лучами на зеленыя кровли... За городомъ зеленая понизь... Далеко-далеко разостлалась она вплоть до крутыхъ пиковъ и рѣзко очерченныхъ кряжей Урала... Вотъ Нижне-Исетскій заводъ пріютился у своего озера. Очень красивъ онъ кажется оттуда... Едва-едва различаешь дома выросшаго около него поселка. Вотъ сбилось въ лощину большое богатое село Уктусь, за рощей чуть мерещится его бѣлая церковь. Самая обсерваторія очень скромна. Да и средствъ у нея весьма немного. Она можетъ наблюдателямъ платить не болѣе 20 руб. въ мѣ-

сящъ. Дѣятельнѣйшимъ членомъ ея является симпатичный французъ-швейцарецъ О. Г. Клеръ. Онъ же здѣсь собралъ небольшой музей по естествознанію. Вѣ немъ особенно хороша коллекція змѣй Пермской губерніи, громаднѣйшій мамонтъ, поразившій Брема своей величиною. По крайней мѣрѣ ученый нѣмецъ заявилъ, что онъ никогда еще не видалъ подобнаго. Сверхъ того здѣсь же находится полный черепъ мамонта и пилоносъ Средиземнаго моря. Не смотря на свои скромныя средства, екатеринбургское общество естествоиспытателей извѣстно своею почтенною дѣятельностію. Въ 1876 году оно издавало уже 6-ю книжку своихъ трудовъ... Крайне интересенъ этотъ городъ, гдѣ рядомъ съ плезіозаврами и строфокамилами, чудесно сохранившимися въ лицѣ купцовъ и заводчиковъ или хозяевъ пріисковъ, — живетъ довольно многочисленная и дѣльно работающая интеллигенція. Бокъ-о-бокъ съ легендарнымъ самодурствомъ, съ подвигами, достойными каменнаго вѣка — развивается чисто научная дѣятельность, и люди, которымъ дороги интересы знанія, сзумѣли устроить и замкнуться среди общаго пьянаго потопа въ какой-то ковчегъ. Имъ, этимъ незамѣтнымъ труженикамъ, наука обязана многими изслѣдованіями, произведенными въ предѣлахъ горнозаводскаго края. Остается пожелать только, чтобы воды этого пьянаго потопа поскорѣ пали, ковчегъ оставилъ бы на Араратѣ, и голубъ съ масличною вѣтвью во рту вернулся бы къ нему, знаменуя, что для почтенныхъ писателей уже настало счастливое время болѣе широкой и плодотворной дѣятельности...

На другой день я долженъ былъ ѣхать на здѣшнюю стеариновую и мыловаренную фабрику.

Когда-то она была открыта благополучнымъ россіяниномъ — Плѣщановшъ, но, разумѣется, въ концѣ-концовъ

попала въ руки хитроумному Улиссу — англичанину Эджер-тону Горбарту, который ее поставилъ по-европейски. Сначала она давала хорошіе заработки населенію, но когда въ Екатеринбургѣ закрыли монетный дворъ, плата за трудъ такъ упала здѣсь, что въ 1876 г. взрослый и хорошій мастеръ, на всемъ своемъ, могъ получить не болѣе 35 к. въ день или отъ 9-ти до 10 руб. въ мѣсяцъ. Вознагражденіе остальныхъ было еще ниже. Женщина, исполняющая почти всю ту же мужскую работу, изъ четырехъ рублей въ мѣсяцъ не выходитъ и, разумѣется, тоже на всемъ своемъ. Такого неравенства въ заработкѣ между дѣвочками и мальчиками нѣтъ. И тѣ и другіе подростки получаютъ по 3 руб. Всего здѣсь занято до четырехсотъ человекъ, которыхъ, разумѣется, дуютъ что называется и въ хвостъ и въ гриву. Принятія здѣсь правила отличаются драконовскою строгостію. Штрафъ — несоразмѣрный съ заработной платой. Прогуль одного дня наказывается рублемъ, двухъ — тремя рублями. При этомъ и болѣзнь рабочаго не всегда признается поводомъ къ законной неявкѣ на фабрику, т. е. не совсѣмъ сильному мастеру придется въ концѣ мѣсяца не получить и восьми рублей полныхъ. А что, напримѣръ, дѣлать женщинѣ, которая, получая за трудъ цѣлаго дня 13 к., должна и содержать себя на эту плату, достаточную по цѣнамъ того времени (1876 г.) развѣ для инфузоріи!.. Ужасное положеніе въ полномъ смыслѣ слова.

— Зачѣмъ же вы работаете, вѣдь не неволять?

— А куда пойдешь... Оголѣли мы, не околѣвать же съ голоду.

— Нонѣ на рабочаго человека вездѣ прижимка... Обмякли всѣ мы... Прежде я, напримѣръ, семьдесятъ пять въ день получалъ — ну и сытъ былъ, да жена сорокъ зарабаты-

вала. А теперь мы вдвоемъ сорока не выхватимъ... А у насъ дѣти... И здорово же богатѣютъ наши хозяева. Имъ все на пользу... Голодъ-ли, пожаръ... Чѣмъ мы бѣднѣе, тѣмъ они меньше даютъ намъ. Голодный человѣкъ за кусокъ хлѣба на все бросится...

За это ничтожное вознагражденіе на фабрикѣ работаютъ и днемъ и ночью, каждая смѣна по 10 часовъ сплошныхъ...

— Да, трудно!

— Ужъ чего труднѣе... Изъ Питера пріѣзжалъ одинъ. Сказываютъ, онъ важный чиновникъ... Къ намъ приходилъ сюда. Чисто у васъ какъ ребята! Удивляется... Хорошо... Должно быть у васъ хозяинъ добрый... Вы за него молитесь больше... Часто-ли въ церквѣ бываете, спрашиваетъ... Бога не забывайте главное!.. А объ насъ-то Богъ давно забылъ!..

Въ первомъ отдѣленіи, куда вошли мы — масса чановъ, нагрѣваемыхъ паропроводными трубами. Густой запахъ сала стоитъ въ воздухѣ. Дышать трудно и съ непривычки противно. Здѣсь громадные комья этого продукта, доставленнаго изъ Кунгура, Шадринска, Ирбита, Ишима и другихъ мѣстъ, валятъ въ чаны... Распустившись въ однихъ, сало особыми снарядами переливается въ другіе, отъ другихъ въ третьи, перейдя всѣ эти степени чистилища и всюду подвергаясь дѣйствию различныхъ дистилирующихъ реактивовъ, оно наконецъ поступаетъ въ кристаллизаторъ — четырехольную плоскодонную посуду. Охлаждѣвъ здѣсь, оно вываливается на черныя сермяжныя салфетки, въ которыя его и завертываютъ кругомъ... Комья очищеннаго такимъ образомъ сала въ тѣхъ-же салфеткахъ — уже въ слѣдующемъ отдѣленіи, подвергаютъ давленію прессы, выжимающаго олеинъ. Олеинъ течетъ по

желобамъ въ особые чаны, откуда его доставляютъ на мыловарню. Подъ прессомъ сало значительно твердѣетъ и опять поступаетъ подъ новый холодный прессъ. Окрѣпнувъ здѣсь еще болѣе, оно перебрасывается въ горячіе вертикальные прессы, гдѣ оно быстро сохнетъ и обращается въ твердыя пластинки стеарина. Ихъ переносятъ въ слѣдующее отдѣленіе; тамъ ихъ, опять подвергнувъ дѣйствию реактивовъ, кипятятъ до прозрачности воды. Въ этомъ видѣ — стеаринъ поспѣлъ. Черная ковшами, его вливаютъ въ формы, гдѣ продернуты предварительно фитили — и свѣчи готовы. Затѣмъ слѣдуетъ обрѣзка фитилей, обрѣзка свѣчей до требуемаго размѣра, полированіе ихъ и наконецъ отбѣливаніе на солнцѣ. Послѣ этого женщины ихъ свертываютъ въ бумагу. Каждая должна свернуть такимъ образомъ 45 пудовъ въ день. Въ отдѣленіи, гдѣ плетутся фитили — масса дѣтей. Блѣдныя малокровныя лица, худыя впалыя груди!.. Плохое поколѣніе общаются эти несчастныя... Зачастую какой нибудь ребенокъ подымаетъ голову къ окну, въ которое ярко свѣтитъ солнце... За нимъ зеленѣетъ поле, ласково круглятся вершины деревъ...

— Хочется побѣгать, погулять? поймалъ я взглядъ одной дѣвочки посмышленнѣе другихъ.

— Какъ не хоцца.

И глазенки запрыгали, и кровь волною подкатилась къ щекамъ!..

Да, тяжелою цѣною дается вездѣ право жить... И какъ жить!

Рабочіе цѣны въ мыловарнѣ — тѣ же, что и въ стеариновомъ заводѣ... Тутъ еще труднѣе уручная работа, такъ какъ обдѣлка кусковъ мыла требуетъ много времени. Сильный запахъ гвоздичнаго масла стоялъ въ воздухѣ, масса женщинъ томились надъ своимъ каторжнымъ трудомъ, даже

не подымая на посѣтителей своихъ утомленныхъ глазъ... Видимо, что еще дѣтymi онѣ выросли на подобной этой работѣ. Тѣ рано поблекшія зеленолиція дѣвочки, которыхъ мы видѣли на стеариновомъ заводѣ, несомнѣнно выростутъ въ такихъ же тусклыхъ, блеклыхъ и исхудалыхъ женщинъ!..

Показывавшій намъ эту фабрику мудрый чужеземецъ вздумалъ утѣшать насъ фокусами.

— Скверно работать у васъ.

— Зачиво?

— Плохо вознаграждается трудъ... Мало платите рабочимъ.

— Она привыкла... Конкурентъ нѣтъ... Монополь есть... Монополь есть — можно завсѣмъ мало платить!.. Но — я вамъ, показать чичасъ удивительный машинъ...

Машина въ шестнадцать силъ была удивительна тѣмъ, что, положивъ на какую-то часть ея аппарата маленькій клочекъ бумажки, — вы тотчасъ же останавливали ея дѣйствіе...

— Каковой тонкость!.. восхищался управляющій... Я опять перевелъ разговоръ на рабочія платы, и онѣ меня еще болѣе утѣшилъ: если и впередъ будутъ закрываться здѣсь разныя учрежденія, то вознагражденіе мастерамъ можетъ упасть и ниже нынѣшняго. Нѣмецъ несказанно восхищался этимъ: русскій будетъ и привыкъ работать за малую цѣну, съ нимъ только строгость нужна...

— О, русскій шельвекъ строгій обращеній очень любить...

Въ виду этого его вѣрно и донимаютъ штрафами за прогулы, штрафами, часто въ шесть разъ превышающими его дневной заработокъ.

Любителямъ цифръ могу сообщить, что изъ каждаго

ста пудовъ сала вываривается такимъ образомъ тридцать пять пудовъ свѣчъ. Вся фабрика въ день сжигаетъ по двѣ кубическія сажени дровъ. Годовой оборотъ ея даетъ 300,000 пудовъ мыла и 150,000 пудовъ свѣчей, которыя по 9 р. 50 к. сбываются на Нижегородскую ярмарку.

Признаюсь, я съ особеннымъ удовольствіемъ выѣхалъ отсюда... Безпощадная эксплуатація рабочей силы — здѣсь еще отвратительнѣй, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Понятно, что вмѣстѣ съ бѣдностью растетъ и развратъ. Было время, когда женщины-работницы, послѣ трудового дня, продавали себя на ночь за одинъ хлѣбъ, за возможность накормить своихъ дѣтей...

Чѣмъ больше поднимаются цѣны на хлѣбъ, тѣмъ шире разливается и развратъ со всюду сопровождающимъ его сифилисомъ и чахоткою... И не я виноватъ, что мнѣ приходится рисовать такія непривлекательныя картины.

ЛІІІ.

Березовскій пріискъ. — Старообрядческія села. — Казенное управленіе. —
Рабочія платы. — Продажа пріисковъ въ частныя руки.

Немного сѣвернѣе Екатеринбургa — небольшое озеро Шарташъ съ селомъ того же имени, окаймившимъ часть его береговъ и Шарташскими золотыми пріисками около. Къ югу отъ озера — богатыя каменоломни, а вокругъ, въ окрестности, множество пріисковъ. На серединѣ пути, между озеромъ и рѣкою Пышмою — Березовское село съ рудниками. Все это очень некрасиво. Едва-едва всхолмленная мѣстность — не на чемъ остановиться взгляду. Даже Уралъ, когда мы подъѣзжали сюда, прятался въ туманъ и ничего кругомъ не было видно, кромѣ довольно бѣдно обстроенныхъ поселковъ, чахлыхъ рощицъ, золотушныхъ, кривыхъ деревьевъ, болѣзненно поднявшихся на мѣстѣ еще недавно стоявшихъ здѣсь вѣковыхъ лѣсовъ, павшихъ подъ топорами промышленниковъ... Деревни тоже какія-то захудалыя, и населеніе ихъ совсѣмъ не того типа, который мы привыкли встрѣчать въ этомъ краю. Оказалось, что здѣсь поселились во времена оны бѣглые стрѣльцы. Имъ пришлось много бѣдствовать, прежде чѣмъ они свыклись съ новыми условіями жизни. Тутъ вымирали цѣлыя сло-

боды. Да и власти того времени относились къ бѣглымъ съ безопадною жестокостію. Бывали случаи, что ихъ выселки цѣликомъ угоняли въ Сибирь, несчастнымъ «рвали ноздри, били ихъ батогами и весьма живота лишали». Они тѣмъ не менѣе остались вѣрны себѣ, эти стойкіе представители до-Петровской Руси. До сихъ поръ по закоулкамъ стоятъ здѣсь ихъ старообрядческія церкви. Какъ не казисты поселки — такъ же не казисты и щеголеватія въ другихъ мѣстахъ постройки завода, купленнаго со всѣми окрестностями у казны Осташовымъ и К°. Всего досталось имъ около 56 квадратныхъ верстъ съ богатыми желѣзными рудами и золотыми россыпями; разумѣется, обошлось все это очень дешево. Единовременно было уплотнено кажется около ста тысячъ, да ежегодно со шлиховаго и рассыпного золота, добываемаго здѣсь, владѣльцы вносятъ въ пользу государства 18½%... Производство удешевлено до послѣдней степени. Еще администрація заводовъ обходится въ 60,000 р., что же касается до платы рабочимъ, то она низведена до минимума, хотя обороты растутъ и растутъ. Казна добывала здѣсь 22 пуда золота, компанія надѣялась въ послѣдствіи поднять эту цифру до сорока пяти пудовъ. Впрочемъ трудно сказать, когда мѣстному рабочему было хуже — теперь или тогда. У насъ такъ все расплзается врозь, такъ во всемъ замѣтно полнѣйшее неумѣнье устроиться, бездарность, небрежность, что государственное-ли управленіе, частная-ли эксплуатація — все едино. Такъ, напримѣръ, въ 1825 году валовыя работы въ этомъ округѣ по добычѣ золотоноснаго кварца должны были пріостановиться — потому что ни съ того, ни съ сего начальство распустило крестьянъ на всѣ четыре стороны умирать съ голоду; штольны разрушились, штерки оказались запущенными до-нельзя, отъ шахтъ остались только

безобразные провалы. Потомъ все это пришлось соорудить вновь, причемъ, разумѣется, ловкіе люди получили возможность удовлетворить аппетитамъ. А воротила уральскіе никогда не отличались особенною скромностью аппетита. Въ этомъ отношеніи они все похожи на Гулливера въ царствѣ лилипутовъ или по крайней мѣрѣ на Гаргантуа Раблэ. Черезъ нѣсколько времени, въ виду открытія здѣсь же золотоносныхъ россыпей, казна распорядилась опять уничтожить все это, точно разработка желѣзныхъ рудъ могла мѣшать вымойкѣ золота! На Уралѣ въ этомъ отношеніи казенное управленіе дѣлало чудныя вещи. О нихъ и теперь рыцари добраго стараго времени вспоминаютъ съ восторгомъ. Это-ли еще не Эльдорадо — когда постройка казеннаго завода обезпечивала ловкаго человѣка на столько, что онъ на остатки изъ него выводилъ чуть-ли не цѣлыя улицы домовъ въ Екатеринбургѣ, да кстати гдѣ ни будь покупалъ себѣ имѣннице на всякій случай. Вырыть одну шахту обходилось дороже, чѣмъ вывести большой соборъ въ губернскомъ городѣ. Стоило только подержаться нѣсколько мѣсяцевъ за уголокъ казеннаго пирага, чтобы потомъ всю жизнь славословить Господа и благодушествовать... Что на одинъ порохъ выводилось, которымъ взрывали здѣсь горы и одолѣвали каменные породы! Мнѣ кажется, если-бы собрать все количество этого пороха — то его достаточно бы оказалось, чтобы въ клочки разнести весь земной шаръ. При канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ все это шло чудесно, — и овцы были цѣлы, и волки сыты. Рука руку мыла и обѣ чисты бывали... Не нужно было только забывать христіанскаго обычая дѣлиться съ ближними. Ну, а возлюбилъ ближняго какъ самого себя и — спи спокойно. Ни ревизоры, ни чиновники особыхъ порученій — не страшны.

Теперь всё работы здѣсь производятся динамитомъ, что обходится въ восемь разъ дешевле пороха. Благодаря тому обстоятельству, что казна зачастую оставляла своихъ рабочихъ безъ хлѣба и дѣла, они по-неволѣ привыкли къ другимъ еще ремесламъ. Такъ въ Березовскомъ и недѣйствующемъ теперь Пышвинскомъ заводахъ дѣлаютъ посуду всякую, ящики; Становая, село Сарапулки съ окрестностями производятъ массаами сундуки, кадки, ушаты, подойники, которые отсюда и разсыпаются въ уѣзды Камышловскій, Челябинскій и Шадринскій... Издѣлія этого рода идутъ и въ Екатеринбургъ съ Кунгуромъ...

— Много-ли заработку на семью? спросилъ я у сумрачнаго старообрядца, занятаго при мнѣ окраской необычайно пестраго сундука.

— Да вотъ въ восемь рукъ работаемъ... Все ста полтора набѣжить! Разумѣется не круглый годъ... Когда свободно — тогда...

Поденная плата простому рабочему на заводахъ хотя и больше, чѣмъ у мудраго чужеземца Эджертона Горбарта, все-же весьма недостаточна. Она не превышаетъ пятидесяти копѣекъ въ день на всемъ своемъ, хотя я не знаю болѣе тяжелаго, болѣе каторжнаго труда, какъ на золотыхъ приискахъ. Все здѣсь таково, что чахотка среди постоянного присковаго населенія стала постоянною и наследственною болѣзнию. Вслѣдствіе работы въ согнутомъ положеніи, зачастую и теперь практикуемой на здѣшнихъ приискахъ, не только грудь разрушается — искривляется позвоночный столбъ, ноги становятся слабыми. Дѣти и женщины особенно изуродованы этою системою эксплуатаціи естественныхъ богатствъ Урала. И лучше всего, что здѣсь женщина поденно получаетъ столько же, сколько мальчикъ-подростокъ. Тотъ и другая не выработаютъ болѣе

25 или 30 коп. — въ 10 — 11 часовъ упорнаго сплошнаго труда.

Казна, и сама въ прежнее время нисколько не забитившаяся о положеніи своихъ рабочихъ, разумѣется, продавая въ частныя руки пріиски и заводы, не имѣла никакого основанія обусловливать тѣми или другими обязательствами отношенія новыхъ владѣльцевъ къ населенію, но мы тѣмъ не менѣе рѣшительно теряемся указать, какими же мѣрами можно остановить страшный упадокъ вознагражденія за непосильный трудъ. У разныхъ здѣшнихъ владѣльцевъ есть и жильное золото; но добывающіе его рабочіе получаютъ за еще болѣе тяжкія усилія все ту же плату. Мы не станемъ говорить о ихъ положеніи, оно то-же, какое обрисовано нами въ очеркахъ остальнаго Урала. Скажемъ одно, — что касается до насъ, то мы недоумѣваемъ, какъ въ такой невозможной обстановкѣ уральцы еще не выродились, что за изумительная выносливость при этой нищетѣ, переходящей изъ поколѣнія въ поколѣніе, при этой безкормицѣ, при этихъ условіяхъ труда, какъ будто нарочно созданныхъ для того, чтобы въ концѣ концовъ изъ смысленныхъ и энергичныхъ тружениковъ сдѣлать малосильныхъ и апатичныхъ ко всему кретиновъ. Когда я посѣщалъ Екатеринбургскій округъ, тамъ у казны оставалось еще двадцать шесть квадратныхъ верстъ съ жильными рудниками, разсѣянными по разнымъ дачамъ. Они уже и тогда назначались въ продажу. Кое-кому здѣсь, приходила благая мысль хотя въ одномъ небольшомъ пунктѣ устроить артельную добычу золота, съ тѣмъ, чтобы всѣ выгоды этого дѣла распредѣлялись между участниками, соотвѣтственно количеству ихъ рабочихъ часовъ. Другіе, справедливо пораженные крайностью, все болѣе и болѣе увеличивавшеюся въ населеніи отъ паденія цѣнъ, предлагали

учредить нѣчто въ родѣ образцовой эксплуатаціи какойнибудь жилы съ подъемомъ вознагражденія за трудъ. Но всѣ эти прекрасные проекты, разумѣется, рухнули, когда авторы ихъ сообразили, что исполненіе ихъ будетъ поручено тѣмъ-же чиновникамъ, которые до сихъ поръ на народъ смотрѣли, какъ на машину, обязанную тратить столько-то и столько-то мускульной силы. Откуда-же имъ вдругъ проникнуться любовью къ рабочему и всѣми этими благородными чувствами, которыя они называютъ сантиментальными. Нигдѣ я не замѣчалъ такого пренебреженія къ крестьянину, какъ здѣсь.

Я говорилъ о земляхъ еще оставшихся здѣсь у казны. Сверхъ упомянутыхъ, ей еще принадлежали тогда двѣ большихъ площади въ тысячу квадратныхъ верстъ. Что дѣлается тамъ — темна вода во облацѣхъ. На своей землѣ Осташовъ и К° могутъ разрабатывать россыпи, не ранѣе какъ черезъ пять лѣтъ. Сверхъ того, онъ долженъ былъ готовить работы для ежегодной добычи ртутнаго золота — но 10 пудовъ — minimum. Тому-же владѣльцу, вмѣстѣ съ Леманомъ и Фохтомъ, принадлежали здѣсь два участка разсыпнаго золота съ подряда на четыре года, причѣмъ они должны добытый здѣсь металлъ отдавать въ казну по 1 р. 25 к. на одномъ и по 1 р. 5 к. на другомъ за золотникъ. Разумѣется — это крайне не выгодно. Участки были взяты, и не для того, чтобы воспользоваться барышами отъ добычи металла. Умысль другой тутъ былъ. За аренду — не платится ничего, да и работать на этихъ участкахъ, если хотите, не обязательно, можно сидѣть сложа руки. Въ чемъ-же дѣло? А въ томъ, что разъ взята вся окрестность въ одни руки — никто другой сюда не сунется, рабочихъ не отвлечетъ, платой ихъ не избалуесть. Фохтъ и Леманъ могутъ располагать ими какъ хотятъ,

назначать цѣны какія угодно. Это, разумѣется, стоитъ ничтожнаго расхода на залогъ, въ размѣрѣ 10% стоимости оставленнаго здѣсь казеннаго имущества... Прежде здѣсь, случалось, работали башкиры — новое управленіе нашло ихъ невыгодными. Они, разумѣется, и распозлились во всѣ стороны.

— Отчего вы не берете башкировъ? спрашивалъ я здѣсь.

— Они народъ балованный.

Въ переводѣ на общій языкъ это значило, что съ башкирами нельзя было поступать такъ, какъ съ русскими. Первые, идя на подземныя работы, требуютъ за нихъ и большаго вознагражденія. Еще бы: въ Міасѣ на готовомъ содержаніи и съ выдачею имъ задатковъ, они получаютъ отъ семи до девяти рублей въ мѣсяцъ и то за открытыя работы, кто же ихъ загонить за меньшую плату въ вѣчную тьму, въ каменные норы здѣшняго рудника. Только нашъ уралецъ, которому некуда дѣваться отъ безкормицы — пойдетъ на все, лишь бы ему съ семьей не вовсе ужъ, не сразу умереть съ голоду.

Вообще же для песчаныхъ золотыхъ работъ лучше всего вятскіе татары, но и ихъ нельзя привлечь сюда за ту цѣну, за которую идутъ русскіе. Сверхъ того къ нимъ ближе есть такія же площади съ богатымъ содержаніемъ драгоценнаго металла. При мнѣ даже въ Чердынскомъ уѣздѣ было открыто золото. Все же, что здѣсь имѣетъ хоть какую нибудь осѣдность, какъ чумы бѣжитъ рудничныхъ работъ. Старообрядцы Шарташа, Сарапулки и Становой и слышать не хотятъ о нихъ. Даже вовремя обязательнаго труда — ихъ туда нельзя было заманить никакими мѣрами. Въ послѣднее время и березовскіе крестьяне взялись за ремесла. Все, что только повольнѣ дышетъ, идетъ въ слесаря, въ столяры и чеботари.

— Самое послѣднее дѣло — въ рудникъ идти! говорятъ они.

— А что?

— Проглодь... Да и работаешь точно въ могилѣ, нѣтъ тебѣ Божьяго свѣта...

— Что-же такъ, дома больше зарабатываешь?

— Ежели и не больше, такъ все-же здоровѣе будешь, да и семья на глазахъ... А то и больше. Все гривенъ шесть въ день возьмешь. А ты погляди-ко на тѣхъ, которые на розсыпахъ, да въ рудникахъ. Думаешь, что они берутъ... Какъ червь въ землѣ копается — а за шесть кубическихъ аршинъ больше какъ девяносто копѣекъ, если земля мягка, или четыре рубли, коли на камень попадетъ — не получить.

— Сколько же это въ день выйдетъ?

— Да отъ тридцати-пяти копѣекъ до шести гривенъ... Бываютъ такіе дни, когда и рубль возьмешь, за то въ другой ему и двугривеннаго не очиститъ.

Нагрузчики и откатчики въ шахтахъ за свой тяжелый трудъ получаютъ по 45 к. въ день, подростки по 30 к.

Особенно страшными являются здѣсь работы въ каменноугольныхъ кояхъ. Черная пыль ихъ садится на легкія, колотъ породу приходится стоя по колѣна въ холодной водѣ. Ревматизмы и чахотка неотступно слѣдуютъ за этими каторжниками непосильнаго труда!.. Они дѣлятся на артели и каждый работаетъ одну недѣлю днемъ, а другую ночью — съ пяти до пяти часовъ, причеъ на отдыхъ приходится не болѣе двухъ часовъ. Цѣною этой массы усилій удается въ годъ выработать семь тысячъ кубическихъ сажень земли и камня. На золотомъ дѣлѣ въ сутки выломается двѣ тысячи пудовъ кварцу, который при удачѣ дастъ до двухъ съ половиной пудовъ золота. Сосѣднія съ

кварцами породы тоже содержать золото, хотя гораздо-
менѣ. Оно вырабатывается отдѣльно.

— Хотите видѣть нашего дѣдушку? предложили мнѣ.

— Кого?

— А здѣсь живетъ у насъ — старикъ Жмаевъ.

Я, разумѣется, схватился за случай познакомиться съ
этимъ знаменитымъ золотоискателемъ.

LIV.

Е. И. Жмаевъ — золотоискатель. — Заводскіе рабочіе. — Подъ землей.

Егоръ Ивановичъ Жмаевъ — геній въ своемъ родѣ. У него не только знаніе, у него изумительный инстинктъ открывать золото тамъ, гдѣ его никто и не предполагаетъ. Онъ одному Зотову такимъ образомъ далъ три тысячи пудовъ драгоцѣннаго металла въ Сибири; другимъ предпринимателямъ, пользовавшимся его услугами, тоже не пришлось раскаиваться. Жмаевъ своимъ хозяевамъ въ разное время составлялъ миллионныя состоянія... Прибавьте къ этому, что большая часть его дѣятельности была отдана Сибири, гдѣ признаки мѣстонахожденія золота не такъ явны, какъ здѣсь, гдѣ ему приходилось цѣлые годы жить чуть не въ звѣриномъ образѣ посреди неисходимыхъ тайгъ въ глуши, въ которой развѣ только бѣглый каторжникъ могъ попасться ему навстрѣчу. Я думалъ встрѣтить Жмаева въ богатыхъ хоромахъ, располагающаго громадными средствами. Еще бы, — это человѣкъ почти ничего не пившій, не тратившійся ни на что...

И что же?

Меня привели въ жалкую бѣдную комнатку... Здѣсь

насъ встрѣтилъ старикъ еще бодрый; черные зоркіе глаза пытливо смотрѣли изъ-подъ сѣдыхъ бровей; надъ замѣчательно высокимъ и превосходно сформированнымъ лбомъ едва-едва можно было различить рѣдкіе серебряные волосы. Въ сухой складкѣ уже безкровныхъ губъ чувствовалось какое-то презрѣніе къ людямъ, что-то горькое... Крѣпкое коренастое тѣло еще не измѣнило ему, несмотря на его семьдесятъ восемь лѣтъ!..

Онъ былъ почти безъ куска хлѣба и жилъ здѣсь изъ милости — онъ, дававшій милліоны другимъ, почти никогда не имѣвшій дорого стоившихъ прихотей!.. Не сказалась-ли въ немъ судьба рабочихъ вездѣ, этихъ пчелъ, собирающихъ медъ для хозяевъ?..

— Какъ же вы живете, Егоръ Ивановичъ?

— Помогаютъ... грустно отвѣтилъ онъ, потупясь...

У старика около 40 внуковъ и правнуковъ. Они тоже нуждаются въ его помощи!..

Мнѣ стала понятна и эта болѣзненная усмѣшка губъ и эти иногда принимавшіе такое печальное выраженіе глаза!..

Жмаевъ по происхожденію — киргизъ. Его еще ребенкомъ купилъ Титъ Поликарповичъ Зотовъ за два мѣшка муки у голоднаго отца и воспиталъ у себя въ Екатеринбургѣ. Только что окрѣпнувъ, Жмаевъ сейчасъ же началъ свою кипучую, неустанную дѣятельность золотоискателя, сумѣвъ сохранить мягкую, честную душу и несокрушимую энергію до самой поздней старости. Еще недавно онъ работалъ, какъ молодой человекъ, пѣшкомъ проходя громадныя пространства, ночуя на болотахъ, оставаясь зимою въ засыпанныхъ снѣгами алтайскихъ лѣсахъ. Разъ онъ нѣсколько зимъ сряду прожилъ въ Сибири въ палаткѣ — это при тамошнихъ-то морозахъ?

— Неужели же вамъ не выплачиваютъ пенсій?..

— Нѣтъ, какъ же... заторопился старикъ: — не оставляють... тысячу двѣсти руб. въ годъ получаю.

Изъ этого онъ долженъ еще содержать громадную семью... Взрослый сынъ не только не помогаетъ ему, а еще самъ изводитъ старика своимъ безпросыпнымъ пьянствомъ.

— И больше ничего, ни откуда?

— Кому вспоминать!.. Обѣщали много — не сдѣлали ничего... Такъ всегда...

Что-то очень печальное и робкое мелькнуло въ глазахъ Жмаева, этого человѣка, сдѣлавшаго на своемъ вѣку десятки безсовѣстныхъ эксплуататоровъ Крезами...

— Вы знаете, обратился ко мнѣ г. Фохтъ: — я увѣренъ, что если бы Жмаева и теперь на лошадь посадить, — такъ за нимъ не угнаться бы и молодежи. Три года тому назадъ я попробовалъ было перегнать его на скаку.

— Ну?

— Куда къ чорту!.. Вы посмотрите, какъ его крѣпко сковало сибирскими морозами и обожгло всего горнымъ солнцемъ!.. Увѣряю васъ, что онъ и теперь еще молодъ... Экая сила-то!..

Жмаевъ нервно привсталъ въ своемъ плохенькомъ пиджачкѣ и поднялъ подпертую ветхимъ галстукомъ голову.

— Да, пожалуй, и еще потрудиться могъ бы.

— Чтобы васъ также надули? Вы знаете, сколько онъ золота нашель? обратился Фохтъ ко мнѣ.

— Я слышалъ, много.

— Да вотъ-съ: Зотову — три тысячи пудовъ, Соловьеву — тысячу, Голубкову — три тысячи, а тамъ еще — Маляревскому, Бобкову, Малевинскому, Базилевскому...

— Имена же ихъ Ты, Господи, вѣси!.. какъ бы про себя проговорилъ старикъ.

Какъ съ нимъ поступали, видно изъ того, что тѣ же Зотовы остались ему должны около 69,000 рублей. Добромъ не отдавали: пришлось завести процессъ, который тянулся нѣсколько лѣтъ, истощивъ всѣ средства старика. Не разъ ему приходилось ѣздить въ Питеръ, смазывать повсюду разныя скрипучія колеса. Наконецъ пристукнула нужда и Жмаевъ поневолѣ пошелъ на мировую. Онъ получилъ 25,000 руб. и выдалъ росписку въ полной уплатѣ ему всего долга, хотя на однѣ свои поѣздки въ Петербургъ истратилъ около 15,000 рублей. Впрочемъ и другіе оказались не лучше Зотовыхъ!

Разказы Жмаева въ высшей степени интересны. Особенно о мѣстности имъ облюбованной — по двумъ рѣчкамъ: Севагликону и Актолину, изъ которыхъ первая впадаетъ въ Колыму, а вторая въ Ангару. Ихъ верховья въ одномъ и томъ же кряжѣ на разстояніи ста пятидесяти сажень одно отъ другого, а устья противоположны. Онъ и теперь не можетъ говорить безъ восторга объ этомъ дикомъ захолустьѣ. Отъ его разказовъ вѣтъ просторомъ и привольемъ сибирской тайги. Кажется, что самъ слышишь величавый гулъ лѣсовъ, куда до тѣхъ поръ не ступала нога человѣка. Невольно мерещатся засыпанныя снѣгами вершины сумрачныхъ горъ и задумчивый ропотъ океана у отвѣсныхъ скалъ Камчатки. Какъ хорошъ его разказъ о долгомъ странствованіи по травянымъ болотамъ въ вершинѣ р. Мойвы, на оленяхъ, быстро несущихся впередъ, точно имъ досадно, что вольный вѣтеръ пустыни перегоняетъ ихъ, что еще далеко впереди слышатся его меланхолическіе отголоски. А эти горы изъ кварца и топаза — какими-то сказочными памятниками подымающіяся въ невѣдомыхъ еще закоулкахъ безлюднаго и бездорожнаго края!.. Какъ ярко сверкаетъ на нихъ солнце, на этихъ алтаряхъ

незнаемаго божества!.. Что усталъ и голодъ, что всѣ лишенія — лицомъ къ лицу съ этимъ величіемъ, съ этимъ чуднымъ созданиемъ гениальнѣйшаго художника, имя которому — природа!.. Его приключенія и встрѣчи будутъ разсказаны въ другомъ мѣстѣ: иначе намъ пришлось бы далеко выйти за предѣлы настоящихъ очерковъ.

Здѣсь на заводахъ работаетъ постоянно около тысячи ста человѣкъ. Положеніе ихъ мы очертили въ прежнихъ главахъ. Гораздо лучше тѣмъ, которые заняты рубкою лѣса и выжигомъ угля, т. е. бывшимъ урочнымъ крестьянамъ. Тутъ и дѣло легче, да и воздухомъ приходится дышать не спертымъ у ярко сверкающихъ печей, а вольнымъ и чистымъ среди смолистыхъ деревьевъ. Разумѣется, нечего и говорить о тѣхъ, кому по двѣнадцати часовъ въ сутки приходится потѣть надъ кварцевыми жилами въ вѣчной тѣмѣ чернаго рудника, чуть озаряемой тусклымъ свѣтомъ едва мигающихъ лампочекъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой трудъ нуженъ, чтобы въ массѣ твердой породы добыть золотую каплю. Каждому рудокопу нужно выработать чуть не шесть кубическихъ аршинъ кварца, чтобы только получить право сегодня не умереть съ голода, но въ то же время знать, что и дѣти твои также будутъ изводиться надъ тѣмъ же дѣломъ... По-нятно, что все, имѣющее возможность уйти изъ рудника, уходитъ прочь. Поэтому въ Березовскомъ округѣ такая масса гранильщиковъ, столяровъ, сапожниковъ, сундучниковъ. Всякій, имѣющій хотя малѣйшую возможность научиться какому нибудь ремеслу, бѣжитъ отъ рудника и завода: особенно отъ перваго, хотя и второй не сладокъ. Представьте себѣ условія труда: въ спину дуетъ зимой морозный вѣтеръ, а прямо въ лицо, точно пасть адова, пышетъ огнемъ и зноемъ ослѣпительно горящая печь.

Управляющій этими заводами шель съ нами.

— Ну, чего ты болтаешься? накинулся онъ на одного рабочего.

— Теперь, братъ, шабашъ...

— Что шабашъ?..

— Ухожу... Я въ слесаря нонѣ... Очень ужъ тяжело издѣся-то... Маешься-маешься, а все силы нѣтъ под-няться.

— А гдѣ легче?.. Ты пойми, тамъ будетъ ли еще всегда работа-то у тебя, а здѣсь ты свое каждую субботу получишь.

— Ну, ужъ не толкуй!.. Одна голова не бѣдна. Пушай птица-говорокъ даромъ слова-то тратить!.. А я ухожу...

— А что это за птица-говорокъ? спрашиваю я.

— А это они такъ попугая зовутъ, что у Фохта въ клѣткѣ сидитъ... Какъ везли его сюда, что смѣху было. Въ селахъ народъ отовсюду сбѣгался... Сначала пустили слухъ, что это царскаго орла везутъ, а потомъ разнеслось, что это волшебная птица. Особенно бабы — тѣ съ ума посходили. Съ дѣтьми больными пробивались къ попугаю — не предскажетъ ли чего или не посоветуетъ ли чѣмъ лѣчить? Потомъ его почему-то аглицкой птицей прозвали и думали, что она указываетъ мѣста, гдѣ золото находится. Въ одномъ селѣ ее украсть собирались. Теперь только она потеряла всю свою славу и обратилась въ птицу-говорокъ. А прежде чуть не силой народъ отгонять приходилось...

Люди все встрѣчались намъ сумрачные, сосредоточенные. Даже и бабы не весело смотрѣли. Дѣтей было не видно — они также на работѣ. Здѣсь чуть не съ восьми-лѣтняго возраста — хочешь жить такъ обливай пѣтомъ каждый кусокъ хлѣба. Счастливаго дѣтства, зеленыхъ по-

лей, этой идиллі всевозможныхъ христоматій, тутъ не полагается. Вмѣсто того — оглушающій заводъ съ пылью, копотью, невыносимымъ холодомъ и столь же невыносимымъ жаромъ, или мерный рудникъ, гдѣ надъ тобой висятъ миллиарды пудовъ земли, гдѣ ты схороненъ, какъ трупъ въ могилѣ, какъ червякъ въ орѣхѣ...

Въ одинъ изъ такихъ рудниковъ мы именно и отправились.

Передъ нами оказалась черная дыра. Вверху торчала лѣсенка. Внизу она пропадала во мракѣ.

— Вотъ и нашъ колодезь!.. Сейчасъ мы спустимся туда.

Снизу доносился какой-то гулъ, точно люди дорылись до царства гномовъ, и звуки подземнаго царства тысячами отголосковъ долетаютъ вверхъ, но смутно и глухо... Ихъ едва-едва улавливаетъ ухо и еще страшнѣе кажется оттого эта жила, ушедшая на сто сорокъ футовъ внутрь земли.

Намъ дали свѣчи въ руки. Мы зажгли ихъ и не знали, что дѣлать, но вотъ первый, стоявшій у отверстія, ступилъ на лѣсенку, еще нѣсколько мгновений — и черная дыра точно проглотила его. За нимъ стали спускаться и мы. Скользкая, мокрая лѣстница. Ноги едва-едва держатся на ея перекладинахъ, руки тоже — вотъ-вотъ выпустятъ ихъ. А внизу ничего не видно, — тамъ тьма и какой-то неопредѣленный шумъ... Лѣсенки сначала шли все короткія, потомъ подлиннѣе... Вотъ намъ брызнуло что-то въ лица... Оказалось, что стѣны просочила вода и съ тонкимъ шумомъ рвется изъ оковавшей ее отовсюду твердой породы. Чѣмъ ниже, тѣмъ брызги обильнѣе и обильнѣе... Вотъ уже цѣлыя струи воды бѣгутъ по мокрымъ стѣнамъ колодезя. Колеблющееся и тусклое пламя нашихъ свѣчей отражается въ этихъ струяхъ. Кажется, что это черная земля плачетъ,

разставаясь съ сокровищами, десятки тысячелѣтій пролежавшими въ ея материнскихъ нѣдрахъ. Или не кровь ли ея сочится — кровь глубоко пробитой человѣкомъ земли? Что-то скрипитъ около...

— Это не безпокойтесь... Бадья вверхъ подымается съ породой...

Скоро и шорохъ, и журчанье ручьевъ, и скрипъ бадьи потонули въ какомъ-то грохотѣ. Казалось, что здѣсь, въ вѣчной тьмѣ, прикованное желѣзными цѣпями къ некрушимымъ подземнымъ скаламъ, бьется, хрипитъ, стонетъ и жалуется какое-то чудовище, никогда не выдавшее свѣта своими слѣпыми глазами и никогда не пригрѣтое солнцемъ, такъ ярко, такъ привѣтливо сегодня свѣтившимъ надъ землею. Впрочемъ, мой спутникъ, совершенно лишенный воображенія и даже считавшій его за что-то по меньшей мѣрѣ неблаговидное, расхохотался надо мною.

— Это не поэзія, нѣтъ! Это просто водоподъемная машина! съ пренебреженіемъ отвѣтилъ онъ.

Свинья, роющаясь подъ дубомъ, если бы вы ей сказали о птицахъ, поющихъ въ прохладной тѣни его листовъ, точно тѣмъ же тономъ замѣтила бы вамъ:

— Это не птицы, а жолуди, которые я подбираю своимъ классическимъ пяточкомъ подъ этимъ дубомъ!

Лѣстницы становились длиннѣе и отвѣснѣе. Было ясно, что это сужается колодезь... Мокрыя стѣны тускло поблескивали при свѣтѣ нашихъ свѣчей, внизу такъ же тускло блестя вода, заливавшая дно колодезя... Наконецъ, ноги наши ступили на деревянный полъ... Кругомъ была все та же вода... Прямо передъ нами опять черная дыра, но она уже шла перпендикулярно къ колодезю.

— Ну, теперь туда!..

Мнѣ почему-то пришло въ голову, что какая нибудь

микроскопическая мерзость, попавъ въ кровь человѣка, точно такое же путешествіе совершаетъ по его жиламъ. Я имѣлъ неосторожность выразить эту догадку, но мои прозаическіе спутники нашли ее заслуживающей всяческаго порицанія. Полусогнувшись, мы двинулись въ эту жилу и прошли по ней сажень полтора. Вверху поставлены крѣпи, чтобы земля не обвалилась. Внизу — рельсы, по которымъ, погромыхивая, движутся вагончики съ выломанной породой. Падая сверху, сквозь крѣпи, капли подземной воды тушили наши свѣчи. Жила то шла по наклону внизъ, то сворачивала въ сторону. Намъ становилось дышать все труднѣе и труднѣе. Сотни тысячъ пудовъ земли надъ нами обращались въ миллионы; мы, казалось, уходили въ такіе слои подземнаго царства, откуда и возвратъ къ свѣту и жизни былъ невозможенъ. Порою надъ нами слышались голоса. Цѣлою системою перепутанныхъ штоленъ, штерновъ и шахтъ доносились такимъ образомъ къ намъ отголоски труда безчисленныхъ пчель-рудокоповъ, работавшихъ внутри этого чудовищнаго улья, каждый въ своей ячейкѣ. Впрочемъ, и эти отголоски доносились не часто. Въ этомъ черномъ мракѣ подземнаго царства звуки скрадываются удивительно. Стукъ кайлъ мы слышали только войдя въ гротъ, гдѣ человѣкъ семь рабочихъ, по ступню въ водѣ и обливаемые водою сверху, ломали породу. Каждый со всей силы ударяя молотомъ по лому, загонялъ его въ кварцъ. Изъ скважинъ, пробитыхъ такимъ образомъ особымъ инструментомъ, выбиралась пыль также иногда золотоносная, затѣмъ вставлялся патронъ динамита съ пистономъ, содержащимъ гремучій газъ.

— Хошь кого осилить! замѣчаетъ рабочій, выполняя это при насъ.

— Прежде порохомъ рвали, но куда. Порохъ ничего

не стоит. Этотъ домобить такъ сдѣйствуетъ — въ лучшемъ видѣ!..

Отъ пистона виситъ внизъ длинный фитиль.

— Ну, теперь — подальше.

Мы бросились въ ближайшія штольни.

Рабочіе зажгли фитили-и тоже къ намъ. Нѣсколько секундъ тишины — и послышался слабый гулъ. Каменные породы штольни точно вздрогнули... Отголосокъ взрыва замеръ въ слѣдующемъ гротѣ... Мы подождали еще нѣсколько секундъ и опять вернулись въ только что оставленную нами ячейку подземнаго улья. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще недавно въ бѣломъ кварцѣ зіяли скважины, теперь блистали свѣжими изломами выбоины, а цѣлыя груды золотоносной породы лежали подъ ними внизу. Сѣрый дымъ еще ходилъ подъ потолкомъ грота. Отъ этого дыма невольно разбаливалась голова...

— Дѣла много — шуму мало! замѣтилъ мой спутникъ. Тутъ сила звуковъ теряется совсѣмъ, хотя послѣ взрыва бываетъ такое быстрое движеніе воздуха, что въ дальнихъ штольняхъ иногда гаситъ свѣчи у рудокоповъ.

Мало-по-малу дымъ разсѣялся. Бѣлые изломы и свѣжія плоскости кварца еще ярче заблестѣли подъ свѣтомъ нашихъ лампочекъ и свѣчей. Съ грохотомъ прикатили желѣзные бадьи-вагончики. Тѣ же рабочіе наполнили ихъ кусками кварца и скоро съ новымъ грохотомъ двинулись они къ шахтѣ, откуда эта порода уже подымается наверхъ воротомъ, приводимымъ въ движеніе наверху парой лошадей.

Мы долго еще бродили по этимъ штольнямъ.

Здѣсь необходимо маленькое поясненіе. Колодезь внизъ называется шахтой, перпендикулярныя къ нему жилы — штольнями, идущія отъ штольни верхней къ штольнѣ ниж-

ней боковыя наклонныя артеріи — штерками. Заинтересовавшись одною изъ этихъ штолень, въ глубинѣ которой мелькалъ огонекъ одинокаго рабочаго, я пошелъ туда, но остутился и чуть не слетѣлъ внизъ... Въ-время остановился. Оказалось, что подо мной зияло отверстіе, глубина котораго была мнѣ неизвѣстна. Едва меня догналъ мой спутникъ.

— Ну, развѣ это можно?.. Какъ вамъ не совѣстно?.. Въдь тутъ и голову сломать не мудрено.

Я извинился. Очень уже меня манила къ себѣ тишина и одиночество... Хотѣлось извѣдать ощущеніе рабочаго, въ первый разъ попадающаго въ такую ячейку...

Вотъ и шахта... Вверху едва-едва, точно сѣрая точка, мерещется ея отверстіе... Именно мерещется. То пропадетъ, то выступитъ вновь... Опять скользкія перекладки лѣстницъ, опять брызги воды, просочившейся сквозь стѣны, опять такъ и кажется, что попадешь ногою мимо и сорвешься въ ту тускло поблескивающую внизу влагу, которую не въ силахъ совершенно удалить никакія водо-подъемныя машины... Наконецъ, отверстіе вверху стало расти и свѣтлѣть. Вотъ первый лучъ упалъ на насъ; еще минута — и надъ нами раскинулось голубое небо съ жемчугомъ своихъ облаковъ, съ точками словно застоявшихся въ его безмятежной высотѣ птицъ, съ яркимъ дискомъ жизнедавца-солнца, золотая корона котораго уже склонялась къ западу... Грудь жадно вбирала въ себя свѣжій воздухъ. Глаза съ любовью останавливались и на зелени полей, и на веселыхъ струяхъ потока, и на кудлатой собаченкѣ, съ громкимъ лаемъ кидавшейся на мирную и сонную лошадь. Мы посмотрѣли другъ на друга и расхохотались. Всѣ мы съ головы до ногъ были въ грязи. Кое-какъ обмыли лица и руки въ жесткой и терпкой водѣ

отливной машины, и отправились прослѣдить дальше судьбу похищеннаго у черныхъ нѣдръ земли кварца. Трудно было позавидовать этому почтенному минералу. Онъ попалъ въ массивныя челюсти какой-то желѣзной пасти, которая безпощадно пережевывала его и потомъ выбрасывала уже мелкимъ щебнемъ въ аппаратъ, гдѣ вращались такъ называемые два волка. Тамъ онъ еще болѣе крошился и въ видѣ крупы прогонялся черезъ чрень съ рѣшетомъ. Сквозь него бѣжитъ съ громкимъ шумомъ вода, настолько стремительно, что смываетъ кварцъ прочь, и сквозь рѣшето падаетъ внизъ болѣе крупное золото. Остальная масса идетъ подъ бѣгуны, безъ устали, злобно растирающіе ее въ пыль. Пыль эта въ длинныхъ каналахъ смѣшивается съ ртутью, немедленно соединяющейся съ золотомъ.

— Неужели эти потоки жидкой грязи несутъ съ собою золото? спросилъ кто-то.

— Еще бы... Не въ видѣ же полумперіаловъ выходить ему изъ-подъ бѣгуновъ!

Ртуть соединяется съ золотомъ, осѣдаетъ на дно, кварцъ относится прочь...

— Вотъ, говорятъ, золото и въ грязи блеститъ... Здѣсь это что-то незамѣтно.

Изъ золотоносной ртути, драгоцѣнный металлъ выдѣляется выжимкой. Оставшаяся отъ этого масса ртути, еще содержащая въ себѣ мелкую золотую пыль, подвергается выпариванію въ герметическихъ печахъ, причемъ золото остается, ртуть улетучивается.

Послѣ всей этой сложной операціи получается блестящая желтая горсточка, изъ-за которой черезъ нѣсколько времени совершится столько подлостей, преступленій... Не вольно, глядя на только что выработанный металлъ, думалось — сколько существованій разобьется, благодаря этой

жалкой кучкѣ драгоцѣнной крупы, сколько совѣстей будетъ продано, сколько изъ-за нея прольется крови!.. И ради этого — тысячи людей, какъ дождевые черви, должны въ вѣчномъ мракѣ копаться подъ землею, задыхаться въ духотѣ штолень, изнемогать подъ тяжестью непосильнаго труда!..

Да гдѣ же онъ легокъ?

Вонъ недалеко закладывается новый шурфъ. Отупѣлые люди, полузажмуривъ отъ устали глаза и навалившись грудью на воротъ, буравятъ такимъ образомъ землю... Остановились — понурились, точно лошади послѣ громаднаго и мучительнаго перегона. Видимо, отдышаться не могутъ, только колѣни дрожатъ, да по лицу бѣжитъ какая-то судорога.

И ни искры сознанія... глаза также полусмежены. Больно или противно глядѣть этимъ несчастнымъ каторжникамъ труда на Божій бѣлый свѣтъ?

Нѣтъ, прочь скорѣй!..

Точно самъ дѣлаешься участникомъ этого преступленія... Опять въ путь, на зеленыя равнины, въ лѣниво колышущіяся рощи, на берега изрѣзанной мельничными плотинами Исети.

И страшень среди вольнаго простора кажется жребій этихъ кротовъ, слѣпнущихъ теперь въ вѣчномъ мракѣ своихъ подземныхъ норъ!..

LV.

Колыбель миллионовъ. — По пути въ Верхъ-Нейвинскъ. — Лѣсныя бабы и высѣченный купидонъ. — На земляныхъ работахъ. — Артельныя матки. — Желѣзнодорожный городокъ. — Динамитные взрывы. — Мы въ роли поджигателей.

Меня давно манило въ самую глубь Урала, туда, гдѣ въ вѣчномъ мракѣ рудника гномъ-человѣкъ, цѣною невѣроятныхъ усилій, отнимаетъ у земли ея глубоко схироненныя сокровища; гдѣ одинокія старательскія артели, въ глуши дремучихъ лѣсовъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ выживаютъ у золотоносныхъ рѣкъ, еще не намѣченныхъ даже на картѣ; гдѣ высокія горы стали на самый рубежъ студенаго сибирскаго царства, точно заслоняя Россію отъ его леденящаго дыханія.

Выѣхавъ изъ Екатеринбургa къ сѣверу, я уже, на первыхъ порахъ, погрузился въ вѣчную дрему суроваго мрачнаго лѣса. Со всѣхъ сторонъ дорогу обступали мрачныя сосны, почти къ самому небу простирившія свои вѣтви. Впереди были все тѣ же голые, красноватые стволы, словно сквозь ихъ старческую кору видна была кровь,

пробѣгавшая по безчисленнымъ жиламъ этихъ великановъ, невѣдомо какъ уцѣлѣвшихъ отъ топора промышленника. Вокругъ все молчало: молчала рѣченка, будто притаившаяся у старыхъ корней; молчалъ, думая свою таинственную думу, лѣсъ, молчало сѣрое, точно нахмурившееся сегодня, небо; поневолѣ молчали и мы, глядя впередъ, — не просвѣтлѣетъ ли, наконецъ, не покажется ли гдѣ нибудь веселое сельбище... Но версты за верстами остаются позади, и ни одной хатки не видать нигдѣ. Мы, было, уже заснули, какъ вдругъ какой-то шумъ заставлялъ насъ выглянуть изъ кибитки.

— Эхъ, бабами лѣсъ-то понасыпало. Словно, тебѣ, грибы послѣ дождя поднялись!

И откуда взялись онѣ! У самой дороги сидятъ кучами, между стволами сосенъ мерещатся яркими пятнами. Сотни ихъ здѣсь. Вонъ одна, толстая, жирная, стала посередь пути и ореть что-то. Ямщикъ поневолѣ удержалъ коней.

— А еще попадаѣ! увѣщеваешь онъ ее.

— У меня, братъ, поповъ много: — что ни проѣзжій молодець, то и попъ!

— Что вы тутъ дѣлаете? спрашиваетъ мой спутникъ.

— А вотъ такихъ, какъ ты, грибовъ ищемъ... Ишь у тебя голова-то — голикомъ совсѣмъ. У пустовиковъ *) такіе-то шляпки бывають — бѣлыя, да гладкія... Выходи-ко къ намъ, мы тебя причешемъ! ореть та же попадаѣ.

Спутникъ мой, совсѣмъ сконфуженный, прячется въ кибитку. Ему на смѣну — я. У самой дороги молоденькая, хорошенькая бабенка, грудь копромъ, глаза такъ и блещуть веселостью, румяныя губы полуоткрыты, точно

*) Грибъ.

для того, чтобъ показать бѣлые, какъ слоновая кость, зубы.

— Замужемъ ты, matka?

— Замужемъ не была, а безъ мужа не спала!

— У насъ въ лѣсу — баба вольная, объясняетъ мнѣ ямщикъ. Она тебя съ кашей съѣсть, языкъ у нея что песь на цѣпи — на всѣхъ лаетъ. Погоди, Матренка, вотъ я Ивану скажу. Онъ, отецъ-то, тебѣ бока вспаритъ.

— Ну, а какъ тебя-то, Ермолай, нонѣ Фодосья кнутомъ либо дышломъ охаживаетъ?

— Она его крапивой больше! смѣялись кругомъ.

У всѣхъ бабъ въ рукахъ кузовки, полные грибовъ и малины. Изъ глубины точно удивленнаго всѣмъ этимъ шумомъ и гамомъ, стараго важнаго лѣса несутся обрывки пѣсенъ, визгливые голоса стараются перекричать одинъ другого, смѣхъ, заразительный, веселый, стремится намъ на встрѣчу. Мой спутникъ выглянулъ было опять.

— Ты бы ее, голову-то, онучей что ли обернулъ, либо лапоть надѣлъ. Ишь она у те — босая совсѣмъ!..

Онъ вновь прячется... «Эки подлыя, эки несустанныя, эки лукавки!» шепчетъ онъ, забываясь въ глубь.

— Эй, бабы, ореть попадья: давайте Ермолая съчъ! Не все же одной Фодосьѣ надъ нимъ величаться... властвуемъ и мы.

Ермолай понимаетъ, что дѣло приняло серьезный оборотъ. Онъ хлестнулъ коней, тѣ несутся прямо на попадью. Жирная баба, смѣясь, кубаремъ свертывается съ дороги; хохотъ гонится за нами вслѣдъ, забѣгаетъ впередъ, на встрѣчу; яркія красивыя бабы машутъ руками, орутъ что-то; но Ермолай во всю мочь несутся по кочковатой дорогѣ. Кибитка стонетъ и жалуется, визжать плохо смазанные колеса, каждая деревянная планка кричить отъ

боли; цѣлая туча встревоженной пыли подымается изъ-подъ копытъ... И чрезъ полчаса такой сумасшедшей гоньбы, мы наконецъ выносимся изъ стараго дрѣмнаго лѣса.

— Ты чего-жь это гналъ-то такъ? спрашиваемъ.

— Онѣ, бабы-то наши... самъ знаешь: дома-то она водой не замутитъ — тихая да ласковая... А въ лѣсу ей не попадайся.

— Ну?..

— Вѣрно... Старшина у насъ есть, Купидонъ Ивановичъ. Ну, онѣ было захотѣлъ повеличаться надъ ними, въ лѣсу-то. Мужикъ важный, животъ у его вынесло — во какъ!.. Что-жь бы ты думалъ, — вѣдь онѣ его высѣкли!

— Не можетъ быть.

— Чего ужъ, экаго степеннаго мужика!.. Портки съ его скинули и прутиками настегали. Потомъ онѣ со стыда-то и изъ старшинъ ушелъ... У насъ баба въ лѣсу смѣлая!

Дорога пошла вдоль строящагося желѣзнодорожнаго пути. Недавно только настланное полотно осѣло и потре-скалось; щели разбѣгались во всѣ стороны, сливались, перекрещивались и расходились, точь-въ-точь какъ старое, прорѣзанное тысячами морщинъ лицо. Всѣ эти трещины нужно опять забивать и засыпать, — до перваго сухого дня; а потомъ солнечные лучи опять посмѣются надъ цѣлою массою потраченнаго людьми труда. Сегодня, впрочемъ, ихъ заслонили холодныя сѣрыя тучи; прямо въ лицо намъ уже дышала близкая осень; вѣтеръ, пролетая мимо голыхъ вершинъ Урала, захватывалъ съ собою и ихъ леденящій холодъ. По бокамъ пути была вездѣ снята верхняя почва, оставлены только корни деревьевъ съ четырехъ-угольниками правильно срѣзанной земли, точно эти

пни стояли временно на пьедесталахъ, приготовленныхъ для болѣе благородной цѣли. Безпорядочные холмы изъ камней, цѣлыя скалы горами торчатъ, однѣ на другихъ. Въ ихъ скважины когда-то вѣтромъ нанесло земли, съ земли поднялись веселыя елки и треплются онѣ по вѣтру, точно радуясь, что ихъ корни, все глубже и дальше за-ползая въ скалы, дѣлаютъ тамъ свою разрушительную работу. Камни надвигаются на дорогу; скоро она должна каждый клочекъ отвоевывать у нихъ. Посѣдѣвшій отъ старости, крѣпко-зернистый гранитъ — всюду. Дорога поднялась на него; полотно желѣзнодорожнаго пути настлано на первозданной породѣ. Мѣстность всхолмливается. Мы то опускаемся въ глубокія долины, гдѣ внизу шумятъ безчисленные ручейки, точно злясь на лѣсную чашу, заслонившую отъ нихъ небо, то наша кибитка вѣзжаетъ на вершины горъ, которыя, точно сторожа, оцѣпили кругомъ тѣнистую падь. Горы за горами: веселыя, зеленыя впереди, за ними — синія, сливающіяся однѣ съ другими, дальше — сѣрыя, а тамъ уже и не отличить вершинъ ихъ отъ уральскихъ пиковъ; тучами нахлопились и застыли въ своемъ очарованномъ снѣ; отдѣльные пики кое-гдѣ торчатъ изъ общей массы этихъ горъ; вонъ, такъ называемые, «сосцы», красивыя парныя вершины. Онѣ встрѣчаются на всемъ Уралѣ и составляютъ его особенность. По пути, то-и-дѣло, пересѣкая его или бокъ-о-бокъ съ нимъ, бѣжить прелестная, капризная, какъ женщина, гибкая, извилистая, какъ змѣя, рѣчка. Она въ котловинахъ раскидывается въ свѣтловодныя озерки, словно стальные щиты, едва поблескиваетъ въ узинахъ, стѣсненныхъ двумя крутогорьями, рвется впередъ, съ грохотомъ ворочая камень тамъ, гдѣ они перегораживаютъ ей путь. Вонъ зеленые луга пошли, — изрѣдка взглядъ скользитъ по нимъ вплоть

до горъ, закутавшихся въ синіе издали лѣса. По откосамъ пути — жалкія землянки, шалаши, похожіе на лапландскія вѣжи. Оттуда клубомъ вырывается дымъ, костры разложены между этими логовищами желѣзнодорожныхъ рабочихъ; пермяки верхами и такъ, съ конями въ поводу, по-одиночкѣ и толпами, попадаютъ намъ на встрѣчу. Все это изможенное на непосильной работѣ, все это сумрачное, потное; выраженіе лицъ, характеризующееся народнымъ присловьемъ — «глаза бы ни на что не глядѣли». Не сладко, видимо, дѣло и здѣсь, не смотря на высокую поденную плату!

Мы остановились у одного изъ костровъ. Въ котелкѣ надъ нимъ вскипала и булькала каша. Безноса баба помѣшивала ее; рядомъ сидѣло трое совсѣмъ одичавшихъ людей.

— Хлѣбъ да соль.

Подняли на насъ глаза и оторопѣло передвинулись въ сторону.

— Чугунку работаете, братцы?

То же молчанье. Только баба на нихъ вскинулась:

— Чего же вы, идолы, молчите? Аль у васъ язва языкъ отъѣла!.. Ишь, купцы спрашиваютъ.

— Оно самое... чугунку...

— Отколь вы?..

— Пермяки. Мы туточныхъ волосей... все за нихъ же объясняла баба. Да что!.. Думали ни вѣсть какъ будетъ хорошо... На рупь польстились... А только и бѣда! — Кони теперь падаютъ, хлѣбъ дорогъ, живемъ, что черви, въ землѣ, въ сырости — въ холодѣ. Грязи на насъ-то... Вша насъ ѣсть, во какъ!..

— Исть, исть! одушевились рабочіе. Вша теперь вездѣ — потому бань нѣтъ.

— И кабаковъ про васъ, Иродовъ, понастроили... Все что заработаютъ — пропиваютъ, плакалась баба.

— Какъ не пить-то? Пьемъ, матка... Потому, сама говоришь, холодно. Коли бы не пить — не жить.

— Ты что же, жена чья?

Баба потупилась.

— Она наша, господинъ — наша... Въ маткахъ у насъ живетъ. Для-всѣхъ, значить, на трехъ — одна! пояснилъ пермякъ. Дѣло бабѣ сполняетъ. Рубахи намъ моетъ, кашу варить...

— Что же, вы за нее не ссоритесь? внезапно заинтересовался мой спутникъ, порнографическія наклонности котораго, вѣроятно, уже замѣчены читателемъ.

— Съ чего? всѣмъ будетъ...

Добрались мы до Дѣдовыхъ каменныхъ горъ. Онѣ со-всѣмъ перегородили путь желѣзной дорогѣ. Одну изъ нихъ, пониже, нужно снести прочь, и вотъ, въ четыре мѣсяца, едва-едва удалось такимъ образомъ покончить съ ея верхушкой. Бѣлая цѣльная скала внизу, — а вверху изломы; видимо, вся вершина изорвана динамитомъ. Свѣжія выбоины по сторонамъ. Вода отъ вчерашняго дождя въ нихъ. Въ одну забрался рабочій и купается, въ другой баба полощетъ бѣлье. Дальше работа идетъ правильнѣе. Плоскія поверхности, края только что сдѣланныхъ выемокъ правильны. Мы посмотрѣли сверху внизъ. Мошки-люди дѣятельно борются съ первозданной породой. До насъ едва достигаетъ стукъ молотковъ по бурамъ, съ каждымъ ударомъ все глубже и глубже входящимъ въ бѣлое крѣпкое тѣло скалы.

— Много-ль за этотъ египетскій трудъ платятъ?

— Съ cadaго вершка... по три копѣйки за вершокъ. За инымъ-то побьешся... побьешся. Съ ума сойти надо!..

— А сколько вершковъ въ день выбьешь такъ-то?

— Какъ кто въ силахъ. Вонъ Митрій и всѣ двадцать выбьеть, коли съ утра съ самаго ранняго. А то и пятнадцать, слава-те Господи!

Какіе-то черномазые люди бѣгають между ними съ шляпами на затылкѣ. Смѣлый очеркъ южнаго, совсѣмъ не русскаго лица, мелкорослая фигурки; подвижныя, быстрыя; каждое слово сопровождается жестами.

— Это кто такіе?.. Ишь, что размахались.

— Зажигальщики, тальянцы они...

Оказались, дѣйствительно, итальянцы; ихъ тутъ много, и они исключительно занимаются кладкою динамитныхъ минъ, которыя у каждаго изъ нихъ находятся у пояса въ коробкѣ. Длинные свертки бумажныхъ лентъ съ порохомъ играютъ роль фитилей; такой фитиль проводится въ пистонъ, пистонъ закладывается въ динамитную мину, для чего въ ней провертывается дырочка. Когда по назначенной линіи всѣ буры вбиты до необходимой глубины — итальянцы отмѣриваютъ ихъ, отмѣчаютъ въ рабочихъ книжкахъ количество вершковъ, затѣмъ вкладываютъ динамитныя мины на аршинъ внутрь скалы. Вонъ итальянцы что-то заболтали по-своему, одинъ изъ нихъ заигралъ что-то на трубѣ.

— Первый сигналъ этотъ... Сейчасъ рабочіе побѣгутъ.

Они дѣйствительно разбѣжались за огромныя скалы, впрочемъ недалеко, — видимо, привыкли. По второму сигналу всѣ патроны должны быть уже вложены, по третьему итальянцы зажигаютъ бумажныя ленты и бѣгутъ сами опрометью.

— Однова смѣху что было... тальянецъ побѣжалъ — да штаны потерялъ. Запутался — а тутъ камень рвать

стало... Ему бы снять да бросить — а штановъ-то жалко. Такъ онъ и провозился съ ними.

— Не ушибло?

— Зачѣмъ ушибать?.. Изъ-за портковъ да ушибать?

Мы отошли тоже подальше; послышался грохотъ взрыва, трескъ отъ расколовшейся скалы, и цѣлая масса земли и камня взлетѣла вверхъ и съ громомъ разсыпалась по окрестнымъ скатамъ и утесамъ. Человѣкъ-мошка сдѣлалъ свое дѣло разрушенія, и казавшаяся несокрушимою гордая масса первородной горы разбилась и раскинулась вся безжизненными, жалкими обломками. Но не успѣла еще столь величественная мысль придти намъ въ голову, какъ какой-то освирѣпѣвшій итальянецъ налетѣлъ на ближайшаго къ намъ рабочаго, назвалъ его по-своему «бестіей и канальей» и, треснувъ по затылку, столь же скоропостижно отскочилъ прочь...

— Что это онъ? спросилъ потерпѣвшаго ближайшій.

— А ты поди да спроси у его: извѣстно — облизьянъ. Но только не больно.

— Онъ больно не можетъ, онъ благородно... Въ скулу когда потычетъ — и то нечувствительно... Только я такъ думалъ — назадъ бы его садануть, наотмашь!

— Чудакъ ты!.. Какъ же я его садану, коли онъ по-нашему не понимаетъ?..

И, успокоившись, рабочій опять отправился къ скалѣ вбивать буръ въ ея твердое тѣло.

— А что, всегда такъ безопасно происходятъ взрывы? спрашиваю я у ближайшаго.

— Ну, какъ кому: вчера бабу одну попортило. Въ голову ей вдарило. Стояла она — видимъ, Господи!..

— Что же она теперь?

— Какъ теперь?.. Да мы ее ночью и зарыли. По-

тому ей камнемъ-то полголовы прочь снесло... И не ахнула. И баба-то была какая аховая!..

Здѣшняя порода до того крѣпка, что порохъ на нее недѣйствовалъ вовсе, поневолѣ пришлось пустить въ дѣло динамитъ или, какъ называютъ его рабочіе, «домобитъ». Лучшіе изъ мѣстныхъ рабочихъ получаютъ въ день по рублю, но рѣдко; чаще плата колеблется между 45 и 75 коп. Вонъ у самага полотна желѣзной дороги цѣлый городъ землянокъ; говоръ такъ и ходить волной надъ этимъ сельбищемъ полуголаго и, во всякомъ случаѣ, работающаго впроголодь люда. Однимъ бабамъ очевидно хорошо здѣсь; яркими пятнами отличаются онѣ въ массѣ сѣрыхъ людей, сѣрыхъ построекъ и сѣрой земли. Красный кумачъ такъ и бьетъ въ глаза. Визгливыя пѣсни ихъ слышны издали.

— Нашей бабѣ хорошо... которая строгая, ну, точно, не больно-то въ тѣлѣ будетъ, а другимъ — чудесно.

— Бабы у насъ возятъ песокъ на дорогу.

И дѣйствительно, проѣзжая мимо по грунтовому пути, шедшему ниже желѣзнодорожнаго полотна, мы видѣли наверху цѣлый рядъ такихъ толстыхъ и выхоленныхъ бабъ, передвигающихъ вдоль полотна двуколесныя тележки песку.

— Наша баба крѣпкая... ее, братъ, домобитомъ не пробьешь!.. смѣется ямщикъ. Я тутъ работалъ тоже, чего навидался только!.. Бабѣ тутъ хорошо. Которые холостые, такъ они бабу-то въ складчину къ себѣ въ артель пускаютъ; такъ бываетъ, что одна на пятерыхъ. Такой ли бабѣ не жить, она и работать не ходитъ; у ей — всегда праздникъ, помирать не надо! Потому у насъ сибирская баба и живетъ... а то бы ушла, что ей!

Кучи дѣтей возились между землянками и шалахами;

такъ и хотѣлось спросить, не артельныя ли и эти дѣти. Мы вошли въ одно изъ логовищъ. Въ землянкѣ оказались со всѣхъ сторонъ нары съ соломой. Вверху сушилась обувь и промоченное платье, въ кадкахъ по угламъ стояла капуста. Смердный воздухъ напомнилъ намъ жилью мурманскихъ покрученниковъ на дальнемъ сѣверѣ. Какъ можно, было дышать имъ, какія легкія нужно имѣть, чтобы жить при такихъ условіяхъ! Между этими жильями то-и-дѣло краснѣли ярко раздувавшіеся огни безчисленныхъ кузницъ и слышался правильный, какъ біеніе стального пульса, стукъ молотовъ; рядомъ визжало желѣзо подъ инструментами слесарей, дальше пыльщики потѣли надъ громадными бревнами и безшумно, молчаливо землекопы снимали дернъ съ сырыхъ, тотчасъ же наполнявшихся водою понизей.

Наконецъ, вдали блеснуло большое озеро, выдвинулись обступившія его съ сѣвера горы, зеленые острова, на нѣкоторыхъ — сквозная березовая чаща. Воображаю, какъ красива она подъ яркимъ солнцемъ лѣтняго полудня, когда всю ее проникаютъ золотые лучи, когда каждый нѣжный листокъ точно купается въ тепломъ воздухѣ. По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ — то выступаютъ, то пропадаютъ извивы берега, уходящаго налѣво въ густую чащу сумрачнаго сѣвернаго лѣса... Прямо, напротивъ, въ озеро обрывается гора, на которой разбросаны зданія завода... За ней мерещутся другія горы. На одной изъ нихъ — самая высокая башня... Ближе, въ покойныя воды Таватуя смотрится масса деревянныхъ домовъ, каменные крытыя постройки, похожія на старинныя крѣпости... Все вѣтъ просторомъ, привольемъ. Глаза разбѣгаются по красивымъ деталямъ этого замѣчательнаго даже на Уралѣ пейзажа. Вонъ, по берегу озера вы-

тянулись ряды пихтъ — точно станомъ стали тамъ, у самой воды.

Мы вышли, чтобы дойти до самага завода пѣшкомъ — такъ хороши казались окрестности.

Не успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ сзади налетѣла тройка, гремя колокольцами и бубенчиками.

— Стой! слышалось оттуда.

Тройка остановилась.

— Стой!.. Стой!.. Ей, вы... Стойте!..

— Мы поняли, что дѣло касается насъ.

Какой-то одутловатый парень въ свалившейся на бекрень фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и кокардой вышелъ оттуда.

— Кто такіе будете?

— А вамъ что за дѣло?

— Значить, есть дѣло, если спрашиваю. Куда вы? Я васъ по обязанности...

— Мы — путешественники.

— Пѣшкомъ-то?

— Ну, значить, поджигатели! Вотъ озеро Таватуй поджечь хотимъ! расхотался я.

— Да вы не смѣйтесь! Паспорты у васъ есть?

— Нѣтъ, потому что мы бѣжали изъ нерчинскихъ рудниковъ и еще не запаслись таковыми.

Власть, видимо, опѣшила.

— То есть, позвольте!.. Какъ же это — бѣжали? Въ какомъ смыслѣ?.. Для чего?..

— Для чего бѣжали? — Для изученія отклоненій магнитной стрѣлки на сѣверныхъ отрогахъ Урала.

Мой спутникъ фыркнулъ; расхотался и я. Едва удалось отдѣлаться отъ ревностной власти.

У самой слободки насъ поджидалъ ямщикъ.

— А чиновникъ про васъ спрашивалъ, смѣялся онъ. У насъ начальство дошлое. Потому, нельзя — оно за поимку награды получаетъ.

Не успѣли мы выѣхать въ улицу заводскаго села, какъ наткнулись на всероссійскую сцену. Баба цапалась съ мужикомъ, но какъ-то странно, по очереди. То онъ ее хватить, пообождетъ... то она его, а потомъ опять онъ. И все это серьёзно.

— Видѣлъ ты, Амелянъ? крикнулъ онъ нашему ямщику.

— Какъ твоего безобразія не видать — видѣли! Это новожены! обернулся онъ къ намъ. Недавно поженились.

— И уже дерутся?

— Развѣ это драка у ихъ?.. Что онъ ее, что она его, по правдѣ, поровну... у нихъ это чудесно.

— Въ чемъ же несогласіе у нихъ вышло?

— Какое несогласіе?.. Они по согласу поженились. Дружно живутъ.

Я засмѣялся.

— Хороша дружба!

— Они что кошки: на крышѣ дерутся, а въ одной печуркѣ вмѣстѣ спятъ...

LVI.

Верхъ-Нейвинскъ. — Трудно кормиться. — Цифры. — Золотое и желѣзное дѣло. — Порядки на Чусовой. — Виды съ Сухой горы. — Семь братьевъ. — Фонари вмѣсто памятниковъ и молебенъ, замѣнившій свадьбу.

Верхъ-Нейвинскіе заводы славятся своимъ листовымъ желѣзомъ; оно оказывается чуть ли не лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ. Съ марками «А. Я. Сибирь» оно идетъ даже въ Америку и продается тамъ баснословно дорого для печей и для футляровъ. Чрезвычайно красивое, оно никогда не красится снаружи. Я попалъ сюда въ праздники, такъ что, къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось видѣть самага производства, тѣмъ болѣе, что рудянка, гдѣ прокатывается это желѣзо, была тогда временно закрыта. Кромѣ этого спеціального дѣла, въ Верхъ-Нейвинскѣ разрабатываютъ золото изъ приисковъ, которыхъ здѣсь до десяти. Хотя нѣкоторые изъ нихъ уже оставлены, а всѣ другіе отданы старателямъ, т. е. вольнымъ артелямъ, добывающимъ драгоцѣнный металлъ на владѣльческой землѣ съ условіемъ — за опредѣленную плату отдавать его заводууправленію, которое принимаетъ

его отъ 1 руб. 90 к. до 2 руб. за золотникъ. Работа эта, когда-то столь выгодная, теперь не даетъ болѣе пятидесяти копѣекъ поденной платы, да и то не всегда. Иной день крестьянинъ напрасно промоетъ цѣлую массу песку, земли и пустой породы, не найдя въ ней ни крупинки золота. Эксплоатируемые заводомъ старатели, въ свою очередь, стараются эксплуатировать женщинъ. Они ихъ нанимаютъ на работы уже отъ себя; плата ничтожная — по 20 коп. въ день. Такимъ образомъ въ теченіе двѣнадцати часовъ баба трудится, чтобы получить возможность только-только не умереть съ голода. Въ мое время цѣна хлѣба доходила до 80 коп. за пудъ. Черезъ два года она поднялась еще выше, перешла за 1 руб. 10 коп., а вознагражденіе старателямъ и старательницамъ осталось все тоже. Нельзя сказать, чтобы старательскія работы давали очень много. Почва здѣсь давно истощена и богатые прииски выработаны предшествовавшими поколѣніями; въ годъ заводоуправленіе собираетъ такимъ образомъ довольно мало золота. На другихъ здѣшнихъ приискахъ работаютъ не вольныя артели, а наемныя; но первыя гораздо болѣе добываютъ металла: такъ, въ то время, какъ по прежней номенклатурѣ на господскихъ работахъ въ Ягодномъ, Полуденно-Шураянскомъ, Ключевскомъ, Шигиринскомъ, Кукарскомъ, Алексѣевскомъ приискахъ съ мая по май вымыто золота: въ 1874 году— 9 п. 25 фун. 97 золотниковъ, въ 1875 г. — 12 п. 4 фун. 50 $\frac{1}{2}$ золотн., — старательскія работы дали золота: въ 1874 г. — 19 п. 12 ф. 57 зол., а въ 1875 году — 14 пудовъ 29 фунтовъ. Сверхъ этого, добыто самое незначительное количество шурфочнаго золота и небольшое — жильнаго. Чтобы дать понятіе о количествѣ работы въ Верхъ-Нейвинскомъ округѣ, довольно привести слѣдующія цифры:

Съ 1-го мая по 18-е іюля 1876 года, т. е. въ два съ половиною мѣсяца, здѣсь считалось 14,885 рабочихъ дней, распредѣляемыхъ на 233 человѣка, которые подняли и промыли огромную массу породъ. Содержаніе золота въ нихъ колеблется, смотря по мѣстности. Самую богатою является Ключевской, гдѣ на сто пудовъ земли пришлось отъ 19 до 20 золотниковъ металла, самымъ бѣднымъ — Шигиринскій, гдѣ то же количество промытыхъ породъ дало 17 долей золота. Всего въ 1876 году за шесть первыхъ мѣсяцевъ съ 5.144,000 пудовъ песку добыто восемь пудовъ и 13 фун. золота. Старательскія работы представляютъ гораздо болѣе крупныя цифры. Въ 1876 году на нихъ было 781 чел. съ такимъ же количествомъ ручныхъ станковъ, на которыхъ поднято 8.500,000 пудовъ песку, давшего за первое полугодіе 7 пуд. 2 фун. золота.

— Охъ, трудно, трудно кормиться нонче! говорили мнѣ здѣсь крестьяне-старатели.

— Особливо бабамъ: тѣмъ на нашихъ работахъ хоть помирай.

— Отчего же вы, старатели, имъ такъ мало платите?

— На «господскихъ» — баба еще меньше получаетъ!..

И дѣйствительно, оказалось, что женщины, нанимаемая заводоуправленіемъ, получаютъ, каждая, на своихъ харчахъ, только по 12 коп. въ день, тогда какъ мальчикъ-подростокъ зарабатываетъ 20 коп. Не ужасно ли это?

— Отчего же женскій трудъ такъ мало цѣнится?

— Сбили онѣ цѣну. Баба за какую угодно плату пойдетъ.

Самыя предприимчивыя изъ женщинъ уходятъ въ окрестные лѣса и ищутъ тамъ золото. Часть ихъ гибнетъ отъ голода, отъ морозовъ. Случалось, что здѣшнія бабы, попавъ въ совершенно безвыходное положеніе, сами со-

ставляли изъ себя артели и работали за свой счетъ; но дѣло это не ладилось, участницы большею частію ссорились между собою и артель расходилась во всѣ стороны, хотя бы опять въ кабалу къ тѣмъ же эксплуатировавшимъ ихъ мужикамъ. Въ общемъ, баба здѣсь не зарабатываетъ и сорока рублей въ годъ, потому что, помимо рожанія дѣтей, изъ трудовыхъ дней ея, оплачиваемыхъ столь скудно, нужно еще исключить почти мѣсяць, который каждое заводоуправленіе даетъ своимъ крестьянамъ для сѣнокоса и полевыхъ работъ. Этого краткаго срока довольно, потому что хлѣбопашество тутъ ничтожно. Сѣютъ самое незначительное количество ржи, ячменя и овса, причѣмъ хорошіе урожаи неизвѣстны, а недородъ повторяется чуть ли не каждые три года.

— Мы этимъ золотомъ да заводомъ живемъ! объявляютъ здѣсь...

— А огороды?

— Огороды у насъ хорошіе, да некому ими заниматься... Мы и подсолнухи выращиваемъ, да это что — баловство одно! Мастерства больше никакого нѣтъ. Закрой заводъ — всѣ по міру пойдѣмъ. Теперь у насъ много народу пошло чугунку строить. Сулили хорошую плату, да нѣтъ!..

— Не даютъ?

— Штрахвы донимаютъ!.. кабаковъ понасажено... а житѣе холодное... пьешь! — только пойломъ и спасаешься. Народъ тамъ вольный съ четырехъ сосенъ собрался... всякое дѣло въ ходу, обманъ, развратъ этотъ... Ну, глядишь, домой-то принести и нечего. Все, чтѣ ни получилъ, все пропилъ. Прежде намъ жилось лучше. Больше денегъ получали, хлѣбъ дешевле былъ. Ты погляди, старыя избы какъ были строены: просторъ, бревно крѣпкое, кондовое, крупное; а теперь: торчатъ хаточки убогія, ни стать, ни

сѣсть, печь черная, лѣсъ самый жидкій, всего его ноздря проѣла. Съ хвораго лѣса и житьишко въ этихъ хатахъ самое холодное. Зимой-то морозомъ охаживаетъ какъ! — таракану не завестись... Потому тараканъ — звѣрь балованный: ему тоже тепло надо... Безъ тепла онъ жить, не согласенъ.

— Отчего же вы другихъ промысловъ не ищите?

— Какіе еще промыслы-то? Изъ нашихъ мѣстъ бѣжать надо. Тутъ, недалеко, есть деревня, такъ въ ней никого не осталось. Былъ заводъ — лѣса сжегъ. А безъ лѣсовъ домна (доменная печь) не работаетъ; печь погасла — и заработковъ нѣтъ. Первое время крестьяне свои дома рубили, да на заводъ, какъ дрова, продавали; а потомъ и рубить стало нечего, да и жить негдѣ. Помирать начали; кои примерли, кои разбѣжались... Остались только тѣ, кого къ землѣ пришибло. Силы съ нею подняться нѣтъ, да и смерть не приходитъ... Ну, и живутъ, а чѣмъ кормятся, поди, и сами не знаютъ. Наше дѣло рабочее такое: сегодня сытъ, и слава Богу! а что завтра будетъ — никому невдомѣкъ... Заводъ запустѣетъ и деревня запустѣетъ...

— Вотъ для этого-то промыслы и нужны.

— А откуда ихъ возьмешь?.. Гдѣ они — промыслы-то?.. Лѣса нѣтъ, рѣки нѣтъ, — вся въ прудъ ушла, высохла, а тамъ и прудъ спустили — прудъ ушелъ. Поле есть — хлѣба не родить, потому земля не любитъ, чтобъ съ нея шубу снимали — лѣсъ-отъ!.. Ну, и мремъ пока. Мастерство — какое? Да на кого работать-то?.. Никому не нужно...

Желѣзное дѣло здѣсь гораздо значительнѣе, чѣмъ золотое. И населеніе по своимъ нравственнымъ качествамъ рѣзко раздѣляется здѣсь по двумъ этимъ главнымъ отраслямъ производства. То, что я наблюдалъ на остальномъ

Уралѣ, оказалось и тутъ. Тѣ, кто стоитъ на золотомъ дѣлѣ, давно спились и обратились въ ничего неимущихъ нищихъ, причемъ даже старательскій трудъ, въ удачныхъ случаяхъ дающій исключительный заработокъ, не поправляетъ ихъ положенія. Золото, вызывающее столько пороковъ, преступленій, являющееся причиною такихъ глубокихъ паденій, такой порчи, и здѣсь роковымъ образомъ вліяетъ на людей, добывающихъ его изъ нѣдръ земли. Кажется, что это именно тотъ бѣсовскій кладъ, который, по зароку схоронившихъ его убійць, нельзя получить, не оставивъ на его мѣстѣ своей совѣсти, чести, своей души. Съ первыхъ минутъ своего появленія на свѣтъ, онъ уже разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ на рабочаго, и прежде чѣмъ въ видѣ золотой монеты успѣетъ попасть въ цѣпкія руки, уже развратить достаточно много людей, отдѣляющихъ его отъ песку, льющихъ его, завѣдующихъ его отправкою въ Петербургъ... Желѣзо — иное дѣло. Это — какъ выражаются на Уралѣ — металлъ строгій: и даетъ онъ цѣлыя поколѣнія сумрачныхъ и строгихъ людей, которымъ чужды сангвиническое легкомысліе старателей и ихъ покладистая совѣсть. Кротъ-рабочій, роющійся въ желѣзномъ рудникѣ, обжаривающійся у устья доменныхъ печей и сталеварень, совѣмъ иной типъ, такъ же не похожій на лихорадочнаго, безпокойнаго золотоискателя, какъ, напримеръ, мексиканецъ не похожъ на неразговорчиваго, спокойнаго американца-скваттера. На желѣзномъ дѣлѣ люди много думаютъ, имѣютъ зачастую дѣло съ машинами; сверхъ того, если вѣрять мѣстнымъ психологамъ, своимъ внутреннимъ организмомъ складываются въ твердыя, стойкія формы, какъ будто чугунъ и желѣзо передаютъ имъ свои основныя качества.

Желѣзо сюда, въ Нейвинскъ, доставляется изъ Вы-

сокогорскаго рудника. Богатая содержаніемъ металла руда привозится къ доменнымъ печамъ, находящимся въ рудникѣ (въ Верхъ-Нейвинскѣ есть одна, но она пока не дѣйствуетъ) и тамъ переплавляется въ чугуны, который, въ свою очередь, тутъ же передѣлывается въ болванку. Болванка прокатывается въ листовое желѣзо — предметъ справедливой гордости здѣшняго завода. Въ самомъ Верхъ-Нейвинскѣ плавится всякое литье, причемъ на это въ году идетъ семьдесятъ дней. Въ печахъ завода сжигается 115 сажень куренныхъ (14 четвертей въ вышину, семь въ ширину) дровъ, причемъ проплавлено было въ 1875 году, напримѣръ, 26,930 пудовъ чугуна, въ видѣ литья изъ него поступило 7,140 пуд., припасовъ — 17,796 п. Среднимъ числомъ выплавлялось въ сутки 353 пуда. Каждая сажень дровъ идетъ на проплавку 217 пудовъ металла, а на 1,000 пудовъ литья нужно было употребить 1,080 п. чугуна. Мѣстные заводы заняты также ковкою желѣза изъ чугуна. Это производство даетъ слѣдующія цифры: широкополоснаго желѣза выковано здѣсь 87,593 п., повиночнаго (брака, находнаго) 1,944 п., брусковаго — 3,289 п., причемъ все это обжигается подъ тремя паровыми молотами раскаливается въ шести горнахъ ста восемью рабочими, раздѣляющимися на двѣ смѣны — дневную и ночную. Для этой цѣли сожжено 5,357 коробовъ угля сосноваго (въ каждомъ коробѣ 27,216 куб. вершковъ) или 126,875 пуд. этого топлива. При помощи каждаго короба угля выковывается 17 пуд. 10 ф. желѣза, причемъ на 100 п. чугуна идетъ его только 73 п. Каждый мастеръ въ одну смѣну долженъ такимъ образомъ выковать 26 п. 10 ф. При прокатѣ желѣза — рабочихъ смѣнъ 831. Угля на это идетъ 268 коробовъ, дровъ 689 сажень. Всего въ прокатку пошло 79,456 п. желѣза и изъ него получено узкой бол-

ванки 78.819 п., причѣмъ въ одну смѣну каждый мастеръ обязанъ прокатать 664 п. Изъ узкой болванки выдѣлывается широкая; на это идетъ 40,598 пуд.; излишекъ отправляется въ Нижне-Нейвинскій заводъ. Получаемое желѣзо, листовое, красное, должно опять подвергнуться обработкѣ, чтобы обратиться въ глянцовое. Тутъ, въ смѣну, на одного мастера приходится 145 п. и на каждые 1,000 пуд. металла обращается 3 короба сосноваго угля, 6 сажень дровъ и 1,080 п. узкой болванки. Въ семь рабочихъ смѣнъ получается наконецъ эта тысяча пудовъ. Окончательная отдѣлка листового желѣза въ глянцовое требуетъ 1,699 рабочихъ смѣнъ, 280 коробовъ угля, 886 сажень сосновыхъ дровъ и 6,678 верховья, т. е. негоднаго желѣза, въ которое закутывается листовое. Всего на выдѣлку глянцоваго желѣза пошло на Верхъ-Нейвинскомъ заводѣ широкой болванки (красной листовой) 183,866 пудовъ, изъ которыхъ и получено требуемаго металла 150,798 пуд. да 29,411 пуд. обрѣзковъ. Въ одну смѣну на мастера приходится выдѣланнаго желѣза: 63 п. 10 фун. глянцоваго и 218 п. 19 фун. краснаго.

Большая часть выработанной массы отправляется въ Петербургъ и въ Нижній; такимъ образомъ ежегодно на караваны грузится здѣсь 83,132 пуда глянцоваго желѣза, 35,922 п. краснаго, 1,760 п. сковородъ, 512 п. обрѣзковъ. Остальное продается на мѣстѣ. Караваны идутъ по Чусовой.

— Бѣда намъ съ нашимъ сплавомъ! жаловались здѣсь.

— А что?

— Да какъ же, помилуйте. Сколько каждый годъ барокъ разбивается, часто воды нѣтъ. Нужно пользоваться первымъ валомъ, который пускаютъ изъ Ревзинскаго и другого прудовъ, чтобы стремглавъ прокатить въ Каму. А тутъ берега извилистые, скалы вдвигаются въ рѣку.

— Я уже слышалъ объ этомъ и писалъ.

— Давно толковали, что выше Ревды Демидовской на Чусовой нужно сдѣлать плотину. На это собранъ капиталъ изъ четверти % всѣхъ сплавляемыхъ грузовъ. Мы уже ходатайствовали, ходатайствовали!.. Но куда путейцы дѣли эти деньги — никому неизвѣстно.

— Что же, были отвѣты на ходатайства?

— Точно воды въ ротъ набрали въ Питерѣ: ни одного слова!.. Ничего не дѣлаютъ. Судоходная рѣка — бичевника нѣтъ, о суженіи фарватера не слыхано. Часто весной нехватаетъ воды, и только заводскій прудъ поддерживаетъ судоходство, выпуская въ нее свой запасъ; и истощала сама; тогда какъ если бы была выше Ревды запасная плотина, то и навигація оказывалась бы вполне обеспеченною.

— Неужели же ничего такъ и не сдѣлано?

— Ничего... Впрочемъ, одни заплавки устроили при рутыхъ поворотахъ.

— Это что еще?

— Брусъ съ особымъ механизмомъ, сжимающимся при ударѣ судна и снова отталкивающимъ его. Будете тамъ, разспросите-ко сплавщиковъ: они недаромъ гибнуть тамъ сотнями!.. Знаете, какъ они эту нашу питательницу зовутъ?

— Какъ?

— Похоронной рѣкой, губительницей, водяною смертью... А то еще райской...

— Почему — райской?

— Въ шутку; потому что весной, кто отправится по ней, такъ имѣетъ много шансовъ немедленно въ рай попасть!.. Намъ одинъ купецъ вздумалъ самъ исправить теченіе рѣки и снесъ камень, мѣшавшій движенію судовъ, такъ что бы вы думали? — чуть суду не предали! Едва-едва отвертѣлся...

Не особенно большой заработокъ даетъ мѣстному населенію и поставка дровъ на заводъ. Оно же подвозить и уголь, причемъ всю эту операцію берутъ на себя подрядчики. За сажень дровъ раскатныхъ или куренныхъ они получаютъ по 4 руб., а за каждый коробъ угля — 2 рубля; впрочемъ, если лѣсъ близко, то и меньше. Лѣса изводятся не свои — свои давно вырублены; заводы только и дышать, пока еще есть казенные; но будь исполненъ проектъ одного изъ рьяныхъ пермскихъ чиновниковъ, продай казна лѣса частнымъ лицамъ, промышленникамъ — населенію оставалось бы умереть съ голода, потому что никакой заводъ безъ лѣса существовать не можетъ. Билеты на порубку казеннаго лѣса подрядчикамъ выдаетъ заводоуправленіе. Для выжига угля артели идутъ въ лѣса еще весною. Тамъ онѣ рубятъ деревья, на лѣто оставляютъ ихъ лежать, осенью вновь приходятъ и выжигаютъ ихъ; самая же доставка на заводъ совершается въ теченіе зимы. Везутъ за пятнадцать, за двадцать верстъ, — ближе уже не осталось лѣса вовсе: весь сѣденъ жадными пастями доменныхъ печей, сожженъ въ горнахъ, въ сталеварняхъ, или вывезенъ вонъ, потому что въ доброе старое время довольно обширную статью заводскихъ доходовъ составляла лѣсоторговля.

— У насъ и работа-то непостоянная на заводѣ.

— Почему это?

— Да заводъ не все работаетъ, а какъ выполнять заказъ — и шабашъ. Иди на всѣ четыре стороны.

— Что же вы тогда дѣлаете?

— Къ подрядчику идемъ уголь жечь. Разбѣгаемся на другія работы... А то и такъ голодуемъ. Еще мастеру — лучше. Онъ хоть чтонибудь отложить можетъ. Ну, а намъ плохо. Мастеру въ мѣсяцъ иной разъ и всѣ двадцать руб-

лей приведется, отдѣлочному тоже хорошо — бываетъ и по пятнадцати рублей; ну, а намъ изъ двѣнадцати ничего на черный день не прикопишь... На старательской работѣ еще хоть бабъ берутъ, а на нашу заводскую баба не гожа, ее не надо. Оно и тутъ помощи нѣтъ.

— Безъ работы плохо!

— Чего хуже! Бываетъ по мѣсяцамъ такъ-то... Пухнемъ!.. Опрошлый годъ бѣда была. Николи сплавомъ по Чусовой не ходилъ, а тутъ на барки вдарился. Ну, прокормиться прокормился, а домой ничего не послалъ. Хозяинъ жидъ попался. Барки-то утопить хотѣлъ.

— Какъ утопить?

— Очень просто. Потому онъ пермское желѣзо везъ. Ну, показаль его больше, а что на рукахъ было — распродалъ, оставилъ самую малость. Ну, только мы барку-то отстояли.

— Досталось ему?

— Кому, жиду-то? Куда!..

И рабочій махнулъ рукой.

— Имъ, аспидамъ, воровать завсегда свободно; вотъ, ежели намъ — ну, точно, съ голоду что сдѣлаешь — не пожалѣютъ. А имъ что?... Имъ хорошо!.. Слава те, Господи! помирать не надо!

Оставить Верхъ-Нейвинскъ, не полюбавшись его дивными видами съ Сухой горы, на которой поставлена башня — нельзя. Мы отправились туда и невольно заждались до вечера. Такъ хороши окрестности отсюда. На сѣверъ виденъ Тагиль, кругомъ верстъ на сорокъ открываются дали, то полныя суроваго и мрачнаго величія, то приковывающія къ себѣ взглядъ идиллическою прелестью долинъ и полей, раскидывающихся подъ вами. Кругомъ каймами, грядами, перепутавшимися узлами поднялись крутыя горы.

Одни кряжи хотятъ точно переброситься черезъ другіе, сливаются и снова раздѣляются, принижаются, чтобы тотчасъ же гордо выдвинуть остроконечный пикъ. Ихъ то окутываютъ зеленыя облака лѣсовъ, то сѣрыя скалы взрываютъ ихъ скаты снизу, поднимаются вверхъ и тамъ располагаются точно каменными вѣнцами, башнями, алтарями, развалинами какихъ-то легендарныхъ крѣпостей, замковъ. Дальше всего видно на югъ. Вонъ два пруда... Сегодня, послѣ вчерашнихъ тучъ и холода, солнце пригрѣло землю и пруды, точно клочки голубаго неба улыбаются изъ своихъ глубокихъ падей. Между ними — серебряная битъ извиистой и капризной Нейвы. Кое-гдѣ, далеко, ложатся темныя черточки просѣкъ. Изъ лѣсовъ поднимаются дымки. Мерещатся какія-то пятна; только взглянувшись, отгадываешь въ нихъ захолустное село, или затерянный въ глуши заводъ. Внизу, прямо подъ ногами, разбѣгаются во все стороны бѣлыя улицы Верхъ-Нейвинска; прямо подо мною двѣ церкви, круглое башенное строеніе, гдѣ помѣщается управленіе завода, и другіе дома. Кажется, на этотъ золотящійся крестъ храма можно прыгнуть. Крыша его — вотъ тутъ. Видны голуби, засѣвшие на ней... Вонъ, направо, голубѣть какая-то рѣченка: то спрячется въ рощу, то забѣжитъ за утесъ, то снова и совсѣмъ уже неожиданно покажется и блеснетъ, чтобъ шаловливо схорониться въ темную лощину, откуда, очевидно, нѣтъ ей выхода. На западъ, вершины грозныхъ и сумрачныхъ горъ заслонили даль. Между ними и покрытой лѣсами понизью, подступающей къ самому Верхъ-Нейвинску, — Рудянское озеро. Мы видимъ только ближайшую кайму его — дальше оно переходитъ въ туманную полосу. Туманная полоса точно сливается съ небомъ, и на немъ уже висятъ вершины, точно онѣ не имѣютъ ничего общаго

съ землю, точно сейчас повѣтъ вѣтеръ и унесетъ ихъ далеко, далеко... На сѣверъ — цѣлый станъ горъ и холмовъ. Всѣ они, закутавшись въ свои лѣса, напоминаютъ крутя, окаменѣвшія въ моментъ самой сильной зыби, волны. Вотъ-вотъ очарованный сонъ оставитъ ихъ и они мѣрно и съ громовымъ шумомъ покатаются тогда къ нашей Сухой горѣ, къ нашей башнѣ и унесутъ ее съ собою... Между ними дорога въ Нейвинскъ то выбѣжитъ желтымъ зигзагомъ, то опять уйдетъ... Рѣдки золотыя пятна овсянаго посѣва, рѣдки зеленые разливы логовинъ... На сѣверъ — все мрачно, все угрюмо. Еще мрачнѣе, еще угрюмѣе мѣстности къ востоку... Тутъ болѣе двадцати отдѣльныхъ вершинъ. Между ними мерцаютъ серебряные ерики, мерещатся бѣлыя нитки вспѣнившихся ручьевъ, шумно бѣгущихъ съ крутыхъ яровъ въ глубокія долины. Вонъ гора Верхняго Тагиля смѣлымъ взлетомъ рванулась въ высоту — да не удалось ей отдѣлиться отъ мощно захватившей ее земли; и такъ стоитъ она, одинокая, недовольная, утопая въ небѣ, манящемъ ее къ себѣ.

— Вонъ семь братьевъ! показали мнѣ семь отдѣльныхъ, стоящихъ на вершинѣ крутой горы утесовъ.

— Почему семь братьевъ?

— Народъ говоритъ... Ермакъ шель тутъ, ну семь волшебныхъ братьевъ на дорогѣ ему горъ навалили. Только онъ пройдетъ одну — они ему сейчасъ другую, одолѣетъ эту — третья растетъ... На четвертой шибко усталъ Ермакъ. А они, братья-то, выбѣжали и смѣются всѣ надъ нимъ. Тутъ Ермакъ и взмолился: «не дай, Господи, посмѣяться колдунамъ невѣжнымъ надъ честнымъ, животворящимъ крестомъ Твоимъ!..» Поднялъ онъ крестъ да и пошелъ на нихъ. Хотятъ уйти волшебные люди, да не могутъ: ноги къ землѣ приросли — камнемъ къ камню; хотятъ руки

опустить — руки не шелохнутся, камнемъ къ каменнымъ бокамъ прирастаютъ; а какъ дошелъ онъ къ нимъ до верху, такъ они и совсѣмъ въ утесы обратились. Только эти утесы не простые. Иной разъ, ночью, слышно, какъ сердца въ нихъ колотятся. Такъ они до скончанія вѣка стоять будутъ за то, что надъ крестомъ посмѣялись. Ермакъ ихъ до страшнаго суда самага заклѣлъ.

Назадъ намъ пришлось идти черезъ старообрядческое кладбище, мимо большой и красивой церкви. Много массивныхъ, мраморныхъ памятниковъ очень изящнаго рисунка.

— Вы съ нами не шутите. Прежде въ Нейвинскѣ какъ жили?.. Въ Италіи заказывали монументы.

— Ну, а теперь?

— Было время да сплыло; тутъ когда-то одинъ самодуръ вживѣ себѣ памятникъ поставилъ, только не пришлось лежать подъ нимъ, потому что на Чусовой утонулъ. Былъ другой — давно это — такъ онъ непремѣнно хотѣлъ на кладбищѣ пса своего зарыть. Даже къ митрополиту вошелъ съ ходатайствомъ, въ которомъ пояснилъ, что песь его былъ необыкновенный, и умирая, пять тысячъ на благотворительныя цѣли оставилъ. Ну, только этому досталось.

— Судили?

— Нѣтъ, только вмѣсто пяти тысячъ, съ него двадцать тысячъ взяли и едва-едва дѣло прекратили.

— А это что за фонари?

Дѣйствительно, между памятниками торчали длинные чугунные столбики съ фонариками. Ужъ не для освѣщенія ли кладбища? подумалъ я. Оказалось, что это тѣ же памятники; въ фонарикахъ, за дверцою, мѣдные складни; передъ ними теплятся лампадки. На одной могилѣ четыре

такихъ фонарика. Обиліе металла сказывается во всемъ. Доски на могилахъ чугуныя; говорятъ, прежде здѣсь и гроба приготовлялись желѣзные. Кое-гдѣ кресты, выкрашенные въ ярко-красную краску. Особенно изящень оказался памятникъ надъ священникомъ Іосифомъ, неизвѣстно какъ попавшимъ сюда.

— Тутъ съ этими монументами бѣда!

— А что?

— Да какъ же, въ одномъ заводѣ купецъ Шабашовъ, когда откупа уничтожили, поставилъ имъ памятникъ на площади — крестъ, состоящій изъ полуштофовъ. Хотѣли его суду предать, да откупился. А другой пирамиду возвелъ, якобы надъ своей женой. Она отъ него сбѣжала; ну, онъ и рѣшилъ, что для него она умерла навсегда, поставилъ мраморную массу, на которой высѣкъ, да еще золотую вязью:

«Судьба недолго насъ ласкала, —

«Семь лѣтъ съ женою я прожилъ:

«А на восьмой она сбѣжала

«И память я о ней подъ камнемъ схоронилъ!»

Съ другой стороны: «Упокой, Господи, грѣшную душу рабы твоей Анны, оставившей безутѣшнаго мужа и сирыхъ чадъ своихъ на произволь стихій».

Съ третьей: «Сбѣжала сего 1845 года, іунія 25-го, съ инженеръ-поручикомъ Шварцомъ, изъ нѣмцевъ».

— Неужели это возможно?

— Да такія ли у насъ еще дѣла бывали... Это еще что! А слышали ли вы, какъ одинъ заводчикъ на гувернанткѣ своей недавно женился? Это уже исторія самага недавняго времени. Она не соглашалась отдаться ему такъ; ну, онъ сдѣлалъ ей формальное предложеніе, француженка обрадовалась и приняла. По-русски она не понимала. Онъ

пошелъ съ нею въ церковь, велѣлъ священнику отслужить молебень о здравіи и долгоденствіи боярина Алексѣя, самъ серьезно простоялъ съ нею на колѣняхъ все время. Она при этомъ горько плакала, затѣмъ онъ ее поцѣловаль въ церкви и объявилъ, что они мужъ и жена. Только черезъ годъ она узнала объ этомъ подлогѣ и бросилась жаловаться.

— Разумѣется, ничего не добились?

— Еще бы!.. На нашихъ заводчиковъ и по сей часъ никакой управы нѣтъ. Но она впрочемъ отмстила ему по своему.

— Какъ это?

— Да опять помирилась съ нимъ и убѣдила ѣхать съ собою въ Петербургъ; тотъ отправился... Тамъ у нея было двое братьевъ. Она имъ пожаловалась. Французы было вскипятились, да видятъ, что ничего не подѣлаешь, и порѣшили наказать его. Зазвали къ себѣ, завязали ротъ, чтобы не кричалъ, да и высѣкли раба Божьяго. Что-жъ бы вы думали, вѣдь образумился!

— Въ какомъ отношеніи?

— А въ такомъ, что женился на ней дѣйствительно... Ты, говорить, этимъ такъ мнѣ любовь свою доказала... Ну, и она тоже ловкая: какъ изъ церкви вышли они — она, вмѣсто того чтобы къ нему, пересѣла къ какому-то французу перчаточнику въ коляску, да съ нимъ и уѣхала. Такъ нашъ заводчикъ въ дуракахъ и остался...

LVII.

Глушь. — Рудянка. — Какъ въ старину дѣлались двоеженцами. — Какъ вѣнчали съ мертвецами? — Село Шуралинское. — Старатели. — Золотое дно. — Невьянскъ. — Какая земля. — Истребленные лѣса. — Фея стараго замка. — Цифры и факты.

Лѣса и горы, горы и лѣса. Изрѣдка покажутся главные вершины каменнаго Урала и опять уйдутъ изъ глазъ. Путь идетъ мимо Рудянскаго пруда и громаднаго болота съ другой стороны; мы двигаемся точно по перешейку... Направо, черезъ болото прокладывается дамба желѣзной дороги. Люди-мухи ползаютъ по этой желтой насыпи, копошатся на ней... Вонъ издали — точно готическій монастырь изъ краснаго кирпича. Совсѣмъ обмазываешься: такъ разстояніе, сливая всѣ детали этой громады, придаетъ ей еще болѣе грандіозные размѣры... Чѣмъ ближе, тѣмъ поэтическое старинное аббатство все больше и больше блекнетъ, теряетъ свою прелесть и величіе и, наконецъ, обращается въ довольно красивое заводское строеніе и только; другіе корпуса тянутся внизъ, къ самому озеру, на свѣтлыхъ водахъ котораго сегодня ярко блеститъ солнце.

Солнце щедро обливаетъ и развѣнчанный монастырь, скользить по его террасамъ, подымающимся къ самой вершинѣ. На здѣшнемъ заводѣ вырабатывается болѣе 350 тысячъ пудовъ чугуна, 120,000 пуд. кричнаго желѣза, 180 тысячъ пудовъ болванки. Строено все это въ доброе старое время, когда руки были дешевы, когда не приходилось нанимать крестьянъ, когда цѣлыя села издали сгонялись въ данную мѣстность. На Уралѣ часто силой гнали тысячи «головъ» несчастныхъ мужиковъ, отрываемыхъ отъ семьи, умиравшихъ на пути и рѣдко возвращавшихся назадъ. Страшное время!... Тутъ же мнѣ рассказывалъ, напримѣръ, старый кричный рабочій:

— Мой отецъ-то двоеженецъ былъ.

— Какъ?

— Такъ — по хозяйскому приказу. Взяли его изъ села и послали сюда. Жену съ малолѣтками на мѣстѣ оставили. А здѣсь хозяинъ говоритъ: «чѣмъ тебѣ жену сюда тащить, я тебя здѣсь оженю». Отецъ было уперся — куда тебѣ!... Баринъ такой былъ — что ему въ голову втемяшится, онъ ужъ на своемъ поставитъ. Приказалъ попу, и ожили отца. Потомъ время прошло — первая жена съ нами пришла сюда; глядь — а у него уже вторая семья.

— Что-жъ она?

— Вмѣстѣ и зажили.

— Съ двумя женами?

— Да!... Что-жъ подѣлаешь... Съ тѣхъ поръ и звать насъ стали Двоежоновыми. Прежде это просто было, со всѣмъ просто, не то что нынѣ. Слышали вы, чтобъ на мертвыхъ вѣнчали?

— Нѣтъ.

— А у насъ на Уралѣ бывало. Сказываютъ давно это. Одному Демидову дѣвка приглянулась. Позвалъ онъ ее

къ себѣ — дѣвка уперлась. Ни за что! Деньгами онъ ее улещаль — хоть-ты что! не идетъ на грѣхъ. Не хочу, говоритъ, безъ закону... Стали ее сѣчь — не сдалась. А по ту пору казакъ, что у него прислужающимъ былъ, померъ. Позваль онъ попа: вѣнчай, говоритъ, дѣвку съ казакомъ...

— Не можетъ быть.

— Чего не можетъ! Старики рассказывали — вѣрно... Попъ туда-сюда — видитъ ничего не подѣлаешь! Либо высѣкутъ, либо — сто цѣлковыхъ денегъ. Обвѣнчалъ. Лакеи вѣнцы держали. Потомъ сейчасъ какъ свадьбу отпѣли — молодого-то, якобы скоропостижно скончавшагося, въ мертвецкую, а бабу — въ опочивальную къ Демидову. И что же бы ты думалъ? привели ее къ нему... Ну, теперь, говорить, ты мужняя жена; по согласу ли идешь ко мнѣ? Та вся дрожить... Съ мертвымъ повѣнчали, очнуться не можетъ! По согласу, говорить! Видитъ, что ужъ тутъ! коли онъ, какъ царь, все что хочеть — все можетъ. А коли ты по согласу, смѣется Демидовъ, такъ теперь я уже не хочу самъ, а вотъ тебѣ мое повелѣніе: не гоже тебѣ, обвѣнчанной бабѣ, да дѣвкой оставаться... Позвать сюда кучера Степана... Пришелъ... Можешь ты, говорить, сейчасъ изъ дѣвки да бабу сдѣлать? Тотъ, что же — съ удовольствіемъ!.. Ну, самъ Демидовъ смотрѣлъ, тѣшилъ; а потомъ въ дальній заводъ и сослалъ бабу, чтобы она, значить, по начальству на него жалиться не могла... Вотъ какія времена были!..

Рудянка красиво расположена по берегу озера. Когда мы подѣхали къ заводу, на площади стояла сплошная толпа старателей. Кудлатые, всклоченные, измазанные землей, съ удивительно энергическими лицами... Громкій говоръ и громкія шутки. Очевидно, незагнанная завод-

ская челядь, что все тишкомъ да бочкомъ... По четвергамъ они сходятся отовсюду сдавать золото, намытое ими въ теченіе недѣли...

— Теперь вотъ они, какъ слѣдуетъ! объяснилъ мнѣ спутникъ. А только получать деньги — пойдутъ въ кабаки... Что тутъ шуму будетъ!

— Еще бы цѣлую недѣлю по лѣсамъ да по болотамъ работать — напъешься.

— Ужъ они пьютъ очень шибко, потому что старатель, онъ вольный рабочій, безстрашный. По-одиночкѣ мѣсяцы, бываетъ, въ лѣсу живутъ. Пню молятся!..

Между старателями были и бабы.

— Тутъ такой обычай; старательская баба совсѣмъ на особомъ положеніи.

— А именно?

— Другая — мужу своему покорствуетъ, а этой мужъ не грозенъ. Какая дѣвка старательская, такъ она сама себѣ мужа выбираетъ, а не онъ ее... А бабы у нихъ шибкія. Ничего тоже не пугаются... и сильныя же есть! Разъ одна двухъ бѣглыхъ въ лѣсу поймала... Шли эти и видятъ: баба одна, здоровая, красивая, отчего не попользоваться? Думали — совладаютъ, а она ихъ обоихъ скрутила, да и привела на заводъ; что смѣху было. И бродяжки тоже дивѣтся. Сколько, говорятъ, странъ и народовъ прошли, а эдакой бабы и не видали еще!..

За Рудянкой мы вновь увидѣли Уралъ. Величавая панорама грандіозныхъ и безчисленныхъ горныхъ вершинъ, обступившихъ горизонтъ, невольно приковывала взглядъ. Что-то торжественное, молчаливое чувствовалось въ этомъ. Синіе силуэты этихъ горъ поражали разностью своихъ очертаній. Вонъ, по пути, небольшой Шигирскій золотой приискъ, затерявшійся въ пустынь. Безпросвѣтная

глушь кругомъ; двѣ три артели рабочихъ живутъ тутъ. Воображаю, какое гнетущее впечатлѣніе должно производить это захоlustье въ сумрачные вечера, среди густыхъ и безмолвныхъ лѣсовъ, въ виду острыхъ пиковъ и грузныхъ массъ надвигающагося на эту дебрь Урала. Железная дорога, разумѣется, сожжетъ и увезетъ отсюда эти лѣса, и тогда впечатлѣніе, производимое ими, будетъ далеко не такъ сильно. Еще нѣсколько верстъ неподвижныхъ лѣсовъ и покрытыхъ топкимъ слоемъ воды болотъ, и передъ нами — Шуралы... Рѣка Шуралинка бѣжитъ, извиваясь, по долинѣ.

— Золотая рѣчка!..

— Богаты пріиски?

— Сказать даже нельзя, какъ богаты! Тутъ до шестидесяти старательскихъ и господскихъ пріисковъ. Между ними самый лучшій — Ключи...

По берегамъ — масса избъ... Шуралинское село обстроилось чудесно. Дома прочные, бѣдныхъ хижинъ почти нѣтъ. Стѣны выведены изъ толстыхъ бревень, окна прорѣзаны частыя и большія, крыши тесовыя... Улицы широкия, красивыя, хоть и безлюдны.

— Вѣдь вотъ живутъ же и безъ завода!

— Отчего не жить. Положимъ, что лѣса сожгли въ долинахъ, такъ и заводъ закрыли. За то золотое дѣло здѣсь ужъ очень выгодно.

Я не разъ убѣждался, впрочемъ, что хорошія избы и постройки вовсе не доказываютъ богатства населенія. Вологодская и Архангельская окраины — яркій примѣръ этого. Не тамъ ли села обставлены на славу? Двухъэтажныя избы — а въ нихъ, внутри, зачастую гнѣздится такая нищета, какой ни найдешь подъ соломенными кровлями гдѣнибудь въ Смоленской или Витебской губерніяхъ

Ставились большія, просторныя избы въ тѣ времена, когда голода не было, а какъ ударили недороды, да недостача повымерли кормильцы, такъ и въ большихъ хороминахъ стало хлѣбать нечего. Не случалось ли читателю въ такихъ чудесныхъ домахъ изъ стараго кандоваго лѣсу останавливаться и встрѣчать хозяевъ, просившихъ ради Христа?.. Мнѣ по крайней мѣрѣ не разъ приводилось встрѣчать и такихъ.

— Чѣмъ же живутъ шуралинцы? Положимъ — золотомъ, да вѣдь оно всѣмъ же не даетъ хлѣба.

— А конная сила слишкомъ велика!

Тутъ, дѣйствительно, благодаря хорошимъ лугамъ, коневодство поддерживаетъ крестьянскія хозяйства. Мужикъ какойнибудь старатель, а дѣти идутъ съ лошадьми на желѣзную дорогу, въ обозъ.

— Такъ и кормятся... Шуралинцы у насъ на диво сложены, народъ крупный, дѣти растутъ сильныя, здоровыя... Тоже работаютъ, сызмала еще, а ужъ наживщикъ, въ домъ несетъ, а не изъ дома...

— Ну, дѣтямъ не слѣдовало бы работать.

— Какъ судить! Читалъ и я въ газетахъ, что не надо. А только кто сообразить: отецъ заработаетъ двадцать рублей, не хватаетъ у него на семью-то — и нищаетъ. И семья голодная, и дѣти больны. А какъ четверо мальцовъ принесутъ еще двадцать рублей — анъ онъ и на ногахъ уже... Ему и не страшно, крѣпко стоитъ и отложить кое-что, и коня прикупить, и коровку...

Потянуло къ вечеру. Мнѣ уже надоѣли эти горы. Одно измѣненіе въ характерѣ мѣстности я замѣтилъ, приближаясь къ Невьянску. Позади еще были лѣса, но чѣмъ дальше мы подымались впередъ, тѣмъ ихъ становилось все меньше. Невообразимое уныніе лежало на этихъ ого-

ленныхъ долинахъ и скатахъ, въ этихъ вырубленныхъ сплошь ущельяхъ. Я завернулся въ пледъ и зажмурился. Не было охоты смотрѣть на это запустѣнїе.

— Вотъ старѣйшій изъ нашихъ уральскихъ заводовъ — Невьянскъ.

Я было уже заснулъ — дѣло было подъ вечеръ.

— Гдѣ Невьянскъ?.. Тотъ, который теперъ называютъ золотымъ дномъ?

— Тотъ самый.

Вдали клочекъ озера и верхушки башенъ. Масса домовъ по сторонамъ. Озеро раздвигается, башни растутъ и растутъ. Одна оказалась соборной колокольней, а другая выстроена въ 1725 году, по образцу московскихъ кремлевскихъ, только значительно ихъ выше. Она покосилась на одну сторону, какъ знаменитыя кампаниллы Пизы и Болоньи. Разумѣется, Болонская только покрупнѣе, а Пизанская изящнѣе этой... Вокругъ Невьянска — ни лѣсники. Оказалось, все что можно было вырубить — давно вырублено и сожжено въ заводскихъ печахъ, такъ что все дѣло здѣсь нѣкоторое время было закрыто и возобновилось только благодаря льготному разрѣшенію пользоваться лѣсами монетнаго двора, когда-то существовавшаго въ Екатеринбургѣ... Уже стемнѣло, когда мы проѣзжали по Широкимъ улицамъ этого завода, который по величинѣ своей побольше иного города. Вонъ яркое пламя блеснуло намъ навстрѣчу. Оказалось, что его выбрасывала домна, выбрасывала вверхъ, выбрасывала въ круглыя окна, выбрасывала еще въ открытое устье печурки, откуда лилось въ это время поспѣвшее чугунное молоко.

— Поклонитесь! схватилъ меня за плечо спутникъ.

— Что такое?

— А какъ упадетъ! расхохотался онъ, показавъ

на наклонившуюся въ нашу сторону массу Невьянской башни.

Наскоро переодѣвшись, мы отправились къ управляющему заводомъ Салареву. Въ первой же комнатѣ на встрѣчу намъ вышла такая красавица, какой, признаюсь, и въ Петербургѣ мы не видали. Оказалась — дочь хозяина. Прелестные сѣрые глаза весело смотрѣли изъ-подъ красиво очерченныхъ бровей, тонкій овалъ лица, съ безукоризненнымъ носомъ и артистически вырѣзанными губами, поражалъ своимъ изяществомъ. Масса бѣлокурыхъ волосъ на головѣ была заплетена въ двѣ низко падавшія косы. Стройная какъ пальма, она, казалось, не шла, а скользила намъ навстрѣчу.

— Папа сейчасъ выйдетъ.

Мы не нашли даже, что отвѣтить благодарственной феѣ этого замка. Иначе не знаю, какъ и назвать старинную постройку, всю покоившуюся на громадныхъ аркахъ. Комнаты были устроены съ самыми различными фокусами акустическаго свойства. При всей ихъ величинѣ шепотъ въ одномъ углу слышался въ противоположномъ тотчасъ на столѣ явился самоваръ, а вслѣдъ затѣмъ вышелъ и хозяинъ, въ высшей степени пріятный, милый и радушный человекъ.

Невьянскъ въ 1698 году подаренъ Петромъ Великимъ туляку Демидову. Тогда этотъ участокъ былъ великолѣпнень только глухими лѣсами, но отъ него теперь остаются рѣдкіе клочки. 180,000 десятинъ, составляющіе здѣшнюю заводскую дачу — вырублены до-тла и, какъ я уже говорилъ, заводъ существуетъ только благодаря разрѣшенію пользоваться лѣсами бывшаго монетнаго двора. Изъ нихъ ежегодно должно вырубаться не менѣе 21,000 кубическихъ сажень съ уплатою за каждую 30 коп. Въ

силу этого только и держатся еще доменные печи и старое кричное производство въ Невьянскомъ и лежащемъ въ с.-в. отъ него Петрокаменскомъ заводахъ. Кромѣ этого, здѣсь добывается золото и на пріискахъ, и старателями, которые за три послѣдніе мѣсяца сдали его 4 пуда и получили по 2 руб. за золотникъ. Саларевъ первый поднялъ плату старателямъ на Уралѣ. До него ихъ притѣсняли, брали металлъ по произвольной цѣнѣ, но онъ сталъ сейчасъ же на ихъ сторону, и первымъ его дѣломъ здѣсь было подъемъ рабочихъ цѣнъ и вознагражденіе за промытое зольными артелями золото. Чтобы окончательно раздѣлаться съ цифрами, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя.

Желѣза полосоваго на Невьянскомъ заводѣ приготовляется до 300,000 пудовъ; добыча золота колебалась отъ семи до 33 пудовъ въ годъ. За послѣдніе годы она колебалась между 12 — 26 пудами, а въ слѣдующій 1877 годъ Саларевъ ожидалъ 30 пудовъ. Невдали отъ Невьянска находится самый лучшій пріискъ Быньговскій. Когда сократили дѣятельность завода, за недостаткомъ лѣсовъ, то не оказалось надобности въ прудѣ, воду изъ котораго и спустили; обнаружилось ложе рѣки Нейвы, и самое дно пруда по изслѣдованіи найдено золотоноснымъ. Сейчасъ же промыли до семи пудовъ драгоцѣннаго металла, а теперь собираются шурфовать все ложе рѣки. Не вездѣ впрочемъ поиски были сразу удачны: въ верхней части Быньги израсходовали много денегъ, но не нашли ничего; хотѣли было совѣмъ уже оставить дальнѣйшія изысканія, какъ однимъ шурфомъ наткнулись на богатѣйшую розсыпь, которая въ первое же время дала до 11½ пудовъ золота, промывъ для этого 2.153,800 пудовъ земли. Всего же на Невьянскомъ заводѣ съ 20 года нынѣшняго столѣтія по 1876 годъ добыто не мало, не много какъ 1,000 пудовъ

этого металла. Насколько новый прииск оказался богатъ, видно изъ сравненія съ другими. Напримѣръ на Золотоключевскомъ на 2.321,400 пуд. песку пришлось только 2 пуда 2 фун. 14 золотниковъ металла.

На 180,000 десятинахъ этой дачи разбросано 44 селенія съ тремя заводами, въ томъ числѣ населено здѣсь 33,000 душъ, которымъ надо выдать изъ мѣстныхъ лѣсныхъ участковъ, еще уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ, отъ 7 до 8,000 кубическихъ сажень дровъ. Такимъ образомъ, заводы не пользуются вовсе этими жалкими островками лѣса, представляя ихъ крестьянамъ. По административному распоряженію горнаго управленія, ближе пяти верстъ къ деревнѣ лѣсъ рубить нельзя. Если взять циркуль и по радиусу въ пять верстъ очертить имъ деревни, то круги всѣ найдутъ одинъ за другой. Такимъ образомъ, мудрое распоряженіе, если бы его стали исполнять, выселило бы всѣхъ крестьянъ отсюда. Изъ 33,000-наго населенія на заводахъ и рудникахъ работаютъ только 2,200 человекъ. Остальные частью живутъ хлѣбопашествомъ. Запаски здѣсь большія. Отъ Невьянска до Петрокаменска на десять верстъ идутъ сплошные посѣвы ржи, овса, ячменя и немного льна. Остальная масса крестьянства живетъ извозомъ и работами на здѣшнихъ кожевняхъ, салотопняхъ и другихъ фабрикахъ. Здѣсь выдѣлывается винтовка, сундуки, разныя желѣзныя вещи — и во всемъ замѣчается одно: промышленность развилась бы удивительно, также пожалуй какъ въ Кунгурѣ, если бы только не ощущалась постоянная, страшная нужда въ топливѣ. Много мѣстной руды — бурога желѣзняка — остается невыработанной вслѣдствіе этого, хотя она содержитъ въ себѣ 45% чистаго металла такой руды; запасъ громадный — но ничего съ ней не подѣлаешь, потому что нѣтъ лѣса, а лѣса нѣтъ — и дѣла нѣтъ.

Я заинтересовался, какъ и вездѣ, рабочими цѣнами и оказалось, что мастера здѣсь получаютъ на желѣзномъ заводѣ до 40 руб. въ мѣсяць, подмастерья 35 р., работники 20 р. Поденно платится по 40 коп., и только для плотниковъ отъ 60 — 1 р. 40.

LVIII.

Падающая башня Невьянска. — Какъ Демидовъ чеканилъ въ ней серебряную монету. — Мѣстные компрачикосы.

Съ Невьянскою наклонною башнею связано много преданій. Въ ея подземельяхъ и народъ топили, въ ея закоулкахъ людей замуравливали, въ ея черныхъ казематахъ и застѣнкахъ держали вредныхъ и опасныхъ супротивниковъ. Правда ли это или нѣтъ — стѣны не расскажутъ никому; на каменныхъ полахъ не проступаетъ кровь, когда-то пролитая. Царство призраковъ стало удѣломъ сказокъ; видѣнія уже не являются любопытному туристу съ сказаніями о тайнахъ и ужасахъ, когда-то совершавшихся подъ этими мрачными, тяжелыми сводами. Легенды — остались въ народной памяти, и народъ упорно связываетъ ихъ съ этою старою башней; народъ говоритъ о ней то, что не скажутъ выходцы съ того свѣта, народу каждое пятно на этихъ онѣмѣвшихъ стѣнахъ кажется слѣдами убійствъ, каждый загадочный шумъ въ стѣнѣ — стопами когда-то замученныхъ въ каменныхъ мѣшахъ жертвъ; вой въ верхнихъ галлереяхъ — воплями ихъ: «въ подвалы-то уже лучше и не ходите! Тамъ страхи». Разспросите какіе

страхи, — оказывается, что бѣлое мелькаетъ въ воздухѣ, чудятся скелеты, цѣпляющіеся по стѣнамъ, какъ цѣплялись они, когда вода заливала эти подземелья; слышится стукъ костей по угламъ и традиціонное бряцаніе цѣпей. Въ дѣйствительности, время для всѣхъ этихъ ужасовъ было удобное. И разумѣется безцеремонные потомки тульского кузнеца Никиты Демидова неособенно стѣснялись въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было имъ отдѣлаться отъ непрошеннаго свидѣтеля и его обличителя. На Уралѣ всякій мальчикъ поразскажетъ вамъ о дѣлахъ того минувшаго, несчастнаго времени, которое до сихъ поръ многіе считаютъ чуть ли не золотымъ вѣкомъ. Для барства пожалуй, а для народа вѣкъ этотъ былъ вѣкомъ желѣзнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Говоря о Тагилѣ, я разскажу, что здѣсь творили Демидовы и другіе уральскіе сатрапы въ періодъ полной безнаказанности, когда, помимо ихъ произвола, не было никакого иного закона, когда молчаніе рабовъ не смиряло злыхъ инстинктовъ отупѣвшихъ отъ оргіи господъ, а только разжигало ихъ, когда въ каждомъ крошечномъ владѣльцѣ уральскаго участка таился маленькій Неронъ или Тиверій.

4-го марта 1702 года, Петръ Великій отдалъ Невьянскъ и другіе Верхотурскіе заводы тульскому кузнецу Никитѣ Демидову. Умный и дѣятельный сынъ его Акинфій, черезъ двадцать три года послѣ этого, построилъ башню, въ которую мы входимъ теперь; сталъ основывать множество другихъ заводовъ на Уралѣ и даже простеръ свою дѣятельность за сибирскіе предѣлы. Въ Томской губерніи онъ открылъ богатые серебряныя и мѣдныя руды, ранѣе даже возведенія Невьянской кампаниллы. Множество поставленныхъ имъ небольшихъ заводовъ съ плавильными печами — добывали въ Сибири черную мѣдь и въ такомъ видѣ до-

ставляли ее въ Невьянскѣ. Въ металлѣ, выплавленномъ такимъ образомъ, оказывалось значительное количество серебра, нужно было отдѣлать его, но, по закону того времени, частные люди не имѣли права дѣлать этого, тѣмъ болѣе обращать въ продажу золото, или серебро. Демидову оставалось заниматься своею алхиміей тайкомъ и хотя онъ у себя былъ царемъ, хотя произволу его здѣсь не было предѣла, но этому кузнечному монарху приходилось помнить, что подъ бокомъ у него въ Сибири начальникъ тамошнихъ заводовъ Татищевъ, злѣйшій врагъ Невьянскаго самодержца, спитъ и видитъ изловить его на чемънибудь и затѣмъ погубить. Времена были неустойчивыя. Сегодня — Неронъ, а завтра Нерону рвали ноздри, били батогами нещадно и ссылали въ Сибирь, въ Березовъ. Нужно, оказывалось, держать ухо востро и не попадать въ лапы къ сторожившей его кошкѣ. Враги стояли одинъ другого. Оба способны были на все. Тутъ и подлогъ и шпионство считалось средствами самыми невинными. Бился, бился Демидовъ, да и надумалъ, для скрытаго, потаеннаго производства своего, построить башню. Живо согнали народъ отовсюду, изъ далекихъ имѣній привели сюда сотни каменщиковъ и черезъ два-три года она была готова. На восточной сторонѣ этой громады Демидовъ построилъ лабораторію, вырылъ подземелье высотой въ ростъ человека, однако показалось мало — рядомъ устроилъ другія и тутъ въ вѣчномъ мракѣ, скупо озаряемомъ слабымъ свѣтомъ лампадъ и огнями плавленень, начались таинства отдѣленія серебра отъ мѣди. Потомъ и этого ему показалось мало; скрытыми подземными ходами онъ соединилъ мастерскія съ своимъ домомъ, изъ-подъ башни продлилъ черную жилу къ домнѣ, отъ домны — подъ то мѣсто, гдѣ стоитъ нынѣшняя полиція; тутъ онъ устроилъ тоже «хи-

мическое дѣло» какое-то — по однимъ, чеканку серебряной монеты — по другимъ. Затѣмъ, эту артерію повернулъ назадъ и закончилъ вновь выходомъ къ себѣ. Когда все это было готово, нужно, оказалось, начать дѣло. Взять въ вѣчный мракъ подземелій вольныхъ рабочихъ, либо своихъ крѣпостныхъ — неосторожно; у нихъ останутся семьи, можетъ все выйти наружу. И вотъ, по Уралу прошелъ слухъ, что Демидовъ принимаетъ къ себѣ всѣхъ бѣглыхъ. Каторжникъ, просто ли ушедшій отъ хозяйской кабалы крѣпостной или бродяга — все равно. Имъ находилось дѣло въ Невьянскѣ. Они потянулись туда отовсюду; ихъ запирали въ подземелья, кормили тамъ и заставляли работать надъ плавкою металла. Если не было никакой опасности, по окончаніи урочной работы ихъ выпускали; если же часы съ курантомъ, устроенные на вершинѣ башни, играли сигналъ, показывающій что либо сомнительное — бродяги оставались въ своихъ норахъ. Расправа съ ними была короткая. Ихъ запарывали до смерти, забивали. Все равно жаловаться не пойдетъ никто — родные его Богъ знаетъ гдѣ!.. Разъ, когда о дѣянiяхъ Демидова дошла вѣсть до столицы и сюда выслали слѣдственную комиссію, то, чтобы не было слѣдовъ преступленія, открыли шлюзы изъ ближайшаго пруда и затопили всѣхъ червей, копошившихся въ этомъ гниломъ подземельѣ. Отдѣленное отъ мѣди серебро продавать нельзя было — не бросать же его такъ. Организовалась чеканка монеты. Дѣлались здѣсь, въ этихъ подземельяхъ, настоящіе рубли, случалось даже нѣсколько высшей пробы, чѣмъ государственные. Сотни доносовъ сообщали объ этомъ Петербургу — но Демидовы были тамъ слишкомъ сильны. Рассказываютъ, что императрица разъ, играя съ Акинфіемъ Демидовымъ и придвигая къ себѣ горсть серебра, выиграннаго ею, спросила его:

— Чьей работы — моей или твоей?

— Все твое, матушка, и мы твои, и работа наша твоя, и всѣми нашими животишками тебѣ кланяемся.

Уклончивый отвѣтъ Демидова очень понравился императрицѣ и близкіе ей такъ прямо писали Демидову: «Обездомили мы и обѣдняли, пришли-ко намъ твоихъ рублей».

Такимъ образомъ, самодержецъ Урала сталъ чеканить свою монету и наводнялъ ею весь востокъ Россіи. Государственный монетный дворъ иногда не выпускалъ ее столько, сколько Демидовъ. Нѣкоторое время даже Демидовъ пересталъ стѣсняться, потому что, задумывая новую войну, императрица спросила его:

— А сколько ты дашь намъ своихъ рублей?

— А сколько прикажешь, матушка, столько и наработаемъ! Намъ твоя милость дорога....

Полиція была безгласна, какъ безгласна она и теперь. Вся ея дѣятельность обрушивается на мелкую сошку, на жалкую плотву, а осетра и бѣлугу она не трогаетъ. Живолюды того времени всѣ существовали, благодаря Акинфу Демидову, и были скорѣе его холопами, чѣмъ государственными слугами.

Изъ разсказовъ, подтвержденныхъ потомъ многими, оказалось, что здѣсь не мало всякихъ «креоловъ и метисовъ». Тагильское населеніе — это сумма всевозможныхъ племенъ, потому что Демидовы посылали сюда крестьянъ отовсюду. Малороссы, латыши, пермяки, бѣлоруссы, поляки оказывались здѣсь, потому что сначала ихъ нанимали, а потомъ записывали въ крѣпостные. Одинъ разъ Демидовъ-царь послалъ учителя изъ шведовъ за чѣмъ-то въ Тагиль, а тамъ его взялъ да и вписалъ въ число своихъ крестьянъ. Такимъ же образомъ сюда попало много французовъ и нѣмцевъ. Писарь, дѣлая перепись, идетъ

подъ окномъ. Въ окнѣ француженка съ сентиментальнымъ романомъ въ рукахъ. «Какъ васъ зовутъ?» — «Мадамъ Шаронъ». Онъ и записываетъ Шаронову, которой потомъ объявляютъ, что она числится крѣпостной. Нѣмецъ механикъ явился сюда учить чему-то, какому-то усовершенствованію производства. Не понравился владѣльцу — тотъ и велѣлъ отодрать его. Нѣмецъ съ жалобой — Демидовъ приказалъ отвѣтить, что это его собственный крѣпостной человѣкъ, Иванъ Жидкинъ, послался имъ за границу для обученія и документы представилъ. Время для такихъ козырныхъ тузовъ было вольготное, и процессъ кончился тѣмъ, что добродѣтельнаго германца велѣно было наказывать за ложный доносъ. Готовились уже шпицрутены, но «преступникъ» не дождался ихъ — повѣсился въ тюрьмѣ. Тысячи мрачныхъ разсказовъ ходятъ о тѣхъ временахъ дикаго самодурства и беспощадной расправы. Такъ напримѣръ — одинъ изъ владѣльцевъ привезъ къ себѣ француженку, та пожила два года, и когда дикарь-любовникъ разъ отвозилъ ее кнутомъ изъ собственныхъ рукъ — она заявила, что завтра же уѣзжаетъ домой въ Парижъ. Но Парижъ ей не пришлось видѣть. Ее высѣкли «при заводѣ» и выдали силою замужъ за какого-то рабочаго пьяницу. Зато, когда черезъ два мѣсяца несчастная умерла отъ побоевъ, надъ ея прахомъ воздвигнуть былъ богатый памятникъ съ плачущимъ ангеломъ и барельефами. Процессы по этимъ случаямъ тянулись безконечно долго. Нѣкоторые дошли даже до эпохи освобожденія. Крѣпостные зачастую посылались учиться за границу. Такихъ выбирали изъ наиболѣе способныхъ. Развившись и приобрѣтя знанія, несчастные женились на француженкахъ и нѣмкахъ. Каково было положеніе послѣднихъ, узнававшихъ, по прибытіи на мѣсто родины, что онѣ супруги

крѣпостныхъ и сами крѣпостныя! Послѣднее можетъ быть и не по закону, да закономъ въ то время была воля владѣльца, или капризъ его опричниковъ. Сколько драмъ совершилось здѣсь въ эту мрачную эпоху! Даже оставшіеся холостыми и возвратившіеся изъ Парижа въ Тагиль крестьяне быстро спивались съ кругу. Между ними и безграмотными крѣпостными никакой разницы не дѣлалось и какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ были зуботычины, розги, кнуты, шпирутены и прочія прелести этого тяжелаго времени. Но вернуться назадъ нельзя было. Местъ опричниковъ обрушивалась на отца, мать, на сестеръ, братьевъ; поневолѣ приходилось пріѣзжать съ повинной. Практиковавшееся и въ другихъ мѣстахъ обыкновеніе выдавать замужъ мѣстныхъ дѣвушекъ по назначенію владѣльцевъ здѣсь еще сопровождалось весьма пріятнымъ для его опричниковъ правомъ первой ночи. Сверхъ того, иногда они задавались цѣлями еще неизвѣстнаго въ то время естественнаго подбора. Сильныхъ парней женили на здоровыхъ дѣвушкахъ, брюнетовъ на брюнеткахъ, долгоносыхъ на долгоносыхъ, идіотовъ на идіоткахъ; все остроуміе подобныхъ браковъ заключалось въ качествѣ приплода. Доходило до того, что бабу, не рожавшую ребятъ — пороли, чтобы она ихъ рожала, а мужа ея сѣкли кнутомъ. Розги считались ни во что: какъ соль ко шамъ. Варварство шло еще гораздо дальше: въ Невьянскѣ жгли людей, обкладывали ихъ сѣномъ и запаливали его. Владѣлецъ занялся выдѣлкой фальшивой монеты. Въ его подвалахъ нѣсколько сотъ народа работало надъ этимъ дѣломъ. Какъ снѣгъ на голову нагрнула комиссія, но ничего не нашла. Демидовъ приказалъ открыть шлюзы и вода залила подвалы, похоронивъ несчастныхъ. На Алтайскихъ заводахъ Демидовъ чеканилъ серебряную монету

изъ своего настоящаго серебра. Въ числѣ служащихъ у Демидова былъ саксонецъ. Разъ строптиваго нѣмца онъ угостилъ оплеухами, говорятъ, даже высѣкъ. Тотъ поѣхалъ въ Петербургъ, посулилъ открыть государынѣ все, что творится у Демидова. Прикончить доносителя оказалось нельзя, у него въ Питерѣ были кое-какія связи. Демидовъ приказываетъ его задержать и самъ ѣдетъ въ столицу. Елисавета Петровна его приняла тотчасъ же.

— Матушка-императрица, ошастливи! Возьми отъ меня въ даръ Алтайскіе заводы. Я тебѣ и серебра начеканилъ тамъ, изъ усердія и ревности къ твоимъ выгодамъ.

Алтайскіе заводы приняли съ радостью, Демидова поблагодарили, а когда выпущенный имъ нѣмецъ, наконецъ, приѣхалъ въ Петербургъ съ жалобой, то съ нимъ никто и разговаривать не хотѣлъ. Сталъ онъ ходить и надоедать властнымъ людямъ и состоялось распоряженіе, въ силу котораго безпокойнаго нѣмца подъ стражей вывезли за границу, да тамъ и бросили на произволь судьбы.

Но варварство заходило еще дальше. О владѣльцахъ Невьянскихъ заводовъ рассказываютъ ужасы. Отказы-ваешься вѣрить этой жестокости, достойной Нерона. Людей не только гноили въ тюрьмахъ, засѣкали, умерщвляли пытками — ихъ жарили въ маслѣ, сжигали въ ихъ собственныхъ избахъ. Разъ несчастные крестьяне послали ходоковъ въ столицу — этихъ выборныхъ перебили въ лѣсу всѣхъ, кромѣ одного, котораго привезли въ село и публично сѣкли кнутомъ въ теченіе двухъ недѣль ежедневно, пока мученикъ не умеръ отъ истязаній. Изъ самыхъ пустяковъ часто совершались чуть не убійства. Во времена оны, Демидовы сами жили здѣсь и входили во все. Такъ, напримѣръ, осталась цѣлая собственноручная переписка одного изъ Демидовыхъ по поводу трехъ фун-

товъ свѣчъ, излишне выведенныхъ въ расходъ однимъ изъ заводовъ. И по поводу этихъ трехъ фунтовъ сколько было пересѣчено народа — вѣдаетъ одинъ Господь! Рассказываютъ. о томъ, какъ замазывали въ каменные стѣны людей, оставляя самыя незначительныя отверстія для дыханія, чтобъ дольше не умирали несчастные. Разъ, одинъ рабочий, жестоко наказанный кнутомъ за то, что хотѣлъ защитить сестру отъ насилловавшаго ее опричника, бѣжалъ въ пермскіе лѣса. Владѣлецъ недолго думалъ что дѣлать. Онъ безъ церемоніи схватилъ дряхлую мать его и замуrowалъ ее въ стѣну, оставивъ окошечко, сквозь которое ей подавали пищу.

— До коихъ поръ держать ее? спрашивали у него.

— А пока самъ бѣглый не явится.

Черезъ два мѣсяца сынъ явился. Старуху выпустили, но она оказалась сумасшедшею. На ея мѣсто замуrowали сына и держали его тамъ полгода. Какое желѣзное здорowie нужно было, чтобъ выдерживать подобныя казни. Въ данномъ случаѣ всего характернѣе то, что изнасилованную дѣвушку высѣкли тоже.

— А ее за что?

— Чтобъ духа этого не было. Чтобъ страхъ знала!

И рядомъ съ этими самодурами, здѣсь жили люди, получившіе образованіе, даже разработывавшіе исторію края, описывавшіе его. Писателя такого рода обыкновенно призывали къ владѣльцу.

— Ты это представилъ ко мнѣ то-то и то-то?

— Я.

— Молодецъ. Хвалю. Трудъ твой я въ архивъ велю сдать, пусть лежитъ.

Въ видѣ поощренія меценатъ-Демидовъ выдавалъ мѣстному историку рюмку водки и полтину денегъ.

Это впрочемъ не отучило пермяковъ работать. Болѣе преданныхъ своему краю людей я встрѣчалъ очень рѣдко. Они до сихъ поръ записываютъ легенды, сказанія, ведутъ дневники, изслѣдуютъ фауну и флору Урала, не щадя издержекъ, зная хорошо, по прежде бывшимъ при- мѣрамъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, здѣшній кассиръ Шоринъ и учитель Рябовъ сдѣлали археологическую экскурсію въ Верхотурскомъ уѣздѣ; они нашли тамъ множество развалинъ и камней съ надписями, разрыли старинныя могилы, откуда взяли ору- жіе и разныя вещи. Составили альбомъ рисунковъ всѣхъ этихъ предметовъ и вмѣстѣ съ описаніемъ послали одному изъ петербургскихъ академическихъ нѣмцевъ — дядюшкѣ- Фуссу. Отъ него, разумѣется, они никакого отвѣта не получили. Фуссъ всѣми этими изысканіями не воспользо- вался, и гдѣ они находятся — никому неизвѣстно. Изъ дру- гого завода тоже въ академію были посланы сборники, разумѣется, рукописные мѣстныхъ пословицъ, характер- ныхъ пѣсенъ; сказокъ и легендъ, словарь особенностей языка; и всему этому — результату болѣе чѣмъ двѣнад- цатилѣтняго труда — не суждено было увидѣть свѣта. Вообще въ этомъ отношеніи Петербургъ рѣдко прихо- дилъ на помощь мѣстнымъ дѣятелямъ. Одному изъ нашихъ ученыхъ были доставлены мѣстнымъ ботаникомъ, Росто- вымъ, цѣлыя тетради его изслѣдованій и наблюдений, и что же: онѣ попали въ сочиненія перваго, но даже ссылки на скромнаго уральскаго труженика знаменитымъ авто- ромъ сдѣлано не было вовсе. Учатся и работаютъ здѣсь, не смотря на всѣ препятствія, которыя ставитъ столь па- губному движенію умовъ губернская администрація. Для нея гораздо лучшимъ является, напримѣръ, «Билимбай — ворамъ рай» или другія мѣстности, гдѣ изголодавшемуся

населенію некогда и думать о книгѣ. Знаете ли вы, что у насъ въ Россійской имперіи, напримѣръ, существуютъ не одна, а нѣсколько цензуръ. Такъ, напримѣръ, если въ Петербургѣ какая нибудь книга разрѣшается къ обращенію, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы она была разрѣшена и на Уралѣ. Въ Нижнемъ Тагилѣ ранѣе столицы запрещено сочиненіе Флеровскаго и потомъ губернаторъ Чарыковъ взялъ да и изъялъ его изъ магазиновъ по всему Уральскому округу. Зачастую, просто по капризу властей, отбираются тѣ или другія книжки журналовъ. Чарыковъ напр. до того дошелъ, что запретилъ заводоуправленіямъ читать народу изданныя отдѣльно и совершенно уже благонамѣренныя лекціи комиссіи для народныхъ чтеній. Учитель, выписавшій для этого «Фонарь» объяснительныхъ картинъ, подвергся цѣлой массѣ непріятностей и прослылъ чловѣкомъ крайне подозрительнымъ. Въ это же самое время на Уралѣ была недозволена пьеса «Десять невѣстъ», потому что мѣстнымъ властямъ содержаніе ея показалось безнравственнымъ. Антрепренеръ побился, побился, видитъ, что ничего не подѣлаешь, и перекрестилъ пьесу въ «Десять женъ». Подъ видомъ новой пьесы представилъ афишу оной и тогда власть нашла возможнымъ разрѣшить ее. Почему «Десять женъ» являлись нравственнѣе «Десяти невѣстъ» — это тайна пермской администраціи. Потомъ та же исторія повторилась со многими другими пьесами. Подъ однимъ названіемъ она запрещается, подъ другимъ разрѣшается. То же самое съ книгами. Даже глупѣйшія изданія Мухиныхъ, Манухиныхъ, Ферапонтовыхъ, Земскихъ и т. д. подвергались остракизму. «Черный гробъ» браковался, «Кровавая звѣзда» поощрялась, «Таинство любви» находили безнравственными, но «Океанъ страстей» пропускался и т. д. въ томъ же родѣ. Въ

Ижевскомъ заводѣ, напр., при Чарыковѣ открытіе читальни и библіотеки не было разрѣшено, а раньше существовавшія закрыты. Не одна губернская власть, но и отдѣльные заводоуправленія являлись любителями-цензорами. Они запрещали въ своемъ районѣ ту или другую книгу, газету, журналъ. Руководили даже вкусами читателей своихъ, находя, напримѣръ, Некрасова не соответствующимъ, а какого-то невѣдомаго никому поэта Звонарева прекраснымъ. Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ положеніе корреспондентовъ было не совсѣмъ безопасно; и во всей остальной русской провинціи нельзя сказать, чтобы толстокожее населеніе носороговъ и бегемотовъ питало къ нимъ нѣжныя чувства, а здѣсь, и недавно. Въ этихъ захолустьяхъ гоголевскіе почтмейстеры сами полагали предѣлъ литературнымъ занятіямъ мѣстныхъ публицистовъ. Дѣло здѣсь привыкли вести на чистоту. Уральскіе цензоры, обуреваемые жаждою къ просвѣщенію, лишь только примутъ какое нибудь письмо пообъемистѣе, или по адресу редакціи, бывало сейчасъ же вскроютъ его и прочтутъ, а затѣмъ слѣдуютъ «мѣропріятія»: если литературное произведеніе мѣстнаго обывателя оказывалось не обличительнымъ, то оно просто предавалось сожженію, а если въ немъ изображались мѣстныя ископаемыя, какъ расплюевскіе поросята, во всей ихъ неприкосновенности — то о семъ опекуны доносили въ губернаторскую канцелярію. И корреспондентовъ — прекращали.

— Какъ прекращали?

— Такъ, ежели служащій — то по третьему пункту, а неслужащимъ объявляли запрещеніе писать съ отдачею подъ надзоръ полиціи или безъ этого.

За что тутъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ страдали люди — повѣрить трудно.

На одномъ изъ заводовъ захотѣли устроить спектакли. Конторщики поставили нѣсколько пьесъ А. Н. Островскаго и А. А. Потѣхина. Не прошло послѣ того и мѣсяца какъ разразилась гроза. Изъ Перми явился губернаторскій чиновникъ. Оказалось, что въ данномъ случаѣ спектакли были приравнены къ незаконнымъ сборищамъ. Двое бѣдняковъ должны были оставить службу, остальнымъ сдѣлано внушеніе. Одинъ изъ первыхъ явился въ Пермь съ жалобою.

— Да ты актеръ, что ли? спрашиваетъ его губернаторъ. Каждый долженъ быть при своемъ занятіи. Актеръ — играй, рабочій — работай, конторщикъ — пиши по службѣ.

Такъ «Любима Торцова» и оставили безъ куска хлѣба.

Но возвращаюсь къ описанію башни.

Внизу — сырой казематъ какой-то — мрачный, какъ въ то время, когда его построили.

Сквозь заматовѣвшія стекла солнечные лучи какъ-то робко, нехотя проникали въ эту сырую атмосферу и, скользя по старымъ комнатамъ стѣнъ, точно пугаясь, замирали въ углахъ. Лѣстница съ разшатавшимися каменными ступенями шла вверхъ. Каждый шагъ мой болѣзненно звучалъ по ней. Отзывались имъ стѣны, эхо доносилось до какихъ-то таинственныхъ закоулковъ, кажется, что даже въ таинственныхъ подземельяхъ внизу звучали глухіе вопросы: кто тамъ?... Второй казематъ — поменьше перваго. Отъ него опять такая же лѣстница вверхъ. Вся эта каменная масса точно давить васъ, груди дышать тяжело. Чудится, что въ этомъ воздухѣ застыли испаренія крови. Кажется, что онъ, не всколыхнувшись, застоился со времени послѣдняго злодѣйства, совершеннаго подъ

этимъ сводами. И дѣйствительно, глядя на эти слоями пыли покрытыя бойницы, не вѣрилось, чтобы открывались когда нибудь пропустить живительную свѣжую струю вѣтра, привольно дующаго съ грозныхъ вершинъ Урала сюда, въ эти молчаливыя долины. Вверху пришлось уже цѣпляться по лѣстницѣ, на которой ступени провалились. Точно въ живомъ тѣлѣ зіяли раны. И только дойдя до конца, мы увидѣли солнце и голубое небо: прямо въ лицо намъ повѣялъ нѣсколько холодноватый, бодрящій воздухъ уральской осени. Намъ показалось, что вмѣстѣ съ этою башнею мы плывемъ среди необозримаго пространства, плывемъ съ этими синими вершинами, что окаймили горизонтъ, съ ихъ рѣзкими и могучими массами къ этому берегу, гдѣ наконецъ остановится нашъ каменный корабль. Вѣтерокъ игралъ зыбью едва-едва бѣгущею по свѣтлому пруду надъ прихотливыми извивами Нейвы, надъ кровлями безчисленныхъ домовъ и заводовъ... И вмѣстѣ съ нами плыветъ вся эта освѣщенная солнцемъ окрестность, всѣ эти церкви, зданія, поля и дуга. Недвижны только однѣ горы на рубежѣ видимаго простора. Въ сумрачномъ величїи виднѣется ихъ берегъ, и ждетъ насъ, ждетъ смѣлыхъ пловцовъ, несущихся къ нему. Мимо меня прорѣзали воздухъ ласточки... Тяжело взмахивая крыльями, пронеслась какая-то темная птица. И опять тишина, опять спокойствіе нерушимое. Мертвые внизу спятъ въ своихъ подземельныхъ мѣшкахъ и застѣнкахъ, а сама эта башня кажется мрачнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ надъ ихъ могилами. Безмолвные свидѣтели спятъ до поры до времени. Придетъ пора, когда и они откроютъ свои незрячія очи. И гдѣ тогда будетъ тотъ, кому исторія предъявить искъ по неоплаченному старому долгу... Она не знаетъ прощенія, не знаетъ пощады. Сотни лѣтъ пройдутъ неза-

мѣтно, сѣмя, брошенное въ будущее злымъ поступкомъ, зрѣеть долго, но вѣрно. Тутъ не бываетъ неурожая. Изъ зерна идетъ ростокъ, изъ ростка когда-то во Франціи поднялась гильотина. Какая жатва будетъ у насъ?

— Вы знаете почему, по народному толкованію, покосилась эта башня?

— Почему?

— Видите, грѣховъ на ней много. Потому и осѣла она.

Она сдѣлала наклонъ на юго-западъ на 2½ аршина при вышинѣ въ 28 сажень.

— А рухнетъ она тогда, когда на потомкахъ Демидова оправдается библейское изреченіе: око за око и зубъ за зубъ! Тогда въ ней и надобности не будетъ.

А пока стоитъ этотъ покосившійся мавзолей, эта каменная лѣтопись убійствъ и преступленій! Пока молчатъ его камни, молчатъ его казематы и подземелья!..

Когда мы проходили подъ стѣнами вниз и видѣли наклонившуюся надъ нами эту массу — становилось жутко поневолѣ. Такъ и казалось — сдвинется она съ мѣста и рухнетъ внизъ, похоронивъ и насъ подъ своими обломками.

Около башни — памятникъ Яковлеву.

Гранитный пьедесталь поддерживаетъ второй, изъ синяго мрамора; на немъ черная чугунная колонна съ бюстомъ Яковлева; сверху крестъ едва держится, такъ и кажется, что онъ слетитъ. На синемъ мраморѣ — бронзовый дубовый вѣнокъ. Кто-то нацарапалъ на мраморѣ юмористическую надпись: «Почтенному предку безутѣшные потомки». Потомъ, говорятъ, эта надпись была стерта.

Ужасное уныніе придаетъ окрестностямъ Невьянска отсутствіе лѣса.

Ни садика, ни рощицы — все голо, какъ голова совсѣмъ оплѣшивѣвшаго старика.

— У насъ чудесная рощица тутъ была, у самаго города. Веѣ туда ходили гулять.

— Куда же она дѣлась?

— И мѣсто было славное, красивое; тѣни много, вода шумѣла, сквозь листья едва солнце пробивалось. У насъ тогда управлялъ заводомъ Печаткинъ. Ему долго мозолилъ глаза этотъ послѣдній остатокъ старыхъ невьянскихъ лѣсовъ. А какъ освободили крестьянъ, Печаткинъ сейчасъ же велѣлъ на-голо вырубить всю эту рощу.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ никому не доставалась... Пусть, говорить, подь солнцемъ на лысинѣ гуляютъ.

Когда я проѣзжалъ около — одни безобразные пни сиротѣли на мѣстѣ, гдѣ еще двадцать лѣтъ тому назадъ шумѣли вершины толстыхъ старыхъ деревьевъ. По величинѣ этихъ пней видно, какіе это были почтенные ветераны прежнихъ невьянскихъ лѣсовъ.

— Дивно (много на мѣстномъ языкѣ) тутотка было прежде. Все порубили да сожгли. А то и на сторону продали. Теперь и бѣдуемъ!

Тутъ еще и не такія дѣла были. У одного завода, недалеко отсюда, стояла роща. Да тоже управляющій вырубилъ. Какъ вамъ кажется, зачѣмъ? Чтобы лишить возможности укрываться отъ работы крестьянамъ того времени. А то вотъ и еще компрочикесь — онъ снесъ прелестный боръ, куда ходили гулять окрестные крестьяне.

— Для чего?

— Для трезвости! Потому случалось, крестьяне туда водку носили.

Третій — распорядился съ эстетическою цѣлью. Роща, видите ли, мѣшала красотѣ окрестностей. Невольно вспоминается при этомъ рассказъ объ управляющемъ однимъ

изъ сѣверныхъ заводовъ. Около него былъ старый выхо-
ленный садъ. Онъ его снесъ подъ корень. Жена, видите
ли, у него была легкомысленная, такъ чтобы поменьше
оказывалось удобныхъ мѣстъ, гдѣ бы она могла шалить!

— У насъ народъ умный, всегда глупость сдѣлаетъ!
сообщили мнѣ здѣсь по этому поводу.

LIX.

Золотое дно. — Болотокмочевскій и Быльговскій пріиски. — Коннозаводская баба. — Рогожинъ.

Мы поѣхали въ Болотокмочевскій пріискъ, т. е. въ мѣстность, гдѣ прежде находился громадный прудъ, по величинѣ подходящій къ озеру. Какъ я уже говорилъ выше, его спустили и на днѣ нашли много золота какъ по ложу рѣки Нейвы, такъ и въ самыхъ обнажившихся такимъ образомъ берегахъ ея. Новое русло Нейвы прорыто въ сторонѣ.

— Это нашъ Суэзскій каналъ! улыбнулся Сомровъ, показывая мнѣ свою работу.

Пріискъ въ самой долинѣ. Кругомъ вершины Урала, точно онѣ надвигаются на нее отовсюду... Въ мглистое время почувдится, что кругомъ пріиска не каменные горы, а обложили его тяжелыя массы непроницаемыхъ тучъ. За то внизу кипитъ и шибко бьется всѣми своими безчисленными пульсами упорный трудъ человѣка. Вокругъ, на старыхъ берегахъ осушеннаго озера, вся мѣстность изрыта оставленными работами. Дѣды рылись здѣсь цѣлое столѣтіе, собирая золото съ поверхности, дѣти ихъ углубля-

лись въ почву аршина на два и считали это громаднымъ трудомъ, теперь идутъ на двѣнадцать и на пятнадцать аршинъ внизъ...

Искусственное новое русло Нейвы даетъ ту массу воды, которая необходима для промывки золотоносныхъ породъ.

— Теперь отправитесь на Быльговскій приискъ, тамъ вы увидите самую вымывку золота.

Онъ помѣщается недалеко. Въ немъ 386 человѣкъ ежедневно промываетъ семьдесятъ тысячъ пудовъ земли, добывая изъ нихъ по 8 фунтовъ золота.

Мы вошли въ заводскія каморы; у стѣнъ устроено нѣчто въ родѣ наклонныхъ корытъ, гдѣ промывается песокъ. Въ эти плоскодонныя посуды длинными ковшами сбрасываютъ сверху породу. Стоя по щиколку въ водѣ, голоногія бабы гребкомъ, или, по-мѣстному, пехломъ, передвигаютъ вверхъ и внизъ сброшенную массу по дну вашгера. Золото остается въ верхней части, а пустая порода — отдѣляется на другой край вмѣстѣ съ камнями.

— Какія сильныя, рослыя бабы, невольно замѣтилъ мой спутникъ.

— Это наша порода. Демидовъ здѣсь перемѣшалъ чуть ли не всѣ племена земныя, оттого и получились такія патанки.

Нужно признаться, что патанки эти, помимо своего роста, были очень красивы. Свѣжія здоровыя лица съ черными глазами, высокія груди, порывисто дышавшія на тяжелой работѣ, сильный складъ хорошо обрисованнаго тѣла...

— Тутъ вѣдь какъ бывало, во времена оны: нарочно рослыхъ на рослыхъ женили, для приплоду.

— Совсѣмъ какъ на конскихъ заводахъ!

— Въ старое, крѣпостное время занимались этимъ.

— Много ли они зарабатываютъ здѣсь?

— Наша баба — наживчица. Въ другихъ мѣстахъ ей и двадцати копѣекъ въ день не получить, а тутъ весь полтинникъ. Сработаетъ она столько же, сколько и мужикъ.

Три бабы, стоявшія около, были какъ на подборъ красавицы, не смотря на грубую работу и грязныя руки. Еще бы: имъ постоянно приходится имѣть дѣло съ мокрою землею. Илья Ильичъ Обломовъ навѣрное обратилъ бы свое вниманіе на удивительныя локти этихъ амазонокъ золотого дѣла. Одна изъ бабъ, разбиравшая попадавшіеся въ вашгеры камня, наклонилась и ловко, привычнымъ глазомъ замѣтивъ сразу, ловкохватила изъ массы кусокъ кварцу, прикинула его вѣсъ на рукѣ и подала управляющему.

— Что это? спросилъ я.

— Самородокъ.

При мнѣ потомъ золото освободили отъ кварца и оказалась лепешка въ тринадцать золотниковъ почти чистаго металла.

Потомъ мы перешли въ другое отдѣленіе золотопрывалень.

Сюда уже попадаетъ заполоскъ, т. е. остатки отъ промывки на главной машинѣ. Они были пропущены тамъ и черезъ грохотъ попадаютъ внизъ на вашгеры.

— Ему милости нѣтъ? смѣется коннозаводская баба около.

— Кому ему?

— А золоту-то. Его, какъ зайца баре, въ семи водахъ моемъ. Тамъ его умоемъ, здѣсь вымоемъ, да еще и опослѣ подмоемъ... Чистое оттого и прозывается. Бываетъ, что уже совсѣмъ вымоютъ землю, а старатели берутъ и еще разъ ее пропускаютъ въ своихъ матерахъ.

— Это что за матера?

— Тотъ же вашгеръ, только поменьше и ручной.

Въ вашгерахъ, когда пѣхлы или гребки сдѣлають свое дѣло, бабы берутъ дощечку «разбѣгалку» и собирають ею породу, слегка разбрасывая золото въ медленно текущей водѣ. Вода уноситъ постороннія частицы и на днѣ вашгера образуется легкій желтый налетъ. Той же разбѣгалкой отдѣляются камни помельче, взвѣшиваются и пустые сбрасываются внизъ, къ пустой или выметанной породѣ. Самое торжественное молчаніе царить здѣсь. Можно подумать, что подъ этими сводами совершается какое-то таинство. Вниманіе работницъ напряжено до послѣдней степени. Слышится только журчаніе воды, пробѣгающей по дну вашгеровъ, да поскребываніе гребковъ и разбѣгалки.

— У насъ какъ въ церкви!

— Золото крестимъ. Въ водѣ тоже! замѣчаетъ баба, выходя отдохнуть изъ своего отдѣленія.

— Только крестнымъ матерямъ ничего не достается! замѣтилъ я, глядя на латунныя сережки у ея ушей...

Золото подъ руками, кажется, а приходится довольствоваться мѣдью.

Вмѣстѣ съ золотомъ осаждается на дно вашгера и шлихъ, т. е. желѣзныя частицы, въ видѣ мельчайшихъ опилокъ.

Я это замѣтилъ только тогда, когда баба при мнѣ вооружилась громаднымъ магнитомъ.

— Это еще что?

— А вотъ козлищъ отъ овецъ отдѣлять будемъ сейчасъ, замѣтилъ управляющій.

Къ первой бабѣ присоединилась другая, и онѣ, нагнувшись головами одна къ другой, самымъ старательнымъ образомъ медленно начали помѣшивать золото магнитами. Разгонка шлиховъ была успѣшна, скоро на концахъ маг-

нитовъ образовался сѣрый налетъ. Желтая масса золота заблестѣла. Третья патагонка щеточкой стала сметать его въ одну кучу.

У старателей промывка идетъ нѣсколько иначе.

Они надъ своими матерями устраиваютъ желѣзное и частое рѣшето, на него валяютъ породу и насосомъ гонятъ воду. Двѣ бабы разбиваютъ подъ водою лопаточками землю, а третья глебломъ передвигаетъ падающую породу. На днѣ вашгера у старателей часто остается ртуть, соединяющаяся съ платиной и золотомъ.

Золото собирается на желѣзный обрѣзъ. Обрѣзъ подставляется подъ струйку воды, по немъ двигаютъ щеточкой, которою сгребали золото въ вашгерѣ. Если въ ея щетинѣ осталось золото — оно упадетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, которое на обрѣзѣ въ ковшѣ. Изъ ковша оно все постукаетъ въ ступку. Тутъ его толкутъ, тоже наполняя посудину водою; глинистыя частицы, еще содержащіяся въ золотѣ, при этомъ соединяются съ водою. Потомъ умытый такимъ образомъ металлъ опять сбрасываютъ въ вашгеръ, гдѣ опять идетъ его ручная «перемѣтка». Только послѣ этой, не знаю счетомъ какой перемывки — золото получаетъ названіе крупки, и изъ воды попадаетъ прямо въ полмя. На желѣзномъ ковшѣ его ставятъ въ жаровню, раздуваемую мѣхами, вода при этомъ испаряется — золото остается чистымъ.

При мнѣ въ такомъ ковшѣ высушили два фунта драгоцѣнной крупы.

— Не хотите ли такой кашки! Это уральское просо...
Шутили рабочіе.

— Что мы за повара! Далее пробовать не даютъ, каково-то на вкусъ.

— Да уже чего говорить... Скусна, безъ масла и то бы
взялъ!

— Подавишься!

— Будь спокоенъ... Слопаемъ. Дай только.

Разумѣется, при всѣхъ золотопромысловыхъ операціяхъ
принимаются предосторожности, предупреждающія всякую
возможность похищенія золота.

Мы двинулись къ дверямъ, когда на встрѣчу намъ по-
казался высокій сгорбленный старикъ.

— А, Иванъ Павловичъ! привѣтствовалъ его мой спут-
никъ. — Это наша знаменитость, шепнулъ онъ мнѣ.

— Кто такой?

— Рогожинъ. Старатель; онъ во всю жизнь перемылъ
болѣе 15 пудовъ золота одинъ. Получилъ за это до 50,000
рублей.

— А теперь?

— Теперь, разумѣется, нищій. На желѣзномъ дѣлѣ еще
удается откладывать, а золотоискатели наши всѣ конча-
ютъ сумою. Таково роковое вліяніе этого металла. Всѣ
они ничего не имѣютъ. То же и Рогожинъ.

Я вспомнилъ старика Жмаева, этого гениальнаго «сы-
щика» золота, если можно такъ выразиться, открывшаго
сотню богатыхъ розсыпей, сдѣлавшаго десятки людей мил-
ліонерами и пріютившагося теперь изъ милости въ бере-
зовскомъ заводѣ у Фохта!

Дѣйствительно, приходилось согласиться съ тѣмъ, что
въ добываніи золота лежитъ что-то роковое... Совсѣмъ какъ
по повѣрью: клады, зарытые убійцами съ страшными за-
клятьями и зарокami. И опять эти жалкія промытыя гор-
сточкі драгоцѣннаго металла возбуждали во мнѣ печаль-
ныя, скорбныя мысли. Сколько прольется крови, будетъ
совершенно низостей изъ-за этой ничего въ экономіи при-

роды нестоющей крупы, которую сквозь десятки вашгеровъ промыла какъ зайца красивая, сильная заводская баба!..

И недаромъ пришла мнѣ на память одна уральская легенда.

— Знаете ли вы что такое золотая жила? рассказывали мнѣ.

— Ну?

— Когда, святые люди загоняли чертей въ адъ, такъ они уходили туда сквозь гору. Ну такъ это слѣды ихъ остались тутъ. А золотая розсыпь — гдѣ отъ креста черти разсыпались прахомъ...

Легенда права, если судить о свойствахъ золота по странному его влиянію на родъ человѣческой.

Золотоносный песокъ доставляется сюда на телѣжкахъ, по сорока пудовъ груза въ каждой. Лошадь съ хозяиномъ и гонщикомъ оплачивается въ день тремя рублями. Трудъ этотъ самый мучительный, потому что бѣдному коню только приходится цѣлый день въѣзжать на крутую гору и спускаться по ней. Тѣмъ не менѣе, на это является много охотниковъ. При каждой телѣжкѣ долженъ быть накладчикъ и гонщикъ. Первый — взрослый, второй — малецъ. Большею частью идутъ на такой промыселъ отецъ съ сыномъ или мужъ съ женою. Мы еще издали слышали болѣзненное скрипѣніе колесъ, неистовые крики, ободряшіе спотыкавшихся и изнуренныхъ коней. Стонъ стоитъ надъ этимъ. Самая страшная, въ полномъ смыслѣ слова египетская работа, это — отвозка «эфеля», т. е. промытыхъ песковъ. Осенью ребятишки, даже 13 — 14 лѣтъ, исполняющіе эти уроки въ мокротѣ, въ грязи, зачастую убѣгаютъ домой, и не заманишь ихъ тогда на работу, несмотря на высокую для подростковъ плату 60 коп. за день. Отсюда тифы, лихорадки.

— Дѣйствительно, страшное дѣло! замѣчаетъ Сомровъ.

— Что же, развѣ нельзя какънибудь облегчать его?

— Отчего же. И мы придумали устроить рельсы, будемъ по нимъ отвозить этотъ песокъ въ ямы... Станетъ легче.

Станетъ легче! Когда рабочему будетъ легче? Всегда и вездѣ жалкій грошъ свой мы добываемъ цѣною нечеловѣческихъ усилий. Свое здоровье, здоровье своей семьи — тратятся человѣкомъ на возможность только сегодня не умереть съ голода. Что будетъ завтра — почему знать. Въ концѣ концовъ, получаютъ выродившіеся, слабые, болѣзненные, малокровные люди, съ безсильными мозгами, съ дряблыми мышцами, съ тонкими ногами и впалую грудью... костистые, неустойчивые! Какія нибудь коннозаводскія бабы — исключеніе. У нихъ сравнительно трата мускульной силы не такъ велика. Въ общемъ, куда ни оглянешься — на дальній ли сѣверъ, на знойный ли югъ — одно и то же.

Кое-какъ мы взобрались тоже наверхъ. Нога вязла въ мягкомъ влажномъ пескѣ; видимо, цѣлыя горы его были промыты, прежде чѣмъ ихъ свалили сюда. Грохотъ водокачки, взбрасывающей вверхъ цѣлыя разливы бѣлой отъ пѣны воды, заглушала здѣсь всѣ звуки. Мимо насъ измученные гонщики подвозятъ каждую телѣжку на платформу къ люку. Тамъ уже стоятъ двое приставщиковъ. Въ одно и то же время телѣжка опрокидывается и люкъ открывается. Масса золотоноснаго песку валится внизъ. Приставники сгребаютъ все, что осталось на краю и закрываютъ люкъ. На той же платформѣ — провалъ, въ провалѣ громадная чашка, по которой бѣгаютъ волки, т. е. жернова, размельчающіе каменья. Песокъ «мясниковатый»

идеть въ люкъ, а каменья въ проваль, въ чашку. Вокругъ чашки устроена кишка, пускающая внутрь нѣсколько струй воды. Изъ чашки протертая масса падаетъ на наклонную плоскость, гдѣ устроены продольные и поперечные бруски для задержки золота. Масса, лишенная его, мясниковина, эфель выбрасывается ниже, гдѣ ее складываютъ въ заводки и вывозятъ. Для этого подъѣзжаетъ конь, особый рабочій открываетъ «штырь» въ концѣ невысокой плоскости, и тотчасъ же въ телѣжку льется вода, сыплется эфель. Въ чашѣ повременамъ тоже открывается люкъ, куда и проваливается галечный кварць, безсодержательные каменья. Впрочемъ, и ихъ двое рабочихъ перебираютъ внизу лопаточками, отыскивая въ нихъ золото. Если ничего не оказалось — вся эта масса проваливается въ слѣдующій люкъ на землѣ. Отсюда «пустую» породу уже доставляютъ на особый «отводъ».

Трудно наглядно представить себѣ все это въ высшей степени сложное и запутанное дѣло. Ясно только одно, что малѣйшій камешекъ здѣсь, прежде чѣмъ его признаютъ совсѣмъ нестоющимъ вниманія, побываетъ въ нѣсколькихъ рукахъ и подвергнется всевозможнымъ мытарствамъ. Такъ, напримѣръ, провалившійся сквозь правый люкъ песокъ съ каменьями, прямо по наклонной плоскости, падаетъ въ вращающійся цилиндръ — бочку или бутарь. Вмѣстѣ съ ними, онъ сильно вертится, причемъ, конечно, камни выбрасываются внаружу, на вторую платформу, гдѣ уже находятся трое рабочихъ. Они ищутъ между этими выкидышами самородковъ. Если на свое счастье золотоискатель найдетъ кусокъ золота, то сверхъ поденной платы онъ получаетъ еще по 85 коп. за каждый золотникъ. Случалось здѣсь добывать такимъ образомъ куски золота по фунту и болѣе, вкрапленные въ кварць.

Туть, кажется, находишься въ настоящемъ аду. Грохоть глушить самые притерпѣвшіяся уши. Грохочеть вверху водяная машина, грохочуть бутора, вращающіеся съ страшной силой, грохочуть выбрасываемые ими камни, грохочеть обрушивающаяся внизъ по наклонной плоскости порода... Какое-то сильное движеніе, какой-то до одуренія доводящій шумъ! точно цѣлый городъ рушится кругомъ, точно разсѣдаются каменные горы и, освобожденныя изъ заключенія, воды стремятся съ торжествующимъ ревомъ на трескающуюся и обваливающуюся землю. Переставешь понимать, что туть дѣлается, мозгъ ничего не соображаетъ, спѣшишь только поскорѣе уйти отъ этой музыки золотого дѣла подальше, завидуя рабочимъ, которые при этихъ невозможныхъ условіяхъ стоятъ себѣ невозмутимо и въ высшей степени внимательно дѣлаютъ свое... Камни, изслѣдованные такимъ образомъ, гальку, лопатами сбрасываютъ сквозь открытый желобъ прямо въ телѣжки. Изъ бочки бутора песокъ выкидывается внизъ сквозь рѣшетки по наклонной плоскости съ переборомъ, гдѣ остается золото и проходитъ болѣе легкая порода.

Мелкая порода эта и поступаетъ уже въ отдѣленіе, гдѣ въ вашгерахъ описанныя нами коннозаводскія бабы дѣлаютъ свое дѣло, промывая этотъ песокъ.

Эфельщикамъ приходится стоять по колѣни въ жидкой грязи.

Въ холода это ужасно; и довольно посмотрѣть на несчастныхъ, чтобы понять, какой цѣной достаются имъ ихъ сравнительно большіе заработки.

Послѣ всевозможныхъ операций, полученное золото сдается въ контору. Каждый золотникъ его обходится ей въ 2 руб. 6 коп., къ этой цифрѣ нужно прибавить еще 46 — 50 коп., которыя тратятся на приготовительныя ра-

боты, на устройство завода. Казна за чистое, химически изслѣдованное золото платитъ 3 руб. 65 коп., здѣшнее же обыкновенно 86—87 пробы. Остальные 13% — платина, серебро, такъ что за здѣшнее, шлиховое золото заводъ получаетъ самъ отъ правительства 3 руб. 16 коп. Обыкновенно здѣсь ежедневно (въ Быльговѣ) промывается до 7 ф. металла, но бываютъ особенно удачные дни. Такъ, напримѣръ, въ этомъ 1876-мъ году было недавно три подъ-рядъ:

15-го іюня изъ 53,000 пудовъ земли вымыто 19 ф. 70 золотниковъ золота.

16-го іюня изъ 49,900 пудовъ земли вымыто 26 ф. 80 золотниковъ золота.

17-го іюня изъ 52,000 пудовъ земли вымыто 19 ф. 32 золотника золота.

Мнѣ показали здѣсь два крупные самородка. Одинъ — лепешка въ 5 фунтовъ вѣса, другой меньше, весь почти залитый кварцемъ. Самый большой изъ извѣстныхъ въ Россіи — въ Петербургѣ; онъ вѣситъ 3 пуда 37 фунтовъ.

Невдалекѣ отсюда Виліойскій рудникъ. Онъ принадлежитъ къ этой же заводской дачѣ, чрезвычайно богатой; онъ основанъ былъ незадолго до моего пріѣзда, но изъ него было уже добыто до шести пудовъ драгоцѣннаго металла.

— Богъ знаетъ, какъ это у васъ совершается; покойно говорить о пудахъ золота. Точно это булыжникъ, замѣтилъ мой спутникъ.

— Когда имѣешь съ нимъ дѣло, остаешься вполне равнодушнымъ.

— Ну, когда-то, во времена оны, не мало прилипало къ рукамъ.

— Въ ущербъ казнѣ? Еще-бы. Вы то возьмите, что

надзиратели и смотрители пріисковъ получали отъ 7 — 10 р. жалованья въ мѣсяцъ. Значить прямо имъ говорили — воруйте!..

Осмотрѣвъ все, что можно было осмотрѣть, мы двинулись дальше въ Тагиль.

Кони были готовы, почтовые, жалкіе, измученные.

— Что это они у тебя? обращаюсь къ ямщику.

— Да всю спинушку оборониль... Бѣднота насъ ѣсть.

Весь Невьянскъ уже тонулъ въ голубыхъ сумракахъ вечера.

Косая башня его казалась еще грандіознѣе. Пики и кряжи Урала медленно уходили въ царство неоглядной ночи... Издали, изъ-за полей — слышались пѣсни.

— Кто это поеть.

— А бабы, которыя цѣлый день работаютъ на заводѣ.

— Неужели у этихъ коннозаводскихъ амазонокъ, двѣнадцать часовъ простоявшихъ босикомъ въ водѣ, не разгибавшихъ спину — хватить еще охоты и силы пѣть?

— Она послѣ работы у насъ баба бѣшенная!.. На парня такъ и идетъ сама... Отойти отъ истомы, отъ натуги надо ей... Разогнуться!

LX.

Уральская ночь. — Цифры. — Земля безъ шубы. — Обороты заводовъ. — Прекращеніе корреспондентовъ. — Музыка труда. — Добродѣтели желѣзнаго и пороки золотого дѣла. — Платина.

«У насъ народъ стойкій, не гулевой... Говорилъ мнѣ одинъ изъ тагильскихъ крестьянъ». «Мы не то, что по прочимъ мѣстамъ. Оно точно и намъ потачки не бываетъ... Рабочему человѣку гдѣ хорошо? Въ царствіи небесномъ только. И насъ тоже вороги наши — зубами рвутъ. И штрафой этой донимаютъ, поборами. А и нажива-то наша какая: одна — съ голоду не помереть! Сказываютъ, эвона какія деньги начальство заводское загребаеть. Ну да что же! — а только душа у насъ не обмякла, гордость эту еще въ себѣ дѣржимъ. Мы работать согласны, и грабь ты насъ, коли въ тебѣ совѣсть что лаханъ поганая да кривая, а только душу мы тебѣ свою не отдадимъ. Душа у насъ дорогая, ни по какой цѣнѣ не ходитъ. Насъ хотѣли было золотымъ гвоздемъ прибить... какъ книжку эту вводили, но только мы и на золотой гвоздь не согласны. Сколько у насъ бунту изъ-за этого золотого гвоздя вышло. Большой шумъ былъ и понынѣ еще за него что нашихъ въ Сибирь угнато!.. А только мы не согласны».

И потомъ сколько мнѣ ни приходилось сталкиваться съ тагильскими крестьянами, я всегда убѣждался, что они хотя и мрутъ на работѣ, создавая миллионы владѣльцу и тысячи его агентамъ, а совѣсти все-таки не продали и при каждомъ случаѣ отстаиваютъ свое человѣческое достоинство. По пути въ Тагиль мой спутникъ рассказывалъ мнѣ подробно знаменитую исторію золотого гвоздя, о которой я говорилъ уже выше. При освобожденіи крестьянъ хотѣли ихъ работы оформить здѣсь рабочей книжкой. Посредникъ, желая попонятнѣе объяснить народу что это такое, сообщилъ:

— Къ заводамъ до сихъ поръ были вы прибиты желѣзнымъ, а теперь мы вобьемъ золотой гвоздь.

Спустя сутки — по селу волненіе. Бабы галдятъ, старики орутъ тоже.

— Что такое? — добивается посредникъ.

— Не хотимъ золотого гвоздя!

И начался бунтъ, изъ-за рабочихъ книжекъ!

Въ это-то царство, гдѣ крестьянинъ прибитъ теперь къ заводамъ золотымъ гвоздемъ, мы ѣхали въ сумрачную, холодную ночь. Близость осени уже давала себя знать. Съ вечера начался мелкій дождь, и сквозь сѣрую пелену его мелькали по сторонамъ силуэты какихъ-то горъ, хмурились ошестинившіяся темными лѣсами сѣдловины, у самой дороги, словно въ ожиданіи насъ, притаились каменные холмы, казавшіяся хребтами сказочныхъ чудовищъ. Узловатыя вѣтви деревьевъ протягивались въ воздухъ, точно хотѣли во что бы ни стало дорваться до насъ. Мы спустились въ дикія, чрезвычайно красивыя днемъ долины, по которымъ текутъ золотоносныя рѣчки, а черезъ нѣсколько минутъ бойкіе уральскіе кони вносили насъ въ темную дрему неподвижнаго лѣса, взбѣжавшаго на холмы. Иногда

во мглѣ тускло мигали намъ костры обозчиковъ, «притулившихся» на ночь, на мокрой землѣ подъ мокрыми деревьями. Двадцать восемь верстъ шла одна пустыня, безлюдная, ни села въ сторонѣ, ни хаты. Какъ при Ермакѣ было, такъ и теперь осталось. Добрались до большой деревни Анатольевской и вся она «обмокшая» подъ дождемъ, казалось, вздрагивала отъ холода, проникавшего сквозь ея лохмотья, т. е. дырявыя кровли избъ, выбитыя окна, обвалившійся заборъ. Кое-гдѣ робко-робко, едва приподнимая сонное вѣко, взглядывалъ на насъ огонекъ, чтобы тотчасъ же зажмуриться, точно онъ пугался этого сумрака, этой мглы, этого дико свиставшаго по безмолвнымъ улицамъ вѣтра.

Душная, вонючая станція. На стѣнѣ зеленый Кутузовъ на красной лошади и почему-то портретъ дѣвицы де-Монтеспанъ... Обшмыганная, засаленная книжка, «Виконтъ де-Бражелонъ», вмѣстѣ съ этимъ портретомъ свидѣтельствовали объ изящныхъ вкусахъ станціоннаго смотрителя. Нѣсколько глотковъ горячаго чая, ругань ямщиковъ во дворѣ, звуки затрепачи за тонкою стѣною и опять дорога, опять дождь, опять мокрыя деревья, мокрыя скалы, мокрыя села — такъ вплоть до самаго Тагила

— Сейчас прїедемъ! — будить меня спутникъ.

Нехотя раскрываю глаза. Огоньки мелькаютъ вдаль, какіе-то каменные трехъ-оконные кубики, бѣлые съ высокими кровлями, пустынные площади, потомъ опять кубики. Нѣсколько разъ насъ проглатывали пустыри, мы съѣзжали куда-то внизъ и опять, цѣпляясь по крутымъ скатамъ, всползали вверхъ; подъ колесами нашей телѣги дребезжали мосты и вотъ, наконецъ, направо и налево раскинулся самый Нижній Тагиль со своими палатками и избами, массаами лавокъ, гостинымъ дворомъ и какимъ-то памят-

никомъ, который показался намъ закутавшимся въ холодное пальтишко и дрожавшимъ отъ холода нищимъ.

— Гдѣ остановиться здѣсь?

— Да вотъ. Одна пока и есть гостинница, — показали мнѣ... Только пустятъ ли?

— Что?

— Говорю, пустятъ ли?.. Потому у нихъ тоже... Спать залягутъ — жди утра.

Стучались, стучались, наконецъ судьба смиловалась. Мы съ удовольствіемъ почувствовали себя не на холоду и не подъ дождемъ. На стѣнахъ нашего номера почему-то висѣла карта Индо-Китая и написанный масляными красками круторожій купецъ съ выпученными глазами и золотой медалью. Подъ нимъ подпись: «и удостоенъ многими заграничными кавалеріями, а также 25 января 1869 года видѣлъ Римскаго папу и къ цѣлованію руки его былъ допущенъ, а въ семидесятомъ обѣдалъ съ министрами». Фамилія этого знатнаго иностранца оказалась неизвѣстной.

Тагиль — является столицей Демидовскаго царства. Прежде чѣмъ перейти къ бытовымъ очеркамъ его и картинамъ производства, я попрошу у читателей позволенія привести здѣсь нѣсколько цифръ, дающихъ нѣкоторое понятіе о размѣрахъ этого «железнаго» края, объ этой колыбели миллионъ, которая создала громадныя богатства для однихъ и задушила въ ежовыхъ рукавицахъ безотходнаго и непосильнаго труда сотни тысячъ рабочихъ, еще недавно бывшихъ почти рабами и только теперь начинающихъ дышать посвободнѣе.

Нижне-Тагильскій заводскій округъ состоитъ изъ восьми главныхъ центровъ: собственно Нижне-Тагильскаго съ Анатолійскимъ, Нижней Салды, Верхней Салды съ Исинскимъ

заводомъ, находящимся около Черно-Источинскаго, съ ближайшими къ нему Антоновскимъ и Авроринскимъ заводами, Василе-Уткинскаго съ Усть-Уткинской пристанью, на р. Чусовой, Василе-Шайтанскаго, Лайскаго и Выйскаго. Подъ строеніями различныхъ заводовъ здѣсь занято 430 десятинъ земли; подъ пашнями, покосами, состоящими въ распоряженіи завода, 3,764 десятины; подъ дорогами, рѣками, озерами, болотами — 21,883 десятины; въ пользованіи государственныхъ крестьянъ — 12,494 десят. Лѣсовъ нижнетагильскихъ, спѣлыхъ, годныхъ на дрова, уголь и строенія — 250,000 дес. Подъ молодымъ и приспѣвающимъ лѣсомъ — 332,136 десятинъ, причемъ общій ежегодный приростъ лѣса здѣсь равняется 160,000 куб. сажень.

Рудники:

Желѣзные дѣйствующіе — 3 (4 квадр. версты); не дѣйствующіе пока, но уже извѣстные — 23 (16 квадр. версты).

Мѣдные дѣйствующіе — 1 (1 квадр. верста); не дѣйствующіе пока, но уже извѣстные — 28 (22 квадр. версты).

Марганцовые дѣйствующіе — 1 (1 квадр. верста); не дѣйствующіе пока, но уже извѣстные — 28 (22 квадр. версты)-

Огнеупорной глины дѣйствующіе — 1 (1 квадр. верста); не дѣйствующіе пока, но уже извѣстные — 1 (2 квадр. версты).

Формовальнаго песку — 2 (2½ квадр. версты).

Извести — 1 (1 квадр. верста).

Горнаго камня — 2 (2 квадр. версты).

Жильнаго золота — 2 (длина изслѣдованнаго 50 саж., шир. 6 вершковъ).

Золотоносныхъ розсыпей — 26 (2 квадр. версты) 83.

Серебро развѣдывается и найдено.

Платины — 4 квадр. версты 17.

А вотъ, напримѣръ, цифры производительности этихъ заводовъ: въ одинъ годъ выплавлено чугуна на нихъ 2.350,000 п., мѣди 57,000 п., чернового желѣза 1.926,300 п.; изъ этого приготовлено отдѣланнаго 1.168,700 п. и стали цементной 29,100 п.; добыто золота 10 п., платины 52 п. Чтобы получить все это, нужно было проплавить: желѣзныхъ рудъ 3.501,784 п., мѣдныхъ 2.316,400 п.; угля древеснаго пошло при этомъ 180,500 коробовъ, причемъ каждый длины 3 аршина, высоты — аршинъ, ширины — 2 аршина. Дровъ въ саженьяхъ: куренныхъ 70,000 куб. саж., обжигательныхъ 50,000 куб. сажень, да для жителей пошло около 40,000 куб. саж., въ томъ числѣ строевого лѣса 40,000 штукъ и на дѣйствіе завода 30,000 штукъ. Барокъ для сплава металла куплено 90, полубарокъ 35. Лѣсъ здѣсь такъ дорогъ и имъ настолько скупаются, что въ Нижнемъ Тагилѣ своихъ барокъ вовсе не строятъ; со времени учрежденія пароходнаго судоходства по Чусовой суда для сплава металловъ, взамѣнъ старыхъ и разбившихся, покупаются въ Перми и доставляются бичевою. Коломенки вверхъ поднимаются такимъ образомъ съ разобранными и сложенными на нихъ полубарками. На пристаняхъ послѣднія опять собираются. Только въ исключительныхъ случаяхъ, когда купленныхъ судовъ оказывается недостаточно, заводоуправленіе строитъ нѣсколько своихъ.

— Лѣсъ лучше чужой покупать, чѣмъ свой тратить.

— Почему?

— Да что-жь, вырубить-то не трудно... Когда онъ только опять подымется? То сообразить нужно — что и безъ того вездѣ уже съ земли шубу сняли — дебри наши кондовья, вѣковья снесли прочь... Ну и озябла она —

земля-то, мерзнетъ, а согрѣться ей не въ немъ. Потому и хлѣба она родить меньше, и трава на ней родится самая ничтожная да чахлая. Я еще помню времена, когда по всѣмъ нашимъ горамъ дубравы шумѣли, ручьи весело сбѣгали внизъ, гдѣ въ падяхъ да понизяхъ сочная трава щетиной стояла... Теперь скоту какое пространство выѣсть надо, чтобы сытымъ быть? Вы сосчитайте, сколько надо луга нынѣ на небольшое стадо, сравнительно съ прежнимъ. А все почему — шубу съ земли сняли, ну и остудилась она...

— А вотъ подъ Екатеринбургомъ начальство нарочно березы вырубилло, чтобы не мѣшали солнцу грѣть землю.

— У насъ лучше дѣла были: становой одинъ просилъ разрѣшенія въ Павдѣ лѣса сжечь.

— Для чего?

— Для болѣе точнаго наблюденія за жителями!

Я расхохотался.

— Такіе ли еще бывали!..

Чтобы кончить съ заводскою ариеметикой, нужно привести еще нѣсколько цифръ. Мѣстное управленіе состоитъ изъ 628 человекъ, получающихъ 304,132 р.; по училищамъ — преподавателей 32; по госпиталямъ — врачей, ихъ помощниковъ и служителей 26. Рабочихъ — 12,000, которымъ въ теченіе года уплачивается 1.801,800 р. Содержаніе: церковей и причта обходится владѣльцу въ 17,250 р., школъ и классовъ грамотности вмѣстѣ съ Нижне-Тагильскимъ реальнымъ училищемъ — въ 19,370 р., пріютовъ — 2,580 р., госпиталей и аптекъ — 26,660 р., престарѣлымъ рабочимъ выдается хлѣба 15,054 п. и деньгами 10,277 р., пенсій выдается 13,000 р. Сверхъ упомянутого нами числа рабочихъ при золотыхъ и платиновыхъ приискахъ числится еще около 750 старателей, отъ-

искающихъ металлъ гдѣ имъ угодно и разрабатывающихъ его съ тѣмъ условіемъ, чтобъ за опредѣленную плату отдавать его непременно Нижне-Тагильскому управленію. Центральное заводоуправленіе обходится въ 77,202 р., содержаніе главнаго заводскаго дома — 10,583 р., содержаніе остальныхъ зданій — 11,000 р., почтъ — 9,772 р., дорогъ и мостовъ — 14,318 р., пожарная команда — 6,000 р., розысканіе рудъ и новыхъ россыпей ежегодно обходятся въ 4,885 р., конторы и магазины — 111,544 р., газъ, плотины, водопроводы ежегодно требуютъ 34,562 р., лѣсная стража — 29,636 р. Округъ въ 1875 г. платилъ пошлины: съ чугуна — 63,520 р., мѣди—57,000 р., золота—16,902 р., платины — 17,815 р., пошлинъ лѣсныхъ—1,855 р., земскихъ—24,000 р.

Производство въ Тагилѣ ведется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: металлъ плавится здѣсь въ трехъ доменныхъ, четырехъ вагранныхъ, двухъ отражательныхъ для переливки чугуна и двухъ пудлинговыхъ печахъ. Всѣ эти каменные утробы обладаютъ такими аппетитами, что въ своихъ пастяхъ онѣ, кажется, могли бы пережевать всѣ уральскіе лѣса. Сверхъ перечисленныхъ здѣсь, еще огнемъ пышутъ и тоже перевариваютъ металлы печи сварочныя Беоціуса, желѣзо-нагрѣвательныя, сталетомительныя и Богъ знаетъ какіе еще горны. Когда огонь въ нихъ сдѣлаетъ свое дѣло, начинается работа безчисленныхъ обжимочныхъ, гидравлическихъ, паровыхъ и пестовыхъ молотовъ; сбитое ими въ правильные комья желѣзо идетъ подъ дощатые и гладильные молоты, чтобы изъ-подъ нихъ попасть или въ прокатныя машины, или въ склады. Я не перечисляю здѣшнихъ машинъ, пыхтѣніе, грохотъ, свистъ которыхъ вмѣстѣ съ шорохомъ ремней, вздохами и криками стали подъ паровыми пилами, визгомъ желѣза, въ твердое тѣло котораго ввертывается съ головокружительной быстротой

еще болѣе крѣпкій бурь, шумомъ воды, сбѣгающей съ колоссальныхъ гидравлическихъ козелъ, — являются музыкою труда, гораздо болѣе пріятной для нѣкоторыхъ ушей, чѣмъ настоящая; по крайней мѣрѣ таковъ былъ мой спутникъ.

— Лучше иной оперы! — восторгался онъ. Ишь наше сопрано визжитъ, слышите? — указывалъ онъ на сталь, такъ плакавшуюся и жаловавшуюся на пилы, брусья и буры, ввертывавшіеся въ нее, стругавшіе ее отовсюду; самые лучшіе рабочіе у насъ на этомъ дѣлѣ стоятъ. Вы вѣдь знаете: тотъ матеріаль, надъ которымъ вы трудитесь, кладетъ свой отпечатокъ на васъ. Я наблюдалъ здѣсь да и въ другихъ мѣстахъ. Имѣете вы дѣло съ деревомъ, и у васъ образуется характеръ мягкій, уступчивый. Всѣ столыры здѣсь — и кротки, и тихи. Жены надъ ними владываютъ, обижаютъ даже, случается. Возьмемъ тѣхъ, которые съ желѣзомъ возятся — эти тверды, неуступчивы, на каждомъ шагу счумѣютъ отстоять свое достоинство. Дома у себя они — ничьей иной воли не признаютъ. Ну, а вотъ кто съ золотомъ — тотъ совсѣмъ пропащій народъ. Признаюсь, у насъ неохотно и разрабатываютъ его, не смотря на всѣ выгоды. Въ годъ мы добываемъ, случается, до восьми пудовъ. Въ этомъ больше трехъ не будетъ.

— Что же, рудники истощились?

— Зачѣмъ имъ истощаться! Рабочіе портятся на золотомъ дѣлѣ страшно. Между ними развивается повальное пьянство, всевозможные пороки и преступленія. Здѣсь, напримѣръ, у насъ баба скромна, а попадетъ она на старательскія работы крупку золотую мыть — первой развратницей дѣлается. Самые стойкіе мужики, завѣдомо трезвые, возвращались съ золотой работы — запойными. И зарплата больше — богатѣть бы должны, а рабочій на желѣзныхъ заводахъ всегда состоятельнѣе много получаю-

щаго старателя. Посмотрите избы золотоискателей и тѣхъ, которые разрабатываютъ мѣсторожденія этого металла. Дошло до того, что на себѣ живой нитки нѣтъ, только колѣни и локти сквозь прорѣхи смотрятъ; а намоевъ золота — сейчасъ же въ штоссъ.

— Какъ въ штоссъ? Крестьяне?

— Да!.. Поэтому мы и неохотно беремъ за золотое дѣло. Ради чего же портиться населенію? Вотъ разработка платины совсѣмъ иная.

Платинныхъ приисковъ здѣсь разрабатывается очень мало. Изъ нихъ самый богатый — Авруринскій, по р. Мартьяну. Прежде годовой оборотъ давалъ около ста и ста пятидесяти пудовъ этого металла, теперь иногда не бываетъ и шестидесяти, потому что дѣло это крайне трудное. Иной разъ надо промыть семьдесятъ пудовъ породы, чтобы получить золотникъ платины. Въ самыхъ лучшихъ рудникахъ ея на 4,200 пудовъ выметанной почвы приходится 90 золотниковъ металла. Работою этою занято здѣсь 226 человекъ. Старатели (вольные, отыскивающіе за свой счетъ металлъ) получаютъ отъ завода за каждый золотникъ его 24 коп., тогда какъ за золото — 2 рубля. Понятно, что они не такъ охотно идутъ на платинное дѣло. Многого здѣсь не возьмешь. Взрослые и сильные рабочіе не получаютъ въ день болѣе 60 коп., а женщина, хотя бы она сдѣлала столько же, — 25 кон. Очистку платины производятъ здѣсь вмѣстѣ съ золотомъ, заливая ихъ ртутью и водою. Промывъ всю эту грязную массу, удаляютъ вмѣстѣ съ водою постороннія примѣси. Ртуть соединяется съ золотомъ, а платина остается отдѣльно. Затѣмъ золото съ ртутью процѣживается сквозь полотно. Ртуть уходитъ сквозь него, золото оказывается въ платкѣ, но покрытое амальгамой, которая удаляется просто вытираніемъ металла.

LXI.

На Выйскомъ заводѣ.

Тагиль нельзя считать селомъ или только заводомъ. Это большой городъ съ сорокатысячнымъ населеніемъ, хорошо обстроенный и прекрасно содержимый. Онъ очень красивъ, если смотрѣть на него съ каменныхъ скаль, находящихся около. Направо, внизу, массы домовъ точно сбѣгаются къ красивому собору и церквамъ, позади — грандіозная панорама уральскихъ вершинъ. Прямо передъ вами — гора Высокая, этотъ сплошной желѣзный рудникъ. Какъ Благодать, такъ и она, просто-на-просто, представляютъ массу руды, заключающей до восьмидесяти пяти процентовъ чистаго металла. Ее снимаютъ слоями сверху. Тутъ не надо ни углубляться внутрь, ни рыть себѣ червеобразныхъ ходовъ и жить въ землѣ, чтобы добыть необходимую породу. Бери ее откуда хочешь — съ вершины, съ откосовъ, снизу... Высокая представляетъ собою громадное богатство, принадлежащее нѣсколькимъ владѣльцамъ. Между ними наиболѣе крупные, разумѣется, Демидовы, хотя въ 150 лѣтъ они не выработали здѣсь и шестой доли своего участка. На этой горѣ поднимается

много дымковъ; надъ ея прослойками возятся сотни рабочихъ, грузя руду на телѣжки для подвоза къ доменнымъ печамъ. Ближе Высокой горы — озеро, которое сегодня все зыблется и мерцаетъ подъ яркимъ свѣтомъ солнца. У самаго берега большое село Гальяны... Дали отовсюду заставлены могучими, суровыми массаами горъ. Онѣ придаютъ удивительное величіе этому сѣверному пейзажу. Будь поярче краски, попышнѣ зелень, поголубѣ небо, не проносись порою въ восточномъ вѣтрѣ такая холодная струйка воздуха, можно было бы подумать, что какая нибудь благодѣтельная фея перенесла тебя далеко-далеко, на теплый югъ, гдѣ, вмѣсто этихъ пихтъ, едва-едва колышутся тонкія вершины тополей и кипарисовъ, гдѣ съ горъ вѣетъ ароматомъ дикихъ цвѣтовъ, гдѣ тихія воды дремотно ластаня къ теплomu берегу, гдѣ сонно скользятъ по ихъ лазури золотые лучи не нашего сѣвернаго солнца...

Не успѣлъ я еще насмотрѣться на эти, казалось, все больше и больше хмурившіяся дали горнаго пейзажа, какъ меня окликнули.

— Можно ли увлекаться природой, когда васъ на Выйскомъ рудникѣ ждутъ?

Немного къ сѣверу отъ Тагила, при впаденіи въ мѣстное озеро рѣки Выи, находится большой заводъ того же имени.

Мы мигомъ дошли до него мимо длиннаго ряда почти непрекращавшихся построекъ и домовъ. Подъ навѣсомъ горбились цѣлыя горы бурой земли съ множествомъ зеленыхъ каменьевъ, поблескивавшія кое-гдѣ колчеданомъ. Только на вѣсь, на ладони, можно было убѣдиться, что здѣсь находится металлъ. Кое-гдѣ попадаются тутъ и куски малахита, идущаго на разныя подѣлки, на краску..

Сверху на этихъ горбахъ изрѣдка выдѣлялась розовая тальковая масса. Самую руду не трудно по виду отличить отъ бураго желѣзняка. Всѣ кучи шлаковъ — съ замѣтнымъ мѣднымъ блескомъ купферштейна. Ихъ здѣсь не выкидываютъ; они идутъ въ плавку вмѣсто флюсовъ. Руда отбрасывается въ маленькія, эллиптическія печи на слой древеснаго угля. Все это ярко горитъ зеленымъ, изумруднымъ пламенемъ, переходящимъ иногда въ нѣжно-розовый цвѣтъ. За одинъ разъ, на одну «колошу» насыпается четыре рѣшетки угля ($\frac{1}{4}$ короба) и отъ 16 до 18 п. руды, смѣшанной съ шлаками, помогающими ей плавиться. Печи устроены такъ: вверху, куда бросаютъ руду: — колошникъ, внизу — два жерла (въ сущности — одно, но раздѣленное на-двое). Холодный воздухъ снизу проникаетъ въ печь, вверху нагрѣвается въ колошникѣ и потомъ, уже нагрѣтый, гонится внизъ. Всѣхъ печей здѣсь пять эллиптическихъ, двѣнадцать малыхъ и двѣ большихъ. Работаютъ на всѣхъ — пустующихъ нѣтъ. Надъ печками — желѣзная кровля. Ходъ въ печь устроенъ внизу, подъ землей; трубы съ нагрѣтымъ воздухомъ проходятъ внизъ и проводятъ жаръ прямо въ уголь. Изъ большой трубы такой нагрѣтый воздухъ проходитъ сквозь шесть отверстій тонкими второстепенными трубами въ фурмы, въ уголь и руду, которая, по мѣрѣ плавки, опускается вмѣстѣ съ жидкими шлаками, на лещады. Шлакъ, какъ болѣе легкій, всплываетъ наверхъ и, поспѣвъ, сквозь тонкій выходъ, красной огненной струей льется въ желѣзные ковши на колесахъ, озаряя окружающій мракъ багровымъ свѣтомъ внизу, въ то время, какъ въ вышинѣ во тьму, густящуюся надъ кровлей, рвутся изъ колошниковъ зеленые и розовые языки насыщеннаго газомъ пламени. Когда шлаки выпущены, печь настается, т. е. жидкую руду въ

ней болтають съ углемъ, потомъ желѣзными лопатами выгребають раскаленную пѣнку, плавающую на поверхности руды. На противоположной сторонѣ печи изъ устроеннаго тамъ выхода уже для металла выгребають сначала угли, потомъ желѣзнымъ ломомъ пробивають отверстіе въ твердой массѣ застывшаго шлака, и когда въ немъ вспыхнетъ словно красное, налившееся кровью око, — рабочіе отходятъ прочь. Сначала въ эту дыру бѣжитъ багровая струя шлаковой лавы, потомъ въ ней начинаютъ вспыхивать бѣлые огоньки... Огоньки чаще и чаще. Румянецъ пропадаетъ, лава блѣднѣетъ, и, наконецъ, летится сплошная, ослѣпительно бѣлая, жидкая мѣдь...

— Вотъ, оно, молочко какое... шумять рабочіе.

— Похлебай, похлебай-ка его!

— Безъ хлѣба-то?

— А для этого молочка-то и желѣзный ломъ за хлѣбъ сойдетъ!

Штатъ каждой печи въ смѣну: подмастерье, двое рабочихъ и откатчикъ. Работа идетъ у нихъ круглый годъ, приче́мъ первый, т. е. подмастерье, получаетъ въ день по 70 к. (въ праздникъ — по 1 р. 5 к.), вторые по 50 к. (въ праздникъ — по 75 к.), откатчикъ со ста пудовъ шлаковъ рудныхъ — 11 $\frac{3}{4}$ к., росштейныхъ — 15 к., потому что послѣдніе требуютъ болѣе аккуратности. Всего откатчикъ въ день зарабатываетъ 40 к., а въ праздникъ — 60 к...

Типы рабочихъ весьма интересны. Все это изрѣдка оживляющійся, но обыкновенно сумрачный и молчаливый народъ. Грешневики сползли на затылокъ, открывая потные, покраснѣвшіе точно мѣдь лбы; лица — будто онѣ обожжены на этомъ вѣчномъ огнѣ искусственныхъ вулкановъ. Посконныя рубахи взмокли совсѣмъ... «Поть-то у насъ соленый — до измору работаемъ!» — услы-

шите вы здѣсь. Одинъ бокъ, плечо и рука закрыты чѣмъ-то въ родѣ фартука съ наруканникомъ, потомъ надѣтъ настоящій фартукъ съ нагрудникомъ — запономъ... Есть что-то фантастическое въ этихъ черныхъ силуэтахъ, снующихъ подъ краснымъ, зловѣщимъ отблескомъ лавы, выдвигающихся изъ тьмы и снова уходящихъ въ нее. Кажется, будто тьма ихъ рождаетъ, и, умирая, они опять обращаются въ тотъ же тяжелый мракъ. Ихъ голоса хриплы, какъ шумъ нагрѣтаго воздуха, разгоняемаго по трубамъ; дыханіе съ громкимъ свистомъ вылетаетъ изъ натуженныхъ грудей, какъ рѣзкая струя того же воздуха, врывающагося въ раскаленный уголь сквозь фурмы.

Работа у нихъ далеко не изъ легкихъ... Обожженные лица, пятна отъ обжоговъ на рукахъ.

— Тутъ съ однимъ жукомъ намаешься.

— Какой это жукъ?

— Здѣшній жукъ. Онъ, братъ, чисто руки-то пообломаеть... Какъ пристанетъ, ломомъ еле-еле его выбьешь.

Оказывается, что жукомъ называютъ «возстановленное» желѣзо, образующееся на днѣ печи во время плавки. Его откалываютъ, вбивая желѣзные буры снизу, иначе бы лещадь печи совсѣмъ заполонялась имъ. Для отбивки этого зловреднаго жука нужно двухъ рабочихъ... Одинъ держитъ буръ, другой долбитъ его молотомъ въ голову.

— Отчего это желѣзо жукомъ прозвали?

— Отцы наши...

— Это, вишь, — вмѣшался другой рабочій... На хлѣбѣ тоже жукъ есть... Колосъ портитъ, зерно ѣстъ. Ну, а это нашъ жукъ, собственный!.. Вездѣ, братъ, этихъ жуковъ понасажено... Вездѣ свой жукъ...

Отсюда ежедневно добывается двѣсти пудовъ чистой мѣди или росштейна, которые должны идти во вторичный

«обжигъ» и плавку. Росштейнъ — это соединеніе сѣрнистой мѣди съ сѣрнистымъ желѣзомъ. Съ нимъ тоже возня не малая.

Легче всего работа здѣсь у подмастерья. Онъ, кромѣ наблюденія за остальными рабочими, засыпаетъ руду въ колошникъ. На это требуется, опытность, потому что по виду фурмъ нужно знать, куда именно засыпать: назадъ ли, въ бока или въ середку.

— Сколько всего выплавляется здѣсь мѣди?

— Изъ двухъ милліоновъ двухъ тысячъ пудовъ руды ежегодно металла получается 72,000 пудовъ... Работа у насъ на мѣстномъ заводѣ потому тяжела, что нѣтъ ни страднаго *) времени, ни праздника. Пятьсотъ человекъ круглый годъ должны находиться при своихъ печахъ, даже не исключая Пасхи. Остановить печь нельзя.

— Одно выбиваніе желѣза и шлаковъ чего стоитъ!

И дѣйствительно, въ одной изъ печей при мнѣ оказался жукъ. Его должны были откалывать семеро рабочихъ въ поту, въ натугѣ такой, что потомъ они чуть не валились на землю. Иной разъ и валятся... Одинъ вышелъ, накачалъ себѣ воды и припалъ къ ней; кажется, оторви его отъ нея, на мѣстѣ бы умеръ. И такъ круглый годъ, а за этимъ годомъ — другой, третій, четвертый, — сколько хватить, вообще, силы — безъ отдыха изводиться на тяжеломъ дѣлѣ.

Вонъ, напримѣръ, работа надъ громаднымъ ковшомъ, куда налить прямо изъ жерла жидкій росштейнъ. Сначала на немъ отлагаются грязныя пленки, круглыя, какъ блины. Ихъ снимаютъ, подъ ними показываются темно-красныя,

*) Страднымъ временемъ называется здѣсь подтора мѣсяца, которые даются заводскимъ рабочимъ на полевая работы и сѣнокосы.

чистыя, пузыристыя. Сравненіе, пришедшее мнѣ въ голову, очевидно, усвоено и рабочими.

— Тутъ у насъ круглый годъ масляная! шутили они, потѣя въ жару, окружающемъ какою-то невозможною раскаленною атмосферою этотъ котель.

— А что?

— Ишь, какъ блины-то печемъ... Только хозяйева ихъ ѣсть будутъ... не мы!

— Ну-ка, повара, скорѣе, скорѣе! подбодрялъ ихъ подмастерье.

Круги красныхъ блиновъ все росли и росли; одинъ, за другимъ снимался оттуда.

— Блины-то получше овсяныхъ!

— А тутъ мы и свиной, бываетъ, палимъ.

— Какъ это?

— Да просто... Въ праздникъ. Опустимъ за уши да за ноги — сейчасъ и вонь, — а она, свинья-то, уже вся бѣлая!..

Темнокрасные сначала блины свѣтлѣли и свѣтлѣли...

— Вотъ теперь настоящая мѣдъ пошла; теперь блины пшеничные у насъ будутъ...

Оказавшюся подъ росштейномъ мѣдъ стали поливать водою и потомъ отбили оставшійся металлъ изъ ковша ломомъ. Но громадный кусокъ мѣди, полученный такимъ образомъ, еще былъ раскаленъ...

— Теперь вотъ крестить будемъ младенца-то... продолжали смѣяться рабочіе. Безъ попа, по-заводски, окрестимъ.

Его бросили въ водоемъ.

Влага внизу заклокотала съ такой силой, какъ будто сквозь нея изъ-подъ земли пробивался громадный источникъ кипящей воды... Стѣны зданія вздрагивали. Намъ казалось, что кусокъ мѣди подпрыгиваетъ тамъ.

— Заплясаль, — засмѣялся рабочій... Не любить она, мѣдь-то, купанья нашего...

— Ну теперь и намъ можно!

Въ сторонѣ устроены желѣзные насосы...

Прямо съ жару, рабочіе въ чемъ были, такъ и бросились туда, подъ студеную струю, падавшую сверху. Едва отдышались подъ нею.

— По нашему дѣлу коли бы не это — умирать надо!..

— Одной водой и оправляемся.

— Тяжела наша работа... Охъ, тяжела! — жаловались здѣсь... Главное, отдохнуть некогда. Какъ запрягся, такъ ужъ все и вези. Другой работы нѣтъ!..

— Вы какъ думаете: на насъ живого мѣста нѣтъ, все обожжено... Сколько наболѣешь, пока пріобькнешь... Случается, жидкой мѣдью обольеть — ну тогда смерть. Мы и бабъ-то нашихъ мало видимъ. Потому съ этой работы — куда же баба? Домой придешь и ѣсть-то отъ устали не можешь. Свалишься и спишь, что кусокъ этотъ же — ткнулъ онъ ногой массу мѣди... Какъ чурка! Иной разъ будятъ, будятъ — побудиться не могутъ.

И дѣйствительно, при взглядѣ на эту безвыходную, вѣчную истому рабочаго, какъ жалки и мелки казались мнѣ наши жалобы на непосильный трудъ, на нищету. Попробуйте этакъ трудиться, и получить ради этого возможность только-только не умереть съ голоду. Страшной цѣной дается повсюду право на жизнь, блѣдную, тусклую, всю уходящую на изморъ, на натугу.

— Тяжело вамъ, братцы, — невольно проговорилъ я...

— На томъ свѣтѣ, сказываютъ, легче будетъ. Пекломъ-то насъ не испугаешь, мы и на этомъ при ѣмъ стоимъ!..

LXII.

Народъ въ Тагилѣ.

Въ каждомъ горнозаводскомъ округѣ выработался свой народный типъ. Рабочіе изъ Луньевки, Александрійскаго и Кизеловскаго заводовъ очень непохожи на такихъ же въ Невьянскѣ, или Кыну. Работая на одномъ и томъ же дѣлѣ, они складывались при чрезвычайно различныхъ условіяхъ. О первыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ; теперь же посвятимъ нѣсколько строкъ тагильскому крестьянину. Я здѣсь пробылъ довольно долго и имѣлъ время всмотрѣться въ него, да, сверхъ этого, еще и пользовался указаніями людей, близко знакомыхъ съ дѣломъ. Въ Тагилѣ до сорока тысячъ населенія; изъ нихъ четвертая часть живетъ, исключительно, заводскимъ дѣломъ. Я не ошибусь, если скажу, что до такой степени развитой въ умственномъ отношеніи народъ мнѣ попадался только на мальцевскихъ заводахъ, да на далекомъ сѣверѣ, въ Поморьѣ. Это на тагильца положило даже особый внѣшній отпечатокъ. Онъ старается быть чисто одѣтымъ, хорошо держится и, вообще, мало похожъ на рядомъ живущаго уральскаго мужика, даже на тутъ же

бокъ-о-бокъ потѣющаго подѣ огнемъ вѣйскаго мученика. Ругань здѣсь не въ обычаѣ, и нецензурныя слова не слышатся на каждомъ шагу, какъ въ другихъ мѣстахъ нашего въ этомъ единственномъ отношеніи, весьма либеральнаго отечества. Тагильцы очень вѣжливы другъ съ другомъ, о дракахъ у нихъ не слышать. Люди тутъ себя «соблюдаютъ въ аккуратѣ», и съ перваго взгляда вы замѣчаете уже въ нихъ нѣкоторую выдержку.

— Что-же, господа рабочіе, — обращается кто нибудь изъ нихъ къ другимъ: — какъ мы будемъ сегодня вечеромъ, насчетъ гулянки?

— По благородному, главная причина — безъ шума. На озеро пойдемъ — въ прохладу... А вы, Осиповъ, скрипку вашу возьмете?..

— Знаемъ, не мужики, слава Богу...

Тагильцы, вообще, кажутся на Уралѣ нѣсколько вышею расой, хотя тѣ же развитые люди вовсе не считаютъ преступленіемъ, напримѣръ, кражу золота, платины, желѣза. Это своего рода подвигъ, молодечество. Имъ хвастаются и между собою вовсе ужъ не скрываютъ.

— Развѣ это воровство?.. — говорили они.

— А что?

— Переводъ!..

Оказалось, что похищеніе этихъ металловъ здѣсь весьма вѣжливо называютъ «переводомъ». Народъ, вообще, ловкій. Даже такихъ зубастыхъ и опытныхъ акулъ, какъ желѣзнодорожные подрядчики, тагильцы съумѣли провести. Не успѣли первые нанять ихъ, какъ разомъ были обчитаны на сто кубическихъ сажень земли.

— Ужъ и не понимаемъ какъ! Кажется, зубы мы съѣли на этомъ дѣлѣ, да и обмануть невозможно, а тагильцы съумѣли!

Тагильца нужно видѣть во время страды.

Каждый заводъ даетъ подь конецъ лѣта каникулы своимъ рабочимъ на полевую страду, на косьбу и т. д., и эти-то мѣсяца-полтора являются для нихъ вполне праздникомъ. Бабы надѣваютъ лучшія платья — глаза слѣпнуть отъ нихъ; мужчины не отстаютъ и щеголяютъ напропалую. Нанять въ это время никого невозможно, даже за тройную цѣну. Работы пріостанавливаются.

— И заводы не стараются вывести это обыкновеніе?

— Напротивъ, оно въ ихъ интересахъ. Потому что для нихъ жизненный вопросъ — мѣстная конная сила, а за время страды населеніе, именно, и косить сѣно на зиму, снимаетъ овесъ и ячмень съ полей. Здѣсь даже покровительствуютъ этой страдѣ.

Тагильцы во время страды, по вечерамъ послѣ работы, собираются и подь музыку открываютъ даже что-то въ родѣ баловъ. Бабы и парни пляшутъ «по-городскому». Хороводовъ не водятъ, давно отъ нихъ отстали. «Поми-луйте, мужицкое дѣло!»

Грамотны почти всѣ. По мѣстному распоряженію конторы, кто, работая на заводахъ, не умѣетъ читать и писать; долженъ посѣщать школу. Если черезъ нѣсколько времени онъ остается въ прежнемъ состояніи невѣдѣнія древа познанія, его изгоняютъ изъ завода. Мѣтра суровая! *). Начали здѣсь съ мальчиковъ, которые за посѣщеніе курсовъ получаютъ деньги, какъ за рабочій день. Такимъ образомъ тѣ, которые ходили на работу съ отцомъ, чтобы оказывать ему поддержку въ содержаніи семьи, всѣ пошли въ школы. Въ три или четыре мѣсяца они оказались грамотны. Если хотятъ идти учиться и

*) Не знаю существуетъ ли она теперь?

старшіе — это считается здѣсь тоже за рабочій день. Въ Нижнемъ Тагилѣ школа рассчитана была на восемьдесятъ учениковъ, а явилось триста. Случалось, приходили старики шестидесяти лѣтъ и сами просили выучить ихъ разбирать грамоту. И это не было ужъ особенно рѣдкимъ исключеніемъ. Все это устроилось здѣсь до моего пріѣзда за 5 лѣтъ, а при мнѣ уже задумывалось открытіе высшихъ техническихъ школъ. Торماзилось это полезное дѣло только однимъ: долго, очень долго не могли получить изъ Петербурга разрѣшенія на это. Получили ли теперь, или нѣтъ еще — я не знаю. Еще нужно отмѣтить одну особенность, заслуживающую полного уваженія: классъ закона Божія, въ виду общаго этому краю раскола, замѣненъ здѣсь рассказами изъ священнаго писанія, евангелія и исторіи святыхъ. При школахъ, устроенныхъ въ рудникахъ, имѣются всѣ инструменты рудничнаго дѣла, и мальчики, прежде чѣмъ опуститься въ вѣчный мракъ подземныхъ жилъ, знакомятся съ ними научно. Открываются школы повсюду. Если при маленькихъ заводикахъ не хватало мѣста, школу устраивали даже въ оставленныхъ сушильныхъ большихъ печахъ. Кромѣ этихъ начальныхъ училищъ, здѣсь еще имѣются народныя школы съ четырехлѣтнимъ, реальное съ шестилѣтнимъ и женское училище — тоже съ шестилѣтнимъ курсомъ. Дѣло здѣсь организовано такъ, что въ послѣдніе два года въ реальномъ училищѣ каждый воспитанникъ долженъ избирать себѣ специальность: лѣсную, заводскую, горную или бухгалтерскую. Окончившихъ курсы берутъ во всѣ окрестныя заводы: Алапаевскіе, Павдинскіе — за высшее вознагражденіе. Мѣстное управленіе этому нисколько не мѣшаетъ. По всему тагильскому округу тратится на народное образованіе ежегодно, земскихъ и владѣльческихъ,

около 95,000 р. Обучение вездѣ — бесплатное; даже семьямъ бѣдныхъ учениковъ оказывается пособіе — въ общей цифрѣ 2,000 рублей.

Поспѣшимъ отмѣтить, что благая мысль обязательности обученія грамотѣ, съ зачетомъ рабочаго дня, также какъ и исполненіе этой мысли, принадлежатъ гг. Кронбергу и Нитте.

Примѣръ, заслуживающій подражанія. Признаемся, мы ни на одномъ заводѣ до тѣхъ поръ, да и впослѣдствіи, не видали ничего подобнаго. Грамотность здѣсь подвинулась настолько, что рабочіе читаютъ, и довольно усердно, газеты, понимаютъ ихъ; не рѣдкость у нихъ найти книгу и, разумѣется, не ту гниль и глупость, какія по лицу земли Русской распространяютъ гг. Леухины, Манухины, а нѣчто обнаруживающее уже нѣсколько пробудившіяся вкусь...

Разумѣется, все это мы говоримъ о заводскомъ населеніи.

Хлѣбопашцы — въ иномъ положеніи. Они не отличаются отъ общей безграмотной и темной массы своихъ братьевъ и живутъ бѣднѣе заводскихъ. Даже бокъ-о-бокъ — а какая глубокая разница между тѣми и другими!

Тагильцы и живутъ гораздо чище другихъ жителей уральскихъ сель и городовъ. Даже гигиеническія условія ихъ обихода — иныя. Весь Тагиль разбитъ на участки, и ежедневно смотрители обходятъ свои участки, наблюдая за чистотою во дворахъ, въ домахъ. Объ осмотрѣ записывается въ бланкъ, выдаваемый домохозяину, причѣмъ отмѣчаются неисправности, которыя немедленно должны быть устранены.

— И слушаются?

— За два послѣдніе мѣсяца былъ только одинъ случай неисполненія.

Всѣмъ этимъ заводы обязаны г. Рудановскому, здѣшнему доктору, пріобрѣвшему въ наукѣ почетную извѣстность своими изслѣдованіями строенія головного мозга и многочисленными работами по медицинѣ. Онъ съумѣлъ поставить дѣло такъ, что крестьяне теперь не только не боятся госпиталя, а, напротивъ, идутъ туда. Прежде къ больницамъ они относились въ высшей степени недовѣрчиво; ихъ приходилось забирать туда чуть не силой. Ежедневно по улицамъ Тагила ѣздила громадная зеленая фура, въ которую помѣщали всѣхъ недужныхъ. Тамъ, гдѣ она останавливалась, поднимался вой. Бабы цѣплялись за своихъ больныхъ, не давая ихъ; несчастныхъ приходилось отнимать чуть не силою. Вслѣдъ за фурою, съ распущенными волосами и исцарапанными лицами, бѣжали жены, дочери и матери отправляемыхъ въ госпиталь. Отчаянными криками своими онѣ будили весь околотокъ. Крестьяне, попавшіе въ больницу, смотрѣли на себя, какъ на приговоренныхъ къ смерти; ихъ оплакивали заранѣе ихъ семьи и на выздоровленіе своихъ кормильцевъ смотрѣли только, какъ на счастливую случайность. «Ничего они (т. е. доктора) со мной сробить не могли... Дивно! Морили, морили — да кость вишь моя крѣпка, не удалось умерить!» — торжествовалъ выздоровѣвшій, еще болѣе поддерживая въ населеніи ненависть къ врачамъ и врачебной наукѣ. По наивному вѣрованію тагильцевъ, еще недавно больницы были родомъ лабораторіи, гдѣ морили людей «по книжкѣ».

— По какой книжкѣ?

— Отъ начальства зеленая книжка прислана была, чтобы по ней безпремѣнно морить народъ.

— Да зачѣмъ же морить?

— Правильно, значить, въ аккуратѣ... Какъ въ книжкѣ сказано...

— Что за цѣль?

— Спужались, потому... Главная причина, чернети много развелось, такъ чтобы поменѣй было...

Такія объясненія въ тѣ времена не были особенною рѣдкостью. Теперь все измѣнилось круто. Въ больницѣ — нѣтъ отбою отъ желающихъ лечь въ нее. Кого не принимаютъ, тѣ жалуются конторѣ — якобы на несправедливость врача. Лекарства прописываются медикомъ, принимаются точно, совѣты исполняются буквально. Довѣріе — полное. При малѣйшемъ недомоганіи, рабочій идетъ къ доктору. вмѣстѣ съ врачами здѣсь работаютъ ученики и фельдшера. Тѣ и другіе — изъ мѣстной фельдшерской школы, куда они поступаютъ, окончивъ реальное училище. Даже сосѣднія земства берутъ къ себѣ на службу этихъ молодыхъ полуэскулаповъ и весьма довольны ими. Главнымъ профессоромъ фельдшерской школы остается, все-таки, тотъ же Рудановскій, который пріучилъ своихъ учениковъ также производить метеорологическія наблюденія, химическій анализъ и многія другія научныя работы. Впослѣдствіи мы увидимъ, къ чему это повело. Они уже облегчаютъ трудъ врача, часто даже вполнѣ замѣняютъ его. При ниже-тагильской школѣ есть отдѣленіе фельдшерницъ, и первый выпускъ изъ него былъ въ 70-мъ году. Всѣ онѣ изъ мѣстныхъ жительницъ и практика у нихъ здѣсь весьма обширная. Особенно довольны ими бабы. У больныхъ — вся прислуга женская; благодаря этому и обращеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Хорошіе обычаи держатся здѣсь, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе не бросилось на золотое дѣло.

Семья, нѣкоторое благосостояніе, стойкость — все это

замѣчается въ селахъ углепоставщиковъ, обозчиковъ, дроворубовъ. Но достаточно одной старательской артели выйти отсюда на золотой промыселъ и принести съ собою назадъ хорошій заработокъ, какъ всѣ эти три кита, на коихъ зиждется сила російской деревни, начинаютъ пошевеливаться, и скоро все уходитъ прахомъ. вмѣстѣ съ золотомъ развивается пьянство, воровство, легкомысленное отношеніе къ завтрашнему дню, беспомощность передъ бѣдой, лѣнь. Баба смотритъ на себя, какъ на товаръ, который можно продавать дешево или дорого, но непременно продавать; дѣти оказываются заброшенными, избы разваливаются. Вотъ, напримѣръ, около Тагила — деревня Салки. Крестьяне ея жили прежде углепромышленностью. Они доставляли на заводъ до 18,000 коробовъ угля и получали, такимъ образомъ, 27,000 рублей, не считая другихъ занятій, тоже дававшихъ имъ хорошій заработокъ. Кто-то сманилъ ихъ на золотые промысла. Салковцы бросились туда, и на первыхъ порахъ добывали легко много денегъ. Золотая лихорадка совсѣмъ охватила ихъ и закружила. Теперь — здѣсь нищета и голь непокрытая. Конская сила погибла, все населеніе разорилось до-тла, золото отучило отъ постояннаго труда. Хорошіе пріиски всѣ разработаны; остались крайне бѣдные содержаніемъ металла. Хлѣба купить не на что, лошади чахлы, люди тоже. Энергіи обратиться къ старому труду не стало, да еслибы она и оказалась — не съ чѣмъ подняться. Семья разрушена: баба смотритъ на себя, какъ на доходную статью; только теперь никто не хочетъ пользоваться ею, потому что съ мякины да коры она совсѣмъ обезобразилась. Мужики ходятъ голодные. Удастся нажить рубль — пьютъ, завиваютъ горе веревочкой.

— Какъ же вы, братцы, жить-то будете? — спрашиваютъ ихъ.

— А вотъ... найдемъ пріискъ... Сказываютъ, птица такая есть — «золотое перо»... Поймать надо...

А пока птица «золотое перо» летаетъ на свободѣ, разоръ идетъ все шире и шире. Недавніе углепромышленники у себя, въ своихъ же дворахъ, рубятъ хозяйственные постройки, чтобы отогрѣться какъ нибудь.

— Что же вы въ лѣсъ-то не ѣздите за дровами?

— На билетъ денегъ нѣтъ... Да и коня нѣтъ... Вотъ пріискъ хорошій найдемъ, тогда...

И вѣра въ хорошій пріискъ держится, не смотря ни на что. Своего рода Аладиновая лампа!..

Въ другомъ селѣ народъ тоже жилъ лѣснымъ промысломъ. Кто ходилъ въ заводъ работать, кто жилъ въ селѣ. Голодобоковъ не было, недоимокъ не числилось, мужики оказывались исправными. Невдалекѣ нашли тоже пріискъ, который на первыхъ порахъ давалъ большіе заработки. Лѣтъ семь имъ существовало село; но роковое вліяніе золота и тутъ дало себя знать: изъ доходовъ новаго промысла поднялись только кабаки; не построились новыя избы, не поправились и не расширились хозяйства. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ пріискъ истощился. Теперь когда-то достаточную деревню узнать нельзя. Дома покосились, заборы порублены на дрова. На девять дворовъ приходится по одной коровѣ, коней нѣтъ... Мужики ходятъ потерянные, голодный тифъ не переводится.

— На что же вы надѣетесь?

— А вотъ Иванъ Афремовъ пошелъ... Въ лѣсъ пошелъ... золота искать... Какъ найдетъ, поправимся.

И, опять-таки, до вождедѣнной поимки птицы «золотого пера» ничего не дѣлаютъ, руки сложили. Да и работать нельзя — не съ чѣмъ. Ни хлѣба, ни земли, ничего. Разумѣется, вымрутъ.

— Ну, теперь, въ наши кротовыи норы милости просимъ! — пригласилъ меня смотритель мѣднаго рудника.

— Въ этомъ костюмѣ?

— Нѣтъ! У насъ вы надѣнете рабочій. Отъ вашего платья ничего бы не осталось.

О рудахъ здѣсь было извѣстно давно, но разработка мѣди начата съ 1814 года. Съ того времени по 1875 годъ было извлечено изъ нѣдръ земли въ этой мѣстности болѣе 150.000,000 п. руды, давшихъ 4.996,594 пуда чистаго металла и 40,000 п. малахита. Ежегодно добывается здѣсь до 2.500,000 пуд. руды, изъ которой выплавляется мѣди 2½%. Главнѣйшія породы рудника: мѣдный колчеданъ, смѣшанный съ желѣзомъ и залегающій на известнякѣ. Онъ также является вкрапленнымъ въ діоритъ, требующій буровой работы. Діоритъ переходитъ въ діоритовый сланецъ и бурый желѣзнякъ, содержащій красную и оливковую мѣдныя руды, мѣдную зелень, а иногда даже самородную мѣдь. Тутъ работы производятся клиньями и кайлами. Въ кварцевыхъ штокахъ здѣсь находятся фальбортитъ, тагилитъ и демидовидъ. Образовавшаяся изъ механической смѣси діорита съ пустымъ глинистымъ сланцемъ порода содержитъ здѣсь малахитъ и мѣдную зелень. Малахитъ открытъ въ рудникѣ въ 1836 году и теперь главная масса его уже выработана.

Въ конторѣ рудника насъ ждали.

— Ну... Разоблачайтесь!..

Мы надѣли кожаняя пальто и куртки, высокіе бахилы, на головы вздѣли кожаняя фуражки и, посмотрѣвъ потомъ другъ на друга, отъ души расхохотались. Одинъ очень важный инженеръ, бывшій съ нами, въ новомъ костюмѣ представлялъ столь несчастную, жалкую, хотя и не лишенную нѣкоторой юркости фигуру, что, появивсь

она въ Петербургѣ на улицѣ, навѣрно, всѣ городовые пришли бы немедленно въ немалое волненіе.

— Ну, знаете, ваше превосходительство, вы теперь чистый мазурикъ!.. обратился къ нему кто-то.

— Что, какъ сегодня работы?

— Чудесно... Антирецу много — земли мало! — объяснилъ рабочій у входа въ шахту.

— Вы понимаете этотъ языкъ?.. объяснилъ мнѣ смотритель. — Антирець — это все, что содержитъ руду. Остальное — земля. Будь это хотя аметисты, корунды — все равно земля.

Мы прикрѣпили къ поясамъ нестерпимо дымившія лампочки. Передъ нами какое-то отверстіе. Вотъ, передній сталъ надъ нимъ и тотчасъ же черная дыра проглотила его. За нимъ была моя очередь. Я взглянулъ внизъ — глубокой колодезь, терявшійся во мракѣ. Оттуда пахнуло на меня сыростью могилы. Болѣе чѣмъ на сто сажень онъ шелъ внизъ, такъ что если сверху спустить камешекъ, то, упавъ на дно, на человѣка, онъ могъ бы убить его сразу, какъ пуля. Съ перваго же момента, я понялъ, что тутъ надо держать ухо востро. Лѣстницы были устроены самымъ первобытнымъ способомъ. Колодезь въ нѣсколькихъ мѣстахъ перегороженъ досчатыми заборками и на нихъ отъ одной къ другой опираются лѣсенки, изъ двухъ продольныхъ жердей, съ перекладинами. Спустишься по такой лѣстницѣ и ищешь ногой доски. Невѣрный шагъ — и сквозь громадная дыряя заборокъ можно полетѣть внизъ, разбиваясь головой о доски другихъ платформъ, о перекладины лѣстницъ... И самыя лѣстницы были скользки. Видимо, тысячи рабочихъ рукъ десятки лѣтъ полировали ихъ. Даже нога не удерживалась на перекладинахъ. «Осторожнѣ!» слышалось снизу... «Тише!» — кричали сверху, и по тре-

вознымъ голосамъ новичковъ, спускавшихся въ первый разъ въ подобную шахту, мы понимали, до какой степени имъ жутко... Черезъ нѣсколько секундъ послѣ того, какъ я опустился въ шахту, ея отверстіе уже казалось какимъ-то сѣрымъ пятномъ. Тамъ, за нимъ, — яркое солнце, голубое небо, привольный воздухъ, напоенный ароматомъ сѣверныхъ цвѣтовъ... Тутъ, внизу, — зловѣщій мракъ могилы, сырость этого червиваго хода... Скоро сѣрое пятно точно распустилось во тьмѣ... Ни надъ нами, ни подъ нами — ни малѣйшаго просвѣта; видишь только небольшой клочекъ какого-то бревчататаго сруба, на который падаетъ тусклый и блѣдный, словно тоже испугавшійся лучъ твоей лампочки... Скоро подъ нами и бревчатый срубъ пропалъ... Свѣтъ скользилъ уже по изломамъ и чернымъ прослойкамъ какой-то породы, казалось, покрывшейся потомъ. Тутъ сквозь тысячи незамѣтныхъ поръ уже сочилась вода... Черныя струйки ея уже сбѣгали по черной стѣнѣ... Скоро струйки слились въ ручьи, ручьи тысячами брызгъ стали обдавать наши лица.

— Экая гадость! — жалуется кто-то, а кто — не видите во мракѣ.

— Что-жь... По крайней мѣрѣ, не сухо встрѣчаютъ насъ — и то хорошо...

Лѣстница кончается... Держась на рукахъ, нащупываете, гдѣ доски платформы. Сталь на нихъ, наконецъ, и опасно разглядываешь, гдѣ въ ней проваль... Вонъ его черная зіяющая дыра. Подходишь къ ней... Съ усиленіемъ различаешь въ отверстіи первую перекладину новой лѣстницы. Становишься на нее и самъ чувствуешь, какъ у тебя дрожать руки и ноги... Различаешь, что доски этихъ платформъ уже далеко ненадежны, что онѣ вотъ-вотъ рухнуть... И самъ злишься на свой страхъ, думаешь, что его видятъ

другіе... И все ниже, и ниже подъ землю... Теперь миллиарды пудовъ ея висятъ надъ тобою... Чуть только сдвинуться имъ — и ты заживо похороненъ въ этой норѣ... И вдругъ, разомъ дѣлается вамъ до такой степени миль и близокъ солнечный свѣтъ, такъ васъ тянетъ наверхъ, такъ хочется еще хоть разъ вдохнуть въ себя эту чудную освѣжающую струю вольнаго надземнаго воздуха... «Какъ это прежде я не понималъ этого наслажденія — дышать имъ?» проносится въ вашей головѣ въ то время, какъ вы машинально все ниже и ниже спускаетесь по невѣдомой жилѣ... Что-то движется рядомъ съ вами... Вамъ начинаютъ въ этомъ мракѣ чудиться какія-то безформенныя, но живыя существа... Вонъ изъ этой черной породы колодца точно протягивается къ вамъ и своими холодными, скользкими щупальцами касается вашего лица какое-то чудовищное пресмыкающееся... А тутъ еще каблукъ спускающагося надъ вами задѣваетъ васъ за голову; наконецъ, точно испуганная этимъ подземнымъ царствомъ, ваша лампочка тухнетъ, отъ ужаса закрывая свое подслѣповатое око — теперь уже ничего не видать вамъ. Теперь ваши руки съ какою-то лихорадочною поспѣшностью схватываются за мокрыя перекладины, попадаютъ на влажную стѣну колодца и студеная вода его безчисленныхъ ручьевъ заливается вамъ за рукавъ... И чудится вамъ, что это не вода, что это черви — влажные, могильные черви забираются къ вамъ на грудь, подъ мышки... Наконецъ, вы на платформѣ... Осторожно останавливаетесь, не выпуская изъ рукъ лѣстницы.

— Чего это вы? насѣдаетъ на васъ слѣдующій за вами.

— Огня дайте... Лампу зажечь...

И вы чувствуете, что вашъ голосъ какъ-то хрипитъ, точно это не вы говорите.

— Огня, сейчасъ... Вотъ только дайте ногу поставить...
Вотъ такъ. Огонь?.. Вотъ, огонь!..

И у него тоже дрожить голосъ, и онъ охрипъ. И его рука какъ-то впивается въ перекладину лѣстницы, и онъ не хочетъ отойти отъ нея... Еще бы! тутъ же зияетъ провалъ. Одна секунда — и вы внизу... тамъ вонъ, гдѣ ничего не видно, гдѣ только чудится семидесяти-саженная теперъ глубина.

— Половину прошли? не то вопросительно, не то испуганно кричить кто-то внизу.

— Какое половину... треть всего!.. слышится еще ниже.

— Ахъ, ты, Боже мой!..

И опять все ниже и ниже. И опять считаешь перекладины и съ какимъ-то напряженіемъ вглядываешься во мракъ, точно, вотъ-вотъ въ немъ выступитъ какая-то огненными буквами написанная тайна... Спускались, спускались, — наконецъ, совсѣмъ стали похожи на мокрыхъ крысъ, что живутъ въ вѣчной тьмѣ водосточныхъ трубъ...

— Теперь скоро... Тутъ смотрите въ оба.

— А что? опасново откликаются сверху.

— Тутъ лѣстница висячая... А подъ нею другая такая же.

— Мы держимся на рукахъ. Висимъ надъ пропастью... Вотъ-вотъ сорвемся. Съ одной такой лѣстницы, — острожиѣ чего невозможно — на другую... Наконецъ, внизу тускло блеснули огоньки, слышится плескъ воды, громаханье какихъ-то рычаговъ, шорохъ цѣпей, стукъ водоподъемной машины, журчанье сбѣгающихъ ручьевъ, говоръ людей и гдѣ-то глухо-глухо замирающая пѣсня... Пѣсня — здѣсь, въ этой могилѣ! Да развѣ мертвецы поютъ? такъ и хочется кинуть вопросъ этому тяжелому сгустившемуся вокругъ мраку...

— Ну, теперь дома!

Нога по колѣно уходитъ въ воду... Вода на днѣ шахты... Какъ ни пыхтитъ, какъ ни надсаждается отливная машина, ничего не можетъ она подѣлать съ этой массой со всѣхъ сторонъ стремящейся сюда воды.

— А вѣдь, въ сто двадцать силъ!.. замѣчаетъ смотритель...

Неужели мы добрались до земли и стоимъ на ней? Направо и налево черный корридоръ. Мракъ въ его концахъ. Спершійся воздухъ вздрагиваетъ отъ выстрѣловъ...

— Что это такое?

— А динамитомъ рвутъ руду... Гдѣ твердо....

Жарко тутъ. Такъ и хочется сбросить съ себя все... Изъ одного корридора мы вступаемъ въ другой. Тутъ, напротивъ, почти сквознякъ. Вѣтеръ такъ и несется мимо, точно онъ торопится догнать кого-то и, словно мимоходомъ, тушитъ наши лампочки. Изъ этой жилы въ другую, боковую, гдѣ опять застоялась жара. Направо и налево червивые ходы въ черныя ячейки, гдѣ работаютъ совершенно голые рабочіе. Отъ жары они сбросили все съ себя и возятся надъ громадами твердой, какъ камень, породы... Вотъ одинъ весь въ какихъ-то пятнахъ, точно его отъ сырости и мрака всего покрыло лишаями, откусилъ зубами, вмѣсто ножницъ, мягкій динамитъ, вставилъ его въ патронъ и вложилъ въ забойку.

Не успѣли мы съ нимъ выскочить въ червивую жилу, какъ въ ячейкѣ послышался грохотъ. Сѣрые клубы дыма повалили оттуда!..

— Ну что? спрашиваетъ смотритель.

— Хорошій антирець!.. И голякъ накладываетъ оторванную отъ стѣны его ячейки породу въ тачку.

По этимъ норамъ, жиламъ и переходамъ нельзя одному

идти и думать. Во-первыхъ, легко заблудиться, а во-вторыхъ, въ этомъ лабиринтѣ параллельныя штольни верхнія и нижнія, составляющія нѣсколько ярусовъ, соединяются между собою штреками, которыхъ въ черномъ мракѣ кротовей норы этой и не замѣтишь. Ступишь, не разглядѣвъ, и очутишься на глубинѣ, разбитый, изломанный, если не убившійся на смерть. Въ корридорахъ, пробитыхъ въ сланцѣ, изломы его блещутъ и лучатся отъ тусклаго луча вашей лампочки... Вотъ черная пещера... Точно въ залу попали... Углы ея теряются во мракѣ. Сверху тоже нависъ мракъ... Далеко-далеко бѣжить какой-то огонекъ — видимо рабочій спѣшитъ куда-то... Огонекъ разомъ сгинулъ, — должно быть, рудокопъ свернулъ въ какую нибудь боковую жилу... Вонъ другой вдругъ, точно родился во мракѣ, поблесталъ, поблесталъ и умеръ въ томъ же мракѣ. Голоса, силуэты, очертанія стѣнъ — все пріобрѣтаетъ какой-то фантастическій характеръ... На влажной землѣ что-то бѣлое. Опускаю лампочку — противные бѣлые грибы. Сверху, каплетъ и льется. Послѣ жары, весь мокрый войдешь въ жилу, по которой сквознякъ такъ и ходитъ — точно въ зимнемъ холодѣ очутился. Зубъ-на-зубъ не падаютъ...

— Тутъ замерзнуть можно!

— Воображаю, какъ болѣютъ рабочіе?

— Наши привыкли. Нашимъ все равно!..

Вонъ деревянные столбы. По нимъ и по стѣнамъ спускаются какіе-то бѣлые лисьи хвосты. Оказалось, что это растение, не издавшее никогда солнца и неба... Вонъ, показываетъ мнѣ рабочій — посѣялъ онъ въ уголку горшину. Она дала бѣлый ростокъ... Дерево крѣпей совсѣмъ зеленымъ стало. вмѣстѣ съ водой на него попала руда да и покрыла все... Одну балясину, совсѣмъ покрывшуюся,

такимъ образомъ, мѣдною пластинкой, послали къ Траутшольду. Особенно, въ одной шахтѣ — теплой, какъ баня — сверху такъ и висятъ бѣлыя кисти растений, выросшихъ во мракѣ. Нельзя было рассмотреть ихъ, слишкомъ высоко онѣ.

Вонъ, въ одномъ корридорѣ разрабатываютъ твердую породу въ такъ называемомъ «лежачемъ» боку. Я поинтересовался узнать, что получаетъ тутъ рабочій за свое истинно-каторжное дѣло. Голый, въ жарѣ, онъ изводится надъ непосильнымъ трудомъ, взрывая динамитными патронами глыбы руды. Когда патронъ заложенъ, ему приходится выбѣгать въ боковую жилу, гдѣ сквознякъ такъ и охватываетъ бѣднягу невыносимой стужей. Оказывается, что за каждую кубическую сажень онъ получаетъ 80 рублей, при чемъ изъ этой платы вычитается стоимость динамита и масла. Въ день, такимъ образомъ, при старательской работѣ, онъ получаетъ до одного рубля за восемь часовъ. Трудъ здѣсь не прекращается ни на одну минуту — каждую галлерею обрабатываютъ три смѣнные артели. На всякую изъ нихъ приходится по восьми часовъ. Всего же въ рудникѣ, въ подземныхъ жилахъ его и ячейкахъ, гнѣздится лѣтомъ 300, а зимою 500 человѣкъ. За мягкія породы платится дешевле. Такъ, за разработку руды въ глинѣ дается только по 12 рублей за кубическую сажень.

— Робить много приводится! жалуется рабочій. — Еще гдѣ воды нѣтъ — на сухомъ мѣстѣ хорошо, а вотъ гдѣ вода — совсѣмъ пропащее дѣло. Внизу-то вода холодная, потому изъ тѣхъ вонъ штолень идетъ, не нагрѣвается. А тамъ, вверху, жарко. Стой въ ей по колѣно... Сейчасъ раны пойдутъ, въ костяхъ заноеетъ.

Одинъ рабочій — лежитъ совсѣмъ. Его подняли: ока-

залось, ревматизмъ такъ схватилъ, что бѣдняга упалъ. Понесли его къ другому колодцу, по которому вверхъ движется бадья съ рудой. Сложили несчастнаго на руду. Шахта — теряется вверху во мракѣ. Снизу освѣщаютъ желѣзную бадью масляныя лампы своимъ краснымъ зловѣщимъ отблескомъ. Заскрипѣла цѣпь, бадья съ рудой и рабочимъ стала вертѣться во всѣ стороны, грузно и медленно подымаясь кверху... Кое-гдѣ до насъ доходили глухіе отзвуки ударовъ. Это бадья билась въ стѣны...

Въ одной изъ жилъ щами запахло...

— Неужели у васъ и кухня здѣсь?

— Нѣтъ, это сверху доставляютъ имъ пищу. Хлѣбъ у нихъ свой, а щи на владѣльческой счетъ отпускаются имъ. Это, благодаря статьямъ Португалова, стали ихъ давать; прежде не было.

Направо ячейка. Сумрачный рабочій, голый, разумѣется, возится въ ней; рядомъ съ нимъ трехлѣтняя дѣвочка: блѣдная, большеглазая...

— Ты какъ сюда попала? попробовалъ было ее приласкать кто-то.

Она отшатнулась, какъ-то дико взглянула на насъ и спряталась за отца.

— Фея-то пугливая...

— Сиротка она, отвѣтилъ за нее рабочій. Жена у меня померла — оставить ее не на кого; ну, я и беру ее съ собою, пока подростетъ... Все она лопочетъ по-своему — мнѣ и повеселѣй. Точно бы и не въ могилѣ, а то совсѣмъ пропадать надо... Мы-то, вѣдь, не какъ прочіе, не по восьми часовъ робимъ, а по двѣнадцати, зимой да осенью, такъ свѣта и не видимъ. Какъ сходимъ сюда, темъ еще стоитъ, а выйдемъ — таже ночь уже!..

Въ самомъ дѣлѣ, странное существованіе! И тѣмъ не

менѣе, какая масса рабочихъ идетъ сюда — только возьмите. Заработокъ въ рудникахъ, все-таки, выше заработка хлѣбопашца уральскаго. Мастеровые, сравнительно съ земледѣльцами, благоденствуютъ. Средняя годовая плата даже заводскому рабочему доходить здѣсь до 163 руб. Управление всѣмъ 11,000 челов. выдаетъ ежегодно до 1.800,000 р. Понятная вещь, что озябшія послѣ вырубки лѣсовъ поля не дадутъ крестьянину такихъ денегъ.

— Какъ съ земли шубу-то сняли — не родить она хлѣба. Холодно ей — укрыться нечѣмъ.

А сколько лѣсу нужно здѣсь — страшно даже становится за будущее, и очень близкое будущее. Такъ, напримѣръ, въ этотъ мѣдный рудникъ идетъ ежегодно до 60,000 бревенъ отличной лиственницы. Дерево гниетъ въ крѣпяхъ ужасно. Поставятъ его — двѣ-три недѣли оно постоитъ, а потомъ — крахъ, и совершенно неожиданно валится оно подъ напоромъ миллиардовъ пудовъ земли и руды, опирающихся на него. Весь рудникъ состоитъ изъ разрушенныхъ, разработанныхъ породъ. Чтобы онѣ не завалились и не покосили жилы, гдѣ еще въ безчисленныхъ ячейкахъ кипитъ одиночный трудъ рудокоповъ, нужно поневолѣ поддерживать землю все новыми и новыми крѣпями. При перемѣнѣ этихъ крѣпей — работа очень опасна: того и гляди рухнетъ вся эта слежавшаяся масса и живо похоронитъ несчастнаго. Вотъ, напримѣръ, жила, по которой идемъ мы. Она вся изъ нагнетающихъ породъ и потому покосилась и искривилась. Того и гляди, что задавить насъ. Сердце бьется. Становится жутко, какъ никогда. Еще хуже, когда приходится рыть новые штреки отъ старыхъ шахтъ — тутъ люди задыхаются отъ недостатка воздуха и свѣчи тухнутъ въ тяжелой напитанной углеродомъ атмосферѣ. Вообще, чѣмъ дальше удаляются

отъ шахтъ, тѣмъ дѣлается труднѣе... Четверть часа прокопается человѣкъ-червякъ въ подземномъ ходѣ, и скорѣй вонъ — схватить нѣсколько глотковъ воздуха, отвести натомившуюся грудь. Случается, что и замертво выносить отсюда. Не дешево, вообще, достается право жить и какъ жить!..

А тутъ еще вода заливааетъ штольни и штреки отовсюду.

— Плохо у васъ, вѣрно, работаетъ водоотливная машина?

— А вотъ какъ плохо — еслибы она не дѣйствовала, такъ въ полчаса весь рудникъ былъ бы залитъ.

Бываетъ нѣчто и похуже всего этого.

Въ подземномъ царствѣ рудника начинается пожаръ. Загорается дерево. Сквознякъ начинаетъ раздувать пламя и оно быстро охватываетъ галлерею. Воображаю ужасную картину эту, когда красные взрывы пламени несутся въ черный мракъ этихъ безчисленныхъ жилъ, рвутся вверхъ на воздухъ по безконечнымъ колодцамъ шахтъ и спокойными красными озерами разливаются въ большихъ пещерахъ, сланцевые куполы которыхъ зловѣще поблескиваютъ надъ этимъ озеромъ! Еще недавно начался было одинъ такой пожаръ, да его во-время прекратили, благодаря находчивости г. Собальскаго, который живо заложилъ отверстіе загорѣвшейся жилы, и пламя потухло, задохнувшись отъ недостатка воздуха.

А то и еще тутъ бываютъ случаи: въ пустотахъ разрабатываемой породы скопляется гремучій газъ; пробьютъ такую пустоту — моментальный взрывъ, убивающій нѣсколько человѣкъ.

— Неужели нѣтъ спасенія?

— Лампы Деви предохраняютъ.

— А у васъ такія?

— Пока нѣтъ!

Богъ бережетъ, а между тѣмъ достаточно наткнуться на такой сюрпризъ, и весь рудникъ можетъ быть имъ уничтоженъ, потому что ближайшихъ рабочихъ убьетъ, взрывомъ разрушитъ всѣ шахты, въ томъ числѣ и водокачалню, и кто спасется въ этомъ погромѣ, тотъ утонетъ въ прорвавшейся отовсюду водѣ... Этотъ успокоительный разговоръ намъ пришлось вести на глубинѣ болѣе 700 футовъ подъ землей. Поневолѣ становилось невыносимо; но всякій еще выдерживалъ свой характеръ, боясь прослыть трусомъ. Вѣдь давно извѣстно, что самолюбіе и храбрость — синонимы. Первый измѣнилъ себѣ «его превосходительство».

— А знаете ли, кажется уже поздно?..

— Ну, нѣтъ... нерѣшительно отвѣтили ему.

— Я, видите ли, тороплюсь, пора уже..

— Пожалуй, что же... повидимому, спокойно отвѣтили ему.

Но за то какъ же быстро, то выпрямляясь въ большихъ штольняхъ, то нагибаясь въ штеркахъ, мы двинулись по направленію къ выходящей наружу шахтѣ!.. Вотъ и она, наконецъ. Черный колодезь. Сверху журчитъ вода безчисленныхъ ручьевъ. Мы стали цѣпляться вверхъ по лѣстницамъ. Опять то же мученіе, та же опасность — не туда ступишь, не такъ схватишься за перекладину лѣстницы... Все выше и выше... тѣ же брызги въ лицо, то же скользкое дерево подъ руками, тотъ же тяжелый мракъ, тѣ же поминутно тухнуція лампочки... Вотъ, наконецъ, что-то посѣрѣло надъ нами. Какое-то тусклое пятно опредѣлилось... ярче и ярче... Дышать становится легче.... Пятно это поглубѣло; еще нѣсколько усилий, и мы — на-

верху, подъ безоблачнымъ сводомъ неба, подъ теплымъ солнцемъ...

Глаза жадно разбѣгаются по красивымъ далямъ, гдѣ едва-едва рисуются гряды и конусы Уральскихъ горъ. Грудь дышетъ и надышаться не можетъ... И, вдругъ, всѣмъ стало весело... Быстро, быстро говорятъ всѣ, въ одно и то же время, не слушая другъ друга... Впослѣдствіи, во время войны, я наблюдалъ то же — послѣ только что пережитой опасности...

А тамъ, внизу, въ черныхъ жилахъ, въ подземныхъ ходахъ и одинокихъ ячейкахъ работаютъ въ вѣчномъ мракѣ сотни народа... Вѣчно — въ могилѣ...

LXIII.

Салда. — Ермаковъ лѣсъ. — Раздробленіе заводскихъ хозяйствъ. — Желѣзная и золотая деревни. — Неплательщики. — Опять птица — золотое перо. — Верхняя Салда. — Зобатые люди, микроцефалы. — Ариды и Мау-саилы.

Сырое, дождливое утро. Небо нахмурилось, лѣса точно обливаются слезами. Впрочемъ, какіе же это лѣса! Знаменитые старые боры давно сожжены въ заводскихъ печахъ, въ чревахъ ненасытныхъ доменъ, сгнили толстыми крѣпями въ рудникѣ, — теперь только одинъ безотрадный, хвойный приростъ круглится у грязной дороги. На мокрыхъ поляхъ мокрые косцы. Что они дѣлаютъ? Версты за верстами, а не на чемъ остановиться взгляду. Мало-помалу, подстать этому хмурому дню и хмурому небу, тоска закрадывается въ сердце. Близость осени уже даетъ себя знать. Уныніе лежитъ на всемъ. Изрѣдка сквозь сѣрую пелену дождя мелькаютъ силуэты тоже насупившихся горъ, вершины которыхъ сливаются съ низко нависшими тучами. Груды камня по пути обливаются слезами, точно подъ ними схороненъ кто-то, кого они оплакиваютъ и все оплакать не могутъ. Слезятся стекла избъ, попадающихся по дорогѣ. Только въ одномъ мѣстѣ печальное однообразіе сѣвернаго пейзажа смѣнилось краси-

вою глубокою долиной, по дну которой струится р. Салда, то кутаясь въ хвойныя пустыни, то выбѣгая на луговины, должно быть, веселыя подѣ солнцемъ. Немного лѣвѣе она разливается въ спокойное озеро, томно стальной щитъ, брошенный въ котловину. У его береговъ дымятся пасти трехъ доменныхъ печей, грязными клубами пышутъ устья вагранокъ и трубы. Сѣрыя постройки тѣсняются поближе къ водѣ, точно имъ страшно отойти отъ нея къ угрюмымъ горамъ, тысячи лѣтъ уже думающимъ все одну и ту же думу надъ этимъ молчаливымъ краемъ. Салдинскій заводъ основанъ здѣсь въ 1782 году, для плавки желѣзныхъ рудъ и кричной выковки металла. Отсюда очень далеко до главнаго нерва этого края — р. Чусовой, но невыгоды фрахта выкупаются близостью лѣсовъ, еще кое-гдѣ остающихся въ околodкѣ... За Верхней Салдою появились и кедры. Сначала въ одиночку, точно они выбѣжали разузнать, удобно ли переселиться сюда и остальнымъ, а потомъ уже цѣлыми рощами... Какъ красиво это дерево — не теперь, въ этотъ ненастный сѣрый день, а подѣ солнцемъ. Нѣжные отѣнки зеленаго бархата лежатъ на его широкихъ вѣтвяхъ... Что-то могучее, крѣпкое, прочное сказывается въ этихъ зеленыхъ массахъ, находящихся достаточно соковъ въ давно истощенной и разграбленной человѣкомъ землѣ.

— Это еще Ермаковъ лѣсъ! объяснили мнѣ.

— Да вѣдь Ермакъ тутъ не шелъ.

— Это все равно. Народъ со всѣмъ, что здѣсь выдается изъ ряду, соединяетъ имя Ермака... Ермакова гора, Ермакова падь, Ермаковъ лѣсъ. Тутъ, въ Салдѣ рѣкѣ, онъ оставилъ свои лады и отдыхалъ подѣ нашими кедрами. Говорятъ, остатки ладей до сихъ поръ отыскиваются.

Очень возможно. Въ другомъ пунктѣ Урала повторилось то же самое. Ермакъ изъ Чусовой поднялся вверхъ по рѣкѣ Серебряной, противъ теченія. Тутъ въ самомъ устьѣ онъ оставилъ три барки. Ихъ сплошь занесло землею и пескомъ. Впослѣдствіи, какъ намъ рассказывали, В. Д. Бѣловъ сталъ тамъ бурить землю и, дѣйствительно, нашель доски, остатки барочнаго лѣса, но ни одного желѣзнаго гвоздя.

— Такихъ Ермаковыхъ лѣсовъ прежде было гораздо больше; теперь ихъ сожгли.

— Даже и къ исторіи ваши заводчики не питаютъ особеннаго уваженія.

— А что же дѣлать? Будетъ еще хуже. Надѣлъ хочеть отнять у заводскихъ хозяйствъ лѣса и отдать ихъ крестьянамъ, — разумѣется, извѣстную долю. Крестьяне ихъ сейчасъ же сожгутъ и опять, нанимаясь на заводы, стануть включать въ условія выдачу имъ дровъ... Лѣсовъ станеть еще меньше. Это несомнѣнно. А съ уничтоженіемъ ихъ уменьшается производство самыхъ заводовъ. Когда-то еще желѣзная дорога доставитъ намъ уголь на выгодныхъ условіяхъ. Одинъ Аллахъ это знаетъ, да и тотъ никому не скажетъ!...

Поднялся разговоръ о задуманномъ какимъ-то администраторомъ раздробленіи заводовъ между многими владѣльцами, причемъ, разумѣется, маленькое хозяйство предполагалось гораздо производительнѣе большого. Но противъ этой идеи возстали здѣсь всѣ.

— Пусть правительство дастъ право каждому разрабатывать руду, если ею не пользуется владѣлецъ — это справедливо. Придите вы и займитесь; я, какъ владѣлецъ, скажу вамъ: «спасибо, работайте только». Я же у васъ возьму руду по копѣйкѣ съ пуда, другой не возь-

метъ, потому что въ другомъ мѣстѣ поставить завода нельзя, кромѣ моего, потому что лѣсъ-то вѣдь у меня въ рукахъ. И пока лѣса въ рукахъ у владѣльцевъ, никакія раздробленія заводскихъ хозяйствъ невозможны. Что изъ того, что я вамъ дамъ право строить заводъ? Выстроить — выстроете, а чѣмъ вы его топить станете? Топливо-то, вѣдь, у владѣльца. Пусть устроится желѣзнодорожный путь для каменнаго угля, тогда и раздробленіе возможно. Представьте, что если и дадутъ вамъ лѣсъ, то при условіи устройства доменныхъ печей потребуется на каждую 30,000 коробовъ въ годъ, т. е. 12,000 кубическихъ сажень, по меньшей мѣрѣ; хорошій лѣсъ здѣсь, среднимъ числомъ, даетъ 20 куб. сажень дровъ съ десятины: слѣдовательно, ежегодно для всякой доменной печи вамъ понадобится 600 десятинъ лѣсу. При настоящемъ приростѣ, нужно 90 лѣтъ на возобновленіе лѣсовъ. Слово, для каждой доменной печи понадобится 60,000 десятинъ; сверхъ того слѣдуетъ оставить для жителей, для построекъ, на барки, на паровыя машины. Такимъ образомъ и 100,000 десятинъ будетъ мало. Какое же это мелкое раздробленіе хозяйства; напротивъ, опять оказывается крупное владѣльчество. А присоедините къ этому разработку рудниковъ, для которой опять нужны лѣса! Получили вы, наконецъ, чугуны — у васъ для плавки его нѣтъ завода. Слово, или отдавайте его ближайшему заводчику по произвольной цѣнѣ, или стройте свой заводъ дѣлательный. На него опять пойдетъ топлива на 100,000 десятинъ. Сообразите-ка эти цифры. Да и когда каменный уголь подвезется, и тогда еще это не скоро будетъ возможно. Потому что вѣдь древесный уголь для доменныхъ печей все-таки останется незамѣнимъ... И то ужъ приходится держать заводъ Богъ знаетъ гдѣ. Лишь бы лѣсъ

былъ около. Вотъ, напримѣръ, Верхе-Салдинскій заводъ Сколько возни здѣсь! Сплавъ у насъ по Чусовой пока. Чусовая дѣйствуетъ много-много двѣ недѣли, а иногда случается только 3—4 дня, а потомъ обмелѣетъ и жди слѣдующаго года. Доставите вы металлъ въ концѣ мая; ну, и сидите съ нимъ до слѣдующаго начала мая. Въ Нижній онъ попадетъ въ июль. Сочтите, во что обойдется охраненіе его, да проценты на затраченный капиталъ на 14 мѣсяцевъ.

Привожу безъ комментарій эти разсужденія лицъ, заинтересованныхъ въ поддержкѣ крупныхъ хозяйствъ.

Дорога содержится здѣсь очень хорошо. Какое же сравненіе съ каторжнымъ путемъ между Пермью и Екатеринбургомъ, гдѣ путешественникамъ приходится идти пѣшкомъ, а обозы, сворачивая, ѣдутъ цѣлиною. Скоро мы погрузились, наконецъ, въ лѣсное царство, которое далеко отошло отъ люднаго Тагила. Громадныя деревья оголены до вершины; за то самыя вершины эти раскидисто сплетаются между собою въ непроницаемыя своды. Тѣмъ не менѣе нѣтъ здѣсь этого красиваго сквознаго бора, позволяющаго на взвѣздахъ разсмотрѣть вдали и хмурыя горы, и необъятную ширь горизонта. Мелкая поросль повсюду подымается между старыми стволами, охватывая ихъ своимъ зеленымъ облакомъ... Многочисленныя стада повсюду. Съ какими-то, совсѣмъ необыкновенными, мохнатыми ушами коровы, которыхъ только здѣсь и встрѣчалъ, глупо смотрѣли на насъ, выдвигая свои мокрыя морды изъ густой поросли по сторонамъ дороги... Вонъ старательская артель прошла мимо съ вашгерами, вся мокрая, понурая какая-то... Двѣ деревни по пути — сосѣди совсѣмъ. Одна занимается желѣзнымъ дѣломъ: постройки прочныя, красивыя, скота и коней вдоволь; другая —

чуть ли не Тавда — старательская на золотомъ дѣлѣ вся... Точно въ лишаяхъ ея покосившіяся, расшатавшіяся хатенки, кровли ихъ будто ребра, окна выбиты; избенки кажутся подслѣповатыми. Народъ заморенный, зеленый; лица въ подтекахъ. Разореніе во всемъ и на всемъ. Скотъ въ первой деревнѣ крупень, во второй — изморень и мелокъ, какъ и люди. Дворы въ первой — полнымъ-полны разнымъ хозяйскимъ скарбомъ, постройками; во второмъ — пусты, а кое-гдѣ и самые заборы на дрова пошли. Кавалькада бабъ выѣхала изъ лѣсу. Верхами сидятъ на коняхъ.

— Эй, вы, казаки! ореть имъ на встрѣчу ямщикъ.

— Чего?

— Подолы-то подберите... Неравно, лѣсовика спужаете.

— Мы вотъ тебя спужаемъ... Сволочёмъ въ лѣсъ, да розгами... тамъ про тебя страсть сколько выросло.

Ямщикъ заторопился и погналъ коней.

— Чего ты испугался?

— Наша баба, когда она въ лѣсу — бѣдовая... Съ нашей бабой не шути тогда... Она точно-что вспоретъ... Становаго тутъ такъ-то бабы высѣкли... Чего уже...

Совсѣмъ оригинальный типъ пошелъ отсюда. Рослый, сильный, очень похожій по складу своему на поморовъ архангельскихъ.

— Тутъ у насъ, у крестьянъ — двойныя фамиліи все пойдутъ, точно у дворянъ... И народъ толковый, особливо въ желѣзныхъ деревняхъ. Самый говоръ тоже являетъ нѣкоторыя особенности. Въмѣсто *ц* — всюду слышится *с*. Серковь, улиса, дѣвиса, сѣлый, полиса, сариса и т. д. Въ постройкахъ щегольство, — на кровляхъ цвѣтныя пѣтухи, ставни разрисованы, въ окнахъ непремѣнно цвѣты и самоваръ, почему-то неизбѣжно выглядывающій на

улицу. Крупные люди, но лица очень некрасивы. Видна помѣсь съ пермяками и другими инородцами, точно также какъ въ сѣверномъ поморскомъ типѣ замѣтны слѣды чудскаго племени. Соломенныхъ кровель уже не встрѣтишь вовсе, даже тамъ, гдѣ высѣваютъ хлѣба много — избы крыты тесомъ. Здѣшніе «сибиряки» считаютъ за срамъ поставить надъ своимъ жильемъ такую крышу. «Мы не нищѣ» — говорятъ у нихъ. «Это у васъ въ Рассеѣ хорошо... Тепло подъ соломой... А у насъ, слава Богу, и дерево еще есть. Лучше чѣмъ эта мѣховина-то»... Мѣстность, мало-по-малу, всхолмливается. Въ лощинахъ змѣются красивыя рѣчки. Превосходныя дороги вездѣ пробиты прямо, просѣлками и такъ широки, что на нихъ разѣдуются въ рядъ двѣ-три тройки. Въ избахъ, по пути, чисто... Горная страна даетъ себя знать уже и иными нравами. Невѣсть увозять, убійства — часты, но не изъ за грабежа, а изъ мести. Совсѣмъ другой темпераментъ во всемъ. Люди вѣжливы, но не подобострастны. Начальства, впрочемъ, не любятъ, особенно полицейскаго. Ужъ очень оно донимало ихъ когда-то.

Здѣсь бы жили еще лучше, да одолѣла подать. Нигдѣ, мнѣ кажется, не приходится рабочему люду платить столько, сколько онъ платитъ здѣсь. Недоимки, тѣмъ не менѣе, особенно не прикапливаются, потому что заработки, все-таки, подъ бокомъ — въ рудникѣ, въ лѣсу, на заводѣ. Мы не говоримъ о «золотыхъ» деревняхъ. Тамъ дѣло иного рода. Тамъ приходится задыхаться отъ разоренія. Выработаютъ розсыпь, а затѣмъ, послѣ нежданнаго богатства, такимъ же скачкомъ начинается нежданная нищета. Недоимка растетъ. Волостная власть всѣми мѣрами выбиваетъ ее изъ крестьянъ, отыскивающихъ «птицу золотое перо», но, разумѣется, выбиваетъ до тѣхъ поръ,

пока они не выйдутъ изъ терпѣнія. Съ этого момента, съ ними уже ничего нельзя сдѣлать. Надѣвъ бѣлые балахоны, они оставляютъ село, таборомъ располагаются на холмахъ около и на всѣ запросы отвѣчаютъ: «мы не плательщики». Ихъ можно бить, дѣлать съ ними что угодно, но при всемъ этомъ ни одной копѣйки не поступитъ въ податъ — это вѣрно. Зачастую они, предварительно, порубятъ свои избы на дрова, дрова сбудутъ на заводы и совсѣмъ чистые уже предстоятъ передъ предержавшею властью.

— Что съ насъ возьмешь теперь... Ничего не возьмешь... Бей!.. Мы — не плательщики.

Выведенные изъ себя крестьяне, впрочемъ, не особенно часто прибѣгаютъ къ этому. Они стараются держаться. Старательскія артели ходятъ по лѣсамъ, отыскивая новыхъ розсыпей. Кабатчикъ, какъ тараканъ въ оставленной избѣ, начинаетъ худѣть и хмуриться. Деревня разваливается все больше и больше, какъ вдругъ разносится вѣсть: «птица золотое перо» оказалась. Открыта розсыпь. Крестьянство бросается туда. Начинается работа. Золото льется рѣкою, кабатчикъ пухнетъ и отъѣдается. Баба ходитъ веселая, пьяная; разгуль вездѣ и во всю... Но избы не поправляются, дворы тоже. Все стоитъ покривившееся, пошатнувшееся. До завтрашняго дня нѣтъ никакого дѣла, чего тутъ еще — если сегодня хорошо! а завтра — будь, что будетъ... Власть старается поскорѣе собрать недоимки...

Но «птица золотое перо» на одномъ мѣстѣ долго не сидитъ.

И деревня опять мало-по-малу тощаетъ. Захудалая стоитъ она и шляются по лѣсамъ артели, отыскивая новые розсыпи.

Такъ, мимо всѣхъ этихъ оголѣлыхъ и зажиточныхъ, за-

пущенныхъ и выхолненныхъ деревень, добрались мы до спуска съ высокой горы.

— Вотъ и Салда наша! показали мнѣ громадное село...

Лошади мигомъ подкатили къ главному зданію, выведенному, какъ и во всѣхъ демидовскихъ имѣніяхъ, въ томъ стилѣ, въ которомъ строили при Александрѣ I, — съ колоннами, гербами. Превосходный водолазъ бросился намъ на встрѣчу, но, къ крайнему моему удивленію, мы здѣсь стояли только минуты двѣ-три.

— Куда же теперь?

— Да, вѣдь, Салды двѣ: Верхняя и Нижняя. Намъ нужно въ Нижнюю.

Мимо кедровой рощи, мы проѣхали въ молчаливый старый лѣсъ; скоро и онъ отошелъ назадъ, открывъ большое село съ красивыми домами, монументальными постройками завода, массою народа на улицахъ, пестрыми рослыми бабами, попадавшимися на каждомъ шагу. Нижняя Салда — самое людное послѣ Тагила мѣсто; оно основано въ 1760 году для выковки кричнаго желѣза; въ 1870 году здѣсь горѣло только десять горновъ, а нѣсколько ранѣе, въ 1849 году, введено пудлингованіе и сварочное производство, построены паровой пестовый молотъ для обжимки пудлинговыхъ криць. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Нижней Салдѣ уже работало шесть пудлинговыхъ печей, причемъ нѣсколько ранѣе стали здѣсь же выдѣлываться рельсы. Въ двадцатыхъ годахъ стали въ этой мѣстности готовить томленую цементную сталь и теперь такихъ печей здѣсь около семи. Въ 1871 году выстроили большую доменную печь системы Рашета, съ пневматическимъ подъемомъ для руды, доставляемой изъ Тагила съ горы Высокой... Впослѣдствіи, здѣсь сварочныя и пудлинговыя печи

передѣланы по системѣ Беоціуса. Живетъ около завода не менѣе 10,000 человекъ. Кромѣ завода у нихъ хорошія пашни, гдѣ высѣваются рожь, ячмень, овесъ. Разъ какъ-то попробовали посѣять пшеницу — выпѣла хорошо. Тѣмъ не менѣе, хлѣбопашество здѣсь невелико, потому что хотя земля и хороша, но ея мало; мало и новей изъ-подъ лѣсу, на которыхъ особенно удачно подымается хлѣбъ. За то лѣсу тутъ еще много. Дремучія дебри его стоятъ пока нетронутыми. Топоръ промышленника не врубался въ нихъ и только божьи стрѣлы — молніи зажигали порою это сумрачное и молчаливое царство вѣковыхъ деревьевъ, подъ которыми привольно живетъ всякому звѣрю. Горное положеніе страны вызвало здѣсь то же, что приходится наблюдать и въ Альпахъ: въ обѣихъ Салдахъ, Нижней и Верхней, и въ сосѣднихъ деревняхъ то-и-дѣло попадаются зобатые люди. Докторъ Рудановскій, бывшій съ нами, объѣзжалъ намъ показать, по крайней мѣрѣ, триста такихъ, преимущественно — женщинъ. Онѣ здѣсь старательно прикрываютъ свои зобы и смотрѣтъ на нихъ, по мѣстному кодексу вѣжливости, считается въ высшей степени неприличнымъ.

— Отчего это у тебя? — спрашиваю у одной.

— Послѣ курочки поѣла... Оттого и выросъ зобъ-отъ.

Здѣсь народъ зимуетъ вмѣстѣ съ курицами зобатыми въ однѣхъ избахъ. По мѣстному повѣрью оказывается, что зобы вырастаютъ у тѣхъ, кто съѣлъ то, что курица ранѣе клюнула.

Въ той же избѣ, гдѣ мы видѣли зобатыхъ женщинъ, возилась дѣвочка-микроцефаль. Всѣ ея приемы напоминали обезьяну. Тѣмъ не менѣе, она была очень весела и мать ее поминутно ласкала.

— Съ ней у насъ благодать! объяснила она свою несовсѣмъ обычную нѣжность.

— Почему это?

— А потому — она боженькая. Съ тѣхъ поръ, какъ родилась такая, да выростили мы ее — у насъ всего довольно стало. И хлѣба на поляхъ много, и коровы плодятся здоровыя, и деньги завелись... Да и мужъ-то пьянствовать пересталъ. Въ ней, ты не гляди, что она несчастная, въ ней благословеніе!..

Ей потому и лучший кусокъ, и лучший уголь въ избѣ. О ней заботятся какъ нельзя больше. Несмотря на все это, народъ здѣсь очень здоровъ и долговѣченъ. Старики въ сто лѣтъ не диво, а наканунѣ нашего пріѣзда въ деревнѣ Нелобѣ умерла, по мѣстнымъ показаніямъ, самая несомнѣнная дѣвица 132 лѣтъ. Когда мы проѣзжали мимо озера, тамъ на лодченкахъ, выдолбленныхъ — каждая изъ одной маленькой колоды — ловили рыбу старые сѣдые крестьяне. Вонъ одинъ гребетъ весломъ-двойникомъ. Сѣдой какъ лунь — а работаетъ живо.

— Ему вотъ больше ста лѣтъ, а смотрите: самъ на себя трудится.

— Андрей?... закричали ему.

Тотъ снялъ картузь, воззрися на берегъ.

— Чего?

— Скоро-ль помирать-то будешь... Пора?

— А во еще годковъ двадцать проживу... У меня кость крѣпка.

У этого Андрея оказалось дѣтей, внуковъ и правнуковъ болѣе шестидесяти человѣкъ, а онъ преспокойно самъ себѣ вылавливаетъ рыбу изъ озера, бойко подвигаясь по его спокойной глади въ скорлупѣ-душегубкѣ и такъ живо работая весломъ, какъ и молодому человѣку дай Богъ.

— Мы помирать еще не согласны, смѣялся онъ. — Насъ смертушка позабыла. Мимо шла и прозѣвала... Вотъ мы какъ.

И зубы во рту всё, а вышелъ на берегъ и выпрямился. Видимо старость не могла согнуть этого еще крѣпкаго организма.

— Онъ, вотъ, еще и жениться хочетъ, да нельзя, оказалось, по закону...

— Отчего не жениться, — недовольно заговорилъ старикъ... Это развѣ законъ, это не Божій законъ, а такъ себѣ, — судіи земные его выдумали... Богъ-отъ что сказалъ: не добро быти человѣку единому. А мы выше Бога быть хотимъ. Да мнѣ что, я и на законъ не погляжу. Возьму любую дѣвку; за меня всякая пойдетъ... Что со мной со старикомъ законъ сдѣлаетъ? Сослать меня нельзя...

— Никто за тебя не пойдетъ, вмѣшался мой спутникъ.

— За меня-то... Нѣтъ, ваше благородіе, за меня-то всякая... Не то что пойдутъ, побѣгутъ. Чѣмъ я не женихъ? И дѣтки еще будутъ. Я до восьмидесяти лѣтъ не зналъ что такое и болѣзнь значить. Николи боленъ не былъ... Только теперь вотъ, когда холодно, такъ ноги жалятся... тоскуютъ ноги-то, да и это пустое совсѣмъ.

LXIV.

Храмъ Бессемера и таинство претворенія.

Въ Нижнюю Салду мы приѣхали съ цѣлью посмотрѣть храмъ Бессемера. Иначе я не знаю, какъ и назвать это грандіозное производство, дѣйствующее одинаково и на умъ, и на воображеніе непривычнаго человѣка. Тутъ, именно, техническое дѣло принимаетъ сказочные размѣры, а внѣшняя обстановка его такова, что можно вообразить себя скорѣе въ какомъ нибудь таинственномъ древнемъ капищѣ, чѣмъ въ современномъ заводѣ. Изъ моего описанія читатель усмотритъ, до чего здѣсь все громадно и эффектно. Я въ первый разъ былъ потрясенъ, именно, внѣшнею обстановкой заводскаго дѣла, его картиной, его художественнымъ цѣлымъ.

Бессемеровское отдѣленіе начинается громадною домной.

Это — какое-то вавилонское сооруженіе. Одна сторона его — громадная, цѣльная сланцевая скала, заложенная сверху и съ остальныхъ трехъ сторонъ кирпичами. Массивная башня-печь, съ отверстіемъ въ родѣ воротъ, давить васъ, когда вы стоите около, — до того ея размѣры велики и общій видъ внушительнъ. Рядомъ — входъ въ

«мѣховню». Тутъ громадныя цилиндры сгоняють сжатый воздухъ въ колоссальныя вмѣстилища-регуляторы, оттуда онъ рвется съ оглушающимъ шумомъ въ раскаленные чугунныя котлы съ расплавленнымъ металломъ. «Мѣховня» содержится чрезвычайно чисто. Это, собственно, двѣ громадныя залы, въ одной изъ которыхъ съ стихійнымъ шумомъ вращаются турбины и еще громче работаютъ вверху чудовищныя маховики. Кажется, что васъ самихъ подхватываетъ какой-то вихрь и уноситъ Богъ знаетъ куда. Воздухъ свищетъ въ ушахъ, что-то грохочетъ надъ головою, точно на васъ падаютъ сверху колоссальныя молоты, которые, разумѣется, были бы не-подъ-силу самому Вулкану. Глухіе удары врываются порою въ это царство оглушительныхъ звуковъ и вся эта «музыка труда», въ концѣ концовъ, доводитъ посѣтителя до того, что онъ, теряя сознание, не понимаетъ, что дѣлается кругомъ. Вмѣстилища сжатого воздуха наверху пугаютъ своими размѣрами. Какіе-то массивныя чугунныя организмы дышатъ, свистятъ и ревуть передъ вами, надъ вами и за вами. Громадное чугунное колесо съ страшною силою вращается около — вотъ-вотъ подхватитъ васъ и въ пыль изотретъ въ одно мгновеніе; громадныя приводы отъ него, во всѣ стороны, кажутся цѣпкими лапами какого-то желѣзнаго чудовища. И оно не одно — за нимъ другое, третье... Цѣлый сказочный міръ фантастическихъ существъ, выкованныхъ изъ металла и одаренныхъ стихійною жизнью. И въ то время, какъ всѣ они надъ вами и рядомъ работаютъ во всю силу своихъ желѣзныхъ легкихъ, разгоняя вмѣсто крови воздухъ по безчисленнымъ стальнымъ жиламъ, внизу тоже идетъ работа: тамъ подъ тонкимъ поломъ гремятъ, пыхтятъ, хрипятъ невидимыя уже легіоны еще болѣе сказочныхъ, прикованныхъ къ массивнымъ стѣнамъ, су-

ществъ, совершающихъ въ вѣчномъ мракѣ свое непонятное для непосвященнаго дѣло... Съ ревомъ воздухъ стремится по трубамъ, продѣланнымъ въ стѣнахъ, звенятъ и визжать желѣзныя цѣпи, пробѣгая по какимъ-то орбитамъ, грохочетъ и точно всѣхъ ихъ старается перекричать паровая машина и, въ концѣ концовъ, голова ваша трещитъ отъ боли, въ ушахъ покалываетъ, — и не знаешь, какъ бы поскорѣе выбраться изъ этого отдѣленія... Вамъ что-то говорятъ ваши спутники, вы ихъ не слышите, сами вы кричите имъ и они тоже не различаютъ вашего голоса въ этой стихійной ораторіи, которую нужно слушать за версту, чтобы понять прелесть пресловутой музыки заводскаго труда... Наконецъ, вы выходите, точно изъ жерла вулкана, на воздухъ, гдѣ опять вамъ становятся доступны и звуки, и краски, и впечатлѣнія земли.

— Что, оглушило? улыбаясь спрашиваютъ васъ.

Въ самомъ дѣлѣ, современный міръ переросъ древность въ грандіозности представленій. Что греческія кузницы бога Вулкана рядомъ съ этими сравнительно небольшими капищами литейнаго дѣла!..

Вотъ, наконецъ, и главный храмъ Бессемера.

Громадная желѣзная пещера. Потолокъ и полъ изъ желѣзныхъ плитъ, по бокамъ толстая крѣпостная каменная кладка... Размѣры такъ велики, что, вступая сюда, кажешься самъ себѣ какимъ-то муравьемъ... Въ стѣнахъ каменные выводныя трубы, четырехугольныя, съ нишами въ родѣ каедры католическихъ проповѣдниковъ. Все грандіозно, какъ во храмѣ, и мрачно, какъ въ языческомъ капищѣ невидимаго, но страшнаго бога. Въ глубинѣ капища, за трубами, двѣ отражательныя печи, гдѣ сваривается желѣзо, когда домна стоитъ. У самыхъ трубъ точно висятъ въ воздухѣ гигантскія желѣзныя реторты,

въ каждой изъ которыхъ помѣщается по пятисотъ пудовъ металла; прямо въ серединѣ — такихъ же внушительныхъ размѣровъ ковши, надъ цѣлымъ рядомъ формъ, расположенныхъ полукругомъ. Въ эти формы отливается желѣзная болванка. Ближе трубъ, направо и налѣво, два чудовищныхъ желѣзныхъ крана, саженъ по десяти въ вышину каждый. Внутри капища темно. Только тамъ, гдѣ ковши — подъ ними, точно жертвенный, горитъ краснымъ блескомъ огонь очаговъ, раскаливающихъ ковши. У передней стѣны, гдѣ собрались мы, — родъ каѳедры. На ней главный жрецъ этого храма — распорядитель. Отъ него желѣзные рычаги во всѣ стороны, — они теряются во мракѣ. Онъ одинъ ведетъ дѣло, точно на клавишахъ играетъ на нихъ...

Мракъ густится и вверху... тяжелый мракъ, въ которомъ глазъ почему-то упорно отыскиваетъ таинственныхъ очертаній и силуэтовъ... Вотъ изъ ретортъ, обращенныхъ пастями вверхъ, рванулось туда пламя, но — безсильное разогнать этотъ мракъ — погасло опять... Рванулось еще и опять упало... Скоро оно уже горѣло изъ этихъ пастей ровнымъ краснымъ блескомъ... Не успѣли мы еще приглядѣться ко всей этой непривычной обстановкѣ бессемеровскаго капища, какъ главный жрецъ его тронулъ какой-то рычагъ, и разомъ, съ злобнымъ свистомъ и раздраженнымъ шипѣніемъ, масса пару, скопившаяся въ машинѣ, вырвалась наружу, окутавъ сѣрыми клубами и жертвенные огни подъ ковшами, и горящія пасти ретортъ, кроважно раскрытыя во мракѣ этого храма. Точно праздная свое освобожденіе изъ желѣзныхъ объятій, паръ всколыхался вдоль стѣнъ и поднялся во мракъ, наверхъ. Мракъ будто ждалъ этого: онъ разомъ проглотилъ сѣрые клубы пара, и въ капищѣ вновь, все стало спокойно и

неподвижно, только медленно колыхалось пламя, да из реторты слышалось зловѣщее клокотаніе...

Наконецъ, наступилъ торжественный моментъ священнодѣйствія.

Чугунъ сварился въ отражательныхъ печахъ. Какіе-то таинственные алхимики выдвинулись изъ мрака, гдѣ я и не предполагалъ ихъ существованія. Они передвинули желѣзный ковшъ къ отражательной печи — и вдругъ въ черной пещерѣ этого капища разомъ стало свѣтло... Чугунъ яркою струей льется въ колоссальный ковшъ. Силуэты рабочихъ показались въ углахъ кипища, красный отблескъ прорвался вверхъ подъ крышу... Между двумя отражательными печами устроена платформа, обрывающаяся внизъ, гдѣ подставленъ жолобъ. Ковшъ съ жидкимъ чугуномъ какимъ-то механизмомъ передвинуло на эту платформу. Безмолвно, издали, одною игрою на рычагахъ, главный жрецъ наклонилъ ковшъ надъ жолобомъ и жидкое пламя металла красивою дугой сверкнуло въ воздухъ. Только расплавленный чугунъ коснулся зѣва металлическаго жолоба, какъ въ сумракѣ храма громаднымъ вѣромъ раскинулись безчисленные золотыя звѣзды, все гуще и гуще взрывавшіяся оттуда... Звѣзды эти искрились, трепетали, вздрагивали, играли своими золотыми радіусами, разбрасывались и вращались. Казалось, что каждая изъ нихъ обладала своею собственною жизнью, своимъ собственнымъ движеніемъ. Ослѣпительный фонтанъ метеоровъ занялъ весь квадратный фонъ между двумя громадными трубами, чаруя глаза невиданною красотою... Викторъ Гюго, при видѣ этого, нарисовалъ бы поразительно грандіозную картину рожденія звѣздъ и планетъ изъ общей стихійной жидкости, и дѣйствительно, намъ казалось, что она выбрасывала во мракъ міриады солнць, уносившихся куда-то далеко, далеко...

Наконецъ, чугуно перелить... Звѣзды погасли или утонули во мракѣ... Главный жрецъ дотрогивается до другого рычага. Одна изъ висящихъ въ воздухѣ ретортъ медлительно и мощно опрокидывается внизъ, подставляя свою дышащую пламенемъ жадную пасть къ жолобу... Намъ кажется, что эта сказочно-грандіозная реторта и есть божество желѣзнаго капища. Она раскрыла свой огненный зѣвъ за приготовленную для нея жертвой. Тихо изъ жолоба расплавленный металлъ льется въ эту пасть... Наконецъ, жолоба опустѣли и отодвинулись, реторта грузно поворачивается на своихъ невидимыхъ шарнирахъ, опять пастью кверху. Въ то время какъ реторта, проглотившая пятьсотъ пудовъ расплавленнаго въ жидкость чугуна, поворачивалась устьемъ вверхъ, изъ него рвался громадный столбъ пламени, занимавшій плоскость, по крайней мѣрѣ, въ пятьдесятъ квадратныхъ сажень. Пламя разсыпалось несравненно и неопишуемою массою бриллиантовыхъ, трепещущихъ искръ, изумрудныхъ и рубиновыхъ метеоровъ. Сообразно круговому движенію пасти, они составляли громадную дугу — цѣлый млечный путь уносящихся въ пространство звѣздъ... Наконецъ, пасть реторты повернулась совсѣмъ. Столбъ пламени изъ нея направился въ трубу съ глухимъ, но всѣ остальные звуки покрывающимъ грохотомъ.

Главный жрецъ все также безмолвно коснулся какого-то новаго рычага.

Свистъ внезапно вырвавагося изъ заточенія сжатаго воздуха. Струи его бѣшено стремятся сквозь фурмы внутрь реторты... Точно пламя — врагъ этому воздуху, точно воздухъ давно искалъ его и теперь съ безумнымъ остервененіемъ рвется къ нему, чтобы начать свою вѣковую борьбу. Сжатый воздухъ, проходя сквозь расплавленную жидкость чугуна, совершаетъ въ огненномъ чревѣ реторты

химическое измѣненіе металла. Углеродъ чугуна отъ этого сгораетъ и чугунонъ обращается или въ желѣзо, или въ сталь. При бессемерованіи именно въ сталь. Чтобы угадать моментъ, когда это совершится, распорядитель (главный жрецъ бессемеровскаго капища) смотритъ въ спектроскопъ на пламя, вырывающееся изъ реторты. Спектроскопъ устроенъ въ зрительной трубкѣ. Сначала, въ спектрѣ на красномъ появляется золотая черточка никкеля, затѣмъ въ зеленомъ три черныя черточки углерода, въ видѣ ширмочекъ. По мѣрѣ того, какъ углеродъ сжигается — черныя черточки слабѣютъ... Изъ реторты столбъ пламени выкидываетъ порою цѣлыя вѣра изумрудныхъ и брилліантовыхъ звѣздъ, съ злымъ шипѣніемъ пронизывающихъ тяжелый мракъ. Позади реторты — тоже мракъ; въ немъ едва-едва намѣчающіеся двигаются темныя силуэты рабочихъ... Черная ночь съ пристальнымъ любопытствомъ смотритъ въ окна на таинства, совершающіяся здѣсь... Чѣмъ дальше, тѣмъ впечатлѣнія становятся сильнѣе и сильнѣе. Дѣйствительно, начинаешь вѣрить, что въ этомъ капищѣ, поставленномъ изъ чугуна, желѣза и камня, среди раскаленныхъ печей — невидимо присутствующій духъ Бессемера совершаетъ чудесное таинство претворенія чугуна въ сталь, понятное только одному главному жрецу, безмолвно совершающему свои величавыя обряды...

Наконецъ, таинство совершилось. Въ спектроскопѣ черныя черточки углерода мало-по-малу пропадаютъ... Жрецъ касается какого-то рычага и громадная реторта, этотъ чугунный желудокъ, переварившій металлъ, медленно опрокидывается пылающею пастью, выкидывая опять цѣлыя огненные фонтаны, золотыя брызги которыхъ сыплются щедро и на стѣны, и на полъ капища. Раскаленный предварительно ковшъ медленно повертывается къ огнедыша-

щему жерлу реторты. Она еще ниже опрокидывается и льетъ въ ковшъ ослѣпительно бѣлое молоко, какую-то совсѣмъ солнечную жидкость. Тутъ уже нѣтъ золотыхъ звѣздъ, отсюда сыплются безчисленныя искры драгоценныхъ камней... Выпустивъ желѣзо и какъ будто бы въ конецъ обезсилѣвъ, реторта совсѣмъ кувьркается пастью внизъ и изъ нея — сквозь фурмы, воздухъ выдуваетъ всякій соръ. Особый механизмъ, покорный тому же главному жрецу, подымаетъ ковшъ съ спѣлою сталью вверхъ, повертываетъ его надъ формами, расположенными полукругомъ. На днѣ ковша внезапно открывается отверстіе. Та же солнечная жидкость льется по очереди въ формы, наполняя ихъ. Когда ковшъ совершитъ это полукруговое движеніе, всѣ формы оказываются уже готовыми. Ихъ засыпаютъ сверху пескомъ...

— Кто бы могъ подумать, говорить мнѣ мой проводникъ: — лѣтъ пятнадцать тому назадъ, что желѣзо, до сихъ поръ въ твердомъ раскаленномъ видѣ выбивавшееся молотами изъ чугуна, можетъ быть обращено въ молоко?..

Я не отвѣчаю ничего... Интересъ дѣла еще не ослабѣваетъ. Сквозь песокъ, которымъ забросали формы, кипящая масса желѣза сотнями огненныхъ языковъ прорывается вверхъ и выкидываетъ въ мракъ массы яркихъ брызгъ. Въ ней теперь до 3,000° жару... Когда изъ ковша все желѣзо выпущено, его повертываютъ и выбрасываютъ плававшіе въ жидкости шлаки. Ихъ не забрасываютъ землей. Имъ даютъ кипѣть спокойно.

— Точно супъ на очагѣ булькаетъ.

Супъ этотъ кипитъ довольно долго, не охладѣвая. Масса жидкаго шлака пузырится, выбрасываетъ клочки пламени. Золотые отблески его становятся оранжевыми, оранжевые — красными, красные — темнѣютъ и переходятъ

въ синій и, наконецъ, шлакъ устало подергивается пленкой, точно кошачій глазъ... Самый ковшъ уже отведенъ рычагомъ въ сторону и опрокинуть, показывая вамъ свое раскаленное дно... Но таинство еще не окончено. Загадочно неподвижные, колоссальныя гидравлическіе краны, каждый изъ которыхъ можетъ какъ пушинку поднять тысячу пудовъ, должны выступить на сцену... Пока они еще молчатъ, ожидая своей очереди, въ раскаленное дно ковша направляется струя воды. Съ громкимъ шипѣніемъ цѣлыя клубы пару взрываются вверхъ оттуда.

Желѣзо въ формахъ окончательно поспѣло. Стѣнки ихъ отнимаются и въ капищѣ оказываются восемь столбовъ раскаленнаго металла. Снаружи онъ уже отвердѣлъ, внутри еще жидокъ. Наступаетъ моментъ, когда гидравлическіе краны, точно чудовищныя хоботы невидимыхъ слоновъ, медленно повертываются къ этимъ столбамъ. Тихо развиваются громадныя цѣпи... Два раскаленные желѣзные столба схватываются ими и отбрасываются въ сторону на рельсовую платформу. Четыре раза повторяется это и — все кончено. Таинство совершено, храмъ пока пустѣетъ и главный жрецъ, сходя со своей каедры, оказывается веселымъ малымъ въ кожаной курткѣ, раскатистый смѣхъ котораго носится подъ кровлей замолкшаго капища... Веселый водевиль слѣдуетъ за важною и мрачною трагедіей. На сцену появляется шведскій пуншъ и мы, чокаясь стаканами, повторяемъ:

— Минъ сколь, динъ сколь, алла вакра фликорсъ сколь!
(Мое здоровье, твое здоровье и за всѣхъ красивыхъ дѣвушекъ).

Шведская здравица приходится какъ нельзя больше по душѣ г. Вальстеду.

— Красивыхъ-то дѣвушекъ и нѣтъ! глубокомысленно замѣчаетъ кто-то, переводя этотъ тостъ.

— Онѣ подразумеваются.

— Вотъ красивый дѣвушка! упираетъ главный жрецъ пальцемъ въ кривого рабочаго съ обожженной вихрастою бородой и узловатыми цѣпкими руками. Твой здоровъ!...

— Коли мое здоровье, такъ и мнѣ выпить слѣдуетъ.

— Это ганць справедливъ! замѣчаетъ нѣмецъ весело...

— Тысячу лѣтъ здравствовать! и рабочій съ наслажденіемъ опрокидываетъ въ себя стаканъ съ господскимъ виномъ... Скусно... А только не забираетъ. Силы въ емъ нѣтъ...

Мы выходимъ, и черная холодная ночь охватываетъ насъ... Далеко мигаютъ огоньки селенія. Вверху ни одной звѣздочки — все заволкли тучи... Влажный воздухъ точно весь изъ какой-то дождевой пыли... Мы идемъ по дорогѣ, спотыкаясь на каждомъ шагу.

— Этотъ бессемеровскій храмъ, какъ вы выражаетесь, замѣчаютъ мнѣ, ежедневно можетъ приготавливать, такимъ образомъ, до 4,000 пудовъ желѣза или около полутора милліоновъ пудовъ въ годъ...

Здѣсь считаютъ, какъ видите, весьма крупно...

LXV.

Бунтъ изъ-за рабочей книжки.

Здѣсь именно разгорѣлся всего ярче одинъ изъ эпизодовъ, давно забытый всѣми, именно — бунтъ изъ-за рабочихъ книжекъ. Я уже рассказывалъ, какъ остроумный, бившій на «популярныя» выраженія посредникъ хотѣлъ прибить рабочаго къ заводу «золотымъ гвоздемъ». Народъ началъ-было собираться, рабочіе стакнулись не идти на работу, заводоуправленіе отвѣтило тѣмъ, что прекратило дѣйствіе печей; остановило рудники. Если запрещены стачки, то также слѣдовало бы запретить и произвольное закрытіе заводовъ. Тамъ, гдѣ управляющіе были потолковѣе, какъ, на примѣръ, въ Черноисточинскѣ, рабочія книжки подписывались безъ всякаго шума. Въ Салдѣ дѣло дошло до того, что народъ стоялъ на колѣняхъ цѣлый день, а Колмогоровъ, управляющій, вмѣсто всякихъ объясненій, въ чемъ дѣло, ходилъ себѣ передъ нимъ съ чашкой чаю въ рукахъ да посмѣивался. Никто не хотѣлъ толково рассказать крестьянамъ, въ чемъ дѣло. Рабочіе бродили, какъ ошалѣлые. Придутъ къ мировому, у того надпись: «составъ не даю». Бросятся къ священнику, тотъ только

тяжко вздыхаетъ да увѣщаетъ народъ, что «нѣсть начальства, аще не отъ Бога», или: «Господь наказуетъ строптивыхъ». Недоумѣніе распространяется еще больше, распространяется слухъ, что народъ хотятъ опять поворотить въ крѣпостные.

Въ концѣ-концовъ объяснилось, что, кромѣ пресловутаго золотого гвоздя, здѣсь еще было не мало поводовъ къ волненіямъ. Въ рабочихъ книжкахъ крестьяне названы заводскими мастеровыми, слѣдовательно, являлась громадная разница въ надѣлѣ ихъ земель. Въ сущности, такимъ образомъ весь золотой гвоздь сводился къ вопросу о надѣлѣ. «Этакъ, пожалуй, насъ, по-прежнему, сдѣлаютъ каторжными рабочими!» — говорили тагильцы.

— Что это еще за каторжные.

— Были тоже у насъ. За весь день они получали на все семнадцать копѣекъ. Дошли отъ голоду.

Заводуправленія, вообще, всюду, гдѣ только могли, тормозили надѣлы. Нѣкоторые доходили до того, что запряжали пашни; рабочій, видите ли, имѣющій пашню — выходитъ изъ-подъ ига, какъ человѣкъ уже обеспеченный. Администрація заводовъ хотѣла, прежде всего, обезземелить крестьянъ, прикрываясь недостаткомъ лѣса для производства, а, въ сущности, не отдавая и безлѣсныхъ плохія земли, потому что тамъ могли оказаться руды и росыпи. Отводить же земли безъ руды — противорѣчить принципу землевладѣнія. Жадность заводуправленія, въ этомъ отношеніи, была непонятна еще и потому, что оно и свои-то рудники разрабатываетъ только наполовину, не пользуясь вовсе другими. Очевидно, владѣльцы забыли, что они — не хозяева своей земли. Посессіонное право давало имъ землю не въ собственность, а въ пользованіе. Правительство имъ этой земли не дарило вовсе, а отво-

дило для разработки пропадавших втунѣ богатствъ. Что же касается высказаннаго въ началѣ нашей статьи опасенія заводоуправленій, что крестьяне вырубятъ свои лѣса, то, во всякомъ случаѣ, они не сдѣлаютъ этого въ столь грандіозныхъ размѣрахъ, въ какихъ продѣлалъ эту операцію одинъ русскій князь, сбывшій громадныя лѣсныя площади французской компаніи...

Когда мы уѣзжали изъ Салды, солнце свѣтило во всю. Свѣжій осенній вѣтеръ колыхалъ пожелтѣвшіе листья деревьевъ. Красивые холмы тѣснились вокругъ глубокихъ долинъ, гдѣ шумно змѣнились чистыя уральскія рѣки... Золотымъ дномъ казался весь этотъ край, съ его неисчерпаемыми богатствами, — золотымъ дномъ, гдѣ, все-таки, ухитрились довести населеніе чуть не до голодовокъ. Хищнически разрабатываются здѣсь сокровища, глубоко сокрытыя въ нѣдрахъ земныхъ; миллионы, добытые такимъ образомъ, праздно разбрасываются на вѣтеръ... И жаль становится этихъ заброшенныхъ крестьянъ, больно за захолустья, гдѣ въ вѣчной нуждѣ своей бьется до кроваваго пота рабочій, не зная сегодня, будетъ ли онъ сытъ завтра!..

ОГЛАВЛЕНИЕ.

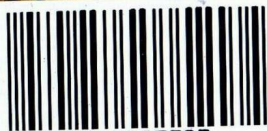
	СТР.
I. Лоцманъ Терентій	3
II. Бичъ лѣсовъ	15
III. Старательница	21
IV. Вѣчный лѣсовикъ	34
V. Въ виду Лаишева	46
VI. Опять лѣса	58
VII. За Елабугой	67
VIII. Челны и Пьяный-Боръ. — Крестьянскій ворогъ — удѣль. — Прикамскія пустыни. — Рѣка Икъ и иковцы. — Преданіе о Ермакѣ	73
IX. Прикамская пустыня. — Устье Бѣлой. — Опять Ермакъ. — Каракулино. — Одинъ изъ Кулибиныхъ	89
X. Казенный заводъ въ приданое. — Заказы въ Германіи. — Воткинскій миллионеръ. — Истребители лѣсовъ. — Арестант- скіе пароходы	105
XI. Судьба грамотнаго рабочаго. — Земскіе дѣятели. — Сѣвер- ная ночь. — Какъ турку невѣрную купецъ окрестилъ	122
XII. Пермь. — Козій Загонъ. — Жертвоприношеніе Богу. — Въ театрѣ. — Купецъ 1-й гильдіи въ роли медвѣдя и пермскій первобытный человѣкъ	132
XIII. Вверхъ по Камѣ. — Пароходы Житкова. — Мотовилиха. — Баба кавалерія. — Мѣловыя Столбища. — Какъ министръ знакомился съ мѣстными нуждами. — Камнетесы и медвѣди.— Мѣстный кредитъ. — Опять лѣсоистребленіе	142

	СТР.
XIV. Послѣдніе бурлаки. — Крестьянская бѣда. — Разоренный край	159
XV. Усолье. — Дроворубы. — Люди на скотской работѣ. — Любимовское заведеніе. — Газовыя и дровяныя солеварни. — Графы Шуваловы и Строгановы. — Договорныя книжки. — Какъ кулаки обходятъ рабочаго человѣка. — Озвѣрвшіе люди	170
XVI. Общіе обороты солеваренія. — Рабочія цѣны. — Соляная баба. — Грузилицы и лямщицы. — Шуваловскія солеварни	192
XVII. По захоластью. — Картины Закамья. — Свинья съ бакенбардами. — Романово. — Яйва. — Почему баба дешева стала. — Глухіе поселки. — Уралъ	205
XVIII. Кизель	215
XIX. Армьевскій рудникъ	225
XX. Домна	237
XXI. Огненные змѣи и желѣзные люди. — Производство завода	247
XXII. Въ каменноугольныхъ копанияхъ. — Петербургскій чиновникъ. — Шахты	260
XXIII. Попъ-охотникъ, попъ-механикъ, попъ-капельмейстеръ	269
XXIV. Ироды недавняго прошлаго	277
XXV. Рабочій на заводѣ и на прискахъ	287
XXVI. Поѣздка въ Луньву	320
XXVII. Угольная копъ	330
XXVIII. Коксовыя печи	338
XXIX. Нашествіе иноплеменныхъ. — Французскій годъ	347
XXX. Александровскій заводъ	357
XXXI. Шабурное. — Заводъ голодный.	369
XXXII. Косва. — Бѣлый Спай и Бассеги. — Картина Урала. — Какъ Ермакъ волшебныхъ людей въ камень вогналъ. — Золотой и желѣзный гвозди. — Р. Няръ и Ермачки. — Метаморфозы Ермачка разбойнаго. — Лѣсопишня. — Какъ Никита Демидовъ потопилъ бродягъ въ подземельѣ	374
XXXIII. Въ душегубкахъ. — Береговые промыслы. — Орѣшники. — Люди съ желѣзными когтями. — Баба за мужика. — Наканунный порокъ, или какъ начальство бунтовало на Косвѣ. — Камскій переборъ. — Р. Ершовка. — Чортово городище. — Какъ Ермачекъ сжегъ себя въ деревянномъ срубѣ. — Воспоминанія о Строгановѣ	393
XXXIV. Путь до Троицкаго рудника. — Рабочій адъ. — Горы: Кузвинская, Гусь. — Невѣдомое племя	406

XXXV.	Троицкій рудникъ. — Уральская пустыня. — Лѣсовики и бѣглецы. — Какъ Лазаревы, Всеволожскіе и Демидовы новыя села основывали. — Рудникъ. — Громадныя богатства его. — Осянка. — Какъ пьяница совладалъ съ чортомъ. — Причины пьянства. — Возвращеніе назадъ въ Няръ	413
XXXVI.	Отъ Няра до Губахъ по безлюдью. — Картины берега. — Губаха. — Первый лѣсопромышленникъ	431
XXXVII.	По низовьямъ Косьвы. — Хлѣбопашество. — Косьвинскія бабы. — Мѣстное преданіе о бабѣ-разбойницѣ	444
XXXVIII.	Село Пермское (Никольское тожъ). — Бабы на рыбной ловлѣ. — Привилегированная птица. — Село Филагино. — Свободная любовь. — Неплательщики	455
XXXIX.	Въ устьяхъ Косьвы	466
XL.	Изъ исторіи недавняго прошлаго. — Освобожденіе ли крестьянъ повредило заводамъ? — Долги и истребленіе лѣсовъ. — Лѣсничій и заводоуправленія	473
XLI.	Возвращеніе на Каму. — Чермозскій заводъ. — Старо-Екатерининскій каналъ. — Изъ недавняго прошлаго	487
XLII.	Отъ Перми до Кунгура	501
XLIII.	Кунгуръ	511
XLIV.	Отъ Кунгура до Суксунской горы	521
XLV.	Отъ Суксуна до Ачинской	527
XLVI.	Отъ Ачинской до Бисерти	533
XLVII.	Отъ Бисерти до Киргишана	538
XLVIII.	Отъ Киргишанской до Грбовской	544
XLIX.	Отъ Грбовской до Билимбая	556
L.	Отъ Билимбая до Екатеринбургa	560
LI. *)	Почему иногда рубятъ лѣса. Пьянствующие и буйствующие. Козырные тузы Екатеринбургa. Недавнее прошлое чиновникъ на цѣпи и нѣмецъ въ колодцѣ. Свинья у позорнаго столба и казнь пѣтуха. Какъ составлялись богатства. Золотая крупка. Обманутые жандармы. Перепутавшіеся Лекоки. Рабочій адъ	565
LII.	Старатели. Старательская работа, лѣсная глушь. Гранитная фабрика. Артисты и ремесленники. Обсерваторія и ноень ковчегъ. Фабрика Гоббарта. Цѣна крови, хитроумные Улисы	579
LIII.	Березовскій приискъ. Старообрядческія села. Казенныя	

*) По недосмотру, вм. LII, и ... (Недосмотр начался еще со стр. 215 - прим. оцифр.)

	СТР.
	управленія. Рабочія платы. Продажа присковъ въ частныя руки 595
LIII.	Е. И. Жмаевъ — золотоискатель. Заводскіе рабочіе. Подъ землей 604
LIV.	Колыбель миллионовъ. Лѣсныя бабы и высѣченный купи- донъ. На земляныхъ работахъ. Желѣзно-дорожный городокъ 617
LVI.	Верхъ-Нейвинскъ. Трудно кормиться. Золотое и желѣзное дѣло. Порядки на Чусовой. Сухая гора. Семь братьевъ 630
LVII.	Глушь. Рудянка. Какъ дѣлались двоеженцами. Какъ вѣн- чали съ мертвецами. Село Шуралинской. Старатели. Зо- лотое дно. Невьянскъ. Какая земля. Истребленные лѣса 646
LVIII.	Падающая башня Невьянска. Какъ Демидовъ чеканилъ въ ней серебряные рубли. Мѣстные компрачикосы 657
LIX.	Золотое дно. Болоткомчевскій и Быньговскій приски. — Коннозаводская баба. Рогожинъ 674
LX.	Уральская ночь. Земля безъ шубы. Тагиль обороты за- водовъ. Прекращеніе корреспондентовъ. Музыка труда. До- бродѣтели желѣзнаго и пороки золотаго дѣла. Плотины 686
LXI.	На Выйскомъ заводѣ 696
LXII.	Народъ въ Тагиль 704
LXIII.	Салда. Ермаковъ лѣсъ. Раздробленіе заводскаго хозяйства. Желѣзная и золотая деревни. Неплательщики. Птицы — золотое перо. Верхняя Салда. Зобатые люди, микроце- фалы. Ариды и Маусаилы 726
LXIV.	Храмъ Бессемера и таинство претворенія 738
LXV.	Бунтъ изъ-за рабочей книжки 748

2007097535

ОПЕЧАТКИ

<i>Страница:</i>	<i>строка:</i>	<i>напечатано:</i>	<i>читай:</i>
19	6	дасть	дееть
20	3	Какіе казенные?	какой казенный
29	13	самъ	сама
33	3	назади	позади
37	13	несовмѣстимое	несосвѣтливое
44	15	плотно	плотн
47	6	токъ	такъ
52	2	царяна	царане
64	4	возьми ѿ	возьми-ко
68	8	пароходѣ	пароходъ
73	5	во всё	во снѣ
74	2	левиофанъ	левиафанъ
75	6	умомъ	ухомъ
75	15	левиофанъ	левиафанъ
81	7	въ Елабужскомъ	съ Елабужскимъ
114	12	несовмѣстимая	несосвѣтливая
131	4	Юнуса	Юнуска
—	8	его	ею
143	11	отрывается	открывается
202	3	десять	двѣсти
205	10	сожженныхъ	сожженные
293	14	бурной	бурой
314	8	грудно	грудю
359	1	короба	коробъ
379	10	трескотъ	стрекотъ
—	3	стальныхъ	остальныхъ
512	15	дурная	душная
516	10	Всѣ	Всю
517	9	мнѣ и	мнѣ такъ и
522	8	помолись	молились
565	1	XLXIII	LII
643	1	каменья	каменьемъ
656	1	дѣлами	дѣнами
726	1	LX	LXIV
